НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Вестник

ВОРОНЕЖСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ВЫХОДИТ 2 РАЗА В ГОД

• СЕРИЯ: ФИЛОЛОГИЯ. ЖУРНАЛИСТИКА. 2008, № 1 •

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛ	ОЛОГИЯ	5
	Азиз Тахсин Раззак	
	НАИМЕНОВАНИЯ ОДЕЖДЫ В ПРОЗЕ А. П. ЧЕХОВА	
	ГЛАЗАМИ СОВРЕМЕННОГО МОЛОДОГО ЧИТАТЕЛЯ (ПО ДАННЫМ ЭКСПЕРИМЕНТА)	5
	Н.В. Аниськина	
	ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ	
	ДИСКУРСИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ-ФИЛОЛОГОВ	8
	Е.М. Балдина	
	СТИЛЕВОЙ БУНТ «МОЛОДЕЖНОЙ ПРОЗЫ» 1960-Х ГГ. И ТРАДИЦИИ РУССКОЙ СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	13
	М.А. Васильева	
	П.М. БИЦИЛЛИ И Д.И. ЧИЖЕВСКИЙ: К ИСТОРИИ ОДНОГО «ЗАОЧНОГО» ДИАЛОГА	18
	М.А. Воскресенская	
	СИМВОЛИСТСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК	25
	В.Н. Гуреев	
	ФОРМИРОВАНИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КОНЦЕПЦИИ ЧЕЛОВЕКА В ПОЗДНИЙ СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД	31
	Т.В. Дробышева ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ В ГЕНДЕРНОМ АСПЕКТЕ	2.4
		34
	О.В. Журчева ОСОБЕННОСТИ АВТОРСКОГО И ДРАМАТУРГИЧЕСКОГО СЛОВА В ПЬЕСЕ Н. ЭРДМАНА «САМОУБИЙЦА»	20
	·	. 38
	Т.И. Зайцева МИР ДЕТСТВА В СОВРЕМЕННОЙ УДМУРТСКОЙ ПРОЗЕ	42
	мир детства в современной удмуртской прозе	42
	РУССКАЯ ПРОЗА 1850-Х ГОДОВ: МОДЕЛИРОВАНИЕ ПРОЦЕССОВ СЕМИОЗИСА	16
	К. Калеел Ахмед	40
	К. Калеел Ахмед КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ	
	ТРАНСФОРМАЦИЙ УСТОЙЧИВЫХ ВЫРАЖЕНИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ «НОВОЙ ГАЗЕТЫ»)	55
	Е.Л. Калинина	
	ПРОБЛЕМА КОНЦЕПТУАЛЬНОГО СОДЕРЖАНИЯ СУБСТРАТНЫХ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ИМЕН	58
	Л.А. Карякина	
	ЧЕЛОВЕК И ВОЙНА В РОМАНЕ А. НОВИКОВА «РАТНЫЕ ПОДВИГИ ПРОСТАКОВ»	
	И В ПОВЕСТИ А. ПЛАТОНОВА «СОКРОВЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК»	61
	Г.Л. Ковальчук	
	ТЕЛЕВИЗИОННАЯ РЕЧЬ: ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ	67
	С.В. Колтакова	
	НАЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА СЕМАНТИКИ ТЕМАТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «ТРУД»	
	В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ	72
	Е.В. Мерекина	
	ОППОЗИЦИЯ СВОЙ-ЧУЖОЙ (НА МАТЕРИАЛЕ ЛЕКСИКИ ЭВЕНКИЙСКОГО ЯЗЫКА)	76
	А.В. Млечко	
	ПАМЯТЬ, ЗАБВЕНИЕ И "ФИГУРЫ ВОЗВРАЩЕНИЯ":	
	РОМАН В.В. НАБОКОВА "ДАР" В "РУССКОМ ТЕКСТЕ" "СОВРЕМЕННЫХ ЗАПИСОК"	80
	Шао Наньси	
	СПЕЦИФИКА УПОТРЕБЛЕНИЯ РУССКОГО СЛОВА "ОДИН"	92
	О.В. Паничкина	
	ОПЫТ СЕМНОГО ОПИСАНИЯ НАИМЕНОВАНИЙ ЛИЦ В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ	
	(НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)	95
	Д.В. Пенталь	
	ВРЕМЯ КАК РЕФЛЕКСИЯ ПРОСТРАНСТВА	0.0
	(НА ПРИМЕРЕ КОНЦЕПТА «СУТОЧНОЕ ВРЕМЯ» В ИСПАНСКОМ ЯЗЫКЕ)	98

• СЕРИЯ: ФИЛОЛОГИЯ. ЖУРНАЛИСТИКА. 2008, № 1 •

ПОЭЗИЯ И ПЕСНИ РУССКИХ РАБОЧИХ-ОТХОДНИКОВ. М.А. Прасолов П. Е. АСТАФЬЕВ — ФИЛОСОФСКИЙ КРИТИК И ЦЕНЗОР Л. Н. ТОЛСТОГО	
Р.М. Романова ЕСТЬ ЛИ У ТВАРДОВСКОГО СТИХИ О ЛЮБВИ И.П. Савельева КАТЕГОРИЯ КВАНТИТАТИВНОСТИ В ПЕРСПЕКТИВЕ МОРФОТЕМНОГО АНАЛИЗА И.А. Сергева О СИСТЕМЕ ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНЫХ ПРИЗНАКОВ ПРИ ХАРАКТЕРИСТИКЕ ПРЕДМЕТНОЙ ЛЕКСИК Т.А. СИМАНОВА КОНЦЕПТ РУССКИЙ ЯЗЫК В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ СТУДЕНТА-ИНОСТРАНЦА Е.С. Федючина ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ Ю.Ю. Фролова СПЕЦИФИКА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ХРОНОТОПАВ РОМАНЕ А. Ф. ПИСЕМСКОГО «ТЫСЯЧА ДУШ» Хари Али Х. ХАРАКТЕРИСТИКА ЧЕЛОВЕКА В УСТОЙЧИВЫХ СТЕРЕОТИПНЫХ СРАВНЕНИЯХ В РУССКОМ ЯЗЬ Е.В. Хлопкова О ПРИЕМАХ ПРОПАГАНДЫ КАК СРЕДСТВЕ РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В СУДЕБНОМ ПРОЦЕССЕ. ЛЮЙ ЦЗИНЬЯЯЬ РУССКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С НАЗВАНИЯМИ ОБУВИ. А.А. Шапошников ПРОСТРАНСТВЕННАЯ КАРТИНА МИРА В РАННЕМ ТВОРЧЕСТВЕ М. ГОРЬКОГО Е.С. Шевченко БАЛАГАН КАК «ТЕКСТ О СИМВОЛИЗМЕ» (ПО ПЬЕСЕ Ф. СОЛОГУБА «НОЧНЫЕ ПЛЯСКИ») Е.Е. Шеншина МЕТАКОНСТРУКЦИИ С СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫМИ СООТВЕТСТВИЕ И НЕСООТВЕТСТВИЕ КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ ОТНОШЕНИЙ СООТВЕТСТВИЯ И НЕСООТВЕТСТВИЯ ЖУРНАЛИСТИКА С.В. АНОСОВа АГРЕССИЯ И ФОРМЫ ЕЕ ВОПЛОЩЕНИЯ В ПОЛЕМИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИЗДАНИЙ (НА ПРИМРЕР ПЕЧАТНЫХ СМИ ТАМБОВСКОЙ ОБЛАСТИ) О.В. БЫКОВа НОВЕЙШИЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НОВОСТНОГО ТЕЛЕВЕЩАНИЯ В ГТРК «БЕЛГОРОД» Г.Д. ЗОЛИНА ВИЗНЕС-РЕГИОН КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ИМИДЖА КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ М.Ю. Казак МОНИТОРИНГ СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПРЕССЫ БЕЛГОРОДСКОЙ В.В. Колобов РОССИЯ НА ПУТИ ПОСТРОЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА (ФЕДЕРАЛЬНЫЙ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ) Л.В. Куринова СПЕЦИФИКА ВЗАИМООТНОШЕНИЙ СМИ С АУДИТОРИЕЙ Э.В. МОГОВЕСКИЕ ПРИЗНАКИ ИНФОРМАЦИОННЫХ АГЕНТСТВ В ИНТЕРНЕТЕ Т.В. СИНЕНКО ЖАНРОВАЯ СПЕЦИФИКА СЕТЕВОЙ ПОЛЕМИКИ М.А. ТОЛСТРИВСКИЯ В.В. КОРОВСКИЕ ДЕЛОВЫЕ ИЗДАНИЯ УНИВЕРСАЛЬНОГО ТИПА В.В. КОРОВСКИЯ В.В. КОРОВСКИЯ В.В. КОРОВСКИЯ В.В. КОРОВСКИЯ В.В. КОРОВСКИЯ В.В. КОРОВСКИЯ В.В. КОРОВО ВОТЕМЕНТЕННИЕ ВИТЕСТВИЕ ВО СТЕМИТОТИКИ ВИТЕСТВИЕ ВОТЕМЕТНОЕ ВИТЕСТВИЕ ВОТЕМЕТНОЕ ВИТЕСТВИЕ ВОТЕМЕТНОЕ ВИТЕСТВИЕ ВОТЕМЕТНОЕ ПРЕДИТИТИТЕЛЬНИЕ ВОТЕМЕТНОЕ ПРЕДИТЕЛЬНИЕ ВОТЕМЕТНОЕ ПРЕДИТИТИТЕЛНИЕ ВОТЕМЕТНОЕ ПОТЕКТИКИ ВОТЕМЕТНОЕ ПОТОКИЕМ ВОТЕМЕТНОЕ ПОТОКТИКИ В	
ЕСТЬ ЛИ У ТВАРДОВСКОГО СТИХИ О ЛЮБВИ И.П. Савельева КАТЕГОРИЯ КВАНТИТАТИВНОСТИ В ПЕРСПЕКТИВЕ МОРФОТЕМНОГО АНАЛИЗА И.А. Сергеева О СИСТЕМЕ ДИФОЕРЕНЦИАЛЬНЫХ ПРИЗНАКОВ ПРИ ХАРАКТЕРИСТИКЕ ПРЕДМЕТНОЙ ЛЕКСИК Т.А. Симачова КОНЦЕПТ РУССКИЙ ЯЗЫК В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ СТУДЕНТА-ИНОСТРАНЦА Е.С. Федонина ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ Ю.Ю. Форолова СПЕЦИФИКА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ХРОНОТОПАВ РОМАНЕ А. Ф. ПИСЕМСКОГО «ТЫСЯЧА ДУШ» Хади Али Х. ХАРАКТЕРИСТИКА ЧЕЛОВЕКА В УСТОЙЧИВЫХ СТЕРЕОТИПНЫХ СРАВНЕНИЯХ В РУССКОМ ЯЗЬ Е.В. ХЛОПКОВО О ПРИМАХ ПРОПАГАНДЫ КАК СРЕДСТВЕ РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В СУДЕБНОМ ПРОЦЕССЕ. ЛОЙ ЦЗИНЬЯНЬ РУССКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С НАЗВАНИЯМИ ОБУВИ А.А. Шапошников ПРОСТРАНСТВЕННАЯ КАРТИНА МИРА В РАННЕМ ТВОРЧЕСТВЕ М. ГОРЬКОГО Е.С. Шевченко БАЛАГАН КАК «ТЕКСТ О СИМВОЛИЗМЕ» (ПО ПЬЕСЕ Ф. СОЛОГУБА «НОЧНЫЕ ПЛЯСКИ») Е.Е. Шеншина МЕТАКОНСТРУКЦИИ С СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫМИ СООТВЕТСТВИЕ И НЕСООТВЕТСТВИЯ КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ ОТНОШЕНИЙ СООТВЕТСТВИЯ / НЕСООТВЕТСТВИЯ С.В. АНОСОВа АГРЕССИЯ И ФОРМЫ ЕЕ ВОПЛОЩЕНИЯ В ПОЛЕМИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИЗДАНИЙ (НА ПРИМРЕР ПЕЧАТНЫХ СМИ ТАМБОВСКОЙ ОБЛАСТИ) О.В. Быкова НОВЕЙШИЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НОВОСТНОГО ТЕЛЕВЕЩАНИЯ В ГТРК «БЕЛГОРОД» Г.Д. ЗОЛИНа ИЗЭНЕС-РЕГИОН КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ИМИДЖА КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ М.Ю. Казак МОНИТОРИЯН СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПРЕССЫ БЕЛГОРОДСКОЙ В.В. КОЛОБОВ РОССИЯ НА ПУТИ ПОСТРОЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА (ФЕДЕРАЛЬНЫЙ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ) Л.В. Кудинова СПЕЦИФИКА В ЗАИМООТНОШЕНИЙ СМИ С АУДИТОРИЕЙ З.В. МОРОВАЯ СПЕЦИФИКА СЕТЕВОЙ ПОЛЕМИКИ М.А. ТОЛСТУНОВА ПИТОГОГИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ ИНФОРМАЦИОННЫХ АГЕНТСТВ В ИНТЕРНЕТЕ Т.В. СИНЕМИ В.В. КОРОВОВ РОМИЯ В ДЕЛОВЫЕ ИЗДАНИЯ УНИВЕРСАЛЬНОГО ТИПА В.В. КОРОВСЯ В НОТИВОВНЕНИЙ СМИ С АУДИТОРИЕЙ З.В. КОРОВСЯ В НОТИРОВАЯ ПИПОГОГИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ ИНФОРМАЦИОННЫХ АГЕНТСТВ В ИНТЕРНЕТЕ Т.В. СИНЕМИ В.В. КОРОВСЯ В НОТОТЕМЕНИЕМОЕ В НЕТОТОТЕКСТА В НЕТОТОТОТИКЕ В ИНТЕРНЕТЕ Т.В. СИНЕМИ В НЕТОТОТОТИКЕ В ИНТЕРНЕТЕ Т.В. СИНЕМИ В НЕТОТОТИКЕМИЕМОЕ В НЕТОТОТИКЕМИЕМОЕ В НЕТОТОТИКЕ ПРЕДИНИЕМОЕ В НЕТОТОТИКИЕМОЕ В НЕТОТОТИКЕ ПРЕДИТИИЕМОЕ	
И.Л. Савельева КАТЕГОРИЯ КВАНТИТАТИВНОСТИ В ПЕРСПЕКТИВЕ МОРФОТЕМНОГО АНАЛИЗА И.А. Сергеева О СИСТЕМЕ ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНЫХ ПРИЗНАКОВ ПРИ ХАРАКТЕРИСТИКЕ ПРЕДМЕТНОЙ ЛЕКСИК Т.А. Симанова КОНЦЕПТ РУССКИЙ ЯЗЫК В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ СТУДЕНТА-ИНОСТРАНЦА Е.С. Федючина ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ Ю.Ю. Фролова СПЕЦИФИКА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ХРОНОТОПАВ РОМАНЕ А. Ф. ПИСЕМСКОГО «ТЫСЯЧА ДУШ» Хади Али Х. ХАРАКТЕРИСТИКА ЧЕЛОВЕКА В УСТОЙЧИВЫХ СТЕРЕОТИПНЫХ СРАВНЕНИЯХ В РУССКОМ ЯЗЬ Е.В. Хлонкова О ПРИЕМАХ ПРОПАГАНДЫ КАК СРЕДСТВЕ РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В СУДЕБНОМ ПРОЦЕССЕ. Люй Цзиньямь РУССКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С НАЗВАНИЯМИ ОБУВИ А. Шапошников ПРОСТРАНСТВЕННАЯ КАРТИНА МИРА В РАННЕМ ТВОРЧЕСТВЕ М. ГОРЬКОГО Е.С. Шевченко БАЛАГАН КАК «ТЕКСТ О СИМВОЛИЗМЕ» (ПО ПЬЕСЕ Ф. СОЛОГУБА «НОЧНЫЕ ПЛЯСКИ») Е.Е. Шеншина МЕТАКОНСТРУКЦИИ С СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫМИ СООТВЕТСТВИЕ И НЕСООТВЕТСТВИЕ КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ ОТНОШЕНИЙ СООТВЕТСТВИЯ /НЕСООТВЕТСТВИЯ ЖУРНАЛИСТИКА С.В. АНОСОВа АГРЕССИЯ И ФОРМЫ ЕЕ ВОПЛОЩЕНИЯ В ПОЛЕМИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИЗДАНИЙ (НА ПРИМЕРЕ ПЕЧАТНЫХ СМИ ТАМБОВСКОЙ ОБЛАСТИ) О.В. БЫКОВА МОНТОРИНГ СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПРЕССЫ БЕЛГОРОДСКОЙ В.В. КОЛОбОВ РОССИЯ НА ПУТИ ПОСТРОЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА (ФЕДЕРАЛЬНЫЙ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ) Л.В. Кудинова СПЕЦИФИКА ВЗАИМООТНОШЕНИЙ СМИ С АУДИТОРИЕЙ Л.В. Кудинова НИЖЕГОРОДСКИЕ ДЕЛОВЫЕ ИЗДАНИЯ УНИВЕРСАЛЬНОГО ТИПА В.В. Хорольский РОМАНТИЧЕСКАЯ И НЕОРОМАНТИЧЕСКАЯ МОДЕЛИ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ТЕКСТА (НА ПРИМЕРЕ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ ИХ В.) О.Г. Шильникова	
КАТЕГОРИЯ КВАНТИТАТИВНОСТИ В ПЕРСПЕКТИВЕ МОРФОТЕМНОГО АНАЛИЗА И.А. Сергеева О СИСТЕМЕ ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНЫХ ПРИЗНАКОВ ПРИ ХАРАКТЕРИСТИКЕ ПРЕДМЕТНОЙ ЛЕКСИК Т.А. Симанова КОНЦЕПТ РУССКИЙ ЯЗЫК В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ СТУДЕНТА-ИНОСТРАНЦА Е.С. Федюнина ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ Ю.Ю. Фролова СПЕЦИФИКА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ХРОНОТОПАВ РОМАНЕ А. Ф. ПИСЕМСКОГО «ТЫСЯЧА ДУШ» Хари Али Х. ХАРАКТЕРИСТИКА ЧЕЛОВЕКА В УСТОЙЧИВЫХ СТЕРЕОТИПНЫХ СРАВНЕНИЯХ В РУССКОМ ЯЗЬ Е.В. ХЛОПКОВА О ПРИЕМАХ ПРОПАГАНДЫ КАК СРЕДСТВЕ РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В СУДЕБНОМ ПРОЦЕССЕ. ЛЮЙ ЦЗИНЬЯВНЬ РУССКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С НАЗВАНИЯМИ ОБУВИ. А.А. Шапошников ПРОСТРАНСТВЕННАЯ КАРТИНА МИРА В РАННЕМ ТВОРЧЕСТВЕ М. ГОРЬКОГО Е.С. Шевченко БАЛАГАН КАК «ТЕКСТ О СИМВОЛИЗМЕ» (ПО ПЬЕСЕ Ф. СОЛОГУБА «НОЧНЫЕ ПЛЯСКИ») Е.Е. Шеншина МЕТАКОНСТРУКЦИИ С СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫМИ СООТВЕТСТВИЕ И НЕСООТВЕТСТВИЕ КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ ОТНОШЕНИЙ СООТВЕТСТВИЯ/НЕСООТВЕТСТВИЯ ЖУРНАЛИСТИКА. С.В. Аносова АГРЕССИЯ И ФОРМЫ ЕЕ ВОПЛОЩЕНИЯ В ПОЛЕМИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИЗДАНИЙ (НА ПРИМЕРЕ ПЕЧАТНЫХ СМИ ТАМБОВСКОЙ ОБЛАСТИ). О.В. БЫКОВА НОВЕЙЦИИЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НОВОСТНОГО ТЕЛЕВЕЩАНИЯ В ГТРК «БЕЛГОРОД» Г.Д. ЗОЛИНА ВИЗВНЕС-РЕГИОН КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ИМИДЖА КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ. М.О. Казак МОНИТОРИИ!Г СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПРЕССЫ БЕЛГОРОДСКОЙ В.В. КОЛОБОВ РОССИЯ НА ПУТИ ПОСТРОЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА (ФЕДЕРАЛЬНЫЙ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ) Л.В. Кудинова СПЕЦМОИКА ВЗАИМООТНОШЕНИЙ СМИ С АУДИТОРИЕЙ З.В. Моголевская ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ ИНФОРМАЦИОННЫХ АГЕНТСТВ В ИНТЕРНЕТЕ Т.В. СИНЕНКО ЖАНГОРОЯДСКИЕ ПРИЗНАКИ ИНФОРМАЦИОННЫХ АГЕНТСТВ В ИНТЕРНЕТЕ Т.В. СИНЕНКО ЖАНГОРОЯДСКИЕ ПРИЗНАКИ ИНФОРМАЦИОННЫХ АГЕНТСТВ В ИНТЕРНЕТЕ Т.В. СИНЕНКОВА В.В. ХОРОЛЬСКИЙ РОМАНТИЧЕСКАЯ И НЕОРОМАНТИЧЕСКАЯ МОДЕЛИ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ТЕКСТА (НА ПРИМЕРЕ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ ХІХ В.) О.Г. ШИЛЬНИКОВА	СИКИ
О СИСТЕМЕ ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНЫХ ПРИЗНАКОВ ПРИ ХАРАКТЕРИСТИКЕ ПРЕДМЕТНОЙ ЛЕКСИК Т.А. Симанова КОНЦЕПТ РУССКИЙ ЯЗЫК В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ СТУДЕНТА-ИНОСТРАНЦА В.С. Федонина ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ Ю.Ю. Фролова СПЕЦИВИКА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ХРОНОТОПАВ РОМАНЕ А. Ф. ПИСЕМСКОГО «ТЫСЯЧА ДУШ» Хари Али Х. ХАРАКТЕРИСТИКА ЧЕЛОВЕКА В УСТОЙЧИВЫХ СТЕРЕОТИПНЫХ СРАВНЕНИЯХ В РУССКОМ ЯЗЬ Е.В. ХЛОПКОВА О ПРИЕМАХ ПРОПАГАНДЫ КАК СРЕДСТВЕ РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В СУДЕБНОМ ПРОЦЕССЕ. ЛЮЙ ЦЗИНЬЯНЬ РУССКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С НАЗВАНИЯМИ ОБУВИ. А.А. Шапошников ПРОСТРАНСТВЕННАЯ КАРТИНА МИРА В РАННЕМ ТВОРЧЕСТВЕ М. ГОРЬКОГО Е.С. Шевченко БАЛАГАН КАК «ТЕКСТ О СИМВОЛИЗМЕ» (ПО ПЬЕСЕ Ф. СОЛОГУБА «НОЧНЫЕ ПЛЯСКИ») Е.Е. Шеншина МЕТАКОНСТРУКЦИИ С СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫМИ СООТВЕТСТВИЕ И НЕСООТВЕТСТВИЕ КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ ОТНОШЕНИЙ СООТВЕТСТВИЯ /НЕСООТВЕТСТВИЯ ЖУРНАЛИСТИКА С.В. АНОСОВА АГРЕССИЯ И ФОРМЫ ЕЕ ВОПЛОЩЕНИЯ В ПОЛЕМИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИЗДАНИЙ (НА ПРИМЕРЕ ПЕЧАТНЫХ СМИ ТАМБОВСКОЙ ОБЛАСТИ). О.В. БЫКОВА НОВЕЙШИЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НОВОСТНОГО ТЕЛЕВЕЩАНИЯ В ГТРК «БЕЛГОРОД» Г.Д. ЗОЛИНА БИЗНЕС-РЕГИОН КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ИМИДЖА КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ М.Ю. Казак МОНИТОРИНГ СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПРЕССЫ БЕЛГОРОДСКОЙ В.В. КОЛОБОВ РОССИЯ НА ПУТИ ПОСТРОЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА (ФЕДЕРАЛЬНЫЙ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ) Л.В. КУРАНОВАЗ СПЕЦИЮИКА ВЗАИМООТНОШЕНИЙ СМИ С АУДИТОРИЕЙ З.В. МОГИЛЬВСКИЯ ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ ИНФОРМАЦИОННЫХ АГЕНТСТВ В ИНТЕРНЕТЕ Т.В. СИНЕНКО ЖАНРОВАЯ СПЕЦИФИКА СЕТЕВОЙ ПОЛЕМИКИ М.А. ТОЛСТУНОВА НИЖЕГОРОДСКИЕ ДЕЛОВЫЕ ИЗДАНИЯ УНИВЕРСАЛЬНОГО ТИПА В.В. ХОРОЛЬСКИЙ РОМАНТИЧЕСКАЯ И НЕОРОМАНТИЧЕСКАЯ МОДЕЛИ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ТЕКСТА (НА ПРИМЕРЕ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ ХІХ В.) О.Г. ШИЛЬНИКОВА	
Т.А. Симанова КОНЦЕПТ РУССКИЙ ЯЗЫК В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ СТУДЕНТА-ИНОСТРАНЦА Е.С. Федюнина ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ Ю.Ю. Фролова СПЕЦИФИКА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ХРОНОТОПАВ РОМАНЕ А. Ф. ПИСЕМСКОГО «ТЫСЯЧА ДУШ» Хади Али Х. ХАРАКТЕРИСТИКА ЧЕЛОВЕКА В УСТОЙЧИВЫХ СТЕРЕОТИПНЫХ СРАВНЕНИЯХ В РУССКОМ ЯЗЬ Е.В. ХЛОПКОВа О ПРИЕМАХ ПРОПАГАНДЫ КАК СРЕДСТВЕ РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В СУДЕБНОМ ПРОЦЕССЕ. Люй Цзиньяль РУССКИЕ ФРАЗБОЛОГИЗМЫ С НАЗВАНИЯМИ ОБУВИ. А.А. Шапошников ПРОСТРАНСТВЕННАЯ КАРТИНА МИРА В РАННЕМ ТВОРЧЕСТВЕ М. ГОРЬКОГО Е.С. Шевченко БАЛЯТАН КАК «ТЕКСТ О СИМВОЛИЗМЕ» (ПО ПЬЕСЕ Ф. СОЛОГУБА «НОЧНЫЕ ПЛЯСКИ») Е.Е. Шеншина МЕТАКОНСТРУКЦИИ С СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫМИ СООТВЕТСТВИЕ И НЕСООТВЕТСТВИЕ КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ ОТНОШЕНИЙ СООТВЕТСТВИЯ/НЕСООТВЕТСТВИЯ ЖУРНАЛИСТИКА. С.В. АНОСОВа АГРЕССИЯ И ФОРМЫ ЕЕ ВОПЛОЩЕНИЯ В ПОЛЕМИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИЗДАНИЙ (НА ПРИМЕРЕ ПЕЧАТНЫХ СМИ ТАМБОВСКОЙ ОБЛАСТИ). О.В. БЫКОВа НОВЕЙШИЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НОВОСТНОГО ТЕЛЕВЕЩАНИЯ В ГТРК «БЕЛГОРОД» Г.Д. ЗОЛИНа БИЗНЕС-РЕГИОН КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ИМИДЖА КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ М.Ю. Казак МОНИТОРИНГ СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПРЕССЫ БЕЛГОРОДСКОЙ В.В. Колобов РОССИЯ НА ПУТИ ПОСТРОЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА (ФЕДЕРАЛЬНЫЙ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ) Л.В. Кудинова СПЕЦИФИКА ВЗАИМООТНОШЕНИЙ СМИ С АУДИТОРИЕЙ Э.В. МОИЛОВСКИЕ ПРИЗНАКИ ИНФОРМАЦИОННЫХ АГЕНТСТВ В ИНТЕРНЕТЕ Т.В. СИЧЕНКО ЖАНРОВАЯ СПЕЦИФИКА СЕТЕВОЙ ПОЛЕМИКИ М.А. ТОЛСТУЮВА В.В. ХОРОЬСКИЙ РОМАНТИЧЕСКАЯ И НЕОРОМАНТИЧЕСКАЯ МОДЕЛИ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ТЕКСТА (НА ПРИМЕРЕ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ ХІХ В.) О.Г. Шильникова	
КОНЦЕПТ РУССКИЙ ЯЗЫК В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ СТУДЕНТА-ИНОСТРАНЦА Е.С. Федонина ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ Ю.Ю. Фролова СПЕЦИФИКА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ХРОНОТОПАВ РОМАНЕ А. Ф. ПИСЕМСКОГО «ТЫСЯЧА ДУШ» Хари Али Х. ХАРАКТЕРИСТИКА ЧЕЛОВЕКА В УСТОЙЧИВЫХ СТЕРЕОТИПНЫХ СРАВНЕНИЯХ В РУССКОМ ЯЗЬ Е.В. Хлопкова О ПРИЕМАХ ПРОПАГАНДЫ КАК СРЕДСТВЕ РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В СУДЕБНОМ ПРОЦЕССЕ. Люй Цзиньянь РУССКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С НАЗВАНИЯМИ ОБУВИ. А.А. Шапошников ПРОСТРАНСТВЕННАЯ КАРТИНА МИРА В РАННЕМ ТВОРЧЕСТВЕ М. ГОРЬКОГО Е.С. Шевченко БАЛАГАН КАК «ТЕКСТ О СИМВОЛИЗМЕ» (ПО ПЬЕСЕ Ф. СОЛОГУБА «НОЧНЫЕ ПЛЯСКИ») Е.Е. Шеншина МЕТАКОНСТРУКЦИИ С СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫМИ СООТВЕТСТВИЕ И НЕСООТВЕТСТВИЕ КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ ОТНОШЕНИЙ СООТВЕТСТВИЯ/НЕСООТВЕТСТВИЯ ЖУРНАЛИСТИКА С.В. Аносова АГРЕССИЯ И ФОРМЫ ЕЕ ВОПЛОЩЕНИЯ В ПОЛЕМИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИЗДАНИЙ (НА ПРИМЕРЕ ПЕЧАТНЫХ СМИ ТАМБОВСКОЙ ОБЛАСТИ) О.В. Быкова НОВЕЙШИЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НОВОСТНОГО ТЕЛЕВЕЩАНИЯ В ГТРК «БЕЛГОРОД» Г.Д. Золина ВИЗНЕС-РЕГИОН КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ИМИДЖА КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ М.Ю. Казак МОНИТОРИНГ СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПРЕССЫ БЕЛГОРОДСКОЙ В.В. Колобов РОССИЯ НА ПУТИ ПОСТРОЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА (ФЕДЕРАЛЬНЫЙ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ) Л.В. Курднюва СПЕЦИФИКА ВЗАИМООТНОШЕНИЙ СМИ С АУДИТОРИЕЙ З.В. Могилевская ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ ИНФОРМАЦИОННЫХ АГЕНТСТВ В ИНТЕРНЕТЕ Т.В. Синенко ЖАНРОВАЯ СПЕЦИФИКА СЕТЕВОЙ ПОЛЕМИКИ М.А. Толстунова НИЖЕГОРОДСКИЕ ДЕЛОВЫЕ ИЗДАНИЯ УНИВЕРСАЛЬНОГО ТИПА В.В. ХорольскиЙ РОМАНТИЧЕСКАЯ И НЕОРОМАНТИЧЕСКАЯ МОДЕЛИ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ТЕКСТА (НА ПРИМЕРЕ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ ХІХ В.) О.Г. Шильникова	
В.С. Федонина ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ Ю.Ю. Фролова СПЕЦИФИКА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ХРОНОТОПАВ РОМАНЕ А. Ф. ПИСЕМСКОГО «ТЫСЯЧА ДУШ» Хади Али Х. ХАРАКТЕРИСТИКА ЧЕЛОВЕКА В УСТОЙЧИВЫХ СТЕРЕОТИПНЫХ СРАВНЕНИЯХ В РУССКОМ ЯЗЬ Е.В. Хлопкова О ПРИЕМАХ ПРОПАГАНДЫ КАК СРЕДСТВЕ РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В СУДЕБНОМ ПРОЦЕССЕ. Люй Цзиньянь РУССКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С НАЗВАНИЯМИ ОБУВИ. А. А. Шапошников ПРОСТРАНСТВЕННАЯ КАРТИНА МИРА В РАННЕМ ТВОРЧЕСТВЕ М. ГОРЬКОГО Е.С. Шевченко БАЛАГАН КАК «ТЕКСТ О СИМВОЛИЗМЕ» (ПО ПЬЕСЕ Ф. СОЛОГУБА «НОЧНЫЕ ПЛЯСКИ») Е.Е. Шеншина МЕТАКОНСТРУКЦИИ С СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫМИ СООТВЕТСТВИЕ И НЕСООТВЕТСТВИЕ КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ ОТНОШЕНИЙ СООТВЕТСТВИЯ/НЕСООТВЕТСТВИЯ ЖУРНАЛИСТИКА С.В. Аносова АГРЕССИЯ И ФОРМЫ ЕЕ ВОПЛОЩЕНИЯ В ПОЛЕМИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИЗДАНИЙ (НА ПРИМЕРЕ ПЕЧАТНЫХ СМИ ТАМБОВСКОЙ ОБЛАСТИ) О.В. Быкова НОВЕЙШИЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НОВОСТНОГО ТЕЛЕВЕЩАНИЯ В ГТРК «БЕЛГОРОД» Г.Д. Золина БИЗНЕС-РЕГИОН КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ИМИДЖА КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ М.Ю. Казак МОНИТОРИНГ СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПРЕССЫ БЕЛГОРОДСКОЙ В.В. Колобов РОССИЯ НА ПУТИ ПОСТРОЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА (ФЕДРАЛЬНЫЙ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ) Л.В. КУЯИНОВа СПЕЦИФИКА ВЗАИМООТНОШЕНИЙ СМИ С АУДИТОРИЕЙ З.В. Могилевская ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ ИНФОРМАЦИОННЫХ АГЕНТСТВ В ИНТЕРНЕТЕ Т.В. Синенко ЖАНРОВАЯ СПЕЦИФИКА СЕТЕВОЙ ПОЛЕМИКИ М.А. ТОЛСТУНОВА НИЖЕГОРОДСКИЕ ДЕЛОВЫЕ ИЗДАНИЯ УНИВЕРСАЛЬНОГО ТИПА В.В. ХОРОЛЬСКИЙ РОМАНТИЧЕСКАЯ И НЕОРОМАНТИЧЕСКАЯ МОДЕЛИ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ТЕКСТА (НА ПРИМЕРЕ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ ХІХ В.) О.Г. Шильникова	
ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ (О.О. Фролова СПЕЦИФИКА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ХРОНОТОПАВ РОМАНЕ А. Ф. ПИСЕМСКОГО «ТЫСЯЧА ДУШ» Хади Али Х. ХАРАКТЕРИСТИКА ЧЕЛОВЕКА В УСТОЙЧИВЫХ СТЕРЕОТИПНЫХ СРАВНЕНИЯХ В РУССКОМ ЯЗЬ Е.В. Ялопкова О ПРИЕМАХ ПРОПАГАНДЫ КАК СРЕДСТВЕ РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В СУДЕБНОМ ПРОЦЕССЕ. ЛЮЙ ЦЭНИЬЯНЬ РУССКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С НАЗВАНИЯМИ ОБУВИ	УШ»
СПЕЦИФИКА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ХРОНОТОПАВ РОМАНЕ А. Ф. ПИСЕМСКОГО «ТЫСЯЧА ДУШ» Хади Али Х. ХАРАКТЕРИСТИКА ЧЕЛОВЕКА В УСТОЙЧИВЫХ СТЕРЕОТИПНЫХ СРАВНЕНИЯХ В РУССКОМ ЯЗЬ Е.В. ХЛОПКОВА О ПРИЕМАХ ПРОПАГАНДЫ КАК СРЕДСТВЕ РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В СУДЕБНОМ ПРОЦЕССЕ . Люй ЦЗИНЬЯНЬ РУССКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С НАЗВАНИЯМИ ОБУВИ	ЯЗЫКЕ
Хади Али Х. ХАРАКТЕРИСТИКА ЧЕЛОВЕКА В УСТОЙЧИВЫХ СТЕРЕОТИПНЫХ СРАВНЕНИЯХ В РУССКОМ ЯЗЬ Е.В. Хлопкова О ПРИЕМАХ ПРОПАГАНДЫ КАК СРЕДСТВЕ РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В СУДЕБНОМ ПРОЦЕССЕ. ЛЮЙ ЦЗИНЬЯНЬ РУССКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С НАЗВАНИЯМИ ОБУВИ. А.А. Шапошников ПРОСТРАНСТВЕННАЯ КАРТИНА МИРА В РАННЕМ ТВОРЧЕСТВЕ М. ГОРЬКОГО	ЯЗЫКЕ
ХАРАКТЕРИСТИКА ЧЕЛОВЕКА В УСТОЙЧИВЫХ СТЕРЕОТИПНЫХ СРАВНЕНИЯХ В РУССКОМ ЯЗЬ Е.В. Хлопкова О ПРИЕМАХ ПРОПАГАНДЫ КАК СРЕДСТВЕ РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В СУДЕБНОМ ПРОЦЕССЕ. Люй Цзиньянь РУССКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С НАЗВАНИЯМИ ОБУВИ	ССЕ
Е.В. Хлопкова О ПРИЕМАХ ПРОПАГАНДЫ КАК СРЕДСТВЕ РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В СУДЕБНОМ ПРОЦЕССЕ . Люй Цзиньянь РУССКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С НАЗВАНИЯМИ ОБУВИ	ССЕ
Пюй Цзиньянь РУССКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С НАЗВАНИЯМИ ОБУВИ	
РУССКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С НАЗВАНИЯМИ ОБУВИ	
А.А. Шапошников ПРОСТРАНСТВЕННАЯ КАРТИНА МИРА В РАННЕМ ТВОРЧЕСТВЕ М. ГОРЬКОГО Е.С. Шевченко БАЛАГАН КАК «ТЕКСТ О СИМВОЛИЗМЕ» (ПО ПЬЕСЕ Ф. СОЛОГУБА «НОЧНЫЕ ПЛЯСКИ»)	
ПРОСТРАНСТВЕННАЯ КАРТИНА МИРА В РАННЕМ ТВОРЧЕСТВЕ М. ГОРЬКОГО	
Е.С. Шевченко БАЛАГАН КАК «ТЕКСТ О СИМВОЛИЗМЕ» (ПО ПЬЕСЕ Ф. СОЛОГУБА «НОЧНЫЕ ПЛЯСКИ») Е.Е. Шеншина МЕТАКОНСТРУКЦИИ С СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫМИ СООТВЕТСТВИЕ И НЕСООТВЕТСТВИЕ КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ ОТНОШЕНИЙ СООТВЕТСТВИЯ / НЕСООТВЕТСТВИЯ ЖУРНАЛИСТИКА С.В. АНОСОВА АГРЕССИЯ И ФОРМЫ ЕЕ ВОПЛОЩЕНИЯ В ПОЛЕМИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИЗДАНИЙ (НА ПРИМЕРЕ ПЕЧАТНЫХ СМИ ТАМБОВСКОЙ ОБЛАСТИ) О.В. БЫКОВА НОВЕЙШИЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НОВОСТНОГО ТЕЛЕВЕЩАНИЯ В ГТРК «БЕЛГОРОД» Г.Д. ЗОЛИНА БИЗНЕС-РЕГИОН КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ИМИДЖА КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ М.Ю. Казак МОНИТОРИНГ СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПРЕССЫ БЕЛГОРОДСКОЙ В.В. КОЛОБОВ РОССИЯ НА ПУТИ ПОСТРОЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА (ФЕДЕРАЛЬНЫЙ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ) Л.В. КУДИНОВА СПЕЦИФИКА ВЗАИМООТНОШЕНИЙ СМИ С АУДИТОРИЕЙ Э.В. МОГИЛЕВСКАЯ ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ ИНФОРМАЦИОННЫХ АГЕНТСТВ В ИНТЕРНЕТЕ Т.В. СИНЕНКО ЖАНРОВАЯ СПЕЦИФИКА СЕТЕВОЙ ПОЛЕМИКИ М.А. ТОЛСТУНОВА НИЖЕГОРОДСКИЕ ДЕЛОВЫЕ ИЗДАНИЯ УНИВЕРСАЛЬНОГО ТИПА В.В. ХОРОЛЬСКИЙ РОМАНТИЧЕСКАЯ И НЕОРОМАНТИЧЕСКАЯ МОДЕЛИ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ТЕКСТА (НА ПРИМЕРЕ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ ХІХ В.) О.Г. ШИЛЬНИКОВА	
Е.Е. Шеншина МЕТАКОНСТРУКЦИИ С СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫМИ СООТВЕТСТВИЕ И НЕСООТВЕТСТВИЕ КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ ОТНОШЕНИЙ СООТВЕТСТВИЯ / НЕСООТВЕТСТВИЯ ЖУРНАЛИСТИКА С.В. Аносова АГРЕССИЯ И ФОРМЫ ЕЕ ВОПЛОЩЕНИЯ В ПОЛЕМИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИЗДАНИЙ (НА ПРИМЕРЕ ПЕЧАТНЫХ СМИ ТАМБОВСКОЙ ОБЛАСТИ) О.В. БЫКОВа НОВЕЙШИЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НОВОСТНОГО ТЕЛЕВЕЩАНИЯ В ГТРК «БЕЛГОРОД» Г.Д. Золина БИЗНЕС-РЕГИОН КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ИМИДЖА КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ М.Ю. Казак МОНИТОРИНГ СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПРЕССЫ БЕЛГОРОДСКОЙ В.В. Колобов РОССИЯ НА ПУТИ ПОСТРОЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА (ФЕДЕРАЛЬНЫЙ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ) Л.В. Кудинова СПЕЦИФИКА ВЗАИМООТНОШЕНИЙ СМИ С АУДИТОРИЕЙ З.В. МОГИЛЕВСКАЯ ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ ИНФОРМАЦИОННЫХ АГЕНТСТВ В ИНТЕРНЕТЕ Т.В. СИНЕНКО ЖАНРОВАЯ СПЕЦИФИКА СЕТЕВОЙ ПОЛЕМИКИ М.А. ТОЛСТУНОВА НИЖЕГОРОДСКИЕ ДЕЛОВЫЕ ИЗДАНИЯ УНИВЕРСАЛЬНОГО ТИПА В.В. ХОРОЛЬСКИЙ РОМАНТИЧЕСКАЯ И НЕОРОМАНТИЧЕСКАЯ МОДЕЛИ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ТЕКСТА (НА ПРИМЕРЕ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ ХІХ В.) О.Г. ШИЛЬНИКОВА О.Г. ШИЛЬНИКОВА О.Г. ШИЛЬНИКОВА О.Г. ШИЛЬНИКОВА О.Г. ШИЛЬНИКОВА О.Г. ШИЛЬНИКОВА	
МЕТАКОНСТРУКЦИИ С СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫМИ СООТВЕТСТВИЕ И НЕСООТВЕТСТВИЕ КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ ОТНОШЕНИЙ СООТВЕТСТВИЯ / НЕСООТВЕТСТВИЯ	
КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ ОТНОШЕНИЙ СООТВЕТСТВИЯ/НЕСООТВЕТСТВИЯ	
С.В. Аносова АГРЕССИЯ И ФОРМЫ ЕЕ ВОПЛОЩЕНИЯ В ПОЛЕМИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИЗДАНИЙ (НА ПРИМЕРЕ ПЕЧАТНЫХ СМИ ТАМБОВСКОЙ ОБЛАСТИ) О.В. БЫКОВВА НОВЕЙШИЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НОВОСТНОГО ТЕЛЕВЕЩАНИЯ В ГТРК «БЕЛГОРОД»	
С.В. Аносова АГРЕССИЯ И ФОРМЫ ЕЕ ВОПЛОЩЕНИЯ В ПОЛЕМИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИЗДАНИЙ (НА ПРИМЕРЕ ПЕЧАТНЫХ СМИ ТАМБОВСКОЙ ОБЛАСТИ)	
АГРЕССИЯ И ФОРМЫ ЕЕ ВОПЛОЩЕНИЯ В ПОЛЕМИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИЗДАНИЙ (НА ПРИМЕРЕ ПЕЧАТНЫХ СМИ ТАМБОВСКОЙ ОБЛАСТИ)	
(НА ПРИМЕРЕ ПЕЧАТНЫХ СМИ ТАМБОВСКОЙ ОБЛАСТИ) О.В. Быкова НОВЕЙШИЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НОВОСТНОГО ТЕЛЕВЕЩАНИЯ В ГТРК «БЕЛГОРОД» Г.Д. Золина БИЗНЕС-РЕГИОН КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ИМИДЖА КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ М.Ю. Казак МОНИТОРИНГ СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПРЕССЫ БЕЛГОРОДСКОЙ В.В. Колобов РОССИЯ НА ПУТИ ПОСТРОЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА (ФЕДЕРАЛЬНЫЙ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ) Л.В. Кудинова СПЕЦИФИКА ВЗАИМООТНОШЕНИЙ СМИ С АУДИТОРИЕЙ З.В. Могилевская ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ ИНФОРМАЦИОННЫХ АГЕНТСТВ В ИНТЕРНЕТЕ Т.В. Синенко ЖАНРОВАЯ СПЕЦИФИКА СЕТЕВОЙ ПОЛЕМИКИ М.А. Толстунова НИЖЕГОРОДСКИЕ ДЕЛОВЫЕ ИЗДАНИЯ УНИВЕРСАЛЬНОГО ТИПА В.В. ХорольскиЙ РОМАНТИЧЕСКАЯ И НЕОРОМАНТИЧЕСКАЯ МОДЕЛИ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ТЕКСТА (НА ПРИМЕРЕ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ ХІХ В.)	
НОВЕЙШИЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НОВОСТНОГО ТЕЛЕВЕЩАНИЯ В ГТРК «БЕЛГОРОД» Г.Д. Золина БИЗНЕС-РЕГИОН КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ИМИДЖА КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ М.Ю. Казак МОНИТОРИНГ СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПРЕССЫ БЕЛГОРОДСКОЙ	
Г.Д. Золина БИЗНЕС-РЕГИОН КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ИМИДЖА КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ М.Ю. Казак МОНИТОРИНГ СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПРЕССЫ БЕЛГОРОДСКОЙ В.В. Колобов РОССИЯ НА ПУТИ ПОСТРОЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА (ФЕДЕРАЛЬНЫЙ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ) Л.В. Кудинова СПЕЦИФИКА ВЗАИМООТНОШЕНИЙ СМИ С АУДИТОРИЕЙ Э.В. Могилевская ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ ИНФОРМАЦИОННЫХ АГЕНТСТВ В ИНТЕРНЕТЕ Т.В. Синенко ЖАНРОВАЯ СПЕЦИФИКА СЕТЕВОЙ ПОЛЕМИКИ М.А. Толстунова НИЖЕГОРОДСКИЕ ДЕЛОВЫЕ ИЗДАНИЯ УНИВЕРСАЛЬНОГО ТИПА В.В. Хорольский РОМАНТИЧЕСКАЯ И НЕОРОМАНТИЧЕСКАЯ МОДЕЛИ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ТЕКСТА (НА ПРИМЕРЕ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ ХІХ В.)	
БИЗНЕС-РЕГИОН КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ИМИДЖА КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ М.Ю. Казак МОНИТОРИНГ СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПРЕССЫ БЕЛГОРОДСКОЙ	186
М.Ю. Казак МОНИТОРИНГ СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПРЕССЫ БЕЛГОРОДСКОЙ	186
В.В. Колобов РОССИЯ НА ПУТИ ПОСТРОЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА (ФЕДЕРАЛЬНЫЙ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ) Л.В. КУДИНОВА СПЕЦИФИКА ВЗАИМООТНОШЕНИЙ СМИ С АУДИТОРИЕЙ Э.В. Могилевская ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ ИНФОРМАЦИОННЫХ АГЕНТСТВ В ИНТЕРНЕТЕ Т.В. Синенко ЖАНРОВАЯ СПЕЦИФИКА СЕТЕВОЙ ПОЛЕМИКИ М.А. Толстунова НИЖЕГОРОДСКИЕ ДЕЛОВЫЕ ИЗДАНИЯ УНИВЕРСАЛЬНОГО ТИПА В.В. Хорольский РОМАНТИЧЕСКАЯ И НЕОРОМАНТИЧЕСКАЯ МОДЕЛИ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ТЕКСТА (НА ПРИМЕРЕ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ ХІХ В.)	196
РОССИЯ НА ПУТИ ПОСТРОЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА (ФЕДЕРАЛЬНЫЙ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ) Л.В. Кудинова СПЕЦИФИКА ВЗАИМООТНОШЕНИЙ СМИ С АУДИТОРИЕЙ Э.В. Могилевская ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ ИНФОРМАЦИОННЫХ АГЕНТСТВ В ИНТЕРНЕТЕ Т.В. Синенко ЖАНРОВАЯ СПЕЦИФИКА СЕТЕВОЙ ПОЛЕМИКИ М.А. Толстунова НИЖЕГОРОДСКИЕ ДЕЛОВЫЕ ИЗДАНИЯ УНИВЕРСАЛЬНОГО ТИПА В.В. Хорольский РОМАНТИЧЕСКАЯ И НЕОРОМАНТИЧЕСКАЯ МОДЕЛИ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ТЕКСТА (НА ПРИМЕРЕ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ ХІХ В.)	
(ФЕДЕРАЛЬНЫЙ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ) Л.В. Кудинова СПЕЦИФИКА ВЗАИМООТНОШЕНИЙ СМИ С АУДИТОРИЕЙ Э.В. Могилевская ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ ИНФОРМАЦИОННЫХ АГЕНТСТВ В ИНТЕРНЕТЕ Т.В. Синенко ЖАНРОВАЯ СПЕЦИФИКА СЕТЕВОЙ ПОЛЕМИКИ М.А. Толстунова НИЖЕГОРОДСКИЕ ДЕЛОВЫЕ ИЗДАНИЯ УНИВЕРСАЛЬНОГО ТИПА В.В. Хорольский РОМАНТИЧЕСКАЯ И НЕОРОМАНТИЧЕСКАЯ МОДЕЛИ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ТЕКСТА (НА ПРИМЕРЕ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ ХІХ В.)	
Л.В. Кудинова СПЕЦИФИКА ВЗАИМООТНОШЕНИЙ СМИ С АУДИТОРИЕЙ	
СПЕЦИФИКА ВЗАИМООТНОШЕНИЙ СМИ С АУДИТОРИЕЙ	201
ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ ИНФОРМАЦИОННЫХ АГЕНТСТВ В ИНТЕРНЕТЕ	
Т.В. Синенко ЖАНРОВАЯ СПЕЦИФИКА СЕТЕВОЙ ПОЛЕМИКИ	
ЖАНРОВАЯ СПЕЦИФИКА СЕТЕВОЙ ПОЛЕМИКИ	207
М.А. Толстунова НИЖЕГОРОДСКИЕ ДЕЛОВЫЕ ИЗДАНИЯ УНИВЕРСАЛЬНОГО ТИПА	214
В.В. Хорольский РОМАНТИЧЕСКАЯ И НЕОРОМАНТИЧЕСКАЯ МОДЕЛИ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ТЕКСТА (НА ПРИМЕРЕ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ XIX В.)	
РОМАНТИЧЕСКАЯ И НЕОРОМАНТИЧЕСКАЯ МОДЕЛИ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ТЕКСТА (НА ПРИМЕРЕ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ XIX В.)	223
(НА ПРИМЕРЕ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ XIX В.)	
О.Г. Шильникова	220
ПОПУЛЯРИЗАТОРСКАЯ КРИТИКА КАК СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ЧАСТЬ «ТОЛСТОГО» ЖУРІ	
	КУРНАЛА241
Е.В. Щвец	
ИНТЕРВЬЮ В СИСТЕМЕ МЕТОДОВ ОПРОСАВ.И. Штепа	246
В.И. Штепа ЭВОЛЮЦИЯ ЕСТЕСТВЕННО НАУЧНОЙ ТЕМАТИКИ В СМИ	2/10
НАШИ АВТОРЫ	

CONTENT

PHILOLOG	GY	5
	Aziz Tahseen Razzak	
	NOMINATION OF CLOTHES IN A.CHECHOV'S PROSE AS VIEWED	
I	BY CONTEMPORARY YOUNG READER (EXPERIMENTAL APPROACH)	5
I	N.V. Aniskina	
	PEDAGOGICAL TECHNIQUES OF FORMING PROFESSIONAL DISCOURSE COMPETENCE OF PHILOLOGY STUDENT	S8
į	E.M. Baldina	
;	STYLE REVOLT OF «YOUTH PROSE» 1960TH AND TRADITIONS OF THE RUSSIAN SOVIET LITERATURE	13
1	M.A. Vasilieva	
	P.M. BICILLI AND D.I. CHIZHEVSKY: AT THE HISTORY OF ONE "CORRESPONDENCE" DIALOGUE	18
	M.A. Voskresenskaya	
I	PUBLICISTIC TRANSACTIONS OF THE SYMBOLISTS AS HISTORICAL SOURCE	25
	V.N. Gureev	
	THE FORMATION OF AN INDIVIDUAL'S ARTISTIC CONCEPTION IN THE LATE SOVIET PERIOD	31
	T.V. Drobysheva	
	VERBAL WORK OF ART: THE GENDER PERSPECTIVE	34
	O.V. Zhurcheva	
	THE TRADITION OF THE FOLK THEATRE IN THE N.ERDMAN'S PLAY «THE SUICIDE»	38
	T.I. Zaitseva	40
	THE WORLD OF CHILDHOOD IN THE MODERN UDMURT PROSE	42
	N.L. Zelyanskaya THE RUSSIAN PROSE OF 1850-S: MODELLING OF SEMIOTIC PROCESSES	46
	Kaleel A.K.	40
	COMMUNICATIVE AND PRAGMATIC POTENCIAL OF PHRASELOGY TRANSFORMATION (IN «NOVAYA GAZETA»).	55
	E.L. Kalinina	
	THE PROBLEM OF CONCEPTUAL ADAPTATION OF SUBSTRATIVE GEOGRAPHICAL NAMES	5.8
	L.A. Karyakina	30
	A MAN AND A WAR IN THE NOVEL OF A. NOVIKOV «THE FIGHTING FEATS OF SIMPLETONS»	
	AND IN THE STORY OF A. PLATONOV «AN INNERMOST MAN»	61
	G.L. Kovalchuk	
	TV LANGUAGE: PECULIARITIES OF ITS FORMATION	67
:	S.V. Koltakova	
1	NATIONAL SEMANTIC SPECIFICITY OF THE THEMATIC GROUP "LABOUR" IN ENGLISH AND RUSSIAN	72
	E.V. Merekina	
	THE OPPOSITION 'ONE'S OWN' AND "ALIEN" IN EVENK LANGUAGE	76
	A.V. Miechko	
	MEMORY, OBLIVION AND "FIGURES OF RETURN": THE NOVEL BY V.V. NABOKOV "GIFT"	
	IN "RUSSIAN TEXT" OF "CONTEMPORARY NOTES"	80
	Shao Nanxi	
	THE CHARACTERISTICS OF USAGE OF THE RUSSIAN WORD "ONE"	92
	O.V. Panichkina	
	SEMATIC DESCRIPTION OF WORDS NOMINATING PEOPLE IN THE SPHERE OF EDUCATION IN THE ENGLISH LANGUAGE	0.5
	IN THE SPHERE OF EDUCATION IN THE ENGLISH LANGUAGE	95
	TIME AS THE REFLEXION OF SPACE (AT THE EXAMPLE OF THE "DAY CYCLE" CONCEPT IN SPANISH)	0.0
	T.M. Polyanskaya	30
	RUSSIAN ITINERANT WORKERS: POETRY AND SONGS	103
	M.A. Prasolov	
	P.E. ASTAFIEV, A PHILOSOPHICAL CRITIC AND CENSOR L.N. TOLSTOJ	107
	E.V. Romanova	
1	IS THERE LOVE VERSES IN POEMS BY TVARDOVSKY	118
	I.P. Savelyeva	
	THE CATEGORY QUANTITY IN PERSPECTIVE OF MORFOTEMIC ANALYSIS	123
	I.A. Sergeeva	
	ABOUT THE SYSTEM OF DISTINCTIVE FEATURES WHEN CHARACTERIZING PRESENTIVE LEXIS	
	(BASED ON "THE DICTIONARY OF THE RUSSIAN DIALECTS OF AMUR REGION")	127

	T.A. Simanova	
	CONCEPT "RUSSIAN LANGUAGE" IN LANGUAGE CONSCIOUSNESS OF FOREIGNERS	. 131
	Y.S. Fedyunina	
	LANGUAGE PECULIARITIES OF NATIONALIST TEXTS	. 135
	Y.Y. Frolova	
	SPECIFIC OF CHRONOTOP IN PISEMSKY'S NOVEL "THOUSAND HEADS"	. 139
	Hadi Ali H.	
	HUMAN FEATURES IN SET COMPARITIVE EXPRESSIONS IN THE RUSSIAN LANGUAGE	
	(ASSOSIATIVE EXPERIMENT)	. 142
	E.V. Khlopkova	
	ON THE TECHNIQUES OF PROPAGANDA AS MEANS OF LINGUISTIC MANIPULATION IN THE TRIAL	. 145
	Liu Jinyan	
	RUSSIAN PHRASEOLOGY WITH NAMES OF SHOES	. 149
	A.A. Shaposhnikov	
	A SPATUAL WORLDVIEW IN THE EARLIEST M. GORKY'S WORKS (FOR A PRODUCTION OF THE PROBLEM)	. 152
	E.S. Shevchenko	
	LOW FARCE AS "THE TEXT ABOUT SYMBOLISM" (ON THE BASIS OF F. SOLOGUB'S PLAY "NIGHT DANCES") .	. 157
	E.E. Shenshina	
	CONSTRUCTIONS WITH NOUNS CORRESPONDENCE AND UNCORRESPONDENCE	
	AS A MEAN OF EXPRESSING RELATION OF CORRESPONDENCE AND UNCORRESPONDENCE	. 161
JOURN.	ALISM	165
	S.V. Anosova	
	AGGRESSION AND ITS FORMS IN POLEMICAL TEXTS OF LOCAL EDITIONS	
	(ON THE BASIC OF MASS MEDIA IN TAMBOV REGION)	. 165
	O.V. Bykova	
	THE NEWEST TRENDS OF THE DEVELOPMENT NEWS TELECASTING IN GTRK "BELGOROD"	. 175
	G.D. Zolina	
	BUSINESS - REGION AS A COMPONENT OF IMAGE OF KRASNODAR STATE	. 181
	M.Y. Kazak	
	MONITORING FOR ACTUAL CONDITIONS OF THE PRESS OF BELGOROD REGION	. 186
	V.V. Kolobov	
	RUSSIA TENDS TO BUILD INFORMATIVE SOCIETY (FEDERAL AND REGIONAL ASPECTS)	. 196
	L.V. Kudinova	
	MASS MEDIA AND THE AUDIENCE: SPECIFIC CHARACTER OF MUTUAL RELATIONS	. 201
	E.V. Mogilevskaya	
	TYPICAL SIGNS OF NEWS AGENTS IN INTERNET	.207
	T.V. Sinenko	
	GENRE SPECIFICITY OF NETWORK POLEMIC	.214
	M.A. Tolstunova	222
	NIZHNI NOVGOROD BUSINESS PRESS OF «GENERAL INTEREST»	.223
	V.V. Khorolskiy	
	ROMANTIC AND NEW ROMANTIC MODELS OF PUBLICATION TEXT	220
	(ON THE BASIC OF ENGLISH LANGUAGE PUBLICISTIC TEXTS OF XIX CENTURY)	.229
	O.G. Shilnikova	244
	POPULARIZING CRITICISM AS STRUCTURAL AND FUNCTIONAL PART A BULKY MAGAZINE	. 241
	E.V. Shvets	246
	INTERVIEW IN THE SYSTEM OF INTERROGATORY METHODS	. 240
	V.I. Shtepa NATURAL SCIENCE THEMES EVOLUTION IN MASS MEDIA	240
	NATURAL SCIENCE THEMES EVOLUTION IN MASS MEDIA	. 249
	OUR AUTHORS	.254
		0 7
	RULES FOR AUTHORS	. 255

ФИЛОЛОГИЯ

НАИМЕНОВАНИЯ ОДЕЖДЫ В ПРОЗЕ А. П. ЧЕХОВА ГЛАЗАМИ СОВРЕМЕННОГО МОЛОДОГО ЧИТАТЕЛЯ

© 2008 Азиз Тахсин Раззак

Воронежский государственный университет

Данная статья представляет собой фрагмент работы по выявлению агнонимов (слов неизвестных или непонятых сегодняшнему молодому поколению) из значительного по объему корпуса устаревшей лексики в прозе А. П. Чехова.

Как известно, успешное понимание текстов классической русской литературы затруднено тем, что, с точки зрения сегодняшнего времени, многие слова устарели, особенно если эти устаревшие слова называют реалии ушедшего времени. Для анализа устаревшей лексики и выявления понимания ее современным молодым филологом были выбраны прозаические произведения А. П. Чехова. Известна любовь писателя к деталям, причем все описываемые детали у него чрезвычайно значимы, несут важную в содержательном плане нагрузку; наименования одежды не исключение. Это тематическая группа слов в прозе А. П. Чехова может многое рассказать о персонаже, о его манере поведения и характере.

Методом сплошной выборки был получен список устаревших слов, называющих одежду, включая обувь и головные уборы. Критерием отбора было следующее:

- слово предположительно должно быть знакомо современному читателю;
- если оно незнакомо, то его значение может быть понято с опорой на его внутреннюю форму.

Таких единиц оказалось 32. Для проведения эксперимента из этого числа было выбрано 26 следующих слов: амазонка, башлык, ватерпуф, венгерка, дезабилье, жакет, жилетка-пике, зипун, казакин, капот, кафтан, картуз, кацавейка, крылатка, ливрея, передник, поддевка, ротонда, рейтузы, сюртук, тальма, фрак, цилиндр, шапокляк, шлафрок, штиблеты.

Цель эксперимента — выявить среди указанных устаревших слов агнонимы, т. е. слова, которые современный носитель языка не знает и никогда не слышал или слышал, но не знает их значения.

Термин «агноним» был введен в научный обиход В. В. Морковкиным и А. В. Морковкиной [1]. Как справедливо отмечает В. Д. Черняк, он очень удачен и перспективен. "С одной стороны, он передает индивидуальноличностный характер незаполненных ячеек в лексиконе носителей языка, а с другой — позволяет выявить типичные зоны агнонимической активности для современной языковой личности" [2, 296].

Разумеется, такие слова находятся в пассивном составе лексики. Они, будучи невостребованными в течение времени, вообще утрачиваются языковой личностью. Однако их количество уменьшается с увеличением образовательного потенциала этой личности.

В нашем эксперименте участвовали студенты 1 курса филологического факультета Воронежского государственного университета в количестве 60 человек в возрасте от 16 до 18 лет. Студентам были предложены анкеты со следующим заданием:

- «Просим Вас ответить, не раздумывая, на вопросы:
- знаете ли вы значения этих слов? *поставь- те* (+), (-);
- слышали ли Вы какое-либо из этих слов? *поставьте* (+), (-);
- слышали его, но не знаете значения? *поставьте* (=);
- определите значение слова, ответив на вопрос: "Что это такое?".

На раздумывание у Вас не более 5 секунд по каждому вопросу.

Просим указать Ваш пол и возраст. Спасибо». Получены следующие результаты.

Абсолютно неизвестным словом для 45 респондентов стало слово "тальма".

Далее мы приведем ряд слов по убывающему числу неизвестности (цифры обозначают количество испытуемых, никогда не слышавших и не знающих слова из списка):

Дезабилье — 44	Ливрея — 17
Казакин — 40	Башлык — 15
Ватерпуф — 38	Венгерка — 13
Шлафрок — 37	Зипун — 10
Кацавейка — 32	Шапокляк — 8
Крылатка — 28	Капот — 7
Жилетка-пике — 21	Рейтузы, амазонка — 6
Жакет, ротонда — 19	Передник, сюртук — 2
Передник, поддевка — 18	Жакет — 1

2. Слова, которые были отмечены как такие, которые респонденты слышали, но не знают, что они обозначают:

Венгерка — 36	Зипун — 16
Башлык, ливрея — 33	Казакин, дезабилье — 15
Жилетка-пике — 32	Сюртук — 14
Крылатка — 28	Амазонка, ватерпуф — 10
Поддевка — 27	Капот, рейтузы — 9
Ротонда — 24	Кафтан — 7
Шапокляк — 21	Передник — 6
Кацавейка — 20	Картуз — 5
Тальма, шлафрок — 17	Штиблеты — 3

3. Получены следующие дефиниции на слова-стимулы списка устаревших наименований одежды в прозе А. П. Чехова:

Амазонка — женский костюм для верховой езды - 9, девушка - 2, одежда - 2, племя - 2, воинственная женщина - 1, женщина из племени - 1, дикарка, проживающая на берегах Амазонки - 1, мужененавистница - 1, женщина-воин - 1, река - 8, член женского племени - 1, храбрая женщина - 1, жительница острова, населенного одними женщинами - 1, женщина из Амазонии - 1, модель лифа в одежде - 1. 15 % респондентов дали верное толкование: длинное женское платье особого покроя (здесь и ниже приводятся значения из толкового словаря).

Башлык — капюшон - 6, задняя часть капюшона - 1, одежда - 1, тулуп - 1, телогрейка - 1, верхняя одежда - 1. 10 % респондентов дали верное толкование: суконный теплый головной убор с длинными концами, надеваемый поверх шапки.

Ватерпуф — водонепроницаемый плащ - 3, водоустойчивая одежда - 3, что-то связанное с водой - 2, что-то от воды - 1, вид одежды - 1, дождевик - 1. 13 % респондентов дали верное толкование: непромокаемое легкое женское пальто.

Венгерка — головной убор - 4, шляпа - 2, одежда - 1, шапочка - 1, военный головной

убор - 1. 1,7 % респондентов дали верное толкование: гусарская куртка с нашитыми поперечными шнурами.

Дезабилье — небрежный домашний или утренний наряд - 1, нижнее белье - 1, изобилие - 1. 1,7 % респондентов дали верное толкование: свободное домашнее платье, преимущественно женское.

Жакет — одежда - 12, пиджак - 6, пиджачок - 6, легкая куртка - 5, верхняя одежда без рукавов - 5, удлиненный пиджак - 4, женский свитер - 2, верхняя одежда - 2, часть женского и мужского костюма - 1, теплая кофта - 1, жилет - 1, элемент одежды - 1, кофта - 2. 50 % респондентов дали верное толкование: короткий однобортный сюртук.

Жилетка-пике — одежда - 6, верхняя одежда - 1, теплая верхняя одежда - 1, какая-то жилетка - 1. 1,7 % респондентов дали верное толкование: короткая мужская одежда без воротника и рукавов, поверх которой надевается пиджак, сюртук, фрак, а также женская одежда такого фасона.

Зипун - теплая верхняя одежда - 9, мужская верхняя одежда - 5, тулуп - 3, одежда - 3, теплая куртка - 2, оружие - 1, пояс - 1, крестьянская верхняя одежда - 1. 25 % респондентов дали верное толкование: мужская верхняя крестьянская одежда без воротника.

Казакин — теплая верхняя одежда с рукавами - 2, пиджак - 1, куртка - 1, кафтан - 1, материал - 1, мужская верхняя одежда - 1, вид одежды - 1. 67 % респондентов дали верное толкование: мужская верхняя одежда до колен, тесно облегавшая грудь.

Капот — передняя верхняя часть машины - 13, верхняя женская одежда - 6, женский головной убор - 5, часть одежды - 2, женская кофта - 2, чепец - 1, накидка - 2, женская одежда вроде халата - 1. 10 % респондентов дали верное толкование: женская домашняя одежда свободного покроя, род халата.

Кафтан — верхняя одежда - 19, одежда - 13, пальто - 3, мужское платье - 3, мужской пиджак - 2, мужская одежда - 2, теплая куртка - 2, часть одежды - 1, жилетка - 1, пиджачок - 1, теплая кофта - 1, мужская кофта - 1, элемент одежды - 1, рубашка - 1, расшитый пиджак - 1. 28 % респондентов дали верное толкование: мужская долгополая верхняя одежда.

Картуз — головной убор - 23, кепка - 8, мужская одежда - 5, шляпка с козырьком - 3, мужской военный костюм - 2, шапка - 1, кепи - 1, мужская шляпка - 1, мужская верхняя одежда - 1, куртка - 1, военный головной убор - 1, зимняя одежда - 1, военный мундир - 1. 38 % респондентов дали верное толкование: мужской головной убор.

Кацавейка — теплая верхняя одежда - 2, одежда - 2, куртка - 1, удлиненный пиджак без рукавов - 1, жилет - 1. 6,7 % респондентов дали верное толкование: короткая мужская или женская распашная кофта на меху или на вате.

Азиз Тахсин Раззак

Крылатка — головной убор - 4, шляпа - 2, одежда - 2, насекомое - 1, одежда Пушкина - 1.5% респондентов дали верное толкование: верхняя мужская одежда из сукна, драпа в виде широкого плаща.

Ливрея — одежда лакея - 6, форма для слуги - 3, вид одежды - 3, часть одежды - 1, мантия - 1, плащ - 1, парадный пиджак - 1, одежда служащих - 1, верхняя одежда - 1, мундирчик лакея - 1. 18 % респондентов дали верное толкование: форменная одежда с галунами для швейцаров, лакеев, кучеров.

Передник — фартук - 36, одежда - 3, часть одежды - 2, женский фартук - 1, деталь туалета - 1, часть школьной формы - 1, у девушки передняя часть одежды - 1, одежда для кухни - 1. 60 % респондентов дали верное толкование: одежда, которая защищает платье от грязи.

Поддевка — то, что одевается под что-то - 4, женская одежда - 3, издевка - 2, ирония - 1, подкладка - 1, нижняя одежда - 1, нижняя мужская рубаха - 1, мужская верхняя одежда - 1, издевательство - 1. 1,7 % респондентов дали верное толкование: длинная верхняя мужская одежда в талию, с мелкими сборками.

Рейтузы — нижнее белье - 9, одежда - 5, штаны - 5, мужские брюки - 4, панталоны - 4, обтягивающие брюки - 2, теплые нижние штаны - 1, подштаники - 1, штаны у военных - 1, трусы - 1, удлиненные трусы - 1, часть одежды дамы - 1. 10% респондентов дали верное толкование: узкие брюки, плотно обтягивающие ноги.

Сюртук — мужская одежда - 10, вид одежды - 9, верхняя одежда - 7, теплая куртка - 4, пиджак - 3, длинный мужской пиджак - 1, полушубок - 1, фуфайка - 1, часть одежды - 1, рубашка - 1. 45 % респондентов дали верное толкование: мужская верхняя двубортная одежда в талию с полами до колена, прообраз современного легкого пальто.

Тальма — дефиниции отсутствуют. Верное толкование: женская длинная накидка без рукавов.

Фрак — мужской костюм - 13, нарядный пиджак - 10, одежда - 9, нарядный пиджак с длинными полами сзади - 5, мужская одежда - 2, парадное одеяние - 2, верхняя одежда - 2, старинная мужская одежда - 1, мужской жилет - 1, элемент мужского костюма - 1, верхний костюм - 1.47% респондентов дали верное толкование: мужская одежда, с вырезанными впереди полами, с длинными фалдами сзади.

Цилиндр — мужской головной убор - 22, шляпа - 19, геометрическая фигура - 12, высокая шляпа - 3, стеклянный сосуд - 3, объемная форма - 1. 37 % респондентов дали верное толкование: высокая, твердая, с полями мужская шляпа цилиндрической формы.

Шапокляк — героиня мультфильма - 8, шляпа - 7, старуха - 5, головной убор - 4, маленькая шляпка - 1, персонаж повести - 1, мультяшка - 1, маленький цилиндр - 1, бабулька из мультфильма - 1, героиня сказки Э. Успенского - 1. 23 % респондентов дали верное толкование: складная шляпа-цилиндр на пружинах.

Шлафрок — халат - 2, пижама - 1, одежда - 1, пальто - 1, пика для поднятия флага или стяга - 1, мужская одежда типа халата - 1.5% респондентов дали верное толкование: домашний халат.

Штиблеты — обувь - 29, туфли - 5, ботинки - 4, сапоги - 2, мужская обувь - 2, сандалии - 2, элемент мужской одежды - 2, одежда - 1, шлепки - 1, тапки - 1.58 % респондентов дали верное толкование: обувь мужская и дамская из кожи, сукна или полотна на пуговицах, позднее на шнурках.

Полученные в эксперименте данные хорошо показывают, какие из устаревших слов и в каком процентном соотношении известны респондентам, а какие содержатся в языковом сознании как агнонимы — таков их способ существования. Становится очевидной потребность историко-лингвистического комментария к текстам А. П. Чехова.

Проведенный эксперимент позволяет установить лексический массив агнонимов в прозе А. П. Чехова, выяснить разницу между пассивным словарем русского литературного языка и словарным запасом языковой личности и определить лексическую компетенцию носителя русского языка.

ЛИТЕРАТУРА

- 1. Морковкин В.В. Русские агнонимы. Слова, которые мы не знаем / В. В. Морковкин, А. В. Морковкина. М.: Наука, 1997. 414 с.
- 2. Черняк В. Д. Агнонимы в лексиконе языковой личности как источник коммуникативных неудач / В. Д. Черняк // Русский язык сегодня. Вып. 2. Активные языковые процессы конца XX века. М.: Азбуковник, 2003. С. 295-304.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДИСКУРСИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ-ФИЛОЛОГОВ

© 2008 Н.В. Аниськина

Тольяттинский государственный университет

Под дискурсивной компетенцией мы понимаем совокупность знаний, умений, навыков, а также способов деятельности, связанных с построением и ситуативным пониманием дискурсов как объектов реальной действительности в процессе осуществления профессиональной деятельности. Таким образом, устанавливается подчиненность знаний умениям и подчеркивается роль умений (опыта) практически реализовывать знания, решать задачи профессиональной деятельности на этой основе.

Дискурсивная компетенция, как и любая компетенция, включает освоение четырех типов опыта:

- 1) Опыта познавательной деятельности, фиксированного в форме ее результатов знаний;
- 2) Опыта осуществления известных способов деятельности в форме умения действовать по образцу;
- 3) Опыта творческой деятельности в форме умения принимать эффективные решения в проблемных ситуациях;
- 4) Опыта осуществления эмоциональноценностных отношений — в форме личностных ориентаций [1, c.18].

Освоение этих четырех типов опыта позволяет сформировать у учащихся способности осуществлять сложные культуросообразные виды действий, которые в современной педагогической литературе носят название компетентностей.

Полученные нами данные подтвердили выдвинутое нами предположение об актуальности изучения темы, связанной с речевым поведением в сфере профессиональной деятельности, и показали, что все студенты рассматривают деловое общение как неотъемлемую часть профессиональной деятельности и считают необходимым введение специального курса по изучению особенностей делового общения, поскольку уже на этапе обучения они характеризуют свой уровень знаний как явно недостаточный для установления и поддержа-

ния контактов в производственной сфере, т. е. для выражения интенций в процессе бизнес-коммуникации.

Анализ ответов на вопросы анкеты и теста показал, что все студенты осознают значимость культуры делового общения в профессиональной деятельности специалиста и в качестве цели обучения видят преодоление имеющихся трудностей, связанных с коммуникацией в производственной среде, как то: недостаточное знание деловой лексики и терминов; трудности с поддержанием делового общения с представителями других стран; незнание тонкостей всех сфер делового общения; необходимость выражать свои мысли строгим, «сухим» языком с помощью определенных синтаксических оборотов.

В целом большая часть студентов (87%) продемонстрировала хорошие знания книжных стилей языка, хотя и наблюдались некоторые затруднения при определении и аргументации стилевой принадлежности отдельных отрывков: только 15% респондентов смогли перечислить несколько критериев при характеристике стилевой принадлежности того или иного отрывка.

Студенты в той или иной степени знакомы с понятием «деловое общение», однако их представление носит поверхностный характер. Так, деловое общение определяется обучающимися как общение в деловой/официальной обстановке (в сфере бизнеса); как общение между организациями и/или бизнес-партнерами, объединенными деловыми интересами; как вид коммуникации, при котором используется официально-деловой стиль; как общение между представителями различных предприятий для заключения сделок, договоров; как совокупность некоторых правил, особенностей, которые могут быть использованы в сфере общения на деловом уровне. При этом студенты испытывали ряд затруднений при выделении характеристик искомого понятия. Лишь 37% респондентов отметили такие черты,

как лаконичность, шаблонность, вежливость, точность, логичность, информативность, безэмоциональность, ясность. Подобная ситуация наблюдалась и при характеристике официально-делового стиля речи, с которым все студенты связывали искомое понятие. В качестве особенностей 37% студентов выделили следующие признаки: использование штампов, объективность, использование при деловом общении и деловой переписки, лаконичность, ясность, употребление деловой лексики и терминов, шаблонность, краткость, нормативность, отсутствие лишней информации, строгая аргументированность, убедительность, настойчивость, недвусмысленность. При этом следует отметить, что все испытуемые выделили в качестве форм осуществления делового общения письменную и устную и смогли перечислить ряд тем, обсуждаемых в процессе профессиональной деятельности, например такие, как условия сотрудничества, заключение контрактов, продажа, запрос, предложение, уточнение, благодарность, увеличение объема продаж, улучшение качества продукции, деловое сотрудничество, поставка товаров.

Дальнейший анализ полученных результатов показал, что студенты не знакомы с понятием «жанр официально-делового стиля»: только 12% смогли перечислить возможные жанры, такие как заявление, уведомление, жалобы, деловое письмо, расписка, запрос, резюме, контракт, справки, объяснение, объединенные под названием «эпистолярный жанр». Также обучающиеся имеют поверхностное представление о таких понятиях, как речевая ситуация и реквизиты делового письма: лишь 12% студентов владеют умением ориентироваться во внешней структуре оформления делового письма, а 5% — умением соотносить языковое выражение с речевой ситуацией общения.

Анализ результатов ответов с точки зрения языкового выражения деловых интенций показал, что 22% связали деловое общение с категорией вежливости и продемонстрировали умение использовать языковые средства выражения положительных эмоций, а 52% — уместно использовать клишированные словосочетания.

Определенные трудности возникли и при определении понятия «деловая переписка» и выделении классификационных групп делового письма. Так, деловая переписка определяется как переписка между деловыми партнерами, которая несет в себе официально-деловой характер; (официальные) письма (виды писем), касающиеся дела или договоренности о совместном деле; письменная форма делового общения; переписка, которая ведется между

людьми (предприятиями) по поводу их отношений; переписка между участниками бизнеса; письменное общение людей, объединенных деловыми интересами. В качестве видов деловых писем 15% респондентов выделили следующие разновидности: письмо-отказ, письмо-рекомендация, письмо-приказ, рекомендательное письмо, информирующее письмо, благодарственное письмо, письмо-ответ, объяснительное письмо.

Полученные данные учитывались нами при организации содержания обучения: создании отдельных словарей-минимумов, а также отборе текстов, принадлежащих различным интенциональным группам.

На основании проведенного исследования мы разбили курс изучения особенностей письменного делового общения на три блока — информационно-организующий, информационно-практический, практико-ситуативный.

На первом этапе – информационно-организующем – осуществляется формирование концептуальной составляющей знаниевого компонента, поскольку студенты овладевают теоретическими основами профессиональной практики, и мотивационной составляющей личностно ориентированного компонента, т. к. весь процесс обучения направлен на формирование у филологов основной способности – готовности к практической деятельности. Условиями достижения поставленной цели служат специально организованное теоретическое обучение и адаптация знаний студентов в области стилистики и культуры общения, что, в свою очередь, позволило нам говорить о формировании адаптивных способностей, т. е. способности овладевать основными средствами и формами деятельности новой среды, усваивать действующие в ней ценности и нормы.

Второй этап – информационно-практический – позволяет сформировать специальную составляющую знаниевого компонента, поскольку студенты овладевают знаниями, необходимыми для выполнения заданий, связанных с профессиональной деятельностью, и практического репродуктивного компонента, т. к. обучение основывается на воспроизведении известных способов деятельности в изученных ситуациях общения. Условиями достижения поставленной цели служат специально организованная деятельность, направленная на практическое применение полученных знаний, и актуализация знаний и умений студентов, что, в свою очередь, позволило нам говорить о формировании актуалитивных способностей, т. е. способности к активной коммуникативно-познавательной деятельности, углубленному пониманию содержания материала.

В рамках третьего этапа осуществляется формирование практического творческого компонента, т. к. мы учим студентов ориентироваться и применять усвоенные знания и умения в новых ситуациях общения, и прогнозирующе-результативной составляющей личностно-ориентированного компонента, т. к. обучение направлено на практическое удовлетворение потребности личности в успешной реализации планов, основанной на способности прогнозировать результат деятельности. Условиями достижения поставленной цели служат специально организованная деятельность, направленная на формирование коммуникативно-речевых умений, и интеграция знаний студентов, что, в свою очередь, позволило нам говорить о формировании интегративных способностей, т. е. способности творчески пользоваться разнообразной информацией в межкультурном межсубъектном общении и взаимодействии, оценивать особенности национального мышления.

Различные качества, умения и способности личности, без которых не возможна профессиональная и связанная с ней коммуникативная деятельность, могут быть сформированы только благодаря упражнениям в проявле—нии этих качеств, в реализации умений и способностей.

Дидактическая организация системы упражнений подчинена нескольким этапам формирования коммуникативно-речевых умений выражения деловых интенций.

Первый этап (информационно-практичес-кий блок) предусматривает освоение умений формальной организации делового письма. На их формирование направлены некоммуникативные упражнения, характеризующиеся отсутствием связи с речевой ситуацией, следующего типа:

- 1. Назовите представленные ниже реквизиты. Укажите их положение на бланке делового письма.
- 2. Проанализируйте структуру представленных образцов деловых писем. Охарактеризуйте порядок следования реквизитов.
- 3. Проанализируйте представленные образцы деловых писем. Выделите структурные компоненты.
- 4. Проанализируйте текст делового письма. Рассмотрите структуру письма. Исправьте бланк в соответствии с нормами официальноделового стиля.
- 5. Приведенный текст письма-предложения представительских услуг российской компанией для некоторой зарубежной компании разбит произвольным образом. Составьте бланк реального письма на английском и русском языках.

На втором этапе (информационно-практический блок) обучения предусматривается освоение умений языковой организации делового письма.

На формирование данных умений направлены условно-коммуникативные упражнения, характеризующиеся обучением пониманию отдельных смысловых частей и деталей текста, следующего типа:

- 1. Проанализируйте представленные словосочетания с точки зрения принадлежности к официально-деловому стилю.
- 2. Проанализируйте приведенный пример делового письма. Определите, к какому стилю оно принадлежит.
- 3. Проанализируйте представленные варианты деловых писем. Определите цель писем. При необходимости исправьте стилевые и структурные ошибки.
- 4. Проанализируйте представленные варианты деловых писем. Определите цель писем. Сравните реквизиты, характерные для писем с различными целями коммуникации. Выделите особенности построения текста делового письма в зависимости от цели коммуникации.
- 5. Постройте классификацию деловых писем как жанра официально-делового стиля.
- 6. Проанализируйте представленные варианты деловых писем. Определите цель писем. Выделите языковые средства (клише), используемые для выражения различных целей коммуникации. Сравните используемые языковые средства с точки зрения достижения однозначности понимания (цели коммуникации).
- 7. Составьте англо-русский и русско-английский словари клише для выражения определенных деловых интенций.
- 8. Проанализируйте текст делового письма. Рассмотрите структуру письма и языковые средства достижения цели коммуникации с точки зрения принадлежности к официально-деловому стилю. Исправьте структурные и стилевые ошибки.
- 9. Составьте собственные образцы деловых писем на русском и английском языках в соответствии с предложенной Вами классификацией.

На третьем этапе (практико-ситуативный блок) обучения выражению деловых интенций осуществляется актуализация навыков ориентирования во внешней структуре оформления делового письма и выбора лингвистических средств в зависимости от конкретного коммуникативного намерения воздействовать на адресата в определенной речевой ситуации.

На совершенствование данных навыков направлены собственно коммуникативные уп-

ражнения, характеризующиеся наличием связи с речевой ситуацией и обеспечивающие смысловую и коммуникативную целостность отдельных важных частей письма и всего текста в целом при написании собственных речевых произведений, следующего типа:

- 1. В сентябре у Вас прошла встреча с представителем фирмы "Green and Co", во время которой вы обещали прислать фирме предложения по поставке оборудования. Вы посылаете письмо "Green and Co", предварительно обсудив с коллегами условия поставки. Вы можете дать 10% скидку от котировки, объявленной в мае, которая будет составлять 150 FOB за пять единиц оборудования. Вы надеетесь, что ваши партнеры согласятся с этой ценой. В случае, если они не согласны с ценой, вы предлагаете две единицы оборудования бесплатно для проведения испытаний. Остальные единицы будут поставлены по вышеуказанной цене.
- 2. Вы получили письмо фирмы от 5.01.2006, в котором говорится, что она может предложить вам необходимое количество машин модели С по цене 2100 за штуку. Вы заинтересованы в машинах этой модели. Составьте ответ и укажите: сколько машин вы хотели бы закупить, в какие сроки должна осуществляться поставка, по какой цене вы могли бы закупить машины», попросите скидку за большую партию машин. Условия платежа вы готовы обсудить при встрече с представителем фирмы после того, как фирма сделает вам предложение и пришлет требуемые каталоги и проспекты.
- 3. По электронной почте Вы получили следующие письма-запросы:

Уважаемые господа!

Наша фирма является поставщиком ООО «АвтоВАЗ», и мы заинтересованы в покупке распылителей, которые производит ваша компания.

Просим рассмотреть возможность заключения контракта на поставку распылителей "Trans-Tech" и запчастей к ним и сообщить нам Ваши цены на товары, перечисленные ниже.

Надеемся на положительное рассмотрение нашей просьбы.

С уважением,

генеральный директор

А.В. Верховцев

Уважаемые господа!

Моя фирма сотрудничает с OOO «АвтоВАЗ», и я бы хотел купить распылители "Trans-Tech" и запчастей к ним. Также сообщите мне Ваши цены на товары, перечисленные ниже.

Искренне Ваш, генеральный директор А.В. Верховцев Обсудив с коллегами данные запросы, вы вынуждены отказать покупателю, поскольку Вы больше не производите данный вид продукции, а переустройство оборудования приведет к нарушению нормального производства товаров. Вы надеетесь, что покупатели правильно поймут вашу позицию, и надеетесь на будущее сотрудничество. Напишите ответы.

Проанализируйте полученные тексты с точки зрения влияния на выбор языковых средств в письме-ответе особенностей стиля писем-запросов.

Именно на данном этапе в учебный процесс включаются упражнения на моделирование условно-реальных и реальных речевых ситуаций, благодаря которым развиваются такие качества коммуникативно-речевых умений выражения деловых интенций на иностранном языке, как динамичность, интегративность и целенаправленность.

Анализ результатов эксперимента проводился с помощью метода тестирования, позволяющего определить итоговый уровень владения дискурсивной компетенцией студентами-филологами, т. е. способности перенесения знаний, речевых умений, лексических и грамматических навыков на новую сферу (ситуацию) общения.

Полученные данные отражены в таблице, фиксирующей изменения уровня владения дискурсивной компетенцией на разных этапах эксперимента (таб. 1).

Табл. 1 Уровень владения дискурсивной компетенцией на разных этапах эксперимента

Уровни владения	Этап эксперимента		
дискурсивной компетенцией	Констатирующий	Формирующий	
Высокий	0%	15%	
Выше среднего	0%	20%	
Средний	7%	45%	
Ниже среднего	38%	20%	
Низкий	55%	0%	

Кроме этого были выделены параметры, позволяющие оценивать отдельные компоненты исследуемой способности и регулировать процесс обучения в каждом конкретном случае в зависимости от уровня знаний и умений группы.

Полученные данные представлены в таблице 2, отражающей изменение уровня владения дискурсивной компетенцией по определенным параметрам.

Динамика роста уровня знаний и умений студентов по различным параметрам составляет от 8 до 60%, что позволяет сделать вывод об эффективности опытно-экспериментального обучения.

Данные экспериментального обучения свидетельствуют, что изучение деловых писем с учетом применяемых нами методов углубляет знания обучающихся по стилистике и культуре общения, способствует формированию и развитию коммуникативно-речевых умений и навыков творчески пользоваться теоретическими основами при построении письменного речевого произведения в процессе межкультурного общения и взаимодействия.

Анализы результатов ответов после обучения по предложенной методике показывают возможность формирования дискурсивной компетенции. Таким образом, всесторонняя экспериментальная проверка эффективности приоритетных содержательных и методических компонентов спроектированной и реализованной педагогической технологии формирования профессиональной дискурсивной компетентности показала правильность выдвинутой гипотезы исследования и действенность всей разработанной технологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балыхина, Т.М. Структура и содержание российского филологического образования. Методологические проблемы обучения русскому языку: Научное издание / Т.М. Балыхина. — М. : Изд-во МГУП, 2000.-400 с.

Табл.2 Изменение уровня владения дискурсивной компетенцией по определенным параметрам

компетенцией по определенным параметрам			
Параметр	Этап эксперимента		
	Констатиру- ющий	Формирую- щий	
Знание стилей книжной речи	87%	95%	
Знание особенностей делового общения	37%	73%	
Знание особенностей официально-делового стиля	37%	78%	
Знание жанров официально-делового стиля	12%	30%	
Знание видов деловых писем	15%	70%	
Умение правильно аргументировать свои действия	15%	75%	
Умение ориентироваться во внешней структуре оформления делового письма	37%	60%	
Умение соотносить языковое выражение с речевой ситуацией общения	15%	53%	
Умение уместно использовать клишированные словосочетания	52%	85%	
Умение использовать языковые средства выражения положи- тельных эмоций	22%	68%	

СТИЛЕВОЙ БУНТ «МОЛОДЕЖНОЙ ПРОЗЫ» 1960-Х ГГ. И ТРАДИЦИИ РУССКОЙ СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

© 2008 Е.М. Балдина

Воронежский государственный университет

«Молодежная» или «молодая» проза, появившаяся в конце 50-х годов, вызвала неподдельный интерес читателей. Она привлекала внимание своим правдивым изображением чувств, языком, стилем и, конечно, типом «бунтующего» героя.

Появление «молодежной прозы» было обусловлено несколькими причинами. Во-первых, мы можем связать это явление с периодом так называемой «оттепели», связанным со смертью Сталина, с процессом освобождения культуры от жесткого партийного контроля, с постепенным преодолением сталинского догматизма. Этот исторический период некоторые исследователи связывают с фазой «деканонизации» художественного метода в литературе [5, 281-287].

Во-вторых, исследователи объясняют возникновение «молодежной прозы» с так называемой «социологической» причиной [9, 104] — в начале 1960-х гг. выпускнику школы без так называемого «производственного» стажа поступить в вуз было практически невозможно. Эта, казалось бы, внешняя причина оказала большое влияние на самосознание молодого поколения.

Н.Л. Лейдерман и М.Н. Липовецкий отмечают, что «молодая проза» родилась на страницах журнала «Юность», который стал выходить с 1955 года. Таким образом, ориентировочной датой появления «молодежной прозы» мы можем считать конец 1950-х годов. Главной отличительной ее чертой становится принципиально иной способ изображения главного героя. И дело не только в том, что в «молодой» прозе его внутренний мир становится ближе и понятнее читателю, а в том, что читатель переходит от наблюдения над героем к сопереживанию, что литература начинает обращать внимание на личность. Герой «молодежной прозы» предстает перед нами юным человеком, находящимся, тем не менее, в сложной ситуации выбора - «потерявшим цель в жизни, усомнившимся в затверженных с детства истинах, находящимся в остром конфликте с окружающей действительностью» [9, 104]. Подобный герой

словно бы выпал из времени и мира еще не определившимся и растерянным, он ищет свой путь словно бы на ощупь, мучаясь и сомневаясь. Он чувствует страх, а порою и равнодушие и безразличие: «Болезнь с длинным латинским названием: "Ничегоянехочуничегоянежелаю"» [2, 62].

Рассматривая «молодежную прозу», время ее зарождения, мы можем отметить, что она даже внешне отличается от соцреалистической литературы так называемого ждановского периода, но в то же время не порывает с традициями советской классики. В трактовке героя она сближается с литературой 1920-х годов.

В качестве центральной задачи для соцреалистического канона ждановского времени устанавливалось «воспитание новой личности, формирование ее идейно-нравственных основ, углубленное самопознание, анализ жизни человека и общества, событий времени и всего того, что может интересовать современника — человека нового, марксистско-ленинского мировоззрения с присущими ему широтой горизонтов, глубиной восприятия действительности, остротой реагирования на все происходящее в мире» [7, 13]. В период же становления советской литературы, в 1920-е годы, когда формировался тип нового героя, необходимо было сломать и разрушить старый мир и создать новый. «Формирующаяся поэтика советской литературы (этого периода. — E. E.) фундирует силу, волевой напор, способность подавлять человеческие слабости — свои и чужие» [10, 124].

Положительный герой формировавшейся советской литературы призван был стать образцом для обычного человека, он представал уже в «готовом» образе цельной, сформированной личности. «Новые герои отличаются небывалым энтузиазмом, стойкостью, оптимизмом, самоконтролем, дисциплиной» [6, 347], — свидетельствуют современные исследователи. При формировании нового человека, необходимого социуму, партии, ценными представлялись те качества, которые определены и заданы обществом, а не те, которые

были пока свойственны рядовому человеку. Воспитательная функция советской литературы предполагает некую ценностную систему, находящуюся вне воспитуемой личности, то есть вне читателя или вне героя. Образцовый герой произведений 1920-х годов («Бронепоезд 14-69» Вс. Иванова, «Железный поток» А. Серафимовича, «Ветер» Б. Лавренева) — цельная, волевая, сформированная личность, уверенная в своем деле и своих силах.

Тип «нового человека» в различные исторические периоды выполнял разную функцию. В период становления соцреализма герой должен был быть лидером, вести за собой людей. Но уже с конца 1920-х гг. подобная функция становится неактуальной. Героем становится не вождь, меняющий жизнь общества, а ее строитель, не нарушающий привычных правил, работающий во имя достижения великой цели. Литература соцреализма 1930-х годов воспевает не исключительность, а норму, воспитывает в читателе добросовестного исполнителя.

В «молодежной прозе» начала 1960-х годов, на первый взгляд, мы видим то же самое. Свое счастье герой обретает не в одиночном движении к собственной цели, а в общем деле. Но от советской классики его отличает то, что он не теряет себя в массе, а наоборот — находит себя в толпе. На первый план выходит само ощущение героя, его осознанная приобщенность к другим людям и к общему делу: «А мне было весело. Я не был экскурсантом. Я был рабочим. Я стал настоящим рабочим. У меня висят, как плети, руки и болят. Сапоги невыносимо тяжелы. Я настоящий рабочий. Из той армии, которая делала революцию, уничтожала рабство, строила социализм!» [8, 26] (Курсив мой. — Е.Б.).

Для героя «молодежной прозы» характерно перераспределение частного и общего - он пытается обрести себя в общем деле, а не жертвовать собой. При этом скучная, однообразная работа, ассоциировавшаяся ранее с обыденностью, окрашивалась романтическим желанием не стать мелким человеком, не завязнуть в быте. Вот почему героев «молодежной прозы» мы видим на стройке в Сибири, на рыболовецком сейнере, на целине. Масштаб человеческой личности зависел от глобальности, значимости его дела. Поэтому во многом стремление героев приобщиться к великим стройкам, к большому делу соответствовало скорее горьковскому тезису предреволюционных лет «Человек определяется сопротивлением среде», нежели канонам позднего соцреализма.

«До сих пор не понимаю, как я отважился вот так сесть в поезд, выехать, не имея знакомых, не имея понятия, что я буду делать в Сибири, и нужен ли я вообще кому-нибудь. Может, я сделал это только потому, что плакала мать и умоляла устроиться рабочим в артели детских игрушек: "Как

раз требуются, а это и близко и удобно. Будешь работать, как все люди".

Как все люди? Это значит: приносить домой получку, ходить по субботам в кино, а по воскресеньям играть во дворе в домино или строить клетушку для поросенка и, наконец, жениться, по возможности, на портнихе. А ведь еще в шестом классе мы мечтали о дальних морях!» [8, 8]

Текст А. Кузнецова и стилистически, и содержательно перекликается с романом М. Горького «Мать», создававшимся в годы формирования «ленинской гвардии», состоявшей из кадровых революционеров. По романтическому принципу они противостояли серости обычной жизни.

«Павел сделал все, что надо молодому парню: купил гармонику, рубашку с накрахмаленной грудью, яркий галстух, галоши, трость и стал такой же, как все подростки его лет. Ходил на вечеринки, выучился танцевать кадриль и польку, по праздникам возвращался домой выпивши и всегда сильно страдал от водки. Наутро болела голова, мучила изжога, лицо было бледное, скучное.

Однажды мать спросила его:

Ну что, весело тебе было вчера?

Он ответил с угрюмым раздражением:

Тоска зеленая! Я лучше удить рыбу буду. Или – куплю себе ружье.

Работал он усердно, без прогулов и штрафов, был молчалив, и голубые, большие, как у матери, глаза его смотрели недовольно. Он не купил себе ружья и не стал удить рыбу, но заметно начал уклоняться c торной дороги всех: реже посещал вечеринки и хотя, по праздникам, куда-то уходил, но возвращался трезвый» [3, 15-16] (Курсив мой. — Е.Б.).

Опасение, что можно прожить жизнь серо и тускло, в погоне за тем, чтоб было все «как у людей», в погоне за квартирой, одеждой, получкой, и порождало у героев «молодежной прозы» желание бежать на стройки, где есть место подвигу, на целину, где все еще идет битва, пусть за урожай, но все же битва. Герой повести «Мать» Горького также пребывает в такой же затхлой среде, также стремится избежать бессмысленного и однообразного повторения, стать другим, не таким, как остальные. «Яркая личность, бунтарь-одиночка, с точки зрения М. Горького, все же полнее и значительнее выражает волю к преобразованию мира и жизни, нежели люди в своей массе, чаще всего легко объединяющиеся в толпу, всегда бывшую для него воплощением самых низменных инстинктов еще со времен "Старухи Изергиль"» [10, 189]. Герой Горького – лидер, за которым идет народ, это самостоятельная сильная личность, сделавшая свой выбор и идущая по своему пути. Это же характерно для героя «молодежной прозы». Молодые авторы даже стилистически стараются подражать Горькому.

Ср: «А из тьмы ветвей смотрело на идущих что-то страшное, темное и холодное. Это был трудный путь, и люди, утомленные им, пали духом. Но им стыдно было сознаться в бессилии, и вот они в злобе и гневе обрушились на Данко, человека, который шел впереди их» [4, 94] (М. Горький «Старуха Изергиль»).

«Была темная и бурная ночь. Ангара металась в темнице, плакала и звала на помощь Енисея. Но никто не слышал ее.

И билась грудью красавица Ангара о каменные утесы, и разбила она грудь в кровь» [8, 38] (А. Кузнецов «Продолжение легенды»).

Принимая горьковское воспевание свободного человека, «молодежная проза» стремится преодолеть закосневший, отчужденный от человека стиль соцреалистической прозы ждановского периода. «И сама форма повествования, которую избирали молодые авторы — «записки молодого человека» (это подзаголовок кузнецовского «Продолжения легенды»), «письма» (В. Краковский «Письма Саши Бунина»), дневник или редуцированные формы дневника (в «Хронике» А. Гладилина), чередование внутренних монологов главных героев («Звездный билет» В. Аксенова) и т. п. служила способом «сиюминутного» фиксирования состояния кризисности и непосредственной, живой, «неолитературенной» рефлексии молодого героя на разлад с миром и с самим собой» [9, 104]. Но борьба со штампами шла трудно. Стилевой бунт героев обычно к развязке обретал привычные черты соцреалистической литературы. Повествование словно бы утрачивало свою юношескую непосредственность, в сознании героев появлялись высокопарные фразы, а через исповедальность пробивался язык коммунистических собраний. И это было практически типичной чертой «молодежной прозы» начала 1960-х годов:

«Жить — это бороться. Жить — это любовно делать то дело, которому мы присягали, — делать его, как бы это ни было трудно. Только учти, делать его можно лишь с чистыми руками и с чистой душой. Чтобы, понимаешь, и работать и жить, как подобает! Чтобы не было стыдно ни за один прожитый день и час» [11, 39] (М. Пархомов «Хороший парень»).

«Мы должны дорожить каждым днем, никогда не успокаиваться, никогда не быть довольными собой: ведь задачи наши огромны. А кто останавливается, того жизнь выбрасывает. И мы не должны во всех этих мелочах быта, сутолоки, будней, в дыму юношеского честолюбия терять главную цель нашей жизни» [2, 64] (А. Гладилин «Дым в глаза»).

«Счастье — вот тут оно; счастье — это буря, это битва, это солнце в сердце, которого хватит и для

других, и для себя, и после смерти останется бродить по свету, и будоражить, и звать, и светить!» [8, 52] (А. Кузнецов «Продолжение легенды»). Безусловно, такие высказывания словно бы заимствованы из речей Павки Корчагина.

«Молодежная проза» начала 1950-х гг. была явлением временным, переходным. Ее поисковый характер проступает уже в избирательном отношении к советской традиции: принимает романтизированных героев М. Горького и отталкивается от его поздних эпигонов. В такой избирательности таится сложная судьба авторов «молодежной прозы», начинавших свой путь с поисков героя, стиля, своего слова, а закончивших выработкой собственной позиции.

Молодые прозаики 1950-х годов увидели в горьковских героях не стилистическую новизну, но прежде всего стремление к новому. В ранних романтических произведениях пролетарского писателя мотивы протеста героев пока на уровне чувств (Данко), юношеского неприятия будней и серости («Песня о соколе»). Осознание причин протеста, его цель, назначение придут позже, как и в «молодежной прозе». Вот почему нам кажется уместным ассоциативное сопоставление (не прямое следование, а отсылка) романтического героя М. Горького Данко с героем произведения Г. Владимова «Большая руда». Герои обоих произведений стремятся испытать и преодолеть себя. Они вступают в столкновение: один – с государством, другой – со своим окружением. Данко и Пронякин – одиночки, которые идут к своей цели. В достижении ее они не жалеют ни себя, ни других людей: «Трудный путь это был! Темно было, и на каждом шагу болото разевало свою жадную гнилую пасть, глотая людей, и деревья заступали дорогу могучей стеной» [4, 94] (М. Горький «Старуха Изергиль»). Беспощаден к себе и Пронякин: «Не ет, я себе жилы вытяну и на кулак намотаю, а выбьюсь» [1, 52] (Г. Владимов «Большая руда»).

Оба — и Данко и Пронякин — предпочитают гибель, оказавшись в ситуации, которая грозила сломить их. Для Данко быть сломленным толпой людей намного страшнее, чем пожертвовать собой для ее спасения: «А он уже понял их думу, оттого еще ярче загорелось в нем сердце, ибо эта их дума родила в нем тоску» [4, 95]. В гибели для других людей проявляется его собственный выбор, а не решение его племени.

Ситуация, в которой оказывается Пронякин, напоминает нам это столкновение — решаясь работать в карьере в дождь, он вступает в конфликт со своей бригадой. Отступить Пронякин не может, не может поставить свой «мазик» рядом с другими машинами только потому, что это означало бы для него поражение, отказ от

своей цели и от своего намерения. И хотя он осознает опасность («С колотящимся сердцем он прошел два витка...»), Пронякин не отступает: «Он посмотрел вверх, на петляющую дорогу, и на миг Пронякину стало страшно.

– Да, уж если поползет... Ладно, не ворожи. Доеду. Зато уж какого гвоздя мы им воткнем!» [1, 77]

Данко выводит людей в новый мир, в прекрасную степь, а Пронякин вывозит руду, которая для всех является знаком новой, хорошей жизни: «А к тому, что всем легче будет, когда руда пойдет... И кино, и артисты, и масло в магазине, и мануфактуры всякой навезли. Потому что с отдачей стали жить» [1, 49].

Сердце Данко загорается от любви к людям, но и для Пронякина руда является чем-то большим, чем просто повод примириться со своей бригадой, чем-то, что уже перед самой своей гибелью он осознает как неясное воспоминание: «Его охватило вдруг странное ощущение нереальности всего, что он делает. Как будто это было с ним не теперь, а когда-то, давным-давно, может быть в детстве, когда он бежал с какой-нибудь радостью к матери и знал наверняка, что она обрадуется, потому что лучше всех это умела делать она одна, о которой он уже почти ничего не помнил» [1, 79]. Пронякин, как и Данко, движим любовью, радостным желанием ею поделиться, и в этом заключается его счастье.

Но герои гибнут в момент полного переживания своего чувства. Трагический финал при этом неизбежен, потому что герои несовместимы с обыденной жизнью. В ней даже память о героях искажается. У Горького горящее сердце Данко уничтожает осторожный человек, а у Владимова Пронякин «неловко подверстан к плечу Мацуева».

Разумеется, мы учитываем, что горьковский герой выполнен в романтической стилистике, а Пронякин принадлежит психологической прозе. Речь идет о главных, базовых принципах отношения к жизни. Горький в своем рассказе изображает исключительную личность, того, без которого нельзя обойтись, потому что только Данко способен принять на себя ответственность за все племя и стать для людей вождем. Пронякин же, при всех достоинствах и качествах, является одним из многих. Он не хочет быть лидером, он хочет отвечать лишь за свою судьбу. Но и это не нравится его бригаде: «Торопишься ты, Виктор, - сказал Мацуев. - Я вот тут с первого гвоздя, в палатке с женой и дочками жил. Да и другие, кого я знаю, не сразу к ним все приходило. А ты хочешь, чтоб сразу все. Нет уж, погоди, присмотрятся к тебе, соли пудика три съедят с тобою, а тогда уж и претендуй» [1, 49].

Поэтому руда для Пронякина становится доказательством его права «спеша» не быть как все: «Но вдруг ему пришло в голову такое, отчего снова стало легко и весело. Он увидел себя, как он подъезжает к конторе, поднимает кузов и вываливает все это, что он вез, прямо в слякоть и грязь, прямо перед крыльцом. А потом стоит и хохочет, хватаясь за бока и глядя на их выпученные глаза, — долго и язвительно.

Впрочем, не очень долго. И не очень язвительно. В конце концов они неплохие ребята: черт знает, какая кошка между ними пробежала. И что он им станет доказывать? Он просто вывалит руду, да и все, и пусть копаются в ней, и он тоже будет копаться, перебирая тяжелые синие осколки» [1, 79] (Курсив мой. — E.Б.). Счастье Пронякина не эгоистично, он готов поделиться радостью с людьми, как когда-то с матерью.

Внешне это желание не героично, не так красочно, как у героя Горького. Но способность Пронякина на поступок, на собственное решение, принятое вопреки общественному мнению, для Г. Владимова так же важна, как и героический подвиг Данко. Это начало пути героя к себе самому. Это первые шаги литературы к новым, нестандартным решениям и героям.

«Молодежная проза» начала 1960-х годов проявляет интерес к литературе 1920-х, к стилевым экспериментам, к романтическому образу героя-строителя нового мира. Но в то же время в ней начинает преобладать интерес к личности, к ее внутренним переживаниям. Авторы «молодежной прозы» позволяют герою искать себя в потоке людей, обретать свою цель в потоке жизни.

ЛИТЕРАТУРА

- 1. Владимов Г. Большая руда / Г. Владимов. М., 1971. С. 110.
- 2. Гладилин А. Дым в глаза (Повесть о честолюбии. С прологом и эпилогом) / А. Гладилин // Юность. -1959. № 12.
- 3. Горький М. Полное собрание сочинений. Художественные произведения. В 25-ти т. / М. Горький. — М., 1970. — Т. 8. — С. 511.
- 4. Горький М. Полное собрание сочинений. Художественные произведения. В 25-ти т. / М. Горький. — М., 1968. — Т.1. — С. 590.
- 5. Гюнтер X. Жизненные фазы соцреалистического канона / X. Гюнтер // Соцреалистический канон. СПб, 2000. С. 1036.
- 6. Карлтон Г. На похоронах живых: теория «живого человека» / Г. Карлтон // Соцреалистический канон. СПб, 2000. С. 1036.
- 7. Ковалев В.А. О периодизации истории русской советской литературы / В.А. Ковалев // Проблемы русской советской литературы. 50-70-е годы. Л., 1976. С. 323.

Е.М. Балдина

- 8. Кузнецов А. Продолжение легенды / А. Кузнецов // Юность. -1957. -№7.
- 9. Лейдерман Н.Л. Современная русская литература: В 3-х кн. Кн. 1: Литература «Оттепели» (1953 1968) / Н.Л. Лейдерман, М.Н. Липовецкий. М., 2001. С. 285.
- 10. Никонова Т.А. «Новый человек» в русской литературе 1900-1930-х годов: проективная модель и художественная практика / Т.А. Никонова. Воронеж, 2003. С. 229.
- 11. Пархомов М. Хороший парень / М. Пархомов. Юность. 1959. № 1.

П.М. БИЦИЛЛИ И Д.И. ЧИЖЕВСКИЙ: К ИСТОРИИ ОДНОГО «ЗАОЧНОГО» ДИАЛОГА

© 2008 М.А. Васильева

История отношений П.М. Бицилли и Д.И. Чижевского не закреплена ни в переписке, ни в активном сотрудничестве. По крайней мере, доступные нам архивы не фиксируют ее документально. Эта история отношений складывалась заочно. Однако даже в «пунктирном» проявлении она имела большое значение в научной биографии П.М. Бицилли. Если смотреть на статистику взаимных упоминаний, рецензий, ссылок, то их наберется не так уж много. Но при этом нельзя не признать очевидного значения этой «заочной» встречи, завершившейся безоговорочным взаимным признанием в науке.

Назовем несколько наиболее важных этапов «пересечения» научных интересов ученых: это рецензия Чижевского на книгу Бицилли «Очерки теории исторической науки» [10; 21], пристальное внимание Бицилли к программной статье «К проблеме двойника. (Из книги о формализме в этике)» [9; 18] и статье «О "Шинели" Гоголя» [20], рецензия Бицилли на фундаментальный труд Чижевского «Гегель в России» [7;17] и посмертное издание на немецком языке книги П.М. Бицилли «О Чехове» в учрежденной Чижевским серии «Forum Slavicum» [1]. При всей немногочисленности этих «пересечений» и зачастую краткости (порой это всего лишь упоминание, оговорка, ссылка) они становятся решающими в истории диалога Чижевского и Бицилли. Важно здесь и другое, - произведения, вызвавшие взаимный отклик, оказались знаковыми не только в биографии обоих ученых, но и в исследовательском пространстве русского зарубежья. Именно это взаимное чутье к самому важному, поворотному, новаторскому придает истории отношений Чижевского и Бицилли характер активного сотворчества.

Важнейшей «структурообразующей» темой этого заочного общения стала «проблема двойника», поднятая в статье Д.И. Чижевского [18]. Работа Чижевского, опубликованная в первом сборнике «О Достоевском» под редакцией А.Л.

Бема, вышла с подзаголовком «Из книги о формализме в этике». В те же годы ученый публикует еще две статьи: «О формализме в этике. (Заметки о современном кризисе этической теории)» (1928) [19] и «Этика и логика. К вопросу о преодолении этического формализма» (1931) [22]. Обе они печатаются в издании Русского народного университета в Праге и стоят особняком от достоеведческого исследования о «Двойнике». Однако в примечании к статье «Этика и логика» Чижевский заметит: «Т. к. у меня нет возможности в ближайшее время в будущем напечатать мою книгу о формализме в этике целиком, я позволяю себе дать конспективное изложение отдельных ее глав. Этот труд примыкает к двум другим "О формализме в этике" <...> и "К проблеме двойника"...» [22,50]. И хотя формально и тематически статья о Достоевском не совпадает с этими главами, надо всегда иметь в виду, что сам Чижевский видел «проблему двойника» как неотъемлемую часть масштабного исследования, посвященного критике этического формализма. Таким образом, статья «К проблеме двойника», будучи удачным примером применения метода «мелких наблюдений» в литературоведении, активно практикуемого в Семинарии под руководством А.Л. Бема, вписана самим Чижевским прежде всего не в литературоведческий, а в философский, этикоонтологический контекст.

В статье Чижевский доказывает, что тема двойника, затронутая в ранней повести, не получившей одобрения у современников, тем не менее не только не была оставлена Достоевским, но проявлялась «в различных видоизменениях в его творчестве вновь и вновь» [18,11]. Путем внимательного чтения (метода «мелких наблюдений») Чижевский обращает внимание на ряд лейтмотивов «Двойника» — лейтмотив «самозванства», лейтмотив «совершенно подобных», лейтмотив потери «своего места». Возводя к бароккальной традиции и актуализируя проблематику «места», Чижевский соотносит ее с хорошо известными

ему идеями Григория Сковороды. Чижевский подчеркивает, что «появление двойника и вытеснение им Голядкина из его "места" обнаруживает только иллюзорность этого "места"» [18,16] и тем самым прочно связано с «проблемой устойчивости, реальности, прочности реального человеческого существования». Автор статьи делает акцент на онтологической (а не психологической или социальной!) неустойчивости героя повести Достоевского и, прослеживая онтологическую «идею двойника» в творчестве писателя, убедительно показывает, что она была одной из центральных в творчестве Достоевского («раздваивание» Версилова в «Подростке»; «двойники» Ивана Карамазова (черт, Смердяков), «двойники» Ставрогина в «Бесах»). По Чижевскому, «проблема двойника» достигает своего апогея в романе «Бесы», т. к. все ученики Ставрогина - его «двойники», «эманации духа». Раздвоение личности, или двойничество, по Чижевскому, - это следствие трагического душевного распада, отсутствие «душевного якоря» [20, 192], онтологической устойчивости, цельности: «... в душе Ставрогина нет "устремленности", у него нет никакого душевного "магнитного меридиана" и для него нет того "магнитного полюса", к которому влечется, по мнению Достоевского, вся живая душа, – нет Бога. Живое, конкретное бытие человека, всякое его "место" в мире возможно лишь через живую связь человека с божественным бытием» [18, 22].

«Проблема "устойчивости", онтологической прочности "этического бытия" индивидуума – и есть... существенная проблема XIX века», - замечает Чижевский [18, 25]. Однако, вскрыв многие аспекты проблемы двойника и ее актуальность в идейных построениях философии XIX века, Чижевский кардинально обновляет понимание этой проблемы и делает ее одним из важнейших пунктов в целенаправленной критике этического рационализма. Критика этического формализма у Чижевского прежде всего направлена на рациональную этику Фихте, Ницше, на «категорический императив» Канта, сводящий понимание этической системы к всеобщим законам природы. По мнению Чижевского, такой отрыв от конкретности заставляет смотреть на мир «глазами бесстрастного и безликого всеобщего двойника» [18, 30]. Так, Чижевский максимально заостряет идею конкретного существования индивидуума и подчеркивает, что абстрактное мышление в основе своей уже предполагает идею «подобных» как пассивных носителей рационального принципа, абстрактной идеи. Именно в этом пункте - постулирования конкретности, индивидуальности этического действования человека - обнаруживается очевидная «точка схода» идей Чижевского и Бицилли. Возводя этико-онтологическую

проблему двойника к идее незаменимости, невоспроизводимости, уникальности конкретного человека, Чижевский в своих доводах совпадает с системой доводов П.М. Бицилли как последовательного критика философии истории. Чтобы проследить эти «точки схода», следует обратиться к программному исследованию Бицилли «Очерки теории исторической науки». Этот фундаментальный труд выходит в 1925 году, в пражском издательстве «Пламя».

Прежде всего надо сделать оговорку, что «Очерки...» посвящены не проблемам истории (предмету), а проблемам исторической дисциплины (методу) и убедительному выявлению со стороны автора ее теоретического кризиса. Каковы же основные положения книги и в чем автор видит несостоятельность различных рациональных теорий в исторической науке, в первую очередь – историософских? По Бицилли, реальную историю невозможно подвести полностью под некую метафизическую базу, так как это неминуемо исключает момент случайности, иррациональности исторического процесса и невольно приводит к рационализации истории. Трактовка истории через призму наивысших идей логически подводит к вопросу, - по какому принципу вести отбор исторического материала? что брать за образец? и все ли, случившееся в истории, под такой образец подходит, с ним совпадает и его объясняет? В итоге целыми моментами в истории приходится жертвовать в угоду истории идеальной, некой абстракции. Сознание, отражая то, что уже свершилось, вечно «догоняет» историю, однако, претендуя на господство над реальностью, норовит контролировать, формировать и конструировать ее по своему усмотрению. Таким образом, философия истории не описывает предмет (историческую данность), а создает его. Смешение собственно философской и собственно исторической точек зрения, попытка найти в исторической данности единый и абсолютный смысл, трактовка истории в «оптимистическом духе» оборачивается умерщвлением живой ткани истории, отказом от идеи творческой самобытности каждого реального агента исторического процесса, т. е. отдельной личности.

С точки зрения Бицилли, понимание исторической жизни как движения к высшей цели, извне предписанной, как процесс постепенного осуществления высших, абсолютных ценностей, в основе своей аисторично: носители исторической жизни представляются здесь величинами пассивными, объектами, а не субъектами, поскольку «смысл истории» не творчески раскрывается в их конкретных действиях и помыслах, но лишь на их судьбе обнаруживается. Исключая индивидуальность как носителя истории, авто-

номность духовного начала, философия истории тем самым подрывает себя изнутри, подвергая сомнению абсолютную неповторимость и невоспроизводимость исторической данности, момента, субъекта.

Контекст «Очерков...» усматривает сразу несколько исторических эпох, направлений и школ в теории исторической науки. Непосредственно полемически исследование направлено на новую ветвь русской историософии как часть западноевропейской философской традиции и прежде всего на философию истории Льва Карсавина.

Если смотреть шире, «Очерки...» выступают против любого «моделирования» истории в духе бесконечного прогресса, будь оно определено становящимся Абсолютом как в «Философии истории» у Льва Карсавина или же идеальным обществом в духе марксистской теории. Бицилли убедительно показывает, что каждая из теорий трактует историю человечества как царство необходимости, а не свободы, и настойчиво подчеркивает новую задачу исторического понимания: «Она принципиально отличается от проблемы отношения свободы воли и необходимости, как она ставилась в старину богословами и философами истории. Свобода понималась в свое время как право выбора между несколькими уже предначертанными путями, как возможность осуществить или не осуществить какую-либо уже в готовом виде формулированную задачу. Обнажив корни старого исторического понимания, получим возможность формулировать его примерно так: если бы Толстой не написал "Войны и мира", то этот роман мог бы — или даже должен был бы – быть написан кем-нибудь другим. Под большинством марксистских построений кроется подобная идея» [10, 32]. По Бицилли, «запрограммированная» история, не предполагающая случай, сводит непосредственно историю на нет, отвергает творчество - «индивидуальное», «случайное» оказывается для философа истории неким не поддающимся рационализации и потому подвергающимся усекновению остатком. Именно этот аргумент в «Очерках...» как один из наиболее убедительных в полемике с философией истории отметит в рецензии на «Очерки...» Дмитрий Чижевский [21, 544].

Бицилли настойчиво заостряет внимание современной исторической науки на проблеме абсолютной ценности отдельной личности. «Из тысяч и тысяч сочетаний, тысяч и тысяч стремящихся объективироваться индивидуальных волений, совпадающих и сталкивающихся, согласующихся и противоборствующих, слагается живая, вечно меняющаяся, вечно обновляющаяся ткань истории. Каждый из атомов исторического целого, каждый из этих носителей волевого заряда

ограничен в двояком отношении: во-первых - изнутри, как индивидуальность, во-вторых, – извне. Его внешними ограничителями являются: такие же, как он, психические атомы, продукты их деятельности, и, наконец, периода. Всякие попытки определить удельный вес каждой из этих категорий ограничителей и внутри каждой из них, обречены на крушение, потому что здесь никакое экспериментирование в строгом смысле невозможно» [10, 231-232]. Написанные в начале 20-х годов «Очерки...», - в период мощного натиска разума, взявшего на себя миссию эксперимента над исторической реальностью, были, безусловно, ответом на разрушительный эксперимент русской революции. В то же время «Очерки...» словно прозревали кризис, который охватит Европу и Россию в последующие десятилетия и обернется масштабным применением на практике различных абстракций, теорий и схем и как итог - глобальным «кризисом гуманизма».

Как альтернативу философии истории Бицилли выдвигает на первый план требование не навязывать истории формулу извне, а попытаться понять внутренний закон исторической жизни. Высказывая сомнение в адрес теоретического «экспериментирования», он призывает не «формулировать», не «изобретать», а «открывать», то есть заниматься непосредственно углубленным изучением самого исторического процесса, индивидуализировать каждый момент истории, меряя этот момент его собственным масштабом. «Жизнь бесконечно сложнее наших построений и схем. И охватить ее одновременно и философски, и исторически, и во всем многообразии ее проявлений, и в ее основных тенденциях, дело невозможное» [10, 27]. Ход мысли Бицилли подчеркнуто противостоит карсавинским философским построениям: историософия Л.П. Карсавина и его постижение общего в истории обратны индивидуализирующему методу и идиографическим принципам освоения исторической данности у П.М. Бицилли. Однако, настоятельно подчеркивая, что «история "есть наука идиографическая" и что предмет ее - "индивидуальное"» [10, 263], Бицилли сталкивается с чертами, присущими идиографии: описывая феномены истории и культуры как уникальные, она принципиально не дает способов реконструкции целого. «Может показаться, — замечает автор "Очерков...", - что при индивидуализирующей трактовке исторического материала история распадается совершенно и что формулированный... principium individuationis, если его применять последовательно, должен сделать невозможной какую бы то ни было периодизацию. <...> Где же в таком случае предел деления истории?» [10, 264] В итоге вопрос об оформлении исторической данности, вопрос об историческом синтезе или

периодизации в «Очерках теории исторической науки» становится центральным. «Именно потому, что историческая истина есть безостановочное становление, в каждый данный момент которого проявляет себя Абсолютное Бытие — вся она в целом и каждое ее мгновение приобретают свою собственную особую ценность» [10, 148]. Как разрешить антиномию не поддающейся никакому сравнению пестроты эмпирической данности и ее абсолютной текучести, как совместить эволюционизирующий (генетический) и эстетико-идивидуализирующий подход к истории?6

В очерке «Антиномия историзма и кризис исторической науки» Бицилли раскрывает неизбежную антиномию этих двух подходов и несостоятельность самых различных теорий, пытающихся эту антиномию разрешить. По Бицилли, причина не снимаемой, непреодолимой антиномии коренится в самой истории человечества, так как в ней изначально заложена антиномия эволюции и творчества. Именно эта неразрешимая антиномия, отмеченная в «Очерках...» Бицилли, превращает его понимание работы историка как безостановочное приближение к истине, вечное движение к первичному опыту, освобожденному от «идейной» деформации. Уход от застывших конструкций, окончательных вердиктов, от желания выдать результаты опыта как окончательные и последние, делают метод Бицилли творчески подвижным, направленным на бесконечность познания. Теоретическая осторожность навсегда будет свойственна Бицилли. Даже самые остроумные и блестящие гипотезы и трактовки, свойственные ему как оригинальному мыслителю, обычно словно «зависают» в своей траектории, избегают окончательного воплощения, понятийной «завершенности». Безусловно, названные черты - свидетельство не «теоретической слабости» а принципиального выбора в пользу кропотливого анализа и в ущерб «красивой» теории.

Подобная теоретическая «незавершенность» отличает и «Очерки теории исторической науки». Эту «незавершенность» надо принимать как неотъемлемую часть мировоззрения Бицилли-историка. Ставя вопрос об историческом синтезе (теоретическом оформлении исторической данности), Бицилли не разрешает его и не дает ответа. Вопрос о синтезе, поставленный в «Очерках...», еще не означает концептуального выдвижения своего варианта. Синтез в исторической науке как попытка (по Бицилли - достаточно искусственная) соединить воедино, слить отдельные исторические феномены, - противоречит идиографическому методу, на который опирается автор «Очерков...». Здесь идиография оказывается не только темой, но и методом. Вопрос - каков должен быть для

историка критерий при приведении в порядок хаоса данности — остается у Бицилли открытым. Отметим лишь, что если бы автор попытался на него ответить, то неминуемо снял бы вскрытую им неразрешимую антиномию историзма и перечеркнул основную задачу труда.

Претензии к «неорганизованности» и «незавершенности» «Очерков...» Бицилли были высказаны уже его современниками. Так, Д.И. Чижевский главным недостатком книги назвал «вулканичность». «Но автором самим эта "вулканичность" как будто не замечена, в поток лавы он поставил письменный стол, и написал "книгу" с примечаниями, "экскурсами" и цитатами», - замечает Чижевский [21, 542-543]. Трудно сказать, заметил ли рецензент органичную связь этой «вулканичности» с проводимым в «Очерках...» научным методом, однако вряд ли случайно его признание «не только методологической, но и философской плодотворности книги» [21, 542-543]. В этом Чижевский схож с другим рецензентом, - философом, филологом Николаем Бахтиным, писавшим: «Широкая отчетливая постановка проблем, эрудиция, проницательность анализа, наконец изложение, не лишенное блеска и остроты — все это делает книгу Бицилли едва ли не значительнейшим явлением нашей философской литературы последних лет» [4, 4].

Вообще амбивалентность рецензии Чижевского на книгу Бицилли показательна. Критические замечания в адрес организации материала не снимают заинтересованности к инновациям: «Возможность "философии истории" отрицается П.М. Бицилли потому, что... все специфически историческое остается для философа истории "неким не поддающимся рационализации остатком". — При всей своей простоте, эта аргументация, на наш взгляд, очень больно поражает всякую рационализирующую философию истории» [21, 544].

В статье «К проблеме двойника» Чижевский подхватывает эту мысль Бицилли: в отвлеченном понимании этики «живой субъект этического действования становится <...> бездушным исполнителем велений абстрактного закона, ненужным подвеском в системе нравственного миропорядка, — ненужным потому, что он может быть заменен любым другим этическим субъектом» [18,30]. Критика Бицилли в адрес философии истории, оперирующей «средней "душой вообще"» [10, 235], сближает его с критикой Д.И. Чижевским «безликого всеобщего двойника» в абстрактных построениях этического рационализма.

Соотнесённость основных идей «Очерков...» с критикой этического рационализма отмечена самим же Чижевским в его рецензии на книгу. Комментируя идею Бицилли о невозможности

истории «вообще», Чижевский замечает: «Постановка проблемы напоминает постановку проблемы "формальной этики" в современной философии. См. мою статью в "Сборнике Русск[ого] Народного Универ[ситета] в Праге"» [21, 543], — отсылая к своей статье «О формализме в этике. (Заметки о современном кризисе этической теории)» (1928). Здесь следует, однако, обратить внимание на хронологию. Статья Чижевского «О формализме в этике» выходит через три года после издания «Очерков...», а рецензия на книгу печатается еще позже — через четыре года. Поэтому приоритет в диалоге остается скорее за «Очерками...», открывшими эту «заочную» дискуссию между двумя учеными.

Теоретическое самоограничение «Очерков...» не заслоняет для Чижевского несомненную актуальность вскрытой Бицилли проблемы: «...положительной характеристики своеобразия исторической стихии в книге не дано. Эта положительная характеристика только намечается такими определениями, как "индивидуальность", "иррациональность", "единственность", "однократность", "неповторяемость" и т. д. Но автор, очевидно, сам чувствует, что таких определений далеко недостаточно, так как ни на одном из них он окончательно не останавливается. – Нам думается, что основная позиция автора здесь совершенно правильна. Характеристика исторического бытия, конечно, не может быть обеднена до какой-либо абстрактной формулы» [21, 543]. Заметим, что именно на этих «перемежающихся» понятиях будет построена критика «абстрактной мысли» [18, 29] этического рационализма у самого Чижевского и дальнейшее обновление понимания этики; идея «единственности», «однократности», «неповторяемости» станет центральной в изучении «проблемы двойника» в творчестве Достоевского.

Новизну идей в разработках Чижевского отметит Н.О. Лосский, оперируя теми же «определениями», которые сближают Чижевского и Бицилли: «Чижевский вскрывает глубокий философский смысл двойничества как следствие нравственного упадка субъекта, именно невыполнение им своего конкретного индивидуального назначения, откуда возникает заменимость субъекта другими субъектами, утрата им своей неповторимости» (курсив мой. – М. В.) [14, 463]. Положительные рецензии на статью «К проблеме двойника» пишут С.И. Гессен [12], С.Л. Франк [16], Л.А. Зандер [13]. Проблема двойника, поднятая в пражском Семинарии по изучению творчества Достоевского, получает отклик у Бицилли. Судя по письму от 19 марта 1930 г. к А.Л. Бему, он специально посылает Чижевскому через Бема рецензию на сборник: «Надеюсь, что Вы получили 2 мои рецензии о Ваш[ем] сборнике <...>. К Вашему оттиску я приложил один для коллеги Чижевского, адрес которого я затерял» [15, 129]. По письму видно, сколь важно было для Бицилли установить диалог с Чижевским. В следующем письме к А.Л. Бему от 15 апреля 1930 г. Бицилли даст согласие на просьбу Бема написать о первом сборнике «О Достоевском» рецензию и заметит, какое значение имел этот пражский сборник в обновлении его восприятия творчества Достоевского: «Должен сказать, что я стал в последнее время как-то совсем по-иному, чем прежде, воспринимать Достоевского, - в чем немалую роль сыграли как сборник (я имею в виду статью Чижевского и Ваши мысли о значении сна в творчестве Д[остоевского]) и замечательная книга Бахтина» [5; 3; 11, 129-130]. Рецензия Бицилли на сборник «О Достоевском», появившаяся в парижском журнале «Числа», будет, однако, строиться не вокруг значения сна в творчестве Достоевского (статья А.Л. Бема «Драматизация бреда»), а прежде всего вокруг проблемы двойника.

Рецензия делает Бицилли участником сложной дискуссии, в которую вступили выдающиеся мыслители русского зарубежья – Н.О. Лосский, С.Н. Булгаков, А.Л. Бем, С.Л. Франк. В эмиграции в русской философии и в философской критике литературы «проблема двойника» получает новое развитие как концепция «другого» - «подобного», все больше отдаляясь и от русской философской традиции (Вл.С. Соловьев, П.А. Флоренский), и от феноменологии «другого» в книге М.М. Бахтина. Одним из активнейших инициаторов этой дискуссии выступил Семинарий под руководством А.Л. Бема, следуя провозглашенной установке «Прага – центр изучения Достоевского» [6, 8]. В составительской политике А.Л. Бема как редактора материалов Семинария просматривается та же установка, – он помещает статьи Дмитрия Чижевского «К проблеме двойника» и Николая Осипова «Двойник. Петербургская поэма» в начало первого сборника как наиболее репрезентативные для Семинария по изучению Достоевского при Русском народном университете в Праге.

На фоне этого масштабного освоения и переосмысления проблемы двойника небольшая рецензия Бицилли на сборник «О Достоевском» может быть расценена как комментарий «по поводу». Однако, как верно писал литературный критик Г.В. Адамович о стиле рецензий Бицилли, «в ста или полутораста строках... [он] иногда успевает коснуться стольких тем и вопросов, что разработка их потребовала бы большого исследования» [2, 3].

Строго говоря, публикацию в «Числах» трудно назвать рецензией, автор не дает развернутого

разбора пражского сборника, но зато предпринимает исследование в миниатюре и разрабатывает взволновавшую его тему двойника. Тематическая «диспропорция» у рецензента не случайна, ее во многом предопределили «Очерки теории исторической науки». Как и Чижевский, который помещал проблему двойника в контекст масштабной полемики с этическим рационализмом, Бицилли также рассматривал «двойничество» через призму полемики с рационализирующей историософией. В ответ на статью Д.И. Чижевского Бицилли выдвигает свою трактовку проблемы двойника. «Все творения Достоевского, — пишет рецензент, - посвящены трагедии личности. Элементы этой трагедии суть: конфликт личности и среды ("почвы"), личности и космоса ("земля"), личности и Бога. Эти конфликты связаны с основным конфликтом: индивидуума с самим собою. Отъединение личности от Всеединства – есть то же самое, что и распад ее: "чистое" я тем самым перестает быть индивидуумом (не-делимым), утрачивает себя, свою самость. Это – болезнь "Просвещенства" с его номиналистическим рационализмом. Обрести себя, преодолеть внутренний разлад – в пределе – распад личного сознания (безумие есть моральная болезнь) — утвердить свою собственную конкретность - это значит: осознать конкретность Целого, Мира и Бога. <...> Пассивная мистика Востока и "просвещенческое" богоборчество приводят в итоге к одному и тому же: стать Богом для Кириллова значит — уничтожить себя. Этим двум путям противостоит третий — путь активной мистики европейского человечества: осознать себя, как микрокосм, как связанную с целым, его представляющую, но не поглощаемую им монаду» [9, 241 242]. Как видим, проблема двойника рассматривается Бицилли через призму центральной в его научном наследии проблемы индивидуальности. Сложность и новизну поставленной в рецензии задачи осознавал и сам рецензент, отсюда его резюме: «Дальнейшая работа в этом направлении осветила бы еще одну сторону все той же проблемы "двойничества"» [9, 242].

Сам рецензент не вернется, однако, к намеченной в рецензии задаче ни в ближайшем, ни в отдаленном будущем. Это не значит, что Бицилли откажется от разработки «проблемы двойника», напротив, она займет существенное место в его фундаментальном филологическом труде «К вопросу о внутренней форме романа Достоевского» [8]. Путь к этому исследованию у Бицилли сложен. Еще в 1930 году он поставил перед филологией задачу — доказать с эстетической точки зрения, с точки зрения стиля органичность, закономерность той внутренней формы романа Достоевского, которую Бахтин именовал полифоническим романом. В письме к А.Л. Бему он

заметит: «... Бахтин не показал, как из полифонии выходит все-таки гармония, ведь фуга — это не все равно, что просто одновременно звучание разных мелодий — а в этом вся проблема, — и вот я над ней ломаю голову» [15, 130]. Однако предпринятое в 1945 году фундаментальное исследование, полностью посвященное разработке проблемы, над которой Бицилли «ломал голову» еще в 1930 году, дало литературоведению еще одну версию внутренней формы романа Достоевского. Эта версия строилась не столько на идее полифонии, сколько на идее двойничества. Понятийный язык достоеведения обогатился еще одним термином - «роман-драма», а «проблема двойника» получила свое дальнейшее развитие в области поэтики, тем самым став еще одной страницей в истории «заочного» диалога двух ученых — П.М. Бицилли и Д.И. Чижевского.

ЛИТЕРАТУРА

- 1. Bicilli P.M. Anton P. Cechov. Das Werk und sein Stil / Herausgegeben von V. Sieveking // Forum Slavicum / Herausgegeben von D. Tschizewskij / P.M. Bicilli. Munchen, 1966. 252 p.
- 2. Адамович Г. Литературные заметки / Г.В. Адамович // Последние новости. 1934. 29 авг. № 4900.
- 3. Бахтин М.М. Проблемы творчества Достоевского / М.М. Бахтин. Л: Прибой, 1929. 248 с.
- 4. Бахтин Н. (Рецензия) / Н.М. Бахтин // Звено. 1925. 16 марта. С. 4. Рец. на кн.: Бицилли П.М. Очерки теории исторической науки / П.М. Бицилли. Прага: Пламя, 1925. 339 с.
- 5. Бем А.Л. Драматизация бреда. («Хозяйка» Достоевского) / А.Л. Бем // О Достоевском: Сб. ст. / Под ред. А.Л. Бема. Прага, 1929. Т. 1. С. 77-124.
- 6. Бем А.Л. От редактора / А.Л. Бем // О Достоевском: Сб. ст. / Под ред. А.Л. Бема. Прага, 1929. Т. 1. С. 5-8.
- 7. Бицилли П. (Рецензия) / П.М. Бицилли // Современные записки. 1940.-№. 70. С. 289-291. Рец.. на кн.: Чижевский Д.И. Гегель в России / Д.И. Чижевский. Париж: Дом книги, Современные записки, 1939. 360 с.
- 8. Бицилли П.М. К вопросу о внутренней форме романа Достоевского / П.М. Бицилли // Годишник на Софийский университет. Историко-филологически факултет. София, 1945/46. С. 1-75.
- 9. Бицилли П. (Рецензия) / П.М. Бицилли // Числа. 1930. Кн. 2/3. С. 240-242. Рец. на сб. ст.: О Достоевском: Сб. ст. / Под ред. А.Л. Бема. Прага, 1929. Т. 1. 164 с.
- 10. Бицилли П.М. Очерки теории исторической науки / П.М. Бицилли. Прага: Пламя, 1925. 339 с.

- 11. Бицилли П. Уводъ въ изучването на новата и най-новата история. (Опитъ за периодизация) / П. Бицилли. София: Художник, 1927. 341 с.
- 12. Гессен С.И. (Рецензия) / С.И. Гессен // Современные записки. 1930.- № 43. С. 503-505. Рец. на сб. ст.: О Достоевском: Сб. ст. / Под ред. А.Л. Бема. Прага, 1929. Т. 1. 164 с.
- 13. Зандер Л. (Рецензия) / Л.А. Зандер // Путь. —1930.- № 25. С. 127-131. Рец. на сб. ст.: О Достоевском: Сб. ст. / Под ред. А.Л. Бема. Прага, 1929. Т. 1. 164 с.
- 14. Лосский Н. (Рецензия) / Н.О. Лосский // Современные записки. 1932. № 49. С. 462-464. Рец. на кн.: Dostojevskij-Studen: Veröffentlichugen der Slavistischen Arbeitsgemeinschaft an der Deutschen Universität in Prag. Reichenberg, 1931. 164 s.
- 15. Письма П.М. Бицилли к А.Л. Бему / Публ., подгот. текста, примеч. М. Бубениковой (Прага) и Г. Петковой (София) // Новый журнал. -2002. № 228. С. 122-150.
- 16. Франк С.Л. (Рецензия) / С.Л. Франк // Руль. —1930. № 2709. Рец. на сб. ст.: О Достоевском: Сб. ст. / Под ред. А.Л. Бема. Прага, 1929. Т. 1. 164 с.

- 17. Чижевский Д.И. Гегель в России / Д.И. Чижевский. Париж: Дом книги, Современные записки, 1939. 360 с.
- 18. Чижевский Д. К проблеме двойника. (Из книги о формализме в этике) / Д.И. Чижевский // О Достоевском: Сб. ст. / Под ред. А.Л. Бема. Прага, 1929. Т. 1. С. 9-38.
- 19. Чижевский Дм. О формализме в этике / Дм. Чижевский // Научные труды русского народного университета в Праге. Прага, 1928. Т. 1. C $15 \neg -29$.
- 20. Чижевский Д. О «Шинели» Гоголя / Д.И. Чижевский // Современные записки. 1938.-№. 67.— С. 172-195.
- 21. Чижевский Дм. (Рецензия) / Д.И. Чижевский // Современные записки. —1929.-№ 39. С. 542-547. Рец. на кн.: Бицилли П.М. Очерки теории исторической науки / П.М. Бицилли. Прага: Пламя, 1925 338 с.
- 22. Чижевский Дм. Этика и логика / Д.И. Чижевский // Научные труды русского народного университета в Праге. Прага, 1931. Т.4. С. 50 68.

СИМВОЛИСТСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

© 2008 М.А. Воскресенская

Санкт-Петербургский государственный университет

Публицистические труды символистов представляют серьезную источниковедческую ценность для исследования мировоззренческих аспектов культуры Серебряного века, поскольку символизм не только являл собой эстетическую доминанту своей культурно-исторической эпохи, но и сформировал стиль ее мышления, основы ее миропонимания. Публицистика символистов не была связана непосредственно с журналистской деятельностью и не являлась сиюминутной реакцией "на злобу дня", однако статьи, доклады, манифесты, материалы дискуссий, исходившие из среды символистов, неизменно касались насущнейших общественных проблем переломной, рубежной поры. Публицистические источники раскрывают характерные черты миропонимания творцов Серебряного века, прежде всего связанные с поисками дальнейшего исторического пути России. При всей отстраненности представителей культурной элиты от классовых битв, в сложной исторической ситуации порубежья, в условиях ограниченности буржуазных реформ, беспомощных попыток демократизации, усиливавшейся поляризации социальных групп, очевидной несостоятельности внешней и внутренней политики царизма их, конечно, не могли не волновать "больные" вопросы времени. Поэтому культуре Серебряного века был присущ, наряду с рафинированной утонченностью, публицистический пафос.

Творцом культуры Серебряного века стал новый тип интеллигенции, сложившийся в России к рубежу столетий и ставший культурной элитой русского общества. Представители новой социальной группы, потрясенные грехом цареубийства, взятым на себя народниками, критически подошли к идеалам "шестидесятников", а затем и марксистов. Они отвергали революционное насилие и политический радикализм, настаивая на поисках путей духовного совершенствования общества. Закономерность

социальных потрясений в России начала XX века, безусловно, осознавалась всеми мыслящими людьми, но революционность культурной элитой понималась по-своему. Вспомним В.В. Розанова: "А голодные так голодны, и все-таки революция права. Но она права не идеологически, а как натиск, как воля, как отчаяние" [28, 52]. Самой известной попыткой изменить радикалистскую парадигму интеллигентского сознания, переориентировать его в сторону духовно-нравственных приоритетов в общественных отношениях стал сборник "Вехи" (1906). Взгляды авторов сборника оказались чрезвычайно близки убеждениям символистов.

Политический переворот, по мнению символистов, сам по себе не принесет кардинального изменения жизни. "Если революция переживаемая есть истинная революция, - она совершается не на поверхности жизни только и не в одних формах ее, но в самых глубинах сознания", - настойчиво убеждал Вяч. Иванов [18, 226]. Символисты не были равнодушны к насущным проблемам современности, но решать их пытались по-своему, так, как подсказывало мироощущение художника-творца. Судя по их публицистическим источникам, они никогда не выступали с классовых позиций. Их не волновал вопрос о власти, о расстановке политических сил. Для этой социокультурной среды было характерно убеждение в том, что жизненные условия изменятся, когда изменится человек. Наряду с веховцами, они принимали революцию исключительно как явление духовного порядка. Эта тема стала центральной в публицистических выступлениях русского символизма.

А. Белый в брошюре "Революция и культура", изданной незадолго до Октября, подробно обосновывал мировоззренческую установку на "Великую революцию духа": «Революция начинается в духе; в ней мы видим восстание на материальную плоть. ... Революцией, мировою войною и многим, еще не свершившимся

в поле зрения нашем, чреваты творения отцов символизма... Подлинно революционны и Ибсен, и Штирнер, и Ницше, а вовсе не Энгельс, не Маркс; в глубине их сознания гремят нам огромные революционные взрывы; и они-то подлинно рвут неприятельский фронт; неприятельский фронт — это наша душевная косность... И нам ясно: лежащие в будущем формы общественной жизни, осуществленные революцией-собственно, не суть вовсе формы какой-нибудь "большевистской" культуры, а — вечносущее, скрытое под формальной вуалью искусств» [4; 297, 302, 306].

Подлинная революция, согласно романтико-идеалистическому мировоззрению символистов, должна затронуть основы человеческой личности, ее самосознания, духа, творчества. Внешние условия жизни не в силах преобразовать человека. Поэтому социально-политическая революция ложна. Она лишь видимость, фикция. Единственная возможность истинного (то есть духовного) пересоздания жизни – изменение сознания людей. Перерождение души, в свою очередь, возможно лишь средствами духовнокультурного порядка. Символисты не отрицали социальной революции как возможного способа устроения человеческого общества, но рассматривали ее не как конечную цель истории, но лишь как промежуточную. Собственно политические и социальные формы революции они понимали как сугубо внешние атрибуты более глубинных и содержательных процессов духа.

Отрицание политической борьбы не носило у символистов классового характера. Они не отстаивали существующего порядка вещей, однако их мировоззрение строилось на общекультурных, а не социально-экономических основаниях. Общественная позиция культурной элиты явилась не только результатом неприятия социально-политических воззрений радикалов, но и следствием перемены самого взгляда на мир. Безусловной реальностью в символистских представлениях обладает лишь абсолютное начало, лежащее за гранью бытия, вне пределов мира утилитарных ценностей и социальной необходимости. В этой плоскости лежал мировоззренческий водораздел между творцами Серебряного века и сторонниками утилитарно-материалистических взглядов, в том числе революционным крылом русской интеллигенции.

Д.С. Мережковский следующим образом описывал современную ему духовную ситуацию: "Наше время должно определить двумя противоположными чертами — это время самого крайнего материализма и вместе с тем самых страстных идеальных порывов духа.

Мы присутствуем при великой, многозначительной борьбе двух взглядов на жизнь, двух диаметрально противоположных миросозерцаний. Последние требования религиозного чувства сталкиваются с последними выводами опытных знаний" [25, 212]. Подобные суждения высказывал и А. Белый: "Еще недавно думали — мир изучен. Всякая глубина исчезла с горизонта. Простиралась великая плоскость. Не стало вечных ценностей, открывавших перспективы. Все обесценилось. Но не исчезло стремление к дальнему в сердцах. Захотелось перспективы. Опять запросило сердце вечных ценностей" [6, 220].

Мышление символистов естественно и органично вырастало из общекультурной переориентации рубежа веков, когда содержанием не только литературы и искусства, но и публицистических выступлений нередко становится философское осмысление предельных законов бытия. В умонастроениях общества преобладало чувство неудовлетворенности действительностью, ее неприятие, сомнение в прочности всех казавшихся ранее незыблемыми моральных норм и жизненных установлений. Ощущение социальной неустойчивости развилось в ощущение изменчивости и зыбкости мира вообще, что усугублялось последними научными открытиями. Мир обнаруживает многомерность, многоаспектность, непостижимость. В свете новейших физических теорий изменялись пространственно-временные представления, что усиливало ощущение внутренней дисгармонии. Человек, потерявший власть над природой, лишился привычных форм взаимодействия с миром. Ощущение внезапно открывшегося неисчерпаемого многообразия мира порождало скептическое отношение к науке, стимулировав поиски иных способов познания. Научное познание не отрицалось полностью, но вместе с тем очень остро ощущалась его ограниченность пределами видимого, чувственно осязаемого мира, в то время как помыслы многих современников рубежной поры были обращены к миру надприродному. "Природа – лишь эмблема подлинного, а не само подлинное", – заявлял А. Белый [5, 21].

Рациональное знание не решает актуальных вопросов духовного существования человека. Наука, абсолютизировав посредством рациональной методологии реалии внешнего чувственного опыта, отбросила опыт внутренний, мистический. Человеческое миросозерцание, заключенное в замкнутый круг эмпирической действительности, своим отказом от божественного откровения обусловило жесточайший духовный кризис, в который оказалась ввергну-

той современная цивилизация. Итогом развития европейской культуры стал глубокий аморализм. В духе Достоевского, символисты считали, что если Бога нет, то все дозволено и мир не узнает спасения. Д.С. Мережковский убеждал читателей: если Христос не воскрес, человечеству "не на что надеяться, не во что верить, нечего любить", тогда человечество обречено, а "закон смерти непобедим" [24, 15].

Выход из кризиса символисты искали на путях иррациональных, однако их мистический опыт не ортодоксален. Каждый человек, по мнению символистов, по-своему выстраивает отношения с Богом. Связь с ним осуществляется через самоуглубление, самопознание, саморазвитие. Пристанище Бога — душа человека. Поэтому, даже оставаясь приверженцами христианской религии, символисты стремились к реформации сложившихся форм верования, переставших отвечать современным условиям жизни. Неохристианские искания в России начала XX века были очень тесно связаны с символистским движением.

Один из лидеров русского неохристианства, Д.С. Мережковский, выдвинул идею "нового религиозного сознания", исходя из убеждения в том, что "историческое" христианство исчерпало себя. Реформировать официальную церковь он считал бессмысленным, так как это лишь усилило бы порабощение религии государством. "Век реформации для христианства прошел и не вернется, - убеждал мыслитель, - наступил век революции: политическая и социальная - только предвестие последней, завершающей, религиозной" [26, 92]. Цель своей деятельности Д.С. Мережковский видел в разрыве церкви с государством и соединении ее непосредственно с народом. Он призывал церковь порвать связь с "отжившими формами русской бюрократической государственности" и вступить в союз с русским народом и русской интеллигенцией в борьбе "за великое общественно-политическое обновление и освобождение России" [27, 140].

Религиозные искания в среде символистов имели внецерковный характер. В основном они свелись к деятельности Религиозно-философских собраний, учрежденных при непосредственном участии Д. Мережковского, Д. Философова, Н. Минского и преобразованных впоследствии в Религиозно-философское общество. Волновавшие символистов, как и других представителей "русского культурного ренессанса", религиозные вопросы обсуждались на страницах журнала "Новый путь" (позднее переименованного в "Вопросы жизни"), основателем которого также выступил Д.С. Мережковский.

Поскольку ни позитивистский сциентизм, ни пришедшая в противоречие со стремительно менявшейся действительностью ортодоксальная церковь уже не отвечали духовным запросам современности, вернуть утраченные духовные связи человека с миром был призван художник, творец, воспринимавшийся в культуре Серебряного века подлинным властителем дум. Поэтому главная тема эпохи — неудовлетворенность российской действительностью и поиски путей общественного переустройства – представала в символистской публицистике (прежде всего, в манифестах "младосимволистов") как проблема жизнетворческих потенций искусства. Главным способом духовного пересоздания жизни творцы Серебряного века считали искусство, воздействующее на чувства и тем самым способное, по их мнению, преобразовывать все виды человеческих отношений.

Искусство в ту переломную эпоху приобрело чрезвычайно высокий общественный статус. Напряженные ожидания мировых катаклизмов в глазах многих превращали художника в пророка и жреца. Повышенное эмоциональное переживание действительности, которая вышла из повиновения человеку, породило общий идеалистический подход в оценке всех явлений современности, религиозно-мистические искания, поиски разрешения всех противоречий в сфере духовной. Искусство воспринималось как средство общего спасения [см: 1, 144; 2, 217].

Вопрос о назначении искусства вызвал бурную полемику, выплеснувшуюся на страницы символистских журналов и долго не утихавшую на различных собраниях творческой интеллигенции начала XX в. В ходе полемики Вяч. Иванов отстаивал свое убеждение в том, что "символизм лежит вне эстетических категорий", что он никогда «не хотел и не мог быть "только искусством"» [16, 187]. А. Белый заявлял: "...правы законодатели символизма, указывая на то, что последняя цель искусства - пересоздание жизни; недосказанным лозунгом этого утверждения является лозунг: искусство — не только искусство; в искусстве скрыта непроизвольно религиозная сущность. Последняя цель культуры — пересоздание человечества..." [3, 23]. Г. Чулков, в тон им, подчеркивал: "...успехи символизма, как эстетического явления, ровно ничего не доказывают, если жизнь не изменится" [29, 79]. Судя по публицистическим источникам символистов, они искренне были убеждены в возможности переустройства мира по законам прекрасного, средствами искусства, а не политической борьбы. Эллис выражал скепсис в отношении социально-политических целей, ставившихся социал-демократией в революции: "Пока не доказано, что публика при социализме (точнее после капитализма)... будет абсолютно

иная. Подобные аргументы — самое лучшее оружие в защиту нашего культа аристократического (не в сословном смысле), индивидуалистического и стоящего выше жизни символизма" [31, 66].

Та реальная революция, свидетелями которой они оказались, говоря словами Н.А. Бердяева, "многих оттолкнула своими грубыми и уродливыми сторонами, своей враждой к духу" [8, 226]. Символисты считали происходившие классовые битвы утверждением бездуховного мира посредственности, в котором нет места личности. Революция, по их убеждению, ничем не отличается от самодержавия. И там и там господствует насилие: в самодержавии - одного над всеми, в революции - всех над одним. Д.С. Мережковский в разгар первой русской революции, которую он вначале приветствовал, пока не проявились вполне ее отталкивающие стороны, предостерегал: социализм превращает людей в стадо. "Стадная общественность" живет земными интересами, исповедуя дух хамства и буржуазной сытости [см.: 21, 31, 32].

Эти идеи мыслитель развивал в памфлете "Грядущий Хам". "Хамство", по Мережковскому, не имеет сословной принадлежности. Оно охватывает не низшие слои общества, а все, что казалось писателю бездуховным: "мертвый позитивизм православной и самодержавной казенщины", "босячество", хулиганство, черную сотню... Остановить поднимающееся хамство могут только "три начала духовного благородства": народ – "живая плоть", церковь – "живая душа", интеллигенция - "живой дух" России [см.: 20, 37 38]. Все категории, введенные Д.С. Мережковским для изложения его социальной позиции, не социологические, а культурные. Они характеризуют духовные установки определенных общественных слоев, а не их социально-экономический статус. Подобно Мережковскому, Вячеслав Иванов по духовному признаку разделял два понятия: "соборность" и "легион". "Легион" - это та же "стадность", уничтожение коллективом личности. "Соборность" - новая форма организации общества, в которой раскрывается индивидуальная личность каждого [см.: 17].

Антирадикалистская направленность мышления сказалась и на отношении символистов к проблеме "народ и интеллигенция". Символисты, смыкаясь с веховцами, отвергали политическое "хождение в народ" и предлагали свои варианты ее решения.

Главная устремленность приверженцев "нового религиозного сознания" во главе с Д.С. Мережковским заключалась в религиозном слиянии интеллигенции с народом. Воспринимая народ в славянофильском духе, как "богоносца", они надеялись именно в религии уничтожить преграды, разделяющие интеллигенцию и на-

род: "Только вернувшись к Богу, мы вернемся к своему народу, к своему великому христианскому народу", - настаивал Д.С. Мережковский. В революции, по мнению мыслителя, восторжествовал не народ, а "Хам" и потому, "может быть, величие русского освобождения заключается именно в том, что оно не удалось... может быть, величие русского освобождения в том, что не променяло оно своего первородства на чечевичную похлебку" [23, 23]. Предвосхищая "Вехи", в сборнике статей "Больная Россия" он призывал интеллигенцию очиститься от грехов "эмпирической" революции покаянием: «Спасение наше в том, чтобы увидеть, наконец, свое собственное "окаянство", почувствовать себя не "христоносцами", а "христопродавцами" именно здесь, в этой страшной воле к нисхождению, к совлечению, к саморазрушению, к хаосу...» [22, 178]. Только религиозным подвигом, настаивал Д. Мережковский, можно излечить "больную" Россию, спасти ее от "легиона бесов".

Вяч. Иванов был убежден в том, что художник ответствен перед историей и культурой за то, чтобы пришедшие в движение под воздействием политиканов массы не вызвали катастрофического разрушения вечных ценностей: "Те, кто организуют партии и их победы, еще не призваны, тем самым, организовывать народную душу и ее внутреннюю творческую жизнь" [18, 245]. Художник призван освободить народ от духовного рабства, став организатором "всенародного искусства", которое объединит людей в "соборные общины". Только тогда осуществится "действительная политическая свобода", "когда хоровой голос таких общин будет подлинным референдумом истиной воли народной" [19, 218, 219]. А. Белый откровенно иронизировал над подобной идеализацией вопроса о взаимоотношениях народа и интеллигенции: "Выйдете под вечер погулять на деревню - и вы встретитесь и с хоровым началом, и с коллективным творчеством... нецензурных слов. Вот что значат выводы из теории, не считающейся с конкретными формами жизни" [7, 27].

Только А. Блок, "открытая, кровоточащая рана своей эпохи" [30, 100], взглянул на отношения интеллигенции и народа трезво, без холодного равнодушия и без излишней экзальтации. Он предрекал: если интеллигенция не уничтожит черту, отделяющую ее от народа, она будет сметена под копытами несущейся "тройки"-России [см.: 13; 15].

Октябрь был воспринят поэтом и мыслителем романтически, как "скифская стихия", сметающая мещанский "старый мир". Призывая "всем телом, всем сердцем, всем сознанием — слушать Революцию" [11, 20], Блок искренне верил: "Мир и братство народов — вот знак, под которым

проходит русская революция. Вот о чем ревет ее поток. Вот музыка, которую имеющий уши должен слышать" [11, 13]. Он заявил об обязанности интеллигенции работать с большевиками, считая, что "по внутреннему побуждению это будет соглашение музыкальное" и что "декреты большевиков — это символы интеллигенции" [см.: 9].

Апофеозом революционных восторгов Блока стала статья "Крушение гуманизма" (1919). В ней он писал о кардинальном перевороте в человеческой истории, происходящем на его глазах, о музыке варварских стихий, несущей гибель выродившейся европейской цивилизации [см.: 12]. Действительность очень скоро спустила поэта с небес на землю, заставив прийти к прямо противоположным выводам. Трезво осознав реальные конкретно-исторические условия новой России, увидев "свою родную, искалеченную, сожженную смутой, развороченную разрухой страну" [10, 183 184], Блок отверг революционную "стихию", отдав предпочтение "культуре" [см.: 14]. В этих душевных терзаниях вновь слышна перекличка с веховцами, с их прощальным словом Родине - публицистическим сборником "Из глубины" (1918).

Идейные воззрения символистов, их варианты ответов на "проклятые" вопросы эпохи были непосредственно связаны с картиной мира российской культурной элиты рубежа XIX—XX вв. Символистская публицистика, являвшая собой не отвлеченное философствование, не художественный взгляд на происходящее, а живой отклик на свершавшиеся на глазах творцов Серебряного века исторические катаклизмы, может рассматриваться как важнейший исторический источник для реконструкции образа мыслей этой социальной среды.

ЛИТЕРАТУРА

- 1. Белый А. Окно в будущее / А. Белый // Арабески: Книга статей. М.: Мусагет, 1911. С. 138-146.
- 2. Белый А. Искусство / А. Белый // Арабески: Книга статей. М.: Мусагет, 1911. С. 211-219.
- 3. Белый А. Проблема культуры / А. Белый // Символизм как миропонимание. М.: Республика, 1994. С. 18-25.
- 4. Белый А. Революция и культура / А. Белый // Символизм как миропонимание. М.: Республика, 1994. С. 296-308.
- 5. Белый А. Символизм / А. Белый // Луг зеленый: Книга статей. М.: Альциона, 1910. С. 19-28.
- 6. Белый А. Символизм как миропонимание / А. Белый // Арабески: Книга статей. М.: Мусагет, 1911. С. 220-241.

- 7. Белый А. Театр и современная драма / А. Белый // Арабески: Книга статей. М.: Мусагет, 1911. С. 17-42.
- 8. Бердяев Н.А. Русский духовный ренессанс начала XX века и журнал "Путь": (К десятилетию "Пути") / Н. Бердяев // Н. Бердяев о русской философии: В 2 ч. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. Ч. 2. С. 217-236.
- 9. Блок А.А. <"Может ли интеллигенция работать с большевиками?"> < Ответ на анкету> / А.А. Блок // Собр. соч.: В 8 т. М.; Л.: ГИХЛ, 1963. T.6. C.8.
- 10. Блок А.А. "Без божества, без вдохновенья" / А.А. Блок // Собр. соч.: В 8 т. М.; Л.: ГИХЛ, 1963. Т. 6. С. 174-184.
- 11. Блок А.А. Интеллигенция и революция / А.А. Блок // Собр. соч.: В 8 т. М.; Л.: ГИХЛ, 1963. Т. 6. С. 9-20.
- 12. Блок А.А. Крушение гуманизма / А.А. Блок // Собр. соч.: В 8 т. М.; Л.: ГИХЛ, 1963. Т. 6. С. 93-115.
- 13. Блок А.А. Народ и интеллигенция / А.А. Блок // Собр. соч.: В 8 т. М.; Л.: ГИХЛ, 1963. Т. 5. С. 318-328;
- 14. Блок А.А. О назначении поэта / А.А. Блок // Собр. соч.: В 8 т. М.; Л.: ГИХЛ, 1963. Т. 6. С. 160-168.
- 15. Блок А.А. Стихия и культура / А.А. Блок // Собр. соч.: В 8 т. М.; Л.: ГИХЛ, 1963. Т. 5. С. 350-359.
- 16. Иванов В.И. Заветы символизма / В.И. Иванов // Родное и вселенское. М.: Республика, 1994. С. 180-190.
- 17. Иванов В.И. Легион и Соборность / В.И. Иванов // Родное и вселенское. М.: Республика, 1994. С. 96-101.
- 18. Иванов В.И. О веселом ремесле и умном веселии / В.И. Иванов // По звездам. СПб.: Оры, 1909. С. 220-246.
- 19. Иванов В.И. Предчувствия и предвестия / В.И. Иванов // По звездам. СПб.: Оры, 1909. С. 189-219.
- 20. Мережковский Д.С. Грядущий Хам / Д.С. Мережковский // Полн. собр. соч.: В 24 т. М.: И.Д. Сытин, 1914. Т. 14. С. 5-39.
- 21. Мережковский Д.С. Декадентство и общественность / Д.С. Мережковский // Весы. 1906. № 5. С. 30-35.
- 22. Мережковский Д.С. Земля во рту / Д.С. Мережковский // Полн. собр. соч.: В 24 т. М.: И.Д. Сытин, 1914. Т. 15. С. 167-178.
- 23. Мережковский Д.С. Конь бледный / Д.С. Мережковский // Полн. собр. соч.: В 24 т. М.: И.Д. Сытин, 1914. Т. 15. С. 15-32.
- 24. Мережковский Д.С. Меч / Д.С. Мережковский // Полн. собр. соч.: В 24 т. М.: И.Д. Сытин, 1914. Т.13. С. 5-35.

СИМВОЛИСТСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

- 25. Мережковский Д.С. О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы / Д.С. Мережковский // Полн. собр. соч.: В 24 т. М.: И.Д. Сытин, 1914. T. 18. C. 175-275.
- 26. Мережковский Д.С. Реформация или революция? / Д.С. Мережковский // Полн. собр. соч.: В 24 т. М.: И.Д. Сытин, 1914. Т. 16. C. 83-93.
- 27. Мережковский Д.С. Теперь или никогда / Д.С. Мережковский // Полн. собр. соч.: В 24 т. М.: И.Д. Сытин, 1914. Т. 14. С. 116-144.
- 28. Розанов В.В. Опавшие листья: Лирико-философские записки / В.В. Розанов. — М.: Современник, 1992. - 543 с.
- 29. Символисты о символизме: Федор Сологуб, Георгий Чулков, Вячеслав Иванов // Заветы. 1914. $\mathbb{N}$ 2. С. 71-84.
- 30. Степун Ф.А. Россия накануне 1914 года / Ф.А. Степун // Вопросы философии. 1992. № 9. С. 85-120.
- 31. Эллис. Кризис современного театра / Эллис // Весы. 1908. № 9. С. 63-66.

ФОРМИРОВАНИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КОНЦЕПЦИИ ЧЕЛОВЕКА В ПОЗДНИЙ СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

© 2008 В.Н. Гуреев

Воронежский государственный университет

В каждую конкретную историческую эпоху складывается своя социально-философская концепция человека, под которой традиционно понимается "система ценностных ориентаций, устойчивых внутренних мотивов и установок человеческой деятельности, обусловленных социально-экономическими и духовными условиями и выражающих как общественные настроения и социальные чувства, так и умонастроения личности, ее отношения к человеку, обществу и миру" [1].

Одновременно в искусстве утверждается художественная концепция человека. Безусловно, при этом художники не могут не испытывать на себе влияние и социально философской концепции человека, доминирующей в обществе в данный момент. Однако художественная концепция человека не исчерпывает всего многообразия социально-философской концепции человека. Она стремится вобрать множественность проявлений человеческой индивидуальности в об-щественной жизни, передать противоречивую сложность человеческих контактов и в конечном счете повлиять на формирование определенных общественных настроений, на создание различных вариантов коллективных настроений и тем самым выразить неподчинение, несогласие с доминирующими, но уже исчер-пывающими себя трактовками концепции личности.

В атмосфере советской действительности 70-х годов продолжала формироваться советская концепция личности, предусматривающая в качестве основных атрибутов советский патриотизм, верность общественному долгу, социальную активность, гражданское мужество, глубокое осознание норм нравственности и недопустимости отступления от них.

В подобном подходе явно просматривалась оглядка на основополагающие идеологические установки, изложенные в партийных документах, включая Программу КПСС, в которой прямо ставилась задача воспитания человека, "гармонически

сочетающего в себе духовное богатство, моральную чистоту и физическое совершенство "[2].

Многие исследователи проблемы человека, принявшие на вооружение идеологические постулаты поздней советской эпохи, в своих суждениях исходили из того, что наш человек (равно как и все советское общество в целом) пребывает в состоянии непрерывного духовного роста, что развитие человечества — это поступательный духовный процесс, которому, в свою очередь, должен сопутствовать и нравственный прогресс.

Таким образом, официальная советская идеология, усиленно и целенаправленно воздействующая на общественное сознание, безоговорочно утверждала мысль о преобладании в человеке социалистической эпохи именно положительных начал. Подобная концепция преподносилась как единственно верная и истинно марксистская.

Между тем реальная действительность все чаще давала основания усомниться в правоте таких суждений. Негативные проявления человеческой природы напоминали о себе на каждом шагу. Ибо "человек социалистической эпохи" отнюдь не спешил избавиться от своих пороков — эгоизма, трусости, лицемерия, инертности, приспособленчества... Одновременно растет понимание того, что именно этот фактор становится серьезным препятствием на пути построения гармонического общества. Наивная, безоглядная (и мало обоснованная!) вера в неизбежное торжество в человеке светлого начала постепенно сменяется все более реалистической оценкой человека 70-х гг.

Советское общество в это время вступает в последнюю фазу своего существования. Постепенно (но со все большей силой) коммунистические идеалы начинают утрачивать свою привлекательность. Расхождение между словом и делом становится чем-то все более и более привычным. Размываются коллективистские начала, и эгоистическое в человеке все чаще берет верх. Традиционные нормы народной

нравственности то и дело начинают ставиться под сомне-ние. Правда, в социальной жизни человек большей частью проявляет достаточную осторожность, воздерживается от прямого и открытого выражения своего мнения. С другой стороны, осознание незыблемости основ жизни, стабильности своего существования порождает вялость, инертность, апатию.

И в это самое время с подачи идеологических структур продолжает насаждаться образ социально активной личности, образ человека-творца, человека, преобразующего мир, — то есть фактически разговор непрерывно ведется не столько о человеке, какой он есть, сколько о человеке, каким он должен быть. Предлагаемой схеме покорно следовали "некоторые литераторы, выступавшие в печати на моральные темы, за основу своего анализа нравственного сознания бравшие выдуманные мысли и чувства литературных героев, не замечая, что творится в действительной жизни вокруг них самих" [3].

В то же время объективно своим содержанием литература и искусство 70-х годов решительно развеивали необоснованный оптимизм во взгляде на человека, показывая, что человек по своей природе нередко весьма эгоистичен и требуются сильные (порой даже очень сильные!) стимулы, чтобы побудить его от-казаться от своих личных интересов ради блага другого.

В результате *трактовка человека в науч-*но-теоретических работах и в художественной
практике 70-х гг. существенно разнились. Это,
может быть, было не столь уж заметно в литературе, посвященной теме "боевых и трудовых
свершений советского народа", но зато отчетливо
просматривалось в произведениях, обращенных к
повседневной жизни современников, теме любви
и межличност-ных отношений.

Рассматривая, например, поведение современного человека в любовной коллизии, авторы таких произведений вносили свои коррективы в понимание человеческой природы вообще и тех изменений, которые произошли с человеком за последние годы в частности.

А изменения были, и весьма существенные. Начиная с 60-х — 70-х годов отчетливо обозначился ранее невиданный в истории кризис всех сторон личной жизни. Снижается накал человеческих эмоций. Естественные и искренние человеческие чувства все больше оттесняются прагматизмом. Из жизни исчезает романтическая любовь, уступая место кратковременным связям и голому расчету. Все громче слышны высказывания о кризисе семьи и института брака. <...>

Отмеченные процессы красноречиво говорили о том, что человек меняется. И, изменяясь, он, естественно, по-разному воспринимает мир,

по-разному реагирует на внешние раздражители, по-разному выявляет свое состояние, в том числе и состояние влюбленности. Поэтому совсем не удивительно, что любовь со временем тоже становится иной. "Любовь меняется, ибо меняется сознание и духовное содержание человека...— справедливо отмечал в своей работе «О любви» Ю. Мандельштам. — Средневековый человек любил не так, как древний эллин, гуманист. И наша любовь, конечно, не вполне похожа на любовь героев Тургенева и даже Толстого, или хотя бы на любовь непосредственно предшествовавших нам поколений" [4].

В любом случае определенные (и достаточно заметные!) изменения в характере переживания человеком состояния любви в 60-е — 70-е гг., конечно же, происходили, и прямым следствием этого стало то, что любовь начинает каче-ственно иначе изображаться в искусстве.

Это можно пронаблюдать, скажем, на примере произведений ряда писате-лей, из числа так называемых "сорокалетних", которые в числе прочего стремились постичь сущность современного человека через любовную коллизию. При этом "сорокалетние" решительно отказывались от изображения преувеличенной любовной страсти в худших литературных традициях — т. е. демонической по силе и театральной по форме. Они предпочитали изображать любовь своих героев совершенно такой, какой была она в реальной жизни. Иными словами, один из художественных принципов "сорокалетних" заключался в том, чтобы показывать любовь обыкновенную, а не исключительную.

Вывод, к которому в конечном счете приходили писатели, оказывался неутешителен: во многих своих проявлениях — в том числе и в любви — современ-ник часто ведет себя неискренне, а то и попросту недостойно.

Именно таков, к примеру, герой романа Р. Киреева "Апология" Иннокен-тий Мальгинов, для которого собственное спокойствие все-таки оказалось превыше всего. Даже искренняя любовь к Фаине не смогла его заставить сделать решительный шаг в соответствии с собственными чувствами (ведь в этом случае пришлось бы ломать свою удобную и налаженную семейную жизнь). Вместо этого, охваченный стремлением скрыть ото всех свою связь с Фаиной, он фактически становится виновником смерти любимой женщины. Безусловно, невольным виновником. И ему невозможно предъявить обвинение по статье закона (тем более что об его участии в судьбе Фаины вообще никому не известно). Но человеку дано понимание нравственного закона, способное вызывать угрызения совести. В конечном счете это должно приводить к раскаянию.

Однако, как показывает Р. Киреев, вместо раскаяния человеческое сознание совершает самые немыслимые кульбиты, занимаясь самооправданием. Именно такую тактику избирает Мальгинов. Сходным же образом в романе "Победитель" ведет себя и другой киреевский герой — Станислав Рябов.

А вот инженер Михайлов из повести В. Маканина "Отдушина" прямо превращает любовь в предмет коммерческой сделки. Для него, человека уже немолодого, обремененного семьей и текучкой дел на фабрике, вечера, которые удавалось проводить вместе с незамужней Алевтиной Нестеровой, были единственной в жизни "отдушиной". Поэтому когда в квартире Алевтины стал появляться университетский преподаватель Стрепетов, то Михайлов встревожился не на шутку и начал действовать.

Но вот что интересно: после долгой и небезуспешной борьбы за свою возлюбленную он в конце концов уступает ее своему сопернику. Это становится своеобразной платой за содействие в поступлении в вуз сыновьям Михайлова.

Таким образом, сорокалетние герои "сорокалетних" писателей оказывались достаточно далеки от того представления о человеке, которое настойчиво насаждалось вопреки реальному положению вешей.

К аналогичным выводам приходили в 70-е гг. и многие другие писатели. В частности, интересные наблюдения над поведением современного человека были сделаны в "московских" повестях Ю. Трифонова, где автор также активно использовал ситуацию любовного выбора. Перед таким выбором оказываются, например, герои повестей "Долгое прощание" и "Дом на набережной". Первое из произведений в числе прочего содержит мысль о том, что человек, обостренно воспринимающий царящую вокруг безнравственность, в то же время оказывается неспособен вступить в борьбу с этой безнравственностью. Ему не хватает духа для открытого протеста.

В повести же "Дом на набережной" особый интерес представляет история развития отношений Вадима Глебова с профессорской дочкой Соней.

Когда в самом конце 40-х гг. Глебов стал студентом и в числе своих преподавателей увидел Ганчука, то, смекнув, что последний может ему

оказаться полезен, тут же возобновил отношения со своей бывшей одноклассницей Соней Ганчук. По мере развития событий Глебов все чаще стал бывать как в квартире, так и на даче Ганчуков и в какой-то момент подсознательно понял, что вполне мог бы быть здесь не гостем, а хозяином (тем более, что Соне Ганчук он нравился еще со школьных лет). И с этого времени Глебов вдруг действительно начал ощущать в себе какие-то чувства к Соне. А между тем как раз в это время в стране начались известные гонения на научную интеллигенцию, и в число "гонимых" попал профессор Ганчук. Глебов вскоре осознает, что в изменившейся обстановке любые отношение с Ганчуком (а тем более отношения семейные) не сулят ничего, кроме неприятностей.

И все это ощутимейшим образом начинает сказываться на тех чувствах, которые испытывал Глебов к Соне и которые стали с каждым днем все более слабеть и в конце концов как-то незаметно улетучились. За всем этим просматривается интересная закономерность: любовь оказывается в прямой зависимости от материального расчета. Высокие чувства все больше вытесняются прагматизмом, в угоду чему приносится даже любовь.

Эти и подобные мысли весьма нередко присутствуют в произведениях поздней советской эпохи. Их можно встретить в книгах Ф. Абрамова, Д. Гранина, С. Залыгина, В. Тендрякова и др.

Таким образом, литература 70-х — начала 80-х гг. вносила существенный вклад в формирование концепции человека, во многом "корректируя" иные отвлеченные теоретические рассуждения на этот счет.

ЛИТЕРАТУРА

- 1. Жулинский Н.Г. Человек в литературе. Общественные ценности и про-блема художественного характера / Н.Г. Жулинский. Киев: Наукова думка, 1983. С. 66-67.
- 2. Программа КПСС. М.: Политиздат, 1972. С. 64.
- 3. Киссель М.А. Историческое сознание и нравственность / М.А. Киссель. М.: Знание, 1990. С. 7.
- 4. Мандельштам Ю. О любви // Человек. 1992. № 1. С. 53.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ В ГЕНДЕРНОМ АСПЕКТЕ

© 2008 Т.В. Дробышева

Воронежский государственный университет

Общий для многих лингвистических направлений, в том числе для прагмаориетированных исследований, принцип "человек в языке" вполне согласуется с учетом гендерного фактора. Понятия "мужественность" и "женственность" при всей их общечеловеческой универсальности имеют определенную национально-культурную специфику. Изучение различных культур показало ошибочность объяснения поведения мужчин и женщин только биологическим полом. В то же время во всех культурах соблюдаются различия между полами, и как только ту или иную черту поведения начинают ассоциировать с определенным полом, от нее стараются избавиться представители другого пола. Именно этот факт лег в основу концепции гендеризма, т. е. культурно и социально обусловленных и воспроизводимых обществом различий в поведении полов. Обнаружение и описание этой специфики - одна из актуальных задач гендерной лингвистики.

Лингвисты А. Кирилина и М. Томская указывают на необходимость исследования письменного и устного речевого поведения мужчин и женщин с позиций интеракционизма и теории речевых актов, т. е. с учетом целей высказывания, стратегий и тактик речевого поведения. Применение гендерного подхода также основывается на ряде методологических принципов, важнейший из которых - понимание пола как социально и культурно конструируемого феномена и его релятивизация. "Признание культурной обусловленности пола, его институциональности и ритуализованного характера ведет и к признанию его конвенциональности, неодинаково проявляющейся в различных культурных и языковых сообществах на различных этапах их развития" [3, 140].

Осмысление пола происходит не только как природного, но и как конвенционального феномена. В контексте такого подхода были сформулированы общие принципы гендерных

исследований, важнейший из которых - признание конвенциональности гендера, неодинаково проявляющейся в различных культурных и языковых сообществах на различных этапах их развития. При изучении коммуникации, речевого поведения и других феноменов, связанных с речью, московская школа также признает гендер "плавающим" параметром, т. е. фактором, проявляющимся с неодинаковой интенсивностью, вплоть до полного его исчезновения в ряде коммуникативных ситуаций. Такая постановка вопроса, по нашему мнению, является наиболее современной и соответствует данным, полученным в новейших исследованиях по социальной психологии и социологии. Современные теории социальной идентичности рассматривают гендер как "разыгрываемый" или конструируемый в ходе коммуникативного взаимодействия феномен (термин M. J. Collier).

Е. А. Земская, М. А. Китайгородская, Н. Н. Розанова изучали общение в семьях московской интеллигенции. В качестве главного вывода авторы указывают на отсутствие резких "непроходимых" границ между мужской и женской речью в русском языке. Отмеченные ими особенности мужской и женской речи определяются как тенденции употребления.

В мужской речи отмечаются терминологичность, стремление к точности номинаций, большая, по сравнению с женской, тенденция к использованию экспрессивных, особенно стилистически сниженных средств, намеренное огрубление речи. К типичным чертам женской речи авторы относят гиперболизованную экспрессивность (жутко обидно; колоссальная труппа; масса ассистентов) и более частое использование междометий (типа ой!). У женщин заметна тенденция к интенсификации прежде всего положительной оценки. Мужчины более выраженно используют отрицательную оценку, включают стилистически сниженную, бранную лексику и инвективы. Однако авторы отмечают,

что "нередки случаи, когда те или иные явления, обнаруженные в речи мужчин и женщин, связаны с особенностями их психического склада, характера, профессии, роли в социуме, но не с различием по полу" [2, 132].

На наш взгляд, сегодня речь идет не столько о том, как пол влияет на коммуникативное поведение и использование языка, а о том, какими средствами располагает язык для конструирования гендерной идентичности, в каких коммуникативных ситуациях и типах дискурса и с какой интенсивностью совершается конструирование. Процессы конструирования гендерной идентичности прослеживаются и на материале текстов художественного дискурса. Здесь различия в моделях мужского/женского речевого поведения проявляются нерегулярно, и гендер не является определяющим фактором коммуникации. В то же время в определенных ситуациях речевого общения влияние гендера обнаруживается в предпочтении одних приемов речевого поведения и блокировании других.

Эти выводы подтверждаются материалом нашего исследования, в котором мы изучали коммуникативно-прагматическое содержание образа главной героини (Дейзи) в романе Ф. С. Фицджеральда "Великий Гэтсби" на материале оригинала и двух вариантов его перевода на русский язык (1 Е. Калашниковой и 2 Н. Лаврова), где переводчики различаются по гендерному параметру (1 - женщина, а 2 — мужчина).

В ходе анализа коммуникативно-прагматической составляющей образа героини нами были установлены определенные повторяющиеся тенденции при интерпретации одного исходного образа у двух переводчиков. Эти тенденции являются следствием намеренного индивидуального выбора средств воздействия на читателей из целого диапазона возможных вариантов и, таким образом, служат отражением личности переводчиков, в том числе, могут обнаруживать их гендерную принадлежность.

Проанализировав выразительность речи переводчиков в сравнении с речью автора оригинала при передаче образа Дейзи - героини романа "Великий Гэтсби" (а именно тех фрагментов текста, в которых описывается манера ее речи и внешность), - мы пришли к заключению, что у переводчиков наблюдается как усиление выразительности, так и ее ослабление. Однако показательным оказался тот факт, что переводчик 2 (мужчина) гораздо чаще прибегает к усилению выразительности речи.

Так, например, оригинальную фразу, описывающую голос героини (Дейзи) ...but there was an excitement in her voice... a promise that she had done gay, exciting things just a while since that

there were gay, exciting things hovering in the next hour, переводчик 1 передает следующим образом: но в голосе было многое... отзвук веселья и радостей, только что миновавших, и отзвук веселья и радостей, ожидающих впереди. Оригинальное существительное excitement трансформируется в многое, имеющее в данном контексте обобщенно-неопределенную семантику: 'значительное по количеству, содержанию; от многий — составляющий неопределенно большое число, значительную часть чего-либо'. Реализованный здесь прием генерализации значения приводит в данном отрывке к снижению эмоциональности речи. Метафорическое употребление причастия hovering (парящих) трансформируется в стилистически нейтральное причастие - ожидающих, которое также снижает выразительность речи в переводе 1.

В переводе 2 этого фрагмента обнаруживается повышение экспрессивности, ср.: но голос — это было **нечто необыкновенное**... слышались в нем отголоски буйного веселья и шальной радости, и, главное, обещания еще более неземных блаженств, ожидающих вас в недалеком будущем. Оригинальное существительное an excitement переводчик 2 передает как нечто необыкновенное, где нечто - соответствует значению неопределенного артикля an, а необыкновенное - 'не такой, как многие, как у многих, выделяющийся среди других; исключительный, чрезвычайный, очень сильный по своему проявлению'. Несмотря на обобщенную семантику данного сочетания по сравнению с исходным словом, за счет добавления имплицитной положительной оценки компенсируется часть утерянной эмоциональности.

В сочетаниях буйное веселье и шальная радость экспрессивность повествования выше, чем у Фицджеральда и у переводчика 1. Прилагательное *буйный* указывает на крайне высокую степень проявления эмоций и таким образом гиперболизирует ситуацию. Разговорное прилагательное шальной своей стилистической окраской и семантическим значением крайности в выражении эмоций также увеличивает экспрессивность речи переводчика. Переводческие добавления в отрывке главное, обещания еще более неземных блаженств, ожидающих вас в недалеком будущем (1 - вводное слово главное, 2 — традиционно-поэтическое прилагательное неземной в сравнительной степени, 3 – местоимение второго лица вас, подразумевающее обращение к читателю) являются средствами, акцентирующими особое внимание читателя на чувственности. Трансформируя оригинальное сочетание gay, exciting things в смежное по значению сочетание неземные блаженства,

переводчик актуализирует прием гиперболизации. Но при переводе метафорического причастия *hovering* (парящих) в переводе 2 происходит нейтрализация метафоры (*hovering* — *ожидающих*) и, следовательно, снижение выразительности.

Выявлена разница в использовании образных средств (метафор, сравнений, эпитетов). У переводчика 2 они употребляются во много раз чаще, чем у переводчика 1. Приведем примеры, отражающие использование образных средств при передаче одного и того же фрагмента исходного текста. Фицджеральд наделяет смех героини (laugh) такими эпитетами, как sweet, exciting. Переводчик 1 эквивалентно передает их: мелодиный, волнующий смех. Переводчик 2, опираясь на первое значение прилагательного sweet (сладкий), переводит его как медовый, усиливая за счет применения метафоры экспрессивность речи.

В оригинале посредством метафорических эпитетов в постпозиции, характеризующих голос героини - glowing and singing, и сравнительного придаточного предложения с метафорическим употреблением глагола quicken (as if his absence quickened something within her) достигается довольно яркая образность. Переводчик 1 сохраняет образность фразы, ср.: *УДэзи словно что-то быс*трее завертелось внутри, она снова наклонилась ко мне и сказала напевным, льющимся голосом. Однако в переводе наблюдаются следующие трансформации: 1. употребление глагола завер*телось* с более конкретной семантикой имплицирует сравнение героини с неким механизмом; 2. препозиция эпитетов нейтрализует часть экспрессивности, кроме того, меняется образная основа метафорического переноса в эпитете *льющийся* (т. е. тот, который 'распространяется, струится, течет'), тогда как оригинальный эпитет имел в своей основе сравнение с приглушенным светом от затухающего костра, что не меняет восприятие голоса героини (и в оригинале, и в переводе создается впечатление мягкости, приятное ощущение игривости).

В переводе 2 сравнение душевного состояния Дейзи с движением некого механизма выражается эксплицитно, что усиливает экспрессивность повествования, ср.: Внутри Дейзи словно заработал какой-то механизм, и закрутились колесики. Голос героини в переводе 2 наделяется дополнительным эпитетом — волнующий, который не противоречит макроконтексту, но является отображением внутренних ощущений переводчика. Образные эпитеты оригинала передаются при помощи метафор и добавляется образное сравнение, ср.: ее волнующий голос зажурчал, заструился и заиграл, как драгоценный камень в изумительной оправе. Здесь необходимо

заметить, что развернутость в передаче эпитетов и, следовательно, большая эксплицитность приводит к усилению экспрессивности речи переводчика и проявлению его личного отношения к героине — любования ее голосом.

Переключение оценочного компонента в семантической структуре слов у переводчиков наблюдается как в сторону отрицательной оценки, так и в сторону положительной. Так, переводчик 2 пользуется довольно часто добавлением информации, что может приводить к переключению оценки, ср.: held my hand for a moment (задержала мою руку на мгновенье), удержала мою руку в своей на мгновение дольше, чем того требовали приличия. Здесь создается эффект осуждения 'нескромных действий' Дейзи, который отсутствует в оригинале и является личным выводом интерпретатора. В переводе 1 рассмотрим пример, где в связи с особенностями морфологии английского языка при дословном переводе на русский язык может возникать негативная коннотация, которую переводчик 1 умело избегает за счет использования оттеночного суффикса, ср.: husky, rhythmic whisper (охрипший, ритмичный шепот), хрипловатый ритмичный полушепот.

Особое внимание стоит обратить на частотное использование иронии в переводе 2, тогда как у переводчика 1 в этом фрагменте текста она отсутствует.

Стилистические сдвиги наблюдаются только у переводчика 2 и часто в сторону понижения стиля, небольшого огрубления речи, однако обнаруживается и единичный случай его повышения, который рассматривался в вышеописанном фрагменте. Приведем пример огрубления речи у переводчика 2. При создании образа Дейзи, Фицджеральд вскользь обращается к чертам ее лица: ...bright eyes and a bright passionate mouth, сравним с переводом 2: сияющие глаза и броский чувственный рот. Атрибут броский принадлежит к разговорному стилю русского языка и огрубляет речь переводчика.

Также автор перевода 2 прибегает к использованию терминов, что не вполне соответствует стилю автора исходного текста и жанру художественной литературы в целом. В следующем примере манерность Дейзи подчеркивается в оригинале в следующем отрывке: She laughed again, as if she said something very witty. Автор перевода 2 конкретизирует семантику словосочетания very witty и прибегает к терминологическому слову каламбур, которое обозначает следующее: 'шутка, основанная на использовании слов, сходных по звучанию но разных по значению, или на использовании разных значений одного и того же слова; игра слов'. Таким образом автором 2 достигается эффект дополнительной иронии.

Т.В. Дробышева

Количественно можно представить результаты этой части исследования в таблице.

	Переводч. 1	Переводч. 2
1. Наличие образных средств	5	20
а) метафоры	1	8
б) сравнения	2	3
в) эпитеты	2	8
г) перифразы	0	1
2. Наличие стилистически маркированной лексики	0	7
а) снижение стиля	0	5
б) повышение стиля	0	1
в) термины	0	2
3. Наличие оценочного компонента	4	10
а) изменение в сторону положительной оценки	1	6
б) изменение в сторону отрицательной оценки	3	4
4. Наличие иронии	0	4

Таким образом, на нашем материале отчасти подтверждается то, что мужчины склонны к употреблению лексики сниженного стиля и терминов. Однако вопреки общепринятым представлениям, данный анализ показал большую выразительность речи переводчика мужского

пола, большую частотность образных средств. Это, с одной стороны, подтверждает тот факт, что гендер является плавающим параметром в речевом поведении, с другой стороны, данный факт может указывать и на то, что мужчина-переводчик действует "смелее" при выборе средств воздействия на читателей и больше "проявляет себя" как творческий человек, тогда как переводчик-женщина старается "послушно" следовать за текстом оригинала, порой забывая о том, что в американской традиции художественной литературы принят более сдержанный стиль и что иногда нейтральную фразу английского языка в определенном контексте и можно, и нужно переводить, используя более выразительные средства русского языка.

- 1. Земская Е. А. Особенности мужской и женской речи / Е. А. Земская, М. А. Китайгородская, Н. Н. Розанова // Русский язык в его функционировании / Под ред. Е. А. Земской и Д. Н. Шмелева. М., 1993. С. 90-136.
- 2. Кирилина А. В. Лингвистические гендерные исследования / А. В. Кирилина, Томская М. (http://www.strana-oz.ru/?numid=23&article=1038).
- 3. Collier M. J., Thomas M. Cultural identity: An interpretive perspective // Y. Y. Kim, W. B. Gudykunst (Eds.) Theories in intercultural communication. Newbury Park, 1988. P.99-122.

ОСОБЕННОСТИ АВТОРСКОГО И ДРАМАТУРГИЧЕСКОГО СЛОВА В ПЬЕСЕ Н. ЭРДМАНА «САМОУБИЙЦА»

© 2008 О.В. Журчева

Самарский государственный педагогический университет

Художественная культура 1920-х гг. оставалась в каком-то смысле на-следником формальных и содержательных поисков искусства рубежа XIX—XX вв. и начала XX в. Столь характерная для этого периода любовь к стилиза-ции вылилась в пристрастие к эстраде и малым драматическим формам, где на смену экзистенциальной серьезности порубежной эпохи пришла ирония, пародия, буффонада, комедия. Следствием поисков новых эстрадных приемов было обращение к опыту народного театра и традиции русского балагурства во всех их разновидностях, в зрелищных и словесных формах.

Многочисленные литературоведческие, театроведческие и сценические ин-терпретации двух полнометражных пьес Николая Эрдмана («Мандат» и «Само-убийца») показывают, что автор оказался не только в основном русле всех жан-ровых, стилевых и речевых тенденций своего времени, но стал их наиболее ор-ганичным и талантливым выразителем. В творчестве Н. Эрдмана можно отме-тить обращение к эстраде, пристрастие к малым комическим формам, импрови-зации, «дивертисментность» построения драматургического действия. С одной стороны, писатель существовал в рамках достаточно традиционных жанров – «бытовая» комедия [1, 8], водевиль или комедия положений [2, 88], сатириче-ская комедия [3, 255]. А с другой — эстрадный репертуар и укоренившийся в те-атральной практике тех лет жанр обозрения привел драматурга к тем специфи-ческим сценическим приемам и формам, которые восходили в большинстве своем к народному театру, шире – народной площадной культуре. Можно сказать, что своеобразие собственно авторского слова и трансформация родового драматургического слова у Эрдмана представили его как наиболее репрезента-тивного драматурга, сконцентрировавшего в себе квинтэссенцию эстетических и формальных поисков своей эпохи.

Обстоятельством, породившим театральную

систему Н. Эрдмана, было понимание того, что происходит изменение всего строя литературы за счет изменения всего строя языка. Перед ним встала проблема художественного ос-воения мира за счет новой языковой стихии. «Революционный новояз», воз-никший к 1920-м гг., вполне сопоставим с той «фамильярной» речью, и его можно было бы с определенной степенью приближения охарактеризовать сло-вами Бахтина: «почти особый язык, невозможный в других местах и резко от-личный от языка церкви, дворца, судов, учреждений, от языка официальной ли-тературы, от языка господствующих классов (аристократии, дворянства, выс-шего и среднего духовенства, верхов городской буржуазии), хотя стихия площадной речи вторгалась - при известных условиях — и сюда» [4, 171]. Именно языковая ситуация сделала очевидным родство эрдмановской драматургии с балаганной фольклорной комедией, с тем типом балагурства, который пред-ставлен и в диалогах шекспировских шутов, и в репризах цирковых клоунов, и в выкриках балаганных «дедов». Традиции русского балагурства в пьесе «Са-моубийца» прослеживаются на уровне конфликта и композиции, мотивов и приемов, но в первую очередь, на уровне языка комедии. Среди многочислен-ных черт русского балагурства, присущих «Самоубийце», можно отметить несколько, наиболее выразительных.

- 1) словесные «пинки и оплеухи»;
- 2) загадки и недоразумения;
- 3) дискретность, сукцессивность;
- 4) переплетение двух смысловых пластов: бытового, утилитарного и аб-страктного.
- 1. Насмешки и намеки фольклорного диалога в несколько измененном виде словесный щелчок, «пинки и брычки», когда исходная реплика перетол-ковывается затем в невинном духе в заключение диалога присутствуют в раз-говорах эрдмановских героев.

Маргарита. Пожалуйста, не прикидывайся. Сознавайся, с какою ты шлюхой сидел?

Александр Петрович. Да, наверно, с тобой, Маргарита Ивановна.

Серафима Ильинична. С вами, с вами [5, 116]. Словесная оплеуха, ненамеренно направленная на собеседника, чаще имеет характер случайных обмолвок, не замечаемых ни невольным шутником, ни пострадавшим лицом.

2. Загадки и недоразумения. Герои Эрдмана, как и персонажи кукольного театра и балаганные балагуры, говорят загадками, вызывают собеседника на расспросы, шокируют жутковато прямолинейными ответами, абсурдными из-за пропуска смысловых звеньев (принцип клоунады).

Серафима Ильинична. Где же выход?

Александр Петрович. В трубе.

Серафима Ильинична. Как в трубе?

Александр Петрович. Есть такая труба, Серафима Ильинична, труба ге-ликон, или бейный бас, в этом басе весь выход его и спасение [5, 98].

Присутствует и прием прямой загадки как часть общей стратегии недого-варивания, с помощью которой строится диалог в народной комедии.

Семен Семенович. Я их (штаны. — О.Ж.) завтра надену, Серафима Ильи-нична.

Серафима Ильинична. Для чего же задаром штаны трепать? Вы куда в них пойдете, Семен Семенович?

Семен Семенович. В это...я...я на место устраиваюсь.

Мария Лукьяновна. Что ты, Сеня? Когда?

Семен Семенович. Завтра ровно в двенадцать часов

Мария Лукьяновна. Наконец-то! Какое же место? Временное?

Семен Семенович. Нет, как будто навсегда [5, 121].

3. Дискретность, сукцессивность. Функцией вопросов и переспросов представляет собой разбитие информации на ряд смысловых квантов, подавае-мых с расстановкой («сукцессивно») и крупным планом, здесь подчеркивается артикуляция любых важных сообщений и заявлений. Коммуникативная ясность и четкость - непременная черта балаганного театра. Слово, несущее сюжетно важный смысл, стилистически нейтрализовано, очищено от индивидуальных и локальных оттенков, свойственных живой речи. Высказывание сводится к сво-ему информационно-логическому костяку, стремится к лаконизму и выделен-ности смысловых членений. Диалог в «Самоубийце» состоит из крупных дис-кретных блоков. В «Самоубийце» многие персонажи произносят длинные мо-нологи, но в них можно заметить тенденцию к распадению на законченные «ат-тракционы» - афоризмы, оксюмороны и проч. Например, речь Аристарха, уго-варивающего Подсекальникова застрелиться ради интеллигенции, можно раз-делить на несколько таких «блоков»:

Аристарх Доминикович. <...> Вы стреляетесь. Чудно. Прекрасно. Стре-ляйтесь себе на здоровье. Но стреляйтесь, пожалуйста, как общественник... // Мертвого не заставишь молчать, гражданин Подсекальников. Если мертвый за-говорит. // В настоящее время, гражданин Подсекальников, то, что может по-думать живой, может высказать только мертвый. // Я пришел к вам как к мертвому, гражданин Подсекальников. Я пришел к вам от имени русской интелли-генции [5, 107-108].

4. Переплетение двух смысловых пластов: бытового, утилитарного и абстрактного. В качестве комического приема часто используется принцип диссонансов, когда возвышенная тема контрастирует с их смеховым, снижен-ным воплощением. Здесь антитетичность выступает как главный метод развен-чания [3, 17]. В 4 действии переплетаются два пласта: бытовой, конкретный, утилитарный и абстрактный, возвышенный, философский. Происходит это в процессе диалога, где вместе звучат реплики-оды в честь покойника и замеча-ния портнихи и модистки о траурном платье и траурной шляпке для Марии Лукьяновны. Постепенно Мария Лукьяновна полностью переключается на «рюшики» и «шляпку», фасон «фантази».

Аристарх Доминикович. Я скажу вам на это, Мария Лукьяновна: живите так же, как умер ваш муж, ибо умер он смертью, достойною подражания.

Портниха *(снимая мерку)*. Длина переда сорок один.

Аристарх Доминикович. Один, совершенно один, с пистолетом в руках, вышел он на большую дорогу нашей русской истории.

Портниха *(снимая мерку)*. Длина зада девяносто четыре.

Аристарх Доминикович. Он упал на нее и остался лежать...

Серафима Ильинична. Где остался лежать?

Александр Петрович. На дороге истории, Серафима Ильинична.

Серафима Ильинична. Это где же такое? Далеко от нас?

Александр Петрович. Да, довольно порядочно. Аристарх Доминикович. Вы, шагающий по дороге истории государст-венный муж и строитель жизни, посмотрите поглубже на труп Подсекальнико-ва.

Серафима Ильинична. Глубже, глубже.

Маргарита Ивановна. И набок.

Модистка. Вот так. Восхитительно [5, 138].

Необходимо отметить еще один прием построения словесной ткани цело-го драматического отрывка — явления, а иногда скрепляющего и ряд драматур-гических явлений. Н. Евреинов,

вспоминая о постановке знаменитой оперной пародии «Вампука» в «Кривом зеркале», приводит пример построения музы-кально-драматического отрывка: шуточное славословие на текст «Став на ко-лени, прославим героя», «где вступление голосов и их перебивка обуславлива-ют «катавасию», в которой слышится: «Став на героя, прославим колени», «славим колени», «колени героя» и тому подобная чепуха» [7, 87].

В «Самоубийце» есть ряд сцен с таким сложным многоголосным по-строением. Но если при музыкальном многоголосии должна появляться гармо-ния, здесь же множество голосов нужно для того, чтобы каждый из голосов был спародирован, скомпрометирован, оглуплен другим, врывающимся в диалог. Дополнительным приемом является полифонический, нигде не пересекающий-ся диалог, когда одновременно подают реплики несколько диалогизирующих персонажей, каждая из «диалоговых единиц» противоречит, вторит другой или пародирует ее, образуя принцип построения словесной сцены, сходный с «ката-васией». Так построены, например, в 3 действии сцены в ресторане.

Маргарита Ивановна. Вот за это люблю вас, Семен Семенович... Запи-ши за бокал девяносто копеек...

Семен Семенович. Сколько времени? А?..

Отец Елпидий (наклонившись к Груне). Раз пошел Пушкин в баню...

Груня. Вы про Пушкина мне не рассказывайте, я похабщины не люблю...

Аристарх Доминикович. Уважаемое собрание. Мы сейчас провожаем Семена Семеновича, если можно так выразиться, в лучший мир. В мир, откуда не возвращаются.

Степан Васильевич. За границу, наверно?.. [5, 124-125]

Речевая «катавасия» нагнетается по мере того, как приближается время самоубийства Подсе-кальникова.

Семен Семенович (переписывает). «Почему я не в силах жить!» Вос-клицательный знак. Дальше... «Посмотрите в глаза истории». Замечательно. Красота.

Пугачев. Уважаемые, до чего я люблю красоту, даже страшно становит-ся. Красота, уважаемые...

Зинка Падеспань. Вольдемар, вы начнете сейчас блевать. Уверяю вас...

Семен Семенович (*читает*). «Потому что нас всех коснулся очисти-тельный вихрь революции!» Восклицательный знак. С красной строки. (Пере-писывает).

Клеопатра Максимовна. Мне претит эта скучная, серая жизнь. Я хочу диссонансов, Егор Тимофеевич [5, 132].

Один из приемов «обнажения» слова в устных формах народной смехо-вой культуры,

возможность его снижения и обессмысливания - это рифма. Как писал Д.С. Лихачев о «лингвистической стороне русского балагурства»: «Риф-ма провоцирует сопоставление разных слов, «оглупляет» и «обнажает» слово. Рифма... создает комический эффект. Рифма «рубит» рассказ на однообразные куски, показывая тем самым нереальность изображаемого <...> Рифма подчер-кивает, что перед нами небылица, шутка» [8, 27]. В данном случае речь пойдет не совсем о рифме, а о ритмической организации текста с целью его компроме-тации, снижения, оглупления. Один из самых ярких комических моментов «Самоубийцы», несущий в себе и обнажение смысла, и пародирование, и своеобразное цитирование, — это монолог писателя Виктора Викторовича о «трой-ке», «лошадях», «Руси». Этот монолог, конечно, произносится и графически оформлен как прозаический, но он явно и довольно отчетливо ритмически ор-ганизован. Монолог представляет собой 22 достаточно точно организованных пятистопным анапестом строки. Сложный размер придает определенный эпи-ческий размах произносимым словам и одновременно их компрометирует, по-скольку в них каждый читатель узнает текстовые цитаты из гоголевской «пти-цы-тройки» и некоторые интонационные и аксессуарные элементы из произве-дений Н. Гоголя и Л. Толстого (причем это не стилизация, не цитация извест-ных писателей, это пародия на настроение).

Николай Эрдман, ориентируясь на сложную традицию функционирова-ния устного слова сначала в народной смеховой культуре, а затем на эстраде, создает такую структуру драматургического слова, которая призвана отразить изменение всего строя художественного мышления за счет изменения всего строя языка. Кроме того, использование словесных приемов народной смеховой культуры, так же, как и слово в культуре карнавала, играло в определенном смысле амбивалентную, обновляющую, обратимую функцию по отношению к привычному бытовому слову, насыщала его новыми смыслами, создавала но-вый словесный контекст эпохи.

- 1. Свободин А.П. О Николае Робертовиче Эрдмане // Эрдман Н. Пьесы, интермедии, письма, документы, воспоминания современников / Н. Эрдман. М.: Искусство, 1990. С. 5-18.
- 2. Алперс Б.В. Театр социальной маски // Алперс Б. Театральные очерки: в 2 т. / Б. Алперс. М.: Искусство, 1977. Т. 1. С. 27-162.

- 3. Фролов В.В. Судьбы жанров драматургии / В.В. Фролов. М.: Совет-ский писатель, 1979. 423 с.
- 4. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневе-ковья и Ренессанса / М.М. Бахтин. М.: Художественная литература, 1990. 543 с.
- 5. Эрдман Н. Самоубийца // Эрдман Н. Пьесы, интермедии, письма, доку-менты, воспоминания современников / Н. Эрдман. М.: Искусство, 1990. С. 81-164.
- 6. Даркевич В.П. Народная культура средневековья: Пародия в литературе и искусстве IX-XVI вв. / В.П. Даркевич. М.: Наука, 1992. 287 с.
- 7. Евреинов Н. В школе остроумия. Воспоминания о театре «Кривое зер-кало» / Н. Евреинов; под ред. А. Дейча и А. Кашириной-Евреиновой; вступ. ст. Л. Танюк. М.: Искусство, 1998. 366 с.
- 8. Лихачев Д.С. «Смеховой мир» Древней Руси / Д.С. Лихачев, А.М. Панченко. М.: Наука, 1976.-194 с.

МИР ДЕТСТВА В СОВРЕМЕННОЙ УДМУРТСКОЙ ПРОЗЕ

© 2008 Т.И. Зайцева

Удмурский государственный университет

Сегодняшний день удмуртской прозы начался в разнообразных переменах на рубеже 1980-1990х годов. Хотя в действительности нынешняя литературная ситуация размыкается в значительно глубокие временные границы. Анализ развития современной удмуртской детской литературы позволяет неоднозначно оценивать положение, связанное с детской книгой. С одной стороны, нельзя не отметить повышение спроса к изданиям детской тематики, особо маленькие читатели нуждаются в ярких и красочных книгах об истории, культуре, традициях, современном искусстве удмуртского народа. С другой стороны, финансовые трудности удмуртского книжного издательства и покупная способность читателей очень серьезно отразились на состоянии современной детской литературы. Экономический кризис поглотил в первую очередь традиции книжного издания детской художественной литературы.

И все же, несмотря на все сложности существования культур малых народов в рыночных условиях, в девяностые годы издательство "Удмуртия" выпустило в свет книги для детей, что обозначило рождение новых традиций в национальной детской литературе. Из прозаических жанров это книги У. Бадретдинова "Что такое Кадик?" (1994) и "Приглашает" (1997), Р. Игнатьевой "Сладко пахнущие цветы" (1995), Л. Малых "Танцующая звездочка" (1997), которые зримо обнажили приобретение удмуртской детской литературой иного статуса по сравнению с прошлым. Эти авторы устремились к художественности, образности, указывая тем самым на значение эстетической стороны в воспитании ребенка книгой. Как раз ощущение смысла литературной деятельности как сферы искусства является общим моментом творчества современных удмуртских писателей. Следует заметить, что ведущую роль в развитии современной удмуртской детской литературы играет периодика.

В современной удмуртской детской прозе условно можно выделить два ведущих направле-

ния: литература устоявшегося реалистического течения и литература, дающая предпочтение вымыслу, иносказательно-фантастической, сказочной образности. Зачастую в произведениях соционаправленной тематики социогуманный пафос пересекается с экспериментальным поиском новых выразительных средств.

Характерной и отличительной чертой традиционной прозы является изображение значительно сильного чувства привязанности ребенка к семье. Именно на семейном материале строятся сегодня сюжеты многих детских произведений, тогда как коллективность и товарищество в виде пионерских отрядов и октябрятских звездочек, школьных дружин и сельских производственных бригад были главными приметами литературы прошлых лет, обращенной к миру детства. В современных произведениях ставятся драматические проблемы взаимоотношений между детьми и взрослыми, между самими детьми, между детьми и окружающим миром. Коллизии возникают в зоне отчуждения детей и родителей, жестокости и пьянства взрослых, раскрывают боль и одиночество ребенка, дефицит доверительного общения. Это произведения Р. Игнатьевой, В. Сергеева, У. Бадретдинова и др.

Среди произведений реалистических жанров все популярней у маленьких читателей становится научно-художественная, познавательная, природоведческая литература. Для детей пишутся книги по истории и географии, о культуре и быте удмуртского народа. Такие издания, в основном, осуществляются с участием ученых, краеведов, здесь строгая научность своеобразно сочетается с живостью и занимательностью изложения. Следует отметить высокую познавательность, углубленный энциклопедизм, увлекательный сюжет и яркий язык детских книг, написанных известными учеными М. В. Гришкиной, М. И. Ивановой, В. В. Туганаевым и др.

Трансформация жанров современной удмуртской детской литературы, в первую очередь, свя-

зана с ее повышенным интересом к волшебному или фантастическому миру. В литературе этого направления выделяются сказочные истории О. Четкарева, Л. Малых, А. Ельцова, В. Коткова, Г. Романовой; оригинальные заявки сделали также Р. Николаева и Л. Нянькина. Для произведений названных авторов свойственна раскованность, непринужденная легкость выражения, стремление ввести в детскую прозу нетрадиционные художественно-изобразительные приемы. Стиль их произведений нередко сочетает в себе легкую чувствительность и национальный юмор, развлекательность и ненавязчивую дидактику, простодушную созерцательность и философичность. В литературной сказке национальные фольклорные мотивы соединяются со свободным творческим вымыслом, заметно обращение авторов к опыту русской и зарубежной литератур, изучению кино и современных комиксов. Используя ситуации, мотивы, персонажей удмуртских народных сказок, писатели строят свои произведения на современном материале, близком нынешнему детскому восприятию.

Среди современных удмуртских авторов, пишущих для детей, своеобразное место занимают самобытные художественные поиски Л. Малых. У этой писательницы два вида сказок. Одни - авторские, которые она полностью придумала; основа других – фольклор, где есть архетипы, восходящие к глубокой древности и опирающиеся на генетическую память поколений. Первое впечатление от книги Л. Малых «Танцующая звездочка» - что ее сказки эмоционально правдивы и прочувствованы, автору присуще умение увидеть чудо в обыденном. Под пером одаренной писательницы обретают телесность и индивидуальные качества характера персонажи древних удмуртских преданий – домовые, ведьмы, колдуны, хранители вещей, покровители различной живности, духи и т. д. Отталкиваясь от фольклорных и мифологических сюжетов, автор как бы пишет продолжение историй, персонажи которых, так или иначе, известны удмуртскому читателю. Это может быть, к примеру, Музъем-анай (мать-Земля), Шунды-мумы (матерь-Солнце), Нюлэсмурт или Нюлэс Нюня (хозяин леса), Вумурт (водяной), Корка утись (домовой) и т. д.

Действие в ее сказках течет динамично и плавно, сплетая различные сюжетные линии и эпизоды, сталкивая представителей потустороннего мира и мира живых людей. Так, на контакте двух миров — девочки-сиротки Огаш, ее слепой бабушки Левень, духа Земли, покровителя родника — основывается сюжет сказки "Цветок матери-Земли". Смелость, упорство, трудолюбие и открытое сердце маленькой Огаш спасают землю и ее родную деревню от вечной тьмы и гибели.

Девочка пересаживает украденный цветок жизни, который является хранителем тайных сил земли, на прежнее место, и воскресает Красный ключ, наполняя жизнью всю природу вокруг. Художественное повествование сказки имеет характерный для удмуртских быличек и бывальщин колорит — атмосферу реальности происходящего. Отсюда впечатление абсолютной достоверности описываемых событий.

Ее излюбленные приемы — оживление вещей, игрушек, одухотворение природы, очеловечивание животных, игра слов, звукоподражание, использование афоризмов и смодернизированных фразеологизмов. Основной темой книги "Танцующая звездочка" стала проблема противоборства светлых и темных сил, борьба за власть, господство над другими. Закону злобы, вражды, страха, лицемерия и насилия пытаются подчинить живой мир страшная колдунья Огра ("Подснежники"), безобразно-странное существо — слизняк Жагон ("Путы царя Грязнухи"), распространитель вредных микробов и болезней Курмача ("Хвастливый Замарашка"), петух Шаян ("Петух Лукавец") и др.

Героем сказок Л. Малых может быть и несчастный, страдающий, одинокий ребенок. Отнюдь не обязателен и хороший конец историй, однако несомненна победа добра над злом, отчего и гибель персонажей воспринимается не как трагедия, а торжество любви. В сказке «Подснежники» колдунья наслала на Нату порчу, и у девочки безнадежно заболели ноги. Следующей весной из этой ситуации девочку выручает ее верный друг – зайчик Чик, но при этом зайцу приходится стать подснежником, т. е. цветком с очень короткой жизнью. В сказке "Танцующая звездочка" маленькая и самая яркая звездочка жертвует собственной жизнью ради одинокой больной девочки. Заяц и звездочка погибают, но остаются вечная дружба и бессмертная любовь. Светлое человеческое начало в произведениях Л. Малых превозмогает темные силы – добро побеждает зло, любовь оказывается сильнее ненависти. Тем не менее, фантастические силы зла вносят в текст ее рассказов элемент тревоги, ощущение непрочности и хрупкости бытия, неустроенности мира.

Черты поэтики современной удмуртской литературной сказки отражает также творчество Г. Романовой. Наиболее привлекательны ее сказки — «Алан и Гасар», «Черное озеро и Живая трава», «Три брата». Положительные герои Г. Романовой — национальные батыры. Герои-батыры раскрываются в искушениях-испытаниях, при этом их помощниками выступают мудрые старцы — кузнец, гусляр, знахарь и т. д. Старцы обладают магической силой слова, действия. Сказки Г.

Романовой переносят читателя в мир древних удмуртов. В тексты ее сказок в изобилии включены забытые древние удмуртские слова и выражения, имена героев восходят к родовым традициям, народные песни также относятся к старинным пластам национального фольклора. На духовных, ментальных, социальных особенностях нации и народа сосредоточена сказка-пьеса «Черное озеро и Живая трава». После смерти отца остаются три брата – Пильып, Илья и Степан. На долю младшего сына выпадает ответственная роль спасителя своего народа от гнета колдуна Сьод Кыля (Черная Зараза). У удмуртов, как и многих других народов, числа 3, 7, 9 и др. несут магический смысл. До настоящего времени широко распространено поверье о том, что сказанное третьим и седьмым ребенком слово непременно исполняется и что рожденные под этими числами люди обучаемы тайным знаниям. Только тот, кто владеет сверхъестественной силой, сможет вырвать Живую Траву, потому что ее корни запутаны в 77 метрах. Младший сын Степан, освоив магические знания, становится лидером, наступает эра новой, счастливой жизни бессмертного народа.

Удмуртскую детскую библиотеку последних лет также пополнили произведения Р. Игнатьевой. Для Р. Игнатьевой свойственно изображение детства не как безоблачной и беспечной поры человеческой жизни, но как драматического промежутка времени на пути становления личности. Писательница часто обращается к конфликтам, отражающим дисгармонию общественных отношений, к судьбам несчастных детей, ставших жертвами безразличия взрослых, отсутствия тепла и любви. Р. Игнатьева показывает события через детское восприятие, такой угол зрения оттеняет ведущую позицию автора – признание самоценности личности ребенка. Писательница в одной из бесед с читателями призналась, что у нее нет детей и всю любовь к ребенку она изливает в своих рассказах.

В сфере ее внимания – семья как естественная среда жизни ребенка. Часто ее семьи «неполные», а потому многие герои уже в раннем возрасте познали горечь обид. Тяжелые психологические травмы наносит осиротевшей Настеньке скупая мачеха Дуня ("Иголка с ниточкой"). Очередной домашний скандал возникает только из-за того, что девочка записалась в школьный кружок по вышиванию и ей нужны цветные нитки. В рассказе с гнетущей убедительностью показана семейная атмосфера, созданная "философией" бездушной женщины. Больно ранит маленького Вовку ложь и лицемерие дяди Рудика, заезжего любовника его матери ("Обида"). Чтобы Вовка не мешал любовным свиданиям, дяденька обещает мальчику на следующий выходной привезти велосипед. В томительном ожидании проходят дни, недели, первое и второе воскресенье, и мальчик начинает "двигать" время, дважды в день — утром и вечером — срывает он со стены листы перекидного календаря. Писательницу глубоко волнует проблема утраты ребенком детской души, ее природной чистоты и нравственности, чуткости и отзывчивости, обеднение же внутреннего мира человека нередко начинается в семье. Пока еще Вовка тянется к доброму и светлому, в рассказе таковым предстает искалеченный "афганец" — дядя Коля с соседней улицы.

Но не только о грустном пишет Р. Игнатьева. Есть произведения, в которых писательница умело смешивает контрастные краски, достигая при этом очень своеобразных сочетаний: смех и слезы, восторг и отчаянье, печаль и радость и т. п. Таков сериал рассказов о девочке Окси, воспроизводящий каждодневную жизнь ребенка, с ее маленькими и большими неприятностями и радостями. Очень детские, непосредственно передаваемые переживания девочки открывают читателю внутреннюю проблематику жизни ребенка. Из роддома привезли братика Окси ("Любит, не любит"). Теперь ей, естественно, уделяется значительно меньше внимания, и избалованной девочке-первенцу начинает казаться, что ее перестали любить. Окси замыкается, ощущает себя никому не нужной, одинокой. На помощь девочке приходит отец, который говорит ей, что через несколько месяцев братик начнет улыбаться, подаст голос, и все это будет проделано мальчиком только ради Окси.

Рассказы о девочке Окси направлены на семейное чтение. Писательница пытается донести до читателя мысль о том, что счастье должно быть социально обусловлено. Взаимоотношения и дружба между родителями и девочкой, между Окси и бабушкой, между сестрой и братиком порождают радость жизни, ощущение ее полноты и гармонии. В основе творчества писательницы — поиск жизненных закономерностей, лежащий в русле замечательной традиции отечественной литературы для детей и юношества.

Заметная черта рассказов У. Бадретдинова – соединение смешного и серьезного, ироничного и познавательного. Писатель пытается подметить в обычной ребячьей жизни что-то самое существенное и важное, точно найденная деталь или ситуация становятся поводом для большого, интересного и увлекательного разговора. Он строг в отборе жизненных явлений, сдержан в изображении событий, экономен в отношении языковых средств. Тем не менее, он умеет заинтриговать читателя динамичным развитием событий, создать атмосферу ожидания. Наиболее ярко это, пожалуй, выражено в рассказе "Юнкор", где автор уделяет

повышенное внимание игре словом, что придает особый колорит повествованию. Старший брат Кости, Миколка, является юнкором детской газеты. В переводе на удмуртский язык словосочетание "юн кор" означает "крепкое, прочное бревно". В таком случае, каким же бревном называют тех, кто не пишет в газеты или у кого это не получается? — задается вопросами маленький Костик. Юнкору же предстоит написать в газету статью, в которой он изложит собственные наблюдения о нравах и привычках скворцов, о том, сколько и чего пожирают птенцы этих птиц за весь световой день.

Веселый забавный рассказ о маленьком поэте Колике ("Кто помешал?"), заснувшем на берегу реки с ручкой и блокнотиком в руках, плавно перерастает в раздумья о том, что умение видеть жизнь и мир природы глазами ребенка - это редкий и бесценный дар. У. Бадретдинов хорошо умеет передать ребячью непосредственность, показать различные оттенки настроений и переживаний маленького человека, нарисовать его психологию. Рассказ У. Бадретдинова «Вероника» написан от лица меленького Коли. Именно мальчишеская открытость и непосредственность рассказчика сообщают этому произведению особый юмор и ракурс изображения. Чтобы обратить на себя внимание новой девочки, маленький Коля забирается на верхушку самого высокого тополя в школьном дворе. Мальчик сорвался, упал, к счастью, благополучно, и получил кличку Лобы Коли (букв. Колька-полёт). Очевидно, произведение не зазвучало бы так жизнерадостно и весело, если бы не озорная интонация рассказчика, не естественно-увлеченное видение мира, не детская логика.

Многие герои У. Бадретдинова неразрывно связаны с природой. Писатель рассказывает о проделках и играх малышей, знакомит читателей с обычаями предков, повадками домашних и диких животных. Быт зверей, птиц, насекомых в его произведениях оживает особенным бытием. Он не очеловечивает животных, не стремится приписать им человеческие мысли и чувства, а передает их поведение, манеры, движения. Звери и птицы в произведениях У. Бадретдинова наделены определенной чертой характера: лиса умна и хитра, скворец трудолюбив, коза расчетлива и т. д. Свой характер персонажи-животные в рассказах У. Бадретдинова проявляют через конкретный поступок. К примеру, в рассказе "Длиннорогая" во время сильного ливня отважная коза спасает все стадо овец. Одна из важнейших идей творчества У. Бадретдинова – стремление изобразить гармонические отношения природы и ребенка. Писатель считает, что с уничтожением и загрязнением природы разрушаются нравственные барьеры в самом человеке.

Поиск образности, соответствующей детским представлениям, желание развить в ребенке чувство вкуса, интеллекта, ответственности — характерные черты литературных исканий вышеназванных и других удмуртских писателей, создающих современную детскую литературу. Присущая современной литературе поисковость имеет как свои преимущества, так и недостатки. Есть смысл начать изучение удмуртской детской прозы и поэзии девяностых годов и открывшихся в литературе новых закономерностей развития в комплексе и системно.

РУССКАЯ ПРОЗА 1850-Х ГОДОВ: МОДЕЛИРОВАНИЕ ПРОЦЕССОВ СЕМИОЗИСА

© 2008 Н.Л. Зелянская

Моделирование семиотических процессов связано с необходимостью формализации фактов, имеющих семиотическое значение, и с поиском метода определения отношений между ними, репрезентирующих реальное их взаимодействие в семиосфере. Модельные исследования предполагают, что взаимо-действие между элементами семиотической системы должно быть обусловлено спецификой материала и эксплицировано с помощью квантитативного анализа этих особенностей. Однако именно моделирование процессов литературной (и шире – культурной) эволюции вызывает затруднение исследователей (существующие модели не сориентированы на квантитативный анализ [1; 2; 3], т. е. опираются на дедуктивно-интуитивные процедуры) в силу неочевидности способов, с помощью которых можно было бы формализовать конкретные историко-литературные факты и выявить соотношение между ними по единым количественным основаниям. Плодотворные попытки моделирования закономерно-стей развития литературных феноменов осуществлялись, главным образом, при изучении поэзии - т. е. на материале, предполагающем имманентную жесткую формальную организацию [4, 5].

Предметом нашей статьи является моделирование культурно-семиотических процессов, характерных для пространства русской прозы 1850х годов — периода концептуальных перемен в русской словесности, сделавших ее частью мировой литературы. Десятилетия 40-50-х годов XIX века исследователи традиционно определяют как границу, которая разделяет разные эпохи, раз-ные доминантные смысловые интенции. Интересующие нас 1850-е годы — это время, когда эстетическая парадигма предшествующей поры уже перестала оказывать тотальное влияние и в качестве предмета критики, и как точка отсчета для поиска новых идей, форм и художественных ориентиров. В 50-е годы XIX века, очевидно, эти поиски уже начали воплощаться в конкретных произведениях, поэтому динамический потенциал эпохи связан уже с формированием новых эстетических тенденций, которые конкурируют не только с отживающей системой, но и между собой.

Принимая во внимание особое положение 1850-х годов как периода становящегося семиозиса, мы можем предположить, что изучение смысловых тенденций, порожденных интересующим нас временем, позволит создать модель, в которой было бы отражено соотношение и взаимодействие данных тенденций на указанном эпохальном срезе, и, одновременно, разработать сам метод моделирования. В основу модели мы положили результаты полевого анализа заглавий прозаических произведений, написанных и / или напечатанных в 50-е годы XIX века, обработанные с помощью статистических методов.

Выбор заглавий в качестве материала, репрезентирующего семиотические интенции эпохи, не случаен, т. к. основная функция, выполняемая этим рамочным компонентом текста, - «раскрытие самой важной темы» произведения [6, 202]. Отметим также, что заглавие всегда представляет текст во внешнем мире, а значит, репрезентативная выборка заглавий, номинирующих произведения какого-либо периода времени, становится объективным выразителем особенностей этого времени. В данной связи заглавия обладают уже не относительной (как репрезентанты произведения), но стремящейся к абсолютной полноте свободой. Метонимичность заглавия по отношению к целому произведения в рамках развивающегося пространства культуры превращается в метонимичность по отношению к литературноэстетической тенденции, актуальной для времени создания этого заглавия.

Для анализа мы отобрали все заглавия прозаических произведений 1850-х годов, упомянутые в биобиблиографическом словаре «Русские писатели» (под редакцией П.А. Николаева) [7]. В данном словаре представлены статьи о 152 литераторах разной степени значимости, творческая деятельность которых осуществлялась в интересующую нас эпоху. В итоге, в центре нашего внимания оказались 311 заглавий. Таким образом, материал для анализа мы отобрали путем исчерпывающей сплошной выборки из совокупности, составленной авторами словаря по аксиологическому принципу, т. е. так, чтобы творчество каждого писателя было представлено наиболее репрезентативными произведениями. Данное обстоятельство свидетельствует о достоверности результатов.

Алгоритм исследования был продиктован логикой разработанного нами (совместно с К.И. Белоусовым) метода графосемантического моделирования. Графосемантическое моделирование представляет собой метод графической экспликации структурных связей между семантическими компонентами одного множества (более подробно о методе см. [8]). В нашем случае исследуемое множество образовали семантические поля, построенные в процессе обработки результатов компонентного анализа каждого заглавия выборки. Связи между этими полями обусловлены их реальным взаимодействием в семантическом пространстве заглавия (подробнее об обработке см. [9]).

Экспликация и формализация актуальных эпохальных смыслов осуществлялась с помощью компонентного анализа лексем, входящих в заглавие. В каждом заглавии выделялся набор сем, содержащихся в лексеме (лексемах), составившей это заглавие. Например, в названии рассказа Ф.М. Достоевского «Господин Прохарчин» содержатся такие семантические компоненты: говорящая фамилия (в лексеме Прохарчин), бедность (в лексеме Прохарчин), голод (в лексеме Прохарчин), еда (в лексеме Прохарчин), социальная характеристика (в лексеме господин), высшее общество (в лексеме господин), власть (в лексеме господин), отношения с людьми (в лексеме господин), централизация вокруг героя (в обеих семах заглавия), мужское (в обеих семах заглавия). Таким образом, мы проанализировали все отобранные заглавия, в итоге в заглавиях 1850-х годов было выделено 2530 сем. Далее полученные семантические компоненты группировались в семантические поля. В целом, после объединяющей процедуры нами было сформировано 41 поле.

Значимостью для характеристики культурно-семиотического пространства 1850-х годов обладают не все семантические поля и не все связи, образованные ими. Для дифференциации полей по степени значимости и семантической активности были применены методы вероятностно-статистического анализа. Статистическая оценка выявленных семантических полей происходила по двум важным критериям — частотности и валентности. Показатель частомности поля свидетельствует о том, насколько предпоч-

тительным в рамках культурно-исторического периода 50-х годов XIX века является комплекс сем, входящих в поле. Валентностью поля мы называем его способность образовывать значимые связи с другими полями. В центре нашего внимания оказались те поля, частотность и валентность которых были выше статистического порога значимости, равного сумме среднего + среднеквадратичное (σ). В 50-е годы XIX века значимая валентность наблюдается у 24 полей, а частотными оказались 9.

На рисунке 1 представлена графосемантическая модель, отражающая культурно-семиотические тенденции пространства прозы 1850-х годов. В целом, историко-культурный потенциал эпохи чрезвычайно широк, реконструированная семиотическая система включает в себя 24 поля, активность которых (количество образованных связей) свидетельствует о конкуренции разных смыслов за влияние на систему. Возможность такой конкуренции указывает на недостаточную упорядоченность семантических тенденций эпохи 1850-х годов, на явное перераспределение иерархических зависимостей (даже визуально модель переполнена многочисленными слабыми связями, т. е. система как бы намеренно открывает свои границы для разного рода альтернативных контекстов, которые апробируют новые концептуальные смыслы).

Центром системы 1850-х годов оказывается поле «организация произведений», которое является первым по валентности и по частотности. Содержательное наполнение этого поля составили компоненты, связанные со способами расположения фактов, элементов повествования, персонажей, со спецификой протекания действия, с ракурсами изображения, композиционными рамками, отступлениями и т. п. Данное обстоятельство выдвигает проблему построения художественного мира, повествовательного пространства в качестве главной в этот историколитературный период. (см. рис. 1)

Наиболее распространенная группа компонентов данного поля указывает на то, что все повествовательные блоки произведений 1850-х годов чаще всего располагаются вокруг одного образа и подчинены логике его раскрытия (47 % от всех компонентов, объединенных в этом поле): «Рудин» (И.С. Тургенев, 1855), «Виновата ли она?» (А.Ф. Писемский, 1855). Модель культурно-семиотического пространства прозы 1850-х годов не только отразила гуманистическую традицию изображения человека в центре художественного мира, актуальную для всех сосуществующих тогда идеологических течений, но и указала, что эта традиция начинает многоаспектно переосмысляться, поэтому доминантное поле имеет так много конкурирующих друг с другом связей.

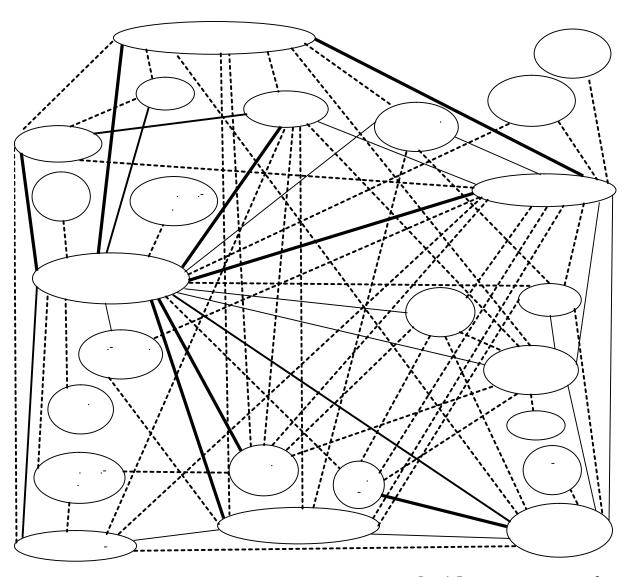

Рис. 1. Графосемантическая модель культурно-семиотического пространства прозы 1850-х годов

Прописными буквами — главная альтернативная доминанта. Жирным шриф-том — наиболее частотные семантические поля (альтернативные доминанты). Пунктир-ными линиями отмечены связи, сила которых превышает статистический порог значимо-сти, равный среднее+ σ ; обычными линиями обозначены связи, сила которых превышает среднее+ σ ; полужирными линиями обозначены связи, сила которых превышает среднее+ σ ; полужирными линиями обозначены связи, сила которых превышает среднее+ σ ; жирными линиями обозначены связи, сила которых превышает среднее+ σ 0 более.

На активизацию процессов переосмысления героецентрической модели, довлеющей в эстетике эпохи, указывает также достаточно сильная позиция компонентов главного поля, связанных с фигурой рассказчика, которая опреде-ляет качественные характеристики становящегося художественного мира и с ситуацией наблюдения (16%). Так, например, в заглавиях «Записки маркера» (Л.Н. Толстой, 1853—55), «Воспоминания старого театрала» (С.П. Жихарев, 1854) подчеркивается наличие определенной субъективной точки зрения, которая активно формирует художественную реальность.

Структурирование художественного мира с помощью фигуры рассказчика, акцентуации его взгляда является вариацией героецентрической традиции, но данный вариант, обретая литературную самостоятельность, смещает фокус внимания с героя на рассказывание, на событие перенесения неких фактов в художественную реальность. Таким образом, в 1850-е годы нарративная организация художественного пространства превращается в такую эстетическую проблему, решение которой оказывается более значимым для становления системы художественной прозы, нежели остальные обсуждавшиеся тогда вопросы.

В силу общего стремления системы к индифференциации семиотических установок и к расширению интерпретационных контекстов для функционирующих в исследуемое десятилетие концептов особого внимания требуют те из реконструированных семантических полей, которые претендуют на роль альтернативной доминанты. По нашему мнению, именно альтернативные доминанты являются семиотически наиболее сильными, их валентная активность воссоздает действие самых продуктивных тенденций эпохи, ведущих к следующему, стабильному и эстетически определенному этапу развития русской прозы. Альтернативными доминантами в 1850-е годы стали «характеристики», «литературность», «литературные приемы», «универсальное пространство» и «виды человеческой деятельности».

Поле «характеристики» занимает в культурно-семиотическом пространстве прозы 1850-х годов третье место по частотности и второе по валентности, т. е. активность этого поля настолько велика, что оно становится системным аналогом центрального поля (главной альтернативной доминантой — см. рисунок), актуализируясь за счет подчинения своему влиянию большого количества семиотических контекстов. Семы «характеристик» существенно уточняют отличительные черты нарративных установок эпохи (аксиология начинает дополнять повествовательные принципы) и подчеркивают те тенденции, которые способствуют переосмыслению принятых в интересующую нас эпоху стратегий построения художественного мира. Однако поле, столь сильно влияющее на доминанту системы, недостаточно конкретизировано для того, чтобы, действительно, с течением времени взять на себя функции ядра: 56 % компонентов этого поля не дифференцируется на значимые смысловые группы. В этом отношении «характеристики» отражают основную черту времени - максимальную аксиологическую подвижность. Разнонаправленность характеристик указывает на то, что в контексте эпохи наиболее важным для организации мира художественного произведения оказывается сам акт присваивания характеристик, а не вектор оценивания или градуальность ценностной шкалы.

С другой стороны, именно на начало конкретизации оценочных интенций направлены семы поля «материальный мир», в рамках системы полностью подчиненного «характеристикам» (это тупиковый компонент системы, т. к. с другими семантическими полями у него нет связей). «Материальный мир» является новым для пространства русской прозы значимым полем, и тот факт, что оно оказалось контекстуально подчинено «характеристикам», открывает продуктивный в рамках системы способ

построения аксиологических суждений — путем соотнесения с миром вещей, быта и т.п., повышенное внимание к которому проявилось в это время. Данное характеризующее направление имеет нарративный потенциал в 1850-е годы и указывает на наиболее востребованный аксиологический контекст для формирования черт нового героя, вокруг которого разворачивается повествование. Причем этот контекст может указывать и на положительное осмысление характеристик, соотносящихся с бытовой сферой жизни («Именинный пирог» (П.И. Мельников, 1858), и на их отрицательный потенциал, связанный с возможным овеществлением образа героя («Свистулькин» (Д.В. Григорович, 1855).

Остальные альтернативные поля, хотя и в меньшей степени, но также отражают системное действие продуктивных для эпохи семантических контекстов. Наиболее тесные связи (среднее + 4σ) с «организацией произведений» из них образуют смысловые блоки, напрямую связанные с литературно-художественной деятельностью, - «литературность» и «литературные приемы». Тесная взаимосвязь «организации произведения» с «литературностью» показательна в том смысле, что она открывает характерное для рассматриваемого культурно-исторического периода соотнесение процесса построения художественного мира и рефлексии над его литературной природой. Поле «литературность» составили компоненты, указывающие на словесное бытование состоявшегося произведения искусства, на принадлежность его к литературному жанру, вовлеченность в литературный процесс, установку на коммуникативную ситуацию, предполагающую записывание и последующее чтение и т. п.: «Записки о Пушкине» (И.И. Пущин, 1858), «Повесть о том, как казак побывал в Бахчисарае» (Г.П. Данилевский, 1852) и т. п. Однако высокая частотность в сочетании с умеренной валентностью («литературность» второе поле по частотности и шестое по валентности) свидетельствует о том, что в 1850-е годы большое внимание также уделялось сферам, не соприкасающимся с подобного рода рефлексией, но ставшим актуальными для художественной прозы. Конечно, прежде всего, это связано с эпохальным усилением интереса к реальной жизни, к возможности исследовать ее художественными средствами, что воплотилось в активизации противоположных «литературности» семантических компонентов (например, поля «виды человеческой деятельности», которого не было в 1840-е годы [9]). Популярность «литературности» в сочетании с начавшимся обособлением от системы указывает на данное поле как на потенциальный источник ее трансформаций, т. к. его семы начинают рассматриваться в нетрадиционных для них контекстах, а из привычных — исключаться. «Литературность» является репрезентантом наиболее популярной для системы прозы предшествующего десятилетия формы активности — словесного творчества, очевидно, именно в этом качестве в 1850-е годы она открывает вектор дальнейших изменений.

Интересны в этой связи отношения «организации произведений» с полем «литературные приемы», сходным с «литературностью» по принципу ориентации на словесную природу художественной реальности. Художественно-языковые приемы активизируются в 1850-е годы именно как средство организации художественного пространства, как некий фактор, стимулирующий тот или иной вариант соотношения компонентов мира произведения. Причем важ-ную роль в проявлении структурообразующей активности приема играет его прямое влияние на процесс характеристики изображаемых объектов и их связей (корреляция с полем «характеристики» также превышает среднее на 4о). Например, заглавие «Игрушечка» (М. Вовчок, 1859) предполагает характеристику центрального образа с помощью метафорического переноса (возможного овеществления) и уменьшительного суффикса, одновременно актуализирующего положительный полюс эмоций и вводящего образ в сферу обыденно-просторечной реализации языка.

В подобном качестве «литературные приемы» становятся культурно-семиотической альтернативой «литературности» как эстетический языковой механизм, сохраняющий установку на рефлексию над процессом создания и функционирования словесного мира, но имплицирующий ее на уровень подтекста. Можно также предположить, что в 1850-е годы активизация сем поля «литературные приемы» обусловливалась описанным ранее нарастающим интересом к реальной действительности. Литературные приемы тогда явились аналогом продуктивной деятельности в литературном пространстве - в отличие от компонентов поля «литературность», «литературные приемы» имеют связь с полем «виды человеческой деятельности», ориентированным на репрезентацию контакта человека с действительностью. Но мы понимаем, что «литературные приемы» не столько способствуют нейтрализации границ между литературным произведением и «исследуемым» с его помощью окружающим миром, сколько указывают на усиливающуюся тенденцию к расширению функциональной и онтологической значимости литературных стратегий. В силу совокупного влияния литературно ориентированных полей («организации произведения», «литературности», «литературных приемов») складывается культурно-историческая ситуация, в которой семы, связанные с презентацией реальности, с большей степенью вероятности будут отражать литературные шаблоны.

Таким образом, поле «литературные приемы», являясь альтернативой «литературности» как семантический блок, неявно прочерчивающий границы между художественной и нехудожественной реальностями, в рамках эпохальной системы не противопоставлено ей. Это поле имеет одинаково слабые связи (среднее $+\sigma$) и с «литературностью», и с «видами человеческой деятельности», т. е. по мере развития системы прием одинаково может развиваться как с целью более тонкой передачи закономерностей действительности, так и с целью ут-верждения принципов литературности.

Следующая альтернативная доминанта «универсальное пространство» также имеет сильную связь (среднее + 3σ) с центральным полем системы прозы 50-х годов XIX века. Контекстуальное расположение этого поля говорит о том, что из всех пространственных характеристик именно «универсальное пространство» играет ведущую роль при построении художественного мира в 1850-е годы, та или иная конкретизация пространственных параметров осуществляется для ее дальнейшей типизации и универсализации, что помогает делать более масштабные художественные открытия. Например, поле «дифференцированное пространство России» в рамках системы является тупиковым: оно соотносится только с «универсальным пространством». Изображение просторов России (отметим, что в 1850-е годы в центр художественного внимания русской литературы попадает периферийное, нестоличное пространство) полностью подчиняется универсализирующим тенденциям, данное обстоятельство позволяет сделать вывод о представлении России в эту эпоху как пространства, деактуализирующего специфические национальные черты и делающего семиотически более значимыми общечеловеческие пространственные установки и ориентиры. Точнее, легко символизирующееся пространство и начинает восприниматься как национальное. В большей степени оказывает влияние на систему поле «социализированное пространство», хотя и оно находится в очень сильной зависимости от семиотических интенций «универсального пространства» (связь превышает среднее на 4о). Деление мира на локусы, акцентирующие общественные установки и ценности, очевидно, отражают более актуальные для системы прозы 50-х годов XIX века тенденции. Но «социализированное пространство» также «вписывается» в универсализирующие контексты: с одной стороны, оно предстает как часть большого универсума, законы которого необходимо постичь (создание мифа о пространстве), с другой стороны, оно подчиняется и параллельным типизирующим тенденциям, затрагивающим другие сферы бытия: «социализированное пространство» связано с полем «универсализация», указывающим плодотворность обобщающе-символизирующих установок не только при изображении пространства.

Завершает список альтернативных доминант новое для системы поле «виды человеческой деятельности», этот альтернативный центр слабее остальных связан с «организацией произведений». Мы уже отмечали, что на уровне системных отношений поле «виды человеческой деятельности» (достаточно сильное и по частотности, и по валентности) является своеобразной противоположностью «литературности» как репрезентант активности, направленной не на создание виртуальной действительности, а на преобразование реальности. В подобном преломлении активная человеческая деятельность становится одним из принципов организации художественного мира (связь с доминантным полем), критерием оценки персонажа или ситуации (с «характеристиками»), но, по нашему мнению, основная тенденция, которую вносит это поле в систему - это акцентуация активности как конструктивного принципа. Поэтому в рамках системы прозы 1850-х годов именно «виды человеческой деятельности» образуют среднесильную связь с семами поля «события» (у «событий» это единственная сильная связь). Однозначная конструктивность и даже живительность деятельностной активности подчеркивается системной соотнесенностью компонентов поля «виды человеческой деятельности» с семантическим блоком «природа» (у поля «природа» это единственная связь). Подобная корреляция свидетельствует о появлении устойчивого представления о том, что областью органичного взаимодействия человека и природных сил является инициативная активность мира людей, которая предстает и в виде здорового труда, погружения в природное бытие, и в виде разного рода исследовательской деятельности, и в виде явной или неявной экспансии человеческого способа жизни в природу. И, как показывают реконструированные отношения меду полями в системе, активная человеческая деятельность – это единственный путь к природе.

Естественная сфера проявления активной человеческой деятельности — это сфера социума, что и отразилось в системе через связи «видов человеческой деятельности» с «социальной дифференциацией» и с «социализированным пространством». Социальная деятельность — наиболее очевидный способ реализации замыслов, воздействия на реальность, связи между этими тремя полями еще раз подтверждают актуальность

для 1840-50-х годов интереса к художественному осмыслению социальных вопросов. Но понятие активности расширяется под воздействием всех тенденций семиотической системы художественной прозы данной эпохи. «Виды человеческой деятельности» коррелируют с «литературными приемами», что позволяет провести параллель между реальной деятельностью и активностью языкового приема; с «мужским началом», что обнаруживает традиционную гендерную установку мужское начало активно, женское — пассивно. Связано это поле с «универсальным пространством» и с «универсализацией», что соотносит активную человеческую деятельность со всеобщими процессами мироустройства, с пространством космического масштаба.

Менее активные семантические поля системы уточняют и расширяют спектры смыслового влияния сильных полей и, прежде всего, доминанты. Если рассматривать поля с умеренной семиотической активностью, можно отметить, что наиболее сильные семантические корреляции (превышающие среднее более, чем на 4о) доминантное поле образует с «социальной дифференциацией», «ономастиконом персонажей» и «мужским началом». Связь этих полей с «организацией произведений» указывает на то, что центральный образ, вокруг которого структурируется художественная действительность, и в 1850-е годы нередко характеризуется через социальную идентификацию, гендерную отнесенность, через семантический потенциал ономастикона (все три поля имеют связи с «характеристиками», а значит, участвуют в процессе создания облика художественного мира). Принадлежность к мужскому сообществу – традиционная характеристика для героев художественных произведений (не только русской литературы). Однако в 50-е годы XIX века семы поля «мужское начало» не обладают значимой частотностью, т.е. данная традиция начинает существенно переосмысляться и, если не сдавать свои позиции, то косвенно предполагать наличие иного гендерного взгляда на эстетическую ситуацию. Связи с «ономастиконом персонажей» (больше среднего на 3σ) и с «характеристиками» (боль-ше среднего на 2σ) показывают наиболее продуктивные способы репрезентации «мужскости» — через имя и гендерно обусловленные черты. Остальные образованные «мужским началом» связи являются слабыми, т. е. достаточно высокая активность этого поля (проявляющаяся в валентности) носит уже фоновый, инерционный характер. «Ономастикон персонажей», в целом, имеет небольшую значимость в системе русской прозы 1850-х годов. Ономастический образ, ориентированный на репрезентацию личного пространства героя, явно уступает свое место социальным характеристикам и связанной с ними типизации.

Действительно, поле «социальная дифференциация» обладает значимой частотностью в системе, что подтверждает популярность социальной темы в литературе 1850-х годов. Однако связи «социальной дифференциации» слабы (кроме связи с доминантой), что указывает на семиотическую нестабильность этого поля и на возможное дальнейшее переосмысление всего понятия социальности. Само понятие социума в данном контексте также расширяется - оно включает в себя не только сословную организацию общества и иерархические отношения между сословиями (поле «социальная дифференциация»), но и пространственные категории («социализированное пространство»). Активное вовлечение пространства в сферу социума, осмысление пространства в категори-ях социума и объяснение социальных закономерностей через специфику пространства дополняет художественное исследование «вертикальной» социальной организации рассмотрением социализированной «горизонтали». Соединение социального с онтологическим приводит к символизации социального, поэтому конкретная человеческая активность универсализируется, а субъект деятельности предстает в качестве демиурга. Таким образом, культурно-семиотическая система эпохи семиотизирует и эстетизирует активную человеческую деятельность, деятель мифологизируется, а реальность символически переструктурируется в соответствии с замыслом. Данные тенденции указывают на начало формирования новой семиотически значимой для эпохи стратегии поведения и на активное влияние ее на реальность.

Следующий блок связей «организация произведений» с недоминирующими полями имеет несколько меньшую силу (превышает среднее на 3σ). Данные связи ядро системы образует с «культурным пространством» и «женским началом». Поле «культурное пространство» образовано компонентами, которые создают историческую, культурологическую, межкультурную, эстетическую перспективу, такими, как модус и пафос, аллюзийная отнесенность и т.п. Опираясь на контекстуальную приуроченность этого поля в системе, можно сказать, что восприятие культуры как самостоятельной реальности в 1850-е годы претерпевает изменения. Поле «культурное пространство» имеет достаточно значимые показатели частотности и валентности, но сильные связи оно образует только с центральным полем «организация произведения» и с «литературностью» (превышают среднее на 3σ и 2σ соответственно). Большое количество слабых связей свидетельствует о поиске системой нового места, статуса для данного поля. Сильные связи с «организацией произведения» и «литературностью»

закономерны: пространство культуры является широким семиотическим контекстом аналогичной для литературной деятельности природы, поэтому дает необходимые предпосылки для эстетической самоидентификации системы как с позиции предпочитаемых законов упорядочивания художественного мира, так и с точки зрения границ и особенностей ситуации литературного твор-чества, писательства. В основном, слабые связи этого поля открывают традиционные сферы, соотносящиеся с культурными контекстами разного рода - это традиция гендерной идентификации центрального персонажа (мужской герой); традиция универсализации пространства (принятые пространственные категории) и способы характеристики субъектов, предметов, явлений и т. п. (аксиологические установки). Знаменательна, на наш взгляд, с точки зрения развития системы прозы 50-х годов XIX века связь «культурного пространства» с полем «русская историко-литературная среда». Данное поле является периферийным в системе. Соединение его с «культурным пространством» свидетельствует о процессе интеграции русской культуры в мировую, в связи с чем и начинается отмеченный ранее процесс переосмысления места общекультурных тенденций в системе русской художественной прозы. В данном контексте, возможно, приобретает особую значимость для русских литераторов поиск новых путей культурной самоидентификации – принцип противопоставления русской и ино-странной культур потерял свою актуальность в рамках системы прозы 1850-х годов: поле «иностранная историко-культурная среда» является тупиковым, оно имеет только одну слабую связь с доминантой системы.

И последнюю связь с «организацией произведений», превышающую среднее на 3_о, образует поле «женское начало». Прежде всего, данное поле существует в системе прозы 50-х годов XIX века как гендерная альтернатива «мужскому началу», имеющая большой структурно-семиотический потенциал (свидетельствует о нем сильная связь «женского начала» с доминантой). Ономастическая репрезентация гендерных характеристик естественна, и слабая связь поля «женское начало» с «ономастиконом персонажей» лишь отражает реальное распределение в семиотической системе женских и мужских имен. Соотнесенность же (пусть тоже слабая) с продуктивным полем системы «литературные приемы» (в 1840-годы ее не было) недвусмысленно указывает на положительную динамику развития семиотического потенциала данного поля: женский модус, включаясь в историколитературный процесс эпохи, сразу начинает восприниматься как материал для культурносемиотической рефлексии над событием литературного творчества, вербализации бытия — возможно, как специфический способ письма.

Следующая группа полей образует с доминантой среднезначимые связи (среднее $+2\sigma$), это «универсализация», «межличностно-коммуникативные отношения» и «духовно-психические состояния». Мы уже показали, что достаточно сильная связь «универсализации» с центральным полем связана с актуальностью и продуктивностью обобщающих тенденций в рамках семиосферы эпохи, в данном контексте типизирующие приемы начинают приобретать нарративообразующий статус. Слабые корреляции этого поля показывают основ-ные пути вовлечения типизации в повествовательную структуру: характеристики, сфера активной деятельности человека, выход в масштабы универсального пространства и, прежде всего, социальная сфера.

Еще одно поле, связанное с доминантным среднесильной связью, - «межличностно-коммуникативные отношения», оно объединяет установку на социальность с репрезентацией личностных интенций. Компоненты поля «межличностно-коммуникативные отношения» предполагают акцентирование на целостной коммуникативной ситуации. Но самая распространенная коммуникативная ситуация в 1850-е годы - это ситуация декоммуникации, непонимания, одиночества, отвергнутости миром или отвержения его ценностей (51 % от общего количества компонентов поля). Соответственно, контекстуальное значение этого поля включало в себя все изменяющиеся тенденции восприятия и личности героя, его внутреннего мира, и специфику разных форм взаимоотно-шений героя с окружающим миром. Констатация по преимуществу отрицательной установки на Другого в 1850-е годы начинает обусловливать и ситуацию литературного творчества, запечатляющуюся в произведении, - именно антидиалогичность негероического персонажа (а не активность персонажа-деятеля) дает основания для рефлексии над природой литературности (поле «литературность»). Эпохальная коммуникативная установка подобного рода приобретает качества, необходимые для формирования события («события»), очевидно, прежде всего, коммуникативного события, и обладает возможностью активизировать языковой материал («литературные приемы»), используемый для создания этого события. Парадоксальный вид коммуникации, выдвинувшийся в 50-е годы XIX века на первый план, акцентирует внимание на субъекте коммуникации, который доводит процесс вербализации собственных ценностных установок до уровня художественного приема, ему свойственна повышенная вербально-эстетическая активность, но при этом он демонстрирует неспо-собность к полноценному коммуникативному акту. Подобная коммуникативная ситуация представляет собой плодотворное пространство для нарративных экспериментов: коммуникация, в которой активность проявляет слово, а не субъект высказывания, в которой сосуществуют речевые позиции, не складываясь в диалог, порождает череду нарративных масок, повествовательных уровней и т. п.

Интересно также появление в системе прозы 1850-х годов поля «духовно-психические состояния» (последнее из группы полей, находящихся в среднесильной зависимости от доминанты). Распространение сем этого поля свидетельствует о возросшем интересе к художественному изучению внутреннего мира человека – детерминация поступков посредством изображения состояния души персонажа, экспликации тонких переходов этих состояний, тайных мотивов и т. п., видимо, в 1850-е годы приобретает системный характер (что, конечно, является прямым знаком зарождения русского психологического романа). «Духовно-психические состояния» органично встраиваются в произведение как элементы его структуры, но одновременно компоненты этого поля постепенно становятся обязательной частью характеристики персонажа (скрытые мотивы, установки определяют психологизм литературы второй половины XIX века), а также и ситуации литературного творчества (связь с «литературностью»).

Еще одна важная группа полей, отражающих специфику поисков нарративных стратегий эпохи, - это периферийные поля (т. е. те, которые с доминантой связаны слабой связью, превышающей среднее на о). Периферийными полями системы в 1850-е годы, из уже обсуждавшихся здесь ранее, являются «события», «русская историко-литературная среда», «социализированное пространство». Кроме данных семантических блоков в эту группу входит поле «общие закономерности жизни». Особое значение, по нашему мнению, имеет тот факт, что проявившая себя посредством этого поля тенденция универсали-зации, распространенная в 40-50-е годы XIX века, оторвана (может быть, только на этом этапе) от всех семантических блоков, связанных с обобщениями разного рода («универсализация», «универсальное пространство», «общее указание на время»). Выход на общие законы бытия осуществляется в 1850-е годы через осмысление структуры произведения в целом, а также через переоценку конкретных качеств, характеристик персонажа или ситуации, т. е. не через типизацию, а через увеличение онтологического масштаба рассмотрения.

И последний блок компонентов системы - тупиковые компоненты, которые имеют всего одну, в 1850-е годы — слабую, связь с другим, более активным полем. Причем в рамках семиотического целого они свидетельствуют о потенциале поля, с которым образуются эти тупиковые связи, и одновременно, как правило, указывают на границы, преодолевая которые, система вступает в иное состояние развития. Такие смыслы репрезентированы полями «иностранная историко-культурная среда», «общее указание на время» и «семейные отношения». (Рассмотренные ранее «природа», «материальный мир» и «дифференцированное пространство России», также являясь тупиковыми, распространяют недоминантные поля, но, как мы показали, сохраняют свойства, характерные для тупиковых элементов системы вообще.) Статус поля «иностранная историко-культурная среда» подтверждает замеченную нами тенденцию к нейтрали-зации противопоставления российской и иностранной культур – основания такого противопоставления, очевидно, исчерпали себя в эту эпоху, новые же еще не актуализировались. Поле «семейные отношения» отражает изменяющиеся в обществе взгляды на семейные ценности, именно этот тип человеческих отношений требует кардинального переосмысления и, соответственно, передислокации в рамках семиотического пространства эпохи. Поле же «общее указание на время» как тупиковый элемент свидетельствует о практически полной десемиотизации категории времени, что свидетельствует об эпохальном изменении взгляда на соотношение фундаментальных онтологических факторов.

Таким образом, графосемантическая модель культурно-семиотического пространства прозы 1850-х годов демонстрирует максимальное расширение востребованных семиотических контекстов в совокупности с начавшимися упорядочивающими тенденциями. В рамках системы русской прозы этого периода наметилось несколько конкурирующих тенденций, относительно которых осуществляется развитие всех эстетических установок. Самый сильный контекст образует смысловой блок, связанный с собственно литературно-эстетической сферой - словесно-художественным творчеством, литературными приемами и нарративным упорядочением пространства произведения. Этому блоку начинает имплицитно противостоять аксиологичский план, ценностные установки, потенциально обладающие возможностью подчинить себе область эстетики. Еще один существенный вектор семиотического поиска эпохи ориентирован на противопоставление

попыток художественного изучения действительности, способов активного взаимодействия человека и мира во всей неоднозначности этого процесса, с одной стороны, и, с другой, усложнения литературно-художественных уровней произведения, сюжетно-композиционной структуры, системы образов, представления о творчестве. Контекстуально промежуточное положение в системе занимают те смысловые блоки, которые репрезентируют сферу духовно-психических состояний, представления о событийности, рефлексию над гендерными особенностями деятельности и литературные приемы как знаки языковой активности человека. Вовлечение их в поле семиотического влияния той или иной тенденции, соответственно, будет отражать культурно-исторические предпочтения семиосферы.

- 1. Бройтман С.Н. Из лекций по исторической поэтике: Слово и образ / С.Н. Бройтман. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2001. 66 с.
- 2. Смирнов И.П. Психодиахронологика. Психоистория русской литерату-ры от романтизма до наших дней / И.П. Смирнов. М.: Новое литературное обозрение, 1994. 352 с.
- 3. Эпштейн М.Н. Постмодерн в России. Литература и теория / М.Н. Эпштейн. М.: Издание Р. Элилина, 2000. 368 с.
- 4. Баевский В.С. Лингвистические, математические, семиотические и компьютерные модели в истории и теории литературы / В.С. Баевский. М.: Языки славянской культуры, 2001. 336 с.
- 5. Гаспаров М.Л. Очерк истории русского стиха: Метрика, ритмика, риф-ма, строфика / М.Л. Гаспаров. — М.: Наука, 1984. — 319 с.
- 6. Выготский Л.С. Психология искусства / Л.С. Выготский. Ростов н/Д.: Феникс, 1998. 480 c.
- 7. Русские писатели. Биобиблиогр. слов.: В 2 ч. / Под ред. П.А. Николае-ва. М.: Просвещение, 1990.- Ч. 1.-432 с. Ч. 2.-448 с.
- 8. Белоусов К.И. Графосемантическое моделирование концептуальной организации текста / К.И. Белоусов, Н.Л. Зелянская // Художественный текст: варианты интерпретации: В 2 ч. Бийск: РИО БПГУ им. В.М. Шукшина, 2005. Вып. 10. Ч. 2. С. 50-56.
- 9. Зелянская Н.Л. Основные семиотические тенденции прозы 40-х годов XIX века / Н.Л. Зелянская // Сибирский филологический журнал. $-2007.- \mathbb{N} 4.- C. 36-48.$

КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ТРАНСФОРМАЦИЙ УСТОЙЧИВЫХ ВЫРАЖЕНИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ «НОВОЙ ГАЗЕТЫ»)

© 2008 К. Калеел Ахмед

Воронежский государственный университет

Язык публицистики, особенно газетной, на протяжении последнего времени привлекает к себе пристальное внимание лингвистов. Качественной особенностью этого стиля является его языковая подвижность, «проницаемость для новых явлений». Как сфера проявления активных процессов, он вызывает постоянный интерес.

Сегодня СМИ как система постоянно формирующаяся находится под сильным влиянием разговорной речи, что в значительной степени обусловлено ее ориентированностью на массовую аудиторию. Свойства публицистического текста должны быть такими, чтобы он без труда воспринимался любым читателем с первого раза в любых условиях.

Этим, по-видимому, можно объяснить такое речевое поведение журналистов, при котором они позволяют себе вести себя в речевом отношении так, как обычно ведут себя люди в сфере неофициального повседневного общения.

В тех публицистических жанрах, где реализуется функция передачи авторской точки зрения на описываемые события (а без точки зрения автора сегодня не обходится почти ни один газетный жанр), могут встречаться разговорные, просторечные и даже жаргонные выражения.

Русская фразеология содержит богатейшие средства речевой выразительности, которые придают речи особую экспрессию и неповторимый национальный колорит. Современные журналисты весьма часто обращаются к русской фразеологии, изменяя при этом форму и содержание устойчивых выражений.

Изучение различных модификаций фразеологических единиц, к которым мы относим все устойчивые выражения, в современном публицистическом дискурсе невозможно без обращения к экстралингвистическим факторам.

В этой связи справедливым можно считать замечание Г.Ф. Балыковой о том, что устойчивые фразы являются «продуктом определенной

социальной среды», что они испытывают в характере отражаемых ими представлений и что «к задачам исследования социального аспекта фразеообразования целесообразно отнести вопросы функционирования фразеологии в современных актах коммуникации в той или иной период существования языка» [1, 7].

В последнее время еще более конкретный экстралингвистический характер носят такие исследования устойчивых сочетаний, в которых выявляются временные границы возникновения или существования устойчивых выражений [7, 35-37], дается их описание в лингвокультурологическом аспекте, связанном с понятием языковой картины мира [8, 29-31; 6, 10-11].

Появилось много работ, в которых устойчивые выражения рассматриваются с позиций языковой игры [12, 37-39; 9, 31-33; 2, 54-56].

В лингвистической литературе единодушно отмечается, что использование устойчивых выражений в трансформированном виде - это активный процесс современной публицистической речи (как письменной, так и устной) [10, 29-30; 5, 95-96; 11, 206-207]. Процессы изменения фразеологизмов и шире - устойчивых выражений - при включении их в публицистический дискурс активно изучаются в работах филологов последних пятидесяти лет. Причины широкой употребительности устойчивых выражений без каких бы то ни было семантических, структурных или коннотативных изменений кроются в наличии у них таких свойств, которые обусловливают их широкую применимость, узнаваемость большинством реципиентов. И, как справедливо отмечает Н.О. Григорьева, «мысль, выраженная с их помощью, легко воспринимается, восстанавливается, домысливается на опоре а фоновые знания...» [4, 124]. Гораздо чаще устойчивые выражения сознательно перестраиваются авторами журналистских текстов с большим диапазоном разнообразных целей.

К видам трансформаций обычно относят:

- добавления новых компонентов;
- опущения имеющихся в устойчивом выражении компонентов;
- замены одного из имеющихся компонентов;
  - перестановки компонентов;
  - коннотации разного вида.

Анализ языка «Новой газеты» за период с 2003 по 2006 гг. показал, что в этом издании имеют место все виды перечисленных трансформаций. Однако наша задача состояла в том, чтобы выяснить, какие прагматические цели достигаются авторами новаций, связанных с использованием разных видов трансформаций устойчивых выражений. «Использование устойчивых выражений объясняется многообразием потребностей авторов. Это многообразие коммуникативных задач постоянно стимулирует образование разных контекстов, в том числе и неожиданных, нестандартных и изощренных, что лишает устойчивые выражения широкого обобщения» [3, 63].

Итак, операция добавления компонентов способствует конкретизации смысла устойчивого выражения: была бы шея, а хомут найдется → Была бы шея, а хомут для нашего брата найдется [НГ, № 49, 2003]. Такая трансформация известного русского речения не искажает его общий смысл, но конкретизирует содержание пословицы, привязывая его к конкретной теме публикации.

Эту же функцию конкретизации выполняет замена одного из компонентов устойчивого выражения в следующем примере: Согласитесь, далеко не каждая компания может выйти на уровень президента, тем более что это невозможно будет сделать в обход администрации [НГ, № 16, 2006]. Операция замены компонента устойчивого выражения синонимом разговорного стиля (пойти в обход $\rightarrow$ сделать в обход), влияние которого сегодня сильно испытывают СМИ, позволяет автору текста приблизить его смысл к простому человеку, широкому читателю, стать ближе к нему.

Усечение пословиц — известный процесс, происходящий при их фразеологизации. В публицистических текстах такая трансформация тоже не редкость. Чрезвычайно часто широкая известность пословицы позволяет отсекать от нее целый фрагмент без потери ее смысла. Перлокутивный эффект остается неизменен: пока гром не грянет, мужик не перекрестится → Успейте проголосовать, пока гром не грянул [НГ, № 15, 2006]. Опущение первой части и перестановка оставшейся части пословицы помогает автору в большей степени сохранить ее семантическую целостность.

Трансформация, заключающаяся в контаминации, которая предполагает объединение компонентов двух устойчивых выражений на

основе их функциональной или семантической близости, позволяет В. Путину повысить экспрессию и усилить воздействующий эффект своей речи в приведенной журналистом цитате в следующем фрагменте публикации. Из стенограммы пресс-конференции В. Путина: «...решая проблему реставрации и обеспечения нормальной деятельности Конституционного суда, мы сразу одним ударом убиваем двух зайцев» [HГ, № 16, 2006], – где контаминировались устойчивые выражения – поговорка и фразеологизм (одним ударом семерых и убить двух зайцев). Контаминация позволила шутливо и вместе с тем «одобрительно» выразить мысль об одновременном достижении положительных результатов в двух делах, осуществлении сразу двух намерений.

Бывают, к сожалению, случаи, когда трансформации устойчивых выражений, к которым прибегают авторы публикаций, не очень успешны. Так, замена компонента в устойчивом жаргонном выражении, допускающем варианты, крыша едет (поехала, съехала), не приводит к изменению его смысла при трансформации в следующем примере: Воронеж — фантастический город! У человека постороннего может просто крыша уехать [НГ, №74, 2006]. Трансформация остается неоправданной и нецелесообразной.

То же самое касается и следующего примера, где, по нашему мнению, неудачна контаминация устойчивых выражений, близких по значению, изобретать велосипед и открывать Америку: а зачем, собственно, изобретать Америку? [НГ, № 16, 2006].

Это далеко не полный список способов трансформаций устойчивых оборотов и авторских интонаций. Необходимо отметить, что постоянно растущая степень свободы изменений известных устойчивых выражений становится постоянным признаком языка СМИ. Семантические и формальные преобразования устойчивых выражений, в том числе их деформация, должна быть оправдана авторскими целями.

Рассмотренные примеры видов трансформаций и авторских интенций позволяют приблизиться к решению сложной задачи выявления прагматического потенциала устойчивых выражений русского языка.

- 1. Балыкова Г.Ф. Социальный аспект фразеообразования / Г.Ф. Балыкова // Филология и журналистика в контексте культуры: материалы науч. конф. (Лиманчик, 1998). — Ростов-на Дону, 1998. — Вып. 2.- С. 6-7
- 2. Бондаренко В.Т. Смех в зеркале русской фразеологии / В.Т. Бондаренко // Филология на рубеже тысячелетий: материалы межд. науч. конф.

- Ростов-на Дону: «Донской издательский дом», 2000.- Вып. 2. С. 54-56.
- 3. Вахтель Н.М. Высказывание в позиции газетного заголовка: семантика и прагматика / Н.М. Вахтель. Воронеж: РИЦ Φ ВГУ, 2004. 204 с.
- 4. Григорьева Н.О. Функции фразеологизмов в рекламе / Н.О. Григорьева // Журналистика на рубеже тысячелетий: материалы межд. науч. конф. Ростов-на Дону: «Донской изадтельский дом», 2000. Вып. 2. С. 124-126.
- 5. Дравишникова О.П. Фразеологические единицы в средствах массовой информации / О.П. Дравишникова // Язык образования и образование языка: материалы межд. науч. конф. (Великий Новгород, 11—13 июня 2000 г.). Великий Новгород: Изд-во НовГУ, 2000. С. 95-96.
- 6. Листрова-Правда Ю.Т. Лексика и фразеология религиозного характера в повседневном языковом употреблении / Ю.Т. Листрова-Правда // Актуальные проблемы изучения и преподавания русского языка и литературы: материалы всерос. науч.-метод. конф.-Воронеж: Изд-во ВГПУ, 1996. Ч. 2. С. 10-11.
- 7. Наумова К.Г. Фразеология перестройки: тематико-семантический и фразеообразовательный аспекты / К.Г. Наумова // Филология и журналистика в контексте культуры: материалы всерос. науч. конф. (Лиманчик, 1998). —Ростовна-Дону, 1998. —Вып. 1. С. 35-37.

- 8. Недбайло С.И. Общий лексико-фразеологический фонд русского и украинского языков как культурное достояние / С.И. Недбайло // Филология и журналистика в контексте культуры: материалы всерос. науч. конф. (Лиманчик, 1998). Ростов-на Дону, 1998. Вып. 1. С. 29-31.
- 9. Павленко Т.Л. Ироническое использование слов в составе фразеологизмов / Т.Л. Павленко // Филология и журналистика в контексте культуры: материалы всерос. науч.конф. (Лиманчик, 1998). —Ростов-на Дону, 1998. —Вып.1. С. 31-33.
- 10. Павлов Т. Ах ты, доля моя львиная!: [заметки об употреблении зеологизмов в языке периодической печати] / Т. Павлов // Журналист. -1989. № 12. С. 23-30.
- 11. Пашкова А.В. Трансформации предикативных фразеологических единиц- газетных заголовков / А.В. Пашкова // Единицы языка: Функционально-коммуникативный аспект: материалы межвуз. Науч.-метод. конф. Ростов-на Дону, 2002. С. 207-211.
- 12. Шаповалова Е.Ю. Экспрессивный параметр в семантике субстантивных филологических единиц / Е.Ю. Шаповалова // Филология и журналистика в контексте культуры: материалы всерос. науч. конф. (Лиманчик, 1998). Ростов-на Дону, 1998. Вып. 1. С. 37-39.

ПРОБЛЕМА КОНЦЕПТУАЛЬНОГО СОДЕРЖАНИЯ СУБСТРАТНЫХ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ИМЕН

© 2008 Е.Л. Калинина

Воронежский государственный университет

Топонимы, представляя собой значительный по объему и важный по функциональному назначению пласт лексики, являются неотъемлемой составляющей любого естественного языка. Возникновение и развитие географических названий связано с культурным опытом народа и определяется основными закономерностями формирования его концептуальной системы, поэтому в каждом географическом имени запечатлевается одна из граней национальной концептосферы. Придерживаясь позиции Ю. С. Степанова, в составе концепта, репрезентируемого топонимом, выделяем соответственно три слоя:

- 1) «активный» понятийный слой;
- 2) дополнительные, исторические признаки содержания;
  - 3) внутренняя форма названия [9].

Географическая номенклатура любой территории «создавалась постепенно и является многослой тным образованием, всегда состоящим из разновозраст тных и разноязычных элементов» [5, 15]. В научной терминологии результат ассимиляции аборигенных географических названий языком новых насельников получил название топонимического субстрата. Процесс включения субстрата в новую топонимическую систему связан с деэтимологизацией иноязычных географических названий, и как следствие - с опустошением концептуального слоя, реализующегося во внутренней форме. Таким образом, в распоряжении коммуникантов остаются лишь звуковые (графические) оболочки, а первообразная семантика и концептуальное пространство субстратных имен выражаются пустотой (лакуной).

Лакуна (от лат. углубление, пустота, брешь), представляя собой виртуальную лексическую единицу, выступает в системе языка в статусе нулевой лексемы [2, 19]. В случае с субстратными топонимами все наоборот — лексема есть, но ей придано иное значение — быть номенклатурным термином, обозначающим класс предметов (го-

род, село, долина, озеро, река и т. д.). Подобный вид лакун квалифицируется исследователями как межъязыковые конфронтативные лакуны, обусловленные дрейфом двух различных культур [8, 23]. Языковой знак - это своего рода «включатель»: он включает концепт в нашем сознании, активизируя в целом и «запуская» его в процесс мышления [7, 38-39], а при наличии пустоты в концептуальной сфере возникает тенденция к ее заполнению (элиминированию).

Для выявления особенностей элиминирования концептуальных конфронтативных лакун, связанных с субстратными топонимами, был проведен свободный ассоциативный эксперимент.

Материалом исследования послужили названия населенных пунктов (ойконимы) Амурской области, восходящие к языкам коренных народов. По данным исторических источников, в дорусский период Приамурье населяли племена тунгусо-маньчжурского происхождения: дауры, дючеры, эвенки, манегры, гогулы, ачаны, натки, гиляки и др. [1, 24; 6, 9]. Учитывая важнейший принцип формирования субстратной топонимии — длительные условия двуязычия и совместного хозяйствования народов на одной территории, — необходимо отметить, что основным источником передачи субстратных имен русскому населению явился эвенкийский этнос.

Исследование проводилось при непосредственном обращении к восприятию амурчан, т. к. именно для этой части носителей языка существует общее прагматическое и когнитивное пространство, в котором актуализируются репрезентируемые региональными субстратными топонимами концепты. Эксперимент охватывал жителей Благовещенского, Зейского, Тындинского, Селемджинского районов (800 человек) и осуществлялся в двух вариантах: в «приближенном» и «отдаленном». Под «приближенной» формой подразумевается опрос жителей того района, в котором функционируют предлагаемые в анкете ойконимы (Зейский, Тындинский, Селемджин-

ский); под «отдаленной» формой понимается опрос амурчан, которым в качестве стимулов предлагаются названия, функционирующие в соседних районах или в области.

Формулировка задания к эксперименту звучала следующим образом: «Какие ассоциации вызывает у вас данное название? Ответьте первым пришедшим в голову словом (или несколькими словами)». В качестве стимулов предлагались ойконимы с тунгусо-маньчжурской основой.

В ходе эксперимента мы опирались на метод анализа структуры ассоциативных полей, разработанный А. А. Залевской [3; 4], интерпретируя его с учетом целей нашего исследования. На основе полученных реакций выделялась типология ассоциаций, соответствующих концептуальным слоям, и определялась структура ассоциативного поля.

В результате эксперимента выявлено 18218 реакций. Анализ частотности каждого типа реакций позволяет реконструировать ассоциативное поле названия, выявив ядро, центральную зону и периферию.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Полученные в результате эксперимента ассоциации относятся к четырем типам:

- 1) ассоциации, соотносимые с основным содержанием концепта, например, Зея город; Унаха станция; Бомнак село;
- 2) ассоциации, соотносимые с концептуальным слоем дополнительной информации, например, Зея ГЭС, плотина, фабрика, БАМ, комсомольское движение, «Стройка века», водохранилище, газета;
- 3) ассоциации, соотносимые со фонетическим обликом названия, например, Бысса бусы; Джалинда жалость; Джелтулак кулак, желток, желтый, желоб; Дюгабуль багульник; Иса лиса; Кувыкта кувырок, выкат; Кимакиляк хиляк, хилый;
- 4) ассоциации, однозначно не соотносимые ни с одним концептуальным слоем, например, Дипкун путь, карьера; Кимакиляк ловля рыбы; Кувыкта болотистое место; Татаул глухое место; Экимчан ответственный, важный; Зея давний.

Ядро ассоциативного поля содержит наиболее значимые, неоднократно повторяющиеся ассоциации, в данном эксперименте имеющие более десяти фиксаций. В центральной зоне ассоциативного поля ойконима-стимула находятся ассоциации с частотностью от пяти до десяти фиксаций. Ассоциации частотой менее пяти фиксаций относятся к периферийной зоне поля.

Результаты эксперимента свидетельствуют о том, что потенциально в ядре ассоциативных полей

всех субстратных ойконимов находятся понятийные ассоциации, поскольку они составляют семантическую и концептуальную основу названия. Невысокая, но стабильная частотность данного типа ассоциаций — в среднем до 10 % — подтверждает их безусловную выраженность в структуре концепта.

В ядерную часть ассоциативных полей практически всех ойконимов (исключение — г. Зея) входят фонетические ассоциации, которые занимают также значительные доли центральной и периферической зон. К фонетическому типу относится большая часть зафиксированных в ходе эксперимента реакций. С их помощью осуществляется элиминирование концептуальных конфронтативных лакун и, соответственно, адаптация иноязычных географических названий в новой этнокультурной среде.

Ассоциации энциклопедического плана в целом составляют незначительную часть ядерной и центральной зон. По сравнению с фонетическими реакциями, их частотность низка и зависит от ряда факторов, главным из которых является территориальная приближенность названия к носителям языка. Обращает на себя внимание определенная закономерность: чем крупнее и известнее в масштабах области населенный пункт, обозначаемый ойконимом, тем большее число энциклопедических ассоциаций включает структура его ассоциативного поля. Так, например, энциклопедические ассоциации в структуре ассоциативного поля широко известного амурчанам города Зея распределяются следующим образом: ядерная зона − 93 %; центральная зона − 100 %; периферийная зона — 73 % (ср. энциклопедические ассоциации в структуре ассоциативного поля мало известного поселка Ларба: ядерная зона – 2 %; центральная зона -0%; периферийная зона -0%).

В результате анализа данных «приближенного» варианта эксперимента в структуре ассоциативных полей ойконимов было зафиксировано большее количество ассоциаций энциклопедического типа, в том числе и на основе личных впечатлений испытуемых, их жизненного опыта, чем в «отдаленном» варианте: Экимчан — мой дом; Токур — красивые места, таежный, тайга, северная природа; Стойба — трудно проехать; Утугай — гости, поездка; Огорон — командировка; Алгач — охота; Бомнак — Бомназия, эвенкийская сторона; Умлекан — маленькая деревня, глухомань, мало домов и др.

Результаты «отдаленного» варианта эксперимента демонстрируют преобладание ассоциаций фонетического типа. Энциклопедические ассоциации связываются либо с наиболее общими представлениями, типа Тында — север, холод, зима, либо с актуальной для всех жителей области информацией типа 3es — $\Gamma \Im C$, плотина, река и т.п.

Указанные тенденции характерны для большинства ойконимов. При стабильности общей типологической структуры ассоциативных полей их индивидуальное наполнение зависит от многих факторов: возраста, национальности, жизненного опыта, уровня образования, профессиональной принадлежности, места проживания информанта. Как свидетельствуют результаты эксперимента, наиболее значимым в этом списке является территориальный критерий. Он играет первостепенную роль в наполнении концептуального слоя, который соотносится с дополнительной энциклопедической информацией. Именно жителям того района, в котором активно функционирует географическое имя, известны подробные сведения о нем.

Интерпретация полученных данных позволяет судить о внутриязыковых и внеязыковых причинах лексического ассоциирования, определяющих, в свою очередь, структуру ассоциативных полей и связи между элементами в составе концепта, репрезентируемого субстратным топонимом. Как правило, единицы ядра и центра ассоциативного поля, представляя стандартные реакции, сохраняют устойчивость своего состава на протяжении длительного периода времени. Их изменение может быть связано с глобальными сдвигами в сфере культурных представлений и социальных приоритетов общества. Элементы периферии подвержены большей интенсивности изменений, т. к. представляют индивидуальные, часто единичные реакции, связанные с личностными характеристиками испытуемых.

Субстратные топонимы — это своеобразные «реликты» древних культур и языков, которые в прошлом были тесно связаны с традициями, религией, эстетическими, идеологическими ценностями народа-создателя. В процессе функционирования в иной языковой и культурной среде внутренняя форма субстратных названий редуцируется, в сознании носителей языка возникают новые ассоциации, на основе которых меняется концептуальное наполнение имен, и, таким образом, иноязычные топонимы включаются в сферу новой культуры.

Ассоциативный эксперимент, выявляя пространство ассоциирования (ассоциативное поле), «высвечивая» дополнительные признаки содержания, фиксирует актуальное для человека концептуальное наполнение географического названия, активно функционирующего в региональной этнокультурной среде.

- 1. Амурская область. Опыт энциклопедического словаря / Науч. ред. В. В. Воробьев, А. П. Деревянко, ред.-сост. Н. К. Шульман. Благовещенск: Амурское отд. Хабаровского кн. изд-ва, 1989.
- 2. Быкова Г. В. Выявление внутриязыковых лакун (на материале русского языка) / Г. В. Быкова. Благовещенск: Изд-во Амур. гос. ун-та, 1999.-76 с.
- 3. Залевская А. А. Введение в психолингвистику / А. А. Залевская. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2000. 382 с.
- 4. Залевская А. А. Слово в лексиконе человека. Психолингвистическое исследование / А. А. Залевская. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. vн-та, 1990. 208 с.
- 5. Мурзаев Э. М. Очерки топонимики / Э. М. Мурзаев. М.: Мысль, 1974. 382 с.
- 6. Новиков-Даурский Г. С. Приамурье в древности / Г. С. Новиков-Даурский // Записки. Амурский областной краеведческий музей: Сб. науч. трудов. Вып. 2 / Гл. ред. В. П. Малышев. Благовещенск: Амурское книжное издательство, 1953. С. 3-10.
- 7. Попова З. Д. Очерки по когнитивной лингвистике / З. Д. Попова, И. А. Стернин. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 2002. 191 с.
- 8. Сорокин Ю. А. Лакуны как сигналы специфики лингвокультурной общности / Ю. А. Сорокин // Национально-культурная специфика речевого общения народов СССР: Сб. науч. тр. М., 1982. С. 22-28.
- 9. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. М.: Академический проект, 2001. 990 с.

ЧЕЛОВЕК И ВОЙНА В РОМАНЕ А. НОВИКОВА «РАТНЫЕ ПОДВИГИ ПРОСТАКОВ» И В ПОВЕСТИ А. ПЛАТОНОВА «СОКРОВЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК»

© 2008 Л.А. Карякина

Воронежский государственный университет

Переходное время всегда характеризуется возникновением новых ценностных ориентиров и новых героев. На рубеже 20—30-х годов XX столетия в сознании формирующегося советского общества, а вслед за ним и в литературе появился особый тип человека — самоотверженного и рационально мыслящего, отказывающегося от личного в пользу всеобщего и воспринимающего это как норму жизни.

Поскольку указанный исторический период был послевоенным временем, абсолютно логично появление такого героя, в первую очередь, в произведениях о войне. К 20-м годам масса как совокупность объединенных единой целью и лишенных индивидуальности людей перестает быть главным персонажем словесного творчества, ее стихийность воспринимается в отрицательном аспекте, а на первый план выходит фигура, способная эту массу организовать. Таков Кожух — герой романа А. Серафимовича «Железный поток», доблестный воин и истинный лидер, превративший разрозненную испуганную толпу в задавшийся целью выжить «железный поток», формирующим остовом для которого стала несгибаемая сила воли его предводителя. Таков и Чапаев – главное действующее лицо одноименного романа А. Фурманова, человек-легенда, жизнь которого окружена ореолом тайн и вымышленных историй. В книге А. Фурманова, так же, как и в народном сознании, Василий Иванович предстает идеальным командиром, и даже гибель его в финале романа абсолютно героична, а потому лишена трагических черт. И Кожух, и Чапаев, будучи выходцами из народа и всей своей жизнью связанными с управляемой ими массой, тем не менее выделяются из нее и всегда единолично, без колебаний принимают самые ответственные решения. Но, самое главное, эти два образа сближает отсутствие личностного начала и склонности к рефлексии.

После I Съезда советских писателей, состоявшегося в 1934 году, где было заявлено, что главным героем художественного творчества отныне

должен стать коллективный труд, в литературе одновременно возникают два жанра: «производственный роман» и «роман воспитания». Их герои действуют уже в условиях мирной жизни, но так же лишены психологии: их собственная биография полностью подчинена «биографии дела». В «производственном» романе этим делом становится строительство завода, фабрики, колхоза или домны, в «романе воспитания» — борьба за общее счастье. Так, Володя Сафонов, герой романа «День второй» И. Эренбурга, интеллигентный и защищающий свое частное пространство, духовно и физически погибает на строительстве Магнитки. Ему чужд этот мир, и он не способен найти свое место в окружающей жизни. Володя изначально обречен и осуждаем всеми, включая самого автора. А рабочий парень Колька Ржанов находит себя в общем деле: он часть массы, и она принимает его.

Из массы выходит и Павка Корчагин — главный герой не только «романа воспитания» А. Островского «Как закалялась сталь», но и целой эпохи. В его жизни нет места индивидуальным желаниям, его основная цель — борьба за благо всех и вся, во имя высших целей он без сожаления отказывается от счастья личного. Вот почему смерть Павла, так же, как и смерть Чапаева, лишена трагической окраски.

Сегодня мы понимаем, что образ человека массы, пусть даже ее лидера, глубоко трагичен своей добровольной подчиненностью массовому сознанию и, следовательно, полной нивелировкой личностного начала. Осознавали это и многие писатели той эпохи, в частности, Андрей Новиков и Андрей Платонов. Их произведения – роман «Ратные подвиги простаков» (1932—1934 гг.) [2] и повесть «Сокровенный человек» (1927 г.) [3] — созданы на военном материале: у А. Новикова это Первая мировая война, у А. Платонова — гражданская. Однако писателей интересуют не различия в характере войн, а стоящая перед их героями проблема выбора собственного пути.

Известно, что произведения Андрея Новикова оказались во многом недооцененными и даже зачастую воспринимались как подражания, в частности – Андрею Платонову, с которым писатель был очень дружен. Но в действительности А. Новиков является «достаточно самобытным, интересным, острым» [5, 5] сатириком, в творчестве которого, безусловно, обнаруживаются близкие произведениям А. Платонова темы и мотивы, но их появление обусловлено эпохой, в которую писатели жили, общностью интересов и мировоззрения, а никак не подражательством. Это исследование призвано показать созвучность тем и идей, сходство взглядов на человека и мир, его окружающий, у двух интереснейших писателей XX века, по счастливой случайности оказавшихся друзьями в жизни и соратниками в творчестве. В частности, коснутся эти параллели платоновского образа Фомы Пухова (повесть «Сокровенный человек») и персонажей романа А. Новикова «Ратные подвиги простаков», посвященного, как мы уже сказали, Первой мировой войне.

Трое друзей: Павел Шатров, Илья Лыков и Иван Бытин — «нижние чины» седьмой роты двести двадцать шестого пехотного землянского полка — являются главными героями романа А. Новикова «Ратные подвиги простаков». Они встречаются и знакомятся на калужской земле, где происходит формирование их полка и откуда вскоре в числе тысячи других таких же рядовых они отправляются на фронт в сорока теплушках.

Мотив поезда и, следовательно, дороги, столь любимый русской литературой, выполняет и в романе А. Новикова свои традиционные функции, знаменуя собой духовный путь героев, их личностное развитие и укрепление связей с познаваемым ими окружающим миром, а также связь биографии каждого из них с историческим путем страны. Последнее абсолютно очевидно, поскольку события романа разворачиваются в тревожном 1914 году, ставшем началом Первой мировой войны и предварявшем революцию и новую войну, на этот раз уже гражданскую. В годы этой войны, в свою очередь, живет и путешествует по стране Фома Егорыч Пухов – герой повести А. Платонова «Сокровенный человек». Пухов, механик по роду деятельности и человек, любящий, подобно большинству платоновских персонажей, различные механизмы («машина... она живое существо!» [3, 141]), также совершает свое путешествие на поезде. По ходу движения и рядовые новиковского романа, и Фома Егорыч знакомятся с новыми для себя местами и встречаются с различными людьми.

Помимо дороги, героев двух произведений объединяет особенность натуры — мнимая простоватость, за которой скрывается пытливый

и живой ум, смекалка и мудрость. Не случайно Фома Пухов называет себя природным дураком. «Быть дураком значит быть вне выверенного распорядка жизни, вести себя подобно третьему сыну в сказке, оказывающемуся в нелепых положениях, но вместе с тем приближенному к истине» [4, 418]. То есть можно говорить о том, что Пухов именует себя дураком в соответствии с русскими фольклорными традициями. Отсюда, кстати, иносказательность и самобытность его речи - они также имеют истоки в народной культуре. Один из героев А. Новикова, Павел Шатров, «выходец из черноземной сельской местности» [2, 19], иными словами – крестьянин, постоянно сопровождает свои реплики упоминаниями о родных местах. На вопрос удивленного товарища о том, почему к каждому примеру он делает «приставкой» свою сельскую местность, Шатров невозмутимо и уверенно отвечает, что в их «сельской местности возникает все, что потом повторяется во всем мире! А главное, там люди умирают, и нарождаются...» [2, 247]. В этих словах заключена глубокая мудрость именно «природного» человека, того, кто плоть от плоти своей земли. Этим похожи герои А. Новикова и А. Платонова. «В том, что кажется новым и необычным, Платонов видит повторение вечных архетипов сознания — мир возвращается в лоно истории» [4, 419]. Открытость миру и интерес к нему являются характерными чертами как Пухова, так и троих «нижних чинов», и проявляются эти черты в различных жизненных ситуациях. Так, Пухову абсолютно не понятен его попутчик-калека, который побывал в Аргентине, Месопотамии и Багдаде, но «ни в одну пальму не вгляделся задумчивыми глазами» [3, 161], и «так весь мир пронесся мимо него, не задев никакого чувства» [3, 161]. И Фома Егорыч, и герои А. Новикова с интересом вглядываются в детали окружающего их мира, пытаясь понять их смысл и назначение. Например, Павел Шатров, «прочитав на теплушке надпись, что вмещаемость ее равна восьми лошадям или же сорока человекам, поразился этой несправедливости. Он определил, что в утробе лошади не мог бы поместиться даже и один человек, тогда как площадь, занимаемая в вагоне лошадью, равна площади, занимаемой пятью нижними чинами...» [2, 34]. В подобных размышлениях героя мы слышим иронию автора, но вовсе не над наивностью Павла, а над нелепостью бюрократических установок, когда человек оказывается менее значим, нежели его «братья меньшие».

В обоих произведениях отмечается особое отношение героев к книге. «Идя в барак за порцией пищи, Пухов разглядывал по дороге всякие надписи и объявления — он был любитель чтения и ценил всякий человеческий промысел» [3, 130].

Тот же интерес к книгам отмечает автор «Ратных подвигов простаков» в своем герое Павле Шатрове, который с удовольствием пользовался «книгами из батальонной библиотеки, изданными специально для солдатского чтения» [2, 19]. Для обоих героев, первый из которых «"в политике - плетень", в географии - невежда» [1, 17], а второй «не знал ни истории народов, ни географического расположения их населенных пунктов» [2, 19], книга определенно является одним из способов познания мира, но не самым основным. Мы хорошо помним, что Фома Егорыч далеко не во всем и не всегда склонен доверять книжному и, в частности, научному знанию. «Ученье мозги пачкает, а я хочу свежим жить!» – говорит он, подразумевая вовсе не свою умственную лень и склонность к невежеству, а стремление до всего доходить своим собственным умом. Герои нередко задаются вопросами, над которыми ломает головы не одно поколение высоколобых мужей, но ответа на них так и не находят. Новиковские и платоновские мудрецы, интуитивно это понимая, даже не имея нужды удостоверяться в справедливости данного вывода путем изучения многих и многих томов, пытаются самостоятельно дойти до правильных ответов. Например, для Павла Шатрова, на все имеющего свое самобытное мнение (так, он уверен, что в сентябре государыню следует именовать сентябрейшей, поскольку августейшей она может быть только в августе), «война представляла... интерес, ибо человека интересует все, что пока ему лично неведомо. Все, что страшит человека, есть таинственное, и, несмотря на страх, таинственное человек все же стремится разгадать» [2, 65]. В изложении солдатских умозаключений, безусловно, слышится ирония автора, показывающая, сколь далек он от идеализации своего героя. Но в то же время мы понимаем: для А. Новикова важно, что простой рядовой, вынужденный отдавать свою жизнь ради прихотей сильных мира сего, задумывается над природой такого явления, как война. И эта позиция – позиция мыслителя, стремящегося докопаться до сути вещей, — выгодно отличает его от самих сильных мира сего, что рассматривают войну как ответственный спектакль, последовавший за генеральными репетициями, на котором ни в коем случае нельзя «осрамиться и быть освистанным» [2, 43]. Военное командование вообще показано А. Новиковым, бывшим солдатом Самсоновской армии, с самой неприглядной, комической стороны. Перед нами целая галерея развращенных, живущих в свое удовольствие, ничего не смыслящих в военном деле и ни к чему вообще не приспособленных начальников. Вот полковник Гоголадзе: он ест принесенный денщиком чернослив и кидает в верного слугу косточками, полагая, «что тем самым ласкает его солдатское сердце» [2, 76]. Вот генерал Ренненкампф: он бежит, спасая свою жизнь, по черной лестнице, забыв про «парадность, ибо черная лестница и казалась ему спасательным кругом» [2, 90]. Вот командир полка, считающий, что нехватка патронов не является проблемой, поскольку ни к чему «расходовать металл, если немцев можно одолеть и пулями из хлопчатой бумаги» [2, 48]. Причем, сатира автора направлена исключительно на вышестоящих. А какого еще отношения заслуживают генералы и полковники, если все они «могли руководить корпусами и полками в общем, однако, как подать команду для построения простой шеренги, никто из них не знал» [3, 219]?! Что касается солдат, то, со свойственной простому народу смекалкой и находчивостью, они нередко спасали ситуацию, казалось бы, безнадежно загубленную командованием. Как, например, это случилось в конце романа «Ратные подвиги простаков», когда «умелое маневрирование при отходе русских войск принадлежало не генеральскому разуму, а резвости солдатских ног и их гениальному измышлению...».

Герои А. Платонова и А. Новикова пытаются, в отличие от сильных мира сего, докопаться до сути вещей и не просто покорно выполнять подчас совершенно нелепые приказы, а объяснить для себя смысл происходящего. И в своих измышлениях они нередко идут наперекор господствующей идеологии, потому что, с их точки зрения, та, в свою очередь, идет вразрез со здравым смыслом. Так, споря со Зворычным, который «в партию залез» [3, 170], Фома Егорыч смело излагает свое мнение на вопросы собственности: «Какая там забота, когда все общее, а по-моему – чужое! Буржуй ближе крови дом свой чувствовал, а мы что?» [3, 174] Совершенно очевидно, что подобные высказывания могут не лучшим образом отразиться на судьбе их автора, и Фома Пухов, которому в начале повести постучали в окно «беспрекословной рукой» [3, 118], это прекрасно понимает, но не может не противостоять абсурдности нового жизнеустройства. Такими же сомневающимися в справедливости общегосударственных догм оказываются герои А. Новикова. Например, Илью Лыкова удивляет несоответствие его представлений о защите родины от врага тому, что активно пропагандируется «политиками», с которыми он оказывается в остроге. Согласно убеждениям последних, он как солдат непременно должен желать русским войскам поражения в империалистической войне. Илья и рад бы согласиться, но его постоянно мучают вопросы: «во имя чьей же победы» [2, 117] он должен желать этого, и кто такие пораженцы, которыми объявляют себя товарищ Стык и ему подобные?

Надо сказать, что, размышляя о значении происходящих событий, герои обоих произведений нередко сомневаются в возможности нахождения готовых ответов на подобные вопросы, более того — они в принципе уверены, что многое невозможно объяснить с точки зрения разума. «Если только думать, тоже далеко не уедешь, надо и чувство иметь!» [3, 132] — заявляет Пухов своему товарищу Петру Зворычному, которого он называет «предрассудочным» человеком. Совершенно неоспоримый аргумент против абсолютности человеческого разума в форме вопроса приводит и Илья Лыков: «Ты, Павел, не знаешь, почему у людей есть разум, а на войну они все же идут?» [2, 158] Возможно, если бы герои смогли понять смысл кровопролития, определили бы необходимость войны для отдельно взятого человека, они участвовали бы в историческом событии осознанно. Так, Пухов на вопрос комиссара о том, готов ли он положить жизнь за пролетариат, отвечает, что готов «и кровь лить согласен, только не зря и не дуриком!» [3, 135]. Ему непонятно особое сладострастие мужества красноармейцев - «оттого, что их хотят уменьшить в количестве» [3, 138]. В отличие от мудрого Пухова, которого трудно обвинить в трусости, эти молодые люди с горящими от восторга глазами, готовые истреблять врага, «еще не знали ценности жизни» [3, 158]. В тексте повести в эпизоде с красноармейцами мы слышим не просто голос Фомы Пухова, необыкновенно близкого автору, но самого А. Платонова, с горечью смотрящего на спешащих расстаться с жизнью: «...они жили полной общей жизнью с природой и историей, - и история бежала в те годы, как паровоз, таща за собой на подъем всемирный груз нищеты, отчаяния и смиренной косности» [3, 158]. И здесь автор рассуждает о несовпадении интересов государства и человека. Те же проблемы волнуют А. Новикова и его героев. Закадычные друзья Павел Шатров и Илья Лыков, бок о бок пережив перестрелку с неприятелем, задаются вопросом, почему тогда, когда «обзывали поход мужиков на барскую вотчину бунтом» [2, 161], им не было страшно, а теперь они боятся. У Ильи находится совершенно очевидный ответ: «Ты понимаешь, — говорит он товарищу, — тогда была война наша... Там лежал наш интерес, и оттого мы не страшились! Ныне же в войне лежит чужой интерес!» [2, 161]

Ясно, что обоими авторами личный интерес, интерес отдельно взятого человека, ставится намного выше интересов государства. Вот почему у А. Платонова мы практически не встретим описания войны как таковой: для писателя гораздо более важным оказывается наблюдение за событиями внутреннего мира Фомы Егорыча Пухова, его душевными метаморфозами и неожиданными

духовными прозрениями. Героями А. Новикова, попадающими во всевозможные военные переделки, также, в первую очередь, движет личный интерес, будь то стремление Ивана Бытина поскорее попасть в Берлин, чтобы покорить местных жительниц, или элементарное желание остаться в живых, заставляющее до определенного момента не умеющего плавать рядового Олейникова практически в беспамятстве, но вполне благополучно пересечь водное пространство. И чем дальше друзей затягивает круговорот военных событий, тем очевиднее для них самих становится различие между государством и страной, между статусом защитников родной земли и пушечным мясом, в которое их хотят превратить те, в ком погибающие нижние чины не вызывают «ни жалости, ни умиления» [2, 179]. Понять это необходимо для того, чтобы «образумиться», как говорит товарищу Илья Лыков, то есть «осмыслить, что в войне, действительно, лежит чужой интерес» [2, 163], чтобы дальше двигаться уже сообразно свом представлениям о жизненных ценностях. Это нежелание быть марионетками в чужих руках, стремление делать свой собственный выбор и быть услышанным, строить свою судьбу самостоятельно делает и героя А. Платонова, и героев А. Новикова, в первую очередь, личностями, не желающими сливаться с толпой, не способными становится частью массы.

В своей книге «Новый человек в русской литературе 1900-1930-х годов» Т. А. Никонова говорит о двух типах «массовых» героев, появляющихся на страницах платоновских произведений: одни, подобно участникам новороссийского десанта, «устремлены в будущее, готовы за него погибнуть» [1, 193], они осознанно исключают себя «из быта, природы, привычной онтологии» [1, 193]; другие — равнодушные ко всему на свете обыватели, «мир которых свернулся до размеров собственного тела» [1, 193]. Ни к тем, ни к другим не мог бы отнести себя Фома Пухов, любящий пространство жизни и не способный жить чужими мыслями, как это делают Шариков и Зворычный. Больше всего жаль Пухову юных красноармейцев потому, что попали они в мясорубку войны, еще не имея в душе цепей, «которые приковали бы их внимание к своей личности» [3, 142]. Герои же А. Новикова подчас могут показаться сложно отличимыми и друг от друга, и от окружающих их простаков – эдакими социальными типами, масками, слившимися в один образ под действием обстоятельств. Действительно, читателю порой нелегко идентифицировать в этой троице каждого в отдельности, путаницу вносят и схожие речевые характеристики персонажей. Своеобразными двойниками нижних чинов в этом отношении становятся их «боевые подруги»: чулочница,

портниха и продавщица. Но в том-то и дело, что, являя собой монолитный образ, Лыков, Шатров и Бытин, эти «провинциальные мудрецы» [2, 11], зачастую проявляют непокорность по отношению к массовому сознанию, несогласие с ним. Так, попавший на Дворцовую площадь Илья Лыков оказывается единственным стоящим среди толпы, преклонившей колена перед императором. Автор использует в этом эпизоде удивительно точное и говорящее о многом сравнение: Лыков, возвышающийся над склонившимися в священном трепете, «походил на восклицательный знак среди многоточия» [2, 34].

В то же время героев обоих произведений нельзя назвать одиночками или единоличниками. Напротив, каждый из них проявляет неподдельный интерес не просто к окружающему их миру, но к тем людям, с которыми его сталкивает жизнь. Нежелание бессознательно плясать под чужую дудку не означает отказ от участия в общем деле. К примеру, о том же Илье Лыкове сказано, что молодое сердце Ильи, подключившегося к всеобщей забастовке рабочих, «имело единый такт с нарастающим движением» [2, 28], потому что он видел, что «забастовка есть первый предвестник революции» [2, 28]. Фома Пухов больше всего боится быть выписанным «в издержки революции, как путевой балласт» [3, 184]. Его радует, что теперь у людей появилось общее дело и «человек стал нужен» [3, 184]. При этом Пухов стремится к тому, чтобы, не затерявшись в толпе, не слившись с массой, найти себя в революции. Больше всего его огорчает сиротство - то состояние, в котором оказываются многие и которое необходимо преодолеть. Сиротство - это отъединенность людей друг от друга и от природы. Сам Пухов нередко ощущает одиночество и бесприютность. Путешествует он один, да и к путешествию подтолкнуло его стремление чем-то заполнить пустоту жизни, образовавшуюся после смерти близкого человека – жены Глаши. Не случайно он «находил необходимым научное воскрешение мертвых» [3, 157] — не из большого интереса к достижениям современной науки, а в надежде на те ее возможности, которые способны служить делу отдельного человеческого счастья. Получив собственное жилье, Пухов каждый вечер ходит в гости к мало симпатичному ему Зворычному, не желая долго находиться в пустой квартире, которую он называет полосой отчуждения. К преодолению одиночества стремятся и герои А. Новикова. Прежде чем они встретились, каждый чувствовал свою неприкаянность. Илья Лыков, оказавшийся на улице после недолгого тюремного заключения, был свободен, «но более, чем когдалибо, одинок» [2, 32]. Павел Шатров чувствует одиночество в толпе призывников, следующих по сельской улице. Причем, не находя утешения и радости в среде таких же, как он сам, Павел «искал... одиночества» [2, 33].

У А. Платонова, как, впрочем, и у А. Новикова, «сиротство не может считаться нормой жизни, поиск его преодоления пронизывает повествование» [4, 420]. В данном контексте массовость перестает быть явлением отрицательным, обезличивающим человека, а понимается как единение судеб, помогающее каждому в отдельности обрести себя на своей земле. Не случайно в финале повести «Сокровенный человек» Фома Пухов приходит к выводу о том, что революция есть лучшая судьба для людей: через нее он вдруг ощутил «родственность всех тел своему телу» [3, 89]. А. Платоновым и его героем революция понимается как изменение фундаментальных оснований мира и самой человеческой природы. В финале повести «противоречия между героем и миром снимаются: революция, природа и душа человека обретают гармоническое согласование, они представляются необходимым составляющим единого универсума жизни» [4, 422]. Рядовые А. Новикова также во главу угла ставят не идеологию, а общечеловеческие ценности. На войне, которая несет «страх и движение, силу и отчаяние, разрушение и созидание» [2, 69], солдаты стремятся к тому, чтобы сохранить такие дающие ощущение мира чувства, как дружба и любовь. Не случайно для них так важна поддержка и сочувствие калужских девиц, пусть и готовых пожалеть каждого встретившегося на их пути служивого. Фома Пухов, подходя к своей пустой квартире, с горечью вспоминает, что «жилище называется очагом» [3, 174]. «Очаг, черт: ни бабы, ни костра!» - в отчаянии восклицает он. То есть семья, дающая человеку ощущение собственной нужности, а самой жизни – ее смысл, оказывается для Пухова, резавшего «на гробе жены вареную колбасу» [3, 118] и за это названного лишенным чувствительности, важнейшей ценностью и опорой. Иными словами, для героев обоих произведений мир духовный не менее интересен, чем материальная действительность. Кстати, в определенный момент в рассуждениях Фомы Егорыча проскальзывает мысль о том, что коммунисты «ничего ребята, хотя напрасно Бога травят» [3, 157]. Революция, приход которой столь радостен для Пухова, лишена одного, но важного пункта: «в религию люди сердце помещать привыкли, а в революции такого места не нашли» [3, 157]. Отсюда основная черта героев А. Платонова и А. Новикова, отличающая их от многих других, - их изначальная природность и естественность. Не случайно в те минуты, когда сердце Пухова «тревожилось и трепетало от гибели родного человека и хотелось жаловаться всей круговой поруке людей на полную беззащит-

ность», он «чувствовал свое отличие от природы и горевал, уткнувшись лицом в нагретую своим дыханием землю...» [3, 156]. Свое отчуждение от естества природы странные герои А. Платонова и А. Новикова преодолевают и чувствуют себя комфортно только тогда, когда они поступают по законам, установленным природой задолго до их рождения. Повинуясь этим законам, во время бомбежки поет солдат-повар, «и ни генералу, ни князю не суждено было разгадать простой тайны...: он пел именно потому, что хотел преодолеть страх» [2, 90]. Столь же непонятно немецкому генералу Максу Гофману поведение рядового русской армии, попавшего в плен с гармошкой в руках. А тот очень простодушно объясняет свой поступок: «Я человек веселый, и если в бой ходил с гармошкой, то и в плен в Германию иду в полной радости!» [2, 72]

«Так реализуется платоновская "сокровенность" человека, возвращающая его миру, а мир ему» [1, 195]. Человек, попавший в круговорот истории, захваченный вихрем революций и войн, остается для А. Платонова и А. Новикова мерой всего сущего, центром мироздания. Герои их стремятся к гармоничному ощущению себя в мире с сохранением своей самобытности и уникальности. В обоих произведениях, рассказывающих о человеке, оказавшемся на войне, мы видим не противостояние оружия – русского русскому же или русского немецкому, а внутреннюю эволюцию героев, их духовное взросление. И в данном случае становится понятен смысл новиковского термина «простаки»: это ведомые, слившиеся с толпой, не имеющие своего мнения люди массы. В финале романа «Ратные подвиги простаков» Павел Шатров говорит товарищу: «На войну, Илья, мы с тобой пришли простаками...» [2, 265] Герои сами отмечают метаморфозы, происходящие с ними на том пути, который им уже пришлось и еще предстоит пройти: если в начале каждым из них «руководило стремление, а не точное понимание вещей» [2, 29], то ныне они «осознали многое: война, несущая огромные бедствия для народов, многое открывала для познания того, как проникнуть в иной и возможный мир» [2, 257]. Таким образом, простак постепенно превратился в личность. Фома Пухов также открыл для себя этот мир, и «душевная чужбина оставила Пухова на том месте, где он стоял, и он узнал теплоту родины, будто вернулся к детской матери от ненужной жены» [3, 188]. И в «Сокровенном человеке», и в «Ратных подвигах простаков» финал открыт, мы оставляем героев на их дальнейшем пути, но утро, «революционное вполне», и метафорическая «российская грязь», одолеваемая героями, дают нам понять, что оба писателя не тешили себя надеждой в отношении счастливых судеб своих героев.

- 1. Никонова Т.А. «Новый человек» в русской литературе 1900—1930-х годов: проективная модель и художественная практика / Т. А. Никонова. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2003. 232 с.
- 2. Новиков А. Ратные подвиги простаков: избранные произведения / А. Новиков. Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2005. 528 с.
- 3. Платонов А. П. Сокровенный человек / А. П. Платонов // Платонов А. П. Повести. Рассказы. Из писем. Воронеж: Центр.-Черноз. кн. изд-во, 1982. С. 118-190.
- 4. Русская литература XX века: учеб. пособие / Под ред. Е. Г. Мущенко, Т. А. Никоновой. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1999. 800 с.
- 5. Эльзон М. Д. Андрей Новиков (1888—1941): материалы к библиографии / М. Д. Эльзон. Воронеж, 1973. 37 с.

ТЕЛЕВИЗИОННАЯ РЕЧЬ: ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ

© 2008 Г.Л. Ковальчук

Казанский государственный университет

Все больше исследователей в области языка склоняются к тому, чтобы выделить телевизионную речь в отдельный вид речи, дать ей определение как самостоятельному речевому стилю. Это, в свою очередь, требует теоретического и практического обоснования, выявления особенностей функционирования телеречи. Актуальность темы находится в полной зависимости от популярности телевидения как явления культурной жизни общества. Оно неотделимо от повседневности современного человека, и поэтому все, что связано с ТВ, в том числе и телевизионная речь, связано с человеком, с его развитием. Неоднократно говорилось о сильном влиянии телеречи на речь обиходную, также нередко среди профессиональных лингвистов идет речь о деградации языка, о потере им самобытности. "Иногда кажется, что журналисты ставят перед собой цель пропагандировать обиходно-разговорный стиль, просторечие, сленговые слова и даже бранные выражения" [1, 96].

"Все, что употребляется в раскованной бытовой речи, сейчас допускается... в сферу массмедиа..." [9, 159].

"...Очень заметное нарушение экологического баланса русского языка связано с грубым перепахиванием его культурного слоя, когда отточенные и отшлифованные стилистические нормы разрушаются широким внедрением вульгарной, субстандартной арготической лексики и фразеологии... и в речь публичную..." [5, 55].

"Конечно, было бы несколько примитивно считать, что устные средства массовой коммуникации приобретают статус диктата нормы языка, но еще более примитивно было бы недооценивать возможности последних в формировании и распространении стереотипа представления о том, на что должна и может ориентироваться речевая практика современного общества. Поэтому пристальное внимание лингвистов, исследователей проблемы речевой культуры должно быть в первую очередь обращено на анализ текстов

радио- и телевещания, в определенном смысле концентрирующих в себе все особенности и элементы современного, общенародного, каждодневного языка", — пишет С.И. Трескова в книге "Социолингвистические проблемы массовой коммуникации" [8, 74].

Тщательное исследование телевизионной речи может пролить свет на некоторые особенности современного речевого общения, а также понять, какое влияние больше: телевизионной речи на речь обиходную или наоборот. Понятно, что в нынешних условиях говорить о самостоятельном и подчас бесконтрольном развитии телевидения уже поздно и нерационально, потому что внутри него действуют давно устоявшиеся законы, функционирование которых много раз оправдано и обосновано. Поэтому телевидение детально изучается, исследуется постепенно и телевизионная речь.

Круг проблем для изучения современной телеречи широк. Это может быть сама телевизионная речь, ее структура, особенности, правила построения. Это ее влияние на общенациональный язык, степень проникновения в обиходную речь. Интересна телевизионная речь и со стороны ее взаимодействия с политикой конкретного канала, в рамках определенной программы или оригинальный подход какого-либо ведущего/ журналиста к произносимому тексту. Чаще всего исследователи в области языка не ставят своей задачей оценку содержательной стороны сюжетов, их смысловую нагрузку, построение выпусков. В данном случае интересна форма – язык, речь ведущих и журналистов, композиционное построение речи, стилистика, интонационная картина, соотношение изображения и текста. Этой проблематике посвящали свои научные труды М.П. Сенкевич, О.А. Лаптева, В.Г. Костомаров, Ю.А. Бельчиков, С.И. Трескова, С.В. Светана, М.В. Зарва, Л.А. Введенская, А.Д. Васильев, А.А. Леонтьев, Е.П. Почкай, Б.Д. Гаймакова, И.Б. Голуб, С.К. Макарова, М.П. Оссовская, В.И. Новикова,

Н.С. Валгина, С.И. Сметанина, В.С. Саппак, Г.Я. Солганик, Л.К. Граудина, др.

Отметим, что принципиально различны понятия телевизионной речи и телевизионного языка. В настоящем исследовании внимание уделено именно телеречи, проще говоря, текстовому, словесному наполнению телевизионных передач; изучены факторы формирования и средства реализации телевизионной речи. Понятие же телевизионного языка масштабно, оно включает в себя, помимо изобразительно-выразительных средств монтажную, операторскую работу, проще говоря, видеоряд - "картинку", т. д. А.Я. Юровский, определяя телевидение не только как СМИ, но и как вид творчества, писал: "Каждый вид творчества имеет свой специфический художественный язык - совокупность технических приемов и изобразительно-выразительных средств, с помощью которых творец воплощает свой замысел. Было бы ошибкой сводить мастерство к технической стороне творчества, и все же от степени овладения средствами выражения во многом зависят выразительность, точность и глубина передачи авторской мысли" [7, 117]. Тем не менее, при изучении телевизионной речи соотношению изображения и текста следует уделять пристальное внимание, потому что благодаря видеоряду телевизионная речь отлична от речи других СМИ, он ставит ее в отдельный ряд изучения общенационального языка и, в частности, публицистического стиля.

Формируясь, телеречь вбирает в себя различные аспекты исторического, политического, социального, лингвистического характера, дополняется видеорядом и становится отдельным пластом в изучении явления, называемого общенациональным языком. Она движется и меняется в зависимости от многих факторов. В действительности же телевизионная речь, направленная на "массовое потребление", имеет все предпосылки для того, чтобы влиять на общую речевую культуру и формировать новое в языке. "Сейчас наше общество, вне всякого сомнения, встало на путь расширения границ литературного языка, изменения его состава, его норм. Более того, нормальные темпы языковой динамики резко повышены", - пишет В.Г. Костомаров [4, 7]. Выявление того, что влияет на телеречь, на ее характер, относительно других областей функционирования русского языка, позволяет наиболее полно представить языковую ситуацию на современном телевидении. Систематизация факторов формирования телевизионной речи способствует выделению тех средств, благодаря которым она реализуется.

Как часть общенационального языка, телеречь подвержена изменениям не только в его составе, но и в качестве составляющей телевизи-

онного производства. Оно, как и все явления бытовой, социальной, общественно-политической жизни, деформируется под влиянием времени. В обзорах социального контекста новейшей истории России ученые выделяют два социолингвистически значимых периода - перестроечный (1985—1991 гг.) и постперестроечный (с 1991 г. до наших дней). Все узловые изменения социальной жизни сказались на языковом существовании общества и получили отражение в обыденном метаязыковом сознании. Коренные преобразования общественно-экономической жизни России сказались на состоянии и функционировании современного языка, явились основной причиной активных процессов, происходящих в русском языке и общественном языковом сознании [2, 8]. В своих рассуждениях ученые чаще всего приходят к выводу, что социально-экономические события в России привнесли существенные изменения, в первую очередь, в функционирование русского языка. Все системные изменения начинаются в речи, и некоторые особенности современной речи можно понимать как потенции будущего изменения языка. Так, самые ярко выраженные процессы, происходящие в современной телевизионной речи — это демократизация языка и наполнение речи заимствованиями. Они обусловлены проникновением, в большей степени, американской культуры в российский быт, а также упрощением ситуаций общения, преобладанием речевой спонтанности.

Если судить о составе языковых средств, используемых в телевизионной речи, то можно заметить, что они неоднородны. В ней собраны разные жанры и речевые конструкции, они меняются в зависимости от характера передачи, от того, кто ведет передачу, в каких условиях она делается. Телеречь, как часть телевидения, отражает картину общественной жизни. Тенденция последних лет говорить "от себя", а не "по бумажке", привела к тому, что это отражение стало пестрым. И уже сейчас телевизионную речь некоторые специалисты считают разновидностью современного русского литературного языка. Последнее десятилетие обозначило некоторые особенности языка, которые оказывают сильное влияние на функционирование и общую картину телевизионной речи. Во-первых, увеличилось не только количество участников массовой коммуникации, но и их качественные характеристики - пол, возраст, социальное положение стали разнообразнее в границах одного коммуникационного действия. Во-вторых, специалисты (М.П. Сенкевич, О.А. Лаптева, В.Г. Костомаров, А.Д. Васильев, В.И. Новикова, др.) отмечают, что с момента практического исчезновения официальной цензуры речь стала более доверительной,

открытой, непринужденной. Преобладает речь спонтанная. Даже если текст написан заранее, стараются говорить, а не читать, об этом мы уже говорили выше. Правда, раскованность речи влечет за собой снижение общей культуры речи. В том числе в официальных кругах, в СМИ и, соответственно, на телевидении. Прежде всего, это проявляется в нарушении различных норм русского языка:

• тавтология

Следокола сняли ледовый покров на участке от Волгограда до Астрахани. Толщина льда достигала семидесяти сантиметров, но все ледовые работы, как сообщили нам в службе... проведены успешно (Новости в 15 часов. Первый канал. 30.03.03).

• плеоназмы, лексическая избыточность

Что известно и известно ли что-то о местонахождении Саддама Хусейна... (Новости в 15 часов. Первый канал. 07.04.03).

• ошибки в управлении

В классах находилось около ста сорока детей. Те из них, кто был на втором этаже, оказались отрезанными от выхода сильнейшим огнем; машина, которая пришла из соседнего региона, могла добраться до Сыдый Бала только через 40 минут (добираются ЗА какое-то время — Время. Первый канал. 08.04.03).

• орфоэпические и стилистические погрешности

Журналистская солидарность, я думаю, что там присутствует по полной программе (Время. Первый канал. 28.03.03)

Умерший вместо ум Ерший (Новости в 18 часов. Первый канал. 05.04.03).

Помимо исторических и общественно-политических изменений, на телеречь воздействует социальная структура общества. Для современной действительности характерно двойное влияние на телевизионную речь. С одной стороны, на нее влияют люди, работающие непосредственно на телевидении, "делающие эфир", особенно те, кто появляется в кадре. Каждый из них относится к определенной социальной группе, их можно разделить по национальности, возрасту, образованию, семейному положению, увлечениям и т. д. В зависимости от социального статуса меняется не только речь отдельного человека, но и его отношение к речи, в том числе к культуре речи в эфире. С другой стороны это адресат – та потенциальная аудитория, на которую работает телевидение, отдельные его каналы. Тут на первый план выходит понимание аудиторией того, что ей хотели сказать. Оно достигается тогда, когда ТВ говорит со зрителем на понятном зрителю языке.

С социолингвистической точки зрения, носителями и книжной, и разговорной разно-

видностей литературного языка являются одни и те же лица, хотя между ними могут наблюдаться различия в степени владения той и другой разновидностями. Внутри общества достаточно велики различия в степени владения литературной нормой. Университетский профессор – и рабочий со средним образованием, журналист и писатель - и заводской инженер или геолог, учитель-словесник – и шофер такси, – все они оказываются объединенными в группу "носители литературного языка" [6, 39]. А между тем очевидно, что владеют они им по-разному, и мера приближения их речи к идеально литературной весьма различна. Чем глубже языковая культура человека, чем прочнее его профессиональная связь со словом, тем совершеннее владение литературной нормой и обоснованнее сознательное отступление от нее в практической речевой деятельности. Однако все вышеперечисленные слои общества следуют литературной традиции, а речь их зависит от характера этого "следования" [6, 39].

Соотнесенность языковых фактов с социально-культурным контекстом демонстрирует сложность самого понятия "язык", детерминируемого в том числе статусом и ролевыми отношениями коммуникантов, их социальными установками, ценностными ориентациями [3, 7]. Таким образом, социальная структура общества является одним из основных факторов, формирующих телевизионную речь. Именно по причине дифференциации социума, появлению в нем новых подгрупп, телевизионная речь изменяется в направлении стилистического упрощения.

Далее. Телевидение, появление которого стало одним из признаков мирового научно-технического прогресса, непосредственно зависит от интенсивности этого прогресса. Речь телеведущих и тележурналистов при наличии достаточного качественного видеоряда насыщена фактами, позволяющими представить картину более полно, рассказать о том, что произошло до события, что может произойти после. Однако желание полнее раскрыть тему, оперативнее выдать материал в эфир или вместить в маленький промежуток времени максимум информации приводит к появлению в современной телеречи следующих особенностей. Во первых, увеличивается число типизированных речевых конструкций, так называемых шаблонов: правоохранительные органы, лесной массив, на сегодняшний день, массовый обстрел, обменяться мнениями, подвергнуть бомбардировке, многочисленные жертвы, в ходе выборов, отметил в своем выступлении, зона вооруженного конфликта, гражданское лицо, влиятельный чиновник, предпринимать все возможные шаги, обречены на успех, глава внешнеполитического ведомства, *т. п.* Во вторых, это повсеместное употребление аббревиатур и сокращений в качестве устойчивых лексических единиц: полпред, замминистра, НИИ, ЖКХ, ОСАГО, постпредство, Минтранс, МЭРТ, ЦБ, МИД, КС, ВВС, ВВП, др. В третьих, использование в передачах некоторых жанров сниженной, в том числе компьютерной, лексики: беспредел, тусовка, разборка, зависнуть, клик, рулить, заморачивать, эсемесить, отрываться, кидать, жесть, чикса, т. д.

Одним из факторов формирования телевизионной речи также является глобализация. Телевидение наряду с использованием зарубежных методов и форм работы активно внедряет иноязычные заимствования в речь не только ведущих и журналистов, но и аудитории. Этот процесс оправдан самой ролью ТВ и подтверждается его непосредственными функциями. Причем употребление заимствований с течением времени увеличивается, в особенности в узкоспециализированных и молодежных программах:

...Горячее жаркое лето осталось позади, но хип-хоп парад снова рулит. Мы продолжаем следить за последними новинками отечественного и западного хип-хоп и РНБ. Те, кто в теме, оставайтесь с нами, лэтс гоу. На 10-й строчке... Старичок до сих пор остается рэп-символом Америки. Титул, который присудил ему один из каналов, убедил его в том, что нужно продолжать сниматься в большом кино. В нашем чарте... Старички возвращаются в строй. ...Считается, что РНБ и есть речитатив. Елка не заморачивает себя, говорит, что ее музыка — это тяжелый гитарный РНБ. Сегодня "Девочкастудентка", новая песня в ДА-чарте, смотрите, кайфуйте. (МТV, 22.50 "DA-чарт" 04.09.06).

На телевизионную речь, в широком смысле слова, влияет также деление национального телевидения на федеральное и региональное. Вообще, деление происходит не только на уровне каналов, в так называемом горизонтальном срезе, когда основными характеристиками подобного разграничения являются род учредителя, адресат, общая тематика программ, политика руководства, т. д. В последнее время развивается региональное ТВ. Оно занимает прочную нишу в общей картине российских СМИ. Если сравнить речевую сторону подачи телематериалов на федеральном и региональном канале, то можно выделить безусловные преимущества первого. Здесь к русскому языку не примешивается второй язык или областной говор, несмотря на разнообразие социальных характеристик ведущих и журналистов. На разном уровне находится знание русского языка, однако стилистика региональных передач приспособлена к тому, что их слушает определенная часть аудитории, которую могут заинтересовать региональные телепроекты и новости. Согласно данным социологических опросов, местные новости пользуются

популярностью у достаточной части населения во многом благодаря их "близости". Понятно, сколько бы ни было телекомпаний в рамках одного города/республики/области, большая часть населения основное время, проведенное у телеэкрана, тратит на просмотр федеральных каналов. По данным проведенного нами в августе 2006 года социологического опроса среди жителей Казани (случайная выборка), каналы общефедерального значения предпочитают смотреть 68% респондентов, из них 46% отдают предпочтение развлекательным каналам (СТС, Муз-ТВ, ТНТ). Местные телеканалы смотрят 32% респондентов, кабельное ТВ – 16%. При этом наибольшей популярностью у телезрителей пользуются информационные и информационно-аналитические программы (74%), художественные и документальные фильмы (60%), различные музыкальные программы и концерты (36%). Передачи на родном языке регулярно смотрят 14% респондентов. Большинство опрошенных знает, как называются и на каких каналах выходят местные телепередачи. Например, программу "Перехват", выходящую на канале Эфир, хотя бы раз посмотрели 90% респондентов. При этом только 8% респондентов назвали среди любимых ведущих и журналистов представителей местного телевидения. Для 12% опрошенных любимыми являются местные телепередачи – по 6% на русском и на татарском языке. Остальные 78% на первое место в личном рейтинге поставили программы федерального ТВ. При этом основным плюсом федеральных каналов назвали качество видеоматериала и профессионализм ведущих и журналистов (28%). Минусами посчитали большое количество рекламы (20%) и однобокое изложение материала, в частности, с позиции Кремля (20%). Безусловным плюсом местных телеканалов, по мнению респондентов, является территориальная близость новостей (20%), среди других плюсов — постоянный рост, возможность принять личное участие в проектах, честность и открытость местных каналов. Основной минус - плохое качество видеоматериала и отсутствие профессионализма у местных ведущих и журналистов (34%). Другие минусы — отсутствие аналитических и молодежных программ, свободы слова, однообразие, плагиат. 8% опрошенных считают местные передачи "неинтересными".

Региональное ТВ, безусловно, занимает устойчивую позицию в системе национального телевидения. Именно поэтому ведущим и журналистам местных телеканалов, работающим на русском языке, необходимо повышать индивидуальную речевую культуру, способствуя тем самым повышению общего уровня программ.

Изучение внутренних лингвистических факторов оправдано по отношению ко всем СМИ,

независимо от того, радио это, телевидение или периодическая печать. В электронных СМИ, к которым относятся радио и ТВ, не менее важную роль в подаче и восприятии играет так называемая внешняя лингвистика (интонация, темп, ритм, тембр голоса). Однако самой главной отличительной чертой телевизионной речи от, например, речи радио, является, как уже говорилось выше, соотношение изображения и текста. Оно делает телеречь уникальной. Причина в том, что телевидение персонифицированно. По утверждению специалистов, "именно этим объясняется значение и привлекательность для аудитории телевизионной информации, персонифицированной (т. е. олицетворенной) ее автором и участниками события" [7, 31]. Зритель узнает ведущего, видит, в каком он настроении, доверяет или не доверяет ему, отношение к информации складывается еще и на основании личного отношения к человеку, который эту информацию доносит. Если же в кадре во время произносимой речи не человек, а "картинка", то текст воспринимается не иначе как во взаимодействии с ней. Видеоряд доносит гораздо больше информации, зритель строит представление о событии на его "визуальной" основе, а текст в этом случае выполняет дополнительную функцию, объясняет, расставляет все детали по местам. Задача профессионального журналиста-телевизионщика - не сталкивать текст и видеоряд, следить за тем, чтобы они не противоречили друг другу, а сосуществовали в гармоничном тандеме.

Таким образом, реализация телеречи немыслима без ее соотношения с "картинкой", потому что атрибутом телевидения, как наиболее сложного, синтезированного средства массовой информации, является видеоряд. При этом следует иметь в виду, что изображение играет здесь главную роль, поэтому текста, как такового, в определенный момент времени, в некоторых жанрах и формах телевидения, может не быть вовсе.

Мы выяснили, что телевизионная речь формируется в зависимости от исторических и общественно-политических изменений, социальной дифференциации участников коммуникационного процесса, научно-технического прогресса и глобализации. Важным фактором является деление национального телевидения на федеральное и региональное. А реализация телеречи происходит в постоянном ее взаимодействии с видеорядом. В целом, очевидно влияние телевизионной речи на общенациональный язык, ее все чаще выделяют в отдельный стилистический вид. Как пишет

В.Г. Костомаров, определяя "языковой вкус эпохи", в основе развернувшихся процессов лежат изменения в психологической установке масс, пользующихся русском языком, в их языковом вкусе и чутье языка. Эти социально и исторически осмысленные явления порой получают некое официальное одобрение (хотя бы примером речи политических авторитетов и речевой практикой масс-медиа), а порой и законодательное закрепление [4, 12].

- 1. Буданова Т.А. Современные тенденции в системе функциональных стилей русского языка / Т.А. Буданова // Социолингвистические проблемы в разных регионах мира. М., 1996.
- 2. Вепрева И.Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху / И.Т. Вепрева. М-во образования Рос. Федерации. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. 377 с.
- 3. Костомаров В.Г. Мой гений, мой язык: Размышления языковеда в связи с общественными дискуссиями о языке / В.Г. Костомаров. М.: Знание, 1991. 63 с.
- 4. Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа / В.Г. Костомаров. 3-е изд., испр. и доп. СПб.: Златоуст, 1999. 319 с.
- 5. Савельева Л.В. Языковая экология: Русское слово в культурно-историческом освещении / Л.В. Савельева. Петрозаводск: Изд-во КГПУ, 1997.
- 6. Современный русский язык: социальная и функциональная дифференциация / [А.В. Занадворова, Е.В. Какорина, М.В. Китайгородская и др.]; Рос. акад. наук, Ин-т рус.яз. им. В.В. Виноградова; отв.ред. Л.П. Крысин. М.: Языки славянской культуры, 2003. 565 с.
- 7. Телевизионная журналистика: учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению и спец. "Журналистика" / редкол.: Г.В. Кузнецов, В.Л. Цвик, А.Я. Юровский; Моск.гос.ун-т. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во Моск. ун-та: Наука, 2005. 366 с.
- 8. Трескова С.И. Социолингвистические проблемы массовой коммуникации. (Принципы измерения языковой вариативности) / С.И. Трескова / Отв. ред. А.Н.Баскаков. АН СССР, Интязыкознания. М.: Наука, 1989. 151 с.
- 9. Харлицкий М.С. Новые явления в лексике современной масс-медиа (язык периодики) / М.С. Харлицкий // Язык и социум. Ч.1. Минск, 1998.

НАЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА СЕМАНТИКИ ТЕМАТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «ТРУД» В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

© 2008 С.В. Колтакова

Воронежский государственный университет

Материалом данного исследования являются русские и английские субстантивные единицы, отобранные методом сплошной выборки из Большого толкового словаря русского языка под редакцией С. А. Кузнецова [8], Большого англорусского словаря под редакцией И. Р. Гальперина [6; 7] и Longman Dictionary of Contemporary English [9]. При установлении общих семантических компонентов между именем группы и конкретными лексемами мы отталкивались от следующего определения: труд - целесообразная деятельность человека, направленная на сохранение, видоизменение, приспособление среды обитания для удовлетворения своих потребностей, на производство товаров и услуг [10, 1234].

Для выявления национальной специфики исследуемых тематических групп релевантными оказались следующие параметры:

- количество лексических единиц в группе (номинативная плотность термин В. И. Карасика [2, 111]);
- степень сходства структурной организации групп: количество и состав подгрупп, минигрупп, микрогрупп, микроподгрупп, микромикрогрупп и микромикроподгрупп в структуре группы;
- соотношение однозначных и многозначных лексем в составе группы;
- уровень первичной денотативной отнесенности к группе — описывается индексом, определяющим отношение количества лексем, входящих в структурную единицу по семеме Д1 (терминология М. М. Копыленко и З. Д. Поповой [3, 31-32]), к общему количеству лексем данной структурной единицы;
- уровень вторичной денотативной отнесенности к группе описывается индексом, определяющим отношение количества лексем, входящих в структурную единицу по семеме Д2, к общему количеству лексем данной структурной единицы;
- уровень первичной и вторичной денотативной отнесенности к группе описывается индексом, определяющим отношение количества

лексем, входящих в структурную единицу одновременно по семемам Д1 и Д2, к общему количеству лексем данной структурной единицы;

- уровень полисемантичности структурных единиц группы описывается индексом, определяющим отношение общего количества семем, развиваемых лексемами данной структурной единицы, к общему количеству ее лексем (термин Н. М. Шишкиной [5, 34]);
- степень принадлежности структурной единицы к тематической группе описывается индексом, определяющим отношение общего количества развиваемых лексемами данной структурной единицы семем с семой тематической группы к общему количеству семем данной структурной единицы (термин Н. М. Шишкиной [5, 34]);
- уровень структурно-семантической связности группы описывается индексом, определяющим отношение количества лексем, входящих разными семемами в разные структурные единицы группы, к общему количеству лексем данной структурной единицы (термин Н. И. Черновой [4, 38]);
- уровень лексико-семантической замкнутости структурной единицы группы — описывается индексом, определяющим отношение лексем, все семемы которых не выходят за рамки данной структурной единицы, к общему количеству лексем данной структурной единицы (термин И. Ю. Востриковой [1, 38]);
- степень яркости подгруппы внутри тематической группы описывается индексом, определяющим отношение количества единиц, входящих в структурную единицу группы, к общему количеству лексем группы (термин Н.И. Черновой [4, 38]);

Проведенное исследование показало, что тематические группы наименований трудовой деятельности как в русском, так и в английском языках представляют собой обширные по объему, сложные и разнообразные по составу и семантике группы.

Объем тематических групп «Труд» в русском и английском языках неодинаков. Так, в русском языке номинативная плотность рассматриваемой тематической группы составляет 2514 лексических единиц, что хотя и незначительно, но превышает соответствующий показатель в английском языке - 2332 лексические единицы.

Сопоставительный анализ рассматриваемых групп выявил высокую степень сходства их структурной организации. Так, и в русском, и в английском языках тематические группы подразделяются на пять одноименных подгрупп: «Наименования видов трудовой деятельности», «Наименования мест трудовой деятельности», «Наименования атрибутов трудовой деятельности», «Наименования вознаграждений за трудовую деятельность» и «Наименования лиц, занятых трудовой деятельностью». Структурирование выделенных подгрупп также аналогично. Так, подгруппа «Наименования лиц, занятых трудовой деятельностью» далее подразделяется на две минигруппы – «Наименования лиц, занятых трудовой деятельностью безотносительно конкретной специальности» и «Наименования лиц, занятых трудовой деятельностью относительно конкретной специальности», последняя из которых состоит из трех микрогрупп «Наименования лиц, занятых преимущественно физическим трудом», «Наименования лиц, занятых преимущественно умственным трудом» и «Наименования лиц, занятых умственно-физическим трудом».

Количество микроподгрупп, входящих в состав вышеперечисленных микрогрупп, в основном совпадает, но имеются и национально-специфические различия. Так, самая многочисленная в обоих языках микрогруппа «Наименования лиц, занятых преимущественно физическим трудом» насчитывает 14 микроподгрупп в русском языке и 15 – в английском. Кроме этого, в английском языке имеются две отсутствующие в русском языке микроподгруппы, а именно «Наименования лиц, занятых обработкой камня» (hewer — «каменотес», stone-cutter — «резчик по камню, каменотес») и «Наименования лиц, занятых упаковочной деятельностью» (bagger – «упаковщик в мешки», **packer** — «упаковщик»). В то же время в русском языке отмечено наличие отсутствующей в английском языке микроподгруппы «Наименования лиц, занятых в мебельной промышленности» (краснодеревщик, мебельщик).

Более существенные различия наблюдаются на уровне микромикрогрупп и микромикроподгрупп. Так, в английской микрогруппе «Наименования лиц, занятых преимущественно физическим трудом» отсутствуют такие интересные, с точки зрения национальной специфики, микромикрогруппы, как «Общие наименования лиц, занятых в сфере бытового обслуживания» (бытовик), «Общие наименования лиц, занятых в сфере общественно-

го питания» (общепитовец), «Наименования лиц, занятых в сфере грузового специализированного транспорта» (бульдозерист, комбайнер), «Наименования водителей, совершающих поездки на большие расстояния» (дальнобойщик, рейсовик), «Общие наименования лиц, занятых в легкой промышленности» (текстильщик, швейник), «Наименования лиц, занятых производством ковров и ковровых изделий» (ковровщик, ковродел), «Наименования лиц, производящих строительство сооружений для добывающей промышленности» (вышкостроитель, газопромысловик), «Наименования лиц, занятых добычей нефти и газа» (газовик, нефтедобытчик), «Общие наименования лиц, занятых в пищевой промышленности» (пищевик), «Наименования лиц, занятых производством сала» (саловар, салотоп). В свою очередь в английском языке выделяются следующие отсутствующие в русском языке микромикрогруппы: «Наименования лиц, занятых стиркой и глажением белья» (presser — «гладильщик, гладильщица», washerwoman - «прачка»), «Наименования лиц, занятых подготовкой сырья для тканей» (carder – «чесальщик, ворсильщик», wool-sorter — «сортировщик шерсти»), «Наименования лиц, производящих ремонтные работы» (repairer – «ремонтник, специалист по ремонту», **repair-man** — «ремонтный мастер»), «Наименования лиц, производящих земляные работы» (digger — «копатель, землекоп», ground-man — «землекоп») и «Наименования лиц, занятых отливкой букв и знаков» (former — «словолитчик», type-founder - «словолитчик, шрифтолитейщик»).

Следует отметить преобладание однозначных лексем над многозначными в обеих тематических группах, при этом процентное соотношение данных лексем к общему числу лексем группы в русском языке выше, чем в английском (63,8 % и 48,8 % соответственно).

Как показало исследование, абсолютное большинство лексем входят в структурные единицы группы по денотативным семемам. Это явление может быть объяснено тем, что трудовая деятельность всегда конкретна и связана с реалиями внешнего мира. В русском языке из 2514 лексем 2052 входят в рассматриваемую группу по семеме Д1, в английском — 1623 из общего количества 2332. Следовательно, индекс первичной денотативной отнесенности в русском языке намного выше, чем в английском — 81,6 % и 69,6 % соответственно.

Количество лексем, входящих в рассматриваемую группу по семеме Д2, в обоих языках значительно меньше. Так, в английском языке насчитывается 210 таких лексем, в русском - 87. Таким образом, индекс вторичной денотативной отнесенности к группе в английском языке (9%), превышает этот индекс в русском языке (3,5%).

Необходимо отметить, что как в русском, так и английском языках значительное количество лексем входят в структурные единицы исследуемых тематических групп несколькими семемами. В русском языке 372 лексемы входят в группу по семемам Д1 и Д2, в английском таких лексем 498. Следовательно, индекс первичной и вторичной отнесенности к группе в английском языке (21,4%) больше, чем в русском (14,8%).

Отметим также, что в обоих языках имеются лексемы, входящие в рассматриваемую группу одновременно по семемам Д1 и К1. В русском языке это лексемы работничек (Д1 «работник», K1 «плохой работник»), *ремесленник* (Д1 «лицо, знающее какое-либо ремесло и занимающееся по заказу потребителя изготовлением изделий кустарным способом собственными орудиями производства», K1 «тот, кто работает, выполняет свои обязанности без творческой инициативы, по шаблону») и *сапожник* (Д1 «мастер по шитью и ремонту обуви», К1 «неумелый, неискусный в каком-либо деле человек»). В английском языке это явление демонстрирует единичная лексема cobbler (Д1 «сапожник, занимающийся починкой обуви», К1 «плохой мастер, сапожник»).

Проведенное исследование также показало, что индексы полисемантичности в тематических группах русского и английского языков невелики и составляют соответственно 1,63 и 2,15 (приводятся в абсолютных цифрах), что объясняется преобладанием в обоих языках однозначных лексем. В то же время более высокий индекс полисемантичности в английской группе лексики является результатом наличия в английской тематической группе большего по сравнению с русским количества многозначных лексем (909 полисемантичных лексем в русском языке и 1194 — в английском).

Сравнивая индексы полисемантичности, отметим, что самый высокий индекс в русском и английском языках демонстрирует подгруппа «Наименования вознаграждений за трудовую деятельность» (2,23 и 3,0 соответственно). Самый низкий индекс полисемантичности в обоих языках имеет подгруппа «Наименования лиц, занятых трудовой деятельностью» (1,24 и 1,99 соответственно).

В результате проведенного анализа выявлено, что средний индекс принадлежности выделенных структурных единиц к тематической группе "Труд" в русском языке (70,6%) превышает средний индекс принадлежности к группе в английском языке (66,2%). Наибольшие индексы принадлежности к группе в русском и английском языках демонстрирует подгруппа «Наименования лиц, занятых трудовой деятельностью» (89% и 71,5% соответственно). Наименьшие индексы принадлежности структурной единицы к группе отмечаются в

русском языке у подгруппы «Наименования видов трудовой деятельности» (63,3 %), а в английском — у подгруппы «Наименования вознаграждений за трудовую деятельность» (48,5 %).

Проведенное исследование показало, что одни и те же лексемы разными семемами могут одновременно входить как в одну и ту же структурную единицу, так и в другие структурные единицы анализируемых тематических групп. В русском языке единиц, входящих разными семемами в разные структурные единицы группы, насчитывается 47, в английском – 58. Таким образом, индекс структурно-семантической связности группы в английском языке (2,5 %) несколько превышает аналогичный индекс в русском языке (1,9 %). Отметим, что индекс структурно-семантической связности единиц группы колеблется в русском языке от 30,8 % до 0,84 %, а в английском языке - от 14, 4 % до 1,9 %. Самый высокий индекс структурно-семантической связности (30,8 %) зафиксирован в русском языке в подгруппе «Наименования вознаграждений за трудовую деятельность». В английской группе наибольший индекс структурно-семантической связности отмечается в подгруппе «Наименования атрибутов трудовой деятельности» (14,4%). Подгруппой с наименьшим индексом структурно-семантической связности в обоих языках является подгруппа «Наименования лиц, занятых трудовой деятельностью». В русском языке ее индекс структурно-семантической связности равен 0.84%, в английском -1.94%.

Анализ также показал, что практически во всех структурных единицах анализируемых групп отмечаются лексемы, все семемы которых не выходят за рамки данных структурных единиц, при этом средний индекс лексико-семантической замкнутости структурной единицы тематической группы в русском языке (60,2 %) превышает подобный средний индекс в английском языке (52,4 %). Наибольший индекс лексико-семантической замкнутости в русском языке продемонстрировала подгруппа «Наименования лиц, занятых трудовой деятельностью» (87,2 %). В английском языке наибольший индекс лексико-семантической замкнутости демонстрируют подгруппы «Наименования мест трудовой деятельности» (61,9 %) и «Наименования атрибутов трудовой деятельности» (61,7 %). Наименьший индекс лексико-семантической замкнутости в русском и английском языках зафиксирован в подгруппе «Наименования вознаграждений за трудовую деятельность» (23,1 % и 36,4 % соответственно).

Наибольшую степень яркости внутри рассматриваемых групп демонстрирует в обоих языках самая многочисленная подгруппа «Наименования лиц, занятых трудовой деятельностью», при этом индексы яркости этой группы в русском и английском языках отличаются незначительно (47,3 % и 48,7 % соответственно).

В целом проведенное исследование показало, что тематические группы «Труд» в русском и английском языках демонстрируют как сходства, так и национально-специфические различия.

Национальная специфика рассматриваемых групп выявлена нами в рамках всех отмеченных 11 параметров, при этом наиболее отчетливо она проявляется в следующих девяти:

- номинативная плотность (2514 лексических единиц в русском языке и 2332 — в английском);
- соотношение однозначных и многозначных лексем (63,8 % однозначных лексем в русском языке и 48,8 % в английском);
- индекс первичной денотативной отнесенности к группе (81,6 % в русском языке, 69,6 % в английском);
- индекс вторичной денотативной отнесенности к группе (3,5 % в русском языке, 9,01 % в английском);
- индекс первичной и вторичной денотативной отнесенности к группе (14,8 % в русском языке, 21,4 % в английском);
- индекс полисемантичности группы (1,63 % в русском языке, 2,15 % в английском);
- индекс принадлежности к группе (70,6 % в русском языке и 66,2 % в английском);
- индекс структурно-семантической связности группы (1,9 % в русском языке и 2,5 % в английском):
- индекс лексико-семантической замкнутости группы (60,2 % в русском языке и 52,4 % — в английском);

По остальным параметрам, таким как степень сходства структурной организации группы; степень яркости структурных единиц внутри группы национальная специфика рассмотренных тематических групп представлена менее наглядно.

ЛИТЕРАТУРА

- 1. Вострикова И. Ю. Национальная специфика лексико-семантического поля «Трудовая деятельность» в русском и английском языках (на материале глагольной лексики): Дис. ...канд. филол. наук / Вострикова И. Ю. Воронеж, 2006. 228 с.
- 2. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. М.: ГНО-3ИС, 2004. 390 с.
- 3. Копыленко М. М. Очерки по общей фразеологии / М. М. Копыленко, З. Д. Попова. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1989. 191 с.
- 4. Чернова Н. И. Национальная специфика тематической группы лексики: На материале наименований зданий и помещений в русском и английском языках: Дис. ... канд. филол. наук / Чернова Н. И. Воронеж, 2006. 207 с.
- 5. Шишкина Н. М. Национальная специфика полисемии глаголов речевой деятельности в русском и английском языках: Дис. ...канд. филол. наук / Шишкина Н. М. Воронеж, 2004. 183 с.
- 6. Большой англо-русский словарь / Под рук. И. Р. Гальперина. В 2 т. Т. 1. М.: Совет. энцикл., 1972.-882 с.
- 7. Большой англо-русский словарь / Под рук. И. Р. Гальперина. В 2 т. Т. 2. М.: Совет. энцикл., 1972.-863 с.
- 8. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2003.-1536 с.
- 9. Longman Dictionary of English Language and Culture. Longman Group UK Limited, 1992. 1528 p.
- 10. Большой Российский энциклопедический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, 2003.-1888 с.

ОППОЗИЦИЯ *СВОЙ-ЧУЖОЙ* (НА МАТЕРИАЛЕ ЛЕКСИКИ ЭВЕНКИЙСКОГО ЯЗЫКА)

© 2008 Е.В. Мерекина

Благовещенский государственный педагогический университет

Для лингвистики конца XX века характерен повышенный интерес к исследованию взаимосвязи языка и духовной культуры нации, что послужило основанием к становлению лингвокультурологии — «... научной дисциплины, исследующей воплощенные в живой речи национальный язык, материальную культуру и менталитет» [13, 216]. Лексика выступает в роли пласта, насыщенного культурной информацией о жизни народа, способного отражать различного рода отношения с представителями другого этноса, тем самым фиксировать свое и чужое.

В процессе межкультурного диалога происходят коллизии двух национальных сознаний: в конфликт вступают *свои* и *чужие* когнитивные, эмотивные и аксиологические установки [10]. Оппозиция *свой-чужой* как постоянный принцип культуры существует в основе этнического самосознания, формирует коллективное, массовое, народное мироошущение [11, 84; 11, 126-143].

Иными словами, культурная константа *Свой-Чужой* является дифференцирующим и интегрирующим признаком этноса.

В системе бинарных оппозиций, лежащих в основе модели мира, культурная константа Свой-Чужой занимает особое место: она «является исторически более новой, не получившей однозначного решения. Это связано с тем, что рассмотрение данного противопоставления требует обращения к особенностям мировоззрения этноса»; «эта сфера такая, где само противопоставление создается не только объективными данными, но и субъективным отражением сознания» [11, 127].

Окружающая действительность воспринимается человеком, прежде всего, как пространство и классифицируется на основе архетипических представлений о его структуре с помощью оппозиций верх-низ, правый-левый, близкий-далекий и т. п. Модель мира развивается и усложняется в результате категоризации природного и социального пространства на основе еще одного ряда бинарных оппозиций: жизнь-смерть, природа-

культура, мужской-женский, старший-младший и т. п. [14].

«Осознание особости, отдельности актуализирует универсальную семантическую оппозицию свой-чужой, которая может интерпретироваться в социальном, конфессиональном, территориальном планах. При этом представитель этнического самосознания осознает свою принадлежность к определенной группе (семье, деревне, нации), к определенной территории (пространство дома, деревни, края) и т. д. Являясь носителем коллективного сознания, хранителем родовой памяти, человек осваивает мир, отделяя свое - обжитое, понятное, от чужого - далекого, неизвестного, осознавая при этом личную причастность к миру, в котором он живет» [9, 149].

Попытка определить универсальную модель этих отношений сводится к общности в социальном отношении, в принадлежности к вероисповеданию, в среде обитания и находит отражение в лексической системе эвенкийского языка.

Нами было предпринято экспериментальное исследование лингвокультурологической оппозиции *свой-чужой* в эвенкийском сознании.

Эксперимент по определению национальной специфики в структуре константы Свой-Чужой проводился в два этапа среди 30 представителей эвенкийского этноса без учета возрастных, социальных и гендерных особенностей в местах их компактного проживания на территории Амурской области (с. Первомайское и с. Усть-Нюкжа Тындинского района).

Первый этап был направлен на выявление реального содержания константы в сознании эвенков и осуществлялся посредством метода субъективных дефиниций. Носителям языка предлагалось продолжить фразы: *свой* — это...; *чужой* — это...

На втором этапе определялись условия перехода одной из единиц в другую. Реципиенты должны были назвать ситуации, когда *свой* становится *чужим*.

Затем методом ранжирования компонентов по яркости определялись компоненты, наиболее важные для сознания испытуемых.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

В результате анализа субъективных дефиниций выявлены компоненты значения культурной константы.

Чужой для представителей эвенкийской народности — это, в первую очередь, дальний (далекий) (5), который сделает тебе плохо (4), человек, которого не знаешь (3), который все время ходит злой и раздражительный (3), который не понимает (3), т. е. человек, который не отвечает национально-психологическим и коммуникативным особенностям. К уже перечисленным можно добавить еще ряд значений: соседи (2), с которым не общаешься (2), которого не понимаешь (2), плохой (2), которого не знаешь, а если знаешь, то плохо (1), не близкий по общению (1), которому не можешь поверить (1), другого рода (1), позволяющий репрезентировать несоответствие по кровной принадлежности, эмоциональным свойствам.

В противоположность чужому своими являются родной (родители) (6), родственники (4), близкие по душе (4), друг (друзья) (4), хорошо знакомые (3), человек, который тебя понимает (3), если ему можно верить (3), тот, который все время со мной (3).

В лексической системе эвенкийского языка зафиксированы следующие наименования для обозначения людей подобного рода: мутни, мэнни 'свой', акаде 'сородич', 'дядя'; албату 'родня', 'сородичи', дя, х $\bar{a}$ – 1) кровный родственник, сородич; 2) друг, товарищ; андаг $\bar{u}$ 'спутник', 'друг', 'товарищ'; андакч $\bar{a}$ н 'дружок'; г $\bar{e}$ II 'друг', 'товарищ'; хэнгэ II 'товарищ'; дерки 'друг', 'товарищ' и т. д.

Определенная степень родства, соответствие по родовому признаку, наличие дружественных отношений не являются константными в принадлежности к своему, поскольку различные ситуации, а к таковым относятся предательство; обида; когда пожадничает; когда поругаешь, что сделал неправильно; обман; ссора и непонимание; когда не помогает и т. д., способны изменить данную позицию на полярную.

Ситуация межэтнического общения также позволяет выявить своеобразие самосознания представителя той или иной нации, где происходит деление на наших и не наших путем противопоставления своего и чужого. Замечания В.Н. Топорова сводятся к тому, что «каждый народ — осознанно, полуосознанно или неосознанно — несет свою идею, свой мир представлений о другом. И поэтому эти естественные и даже необходимые различия своего и чужого на фоне бесспорно общих задач

жизнеобеспечения становятся предлогом, почвой, местом, где начинаются несогласия, различия, споры, ссоры» [14, 5].

Представители психологической антропологии выделяют ряд национально-психологических особенностей: «мотивационно-фоновые особенности, интеллектуальные особенности, познавательные особенности, эмоциональные особенности, волевые особенности, коммуникативные особенности» [12, 212-213].

Неисчерпаемым источником изучения мировосприятия является анализ фольклорных источников и запись речи людей, находящихся в относительной замкнутости и сохранивших свои представления о мире и отношение к нему посредством неписаных правил и запретов. Компактность проживания, относительная удаленность от крупных населенных пунктов, сохранение традиционного уклада жизни, опирающегося на взаимодействие человека и природы и настороженное отношение к человеку, чем-либо отличающемуся – основные черты, характеризующие эвенков как этнос. Территориальная и мировоззренческая "отстраненность" позволяет говорить о наличии когнитивной оппозиции свой-чужой в этническом сознании.

Лексическая система эвенкийского языка отражает явление данного порядка через лексемы, определяющие чужого человека по этнической принадлежности: луча, лоча, русскай, люча ('русский'), коряк ('коряк'), чукча ('чукча'), грек ('грек'), грузин ('грузин'), ненец ('ненец'), американец ('американец'), нанай ('нанаец', 'гольд'), юраки ('название енисейских эвенков'), япэн ('японец'), яко ('якут'), эвэмну ('эвенкийка') и т. д. Стоит отметить, что существование дуплетных форм (эвенкийской лексемы и русской, заимствованной в состав лексической системы эвенкийского языка) при обозначении представителя другой национальности – это свидетельство более тесного взаимодействия эвенков с данными этносами. К таковым можно отнести: гилэкэ ('гиляк'); бореимнй ('бурятка'); бореингкун ('бурят'); луча, лоча, русскай, люча ('русский'); эвэн ('эвен') и т. д.

Территориальная и социальная отчужденность передаются через имянаречение и репрезентируются именами-этнонимами: Чукчэкэн (от чукча 'чукча'), Баргūдак (от барги 'с того берега'), Маталак (от мата 'чужеродец'); Маманак (от манми 'с собой', 'свой'), Дюдўвул (от дюдуви 'у себя, дома') и др.; именами социальными характеристиками: Бэлэден, Болодён (от бэлэ 'помощник'), Абулāк (от абулдяран 'бедная'), Догордус Ие ('друг', 'товарищ') и др.

Язык выполняет социоидентифицирующую, социопознавательную, социоразличительную фун-

кции. Согласно В. фон Гумбольдту, человек «... очерчивает круг своего духовного родства, отделяет тех, кто говорит, как он, от тех, кто говорит иначе. Эта черта, разделяющая все человечество на два класса — свой и чужой, — есть основа всякой первоначальной общественной связи» [5, 399]. Отсутствие духовного родства становится причиной неприятия человека с позиции несоответствия устоявшемуся стандарту — стереотипу.

В отечественном языкознании в качестве основной оценки сложившейся оппозиции принята точка зрения Л. Н. Гумилева, которая на первый план выдвигает стереотип поведения этноса, а не язык и происхождение как основу противопоставления и определения этноса для него самого и отделения чужого: «феномен этноса это и есть поведение особей, его составляющих» [6, 142]. Г. В. Старовойтова отмечает: «Эти данные заставляют нас прийти к выводу, что обыденное этническое сознание довольно отчетливо разделяет этноспецифические модели поведения и "глубинные" этнопсихолингвистические особенности (черты характера и т. п.). При этом поведение (наряду с языком общения), здравый смысл относятся к внешним этническим свойствам, утрата которых еще не ведет к окончательной потере этнической идентичности; ее основы коренятся глубже» [цит. по: 11, 128].

Постоянная попытка найти отличительные черты не только в поведении, но и в поступках хунтэкэ ('чужого человека'), хунту Дж, Слмд, 3 (Ам) 1) 'другой', 'иной'; 2) 'чужой' находит отражение в словарных статьях: Эр экума-вал хунту бэе бичэн 'это был какой-то чужой мужчина'; Би-кэ хүнтү бисим 'ведь я посторонний', хуңтулду эвкэ ивуврэ 'посторонним вход воспрещен'; Эду хактырама, тарит хуңтул буручивкил 'здесь очень темно, поэтому чужие падают', а также во фразеологизмах: «Эвэнкū – кэт чикэнин кэтэ, луча-кэт чикэнин кэтэ 'на свете много разных людей (по национальности); Сў д'улэхун суннū, бу д'улэвун – мундў бигин ('Вы делайте по-своему, мы - по-своему', досл.: 'Вам перед – ваш, наш перед пусть у нас будет'); Д'ўр халгалкан, д'улакин дэрэлкэн уранкай эвэнки бивкй-вёт ('Бывает настоящий (истинный) эвенк', досл.: 'Двуногий, с голым лицом уранкай-эвенк бывает')» и т. д. [3].

Чужой (буварваңкур С-Б 'чужестранец' (букв. 'заморский'; поуту Мнгр 'инородец'; москваган 'житель Москвы') может отличаться и по внешним признакам: каптама 'плоский'; каптама онгокточй разг. 'плосконосый' (так называют себя эвенки в противоположность игоним онгокточй 'длинноносый' - о русских); Ичэнэв — бэйдук хуңту: умун ёһачй, умун халгачй 'посмотрел (я) — (он) по сравнению с человеком иной: с одним глазом, с одной ногой'.

Родовая принадлежность эвенков, несмотря на соответствие по этническому принципу, может быть положена в основу разделения на наших-не наших и появления следующих элементов характерологической лексики: нимак 'человек из другого рода', 'чужеродец'; мата — 1) 'чужеродец'; 2) 'сосед', 'гость'; 3) 'незнакомец'; кари І Нрч 'чужой', 'неизвестный'; баргиған Дж, 3 (Ам), Слдм — 'жители на противоположной стороне реки'; ғулгак Дж, 3 (Ам), Слдм 'сосед по дому' и т. д. И, как следствие, появление фразеологических единиц: Таварвахин куртак чэчэтин! ('Да это же человек из рода Куртак'); Ёма бугалдук иснāрэн? ('Откуда родом? Откуда взялся? 'Досл.: 'Из какой земли пришел').

Таким образом, оппозиция свойственности-чуждости как составляющая картины мира эвенков, наряду с дихотомиями человек-природа, человек-соплеменники, складывается из следующих отношений: соответствие-несоответствие по территориальному, социальному признакам; соответствие-несоответствие этнического самосознания и поведения; наличие степени родства и дружественных отношений; духовной близости или ее отсутствие при сохранении аксиологической направленности.

«Выраженный аксиологический характер константы Свой-Чужой, по-видимому, обусловил ее особое место в модели мира на аксиологической оси. Социальный и природный миры, прежде всего, категоризируются на свой и чужой, причем содержание образа свой может варьироваться в зависимости от того, что включено в образ чужой. Иными словами, можно полагать, что первичным (исходным), детермирующим содержание образа свой является содержание образа чужой. В этом смысле образ свой является вторичным, подчиненным образу чужой, одни и те же составляющие могут разноместно входить и в тот, и в другой образ» [7, 217].

Оппозиция свой-чужой несет выраженную аксиологическую направленность: свое - значит хорошее, правильное, естественное, необходимое, чужое - наоборот. Таким образом, оппозитивность межкультурного диалога проявляется в эксплицитном или имплицитном стремлении участников коммуникации защитить свои «точки зрения», совместить и согласовать свое и чужое, зачастую исходят из недооценки чужого и переоценки своего [10, 3-9]. Тем самым, "то, что не совпадает, различается в двух национальных сознаниях и культурах – воспринимается как странное, чуждое/чужое, неестественное, неправильное и, как следствие, является причиной непонимания, т. е. делает межкультурное взаимодействие трудным и неэффективным" [7, 217].

Е.В. Мерекина

ЛИТЕРАТУРА

- 1. Болдырев Б. В. Эвенкийско-русский словарь / Б. В. Болдырев. Новосибирск: Изд-во СО РАН, филиал «Гео», 2000. Ч.2: Р-Я. 484 с.
- 2. Болдырев Б. В. Эвенкийско-русский словарь / Б. В. Болдырев. Новосибирск: Изд-во СО РАН, филиал «Гео», 2000. Ч.1: A- Π . 503 с.
- 3. Варламова Г. И. Фразеологизмы в эвенкийском языке / Г. И. Варламова. Новосибирск, 1986.-80 с.
- 4. Василевич Г. М. Эвенкийско-русский словарь. С приложением и грамматическим очерком эвенкийского языка / Г. М. Василевич. М., 1958. 898 с.
- 5. Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры / В. фон Гумбольдт. М., 1985.
- 6. Гумилев Л. Н. От Руси до России: Очерки этнической истории / Л. Н. Гумилев. СПб., 1992. С. 142.
- 7. Марковина И. Ю. Культурная константа «свой-чужой» на аксиологичесой оси модели мира: механизмы защиты / И. Ю. Марковина, Т. А. Васильченко // Язык. Сознание. Культура: сб. статей / Под ред. Н. В. Уфимцевой, Т. Н. Ушаковой. М.-Калуга: ИП Кошелев (Изд-во «Эйдос»), 2005. С. 217-230.

- 8. Мыреева А. Н. Эвенкийско-русский словарь / А. Н. Мыреева. Новосибирск: Наука, 2004. 798 с.
- 9. Серебренникова А. Н. Деление на «своих» и «чужих» по этнической принадлежности (лингвокультурологический аспект) / А. Н. Серебренникова // Филологические исследования: сб. статей молодых ученых / Ред. О. И. Блинова и др.; отв. исполнитель Д. А. Катунин. - Томск: ТГУ, 2000. — С. 149-151.
- 10. Сорокин Ю. Е. Провинциальные оценочные стереотипы и речевые акты / Ю. Е. Сорокин // Провинциальная ментальность России в прошлом и настоящем. Самара, 1994. С. 27-29.
- 11. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. М., 2001.
- 12. Столяренко В. Е. Антропология системная наука о человеке: Учеб. пособие для студ. вузов / В. Е. Столяренко, Л. Д. Столяренко. 2-е изд., перераб. и доп. Р.-н/Д.: Феникс, 2004. 384 с.
- 13. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологические аспекты / В. Н. Телия. М., 1996. 288 с.
- 14. Топоров В. Н. Метафора зеркала при исследовании межъязыковых и этнокультурных контактов / В. Н. Топоров // Славяноведение. 1997. №1. С. 5.

ПАМЯТЬ, ЗАБВЕНИЕ И "ФИГУРЫ ВОЗВРАЩЕНИЯ": POMAH B.B. НАБОКОВА "ДАР" В "РУССКОМ ТЕКСТЕ" "СОВРЕМЕННЫХ ЗАПИСОК"

© 2008 А.В. Млечко

Волгоградский государственный университет

В этой статье, как и в ряде других наших материалов, появившихся на страницах волгоградского и воронежского научных изданий, продолжается комплексное исследование семантического и семиотического единства текстуального пространства самого крупного общественно-литературного журнала эмиграции "Современные записки" (1920-1940), условно определяемого нами как "русский текст" журнала. Выделяемый при помощи лекала "петербургского текста" русской литературы, предложенного В. Топоровым, "русский текст" "Современных записок" предполагает включение текстов, напечатанных в журнале, в единое смысловое пространство, позволяющее даже, казалось бы, весьма далекие от российской проблематики журнальные тексты интерпретировать с помощью социологического кода – как тексты, интенционально направленные на осмысление русских революционных событий.

Другими словами, мы имеем дело с контекстуальным прочтением журнальных художественных произведений, с наличием единого семантического поля журнала, на пространстве которого можно (ре)конструировать некоторые ментальные механизмы построения картины мира в рамках культуры эмиграции первой волны. И одним из таких механизмов выступает символика (мифологемы) возвращения утраченного Отечества, любопытным образом артикулируемая в одном из самых "знаковых" русских романов XX века – романе В. В. Набокова "Дар". Считается, что "Дар" не только занимает особое - центральное - место в творчестве Набокова, но и претендует на положение крупнейшего романа русской эмиграции. Действительно, "Дар" можно представлять как своеобразную "энциклопедию эмигрантской жизни", и в этом смысле – как это мы видим, например, у Б. Бойда роман сравним с "Улиссом" Джойса.

С этим романом, замысел которого принято датировать концом 1932 года и последняя точка

в рукописи которого была поставлена в январе 1938, связан беспрецедентный скандал, равного которому в литературной жизни русского зарубежья, пожалуй, не было. И скандал этот связан с публикацией "Дара" в "Современных записках", редакция которых до сих пор более чем охотно печатала все, что предлагал Набоков, причем окончательный вариант текста писателя отличался от журнального минимальными – чаще всего падежными - изменениями. "Дар" состоит из пяти глав, но лишь четыре из них (1-3 и 5) увидели свет на страницах журнала (1937, № 63-65; 1938, № 66-67). В 67 номере после заголовка "Глава 4" были напечатаны две строки точек и (в сноске) редакторское заявление, где говорилось: «Глава 4-я, целиком состоящая из "Жизни Чернышевского", написанной героем романа, пропущена с согласия автора» [СЗ. 1938. № 67. С. 69].

Этот шаг можно назвать неожиданным как для редакции, всегда широко открывавшей двери самого престижного литературного журнала самому, по общему признанию, выдающемуся эмигрантскому писателю, так и для самого Набокова, в отчаянии написавшего В. Рудневу: «Вашим отказом – из цензурных соображений - печатать четвертую главу "Дара" Вы отнимаете у меня возможность вообще печатать у Вас этот роман: не сердитесь на меня, а посудите сами - как могу я Вам дать главу вторую и третью (в которой уже намечаются отвергаемые Вами образы и суждения, развитые в четвертой), а затем главу заключительную (в которой между прочим приводится целиком четыре рецензии на "Жизнеописание Чернышевского", по-разному бранящие автора за оскорбление памяти "великого шестидесятника" и объясняющие, чем эта память свята), когда я заранее знаю, что в "Даре" будет дыра: отсутствие четвертой главы (не говоря о связанных с этим пропусках в остальных), ибо, скажу без обиняков, никакого компромисса и совместных усилий я принять не могу и ни одной строки ни вымарать, ни изменить в ней не намерен. Меня тем более огорчает Ваш отказ от романа, что у меня было всегда особенное чувство по отношению к "Современным запискам". То, что в них подчас помещались и художественные произведения и статьи, развивавшие взгляды, с которыми редакция явно не могла быть согласна, было явлением необыкновенным в истории наших журналов и представляло собой такое признание свободы мысли (если только эта мысль высказана талантливо и честно - что, впрочем, едва ли не тавтология), которое было убедительнейшим приговором над положением печати в современной России. Почему Вы вдруг говорите мне об "общественном отношении" к моей вещи? Разрешите мне Вам сказать, дорогой Вадим Викторович, что общественное отношение к литературному произведению есть лишь следствие художественного его действия, а ни в коем случае не априорное суждение о нем. Я не собираюсь защищать моего "Чернышевского", - вещь эта, по крайнему моему разумению, находится в таком плане, в котором ей защита не нужна. Отмечу только для сведения ваших соредакторов, что как борец за свободу Чернышевский у меня не умален, - и не потому, что я это сделал сознательно (мне, как Вы знаете, совершенно безразличны все партии мира), а потому, вероятно, что больше правды было в одном лагере и больше зла в другом, – а если Вишняк и Авксентьев чтили бы в Чернышевском не только революционера, а мыслителя и критика (что является главной темой вещи), то мои изыскания не могли бы их не переубедить».

Это письмо от 16 августа 1937 года не случайно было адресовано В. Рудневу – именно он прочел злополучную главу и наотрез отказался ее печатать. Впрочем, среди соредакторов "Современных записок" на этот счет царило завидное единодушие, возможность публикации "Дара" полностью редакцией всерьез никогда не обсуждалась. "По мнению редакции, – отмечает М. Вишняк, – жизнь Чернышевского изображалась в романе со столь натуралистическими - или физиологическими - подробностями, что художественность изображения становилась сомнительной. Уступив настояниям редакции, автор внутренне с ней остался не согласен..." [3, 180]. Несмотря на это, редакция просила Набокова присылать недостающие главы - писатель испытывал финансовые затруднения и 3 сентября 1937 года прислал остро переживающему задержку Рудневу рукопись второй главы. И все же показавшееся Набокову неожиданным, а на наш взгляд, вполне закономерное решение редакции надолго отложило полную публикацию "Дара" – лишь пятнадцать лет спустя, в 1952 году, роман без купюр вышел в нью-йоркском "Издательстве имени Чехова".

Наш последующий анализ будет напрямую связан (и даже зависеть от него) с адекватным пониманием сложившейся вокруг публикации четвертой главы ситуации, поэтому уделим ей — уже готовой стать достоянием истории журналистики – более пристальное внимание. Набоков, будучи одним из главных фигурантов сложившейся конфликтной ситуации, в своем письме акцентирует внимание на некоторых очень важных для нас проблемах. Во-первых, он лишний раз подчеркивает почти беспрецедентную идеологическую толерантность "Современных записок" среди русских "толстых журналов". В самом деле, как видно из письма, Набоков был искренне удивлен отказом редакции печатать четвертую главу, отказом печатать не что иное, как жесткое развенчание мифа о "великом шестидесятнике", которого целые поколения русских революционеров чтили, как бога. Т. е. он не сомневался (или во всяком случае не исключал этой возможности), что соредакторы-эсеры (представители одной из самых радикальных революционных партий) сочтут возможным публикацию на страницах своего журнала "памфлета", дезавуирующего в полном смысле слова святые для русской прогрессивной мысли идеалы.

Во-вторых, несмотря на то, что Набоков артикулирует в своем письме к Рудневу свою принципиальную аполитичность и настаивает лишь на своих философско-эстетических претензиях к Чернышевскому, в центре четвертой главы ясно видна мысль об абсурдности и внутренней противоречивости русского революционного движения, если у его истоков стоит такая нелепая (по Набокову) фигура, как Чернышевский. И в-третьих, Набоков совершенно справедливо указывает на невозможность искусственного изъятия из целостного текста романа какой-либо его части. Образная и идейная структура «Дара», как мы увидим, включает в себя множество жестко коррелирующих между собой элементов, когда смысл одних не может быть раскрыт без учета смысла других – и элементы четвертой главы играют в этом процессе ведущую роль. Поэтому наше обращение к отвергнутому редакцией журнала "Жизнеописанию Чернышевского" будет неизбежным – "de facto" четвертая глава столь же укоренена на смысловом пространстве "русского текста" "Современных записок", как и любая другая органично входящая в состав всякой текстуальной целостности часть.

В самом общем виде фабульную основу "Дара" составляет рассказ о становлении и первых литературных опытах молодого эмигрантского писателя (чья фигура максимально приближена к самому Набокову-Сирину) Федора Годунова-Чердынцева. «Основная фабула романа, — добавляет

Бойд, – охватывает три года (1926–1929) из жизни Федора Годунова-Чердынцева, молодого эмигранта в Берлине: быстрый рост его литературного дара от почти не замеченной книжки изящных ностальгических стихов к яркой, жестоко-непочтительной биографии почтительного исторического лица и, наконец, к самой идее создания "Дара". Постепенно мы начинаем понимать, что книга с самой первой страницы — это также и дань благодарности Федора судьбе, подарившей ему встречу с Зиной Мерц, его будущей женой» [2, 520]. Сразу отметим очень важную для нас деталь - обретающая на пространстве "русского текста" статус символической (автобиографическая) фигура молодого писателя ("художника") стоит в центре таких романов, как "Жизнь Арсеньева" И. Бунина, "История любовная" И. Шмелева, "Путешествие Глеба" Б. Зайцева, "Подвиг" (и в каком-то смысле "Приглашение на казнь") В. Набокова, составляющих текстуальную основу художественного дискурса «Современных записок». Эта закономерность обусловлена максимальной активизацией на пространстве "русского текста" темы памяти, выступающей структурообразующей в романе "Дар".

Предельно абстрагируясь, у Набокова можно выделить две главные темы, вокруг которых получают свое развитие другие темы во всем своем многообразии и взаимодействии, - это темы памяти и творчества. Романом, в котором обе они представлены в наиболее центрированном виде, и является "Дар". Вообще эта тематическая устойчивость набоковских произведений дает возможность говорить об их надсюжетном единстве, когда "романы писателя группируются в метароман, обладающий известной прафабулой, матрицируемой, репродуцируемой в каждом отдельном романе при необходимом разнообразии сюжетных ходов и романных развязок, предполагающих известную инвариантность решений одной и той же фабульной проблемы" [4, 7].

В. Ерофеев справедливо отмечает и тот факт, что в основу этого "метаромана" легло переживание изгнания как некоторого экзистенциала, приводящее к единству весь корпус элементарной полидискурсивности писателя. В первую очередь — это изгнание из рая детства. «Младенчество – вот предельное приближение к "другой" реальности, посильный выход из системы "земного времени". И младенчество, и раннее детство как пора "чистого" восприятия мира таят в себе "загадочно-болезненное блаженство", которое сохранилось у Набокова как память на всю последующую жизнь ...» [4, 180]. Детство (как реальность и как метафора), по мнению исследователя, и определяет тот "подлинно набоковский рай, который дал ему возможность болезненно ощутить свое позднейшее существование как *изгнание* в гораздо более широком, а главное, более глубоком смысле, чем эмиграция. Изгнание из рая является само по себе мощной психической травмой, *переживание* которой и составляет прафабульную основу русскоязычных романов Набокова" [4, 8].

Почти все, сказанное Ерофеевым, имеет для нас первостепенное значение. В первую очередь приложение к образу детства у Набокова (воспринимаемому самим писателем как метафизическое, вневременное состояние) образа потерянного рая выглядит более чем аутентично. Именно автобиографический дискурс занимает в творчестве Набокова центральное место, определяя характер его метафизики и эстетики, причем "автобиографичность" в случае Набокова надо понимать расширительно - как поиск и понимание "механизмов" судьбы, и детство в этом случае выступает метафорой изначального счастья, (пред)ощущение которого не покидало писателя на протяжении всей его жизни, залогом (про)явленности особых "узоров судьбы", составляющих "дивную подкладку" ткани жизни. Поэтому именно в таком – расширительном смысле можно считать автобиографическими "мемуарную" книгу Набокова "Другие берега" и ее англоязычную версию с символическим названием "Память, говори". Их своеобразным художественным "вариантом" представляется роман "Дар", герменевтика которого в идейно-образной парадигме "русского текста" "Современных записок" диктует обращение к совершенно определенным его структурным элементам.

Тема и символика памяти возникают уже с первых страниц романа, когда Федор, перечитывая свои изданные в эмиграции стихи, мысленно возвращается в годы своего русского детства, изображаемые в этих же стихах, - так что экскурсы в прошлое служат своеобразным комментарием к поэзии Федора. "Мне было так же трудно уснуть, как чихнуть без гусара или покончить с собой собственными средствами (проглотив язык, что ли). В начале мученической ночи я еще пробавлялся тем, что переговаривался с Таней, кровать которой стояла в соседней комнате; дверь мы приоткрывали, несмотря на запрет, и потом, когда гувернантка приходила в свою спальню, смежную с Таниной, один из нас дверь легонько затворял: мгновенный пробег босиком и скок в постель. Из комнаты в комнату мы долго задавали друг другу шарады, замолкая (до сих пор слышу тон этого двойного молчания в темноте): она для разгадки моей, я — для придумывания новой. <...> Иногда она засыпала, пока я доверчиво ждал, думая, что она бьется над моей загадкой, и ни мольбами, ни бранью мне уже не удавалось ее

воскресить. С час после этого я путешествовал в потемках постели, накидывая на себя простыню и одеяло сводом, так чтобы получилась пещера, в далеком, далеком выходе которой пробивался сторонкой синеватый свет, ничего общего не имевший с комнатой, с невской ночью, с пышными, полупрозрачными опадениями темных штор" [СЗ. 1937. № 63. С. 20].

Здесь и далее Набоков "дарит" Федору свое собственное детство, свои ощущения и мысли. В "Других берегах" мы встречаем идентичный пассаж: "Всю жизнь я засыпал с величайшим трудом и отвращением. <...> Я знаю, что спать полезно, а вот не могу привыкнуть к этой измене рассудку, к этому еженощному, довольно анекдотическому разрыву со своим сознанием. <...> В детстве предстоявший сон казался мне палачом в маске, с топором в черном футляре и с добродушно-бессердечным помощником, которому беспомощный король прокусывает палец3. Единственной опорой в темноте была щель слегка приоткрытой двери в соседнюю комнату, где горела одна лампочка из потолочной группы и куда Mademoiselle из своего дневного логовища часов в десять приходила спать. Без этой вертикали кроткого света мне было бы не к чему прикрепиться в потемках, где кружилась и как бы таяла голова. <...> И все время, в ужасной тоске, я стараюсь приманить ненавистный сон, ибо знаю, что сейчас будет. Ежеминутно открываю глаза, чтобы проверить, там ли мой мутный луч. Рай — это место, где бессонный сосед читает бесконечную книгу при свете вечной свечи!" [6, 63]. Воскресить этот рай, вернуться в его блаженный детский мир и пытается писатель в рамках как художественного, так и автобиографического дискурсов.

Своеобразным фоном — и в какой-то степени условием – темы работы памяти выступает тема изгнания. С одной стороны, пространственновременная дистанция делает возможным лишь "виртуальное" возвращение в рай русского детства и юности. В этом случае есть опасность превращения "русского прошлого" в лубочную картинку, глянцевую открытку, принимаемую за драгоценный подлинник былого. Так, Федор (Набоков) в "Даре" рассуждает: "Странно, каким восковым становится воспоминание, как подозрительно хорошеет херувим по мере того, как темнеет оклад, - странное, странное происходит с памятью. Я выехал семь лет тому назад; чужая сторона утратила дух заграничности, как своя перестала быть географической привычкой. Год. Семь. Бродячим призраком государства было сразу принято это летоисчисление, сходные с тем, которое некогда ввел французский ражий гражданин в честь новорожденной свободы. Но счет растет, и честь не тешит; воспоминание либо тает,

либо приобретает мертвый лоск, так что взамен дивных привидений нам достается веер цветных открыток" [СЗ. 1937. № 63. С. 21].

Но в то же время насильственное изгнание из рая прошлого, безвозвратная его потеря, погружение русского Космоса в хаос и небытие удивительно обостряют память изгнанников, заставляют их хранить и даже вновь воссоздавать свое драгоценное прошлое с особой тщательностью. «И вот еще соображение, – пишет Набоков в "Других берегах", - сдается мне, что в смысле этого раннего набирания мира русские дети моего поколения и круга одарены были восприимчивостью поистине гениальной, точно судьба в предвидении катастрофы, которой предстояло убрать сразу и навсегда крепостную декорацию, честно пыталась возместить будущую потерю, наделяя их души тем, что по годам им еще не причиталось» [6, 150].

Но в то же время Набоков эту особую "память изгнанника" не воспринимал как некоторую данность, напротив, ценитель Пруста и Бергсона, он — в той или степени — на протяжении всего своего творческого пути описывает достаточно оригинальные механизмы работы памяти, делающие воспоминание релевантным "оригиналу" прошлого. Но, в отличие от психологической теории памяти Пруста, набоковская концепция возрождения прошлого, "утраченного", предполагает неразрывную связь и даже функциональную синонимичность процессам памяти и творчества.

Так, в предисловии к "Другим берегам" Набоков определяет цель своей книги, одновременно раскрывает метафизический стержень сюжетной структуры романа "Дар": "Ее цель – описать прошлое с предельной точностью и отыскать в нем полнозначные очертания, а именно: развитие и повторение тайных тем в явной судьбе. Я попытался дать Мнемозине не только волю, но и закон" [6, 143]. По мысли писателя, человеческая жизнь (в частности, его собственная и жизнь его героев) представляет собой вязь узоров судьбы, видение и верное прочтение которых является залогом творческих возможностей личности: "Обнаружить и проследить на протяжении своей жизни развитие таких тематических узоров и есть, думается мне, главная задача мемуариста. <...> Этот волшебный ковер я научился так складывать, чтобы один узор приходился на другой" [6, 152, 233].

Чтобы зафиксировать (запомнить) эти узоры, их надо сначала увидеть, поэтому обязательным условием для подлинного художника, по Набокову, является его способность подмечать мельчайшие детали реальности. Набоков полагал, что определенный момент реальности надо не только увидеть, но и запомнить. С этим и связана

набоковская концепция памяти как необходимого условия для преодоления времени, энтропии и хаоса. Писатель считал, что именно память ("Мнемозина") позволяет не только сохранить, но и возродить, воссоздать утраченное время-пространство с помощью творческого акта его вос-создания в форме той или иной дискурсивной практики. «Вижу нашу деревенскую классную, – пишет Набоков в "Других берегах", – бирюзовые розы обоев, угол изразцовой печки, отворенное окно: оно отражается вместе с частью наружной водосточной трубы в овальном зеркале над канапе, где сидит дядя Вася, чуть ли не рыдая над растрепанной розовой книжкой. Ощущение предельной беззаботности, благоденствия, густого летнего тепла затопляет память и образует такую сверкающую действительность, что по сравнению с нею паркерово перо в мое руке и самая рука с глянцем на уже веснушчатой коже кажутся мне довольно аляповатым обманом. Зеркало насыщено июльским днем. Лиственная тень играет по белой с голубыми мельничками печке. Влетевший шмель, как шар на резинке, ударяется во все лепные углы потолка и удачно отскакивает обратно в окно. Все так, как должно быть, ничто никогда не изменится, никто никогда не умрет. <...> Однажды увиденное не может быть возвращено в хаос никогда» (курсив наш. -A. M.) [6, 187-188, 335].

На этом примере прекрасно видно, что для Набокова, как уже говорилось, очень важно спасти драгоценное и хрупкое со-бытие прошлого от хаоса времени, забвения. Но вместе с тем для этого необходимо сделать это событие достоянием вечности, погрузить его в некую вневременность. Парадоксально, но здесь мы сталкиваемся с амбивалентной функциональностью забвения, предстающего, пользуясь терминологией П. Рикера, в виде двух функционалов — забвение созидающее и забвение разрушающее. "Против разрушающего забвения – забвение, которое сохраняет" [7, 611]. Созидающее (сохраняющее) забвение у Набокова связано с двумя аспектами. Во-первых, это уже упомянутая уникальность эмигрантской памяти, фундируемая хайдеггеровским парадоксом, согласно которому забвение есть необходимое условие памяти: "Как выжидание возможно лишь на основе ожидания, так воспоминание - на основе забывания, но не наоборот" [9, 339]. Страх предать свою самую дорогую ценность – Россию - тотальному, абсолютному - "разрушающему" забвению заставляет эмигрантов преодолевать инерцию забвения временного, "повседневного" ("созидающего") и извлекать из него то, что "не может быть возвращено в хаос" окончательного забвения. Поэтому мы видим явное превалирование в русском зарубежье именно автобиографических произведений, такую проявленность

автобиографического дискурса в тексте культуры русской эмиграции "первой волны" (и на текстуальном пространстве "Современных записок" соответственно), которой нет равных ни в одной из русских эмигрантских эпистем.

Лапидарное набоковское утверждение о том, что "однажды увиденное не может быть возвращено в хаос никогда", имеет здесь ключевое значение в том смысле, что "уже увиденное" становится подверженным лишь временному забвению, оно может быть извлечено из него силой — в случае с Набоковым – творческой памяти. Именно это имел в виду Рикер, когда, комментируя парадоксальное высказывание Хайдеггера о позитивной роли забвения, писал: «Именно вокруг "уже" – временного знака, общего брошенности, долгу, одиночеству (и другим эмигрантским экзистенциалам. — A. M.), — организуется цепочка родственных выражений: бывшее, забвение, самая своя способность, возобновление, взятие назад. Словом, забвение обретает позитивный смысл в той мере, в какой бывшее превалирует над "ужене-существованием" в значении, приписываемом идее прошлого. Бывшее превращает забвение в иммемориальный ресурс, предоставляемый работе воспоминания» [7, 613].

И второй аспект "сохраняющего" забвения у Набокова тесно связан с феноменом, близким к тому, который В. Александров назвал "космической синхронизацией" 4 — когда писатель артикулировал проявленность прошлого в настоящем, проникновение бывшего в несбывшееся, "уже" в "еще" таким образом, что происходит своеобразное наложение одного временного вектора на другой. В "узоре" настоящего герой/автор узнает "узор" прошлого, и тогда пространственновременные границы перестают иметь значение, прошлое вступает в свои полные права.

Так, в "Даре" Федор, сознавая "гибельное несовершенство мира", в котором он "все еще пребывал", неожиданно (и в первую очередь для читателя), свернув на "боковую" берлинскую улицу, "пошел к трамвайной остановке сквозь маленькую, на первый взгляд, чащу елок, собранных тут для продажи по случаю приближавшегося Рождества; между ними образовалась как бы аллейка; размахивая на ходу рукой, он кончиками пальцев задевал мокрую хвою; но вскоре аллейка расширилась, ударило солнце, и он вышел на площадку сада, где, на мягком красном песке, можно было различить пометки летнего дня: отпечатки собачьих лап, бисерный след трясогузки, данлоповую полосу от Таниного велосипеда, волнисто раздвоившуюся при повороте. <...> Старый, в елочном стиле, деревянный дом, выкрашенный в бледно-зеленый цвет, с узорными вырезами под крышей и высоким каменным основанием (где

в серой замазке мерещились словно круглые, розовые крупы замурованных коней), большой, крепкий и необыкновенно выразительный дом, с балконами на уровне липовых веток и верандами, украшенными драгоценными стеклами, плыл навстречу, облетаемый ласточками, идя на всех маркизах, чертя громоотводами по синеве, по ярким белым облакам, без конца раскрывавшим объятья. На каменных ступенях носовой веранды, в упор освещенные солнцем, сидят: отец, явно с купанья, в мохнатом полотенце чалмой, так что не видать – а как хотелось бы! – его темного бобрика с проседью, низко, мыском, находящего на лоб; мать, вся в белом, глядящая прямо перед собой и как-то молодо обхватившая колени руками; рядом — Таня, в широкой блузке, с концом черной косы на ключице, опустившая гладкий пробор и державшая на руках фокс-терьера, во весь рот улыбающегося от жары..." (курсив наш. – А. М.) [C3. 1937. № 64. C. 107-108].

Как никакой другой, этот отрывок богат не только символической семантикой вновь обретаемого прошлого, но и уже хорошо знакомой нам мифосимволикой (утраченного) русского рая, которая столь отчетливо проявлена на текстуальном пространстве «Современных записок». Прежде всего обратим внимание на ярко выраженную символику обновления мира, репрезентируемую символикой Рождества, с одной стороны, символикой "райского Утра" — с другой. Восстановленные для рождественской распродажи елки (амбивалентная символика которых репрезентирует идею вечности) в Берлине напоминают (скорее, дают толчок для погружения в особый мнемонико-творческий транс) герою "Дара" русские усадебные аллеи, по одной из которых Федор, преодолевая пространственно-временную ограниченность, попадает на сакральное пространство приусадебного сада, центрацию которого, как и у Бунина, призван осуществить символический образ "большого, крепкого, необыкновенно выразительного дома".

Но необходимо отметить мифосимволическую атрибутику этого воспоминания и как сакрального пространства, и как сакрального времени. Эпизод построен на контрастной семантике, которая учитывает не только противопоставление современного Федору Берлина и России его прошлого, но и цветовую символику этих хронотопов. Холодным, сырым, темным берлинским сумеркам резко противопоставляется русский сияющий летний день с его ярко выраженной символикой белого цвета. Налицо бесспорная — и очередная на пространстве "русского текста" журнала — репрезентация мифологического начала, истоков (символическими референтами которых выступают образы золотого века, дней

творения, рая и др.), куда вновь и вновь погружается герой, объективируя столь актуальный для поэтики Набокова "миф о вечном возвращении". Так, перед погружением в теплый рай прошлого дается следующая (само)характеристика Федора: "Застенчивый и взыскательный, живя всегда в гору, тратя все свои силы на преследование бесчисленных существ, мелькавших в нем, словно на заре в мифологической роще, он уже не мог принуждать себя к общению с людьми для заработка или забавы, а потому был беден и одинок" (курсив наш. — A. M.) [СЗ. 1937. № 64. С. 105].

Результатом этих мнемонических "епифаний" становится очевидное предпочтение, которое отдает Федор русскому прошлому перед эмигрантским настоящим, он ощущает себя хранителем этого прошлого, ищет его "прорывы" в серых берлинских буднях, замечая и расшифровывая "узоры" своей судьбы. Тем самым герой романа упраздняет время, совершает мгновенные переходы из одной пространственно-временной области в другую, реконструирует ушедшее, сообразуясь со "знаками" настоящего.

Тема извлекаемого из глубин памяти прошлого – в парадигме платоновского "анамнезиса о потерянном рае" - четко прослеживается и в работах крупнейшего русского философа Л. Шестова, особенно в его основополагающей работе "На весах Иова", большая часть которой увидела свет на страницах "Современных записок" в рамках философского дискурса журнала. На это обстоятельство указывал Б. Аверин в своем сравнительном анализе "иммемориальных" моделей Шестова и Набокова: «В 1920-е годы статьи Льва Шестова регулярно печатались в тех же "Современных записках", где публиковались произведения Набокова (а с 1920-го по 1930 год там было напечатано двенадцать статей Шестова). Далекий от патетики Шестова, Набоков, тем не менее, если не испытал прямого воздействия этого философа, то, во всяком случае, был несомненно вовлечен в круг развиваемых им идей, одновременно и характерных для эпохи, и выбивающихся из общего ряда своей парадоксальной остротой» [1, 57].

Действительно, во второй главе "Весов Иова" "Дерзновения и покорности", частями выходившей в "Современных записках" (СЗ. 1922. № 13; 1923. № 15), Шестов противопоставляет детское и взрослое мировосприятие. Он говорит, что истинное — "абсолютное" — знание дано лишь тем, кто способен воскрешать свое детство, возвращаться к своим глубинным истокам. «Мы должны были бы учиться у детей, — пишет философ, — и ждать от них откровений. Весь наш философский интерес, вся наша "чистая" любознательность должна была быть направлена к тому, чтобы вос-

становить в своей памяти то, что мы восприняли в счастливую пору, когда для нас были еще новы все впечатления бытия и когда мы воспринимали действительность, не подчиняясь постулатам, диктуемым практическими нуждами. Если мы хотим "абсолютного" знания, если мы хотим видеть "непосредственно", как видит живое и разумное существо, не связанное "предпосылками", не умеющее еще ничего бояться и боящееся даже быть "страшным" – terrible, первой заповедью для нас должно быть: будьте, как дети. Но это не дано взрослым. Взрослые "прокладывают себе путь" в жизнь – им некогда вспоминать. <...> Только старики, особенно глубокие, очень глубокие старики, да люди, у которых "нет будущего", живут прошлым, и больше всего отдаленным прошлым, своей ранней молодостью, детством. Но стариков так же мало слушают, как и детей, как и "лишних" людей» [10, 197-198]. Как видно, здесь Шестов, говоря о двух - истинном и ложном - типах "знания", касается вопроса "экзистенциального пробуждения" человека, активизируя тем самым столь актуальную для эмигрантского культурного кода оппозицию частное/общее.

Проблему экзистенциального одиночества Шестов развивает и несколькими страницами выше в XIX главе "Дерзновений" "Две логики", в которой философ предлагает сравнить логику разума и логику "откровения", отдавая предпочтение последней: «Целую вечность тебя не было, и ты об этом не горюешь, не говоришь, что не можешь понять, как мог мир существовать без тебя. А по поводу вечности в будущем, когда тебе предстоит не быть, ты утверждаешь, что это неприемлемо. Ясно, что ты непоследователен. Но есть и другая логика: раз я уже вырвался из ничто, стало быть, кончено, я больше в ничто не обращусь. И вторая "вечность" – моя. – Так отвечает несговорчивый упрямый спорщик. И с таким – разум ничего не поделает собственными средствами» [СЗ. 1923. № 15. С. 180].

Характерно, что идентичная проблематика ставится и Набоковым в начале "Дара" (когда Федор говорит о самых ранних своих воспоминаниях), чтобы несколько лет спустя с поистине шестовским профетизмом быть разрешенной в "Других берегах", – впрочем, не раз и не навсегда: "А ведь комната действительно трепетала, и это мигание, карусельное передвижение теней по стене, когда уносится огонь... все это самые ранние, самые близки к подлиннику из всех воспоминаний. Я часто склоняюсь пытливой мыслью к этому подлиннику, а именно — в обратное ничто; так, туманное состояние младенца мне всегда кажется медленным выздоровлением после страшной болезни, удалением от изначального небытия, - становящимся приближением к нему, когда я напрягаю память до последней крайности, чтобы вкусить этой тымы и воспользоваться ее уроками ко вступлению во тыму будущую; но, ставя жизнь свою вверх ногами, так что рождение мое делается смертью, я не вижу на краю этого обратного умирания ничего такого, что соответствовало бы беспредельному ужасу, который, говорят, испытывает даже столетний старик перед положительной кончиной, — ничего, кроме разве упомянутых теней...» (курсив наш. — A. M.) [C3. 1937. № 63. С. 13-14].

Находящаяся в крайней степени напряжения память способна, по Набокову, даже в хаосе увидеть космос, в ничто узреть бытие, упразднить не только время, бросить вызов даже самой смерти — и в этих интенциях на текстуальном пространстве "Современных записок" он не одинок. Условием этого напряжения, этой усиленной работы памяти служит "созидающее" забвение, у которого, однако, всегда есть риск превратиться в свою противоположность — в забвение окончательное, "разрушающее".

И память, и это "разрушающее" забвение получают в "Даре" смысловую гомогенность в рамках символических фигур, каждая из которых по-своему репрезентирует данные проблемнотематические категории. Эти символические фигуры выступают как варьирующиеся элементы соответствующей инвариантной целостности, семантика которой уже определена нами в ходе анализа набоковской теории "мнемонического возвращения". Первой (и не составляющей семантической пары) такой фигурой выступает возлюбленная Федора, Зина Мерц. В каком-то смысле скрытой "движущей силой" сюжетного механизма "Дара" и является тайная "работа судьбы", сводящей этих двух героев, о чем и собирается написать Федор в конце подошедшего к своему концу-началу романа.

Полноправным объектом повествования Зина становится лишь к середине "Дара", когда Федор начинает понимать, что Мерц принадлежит к тому же миру, что и он сам. "Что его больше всего восхищало в ней? Ее совершенная понятливость, абсолютность слуха по отношению ко всему, что он сам любил. В разговорах с ней можно было обходиться без всяких мостиков, и не успевал он заметить какую-либо забавную черту ночи, как уже она указывала ее. И не только Зина была остроумно и изящно создана ему по мерке очень постаравшейся судьбой, но оба они, образуя одну тень, были созданы по мерке чего-то не совсем понятного, но дивного и благожелательного, бессменно окружавшего их" [СЗ. 1937. № 65. C. 67].

Зина становится для Федора неотделима от всего, что он любит, чувствует, что составляет саму

его суть. Она начинает словно составлять саму ткань той книги, которую собирается писать Федор и которую парадоксальным образом мы читаем в данный момент. Рискуя впасть в банальность, укажем, что Зина выступает своеобразной музой для Федора, а музы — и Набокову это было хорошо известно – это дочери памяти (Мнемозины), что и обыгрывает герой "Дара" в посвященном своей возлюбленной стихотворении: "Как звать тебя? Ты полу-Мнемозина, полумерцанье в имени твоем, - и странно мне по сумраку Берлина с полувиденьем странствовать вдвоем. Но вот скамья под липой освещенной ... Ты оживаешь в судорогах слез: я вижу взор, сей жизнью изумленный, и бледное сияние волос. Есть у меня сравненье на примете, для губ твоих, когда целуешь ты: нагорный снег, мерцающий в Тибете, горячий ключ и в инее цветы. Ночные ниши, бедные владения, - забор, фонарь, асфальтовая гладь – поставим на туза воображения, чтоб целый мир у ночи отыграть! He облака — а горные отроги; костер в лесу, — не лампа у окна... О поклянись, что до конца дороги ты будешь только вымыслу верна..." (курсив наш. - A. M.) [C3. 1937. № 65. C. 43].

Уже в начале этого стихотворения, которое сочиняет герой в течение всего дня, отчетливо прослеживается эффект тех же епифаний – просвечивание далекого и прошлого в близком и настоящем. Ожидая прихода Зины на вечернее свидание, Федор, завершая свое стихотворение, погружается в иное время-пространство. "Вот и получается, что даже Берлин может быть таинственным. Под липовым цветением мигает фонарь. Темно, душисто, тихо. Тень прохожего по тумбе пробегает, как соболь пробегает через пень. За пустырем как персик небо тает: вода в огнях, Венеция сквозит, – а улица кончается в Китае, а та звезда над Волгою висит. О, поклянись, что веришь в небылицу, что будешь только вымыслу верна, что не запрешь души своей в темницу, не скажешь, руку протянув: стена" [C3. 1937. № 65. C. 66-67].

Т.е. Федор пишет о той же "космической синхронизации", достигаемой с помощью памяти-воображения, теперь символически заключенной в образе Зины Мерц. "Маршрут" же его воображаемого путешествия (Волга, Китай, Тибет, Венеция) соответствует — или служит прямой отсылкой — путешествиям *отца* Федора — второй символической фигуры, репрезентирующей в "Даре" мифологему возвращения.

Фигура отца, обладающая, бесспорно, для Федора определенной степенью сакральности, связана по меньшей мере с двумя важными для нас интенционалами. Во-первых, явные автобиографические черты этого образа давно стали топосом в набоковедении. Гибель любимого отца

стала настоящей травмой для писателя, и Федоровские искания на этом фоне выглядят своеобразной данью памяти Владимира Дмитриевича. Во-вторых, поиск отца/сына сам по себе является распространенным мифологическим мотивом (см. "Одиссею" и сравниваемый с "Даром" джойсовский "Улисс"), в контексте которого ожидание возвращения отца и участие в воображаемой экспедиции есть ожидание возвращения домой, в рай детства, символическое путешествие к утраченным истокам. Во сне он видит возвращение отца, вновь слышит его голос, "и это опять значило, что все хорошо и просто, что это и есть воскресение, что иначе быть не могло, и еще: что он доволен, доволен, – охотой, возвращением, книгой сына о нем, - и тогда наконец все полегчало, прервался свет, и отец уверенно-радостно раскрыл объятья. Застонав, всхлипнув, Федор шагнул к нему, и в сборном ощущении шерстяной куртки, больших ладоней, нежных уколов подстриженных усов наросло блаженно-счастливое, живое, не перестающее расти, огромное, как рай, тепло, в котором его ледяное сердце растаяло и растворилось" (курсив наш. – А. М.) [СЗ. 1938. № 67. С. 132].

Возвращение (и поиски) отца в художественном мире Набокова призвано репрезентировать те же символические значения, что и возвращение/"воскрешение" Машеньки из одноименного первого романа Набокова, о чем, рисуя свой изгнаннический опыт, и говорит писатель в "Других берегах": «... и с тех пор на несколько лет потеря родины оставалась для меня равнозначной потере возлюбленной, пока писание, довольно, впрочем, неудачной, книги ("Машенька") не утолило томления» [6, 296]. "Утолять томление" по России своего детства и юности Набокову предстояло и впредь, но, как мы убеждаемся, в рамках иных символических фигур. Третьим из них в "Даре" выступает образ Пушкина, личность, жизнь и творчество которого играли для Набокова такую огромную роль.

Фигура Пушкина, подобно древним теофаниям, освещает собой весь мир набоковского "Дара", но "формально" она связана с фигурой Константина Кирилловича, отца Федора. Именно чтение пушкинской прозы "наталкивает" (ср. механизм прустовских "припоминаний") Федора на мысль о написании книги об отце: «"Жатва струилась, ожидая серпа". Опять этот божественный укол! А как звала, как подсказывала строка о Тереке ("то-то был он ужасен!") или – еще точнее, еще ближе – о татарских женщинах: "Оне сидели верхами, окутанные в чадры: видны были у них только глаза да каблуки". Так он вслушивался в чистейший звук пушкинского камертона — и уже знал, чего именно этот звук от него требует. Спустя недели две после отъезда матери он ей написал про то, что замыслил, что замыслить ему помог прозрачный ритм "Арзрума", и она отвечала так, будто уже знала об этом. <...> Но он еще ждал, — от задуманного труда веяло счастьем, он спешкой боялся это счастье испортить, да и сложная ответственность труда пугала его, он к нему не был еще готов. В течение всей весны продолжая тренировочный режим, он питался Пушкиным, вдыхал Пушкина, — у пушкинского читателя увеличиваются легкие в объеме. Учась меткости слов и предельной чистоте их сочетания, он доводил прозрачность прозы до ямба и затем преодолевал его, — живым примером служило:

Не приведи Бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный.

Закаляя мускулы прозы, он, как с железной палкой, ходил на прогулку с целыми страницами "Пугачева", выученными наизусть» [СЗ. 1937. № 64. С. 120-121].

Вряд ли можно назвать случайным, что выбор пал именно на эти знаменитые пушкинские строки и на "Историю пугачевского бунта" - будучи помещенными в "русский текст" "Современных записок", они (как и отсылки к Французской революции в иных случаях) формируют особый контекст путешествию и возвращению отца Федора, ведь именно в результате "бессмысленного и беспощадного" русского бунта его возвращение, впрочем, как и возвращение автора-героя "Дара", становится невозможным. Осуществиться оно может лишь символически, вместе с символизирующим "истинную" Россию голосом Пушкина: «Пушкин входил в его кровь. С голосом Пушкина сливался голос отца. Он целовал горячую маленькую руку, принимая ее за другую, крупную, руку, пахнувшую утренним калачом. <...> Он слышал, как свежим летним утром, когда спустились к купальне, на дощатой стенке которой золотом переливалось отражение воды, отец с классическим пафосом повторял то, что считал прекраснейшим из всех когда-либо в мире написанных стихов: "Тут Аполлон – идеал, там Ниобея - печаль", и рыжим крылом да перламутром ниобея мелькала над скабиозами прибрежной лужайки, где в первых числах июня попадался изредка маленький "черный" аполлон. <...> От прозы Пушкина он перешел к его жизни, так что вначале ритм пушкинского века мешался с ритмом жизни отца. <...> ...Россия еще долго будет ощущать живое присутствие Пушкина» [С3. 1937. № 64. C. 121-122].

Пушкин как носитель классического, гармонизирующего, космического начала занимал совершенно особое место в культуре русского зарубежья "первой волны", в целом остававшейся довольно чуждой каким бы то ни было модернистским поискам. Нельзя не учитывать

тот факт, что, как и в Советской России, в эмиграции создавался свой "миф о Пушкине", поэт так же становился символической фигурой и в этой парадигме - даже средством достижения политических целей. Советскому Пушкину-"революционеру" в эмиграции часто противопоставлялся "имперский" Пушкин, хранитель славных и вечных – ныне попранных – русских духовных традиций, традиций свободы, красоты и гармонии. Разумеется, формирование "эмигрантского мифа" о Пушкине шло прежде всего на страницах зарубежной периодики. Как пишет И. Симачева в работе, посвященной этому феномену, "эмиграция восприняла и сумела бы сделать частью своего бытия только такую Пушкиниану, которая соотвествовала задачам, вставшим перед Зарубежной Россией. <...> Великая идея для русских всегда отождествлялась с именем. И тогда многое, казавшееся недостижимым, становится возможным. С таким феноменом национальной психологии столкнулась и эмиграция. Для всех цель был ясна – низвержение большевизма в России. Требовалось имя для реализации этой цели. Таким именем стало имя Пушкина..." [8, 9].

Дискредитация большевизма как самая общая цель, стоящая перед руководством "Современных записок", служила еще одним стимулом для обращения на страницах журнала (и, как увидим, зачастую в рамках одних и тех же номеров) к символической фигурой Пушкина, особенно в год празднования столетнего юбилея поэта. Поэтому далеко не случайно, что в номерах журнала именно этого года появились не только многочисленные статьи и заметки о Пушкине, но и "пушкинские страницы" "Дара". Среди первых обращают на себя внимание, например, большие работы В. Вейдле и М. Цветаевой, проблемнотематический и даже образный рисунок которых - хотя и каждый по-своему - коррелирует с аналогичными структурами "Дара".

В. Вейдле, которому, как и И. Бунину, претила эстетизация блоковских "скифов" и апологетика большевистской "Азии", главным условием возрождения России и возвращения всех русских к своим истинным духовным истокам считал воссоединение России с Европой. Одним из главных символов этого возвращения в лоно Европы — наряду с Петром I — Вейдле считал Пушкина, о чем и писал на страницах "Современных записок" в большой статье "Пушкин и Европа". Пушкин предстает у него как носитель цивилизованного, культурного - "классического" - начала, ныне забытого и попранного: "Европа смакует русскую экзотику, но в Пушкине не узнает себя; если же узнает, то узнанного не ценит: ей хочется чего-нибудь поострее, поизломанней... А Россия, знает ли она еще, что Пушкин не только Пушкина ей дал, но и Данте, и Шекспира, и Гете, — а потому и Гоголя, и Толстого, и Достоевского, что в его творчестве больше, чем во всех революциях и переворотах, совершилась судьба его страны, что из всех великих дел, начатых и задуманных у нас, ни одно не осуществлялось так сполна, как его дело, и что все, Россией за сто лет возвращенное или подаренное Европе, родилось из его труда и пронизано светом его гения?" [СЗ. 1937. № 63. С. 231].

В отличие от Вейдле, в основу своей статьи положившего смысловой потенциал важнейший для эмигрантской культуры оппозиции Восток/ Запад, цветаевский образ Пушкина лишен геополитической составляющей. Так, в эссе "Мой Пушкин" (хотя и здесь одним из главных мотивов выступает столь репрезентативный для эмиграции символический мотив поэта и толпы) рисуется камерный, личностно прочувствованный образ Пушкина, пропущенный через самые глубокие - как мы видели у и Набокова с Шестовым - ∂e текие впечатления и воспоминания. И все же в парадигме смысловых значений "русского текста" журнала приоритетным выглядит образ Пушкинаизгнанника, символическое прощание которого с морем воспринимается - в ретроспективе эмигрантского взгляда - как своеобразная модель прощания с Россией: «И еще одно: пушкинское море было — море прощания. Так — с морями и людьми – не встречаются. Так – прощаются. Как же я могла, с морем впервые здороваясь, ощутить от него то, что ощущал Пушкин – навсегда с ним прощаясь. Ибо стоял над ним Пушкин тогда в последний раз. Мое море – пушкинской свободной стихии – было море последнего раза, последнего глаза. Оттого ли, что я маленьким ребенком столько раз своею рукой писала: "Прощай, свободная стихия!" - или без всякого оттого - я все вещи своей жизни полюбила и пролюбила прощанием, а не встречей, разрывом, а не слиянием, не на жизнь – а на смерть» [СЗ. 1937. № 64. С. 235]. Хорошо видно, что здесь Цветаева говорит не столько о Пушкине, сколько о себе. Она проецирует эмоционально-образный ресурс "К морю" на собственную судьбу изгнанника, когда вынужденный эскапизм достигает уровня метафизического экзистенциала, а обретающий плоть факт возвращения становится невозможным - и трагическая смерть самой Цветаевой служит лишь тому подтверждением.

Такому — включенному в систему идентичных и коррелирующих значений на пространстве "русского текста" журнала — смысловому наполнению образа Пушкина в "Даре" противостоит четвертая символическая фигура романа, призванная обеспечить семантическую реализацию второй

части оппозиции память/забвение. Это образ Н. Г. Чернышевского, обрисовка которого вызвала, как мы помним, столь неоднозначную реакцию эмигрантских, в первую очередь либеральных, литературных кругов. Подобно тому, как массовое мифологическое сознание атрибутирует Набокова как преимущественно автора "Лолиты", так и почти во всякой публикации, посвященной "Дару", речь идет о Чернышевском. Поэтому, отказываясь от лишенного смысла дублирования уже сказанного, сосредоточимся на тех значениях образа, которые представляются когруэнтными смысловому полю "русского текста". Одним из нейтральных определений, которыми критики награждали "Жизнеописание Чернышевского", написанное Федором и отвергнутое как реальной, так и виртуальной эмигрантской общественностью, была пародия. Но, как мы доказывали ранее, пародийной инверсии прежде всего подвергается область формы "Жизнеописания" (в большей степени – его композиционный уровень), а не содержательная сторона сочиняемого Федором "текста в тексте". Т. е. в первую очередь дезавуация касается объекта и традиционного хронологического повествования классических "романизированных биографий": во-первых, Чернышевский выступает антигероем биографического повествования, во-вторых, само оно структурировано не как линейно выстроенный рассказ о событиях его жизни, а в виде поступательно сменяющих друг друга тем (темы очков, темы слез и т. д.). При этом темы периодически возобновляются, создавая круговую композиционную структуру, в миниатюре повторяющую структуру всего "Дара".

В плане же содержания "Жизнеописание Чернышевского" лишено тех инверсионных механизмов, которые лежат в основе его формальной структуры. Набоков очень далек от какого бы то ни было пародирования привычного для всех героического образа "великого шестидесятника", его трактовка в четвертой главе "Дара" вполне самостоятельна. С особенной отчетливостью это проявляется при учете тех значений, которые гарантируют адекватное вхождение образа в "русский текст" "Современных записок". Вишняк, объясняя отказ редакции напечатать четвертую главу "сомнительностью художественности изображения", скорее всего, хитрил – нельзя не заметить, что автор "Жизнеописания" в первую очередь преследовал совершенно определенную политическую цель. Она становится ясна уже тогда, когда у Федора возникает замысел будущей книги, и он объясняет причины ее появления отнюдь не биографическим интересом. Листая советский шахматный журнальчик "8х8" с помещенной на его страницах статейкой "Чернышевский и шахматы" "с портретом жидкобородого старика,

исподлобья глядящего через очки", герой "Дара" неожиданно испытывает досаду: «Вдруг ему стало обидно - отчего это в России все сделалось таким плохоньким, корявым, серым, как она могла так оболваниться и притупиться? Или в старом стремлении "к свету" таился роковой порок, который по мере естественного продвижения к цели становился все виднее, пока не обнаружилось, что этот "свет" горит в окне тюремного надзирателя, только и всего? Когда началась эта странная зависимость между обострением жажды и замутнением источника? В сороковых годах? В шестидесятых? И "что делать" теперь? Не следует ли раз навсегда отказаться от всякой тоски по родине, от всякой родины, кроме той, которая со мной, во мне, пристала, как серебро морского песка к коже подошв, живет в глазах, в крови, придает глубину и даль заднему плану каждой жизненной надежды? Когда-нибудь, оторвавшись от писания, я посмотрю в окно и увижу русскую осень» [СЗ. 1937. № 65. С.65].

Уже в этом пассаже содержится сразу несколько красноречивых (мифо)исторических и идеологических манифестаций, имеющих для наших целей большую важность. Главное — Федор (Набоков) сразу объясняет свое обращение к фигуре Чернышевского стремлением найти истоки современного ему советского тоталитаризма, некое мифологическое Начало большевизма, зародившегося из порочного зерна, брошенного на благодатную почву в далеких "сороковых" и "шестидесятых". И в этом смысле Чернышевский предстает не как отдельная личность, требующая к своей жизни самостоятельного внимания, но как символ этого Начала, символ русского революционно-демократического движения вообще, что не могло, конечно, выпасть из поля зрения редакции, спокойно пропустившей, впрочем, следующую набоковскую инвективу в адрес свободолюбивых "отцов". Вспоминая первые дни русской революции, Федор пишет: "На вокзале была мерзкая, животная суета: это было время, когда щедрой рукой сеялись семена цветка счастья, солнца, свободы. Он теперь подрос. Россия заселена подсолнухами. Это самый большой, самый мордастый и самый глупый цветок" [С3. 1937. № 65. C.40].

Кроме того, Набоков вновь противопоставляет (и будет развивать это разграничение и далее) оживляющую творческую *память*, символом которой служит Пушкин (а именно к нему отсылает образ "русской осени"), и разъедающее самый объект этой памяти — Россию — *забвение*, символом которой выступает Чернышевский. Поэтому именно ему — но как символу чуждых Набокову деструктивных эстетических и идеологических начал, а не как самостоятельной личности, — и

посвящена четвертая глава "Дара". От фигуры Чернышевского Набоков проводит совершенно четкую прямую к фигуре его "непрямого" наследника – Ленина, близость философских, идейных и эстетических взглядов которого с воззрениями его предтечи педалируется автором "Дара" на протяжении всего "Жизнеописания". Впрочем, эту связь улавливал не один Набоков: «Ленин считал, что Чернышевский "единственный действительно великий писатель, который сумел с пятидесятых годов вплоть до 1888 (скостил ему один год) остаться на уровне цельного философского материализма". Как-то Крупская, обернувшись на ветру к Луначарскому, с мягкой грустью сказала ему: "Вряд ли кого-нибудь Владимир Ильич так любил... Я думаю, что между ним и Чернышевским было очень много общего". "Да, несомненно было общее, – добавляет Луначарский, сначала было отнесшийся к этому замечанию скептически. – Было общее и в ясности слога, и в подвижности речи... в широте и глубине суждений, в революционном пламени... В этом соединении огромного содержания и внешней скромности, и, наконец, в моральном облике этих людей". Статью Чернышевского "Антропологический принцип в философии" Стеклов называет "первым философским манифестом русского коммунизма"; знаменательно, что этим первым манифестом был школьный пересказ, ребяческое суждение о труднейших моральных вопросах» (курсив наш. — A. M.) [5, 423—424].

Философское и идейно-политическое убожество "деда" и "отца" русской революции Набоков соотносит с их эстетическим инфантилизмом: «Как поэта он [Чернышевский] ставил Некрасова выше всех (и Пушкина, и Лермонтова, и Кольцова). У Ленина "Травиата" исторгала рыдания; так и Чернышевский признавался, что поэзия сердца все же милее ему поэзии мысли, и обливался слезами над иными стихами Некрасова (даже ямбами!), высказывающими все, что он сам испытал, все терзания его молодости, все фазы его любви к жене. <...> Звуки Некрасова были, таким образом, милы Чернышевскому, т. е. как раз удовлетворяли его незамысловатой эстетике, за которую он всю жизнь принимал собственную обстоятельную сентиментальность» [5, 429-430].

Даже за пределами опальной четвертой главы Набоков недвусмысленно располагает русских демократических критиков и Ленина на одном эстетическом пространстве, что парадоксальным образом прошло мимо редакторов "Современных записок": «Белинский, любивший лилии и олеандры, украшавший свое окно кактусами (как Эмма Бовари), хранивший в коробке из-под Гегеля пятак, пробку да пуговицу и умерший с речью к русскому народу... поражал воображение Федора Константиновича такими перлами

дельной мысли, как, например: "В природе все прекрасно, исключая только те уродливые явления, которые сама природа оставила незаконченными и спрятала во мраке земли и воды (моллюски, черви, инфузории и т. п.", - точно так же, как у Михайловского легко отыскивалась брюхом вверх плавающая метафора вроде следующих слов (о Достоевском): "...бился как рыба об лед, попадая временами в унизительнейшие положения"; из-за этой униженной рыбы стоило продираться сквозь все писания "докладчика по делам сегодняшнего дня". Отсюда был прямой переход к современному боевому лексикону, к стилю Стеклова... к слогу Ленина, употреблявшему слова "сей субъект" отнюдь не в юридическом смысле, а "сей джентльмен" отнюдь не применительно к англичанину, и достигший в полемическом пылу высшего предела смешного: "...здесь нет фигового листочка... и идеалист прямо протягивает руку агностику". Русская проза, какие преступления совершаются во имя твое! "Лица – уродливые гротески, характеры - китайские тени, происшествия – несбыточны и нелепы", – писалось о Гоголе, и этому вполне соответствовало мнение Скабичевского и Михайловского о "г-не Чехове"; то и другое, как зажженный тогда шнур, ныне разрывало этих критиков на мелкие части» [СЗ. 1938. № 66. C. 29].

Совершенно ясно, что Чернышевский дезавуируется Набоковым прежде всего как фетиш и "духовный отец" русского революционного движения вообще, вне зависимости от того, в большевистском или эсеровском изводе оно представлено, и именно этого знака равенства автору "Дара" не смогли простить наследники "Современника" и "Отечественных записок". Прощая и принимая очень многое, они не смогли закрыть глаза на явную десакрализацию фигур своих священных предков — колоссов сороковых и шестидесятых, не потерпели покушения со стороны своих неожиданно взбунтовавшихся "детей" на великое и неприкосновенное Начало "нового и дивного мира".

Таким образом, мифологема Возвращения репрезентируется во включенном в поле "русского текста" "Современных записок" "Даре" в смысловых рамках целого ряда символических фигур — Зины Мерц, отца Федора, Пушкина и Чернышевского. Каждая из них, в свою очередь, по-своему репрезентирует тот или иной вектор Возвращения, движущийся в границах оппозиции память/забвение. И если первые три фигуры призваны символизировать подлинное возвращение, воскрешенную с помощью творческой памяти Россию детства и юности Федора-Набокова, то последняя, символизируя

русскую революционно-демократическую традицию, выступает и как сигнификат того забвения, в которое оказалась погружена современная эмигрантам Советская Россия. О том, что это забвение уже окончательное, уносящее райскую Россию детства в смерть, говорит любопытный эпизод в самом конце первой главы "Дара", где Федор обсуждает в воображаемом разговоре с поэтом Кончеевым свое новое стихотворение: "Посмотрим, как это получится: вот этим с черного парома сквозь (вечно?) тихо падающий снег (во тьме в незамерзающую воду отвесно падающий снег) (в обычную?) летейскую погоду вот этим я ступлю на брег" (курсив наш. — А. М.).

Набоков контаминирует последнюю строку стихотворения и внутренний монолог Федора, указывая конечный пункт переплывающего реку забвения героя: "...и медленно вращается паром. Домой, домой". И лишь в ходе беседы Кончеев замечает: "Знаете, о чем я сейчас подумал: ведь рекато, собственно, — Стикс» [СЗ. 1937. № 63. С. 86].

Преодоление символического Леты-Стикса как залог возвращения домой предстоит и герою другого набоковского романа "Подвиг" — уже по иным волнам, но все к тем же берегам.

ЛИТЕРАТУРА

- 1. Аверин Б. Дар Мнемозины / Б. Аверин. СПб.: Амфора, 2003. 399 с.
- 2. Бойд Б. Владимир Набоков: русские годы: Биография / Б. Бойд. М.: Независимая газета; СПб.: Симпозиум, 2001. 695 с.
- 3. Вишняк М. В. "Современные записки": Воспоминания редактора / М. В. Вишняк. СПб.: Изд-во "Logos"; Дюссельдорф: Голубой всадник, 1993. 240 с.
- 4. Ерофеев В. Набоков в поисках потерянного рая / В. Ерофеев // Набоков В. Другие берега: Сборник. М.: Книжная палата, 1989. С. 5-17.
- 5. Набоков В. В. Дар / В. В. Набоков // Русский период. Собрание сочинений: В 5 т. СПб.: Симпозиум, 2000. T.4. 784 с.
- 6. Набоков В. В. Другие берега / В. В. Набоков // Русский период. Собрание сочинений: В 5 т. СПб.: Симпозиум, 2000. Т.5. 832 с.
- 7. Рикер П. Память, история, забвение / П. Рикер. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 2004.-728 с.
- 8. Симачева И. Ю. Пушкиниана Русского Зарубежья в периодике Франции 20-30-x гг. / И. Ю. Симачева. М.: МПУ, 2000.-155 с.
- 9. Хайдеггер М. Бытие и время / М. Хайдеггер. М.: Ad Marginem, 1997. 452 с.
- 10. Шестов Л. Сочинения: В 2 т. / Л. Шестов. М.: Наука, 1993. Т.2. 560 с.

СПЕЦИФИКА УПОТРЕБЛЕНИЯ РУССКОГО СЛОВА "*ОДИН*"

© 2008 Шао Наньси

Воронежский государственный университет

"Один человек плюс один человек равно два один-человека" — так писал А. Битов в одном из своих рассказов. В этом высказывании сформулирована глубокая мысль об абсолютном одиночестве человека, несмотря ни на что, и дело вовсе не в количестве тех, кто его окружает.

Считается, что одной из первых количественных дихотомий человеческого мышления была дихотомия "один — много" и что число "два" возникло в сознании человека раньше, чем "один". "До тех пор, пока существовало только представление единицы, не могло быть и речи о количественном мышлении", — писал И. А. Бодуэн де Куртенэ [1, 315].

Первоначально слово "*один*" употреблялось для того, чтобы выделить некоторую единицу из множества (ряда) подобных ей единиц, а не для обозначения количества. Не случайно в разговорной речи оно было вытеснено словом "*раз*", которое точно передает идею начала счета.

Загадочность слова "*один*" заключается в трудности квалификации его лексико-грамматического класса и семантики в разных контекстах.

Обнаружилось, что, будучи компонентом высказывания, в том числе разных устойчивых выражений (фразеологизмов, пословиц и поговорок), слово "один" может выступать в роли разных частей речи: местоимения, числительного, прилагательного, существительного, наречия или частицы. В этом заключается семантическая особенность слова "один".

Сделаем небольшой экскурс в историю.

В древних текстах, по свидетельству В. Н. Топорова, слово "*один*" встречается редко, а если оно использовалось, то только в значении не столько первого элемента числового ряда, сколько в значении целостности, нерасчлененности. Данные этимологических словарей дают основание считать, что оно образовалось путем сложения древних русских основ: "*ед*" — со значением "именно", "только" и "*ин*" — со значением "некоторый", "какой-то". Позже за словом "*один*" закрепляется категориальное значение числительного "один" — "единица", "один из нескольких" [5, 78-79]. Однако есть мнение, что слово "один" никак не поддается этимологизации. По мысли Н. Будинова, «в некоторых языках предметную основу слова "один" можно реконструировать следующим образом: числительное "один" передается словом "человек". Собственно слово "человек" передает не столько число "один", сколько способность человека быть "отдельным"» [2, 42-43].

Некоторые считают, что вообще все числительные "явно оказываются производными от знаков языка жестов" [3, 51]. Есть также предположение, что слово "единъ" (или местоимение "инъ") употреблялось скорее для того, чтобы выделить некоторую единицу из ряда (множества) ей подобных, чем для того, чтобы так обозначить количество [4].

В русском языке существует большое количество устойчивых оборотов, компонентом которых является слово "один". По нашим данным, их насчитывается около 150. Выступая в роли такого нумеративного компонента, слово "один" может актуализировать свое первичное, этимологическое значение выделенности. В этом случае оно приобретает признаки частицы "только" или "лишь" и утрачивает номинативную функцию:

Одни заплатки, хозяина не видать.

Одни кожа да кости.

Подаришь уехал в Париж, остался один купишь.

Загадочность русского слова "один" состоит еще и в том, что в других контекстах оно вдруг начинает выполнять дейктическую функцию в результате процесса прономинализации. Приобретая эту характерную для местоимений функцию, это слово становится указательным местоимением в следующих устойчивых нумеративных выражениях:

В одном кармане— вошь на аркане, в другом — блоха на цепи—

так говорят об очень бедном человеке.

Один глаз на нас — другой в Арзамас —

так шутят, когда имеют в виду физический недостаток человека – косоглазие.

B одно ухо входит (влетело) — в другое выходит (вылетело) —

так упрекают невнимательного или непослушного человека.

В некоторых устойчивых выражениях слово "*один*" вдруг начинает приобретать признаки существительного. Например:

Этому одно, тому другое.

В результате процесса субстантивации в семантической структуре слова "один" появляются семы предметности и обобщенности. Однако присутствует и сема информативной недостаточности, впрочем, и сема количества не исчезает полностью. Слово "один" способно приобретать признаки прилагательного. В этом случае оно становится способным называть признак предмета за счет появления семы "единственности" или "одинаковости":

Одного поля ягоды —

так неодобрительно говорят об одинаково плохо поступающих людях.

Поставить на одну доску.

Стричь всех под одну гребенку —

Эти два последних выражения значат "приравнять какие-либо разные вещи".

Слово "один" способно адвербиализироваться и передавать категориальное значение наречия. Причем на семном уровне в наречии "один" объединяются признаки трех частей речи – числительного, прилагательного и наречия.

Все одно, что дерево, что бревно —

так говорят, когда хотят выразить безразличие по какому-либо поводу.

Такое многообразие функций, лексико-грамматических признаков и семантики делает это слово незаменимым структурным компонентом устойчивых нумеративных выражений, где оно способно оформлять заключенную в определенном обороте инвариантную пару противопоставлений на самые разные темы.

Например:

1. Один (мало, плохо) $\neq$ два (много и хорошо) Одна головня и в печи гаснет, а две и в поле горят.

Одна голова хорошо, две лучше

Один ≠ другой

Один с сошкой, другой с ложкой.

Одним глазом спит, а другим видит —

так говорят о человеке бдительном, который не дает себя перехитрить. Тот же смысл мы можем обнаружить в аллегорическом нумеративном выражении:

Курица одним глазом спит, а другим коршуна видит.

Говоря о бедном человеке, используют нумеративное шутливое устойчивое выражение:

В одном кармане сочельник, а в другом чистый понедельник.

Необходимо отметить, что данная пара противопоставлений оказалась чрезвычайно продуктивной; сегодня появились многочисленные модификации нумеративных устойчивых выражений в прессе.

Одни платят за учебу, другие — за диплом $[Aи\Phi, 13.09.2002].$

Одни преступают законы, другие вытирают об них ноги [АиФ, 13.09.2002].

3. Один ≠ все

Один в грехе, а все в ответе.

Устойчивые выражения с нумеративом "*один*" могут содержать в себе следующие идеи:

1. Быстроты действия:

Одна нога здесь, другая там.

Это выражение, вероятно, пришло из сказочных текстов, где фигурируют сапоги-скороходы. Приведенное выражение часто используется в русском общении как приказ быстро выполнить какое-либо действие, связанное с необходимостью пространственного передвижения.

2. Легкости выполнения действия при сохранении идеи быстроты:

Одним махом.

За один присест.

Одним росчерком пера.

3. Близости к какому-либо предмету или состоянию:

Один шаг.

Стоять одной ногой в могиле —

так говорят о неизлечимо больном человеке, близком к кончине.

4. Единения, совместности действия, поразному оцениваемую говорящими:

Bce как один = вместе.

B один голос = ϵ унисон.

В этих нумеративных выражениях заключена положительная оценка действий. Иначе в выражении

В одну дуду дудеть,

где имеется отрицательная оценка действия.

5. Единичности, единственности при осуждении двойственности, хотя осуждения или одобрение действий зависит от определенных контекстных условий, например:

Придерживаться одной линии.

Можно констатировать, что в устойчивых нумеративных выражениях слово "один" развило символическое значение неопределенно малого количества, передавая идеи быстроты, скорости, легкости и близости. Они способны передавать идеи единения, совместности действия, единичности суждений и позиций.

СПЕЦИФИКА УПОТРЕБЛЕНИЯ РУССКОГО СЛОВА "ОДИН"

Смысловая нагрузка во многих устойчивых выражениях с нумеративом "один" падает именно на это слово в разных формах. Оно привносит в структуру приведенных устойчивых обортов усилительно-ограничительные оттенок, оставаясь до сих пор так до конца и неразгаданным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бодуэн де Куртенэ И. А. Количественность в языковом мышлении / И. А. Бодуэн де Куртенэ

- // Избранные труды по языкознанию. М., 1963. Т. 11. С. 311-324.
- 2. Будинов Н. Один, два, три / Н. Будинов // Знание — сила. — 1980. - № 9. — С. 42-43.
- 3. Иванов В. В. Лингвистика и исследование аффазии / В. В. Иванов // Структурно-типологические исследования. М., 1962. С. 48-79.
- 4. Супрун А. Е. Славянские числительные / А. Е. Супрун. Минск, 1962. 217 с.
- 5. Чеснокова Л. Д. Имя числительное в современном русском языке / Л. Д. Чеснокова // Семантика, грамматика, функции. Р.-н/Д., 1997.

ОПЫТ СЕМНОГО ОПИСАНИЯ НАИМЕНОВАНИЙ ЛИЦ В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

© 2008 О.В. Паничкина

Липецкий государственный педагогический университет

Контрастивная лексикология является одним из наиболее молодых направлений современного языкознания, стремящихся найти свое место среди других языковедческих дисциплин, определить объект исследований и разработать методы анализа. Эта научная дисциплина изучает отдельные явления и единицы родного языка в сопоставлении со всеми возможными способами их передачи в изучаемом языке. Контрастивные лексикологические исследования дают материал для изучения процессов интернационализации современных литературных языков, которые отмечаются среди существенных тенденций их новейшей истории.

Условием контрастивного анализа является семное описание исследуемых лексических единиц. Как отмечает Стернин И. А.: "Семное описание сравниваемых лексем не входит непосредственно в задачи контрастивной лексикологии... но ее приходится выполнять, т. к. в сравниваемых языках такая работа не проделана и исследователю приходится подготавливать материал языка для сопоставления" [2, 47]. Этим и объясняется необходимость и важность семного описания лексических единиц интересующих нас лексических групп. Без детального семного описания значений исходного языка и языка сопоставления контрастивное исследование невозможно.

В своем исследовании мы исходим из понимания семы как минимального компонента значения, который отражает отличительный признак обозначаемого словом предмета, явления, процесса и способен различать значения слов [2].

Семное описание может быть осуществлено с применением ряда методов. В нашем исследовании мы использовали анализ словарных дефиниций и компонентный анализ. Компонентный анализ основан на представлении о том, что лексические единицы языка, подобно всем его другим единицам, образуют в системе языка упорядоченные ряды и со стороны своей вещественной семантики (в пределах этих рядов) находятся в

определенных парадигматических соотношениях друг с другом. Подобные сферы смысла принято обозначать такими терминами, как тематические ряды, лексические серии, лексико-семантические группы, лексико-семантические поля. В пределах ряда различные слова "ориентируют" свое значение друг на друга: все они имеют нечто общее в своей семантике, и каждое из них имеет что-то отличное, противопоставляемое семантике других слов. Поэтому посредством последовательно проводимых противопоставлений значение каждого слова может быть разложено на некоторые элементарные смыслы – дифференциальные семантические признаки (семы), в выявлении которых и состоит основная цель компонентного анализа [1].

Не вызывает сомнения тот факт, что точность и достоверность контрастивного исследования зависит от того, насколько полно и четко было дано семное описание значений лексических единиц в сопоставляемых языках. Исходя из понимания важности данного этапа, мы сочли необходимым полагаться не только на значения лексических единиц, приведенные в различных словарях, но и на языковой опыт носителей языка. В случае с исходным русским языком опыт исследователя кажется достаточным для подтверждения сем, выделенных в результате анализа лексикографического значения слов. Для языка сопоставления (английского) возникла необходимость использовать также экспериментальные способы семного описания.

Семный анализ лексических единиц показал, что значительное количество сем не представлено в словарных значениях. Наиболее полное описание сем в словарных значениях представлено на уровне денотативного компонента значения, коннотативный и функциональный компоненты значения значительно менее полно представлены в рассмотренных нами словарях.

В своей работе для верификации лексикографических данных мы использовали прием

лингвистического интервьюирования носителей языка методом анкетирования. Нами была составлена анкета, в которой предлагалось отразить денотативный, коннотативный и функциональный компоненты значения лексических единиц, наиболее всего вызывающих вопросы у исследователя.

Анкета имела следующий вид:

You are kindly asked to take part in the linguistic research. The aim of this research work is to find out the difference in the shades of meaning people imply using words given below. These are the words related to education, in particular with the meaning of either a teacher or a student. To participate in the research work you should fill in the given table. It is also desirable that before doing it you mention your age and profession. After that please follow this scheme:

- 1. Look at the word in the 1-st column.
- 2. Put down its meaning as you understand it in the 2-d column.
- 3. In the other columns choose the characteristic of the word from the options above.

Thank you	very much for your cooperation!	
Age:	Profession:	

ного компонентов предлагалось выбрать из предложенных вариантов. В качестве примера одна лексическая единица уже была внесена в таблицу. Участникам эксперимента предлагалось внести данные по поводу остальных лексических единиц по аналогии с представленным примером.

Всего в анкету было включено 36 лексических единиц, а именно: academician, alumnus, applicant, apprentice, boarder, coach, counselor, don, drop-out, fag, fellow, graduate, houseman, junior, lecturer, master, mentor, methodologist, pedagogue, postgraduate, prefect, reader, scholar, school kid, schoolmarm, senior, sophomore, supervisor, teaching assistant, teacher's pet/teacher's favorite, trainee, truant, tutor, undergraduate, visiting speaker/visiting professor, wonk.

В опросе приняли участие 30 носителей языка в возрасте от 18 до 70 лет различных профессий: преподаватели и студенты Калифорнийского Университета в Лос-Анджелесе (UCLA), преподаватели и обслуживающий персонал летнего лагеря, а также менеджеры и специалисты международных компаний, работающих в нашем регионе. Опрос проводился письменно, время для заполнения анкеты не ограничивалось.

WORD	meaning	* non-evalua- tive * evaluative: - derogative - appraising	* unemo- tional * emotional: (ironical/ insulting/ admi- rable)	* neutral * formal: - official - bookish - poetical * informal: - colloquial - impolite - expletive	* common * professional term (e.g. educational/ medical) * jargon (e.g. student)	* American * British * Standard English (both British & American)	* new * modern out-of- date	* frequent * non- frequent * rare
ACADEMIC	a person who works in a University & does scientific work	non-evalu- ative	unemo- tional	formal: official	educational term	standard English	modern	non- fre- quent
ACADEMICIAN								

Информантам была дана краткая информация о цели данного опроса и значении данной работы, а также подробно объяснялась последовательность заполнения анкеты. При этом информантам предлагалось самим определить семы денотативного компонента значения лексических единиц, а семы коннотативного и функциональ-

Вопреки нашим ожиданиям, результаты анкетирования показали, что изменения, внесенные в семное описание лексических единиц, были зафиксированы не только в отношении коннотативного и функционального компонентов значения, но и в денотативном компоненте.

Так, были добавлены следующие денотативные семы: alumnus — выпускник известной школы, колледжа или другого образовательного учреждения; apprentice — только начинает обучаться; boarder — часто проживает в комфортабельных условиях; coach — студент, помогающий другому студенту справиться с учебной работой; counselor — дает советы по поводу улучшения эмоционального состояния в процессе обучения; intern — проходит подготовку для индивидуальной работы; pedagogue — учитель в младшей или средней школе; teaching assistant — обычно не имеет ученой степени; wonk — эксперт в какой-либо области.

В основном изменения коснулись коннотативного и функционального компонентов. Нами была отмечена тенденция к позитивизации значений, т. е. неоценочные значения были изменены информантами на положительно оценочные (alumnus, junior). А в слове schoolmarm отрицательно оценочное значение было изменено на неоценочное.

Существенные изменения выявлены в функционально-территориальном и функциональностилистическом компонентах. В частности, несколько общенародных слов приобрели оттенок профессионального образовательного термина (graduate, lecturer, master, postgraduate), а слова schoolmarm и teacher's pet в ходе верификации изменили функциональную характеристику с общенародного на жаргонное. И, наконец, несколько общераспространенных слов были отмечены как американизмы (drop-out, reader, schoolkid).

Результаты проведенного анкетирования суммированы.

Основным результатом опроса информантов можно считать уточненное, верифицированное носителями языка семное описание исследуемых семем. Добавочные семы будут использованы в дальнейшем описании исследуемых единиц.

Результаты эксперимента подтвердили, что верификация сем является важным этапом семного анализа, поскольку в большинстве случаев только в результате интервьюирования носителей языка можно выявить коннотативные, а также функциональные компоненты значения лексической единицы, т. к. словари, имеющиеся в распоряжении в настоящий момент, практически не дают такой информации.

Исходя из данных исследования, можно сделать вывод о том, что необходимо обязательное введение в словарный комментарий толкования семантических компонентов, лежащих вне объема понятия лексической единицы и относящихся не только к денотативному, но и коннотативному, а также функциональному макрокомпонентам значения слова, поскольку

Лексические	ксические Результаты верификации значен			
единицы	Лексикографи-	Результаты		
	ческое описание	анкетирования		
Alumnus	неоцен.	полож. оценочн.		
	амер.	общераспр.		
	малоупотр.	употр.		
Boarder	книжн.	межстил.		
Don	совр.	устар.		
Drop-out	общерасрп.	амер.		
Graduate	общенародн.	проф. образов.		
		термин		
Houseman	амер.	брит.		
	совр.	устар.		
Junior	неоцен.	полож. оценочн.		
Lecturer	общенародн.	проф. образов.		
		термин		
Master	общенародн.	проф. образов.		
	_	термин		
Postgraduate	общенародн.	проф. образов.		
· ·	_	термин		
Prefect	малоупотр.	редк.		
Reader	общерасрп.	амер.		
Schoolkid	общераспр.	амер.		
Schoolmarm	отриц. оцен.	неэмоц.		
	презрит.	жарг.		
	общенародн.			
Senior	неоцен.	полож. оценочн.		
Supervisor	образов. термин	общенародн.		
	британск.	общерасрп.		
Teacher's pet	общенародн.	жарг.		
Truant	межстил.	книжн.		
Visiting	проф. образов.	жарг.		
speaker/ visiting	термин			
professor				

в этой сфере существуют важные дифференциации в языковом сознании носителей языка.

Практическим результатом семного анализа лексем может быть создание семных одноязычных и двуязычных контрастивных словарей.

ЛИТЕРАТУРА

- 1. Стернин И. А. Значение слова и его компоненты / И. А. Стернин. -Воронеж: Изд-во Истоки, 2003. 19 с.
- 2. Стернин И. А. Контрастивная лингвистика / И. А. Стернин. —Воронеж: Изд-во Истоки, 2004. $188\ c.$

ВРЕМЯ КАК РЕФЛЕКСИЯ ПРОСТРАНСТВА

(НА ПРИМЕРЕ КОНЦЕПТА «СУТОЧНОЕ ВРЕМЯ» В ИСПАНСКОМ ЯЗЫКЕ)

© 2008 Д.В. Пенталь

Воронежский государственный университет

На факт осмысления времени в понятиях пространства обращали внимание многие исследователи времени как философской, так и языковой категории. Представление времени в терминах пространства свойственно едва ли не всем языкам мира, и это связано, в первую очередь, с особенностью человеческой психики и мышления.

С другой стороны, время как языковая категория является системным явлением, обладающим своей собственной структурой, уровнями, свойствами (лингвистическими, пространственными, временными и т. д.). Одним из наиболее ярких примеров времени как рефлексии пространства является концепт суточного времени. Данный концепт - один из ключевых и наиболее древних концептов темпоральной картины мира того или иного языка. Этот узловой темпоральный концепт сохраняет архаичные черты, которые были свойственны представлениям о времени в глубокой древности. В концепте время суток ярко проявляются не только свойственные лишь данному концепту особенности, но и общетемпоральные особенности периодов времени: наступление, течение, окончание, которые, однако, получают особую интерпретацию в рамках данного концепта.

На связь времени с пространством указывает этимология многих темпоральных лексем, а также переход изначально пространственных прилагательных и наречий в разряд темпоральных. День как важнейший конституент суточного времени также имеет пространственную этимологию. «Можно предположить, что первичным значением слова день, по крайней мере, в некоторых индоевропейских языках было "(видимый) путь, проходимый солнцем". На это, в частности, указывает этимология английского journey "путь, путешествие", которое является заимствованием из французского от journ, journee "день", восходящего к латинскому diurnum от dies "день, дневной путь".

Другими словами, основная единица измерения времени изначально оказывается связанной с системой пространственных понятий» [1, 62]. Одно из значений испанского слова jornada, которое по своей этимологии также восходит к латинскому diurnum, является значение "npoù-dehhuù nymb за dehb". Е. С. Яковлева отмечает, что «тезис о реалистичности дня находится в полном согласии с этимологией этого слова: исходно день связан со зрительным образом (многие этимологи возводят день к *di — "сиять, излучать свет"), день описывает некое пространственно-временное единство» [3, 65].

Таким образом, в семантике *дня* мы обнаруживаем некое пространственно-временное единство или хронотоп. То же самое можно с уверенностью сказать и в целом о суточном цикле, который, в своей семантике, объединяет время, пространство, материю.

В испанском суточном цикле наблюдается ряд особенностей пространственного представления времени. Мы можем выделить ряд достаточно чётких оппозиций, как-то: закрытое/открытое пространство, пустое/наполненное, подъем/опускание, горизонтальное/вертикальное пространство, высокое/низкое и т. д. Одной из характерных особенностей представления времени суток в испанском языке можно также назвать представление времени как некой материи. Таким образом, в суточном цикле мы видим единство и взаимосвязь трех основных категорий физического мира: времени, пространства и материи.

ОГРАНИЧЕННОЕ/НЕОГРАНИЧЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО – ВРЕМЯ – МАТЕРИЯ

В суточном пространстве-времени испанской темпоральной картины мира доминирует представление о времени как о закрытом пространстве. Наиболее часто употребляющиеся глаголы с данной семантикой выражают вход в закрытое пространство, выход из закрытого пространства,

закрывание: cerrar, entrar, asomar. Данные глаголы выражают наступление, окончание того или иного периода. На семантику закрытого пространства косвенно указывают также глаголы с семантикой удаления: salir, irse.

Закрытое пространство, закрывание:

Noche cerrada (ср. глухая ночь).

Нередко закрытое пространство сочетается со значением *нахождение сверху*.

A los pocos centenares de pasos **se cerró** la noche **sobre** el camino: una noche oscura, sin luna, una noche solitaria y medrosa como una mujer loca y vestida de luto que vagase por los montes [Cela]

Вход (в закрытое пространство):

La tía Gabriela solía decir que el julepe era uno de los remedios que nunca le habían defraudado, no sólo se dormía profundamente después de tomarlo sino que no despertaba hasta bien **entrada** la mañana [Delibes].

Уход:

Todavía no **se había ido** el día del todo; quedaba algo de luz [Gaite].

В терминах закрытого/открытого пространства также употребляются некоторые природные процессы, явления, объекты. В частности широкую палитру значений представляет концепт солнце, солнечный свет. В этом смысле следует отметить частотность следующих глаголов: salir, asomar(se), esconderse. Также ярко проявляются следующие значения: покрытие, окружение. Периоды, составляющие суточный цикл, а также некоторые природные явления, например, темнота, таким образом, воспринимаются как нечто закрытое, ограниченное. В этом смысле мы можем говорить о некоем условном пространстве суточного времени.

Пространственную семантику можно увидеть в нередко встречающихся эпитетах, основное пространственное значение которых — ограниченная или неограниченная плоскость, ткань, материя.

Juego silencioso de espadas arcangélicas o paseo de fantasmas por el **lienzo** oscuro de la noche o flechas de luz disparadas contra las estrellas [Flórez].

...don Manuel, el melifluo escribient de la notaría de Troncoso, había dicho ya, como todos los atardeceres, aquellas hermosas palabras suyas sobre el negro **manto** de la noche oscura [Cela].

Противоположная тенденция к специализации в терминах открытого (безграничного) пространства проявляется в следующих значениях: *inmenso*, *ensanchar*.

La noche cae sobre La Chanca tal una **inmensa** ala de cuervo [Goytisolo].

Время также представляется как нечто расширяющееся, поглощающее.

Los ojos de Quico se iban empequeñeciendo a medida que se **ensanchaba** la noche [Delibes].

Итак, налицо два противоположных представления суточного времени: как ограниченное пространство и как безграничное (расширяющееся) пространство.

ВНУТРИ/СНАРУЖИ ПРОСТРАНСТВА-ВРЕМЕНИ (ПРОЦЕССА)

Факт существования в семантике тех или иных темпоральных лексем значения ограниченного/неограниченного пространства необходимо предполагает наличие того или иного вида ориентировки человека относительно этого пространства — времени. Ограниченное — неограниченное пространство-время предполагает следующие виды позиционирования: нахождение в и нахождение вне.

Нахождение в:

Teníamos miedo por tí, tan pequeño y solo **en** la noche [Casona].

Помимо простого указания на нахождения в условном пространстве того или иного периода суток, могут также использоваться более конкретные указатели на местоположение человека или характер его движения в пространстве-времени.

En **mitad** de la noche me despiertan los ruidos que vienen del cuartito de la cocina [Shua].

Un hombre sin medidas estaba caminando, solo, **a través de** la noche [Márquez].

Нахождение вне:

El coronel concluyó la lectura media hora más tarde, abrió la puerta del patio **hacia** la noche impenetrable, y orinó contra el horcón, acosado por los zancudos [Márquez].

Era su primera noche en la ciudad... La noche desconocida estaba allí, **delante** de sus ojos cargados de sueño y de sorpresa, abiertos sólo por la curiosidad [Matute].

В вышеприведенном примере также проявляется особенность представления времени как *процесса*, который можно наблюдать. На это указывает предложное управление глаголов восприятия.

Tendido en la cama, sin poder dormir, miraba hacia la noche [Salinas].

Mis ojos, fatigados de mirar **en** la noche, se cerraban con sueño [Valle-Inclán].

ПУСТОЕ/НАПОЛНЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО

Суточное время может противопоставляться в терминах пустого/заполненного пространства.

Пустое пространство:

Era una tarde desierta [Márquez].

Se sometían pacientemente a mis discurso sin

comprender lo que les decía, nada más que para combatir el ocio, para **llenar** la tarde [Lynch].

?Sabe usted lo que es esperar veinte años para vivir un solo día y cuando ese día llega encontrarlo también negro y **vacío**? [Casona].

Метафора *пустое пространство* приобретает значение незаполненного какой-либо деятельностью времени, скучного, одинокого времяпрепровождения.

Заполненное пространство:

Una noche de verano, templada, **llena** de perfumes y de rumores apacibles, y con una luna blanca y serena... [Bécquer].

Наполненность суточного пространствавремени необходимо предполагает указание на то, чем заполняется пространство: *звуки*, *запахи*, *явления*, *действия* и т. д.

ФИЗИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ВРЕМЕНИ (ГУСТОТА И Т. Д.)

Представление времени в терминах пространства необходимо предполагает связь времени еще с одной фундаментальной категорией физического мира — материей. Следовательно, время будет характеризоваться и с точки зрения физических свойств материи. Действительно, типичной чертой суточного времени становится сильное смещение в сторону материализации и специализации. Помимо чисто временных характеристик, атрибутами суточного времени становятся такие материальные качества, как цвет, густочного цикла может получать отчетливые материальные свойства и характеристики.

Pero aquella última noche del corredor, una de las más cálidas y **densas** que recuerda mi memoria, él se mostró comprensivo, como en muy pocas ocasiones [Márquez].

Después de comer, los niños recibieron la orden de ir a dormir la siesta, porque como los días eran tan **largos**, lo mejor sería salir hacia eso de las seis [Cela].

Тот или иной период может прямо или косвенно представляться как некий физический объект.

De pronto, sin saber cómo, **me tropecé con** el día en que encontramos la culebra... Cruzó el recuerdo como una ráfaga y se quería volver a enterrar para siempre [Gaite].

ВЕРТИКАЛЬНОЕ – ГОРИЗОНТАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ ВРЕМЕНИ

Сам ход времени представляется как некое пространственное движение. Однако это движение в зависимости от той или иной культуры и

эпохи могло иметь разные направления. Иными словами, воображаемая "линия" времени могла иметь разные направления относительно человека, а также могла располагаться по вертикали и по горизонтали. Так, согласно исследованиям американских лингвистов, запад и восток отличаются в отношении ко времени, рассматривая его в терминах горизонтали или вертикали. Исследования, «проведенные с группами билингвов, одинаково владеющими китайским и английским языком, показали, что на английском языке принято говорить о времени в горизонтальном плане (т. е. точки времени "прошедшее" – "настоящее" – "будущее" расположены горизонтально). А для говорящих по-китайски в плане вертикальном — например, в английском языке: The meeting was moved forward/back (встречу перенесли вперед/сдвинули назад). Для говорящих на китайском языке (вариант мандарин) следующий месяц будет низ/внизу, а предшествующий — верх/вверху: next month is down the calendar and last month is up» [2, 197-198].

Традиционное представление о стреле времени характеризуется христианским видением времени, а именно представлением о времени как о стреле, имеющей точку отсчета, направление и конечную точку. Подобная схема была разработана и в рамках ньютоновского абсолютного времени. Однако ньютоновское время не имело конца и начала. Суточный цикл как единица языковой картины мира, по всей видимости, сформировался намного раньше вышеперечисленных концепций, поэтому в нем отразились архаичные представления о течении времени. Также, говоря о стреле времени, следует сказать, что ориентировка человеком себя относительно этой стрелы было не всегда таким, как сейчас. Человек современности ставит будущее перед собой, а прошлое за спиной. Однако некоторые исследователи указывают на то, что отдельные народы позиционировали прошлое перед собой, а будущее за спиной.

Представление времени в горизонтальном/ вертикальном ключе характерно и для испанской культуры. В испанской картине мира мы сталкиваемся с временем, представляемым горизонтально и временем, представляемым вертикально. Однако сферы использования горизонтального и вертикального времени различны. Горизонтальное время, прежде всего это глобальное время, время-процесс. Также горизонтальное время широко используется и в суточном цикле, обозначая наступление того или иного периода. Так, в испанском суточном цикле ярко проявляется динамические тенденции, и употребляются глаголы с семантикой прямолинейного направленного движения: avanzar, llegar.

Вертикальное время встречается в суточном цикле и его сфера употребления в основном ограничивается представлениями о наступлении или хода того или иного времени суток.

La noche **cae** sobre La Chanca tal una inmensa ala de cuervo [Goytisolo].

Однако вертикальное представление времени может встречаться и других контекстах, хотя достаточно редко:

...El orto del sol hoy debe de ser a las siete y veinte, minuto arriba o abajo [Clarín].

Sobre las cinco (указание на приблизительное время).

Таким образом, в испанской языковой картине мира, помимо привычного традиционного *горизон-тального* времени, наблюдаются элементы времени, организующиеся по вертикальной линии.

В рамках вертикального представления суточного времени следует различать внутренние оппозиции: высокое/низкое (глубокое), а также неподвижное положение/направленное движение (падение).

Нахождение высоко (над чем-либо):

Cuando al fin lo consiguió, a **altas** horas de la madrugada, se le apareció, flotando sobre el cielo, entre nubes, la figura de Dios Padre [Delibes].

A los pocos centenares de pasos se cerró la noche **sobre** el camino: una noche oscura, sin luna, una noche solitaria y medrosa como una mujer loca y vestida de luto que vagase por los montes [Cela].

Низкое, глубокое:

Largo rato anduvieron dando vueltas a través de las calles de Toledo, buscando un lugar a propósito para terminar sus diferencias; pero la oscuridad de la noche era tan **profunda**, que el duelo parecía imposible [Bécquer].

Es una noche **bajísima**, cubierta de nubes [Cofiño].

Вышеприведенные примеры характеризуют время-пространство с точки зрения оппозиции высокое-низкое. Однако время представляется здесь как статичное, неподвижное. В противоположность данному представлению, тот или иной суточный период также может мыслиться в терминах направленного движения. Иными словами, в терминах динамического движения.

Наступление того или иного периода может представляться как разнонаправленное движение по горизонтальной оси.

Ya va a venir la noche [Gaite].

La irritación de Juan Pablo hacia aquel hombre iba creciendo según la tarde **avanzaba** [Gaite].

Наступление того или иного суточного периода также может мыслиться как направленное движение по вертикальной оси вниз.

La noche se echaba **encima** y pronto se haría difícil ordenar la marcha del rebaño [Arguedas].

- Parece que se nos **pone** buena la noche, teniente – dijo [Molina].

Одним из видов направленного вертикального движения вниз является падение. Рассмотрение наступления того или иного периода суток как падения является характерной особенностью испанской картины времени.

Va luego blanqueando la bóveda infinita, se oscurece de prisa, y cae encima, tras fugitivo crepúsculo, una noche profunda en que tiritan las estrellas [Unamuno].

Mientras viene **cayendo**, desde muy lejos, la noche, comienzan a encenderse las tímidas bombillas de la plaza [Cela].

Также и некоторые природные процессы также могу рассматриваться как *падающие*.

Y lo que te dijo, un guardia a las dos de la madrugada, y más con la helada que estaba cayendo... [Delibes].

ДВИЖЕНИЕ ПО СВОДУ НЕБА

Суточный цикл как концепт тесно связан с другим близким к темпоральному концептом *солн*ее, т. к. именно солнце, его положение и освещение солнечным светом по большей части характеризуют и делят суточный цикл на периоды. Движение частей суток может представляться как условное движение по своду неба. Таким образом, оно совпадает с условным движением солнца по небу и представляет собой своего рода движение по полусфере, по дуте.

Движение солнца вверх:

Al cabo, quedó dormido y poco después el sol, alzándose en el horizonte, le avisaba de que había llegado la hora de llevar el rebaño a ramonear [Alvarez].

A principios de febrero, una mañana, apenas el sol **levantado**; en aquellos mismos camiones cruzaron la frontera y entraron en Francia [Matute].

Движение солнца вниз:

El sol **descendía** rápidamente hacia el horizonte [Desnoes].

Однако следует сказать, что в контексте движения по условному своду неба не используются по понятным причинам día и noche, т. к. при наступлении noche отсутствует какое-либо видимое движение солнца, а día не является периодом суточного цикла как таковым и обозначает либо день в целом (24 часа), либо весь светлый период суток, объемлющий в себе mañana и tarde.

Движение вверх:

La mañana **sube**, poco a poco, trepando por los corazones de los hombres y de las mujeres de la ciudad; golpeando, casi con mimo, sobre los mirares recién despiertos ... [Cela].

Движение вниз:

La tarde declinaba, los pinos se mecían con

ВРЕМЯ КАК РЕФЛЕКСИЯ ПРОСТРАНСТВА

suavidad, no hacía ni frío ni calor, una vaca negra que pasaba era tomada, como de costumbre, !oh, manes de Freud!, por un toro por las señoras, y un guardajurado de gris uniforme con solapas rojas nos recordó a todos a la policía montada del Canadá [Cela].

Испанский концепт время суток, представляется, таким образом, во многом в понятиях пространства. Наличие четких оппозиций и яркое проявление свойств пространства в рамках данной категории позволяет говорить о системности представления времени в терминах пространства, о глубоких, укоренившихся взаимосвязях между пространством и временем в испанском языке. Данный факт еще раз подтверждает, что язык является огромным источником и резервуаром знаний человека об окружающем мире. Такие категории, как время, пространство, материя получают в языке особую интерпретацию — как общеязыковую, так и

этнически обусловленную. И в то же самое время эти категории, преломляясь в языке, сохраняют свои имманентные универсальные свойства.

ЛИТЕРАТУРА

- 1. Кравченко А. В. Когнитивные структуры пространства и времени в естественном языке / А. В. Кравченко // Известия РАН. Сер. лит. и яз. М., 1996. Т. 55. № 3. С. 3-24.
- 2. Тер-Минасова С. Г. Война и мир языков и культур: вопросы теории и практики: Учеб. пособие / С. Г. Тер-Минасова. М.: АСТ: Астрель: Хранитель, 2007. 286 с.
- 3. Яковлева Е. С. О понятии "культурная память" в применении к семантике слова / Е. С. Яковлева // Вопросы языкознания. 1998. № 3.— С. 43-73.

ПОЭЗИЯ И ПЕСНИ РУССКИХ РАБОЧИХ-ОТХОДНИКОВ

© 2008 Т.М. Полянская

Московский городской педагогический университет

В конце XIX — начале XX вв. среди крестьян промышленноразвитых губерний Европейской России был развит отхожий промысел. Крестьяне, страдая от малоземелья, скудных урожаев, шли на заработки в города. В этот период в России бурно развивался промышленный сектор экономики, появилось большое число фабрично-заводских предприятий, нуждающихся в рабочей силе. Крестьяне-отходники шли работать на фабрики и заводы и стали основным источником формирования рабочих кадров. С этим процессом неразрывно связано и развитие в русском фольклоре фабрично-заводского творчества.

Русские крестьяне испокон веков слагали песни, описывая свой быт и труд. Переход в новый социальный статус городского рабочего человека сразу нашел отражение в песнях крестьян-отходников. Песни русских рабочих имеют непосредственную связь с рабочей поэзией. Из среды рабочих-отходников вышли талантливые поэты, такие как Авенир Ноздрин, Павел Арский, Филипп Шкулев, Алексей Гмырев, Николай Рыбацкий и др. Поэзия рабочих-отходников отличалась самобытностью, многогранностью. Так, например, поэзия А. Ноздрина, Ф. Шкулева была самобытна, очень близка к русскому крестьянскому фольклору, деревенской лирике. А стихотворения рабочего-поэта А. Гмырева, напротив, были написаны в лучших традициях русской классической лирической поэзии. Многие из перечисленных поэтов стали авторами песен, известных и популярных среди рабочих.

Влияние крестьянского фольклора сказывалось на поэзии и песнях рабочих-отходников, но в то же время в песни и поэзию все чаще вторгалась новая производственная лексика: завод, фабрика, контора, корпус, машины, подрядчики, мастер, шлихтовальщики, ткачи, протыкальник, шпурик, болоток и т. д. Вторжение новой лексики непрерывно продолжалось на протяжении всего XIX в., а в конце века в поэзию и песни все чаще стали

проникать новые слова, связанные с борьбой рабочего класса: борцы, тюремный замок, каторга, забастовка, жандармы, рабство, свобода и т. д.

Вместе с тем влияние крестьянской традиционной лирики было еще весьма ощутимо. И, в частности, — в лексике, в обилии ласкательных и уменьшительных суффиксов у существительных (горюшко, ручушки, глазушки, работушка, зимушка, голосочек, будилочка, зверочки, лесочки, лужочки и т. д.). Еще встречались даже краткие прилагательные (бела ручка, чисто полюшко, худа долюшка).

Менялась не только лексика. Иным становился и весь поэтический строй рабочих песен. В творчестве немногочисленных рабочих поэтов прослеживалось стремление овладеть литературной формой, чему немало способствовало проникновение в рабочую среду революционнодемократической литературы.

Отход крестьян на фабрики и заводы, переход из одного социального статуса в другой, разрыв с деревней находил отклик в поэзии и песнях рабочих-отходников. Так, широкой известностью в промышленноразвитых губерниях России пользовалась песня «Не последний был красилыщик...». Автор слов песни неизвестен. В этой песне тема отрыва крестьян-отходников от земледельческого труда воплощена наиболее полно. Герой песни — фабричный рабочий. Он живет в городе и стал довольно искусным мастером:

«Не последний был красильщик,

Я на фабрике живал...

Разны ситцы набивал» [3, 11].

Заработок мастерового мал, его не хватает даже на уплату оброка. Фабрика выматывает силы отходника, не выдержав, герой песни берет расчет. В деревню он возвращается «весь оборванный, худой. Словно жулик площадной» [3, 11]. Без радости встречает его семья, ведь без фабричного заработка жить в деревне трудно:

«Поживи-ка ты в деревне, Похлебай-ка кислых щей, Поноси худых лаптей...» [3, 11].

ПОЭЗИЯ И ПЕСНИ РУССКИХ РАБОЧИХ-ОТХОДНИКОВ

Жизнь в городе семье фабричного кажется завидной, работа на заводе — более легкой, чем крестьянский труд. Мастерового будят на заре:

«Вставай, питерска натура,

Питербургский чистячок!» [3, 11].

Песня лаконична. В ней нет детального повествования о лишениях вернувшегося домой фабричного. Герой просто подводит итог:

«...Меня голод прохватил,

Все – домой я покатил...

Оглянулся на деревню

И махнул только рукой.

Слезы вытер, еду в Питер,

А надежды никакой» [3, 12].

Отображая капиталистическое производство, песенная поэзия рабочих этого времени тяготеет к повествовательности, подробному описанию завода, фабрики, цеха:

«Корпус длинный, полверсты,

Во стенах связи толсты,

А внутри паровики,

Там шуруют мужики.

Они день и ночь шуруют,

Во котлах вода кипит,

Колесо паром вертит...» [3, 17].

Позже изображение производства станет еще более конкретным. Складывались песни обычно об отдельном конкретном предприятии («К работницам карточной фабрики», «Как на фабрике у Чешера...», «Поминание рабочих фабрики Корзинкина»).

Среди рабочих песен и стихов конца XIX — начала XX вв. обширную группу образуют те, в которых проложены вековые мотивы горя и страдания. «В фабричных песенках нет бодрых настроений, — писал один из собирателей уральского фольклора, — в них сквозит тяжелое сознание невозможности изменить невыносимый порядок вещей...» [3, 18]. Вот примеры, подтверждающие эти слова:

«Посмотрю на свово сына,

Сердце оборвется —

Та же горькая судьбина ему достается...» [3, 17].

Или:

«Давно устали руки,

Болит, мозжит спина,

А дела еще много,

И жизнь еще длинна...

Одно на ум приходит, -

Скорей бы отдых, ночь!» [5, 24].

О невеселой, безрадостной жизни рабочих говорилось не только в песнях, но и в пословицах, поговорках, присказках, вроде шутки московских рабочих: «Получи пятак — иди в кабак» или «Живем да хлеб жуем», «Щи — хоть тряпье полощи» [3, 18].

Поэзия и песни, воспевающие судьбу женщин-крестьянок, женщин-работниц, про-

никнуты особенной печалью. Судьба русской крестьянки выписывалась из бесконечной вереницы тяжелых будней. В сельской жизни она всегда оставалась источником трудолюбия, упорства, терпения. В ее обязанности входила не только земледельческая работа, но и забота о доме, семье. Жизнь женщины-работницы, бывшей крестьянки, ушедшей работать на фабрику вместе с мужем, не была легче. Более того, при одинаковых с мужчинами условиях труда заработная плата у женщин была намного меньше. Неустроенность фабричного быта делали жизнь женщины-работницы совсем безрадостной. Их настроение передает «Фабричная колыбельная». В ней мать выплакивает горе над колыбелью сына:

«Вот какая моя жисть.

Хоть живая в гроб ложись.

Я б живая в гроб легла,

Только бросить жаль тебя...» [3, 100].

Об условиях работы и положении женщин на фабрике ведется речь в песне «К работницам карточной фабрики»:

«Жизнь в работе, жизнь в неволе,

Жизнь, погрязшая в нужде!..

Нет трудней девичьей доли

В рабском варварском труде.

Только лишь наступит утро,

Мы на фабрику спешим.

Как ни тяжко, как ни трудно,

Все работаем, молчим» [3, 98].

Среди всех известных и популярных рабочих-поэтов наибольшее внимание проблемам женского труда уделял Авенир Ноздрин. Ноздрин, родившийся в селе Иваново, в семье крестьянина, всю жизнь проработал в текстильной промышленности, был одним из зачинателей рабочей поэзии, певцом текстильного края. Большое место в своих стихах он уделял судьбе работницы-ткачихи. Это не случайно — ткачихи в Иваново-Вознесенске представляли собой огромную производственную рабочую силу. Показательно стихотворение «Старая ткачиха», в котором описана жизнь ивановской ткачихи:

«...Лет поди уж сорок

Мучаюсь я в ткацкой.

Я глуха — у нас ведь

В корпусах шум адский.

И суха как щепка,

Есть на то причины...

Из меня бы надо

Нащипать лучины» [2, 16].

Поэзия и песни русских рабочих описывали не только жизнь взрослого труженика. Целый ряд песен посвящен детскому труду, как, например, песня о фабрике Кениг:

Т.М. Полянская

«Недалеко от парка, на левой руке, Стоит фабрика, бывшая Кениг. Там работают дети весь день на станке С детской думой: немного бы денег.

Все мы, дети-подростки, живем в нищете, Переносим болезни, невзгоды И работаем в страде, пыли, духоте,

И проводим здесь юности годы» [3, 146].

Почти все из известных поэтов-отходников работали на фабрике с детства или подросткового возраста, как, например, Филипп Шкулев, Павел Арский, Алексей Гмырев. Московский рабочий-поэт Филипп Шкулев родился в подмосковной деревне Печатники, работал на ткацкой фабрике с десяти лет. Фабричный труд был изнурительный, рабочий день продолжался двенадцать часов. Позже поэт вспоминал:

«Я был, как птица в душной клетке,

В чаду фабричных корпусов,

Со мной такие ж малолетки

Тянули дни под шум основ...» [5, 8].

Через полгода после поступления на работу с Ф. Шкулевым случилась беда: он попал правой рукой в машину и остался на всю жизнь калекой.

Бурное развитие промышленности, сопровождающееся формированием рабочих кадров, практически не защищенных законом и государством от произвола фабрикантов, вызывало соответственно недовольство рабочих. Рабочие были недовольны своим материальным положением, условиями труда и быта, что, естественно, приводило их к борьбе за улучшение своего положения, которая вылилась в мощное рабочее движение.

Настроения недовольства и протеста все чаще проявлялись в рабочих песнях:

«Мы собрались здесь толпою

Просить получше нам пожить,

Прибавки дать к поденной плате, жердьем, дровами наделить...

Так мы, рабочие, просили,

Стояли смирно у крыльца» [3, 118].

В песнях рабочие обличали виновников своей тяжелой жизни. Так, в песне «Поминание рабочих фабрики Корзинкина» дана гневная характеристика чинов заводской администрации. В «Чермозской марсельезе» упоминается жестокий «правитель Чермозы» — Ливийский. В песне женщин-работниц «К работницам карточной фабрики» нарисована мрачная фигура мастера Цубе.

Развитие рабочего движения приводило к появлению песен, описывающих рабочие выступления, забастовки на конкретных фабриках и заводах. Одной из наиболее известных и популярных песен этой группы была песня питерских рабочих «По теченью невских вод...» [3, 119], в которой ведется речь о забастовке рабочих Обуховского завода в мае 1901 года. Слова к этой песни написал поэт-революционер Николай Рыбацкий.

Рыбацкий родился в семье рабочего-обуховца. В пятнадцать лет будущий поэт сам пошел работать на этот завод. Тяжелые условия труда, низкая заработная плата заставили Рыбацкого принять активное участие в забастовке на заводе, он был арестован и в Санкт-Петербургском доме предварительного заключения 31 августа 1901 года написал стихотворение «Завод», которое легло в основу песни, более известной под названием «По теченью невских вод...». Начало ее характерно для многих песен этого времени. В нем точно указывается место и время действия:

«По теченью невских вод

Стоит Обуховский завод...

В девятьсот первом году,

В мае месяце тогда

Там случилася беда...» [4, 4].

Затем следует описание стремительного развития событий:

«Сбунтовался весь народ,

Свистки грустно возвестили,

Что работу прекратили.

И матросов к нам прислали.

И стрелять им приказали...» [4, 4].

Многие забастовщики были убиты. На помощь матросам были вызваны жандармские части:

«... Нас забрали, замели

И в пересыльную свезли...» [4, 4].

Некоторые рабочие революционные песни выдержали испытание временем, как, например, песня «Кузнецы». Эта песня была крайне популярна среди революционно настроенных рабочих, и ее популярность протянулась на весь XX век. И сегодня редко встретишь человека, которому не известны слова припева этой песни:

«Мы кузнецы, и дух наш молод,

Куем мы к счастию ключи!

Вздымайся выше, тяжкий молот,

В стальную грудь сильней стучи!..» [5, 87].

Мало кому известно, что первоначально существовало только стихотворение Филиппа Шкулева «Кузнецы», которое он написал в 1905 году. Музыка к словам появилась несколько позже, и композитор долгое время был неизвестен. Лишь в 60-е гг. ХХ века исследователи песенной поэзии выяснили, что музыку к песне написал студент Николай Федорович Острогорский.

По песням можно проследить, как менялась лексика рабочих. Все чаще появляются слова «товарищи», «мы». Слагаются песни, посвященные рабочим праздникам, как, например, «Майская песня рабочих»:

ПОЭЗИЯ И ПЕСНИ РУССКИХ РАБОЧИХ-ОТХОДНИКОВ

«Наш праздник рабочий пришли мы справлять,

Да здравствует Первое мая!

Товарищи, станем борьбу прославлять,

К свободе народ призывая» [5, 87].

Отдельную группу составляют стихи и песни, посвященные рабочим-революционерам, пережившим тюрьму и каторгу. Здесь следует выделить поэзию рабочего-поэта Алексея Гмырева. Гмырев вышел из семьи крестьянина-отходника, покинувшего деревню и переехавшего вместе со всей семьей в город. Сам Алексей Гмырев с пятнадцати лет пошел работать на завод, где вступил в революционный кружок. Гмырев принимал активное участие в забастовках и митингах, пережил заключение и ссылку. Этому периоду своей жизни Гмырев посвятил целый цикл стихотворений «За решеткой».

«В тюрьме я... А там, за стенами, на воле, Борьба... Там дрожат властелины-цари, Телами борцов покрывшие поле...

Гори, мое сердце, сильнее гори!» [1, 74], — писал рабочий-поэт.

Крестьяне-отходники, сыгравшие решающую роль в формировании рабочих кадров промышленноразвитых губерний России (более 90% рабочих были по происхождению крестьянами), определили и особенность развития культуры рабочих. В начале XX в. благодаря промышленному развитию и массовому отходу крестьян менялась социальная структура городского населения,

теперь большую часть горожан составляли не мещане, а рабочие. При этом трудно сказать, что больше подвергалось влиянию: городская культура влияла на рабочих-отходников или рабочие-отходники на городскую культуру. Безусловно одно - процесс формирования новой социальной группы городского населения рабочих — привел к возникновению новой городской культуры, ориентированной, главным образом, на рабочих фабрик и заводов. При этом из среды рабочих-отходников, бывших крестьян, вышли талантливые поэты, писатели, музыканты. На примере песенной поэзии рабочих России конца XIX – начала XX вв. видно, как происходил переход от крестьянского фольклора к рабочим стихам и песнями и как в поэзии и песнях нашли отражение все стороны жизни русского рабочего.

ЛИТЕРАТУРА

- 1. Гмырев А. М. Гори, мое сердце (Стихи, письма, документы). Киев: Молодь, 1957.
- 2. Ноздрин А. Е. Избранные стихотворения / А. Е. Ноздрин. — М.-Иваново: Ивгиз, 1935.
- 3. Песни русских рабочих (XVIII начало XX века). М.-Л.: Советский писатель, 1962.
- 4. Рыбацкий Н. И. На светлый путь: Стихотворения. 1901—1920. Л.: Лениздат, 1983.
- 5. Шкулев Ф. С. Стихотворения / Ф. С. Шкулев. М.: Худ. лит., 1973.

П.Е. АСТАФЬЕВ – ФИЛОСОФСКИЙ КРИТИК И ЦЕНЗОР Л.Н. ТОЛСТОГО

© 2008 М.А. Прасолов

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена

«Что же нам делать в виду такой страшной Медузовой головы, этого колоссального как по силе и полноте, так и по совершенному отсутствию оснований осуждения всего нашего бытия в бессмыслии, лжи и разврате?» Восклицание, недоумение, растерянность, бессилие и священный ужас слились в этом вопросе, высказавшемся вдруг среди уверенного критического борения с мыслью Толстого у одного из его современников. Почему острая своей неожиданностью мифологизация великого писателя вылилась в образ древнего хтонического чудовища? Кто же этот Персей, вступивший в отважный агон с Горгоной?

Нашим героем выступает Петр Евгеньевич Астафьев (1846–1893), который, несмотря на растущие в последнее время публикации его сочинений и исследований его творчества, все еще остается в числе «забытых» персонажей истории русской философии и публицистики, чье бессмертие, в отличие от Персея, обеспечивают, главным образом, сноски и комментарии к произведениям «великих» авторов. В свое время имя Астафьева было более известно читающему обществу как создателя оригинальной персоналистической концепции внутреннего опыта и как активного философско-литературного критика. В последнем своем качестве он соприкоснулся с творчеством Толстого и принадлежал к числу одних из первых интерпретаторов мировоззрения писателя. Толстому он посвятил несколько специальных работ, а также отзывался о нем в контексте иных, популярных во второй половине XIX в., философских, исторических и религиозных проблем. Астафьев сумел создать вполне законченное самостоятельное представление о творчестве Толстого. Оно сложилось на основе общих философских и литературных предпочтений Астафьева.

Философия внутреннего опыта личности, которую развивал Астафьев, примененная в области эстетики, необходимо должна была отстаивать идеал «чистого искусства», осно-

ванного на бескорыстном личном творчестве. «Чистое, идеальное искусство, преследующее лишь задачу эстетического творчества, осуществления форм чистой красоты», которому важны «коренные задачи, мотивы и законы самой эстетической деятельности», Астафьев защищал и оправдывал как одну из жизненных «опор» безусловной человеческой личности. В области философии и эстетики языка Астафьев находился под влиянием немецкой исторической школы языкознания (В. Гумбольдт, М. Мюллер и др.) и А.А. Потебни, идеи которого философ одним из первых и немногих в свое время оценил по достоинству.

Слово и самосознание личности для Астафьева невозможны друг без друга. Сомнение в ценности личности ведет, по его убеждению, к деградации писательского искусства. В своей эстетике Астафьев исходил из субъекта, который сам в себе имеет все необходимое для эстетического творчества, не нуждаясь для этого в чем-либо извне. Субъект сам из себя творит, сам в себе находит идеи, сам их воплощает и сам ими наслаждается: «бескорыстность... совершенство самой созерцающей, усвояющей впечатления деятельности... полная свобода в Красоте (в отличие от Истины и Блага) созерцающей деятельности, совершенство которой здесь — сама себе цель».

По этой причине Астафьев оказывал, как мог, сопротивление проникающей в русскую литературу в 1870—1880-е гг. «тенденциозности», олицетворением и пророками которой для него были Н.Г. Чернышевский, Н.А. Добролюбов, Д.И. Писарев, Н.К. Михайловский, К.К. Арсеньев. По мнению Астафьева, они подняли волну посредственности в литературе, превратили слово в утилитарное орудие разума. «Тенденция» изгоняла из искусства все индивидуальное, личное и гениальное. Литература деперсонализировалась и теряла свою сущность. Для Астафьева свидетельством пагубности «тенденции» было ее бессилие породить хоть одного писателя-гения.

Антиэстетической «литературе пользы» Астафьев противопоставлял «чистое искусство». Примерами и образцами такого искусства были для Астафьева А. Н. Майков, А. А. Фет, И. А. Гончаров, Ф. М. Достоевский, А. К. Толстой, великий князь Константин Константинович (К. Р.), Я. П. Полонский и, конечно же, Л. Н. Толстой. Именно они, «немногие сильные... одаренные действительно творческим гением, пошли своим особым путем, вне общего течения, и создали литературу второй половины нашего века». С некоторыми из названных писателей и поэтов Астафьев был лично знаком или встречался с ними (с Фетом, Полонским, К. Р., Л. Толстым), о творчестве других писал признанные в свое время хрестоматийными статьи (о Фете, Полонском, Майкове).

Но творчество Л.Н. Толстого оказалось для Астафьева поистине мифологическим чудовищем, завораживающим и губящим своим взглядом, перед магической силой которого «трудно сохранять олимпийское спокойствие». Конечно, гений Толстого нашим философом признавался безусловно. По его словам, Толстой обладает «даром гениально объективного воспроизведения действительности в художественных образах», в которых живет «внутренняя правда действительности», «там сама жизнь». Произведения Толстого «навсегда останутся драгоценнейшим достоянием не только русской, но и мировой, культурной литературы». Более того, по мнению Астафьева, Толстой завоевал русскому народу «право считаться культурным народом». Он, наряду с Пушкиным и Достоевским, исчерпал задачу «выяснения духовного образа русского человека в его самобытной красоте и глубине», так что теперь «трудно указать новую... сколько-либо существенную черту этого образа». Благодаря его творениям даже западные люди начинают «не только понимать, но и сочувственно понимать загадочного для них русского человека».

Но «аполлонийская» ясность «периода непомраченного художественного творчества» Толстого быстро сменяется страшной и неудержимой «дионисийской» стихией. Писатель-гений восстает против искусства как такового, словно терзает сам себя и с такой неистовой страстностью, что затмевает всю бледную «гражданскую скорбь» литературы «тенденции». «Разрослось тенденциозное и социальное, презирающее красоту во имя "прелых онуч" и "слез соленых" с "кислым кваском пополам" искусство, и, наконец, высказано полное и прямое отрицание искусства как безнравственного служения "прекрасной лжи" красоты у величайшего из наших художников - графа Л. Н. Толстого». Тератологическая метаморфоза «чистого художника» в «чистого скота» уничтожала всю астафьевскую убежденность и

веру в возможности — эстетические и социальные — «чистого искусства», а значит, и всю его персоналистическую философию внутреннего опыта. Можно сказать, она отрицала самого Астафьева. И там, где была «сама жизнь», для него вдруг обнаруживается «сама смерть». Взгляд гениального художника превращается в мертвящий взор Медузы Горгоны. В тайне этой метаморфозы — главная причина ужасаний Астафьева. Как и Персею, ему потребовался блестящий щит премудрой Афины, чтобы создать в нем отражение чудовища, ибо отраженный взгляд теряет свою губительную мощь. И философ постепенно создает себе такое «отражение» Толстого.

Однажды восприняв личность и мысль Толстого в образе хтонического существа, Астафьев будет неуклонно следовать логике метафоры, исчерпывая ее внутренние смысловые ресурсы. Первое, что всегда поражает в чудовищах, – их фатальная цельность, упорная последовательность, неумолимое развертывание всех своих стихийных потенций до самых крайних степеней выражения. Поэтому Толстой – это роковая, стихийная целостность. «Натуры глубокие, богато одаренные и страстные оставляют и на своих судьбах и делах... резко отмечающую их печать цельности, законченности и какой-то роковой стихийной последовательности. Чуждые разбросанности и... колебаний в разные стороны... они и в мыслях, и в делах, и в чувствах своих всегда доходят до конца, ни перед каким препятствием робко не сторонясь, ни перед каким крайним выводом не отступая». Именно «законченность и стихийная, неуклонная последовательность мысли и страсти» завораживает, манит и делает «изучение роковых подвигов и преступлений, великих открытий и грандиозных заблуждений» Толстого привлекательным и поучительным.

Стихийная целостность достижима только при тотальном внутреннем единстве, самотождественности, которая есть осуществление какой-то одной идеи, раскрытие какой-то одной страсти, «всецело овладевших духовной жизнью человека и предоставленных в своем развитии исключительно сами себе». «Колоссальная фигура графа Л. Н. Толстого» для Астафьева «бесспорно наиболее типичное и цельное воплощение той глубины, верности себе и беззаветной страстности...», где «все внутренно связано и в самом изучаемом предмете и в изучении его». Толстой равен самому себе: «...и в самом крупном и в самом незначительном, и в художественном и в нравственно-философском и в религиозном, – он все тот же, неизменно верный себе и только все яснее и яснее высказывающийся граф Лев Толстой». Толстой развивается, но не изменяется, как то и положено стихии: «...катясь

по наклонной плоскости, все резче и определеннее... мрачная мысль... с начала до конца только развивалась, но не изменилась».

Логика хтонического образа приводит Астафьева к нескольким важным методологическим положениям, которые в его время не всеми осознавались. Во-первых, Астафьев категорически против «полного отделения графа Л. Толстого как художника от графа Толстого как мыслителя и моралиста». Он настаивает на принципиальном единстве творчества и личности писателя. Во-вторых, философ отвергает все попытки «признания нравственно-философских учений (или хотя части их) Толстого рядом с отрицанием «учения» религиозного». Моралист и проповедник в личности Толстого так же едины, как писатель и мыслитель. В-третьих, Астафьев отстаивает полную автономию и самостоятельность учения Толстого от каких-либо заимствований и подражаний (например, Руссо или Прудону). Толстой «...со своей гениально-страстной натурой, не мог мыслить иначе, как самостоятельно. Он должен был сам подготовить философскую почву для всестороннего развития определившей весь его духовный мир мысли». В-четвертых, понимание Толстого не должно редуцироваться к определенной «точке зрения», иначе утрачивается вся его специфика. И последнее: «более чем какойлибо другой писатель, гр. Л. Толстой может быть правильно понят и оценен только по всей полноте своих произведений».

Все предыдущие критики Толстого (Д. Цертелев, А. Козлов, архиеп. Никанор (Бровкович), Н. Н. Страхов, Ю. Николаев (Говоруха-Отрок), А. Гусев, М. де Вогюэ) не устраивают Астафьева своим примирительным отношением к писателю. Они не видят всей полноты опасности. Толстой у них производит впечатление писателя «почти как и все», только чуть более обыкновенного - смелого, страстного, парадоксального, яркого и эксцентричного. Суть учения Толстого сводится к пожеланиям жить проще, нравственнее, ближе к природе и без внешних условий. Такая «половинная» критика упускает всю специфику Толстого, полагая, что его учение вполне «благотворно и может быть еще более благотворным по освобождении его от некоторых посторонних примесей». «Нет, – протестует философ, – сущность учения и глубже и резче и несравненно сильнее буколических мечтаний "безобидного любителя природы" или здравых советов гигиениста-филантропа!». Чудовищу предлагается пластическая операция, но Астафьев требует радикальных вмешательств.

Только с осуществлением названных требований, по мнению Астафьева, мы можем «выяснить, определить единую идею... весь духовный образ

гр. Л. Толстого. Только поняв эту идею... получим мы и начало, разъясняющее роковую внутреннюю необходимость, с которой это грандиозное, но тем более прискорбное, трагическое развитие совершилось. Получим... и прочное основание для оценки этого поучительного именно по своей цельности и роковой последовательности развития. Всякая другая оценка такого законченного и цельного мировоззрения, как мировоззрение гр. Л. Толстого... не коснется самого корня всего учения». «Единая идея» — это уязвимое место в теле толстовского мировоззрения, та «кощеева игла», которая должна быть у всякого хтонического чудовища. «... Бесплодно бороться против той или другой части целого, оставляя нетронутым самое основание целого, - так тесно и необходимо все эти части связаны. В этом основании – все и дело!». С чудовищем не может быть никаких соглашений, и Астафьев настроен решительно: «менее всего можно остановиться на компромиссах и посредствующих примирительных суждениях: здесь уместно только или все или ничего».

«Единой идеей» толстовского мировоззрения Астафьев считал учение о жизни. Философ был знаком не только с «не бывшим в обращении» изданием знаменитого трактата Толстого «О жизни», но «имел удовольствие лично возражать графу Л. Толстому на первую редакцию этого учения, прочитанную графом в виде реферата Московскому Психологическому обществу». Как известно, Толстой, по приглашению Н. Я. Грота (общий знакомый и Толстого, и Астафьева), прочел свой реферат «Понятие жизни» в Психологическом обществе поздним вечером 14 марта 1887 г.. По сообщению «Русских ведомостей», «взгляды даровитого писателя... вызвали ряд замечаний и вопросов со стороны гг. Астафьева, Бугаева, Коленова и др.».

Основная мысль Толстого, по мнению его критика, состоит в признании, что «индивидуальная жизнь... есть зло и нелепость, обнаруживающиеся в столь же нелепой и призрачной смерти. Истинная жизнь – не в этой временнопространственной индивидуальности, а в том, что, составляя ее внутреннее существо, не индивидуально, но едино, обще во всех особях, вечно, и пребывает вне пространства и времени, т. е. в сознании, разуме. Подчинение животного начала индивидуальной жизни общему, вне времени и пространства находящемуся разуму, одно дает нам истинное, неуничтожимое благо. В нем состоит и истинная, непризрачная жизнь». «Безличное общеразумное», - вот определение роковой идеи Толстого и, одновременно, его уязвимое место, как считает философ. Отсюда берет свое начало неумолимая логика саморазвертывания толстовского мировоззрения и следующего за ним критического противостояния Астафьева.

В учении Толстого о жизни, как думает Астафьев, два первых основоположения определяют собой все остальное. Первое состоит в том, что «единственное существенное, непризрачное в жизни – разум – безличен, вне времени и про*странства*». Второе — в том, что «отрицаемая этим безличным разумом временно-пространственная индивидуальность, личность, есть призрак, зло и нелепость». Персоналистический докетизм и рационализм Толстого оказывается (а мы уже знаем, что иначе и быть не может) прямой противоположностью, а значит, и угрозой астафьевской философии персоналистического спиритуализма и внутреннего опыта. «Мировоззрение это, систематически и последовательно отрицающее всякое самостоятельное значение личности и задачу ее развития, как жизненную задачу, признающее и то и другое за зло и ложь, — составляет во всех частях своих противоположность тому спиритуалисти*ческому* воззрению, признающему, наоборот, *лич*ность за самое реальное и ценное, а ее развитие — за высочайшую задачу жизни, на котором основана всякая культура вообще и наша, христианская, в особенности. Это противоположение пантеизма и спиритуализма...», вековечный спор между «признающим реальность и смысл только за общим безличным началом бытия пантеизмом (материалистическим или идеалистическим – все равно) и — признающим этот смысл и реальность лишь за личным сознающим духом - спиритуализмом». Таким образом, противостояние двух мировоззрений обозначено как абсолютное. Это уже не дело журнальной критики, но «дело целой философской системы». Философия Астафьева заявлена в качестве противовеса, точнее, оружия против философии Толстого. Персей получил блестящий щит для отражения «хаотического призрака». Но не нарушает ли Астафьев им же самим постулированный методологический принцип единства философии и писательства Толстого? Так или иначе, но его полемика сосредоточилась почти исключительно в области философии. Магический взгляд Толстого-художника, в котором была вся его сила, был отведен в сторону. Его обессиленные философские доводы Астафьев отражает последовательно и без особого для себя затруднения.

На чем было основано толстовское отрицание индивидуальной жизни и ее стремлений, как чегото ложного и призрачного? «На том соображении, — считает Астафьев, — что смысл индивидуальной жизни состоит только в стремлении к благу, к счастью, а между тем счастье это и благо для индивидуума никогда не достижимы, в чем и обнаруживается-де самопротиворечие индивидуальной жизни, ее нелепость». С точки зрения философа, это утверждение столь старо и тривиально, как

и неверно. Оно основано на произвольном смешении понятий. В этом рассуждении Толстого философ видит «круг и petitio principii», который состоит в следующем: «Или стремление к счастью принимается за едино-реальное в жизни (хотя бы в форме самоутверждения), но тогда не может быть реально жизни, не осуществляющей его, и оно не осуществлено только там, где нет жизни; или признается нечто реальнейшее в жизни вне и независимо от стремления к счастью (например, разум, истина, добро, как-нибудь осуществимые и помимо личного счастья), но тогда опять неосновательно отрицать осуществляющую их жизнь из-за недостижимости одного личного счастья».

На произвольном смешении понятий основано и другое утверждение Толстого, будто личное счастье никогда не достижимо. «Мы, наоборот, утверждаем, – пишет Астафьев, – что личное счастье всегда достижимо и достигается столько же времени каждым, сколько длится его жизнь... мы говорим именно оличном счастье, а не о чем-либо другом, не о какой-нибудь, например, общей задаче мысли или деятельности. Счастье - не такая мыслимая *умом* задача, но *чувство*; оно не мыслится, но чувствуется. Как всякое чувство, оно реально только в самый момент его переживания». Ошибка Толстого состоит в том, что он смешивает «суждения ума о чувстве с самим чувством и упускает из виду то обстоятельство, что никакое суждение ума не может уничтожить раз реально почувствованного счастья и сделать его из бывшего счастья бывшим несчастьем». На подобной ошибке покоятся, по словам Астафьева, все известные пессимистические философии в духе А. Шопенгауэра и Э. Гартмана. «...В противовес всем рассудочным расчетам пессимизма, утверждающего, будто личное счастье никогда недостижимо», Астафьев полагает, что, «наоборот, каждый счастлив по-своему ровно столько, сколько живет». «Большего для жизни и не нужно! — восклицает философ, — ...чувствожизни и, следовательно, счастье каждым неизбежно всю жизнь достигается. Противоположное утверждение, ставящее судящий рассудок на место реального чувства, забывает очень простой психологический закон, что чувство только реально переживается, но не воспроизводится... в представлении или понятии... На одной такой - даже не метафизической, а только психологической – ошибке очевидно нельзя основывать отрицания смысла и реальности индивидуального бытия, как делает гр. Толстой».

«Не серьезнее обстоит дело» и с другим утверждением Толстого, «будто разум... имеет бытие общее, безличное, вне времени и пространства». Это философское положение, по словам Астафьева, не менее старо и банально, чем пер-

вое, и в нем надо уметь различать (не смешивать!) несомненную истину и несомненное заблуждение. Толстой как раз таки никакого различения не проводит. Он смешивает «содержание разума, его идеи, понятия, суждения (например, математические или нравственные истины), и ложные и истинные, — действительно общие людям всех времен и пространств» и «самый разум, имеющий это содержание». Подобное смешение было бы истиной, «...если бы сам разум был — только его содержание, если бы в сущности были только идеи, понятия, суждения, а разум был только поприщем, местом их самобытной сцены, развития, их вместилищем».

Толстой признает разум в качестве реального начала жизни. И Астафьев соглашается с ним: «Разум действительно есть реальное начало... он деятельно полагает, определяет свое содержание, свои идеи и понятия» и «...наше знание о нем самом есть самое несомненное и обязательное из всех наших знаний». Но все дело в том, что Толстой отождествляет разум с его содержанием и, тем самым, придает ему всеобщий и безличный характер. Против деперсонализации разума и восстает Астафьев: «...реальный разум, деятельно вырабатывающий общие и безличные, вневременные и внепространственные идеи свои, свое содержание, - сам ни безличен, ни общ, не представляется нам никогда ни вневременным, ни внепространственным. Он непосредственно ведом мне только как личный, знающий о себе (а в этой ведомости себе – и самое существо всякой жизни, сознание). Непосредственно же ведом мне разум, поэтому, и как не-общий, но именно относящийся к себе, полагающий себя, как я». Философ отстаивает самое важное положение собственной философии о том, что внутренний опыт есть ведомость личности самой себе. Поэтому в истинной философии (а значит, и в подлинной действительности) «места для признания «разума» гр. Л. Толстого, т. е. разума реального и в то же время безличного, общего и вневременного, - *нет*».

Итак, философская победа одержана. Учение Толстого предстало перед нами как еще одно проявление страшной стихийной силы. Его мысль цельна, последовательна, неумолима, но не ясна, клубится и смешивается, стирает установленные пределы разумного, принудительно обобщает. Она не различена, а потому и безлична, как и положено хтоническому чудовищу. В конце концов, она просто безобразна. Великий художник слова порождает ужасную, безобразную мысль, которая «...навсегда останется культурному человечеству уроком, как не должно мыслить». Для своего спасения философия Толстого, как философия, нуждается в «более серь-

езных метафизических основаниях», которых у него, однако, не имеется. Мировоззрение Толстого «...оказывается не выдерживающим даже легкого прикосновения философской критики, лишенным всякого основания, висящим в воздухе», подобно, добавим мы, отсеченной голове Медузы. Но и теперь оно не менее опасно: «перед нами все его невероятные выводы».

Всякое хтоническое начало есть принципиальное отрицание личности, поэтому учение Толстого, по мысли Астафьева, является тотальной и радикальной деперсонализацией всей человеческой жизни и культуры. Медуза, как ей и положено, убивает все, на что посмотрит, и Персей повсюду натыкается на измытые дождями окаменелости когда-то живых существ. «Неизбежным выводом из признания начала индивидуальности, личности - в принципе за зло и нелепость, - должно явиться отрицательное отношение ко всему, что в строе нашей жизни... служит началу личности, индивидуальности, способствуя его развитию или охраняя это развитие, или выражая собой результат, проявление личного развития». В число окаменелостей попадают любовь, семья, экономика, государство, право, наука, искусство. «Все это – или условия развития и охраны личности, индивидуальности, или ее выражения, - напряженные, развитые проявления. В отрицании всего этого, т. е. всей человеческой культуры, и состоит дальнейшее развитие взглядов гр. Л. Толстого...».

Следствием отречения Толстого от блага индивидуальной жизни становится возложенная на человека «обязанность трудиться руками в общей борьбе человечества с природой». Как думает Астафьев, исполнение подобной обязанности приведет только к полному одичанию человека и ликвидации всей «цивилизации». С этого момента в рассуждениях философа постепенно разворачивается еще одна неизбежная хтоническая метафора — метафора звериной дикости. «Конечно, — говорит философ, – советы [Толстого] звучат сразу очень дико, но они совершенно последовательно вытекают из однажды принятой исходной точки; дикость не в них, а во всем учении». Астафьев последовательно проводит образ «звероподобного идеала физической особи, работающей для своего прокормления» при рассмотрении толстовских мыслей о любви, искусстве и религии.

Источник любви Толстой в интерпретации Астафьева видит «в сознании бессмыслия индивидуального бытия». В этом источнике заключается существенное отличие учения морали Толстого от всех иных учений, проповедовавших подчинение личного блага общему во имя любви. Любовь и отречение, которым учит Толстой, «...очень похожи на "пожертвование" в пользу какогонибудь общего дела заведомо ничего нестоящей

акции, безнадежного векселя». Безличная любовь не может быть жертвенной, а значит, не может быть любовью. Но для Толстого «безличная и неисключительная любовь - единственная разумная». Она должна быть лишена всякого элемента личной избирательности, не делать никому никаких исключений и предпочтений, ни к кому не привязываться, не испытывать благодарности, не знать беспокойных надежд и заботливых опасений. Любовь Толстой замыкает в круг эгоистического влечения и довольства настоящим, тем самым пытаясь «отменить один из основных законов душевной жизни», по которому «всякое представление, чем более сильным чувством сопровождалось его первое появление в душе, тем прочнее и глубже запечатлевается в душе». «По этому закону, – замечает Астафьев, - человек, которого мы раз в жизни, хотя бы на короткое время, любили, через это уже неизбежно приобретает для нашей души особую ценность и значение, выделяется из массы безразличных для нее лиц. Выбор, личная и исключительная привязанность здесь, поэтому, неизбежны».

Толстой лишает любовь всякой социальной роли. Для Астафьева любовь – основа всякого личностного общения, без которого немыслима никакая общественность. «Происходит общение впечатлений, - пишет философ, - изменения в двух особях не только физические, но и психические, духовные. Это одно уже придает отношениям половой любви характер не чисто эгоистический и физический, но и идеальный, психический... давая одной душе глубоко заглянуть в другую и делая из этих отношений почву, на которой развиваются всякие вообще общественные чувства». Деперсонализировать любовь, значит, оставить в ней только «чисто плотское, животное, мерзкое и даже - увы! - свиное, - простую животную похоть». Любовь для Толстого — «зверское чувство». «Такой, прибавим, она может быть только в чистом скоте, вовсе не живущем психической жизнью».

Итак, «беспощадно-жесткое слово» Астафьевым сказано. Идеал Толстого оказывается идеалом «чистого скота» в прямом смысле слова. Поэтому Астафьев далее не удивляется толстовским рассуждениям о половой любви, семье и детях. Ему остается только примечать роковую последовательность развертывания чудовищного идеала. И когда Толстой в передаче Астафьева утверждает, что любовь — только зло и мерзость похоти, клубок взаимной холодной ненависти, злобы, животное чувство обладания и пожирания, недоверия и презрения, ядовитой ревности, обмана, лжи, разврата и порождения никому не нужных детей, то философу остается только констатировать: «Ответ ужасен, но пос-

ледователен». Или гневно восклицать: «И это говорит писатель, создавший образы Наташи и Китти!». Проповедь «чистого скота» венчается фатальным «...уничтожением индивидуальной жизни с прекращением человеческого рода как конечным исполнением закона жизни».

Науки и искусства, которые, по убеждению Астафьева, требуют «...для выполнения своих задач именно крайнего напряжения всех духовных сил особенно высоко и индивидуально развитой личности», вовсе не признаются Толстым в качестве обладающих «самостоятельным значением». Для Астафьева, который всю жизнь занимался наукой и отстаивал принципиальную автономию науки и искусства, идеал, отрицающий «истину, независимую от пользы», был совершенно непереносим. Приват-доценту и философу невозможно было согласиться с толстовским отрицанием умственного труда как праздности, разврата и паразитизма («не нужны и университеты!» — отчаянно вопиет Астафьев).

Особенную чудовищность Астафьев усматривает в толстовском отношении к музыке, как утонченном раздражении и разжигании похотливой чувственности, не соответствующей ни месту, ни времени. Свойство музыки пробуждать ощущения незаинтересованной, свободной игры самораскрытия человеческого я, «чувство без всякого определенного намека даже на обстоятельства его появления», Астафьев справедливо считал самой сущностью музыки. Поэтому, «если граф Л. Толстой так негодует на действие музыки на душу (в "Крейцеровой сонате") как возбуждающее в ней беспредметное и бесцельное, не находящее себе в окружающей обстановке никакого оправдания и приложения напряжение бесполезных чувств, то он негодует именно на самое существо музыки, ибо иной задачи, как возбуждение настроений (а не мыслей), она не имеет и иметь не может». Таким образом, толстовское отношение к науке и искусству служит Астафьеву еще одним подтверждением избранной им хтонической метафоры звериной дикости: «Ставшему звероподобным человеку (в роде, например, "Трех стариков") не достает только, для полного "совершенства", забыть человеческую речь и обрасти шерстью!!».

Своего логического завершения тератологическая мифологизация Толстого достигает в тот момент, когда Астафьев переходит к анализу религиозных представлений писателя. Главный признак религии Толстого — отрицание личности Бога и человека. Единственная форма общения между Богом и человеком, которая Толстым допускается, — это «подчинение своей животной индивидуальности закону разума, т. е. форма общения со своим родом, жизни не ради неосуществимого индивидуального блага, а благом рода и

во имя его». В религии Толстого «уже не требуется ни личный Бог, ни общение с Ним в молитве, таинстве и обряде. Личный Бог заменяется безличным «разумением жизни» или «сверхличным законом», а общение человека с Ним – общением его с земным, настоящим, прошедшим и будущим человечеством. Об отношении человека к высочайшему идеалу — Богу, о какой-либо любви к Нему, вере в Него и надежде на Него здесь не может быть речи». Роковым последствием деперсонализации религии, по мысли Астафьева, является «...упразднение или возможное ограничение значения мысли о трансцендентном мире в нравственно-религиозной жизни и ограничение последней областью опытной, земной действительности, ее пользы и нужд. Везде одна мысль: упразднить небо, свести его на землю, сделать его земным». Религия Толстого, таким образом, оказывается тотальной имманентизацией, восстанием всех стихийных сил земли.

«За отнятую у человеческого духа... мысль о небе, о Боге, о Трансцендентном», Толстой может его вознаградить только «...упрощением, ограничением жизни... до самого скудного, минимального, только животного содержания, до звероподобного идеала человека, который "работает для того, чтобы есть, и ест для того, чтобы работать"...». Для Астафьева религиозный идеал Толстого по степени своей дикости превосходит не только учения Конфуция или Будды, но и верования «нецивилизованных» дикарей: «Это - религия чисто-практическая, утилитарная, без откровенного содержания, религия рассудочного "здравого смысла", в роде, например, бедной религии Конфуция, более бедной, чем даже религия самого дикого из полинезийских дикарей, для духовного обихода которого все же есть чтонибудь кроме серенького "здравого смысла" и физической пользы!».

Религиозное мировоззрение Толстого, подобно его учению о жизни, покоится на смешении, неразличении рационализированной морали и религии. В этом Астафьев видит коренной порок толстовской религиозности: «Человек и человечество ищут здесь своего спасения в наличной действительности путем рассудочного искания... нравственного поведения». «Нравственная доктрина, - проводит в противовес свое различение Астафьев, - может быть и весьма чистою и высоконравственною как доктрина, но религиозный характер и, главное, полную действенность она приобретает лишь тогда, когда не ограничивает эту задачу нравственного существа одними непосредственными задачами и отношениями его земной деятельности. Она становится религиозною лишь, когда признает нечто высшее этих задач...». Поэтому обречены на неудачу все апологетические попытки сторонников Толстого (напр., Н. Н. Страхова) доказать, что центр его учения составляют не какие-либо догматы, а христианские правила жизни. В христианстве, как справедливо замечает Астафьев, правило жизни и правило веры – одно целое. Лучшее свидетельство тому - жизнь христианских святых, которые достигали совершенной жизни «...отнюдь не отрицая трансцендентного ни в содержании религии, ни в религиозном настроении верующего человека, не отрицая ни личного Бога, ни Церкви, ни молитвы, ни обряда!». И теперь философу только и остается, как полностью отвергнуть право Толстого называть свое учение религиозным: «Называть это учение земной нравственности, хотя бы и пересыпанное обильно текстами Священного Писания, религиозно-нравственным — можно только забывая, что множество нравственных доктрин, проповедовавших и любовь к ближнему, и святую, безгрешную жизнь, ничему живому не вредящую, строилось на почве религиозного индифферентизма и даже отрицания всякой религии». «Это отречение от религии вообще», - заключает Астафьев.

Однако на этом астафьевская мифологизация Толстого не остановилась. Чудовищная стихийность гения требовала признания своей мировой роли. Внутренняя логика хтонической метафоры понуждала философа вписать Толстого в «космос» современности. Дикость, звероподобие, иррациональная мощь бунтующей против неба земли оказались выражением общего направления мирового развития. В нескольких работах Астафьев недвусмысленно называл это направление «новым варварством», в основе которого лежит губительный для человечества дуализм «неограниченного разума и неопределенной в себе воли». Подобный дуализм, по мнению философа, ведет к торжеству полного отрицания «самости, безусловного в личности»; «современная жизнь... забыла человеческую личность», во всех сферах жизни заменяя «живое я» на «пустое я». Тотальная деперсонализация «современности» повлекла за собой почти необратимый процесс деградации, выражением которого явилось разрушение или извращение в мысли и жизни классических и сакральных идеалов христианства, любви, свободы, искусства, национальности, языка и слова, философии. Их место постепенно занимают «утилитарно-социальные, мелкобуржуазные идеалы» жизни и мысли. Рационализированная религия, позитивная наука, социальное искусство и «естественная» мораль — все это в глазах Астафьева есть «крупный шаг человечества назад». Активными и сознательными виновниками всеобщего отступления философ считает культурные феномены и персонажи, подобные энциклопедистам, позитивистам, материалистам, американскому практицизму, А. Шопенгауэру, Э. Гартману, Ф. Ницше и многим другим. И хотя Астафьев на исходе XIX столетия констатирует так называемое «религиозное обновление», он обнаруживает в новой волне «духовности» только признаки дальнейшего разложения, психологический коррелят материализма и позитивизма (проекты «научной религии» П. Каруса, религия человечества О. Конта, теократия В. С. Соловьева и др.).

По мнению Астафьева, русская интеллигенция уже внесла свой невозвратный вклад в мировое культурное отступление. И влиянию Толстого, наряду с нигилизмом 1860-х гг. и теократическими проектами В. С. Соловьева, философ приписывает немалую долю этого вклада. Учение Толстого, поэтому, важно «не как учение, но как знамение времени и симптом нашего духовного недомогания». Толстой приобретает статус одного из символов всемирного извращения. Он оказывается участником борьбы «хаоса» и «космоса» в мировой истории и превращается тем самым в героя космогонической трагедии. Трагедия метаморфозы «чистой красоты» в хтоническое чудовище возвышается до трагедии мировых катастроф: «Заблуждение слишком систематично, колоссально и глубоко-неисправимо для того, чтобы, в виду производимого им потрясающего, истиннотрагического впечатления, оставлять место таким чувствам, как вражда и негодование».

Восстание «земли против неба» за право имманентной автономии земной жизни завершается столь ужасающим «сужением задач жизни», что «самое содержание жизни доводится до minimum'a». Учение Толстого желает быть «...практическим, учением об идеальной жизни, указанием... путей, как человеку нужно жить», но оно фатально «...кончается полным отрицанием самой жизни, самой своей практической задачи, сводится к указанию путей, ведущих более или менее успешно, целесообразно, не к высшему и лучшему бытию, но к прекращению жизни, - к смерти!». Это «учение не жизни, но смерти». По мере того, как одно за другим осуждаются религия и Церковь, наука и искусство, народность и государство, всякое личное чувство и сама личность, а взамен «...оставляется нетронутым только простое, безобидное, безыдейное и бесстрастное существование, прокормление себя собственным трудом и содействие в том же другим», великий отрицатель судит свою собственную жизнь, «...упраздняет... делает ее далее или невозможною, или бессмысленною». Чудовище губит, пожирает само себя. «Само, одним своим появлением в обнаженном виде, оно произносит себе приговор, тем более беспощадный и страшный, чем на созидание этой злой карикатуры мироздания было положено более сил, таланта и искренней, беззаветной страсти». Вся великая, гениальная стихийная мощь, покусившаяся на основания «космоса», вдруг разрешилась безобразной и ужасной пародией и собственным умерщвлением. Трагедия увенчалась смертью или самоубийством чудовища. И другого исхода трагедия не знает.

На этом месте Астафьев-критик, Астафьевфилософ умолкает, словно окаменевший перед открывшейся правдой: «Приходить в ужас, в негодование? Но негодованием сделанному злу не поможешь! Никакая критика здесь ничего не прибавит к самому, слишком красноречивому факту». Остается только один выход — устранить сам факт.

С чудовищами не сражаются перьями и бумагой. Философская критика и публицистика в лучшем случае убеждают убежденных. Астафьев это понимал и оттого возлагал свои надежды на победу в противостоянии мировому отступлению на три силы: на простой народ, на «круг людей с высшими духовными запросами и развитием» и на независимое, историческое, народное государство, которое есть «главный внешний оплот личной и народной самобытности, личной свободы и духовной культуры».

Влияние на «простой народ» у Астафьева намечалось в отдаленной перспективе. Вдобавок, «народ» философ интерпретировал в традициях органических теорий истории как «естественный самобытный организм», который еще нуждается в выработке собственного цельного мировоззрения. Как сила «естественная» и не вполне сознательная, «народ» рисовался философу, скорее, в образе большого дитя, о котором требуется постоянное попечение со стороны «людей с высшими запросами» и государства. Слишком стихийная сила «народа» была не надежным союзником в борьбе с чудовищем толстовства, а символическим капиталом и ресурсом, борьбу за который еще предстояло выиграть.

Чуть заметнее было влияние Астафьева на московское студенчество («...искренне чувствующие неправду в своей жизни и ищущие из нее выхода, полуобразованные и преимущественно юные массы...») в качестве преподавателя и тьютора Лицея цесаревича Николая и, позже, приватдоцента Московского университета. Не случайно философ свою книгу «Учение гр. Л. Н. Толстого в его целом» посвящает: «...моим дорогим молодым друзьям, бывшим моим слушателям, студентам университетского отделения Лицея Цесаревича Николая с 1881 по 1890 год». Деятельность Астафьева среди студентов вызвала одобрительную и несколько преувеличенную оценку в одном из писем к нему Я. П. Полонского: «Всякий из нас — вопреки учению Л. **Н. Толстого обязан бороться** с тем, что он считает злом – и Вы один из этих борцов; но много ли найдете Вы Вам искренне сочувствующих!.. Как Ваши студенты относятся к Вашим идеям? Если сочувственно — то это знаменательный поворот в общественном мнении».

Но самое действенное средство практической борьбы с учением Толстого философ обрел в качестве государственного цензора. В 1887 г. в цензурных комитетах активно обсуждалась деятельность толстовского издательства «Посредник». Между отдельными комитетами и цензорами не было еще согласия, каким образом оценивать и какие меры предпринять по отношению к брошюркам Толстого. В Московском комитете существенную роль в ужесточении цензуры к книжкам «Посредника» сыграл как раз таки Астафьев (он прослужил цензором в Московском цензурном комитете с ноября 1885 г. по июнь 1890 г.).

В Главное управление по делам печати 3 октября 1887 г. поступил доклад председателя Московского цензурного комитета В. Я. Федорова о прениях, проходивших в комитете по поводу «Посредника». Главными докладчиками были Астафьев и Воронич. Астафьев выступил с осуждением деятельности и продукции толстовского издательства и требовал передавать брошюрки в духовную цензуру, поскольку они являются «художественной иллюстрацией к религиознонравственному мировоззрению» Толстого. С прямо противоположным мнением выступил цензор Воронич. Он доказывал, что тексты Толстого - «художественная иллюстрация к Евангелию», только «мораль в них неясная», а потому советовал ограничиться для них светской цензурой. Все члены комитета, кроме Воронича, согласились с мнением Астафьева. Склоняется к нему и сам председатель комитета, хотя отмечает отсутствие единой оценки работы «Посредника» и колебания самих цензоров. Тот же Астафьев, по его словам, при «...недавнем обсуждении брошюр гр. Толстого признал возможным дозволить к печати брошюру "Чем люди живы"...», безусловно запрещенную его коллегой. К своему отчету В. Я. Федоров приложил два упомянутых доклада. Кроме того, текст цензорского доклада Астафьева о деятельности толстовского издательства «Посредник» был прислан в редакцию журнала «Русское обозрение» и сохранился в фонде его редактора, ученика Астафьева, А. А. Александрова.

Содержание доклада свидетельствует, что именно служба в цензуре и необходимость составления подобных документов способствовали оформлению отношения Астафьева к учению Толстого — вплоть до выработки окончательных определений и методов анализа. В докладе мы находим все основные критические положения будущих произведений философа. Во-первых,

ясно обозначено желание Астафьева воссоздать целостную картину мировоззрения Толстого как последовательного развития *«единой* мысли»: «...строго-выдержанная *внутренняя связь* всех этих брошюрок между собой по мысли, *единой* в них, несмотря на разнообразие тем...». «Если же действие свое на ум и сердце народа брошюры "Посредника" производят всей своей *совокупностью*, *системой*, — убеждает свое начальство философ, — то и судить о них следует именно с точки зрения этой совокупности, целой системы...».

Главная проблема и для Астафьева-философа, и для Астафьева-цензора звучит одинаково - что нам делать с этим учением и его создателем? «...Насколько желательно и дозволительно в видах Государства, Церкви и нравственности это распространение в народе, насколько оно имеет право встретить содействие или противодействие со стороны органов Государства, Церкви и охраняющих народную нравственность учреждения, какова Цензура?» Только во втором случае проблема приобретает более заметный политический оттенок: «...укажу только на один необходимый и, несомненно, вредный результат подобной проповеди, особенно в малообразованной среде читателей, пишет цензор. – Признав неистинным, искажением чистой религии и морали столь многое из содержания господствующей ныне в Государстве и обществе, руководящей их духовной жизнью и воплощающей свои начала в массе существующих учреждений, религии и морали, — проповедь эта естественно должна признавать ложью и эти, только из тех начал почерпающие свой смысл учреждения, побуждать к их критике и осуждению во имя будто бы нравственной чистоты и чистоты религии».

«...Это в поучениях-то для народа!!», - страстно восклицает Астафьев и, можно заметить, что в своей философии он был гораздо оптимистичнее в оценках сознательности и религиозности «простого народа». Цензорская служба провоцировала его на использования метафор беззащитности, наивности, «естественности» того же самого народа. «Народные умы», которые в философских построениях Астафьева готовы противостоять всем процессам мирового разложения, теперь легко поддаются на сторонние влияния, которые становятся для них вдруг «особенно привлекательными». Народ, вера которого чиста и крепка, для которого «душа всего дороже», поддается воздействию мировоззрения «...одинаково далекого и от действительной религии и от действительной морали», потому что брошюрки Толстого «чрезвычайно дешевы» и, конечно же, «художественно и всегда общедоступно, ярко и ясно изложены». И неудивительно, что, «если в крепости и чистоте религиозных понятий народа — крепчайшая опора Государства, драгоценнейшее достояние наше и залог будущности для нашего Отечества, то едва ли можно не признать, что "духовная пища", предлагаемая народу в форме художественных иллюстраций изложенного мировоззрения графа Толстого есть чистейший, разлагающий яд».

Помимо разлагающей «чистейшей ядовитости» учение Толстого приобретает в докладе Астафьева новые хтонические черты. Во-первых, как угроза политическому «космосу» государства. Во-вторых, как влиятельная и организованная сила с ее «огромными количествами», «невероятной быстротой», «повсеместным распространением» и магией проникающего в умы и сердца «внушения».

И, наконец, следует практический совет при обсуждении «...брошюр фирмы "Посредник" 1) обращать прежде всего внимание на прямую или косвенную связь их содержания с вопросами веры и Церкви, а 2) входить всякий раз на основании 38 и 39 стат[ей] Уст[ава] Ценз[уры] в сношения с Цензурой духовной...». Совет не остался только на бумаге. Мнение Астафьева о необходимых цензурных мерах по отношению к толстовскому «Посреднику» возобладало в Московском комитете. Уже 20 декабря того же 1887 г. Астафьев передает знаменитое сочинение Толстого «О жизни» в духовную цензуру.

Но нашему Персею в борьбе с хтоническим противником пришлось выдержать не только явные столкновения мнений и личностей в цензурном комитете, но почувствовать и скрытые линии напряжения в среде людей «с высшими духовными запросами и развитием», в среде своих собратьев философов из Московского Психологического общества и журнала «Вопросы философии и психологии». Завеса, покрывающая тайную историю интеллектуальных противостояний, слегка приподнимается в данном случае в переписке Н. Н. Страхова и Н. Я. Грота. Из нее мы узнаем о резкой реакции Страхова на статью Астафьева. Грот, как редактор журнала «Вопросы философии и психологии» и лицо, заинтересованное в сохранении благосклонности обоих авторов, вынужден был оправдываться и объясняться. «Я ведь совершенно согласен, — писал Грот 3 сентября 1890 г., – что в статье Астафьева есть непродуманные вещи. Но я должен был поместить его статью за [нрзб.] услуги его как цензора журнала и члена Психологического Общества, да и вообще он имеет некоторое имя и сам за себя может отвечать. Я цензирую строго "младенцев", но он не младенец. Впрочем, между нами, я таки кое-что в этой статье урезал и смягчил – по взаимному уговору». Цензор – наш философ с красным карандашом – требует ужесточения цензурных мер против известного писателя, но, скорее всего, не подозревает, что сам оказывается объектом таких же требований со стороны своего коллеги-философа, исполняющего роль закулисного цензора — цензора по совести. Цензор оказывает «услуги», т. е. прикрывает в своем комитете известный журнал и за это вознаграждается публикациями, но редактор журнала, со своей стороны, сам цензурирует своего услужливого цензора и прикрывает его от давления негласной цензуры других авторов того же журнала.

Страхов, видимо, не удовлетворился объяснениями Грота, потому что в письме от 22 сентября 1890 г. редактор продолжал оправдываться перед своим автором: «Вы забыли, что наш журнал - орган Психологического Общества, коего Астафьев член, и затем, что в нем допускаются всякие мнения. Взглядов Астафьева я не разделяю, но все-таки допустил статью, а в будущем номере начнет печататься "Письма о книге «О жизни» Л. Н. Толстого" проф. Козлова и статья "Нравственное учение гр. Толстого" Волынского (Флексера). Если хотите, то можете высказаться и Вы о том же предмете (в мартовской книжке) и я Вам буду очень признателен. Но вот как люди близкие по убеждениям расходятся во мнениях: Лопатин нашел статью Астафьева слишком хвалебною и вообще он совсем не признает никакой цены за философией Л.Н., о чем мы часто яро спорим». Страхов принял предложение Грота и в феврале 1891 г. написал свою известную статью «Толки о Толстом», которая и была опубликована в «Вопросах философии и психологии». В данном случае Гроту как редактору удалось разрядить возникшее напряжение («...какой Вавилон – наша общественная мысль») посредством стимулирования своих авторов к написанию текстов, столь необходимых для его журнала.

В своей статье Страхов относит Астафьева в число противников Толстого — «и притом очень жестоких» — и, в качестве убедительного примера, цитирует уже известные нам слова о Медузе. Метафора не пришлась Страхову по душе, как и вся астафьевская критика в целом. Страхов подозревает, что философу «не знаком истинный дух» христианства, поскольку именно Толстой и «открыл настоящий дух Христова нравоучения».

Таким образом, в выступлении Астафьева сосредоточились в одно взрывное целое почти все обстоятельства его интеллектуальной и личной жизни. И можно уверенно сказать, что для философа борение с гением Толстого было столь же серьезным и искренним делом, как для самого Толстого распространение его собственного учения.

В этом, на первый взгляд, чисто идейном противостоянии проявляются знакомые черты социального явления, которому вскоре в истории России будет принадлежать огромная власть. Это — идеология. Борение Астафьева с влиянием толстовского учения является борьбой за созда-

ние интеллектуальной модели идеологического управления страной. Все основные элементы идеологического будущего ясно обозначены и осознанны Астафьевым: пассивный народ, сознанием которого призвана управлять активная интеллигенция, использующая для достижения национального торжества своего мировоззрения могущество государства. И философ верил, что именно его философия призвана стать общенациональным мировоззрением. Поэтому учение Толстого не могло восприниматься Астафьевым с холодным объективизмом отвлеченного критика. Его противоборство с Толстым – противоборство идеологическое. Трудно отделаться от впечатления, что Астафьев со страхом завидует успешности толстовской пропаганды. Поэтому ему было так важно расчленить личность Толстого на "Толстого-художника" и "Толстого-учителя". Тем самым Астафьев изменял своим методологическим установкам и принципиальному персонализму своей философии.

Литературные герои Толстого, вопреки гениальной объективности писателя, вынужденно подчиняются, уродуются в угоду учению. «Его [Толстого] очевидные любимцы – люди без резко выраженного индивидуального характера, это - или люди, живущие мыслью и стремлениями масс, родовыми (например, Каратаев), или люди, не умеющие ни мыслить, ни хотеть определенно, вечно колеблющиеся по ветру, бестолково ищущие, бесхарактерные и ничтожные (например, Безухов или Левин). Наоборот, к людям с резко обозначенным и сильным личным характером автор наш относится, несмотря на свою художественность, порой, очевидно, пристрастно несправедливо (Наполеон; Болконский). В других случаях он старается с явной натяжкой изобразить своих любимцев живущими исключительно мыслью и чувством безличной массы, рода, лишая их всякой личной инициативы (например, Кутузов). Этой же преобладающей мыслью автора определяется и особенный характер его объективного творчества». Получается, что Толстой только там истинный художник, где он забывает о своем учении, и, наоборот, – там, где Толстой начинает учительствовать, он перестает быть художником.

Медуза сторожит сокровища, объективные образы самой жизни, но многих сбивает с пути и губит. Следует освободить жизнь от власти чудовища, от чар ее магического губительного взгляда. Это можно сделать только одним способом – отрубить голову Медузе. Разрывая Толстого на «учителя» и «художника», Астафьев символически повторяет подвиг Персея. Единство личности Толстого, со всеми ее противоречиями и мощью, оказалось невыносимым для персоналиста Астафьева. Последнее заключение философа таково: «В этих бессмертных образах, созданных им [Толстым], внутренняя правда действительности, именно благодаря его чрезвычайной объективности, наперекор его желаниям и тенденциям, говорит сильнее и яснее, чем в его философствующих личных поучениях и рассуждениях. Там сама жизнь, а жизнь всегда поучительнее любого учителя... Учение же его, столь много праздных живо развлекавшее и столь многих искренних, но слабых, сбившее — увы! — с толку, навсегда останется культурному человечеству уроком, как не должно мыслить».

Слишком независимая от власти философских категорий личность Толстого оказалась искушением для персонализма Астафьева. Развертывая метафору чудовищной Медузы, философупустил из виду один мифологический факт — из крови убитой Медузы родился Пегас.

ЛИТЕРАТУРА

- 1. Астафьев П. Е. Нравственное учение гр. Л. Н. Толстого и его новейшие критики // Вопросы философии и психологии. 1890. Кн. 4.
- 2. Астафьев П. Е. Рец.: Мысль и язык. А. Потебня. Харьков, 1892 // МВед. 1892. № 311.
- 3. Астафьев П. Е. Старое недоразумение. М., 1888.
- 4. Астафьев П.Е. Учение гр. Л. Н. Толстого в его целом. М., 1892
- Астафьев П.Е. Народность в музыке // Московский листок. – 1892. -№ 322.
- 6. Астафьев П.Е. Монизм или дуализм? Понятие и жизнь. Ярославль, 1872..
- 7. Розанов В. В. Литературные изгнанники. Н. Н. Страхов. К. Н. Леонтьев. - М., 2001.

ЕСТЬ ЛИ У ТВАРДОВСКОГО СТИХИ О ЛЮБВИ

© 2008 Р.М. Романова

Так уж повелось, что критики, литературоведы да и собратья по перу раз и навсегда причислили Твардовского к поэтам без стихов о любви. "Твардовский был редким большим поэтом без стихов о любви. Но вся его поэзия была исповедью в мучительной любви к своему народу" [2, 521]; "О любви — строчки нет" [4].

Если с констатацией того, что поэзия Твардовского "была исповедью в мучительной любви к своему народу" нельзя не согласиться, то заключение, что Твардовский — "поэт — без стихов о любви", позволим себе поставить под сомнение.

Прижизненное пятитомное собрание сочинений поэта открывает стихотворение "В глуши":

До заморозка в город не пробиться

Сквозь неживой болотный полукруг.

Как редко залетающие птицы,

Доходят письма из любимых рук... (Выделено нами. — P. P.)

В 1927 году Твардовский написал стихотворение "Невеста" ("Юный товарищ", 1927, 18 мая), через девять лет переработанное и опубликованное в ином расширенном варианте в газете "Рабочий путь" (1936, 28 августа):

Мы с тобой играли вместе, Пыль топтали у завалин. И тебя моей невестой Все, бывало, называли.

Мы росли с тобой, а кто-то Рос совсем в другом краю И в полгода заработал Сразу всю любовь твою...

Вся ты им живешь и дышишь, Вся верна, чиста, как мать. Ничего тут не попишешь, Да и нечего писать...

Пусть он смелый, Пусть известный, Пусть еще побьет рекорд, Но и пусть мою невесту Хорошенько любит, Черт!

Нарочито грубоватая безыскусно лукавая концовка невольно напоминает известные с юности более возвышенные строчки:

...Я вас любил так искренно, так нежно, Как дай вам бог любимой быть другим равно, как и написанные спустя более века нашим современником:

…Да будет мужественным твой путь, да будет он прям и прост. Да будет во мгле для тебя гореть звездная мишура, да будет надежда ладони греть у твоего костра... Да будет могуч и прекрасен бой, гремящий в твоей груди.

Я счастлив за тех, которым с тобой, может быть, по пути.
(И. Бродский «Прощай, позабудь...», 1957).

В стихах Твардовского неожиданные встречи напоминают о своем, потаенном, глубоко интимном:

…Девчонка стоит у колодца, Она обернется, я знаю, И через плечо улыбнется, Гребенку свою поправляя. Другая мне девушка снится, Но я не боюсь порицанья: Спасибо и вам, озорница, За ваше вниманье,

Р.М. Романова

а иные отсылают к широко известным сюжетным зарисовкам XIX века. Так, к примеру, строки стихотворения "Шофер":

...И девчонка у колодца Скромный делает кивок. Журавель скрипит и гнется, Вода льется на песок.

Парень плавно, осторожно Развернулся у плетня. - Разрешите, если можно, Напоить у вас коня.

Та краснеет и смеется, Наклонилась над ведром: - Почему ж? Вода найдется. С вас и денег не возьмем Где-то виделись, сдается?.. -А вода опять же льется, Рассыпаясь серебром...

На околице воротца Открывает старый дед, А девчонка у колодца Остается, Смотрит вслед: Обернется или нет?..

Что это? Зародившаяся симпатия, предвкушение любви или любовь с первого взгляда? Стоит прочесть эти строки, как тут же всплывают в памяти:

Помню, я еще младешенька была.
Наша армия в поход далекий шла.
Вечерело. Я стояла у ворот,
А по улице все конница идет.
Тут подъехал ко мне барин молодой
- Угости, напой красавица водой.
Он напился, крепко руку мне пожал,
Наклонился и меня поцеловал.
Долго я тогда смотрела ему вслед,
Помутился предо мною белый свет.
Всю—то ноченьку мне спать было невмочь.
Раскрасавец барин снился мне всю ночь...

Тема любви, первого светлого юношеского чувства затронута Твардовским в стихотворениях "На свадьбе", "Здравствуй, сверстница и тезка...", "Размолвка", "Соперники". Однако не следует думать, что любовь в лирике Твардовского всегда безоблачна. Отнюдь нет. Ничто человеческое ей не чуждо, в том числе и разлука:

…Поперек реки широкой Был проложен путь прямой. Той дорогой, той дорогой Я ходил к тебе зимой… Выйду, выйду напоследки, Ой, как воды высоки, Лед идет цепочкой редкой Серединою реки.

Высоки и вольны воды. Вот пройдет еще два дня -С первым, с первым пароходом Ты уедешь от меня.

("Ледоход")

В поэзии Твардовского мы не найдем бурных страстей "на разрыв аорты", нам и в голову не придет представить себе, чтобы лирический герой Твардовского обратился к любимой им девушке со словами: "Сто раз целуй меня и тысячу, и снова // Еще до тысячи, опять до ста другого, // До новой тысячи, до новых сот опять". Ссоры и примирения происходят не столь мучительно и бурно, как у героев Горация. Никаких мучительных страстей в поэзии Твардовского мы не встретим, нет у него и душераздирающих сцен расставания.

Мы на свете мало жили, Показалось нам тогда, Что на свете мы чужие Расстаемся навсегда.

Ты вернулась за вещами, Ты спешила уходить И решила на прощанье Только печку затопить.

Занялась огнем береста, И защелкали дрова, И сказала ты мне просто Дорогие мне слова.

Знаем мы теперь с тобою, Как любовь свою беречь. Чуть увидим что такое -Так сейчас же топим печь.

"Топим печь" отнюдь не означает топки печи в буквальном смысле этого слова. Не о "занявшейся огнем бересте" и "щелкающих дровах" речь. Скорее всего, поэт пишет о "потаенном сердечном тепле" (М. Петровых), незримой нитью связывающем две любящие души.

Поэзию Твардовского, стихи о любви особенно, "отличает удивительно целомудренное, бережное отношение к женщине" [3, 65]. Характерная ее черта, свойственная, пожалуй, только Твардовскому, — последнее, решающее слово остается всегда за женщиной ("И сказала ты мне просто // Дорогие мне слова").

Особенно наглядно эта черта проявлена в двух его стихотворениях: "Я взволнован. Вот и

ЕСТЬ ЛИ У ТВАРДОВСКОГО СТИХИ О ЛЮБВИ

снова..." и "Звезды, звезды, как мне быть...". Поскольку первое из них относится к числу малоизвестных, позволим себе процитировать его полностью:

- Я взволнован. Вот и снова Мы одни с тобой в саду. Твоего опять я слова, Твоего ответа жду.
- Я б могла тебе ответить, Но не в том, пожалуй, суть. Без меня-то жить на свете Ты ведь можешь как-нибудь?
- То есть как так жить? Известно, Перед жизнью все в долгу. Жизнь бесценна и чудесна. Жить, понятно, я могу.
- И прекрасно. Так чего же Ты хотел еще, дружок? И живи себе, раз можешь. Вот когда б ты жить не мог...
- Ну, а если б я ответил. Если бы сказал я: да, Не могу, мол, жить на свете, Умираю. Что тогда?

А тогда бы, верь мне, милый, Говорю тебе, не лгу: У себя бы я спросила— Как, мол, я-то? Жить могу?

Не менее категоричным вердиктом со стороны героини заканчивается и стихотворение "Звезды, звезды, как мне быть…":

...Полюбите так меня, Чтоб вам трудно стало.

Чтобы не было для вас Все на свете просто, Чтоб хотелось вам подчас Прыгнуть в воду с моста.

Чтоб ни дыма, ни огня Вам не страшно было. Полюбите так меня, Чтоб я вас любила.

Не обойдена тема любви Твардовским и в поэмах. В семнадцатой главе Страны Муравии" читаем:

Молодым — любовь да счастье, На поре невеста-дочь. По двору Васек и Настя Провожаются всю ночь.

Проведет он до порога:

- Ну, прощай, стучись домой.
- Нет, и я тебя немного Провожу, хороший мой.

И доводит до окошка:

- Ну, прощай, хороший мой.
- Дай же я тебя немножко Провожу теперь домой.

Дело близится к рассвету, Ночь свежеет— не беда.

- Дай же я тебя за это...
- Дай же я тебя тогда...

Поэму "Василий Теркин" поэт писал "среди большой войны жестокой", "в тяжкий час земли родной". До любви ли, когда "бой идет святой и правый. // Смертный бой, не ради славы, // Ради жизни на земле"? До любви, потому как без любви не будет и жизни на земле.

То была печаль большая, Как брели мы на восток.

Шли худые, шли босые В неизвестные края.

Что там, где она, Россия, По какой рубеж своя!..

Командир шагал угрюмо, Тоже, исподволь смотрю, Что-то он все время думал, думал... - Брось ты думать, говорю. Говорю ему душевно. Он в ответ и молвит вдруг: - По пути моя деревня. Как ты мыслишь, политрук?..

Тут какой бы ни был строгий, А сказал бы ты: "Зайдем..."...

А пришли туда мы поздно, И задами, коноплей, Осторожный и серьезный, Вел он всех к себе домой...

Дети спят. Жена хлопочет, В горький грустный праздник свой, Как ни мало этой ночи, А и та — не ей одной...

Напоила, накормила, Уложила на покой...

Р.М. Романова

Кончив сборы, разговоры, Улеглись бойцы в дому. Лег хозяин. Но не скоро Подошла она к нему.

Тихо звякала посудой, Что-то шила при огне. А хозяин ждет оттуда, Из угла. Неловко мне.

Все товарищи уснули, А меня не гнет ко сну.

Дай-ка лучше в карауле На крылечке прикорну...

("Перед боем")

Не отправиться ли и нам вслед за страдающим бессонницей бойцом, вспомнив по пути строки отнюдь не пуританского римского поэта:

Муза, остановись перед порогом Любви! И без тебя у них потекут торопливые речи, *И для ласкающих рук дело найдется легко*...

Есть в поэме и отдельная глава, так и озаглавленная: "О любви": «...Дорогая Машенька, вчерашнего дня ждал с волнением. Решил сделать тебе подарок — написать тебе специальную главку "Теркина". Глава получилась хорошая, так, по крайней мере, говорят все, так и самому кажется. Я спешил с ней, хотелось прочесть ее вечером 28-го⁵, когда ты так или иначе была бы дома, может быть, у тебя кто-нибудь был бы, и вдруг бы ты услыхала эту главу — "О любви". Но человек предполагает, а редактор располагает. Главу не успели пропустить через инстанции. Пришлось читать старое» [1, 163].

"На днях читал по радио последнюю главу — она не только посвящена тебе, но и родилась из мыслей о тебе. Читал ее с большим волнением, как будто ты сидела напротив стола..."6:

Всех, кого взяла война, Каждого солдата Проводила хоть одна Женшина когда-то.

Не подарок, так белье Собрала, быть может, И что дальше без нее, То она дороже...

Взгляд последний этих глаз, Что забудь, попробуй.

Обойдись в пути большом, Глупой славы ради, Без любви, что видел в нем, В том прощальном взгляде...

Да, друзья, любовь жены, -Кто не знал, - поверьте, -На войне сильней войны И, быть может, смерти...

Жены думают, любя, Что иное слово Все ж скорей найдет тебя На войне живого...

В первой публикации ("Красноармейская правда", 1943, 5 февраля) и последующих перепечатках глава печаталась без посвящения. Следует, кстати, заметить, что у Твардовского, за исключением двух коллективных ("Сто двадцать третьей ордена Ленина дивизии посвящается" и "Танковому экипажу братьев Пухолевич"), стихов с посвящением нет, хотя иные и имели своего адресата. Чтобы не быть голословными, позволим себе небольшое отступление.

23 июля 1965 года в редакции журнала "Новый мир" отмечалось 60-летие М. А. Лифшица⁷. «23.VII.65. Сегодня "водосвятие" в честь Михаила Александровича Лифшица — ему 60 лет. Собрались в редакции в 5 часов — сначала было натянуто, потом разошлось. А. Т. прочел очень недурные стихи, которые, как он вспомнил, были у него в тетрадочке — он посвятил их М. А.» Имеется в виду стихотворение "Есть книги — волею приличий…". Подаренный М. А. Лифшицу вариант несколько отличался от канонического, но в публикациях никакого посвящения ему предпослано не было⁹.

И, наконец, поэма "За далью — даль" с главой "Москва... в пути", в первой публикации ("Правда", 1956, 3 июня) озаглавленной "Молодожены":

… Читатель, может быть, припомнит Молодоженов-москвичей, Что в стороне держались скромно, Дорогой заняты своей, Своей безмолвною беседой Про тот, наверно, край земли, Куда они впервые едут В составе собственной семьи.

Занятых собой молодоженов, "рука с рукой — по-детски мило" стоящих у вагонного окна, вряд ли занимает суетный мир вагона:

...Они у крайнего окна Стоят посередине мира -

Он и она, Муж и жена.

ЕСТЬ ЛИ У ТВАРДОВСКОГО СТИХИ О ЛЮБВИ

Своя безмолвная беседа

Y этой новенькой четы...

("Литературный разговор")

После всего вышесказанного, трудно согласиться, что у Твардовского "о любви — строчки нет". Есть, и не одна. Нет у него иного: откровенно эротических сцен, подглядывания в замочную скважину, смакования того, что является достоянием только двоих. Он всегда вовремя оставляет возлюбленных наедине.

И в этом он — прямой продолжатель традиций "святой русской литературы" (Томас Манн), имеющий полное право предпослать своим стихам о любви строку Лермонтова:

"... есть во мне к стыдливости вниманье" ("Сашка")

ЛИТЕРАТУРА

- 1. Александр Твардовский. "Я в свою ходил атаку..." Дневники. Письма. 1941-1945.-M.: Вагриус, 2005.
- 2. Евтушенко Е.А. Строфы века. Антология русской поэзии / Е. А. Евтушенко. Минск, 1995.
- 3. Никонова Т. А. Женщина в художественном мире А. Твардовского./ Т. А. Никонова // А. Т. Твардовский и русская литература: Сб. науч. работ, посвященных 90-летию со дня рождения А. Т. Твардовского: Мат-лы конференции.— Воронеж: Полиграф, 2000.
- 4. Савостин Н. "В раздумьях о Твардовском" / Н. Савостин.

КАТЕГОРИЯ КВАНТИТАТИВНОСТИ В ПЕРСПЕКТИВЕ МОРФОТЕМНОГО АНАЛИЗА

© 2008 И.П. Савельева

Кубанский государственный университет

Категория квантитативности является одной из основных категорий мышления человека, поскольку все виды и формы материи характеризуются количественной определенностью. Количественная определенность вещи может относиться как к внешним ее признакам, т. е. к величине, так и характеризовать внутреннюю природу вещей (вес, теплоемкость и т. д.). Сами объекты действительности могут быть представлены как в единичном количестве, так и во множестве. Логико-мыслительная категория количества объективируется в языке как языковая понятийная категория квантитативности, которая может проявляться как в грамматическом, так и в лексическом строе языка.

Языковые понятийные категории в языке не существуют изолированно. Они взаимодействуют на разных уровнях языка, поэтому важно описать не только отдельную логико-мыслительную категорию квантитативности, но и выявить возможные способы взаимодействия признаков различных логико-семантических категорий. Данная статья посвящена анализу процессов взаимодействия единиц языкового и мыслительного планов в актах объективации (воплощение понятий в виде значений в языковых формах) и репрезентации (выражение актуальных мыслительных понятий в речи) логико-мыслительной категории квантитативности на материале немецкого и русского языков.

В лингвистике много исследований было посвящено автономному анализу грамматической категории числа как регулярного способа выражения количественных отношений. Однако богатый языковой материал не мог быть полно и системно проанализирован лишь с помощью одного грамматического метода. Квантитативность должна рассматриваться, с одной стороны, как продукт лингвокреативной деятельности сознания, сформировавшийся в ходе исторического развития, и, с другой стороны, как средство обозначения квантитативных и неквантитативных понятий в

контексте. Данным требованиям наиболее соответствует концепция морфотемного анализа, в которой единицы языка исследуются в двух планах: в плане объективации (семантизации и формантизации мыслительных понятий) и в плане репрезентации (взаимодействия языковой семантики и актуальных мыслительных понятий), а также с учетом характера соотношения этих двух планов [4, 47]. При этом репрезентативный план предполагает участие в семиотическом акте объективированных в языке понятий следующих логико-семантических категорий: субстанциальности, реляциональности (акциональности, трансмотивности, локутивности), локальности и темпоральности.

Методика морфотемного анализа позволяет проследить переход логико-мыслительного содержания в языковое, т. е. выявить этапы, а не результат процесса объективации мыслительных понятий на разных уровнях языковой системы.

Цель исследования заключается в том, чтобы посредством морфотемного анализа осуществить системное изучение объективированных параметров категории квантитативности и характера их взаимодействия на базе немецкого и русского языков.

Категория квантитативности является одной из важнейших онтологических категорий, пронизывающих все человеческое бытие, а также представляет собой ментальное явление, результат познания человеком количественной определенности реального мира и активной классифицирующей деятельности человеческого мышления, результат отражения в сознании объективного количества, его концептуальный аналог.

Изучение категории количества восходит к античной философии, и впервые она была представлена в работах Аристотеля. Гегель развивает традиции античности и определяет понятие величины, меры и интенсивности, которые принадлежат категории количества и получают свое распространение не только в философии, но и лингвистике. Лингвисты продолжили исследования категории количества. В классических трудах

по языкознанию ученые занимаются проблемами отражения категории количества в языке, определения языковых средств, выражающих количественное значение. Категория количества затрагивает все слои языковой структуры - словарь, словообразование, морфологию и синтаксис.

Следует разделять терминологически близкие понятия: количество, количественность и квантитативность. Количество подразумевает возможность исчисляемости и измерения, количественность — свойство, на основе которого категории взаимодействуют, квантитативность — это логико-семантическая категория, актуализирующая представления о комплексе понятий количественного содержания (количество, число, множество, кратность и т. д.) на различных уровнях объективации.

Квантитативный смысловой компонент может быть репрезентирован разноуровневыми лексикограмматическими средствами: именами числительными (fünf - пять, hundert - сто), количественными местоимениями (zwei - двое, sieben - семеро), наречиями (dreimal - трижды, viermal - четырежды), прилагательными (zweimalig - двукратный, dreierlei - троякий), квантитативными существительными (die Drei - тройка, Zwillinge - двойня, der Zehner - десяток, десятка), глаголами (verdoppeln - удвоить, verdreifachen — утроить), формами степеней сравнения прилагательных (erste - первый, zweite - второй, zweierlei - двоякий), словообразовательными аффиксами (Hundegeld - мало денег, kinderarm - мало детей), повтором и т. д.

Для комплексного, разноуровневого исследования категории квантитативности нами выбран морфотемный анализ, с помощью которого можно проследить поэтапное формирование и взаимодействие глубинных признаков языковой единицы и взаимосвязь логико-семантических категорий в составе синтагмемы, трансформирующейся в процессе языковой объективации в морфотему. В рамках морфотемного подхода языковая единица представляет собой двуаспектный объект исследования: с одной стороны, изучается ее семантическая структура как объективирующей единицы, с другой стороны, объектом анализа является семантическая структура языковой единицы как репрезентативной на уровне контекста.

В процессе грамматикализации синтагмема каждого числового обозначения претерпевает ряд изменений. На уровне частеречной категориальной формантизации происходят процессы субстантивизации, адъективизации, адвербиализации. Базовый квантитативный признак определенного количества становится мотивационным в морфотемах единиц субстанциональности, акциональности, квалитативности, темпоральности, локальности. Группы языковых единиц, объективирующих параметры квантитативности,

классифицируются следующим образом: квантитативно-субстанциональный (Zwillinge - двойня), квантативно-акциональный (verdoppeln - удвоить, zweifach - вдвойне), квантитативно-темпоральный (der Zehner - десяток (лет), die Fünftagewoche - пятидневка, dreimonatlig - повторяющийся каждые три месяца), квантитативно-локальный (die Desjatine - десятина).

Вследствие межкатегориального взаимодействия (при полном синтагмемном компоненте) квантитативность, принимая исходную позицию, актуализирует понятия порядка, меры, множества и связанных с ним параметров (например, выделенность из множества – einige (некоторые), irgend jemand (кто-нибудь)). На этапе семантизации проявляется также признаковая природа квантитативности, т. е. эта категория подчинена другим логико-семантическим категориям. Это взаимодействие находит свое отражение в цельнооформленных (die Fünf – пятерка), контактнооформленных (dreijährig – трехлетний) и раздельнооформленных (einige Schüler – несколько учеников, zwei Seminare – два семинара) квантитативных единицах.

В процессе лексикализации словообразовательные средства делятся на формантизирующие:
1) квантитативность на фоне других логико-семантических категорий; 2) другие логико-семантические категории с участием квантитативных компонентов.

На следующем этапе — грамматикализации — с помощью словообразовательных средств категориальный признак исходной позиции синтагмемы свободно облачается в различные частеречные словоформы, соотносясь с номинационно-семантическим уровнем. Объективируясь, некоторые квантитативные понятия приобретают закрепленную форму. Субстантивированная форма характерна для совокупного множества, собирательности, способа организации множества (субстантив меры).

Квантитативный параметр является классифицирующим при делении совокупности и собирательности. Собирательное множество имеет конкретное наполнение, понятное без контекста: die Studentenschaft (студенчество), das Laub (листва). Совокупное множество выделяется тем, что представляет собой вещество или массу, которые состоят из множества частиц, почти не отделимых друг от друга или неотделимых совсем; множество однородных или разнородных предметов, объединенных по какому-либо признаку: der Staub (пыль), der Teig (тесто), die Sachen (вещи).

Субъективный процесс упорядочения окружающего мира предполагает различные подходы у носителей русского и немецкого языков. Анализируя субстантивы меры, можно утверждать, что в немец-

ком языке зафиксировано большее количество полиреферентных субстантивов меры, чем в русском языке, поэтому иногда возникает трудность критерия классификации немецких лексем. Например, русскому слову "комплект, набор" соответствуют в немецком языке лексемы der Satz, die Garnitur, das Sortiment, das Besteck, das Aufgebot.

При взаимодействии понятий определенности/неопределенности и категории квантитативности зарождаются параметры определенного и неопределенного количества, а также специфическая сфера квантитативности — приблизительное количество. Семантической особенностью приблизительного количества является обозначение неопределенного множества с указанием определенно-количественных границ этого множества, поэтому языковое обозначение такого количества заключает в себе более одного числового значения, но в определенном количественном интервале (gegen eine Stunde- около часа, sechs oder sieben Wagen — шесть-семь машин).

При исследовании репрезентативной стороны категории квантитативности в немецком языке было установлено, что изучаемая категория чаще всего взаимодействует с категориями локальности, темпоральности, реляциональности и субстанциональности.

Пространство — категория, существующая объективно и познаваемая зрительно при помощи ориентиров или объектов внутри него, а также при помощи измерения расстояний. Количественные характеристики расстояния, длины, ширины, высоты, объема и площади в художественном тексте служат целям организации художественного пространства, указания "сетки координат", где происходят события произведения.

Нами выявлены три разновидности отрезков, репрезентирующих пространственную протяженность с помощью категории квантитативности в художественных текстах: расстояние между двумя статичными точками в пространстве, расстояние между статичным объектом и персонажем, осуществляющим движение по направлению к данному объекту, и дистанция между динамичными точками.

Анализируя пространственные отношения, следует подчеркнуть основные лексические единицы, которые соотносятся с измерениями пространства и взаимодействуют с категорией квантитативности: длина, высота, ширина (die Länge, die Breite, die Höhe).

Благодаря значению единиц мер на уровне представления у человека возникает соображение об определенной протяженности пространства.

Alle zehn Zentimeter hing eine Schelle [7, 61]. Через каждые десять сантиметров на уздечках висело по бубенчику.

Категория квантитативности используется в пространственных отношениях для указания конкретного места жительства или месторасположения предмета (человека), для описания объема или площади какого-либо предмета.

Zweiter Rang Seite, erste Reihe saßen wir [7, 89]. Второй ярус, первый боковой ряд.

Er mußte immer das schwarz-weiße Karree mit den vierund-sechzig Feldern und zweiunddreißig Figuren handgreiflich vor sich haben [8, 6]. Ему было совершенно необходимо иметь перед глазами настоящую, в шестьдесят четыре черных и белых квадрата доску и тридцать две фигуры.

В нашей работе мы особое внимание уделяем понятию множества. В зависимости от вида множества и способа его расположения в пространстве (внешнем либо внутреннем), от взаимодействия логико-категориальных признаков в этих группах выделяются следующие подвиды.

1) Множество, определенным образом расположенное в пространстве.

Множество поделено на некоторое количество условных компонентов, локализованных на небольшом расстоянии друг от друга. Для выражения местоположения объекта используются лексемы: zwischen - между; an, neben, bei - возле, около; unter - среди.

Die Straße krümmte sich wie eine Schlange zwischen den Häusern, und am Bahnhof stand ein langer Güterzug [5, 9]. Улица извивалась, как змея, между домами, у вокзала стоял длинный товарный состав.

2) Ограниченное в пространстве множество выражается лексемами: der Bienenstock - улей, das Blumennbeet - клумба, der Garten - сад, der Wald - лес, die Wildnis - дикая местность, необитаемый остров; der Blumengarten - цветник. Также в текстах употребляются меротивы: die Insel - остров, die Gasse - переулок, die Waldwiese - поляна.

Wir sind nicht in der Wüste und sind nicht in der Wildnis, wo es keine Priester gibt [9, 99]. Мы не в пустыне и не на необитаемом острове, где нет священников.

Как показал анализ, номинации временной длительности в художественных текстах квантифицируют протяженность во времени какихлибо событий или временной промежуток между действиями. Квантитативные характеристики времени часто имеют оценочный компонент и реализуют аксиологическую функцию. Временная длительность концептуализируется в текстах как конечная величина (т. е. отрезок, имеющий начальную и конечную точки измерения) и как "вечное время" (временная длительность имеет лишь начальную точку отсчета, продолженного до бесконечности или до очень отдаленной и неопределенной во времени точки).

Различие в концептуальном содержании репрезентантов "вечного" и "конечного" времени затрагивает следующие сферы:

- а) область квантитативных значений: характеристики "вечного" времени обладают максимальным квантитативным значением протяженности и обозначают большие величины, чем номинации конечных временных отрезков (Ewigkeit, Unendlichkeit, ewig, ewig und drei Tage, eine halbe/kleine Ewigkeit, Dauer).
- б) "вечное время" часто имеет ирреальный план выражения: его репрезентанты в определенных случаях обозначают длительность, которая мыслится как возможная или желаемая; характеристики же "конечного времени" обозначают длительность действий, получивших реализацию Epoche, Jahrtausend, Jahrhundert, Jahrzehnt, Jahr, Monat, Woche, Tag, Stunde, Minute, Sekunde, Millisekunde, Sommer, Herbst, Januar, Februar и т.д.

Анализируя отношения категорий квантитативности и реляциональности, следует учитывать, с какой из разновидностей реляционального признака связана квантитативность. Существуют следующие типы реляторов (отношений), объективированных в глагольной форме: акциональность (процесс, действие, воздействие), трансмотивность (движение, передвижение, перемещение), локативность (отношение местоположения, местонахождения) и локутивность (говорение).

Результатом взаимодействия квантитативности и акциональности считается выделение в отдельную группу акциональных признаков фреквентативной и интеративной непредельности.

Viermal in der Woche durfte ich abends ins St.-Vinzenz-Hospital kommen, wo eine entfernte Verwandte von Mutter Küchenschwester war [9, 12]. Четыре раза в неделю мне разрешалось ходить по вечерам в госпиталь святого Винцента, где дальняя родственница матери работала на кухне. — интеративность.

...weil der Regen gegen die Scheiben im Gang trommelte, durch den ich zur Vernehmung geführt wurde [9, 39]. ...потому что в окна коридора, через который меня вели на допрос, барабанил дождь. — фреквентативность.

Трансмотивность объективирует динамическую локальность, семантизирующую процесс передвижения. Квантитативность участвует в создании этого признака как локальный уточнитель: существует как минимум два объекта, участвующих в процессе (передвижение от одного к другому).

Der Polizist ging wieder zum andern Straßenrand, der gegen Twann lag, und wischte sich den Schweiß von der Stirne [5, 2]. Полицейский перешел на другую сторону дороги, ведущей в Тванн, и вытер пот со лба.

Под взаимодействием квантитативности и субстанциональности подразумевается имплицитная дискретность на семантическом уровне субстанциональных лексем. Большое количество субстанциональных лексем имплицитно

содержит семантику дискретности, составности, измеряемости. Например, лексемы и синтаксемы субстанционального и акционального характера, связанные с объектом "деньги":

Kropp hat dadurch eine Flasche Bier verloren und zählt mißmutig sein Geld [6, 32]. Кропп проиграл на этом бутылку пива и с неохотой отсчитывает деньги (неопределенное количество монет).

Таким образом, можно утверждать, что квантитативность проявляется в языке как самостоятельный и как комитативный, логи-ко-семантический признак. Квантитативность как логико-семантическая категория проходит дифференцированные процессы объективации и репрезентации, что происходит благодаря наличию большого количества параметров данной категории.

Модель морфотемного анализа, разработанная А. И. Фефиловым, представляется наиболее убедительной и соответствующей задачам данной работы. Морфотемный анализ категории квантитативности дает возможность проследить объективацию этой категории в самостоятельную и демонстрирует взаимодействие квантитативности с другими логико-семантическими признаками: локальностью, темпоральностью, субстанциальностью и реляциональностью (акциональностью, трансмотивностью, локутивностью).

ЛИТЕРАТУРА

- 1. Игошина Т. В. Морфотемный анализ категории квантитативности в разносистемных языках (на материале русского и английского языков): Дис. ... канд. филол. наук / Игошина Т. В. Ульяновск: УлГУ, 2002. 131 с.
- 2. Категория количества в науке / Под ред. В. А. Рыжко. Киев: Наукова Думка, 1991. 242 с.
- 3. Фефилов А. И. Методологические основы морфотемного анализа / А. И. Фефилов // Уч. зап. УлГУ. Актуальные проблемы теории языка, лингводидактики и межкультурной коммуникации. Сер. Лингвистика. Вып. 1 (7) / Под ред. проф. А. И. Фефилова. Ульяновск: УлГУ, 2002. С. 10-18.
- 4. Фефилов А. И. Морфотемный анализ единиц языка и речи / А. И. Фефилов. Ульяновск: УлГУ, 1997. 246 с.
- 5. Böll H. Das Brot der Früheren Jahre. Köln: Kiepenheuer& Wirtsch Verlag, 2003. 129 S.
- 6. Dürrenmatt F. Der Richter und sein Henker. CΠδ.: Kapo, 2005. 92 S.
- 7. Grass G. Hundejahre. СПб.: Каро, 2005. 218 S.
- 8. Remarque Erich Maria. Im Westen nichts Neues. СПб.: Kapo, 2005. 218 S.
- 9. Zweig S. Schachnovelle. ACT, Восток-Запад, $2006.-70~\mathrm{S}.$

О СИСТЕМЕ ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНЫХ ПРИЗНАКОВ ПРИ ХАРАКТЕРИСТИКЕ ПРЕДМЕТНОЙ ЛЕКСИКИ (НА МАТЕРИАЛЕ «СЛОВАРЯ РУССКИХ ГОВОРОВ ПРИАМУРЬЯ»)

© 2008 И.А. Сергеева

Кубанский государственный университет

Словари различных типов содержат в себе огромную информацию о человеке, его деятельности, результатах взаимодействия человека с миром, друг с другом. Обращаясь к словарям, можно узнать о мировосприятии носителя любого языка.

Ю. Д. Апресян видит ценность словарей в их кумулятивной функции, так как язык выступает средством «кодирования и декодирования определенной информации». По его мнению, «словарь оказывается необходимой частью полного теоретического описания языка, а не только «памятником лексики» или практическим справочным пособием для его носителей» [1, 3].

Несомненно, особое место занимают областные словари, составление которых во второй половине XX в. достигло огромного размаха. В настоящее время практически все регионы России имеют лексикографическое описание народной речи.

Составители региональных словарей подчеркивают их важность для изучения истории языка и его современного состояния. Ф. П. Филин в «Проекте «Словаря русских народных говоров» отмечает ценность регионального лексического материала для этимологических исследований, для воссоздания языковой картины прошлых эпох: «В лексике говоров нашла яркое отображение многовековая история народа во всех своих местных проявлениях, следовательно, словарь говоров является ценным источником не только для языковеда, но и для историка, этнографа, археолога, литературоведа» [12, 5].

Об огромном научном, историко-культурном значении диалектных словарей пишут Φ . П. Сороколетов [10, 65], О. И. Блинова [3, 118].

В настоящее время значительно увеличилось количество лексикографических изданий, расширился жанровый аспект словарей, но при подготовке любого вида словаря усилия лексикографов направлены в первую очередь на поиски

оптимальных способов толкования значений слов. Вопрос о смысловой характеристике слова в теории и практике современной лексикографии как общей, так и частной занимает центральное место. В связи с решением этой проблемы ведутся острые дискуссии, особенно при обращении к диалектному материалу. Это связано с тем, что общие принципы диалектной лексикографии находятся в стадии становления.

На отсутствие последовательной лексикографической теории указывал еще в 1973 г. Д. Н. Шмелев [13], об этом же позже писали Ф. П. Сороколетов [11], В. В. Морковкин [5] и др. Так, А. Ф. Журавлев отмечает общий невысокий уровень «лексикографических предприятий» [4, 60-61]. Среди типичных просчетов в современных диалектных словарях автор отмечает также невысокое качество семантических толкований, текстуальных иллюстраций, пишет о том, что составитель не всегда видит в словаре источник этнографической (культурологической) информации.

В конце XX в. в связи с изменением научной парадигмы гуманитарного знания господствующее место заняла антропоцентрическая парадигма. Антропоцентризм в общей теории языка привел к интеграции исторических, этнографических, культурологических, языковедческих исследований, что выразилось в углублении семантизации лингвистических описаний. В лексикографии эти перемены привели к расширению объема дефиниций, поиску упорядоченного набора дифференциальных признаков, получающих отражение в толковании значения слова, к пересмотру функций иллюстративной части словарной статьи. Поднимается вопрос о разных способах представления разных классов слов, о возможности унификации словарных толкований. Проблема разработки принципов и методов лексикографического описания смысловой характеристики слова приобретает первостепенную важность.

Решение данной проблемы имеет практическое значение в связи с подготовкой второго издания «Словаря русских говоров Приамурья» [9].

Первое издание было осуществлено в 1983 г. лингвистами Хабаровского и Благовещенского педагогических институтов Ф. П. Ивановой, Л. Ф. Путятиной, Л. В. Кирпиковой, О. Ю. Галузой, Н. П. Шенкевец (далее АС-1 или Словарь). АС-1 - словарь дифференциального типа, включает около 7 тыс. лексических и фразеологических единиц, зафиксированных в речи старожилов Приамурья в 60-е—80-е гг. и отсутствующих в литературном языке. До настоящего времени он остается практически единственным хранилищем фактов амурской народно-разговорной речи.

Подготовка нового издания Словаря, значительно расширенного за счет включения нового материала, требует критического пересмотра прежних подходов в описании лексики и устранения ряда неточностей. Это касается прежде всего лексики, связанной с особенностями быта, народного миропонимания русских старожилов Приамурья.

Составители видели необходимость исчерпывающих характеристик такой лексики. Многие слова сопровождаются детальными, энциклопедическими описаниями. Словарь содержит богатый иллюстративный материал, из которого мы можем почерпнуть интересные сведения о прошлой и настоящей жизни амурцев, о традициях, нравах, о взглядах людей на происходящие события, о видах деятельности. Словарные статьи сопровождаются рисунками, на которых изображены предметы быта, одежда, обувь, сельскохозяйственные орудия, рыболовные и охотничьи принадлежности, виды построек и т. д. Тем не менее, в части словарных статей существенные признаки дефиниций были упущены, определения оказались неполными и неточными, затрудняющие восприятие слова читателем.

Утвердилось мнение, что своеобразие слова лучше проявляется в пределах тематического единства (семантического поля, лексико-семантических групп), значение словесного знака определяется тем, в каких отношениях он находится с другими знаками [6, 55], что толкование однопорядковых лексических единиц (сходных концептов) осуществляется в пределах стандартных моделей семантизирующих процедур [7, 189]. Это касается и лексики, отражающей предметы материальной культуры, особенности которой становятся очевиднее в пределах лексико-семантических групп (далее - ЛСГ), в определенных оппозициях.

Однако при создании AC-1 словарные статьи составлялись в алфавитном порядке — работа

осуществлялась преимущественно в рамках определенной «буквы», не учитывались тематические объединения слов.

Целесообразнее объединить лексику в тематические группы, чтобы в результате сопоставления определить необходимый набор дифференциальных признаков.

Объектом нашего наблюдения выбрана предметная лексика тематической группы «обувь». Определим, насколько объективны представленные в AC-1 дефиниции.

Тематическая группа «одежда» в АС-1 содержит 55 лексических единиц, не считая фонетических вариантов и единиц, называющих детали предметов. Их условно можно объединить в ЛСГ: «сапоги», «ботинки», «лапти», «тапочки», «туфли», «валенки», «легкая обувь», «обувь без соответствующего литературного наименования». Данное разбиение на ЛСГ осуществлено с позиции носителя литературного языка и имеет значение для составителя. В рамках этих групп для определения набора дифференциальных признаков применяется метод компонентного анализа.

Указанный метод широко используется применительно к литературному языку. Он заключается в научно обоснованном выборе гиперонима и последовательном его использовании при толковании всех связанных с ним гипонимов. Затем путем сравнения элементов того же иерархического уровня (расположенных по горизонтали) определяются (и указывается в толкованиях гипонимов) диагностические компоненты значения, которые дифференцируют один гипоним от другого [2, 9]. Главный принцип, которым необходимо руководствоваться, — выбирать для толкования ряда однородных гипонимов наиболее близкий к ним гипероним.

Например, такие лексические единицы, как *тапочки* и *валенки*, являются гипонимами соответственно по отношению к лексическим единицам *туфли* и *сапоги*, которые в свою очередь являются для них гиперонимами и гипонимами для лексической единицы *обувь*.

В АС-1 приведены следующие толкования: джинджире'и 'меховая обувь, унты, сшитые из шкурок, снятых с ног дикой козы'; чу'ни 'самодельная легкая обувь, тапочки из цельного куска кожи' (измененным шрифтом выделено родовое наименование). Как известно, унты — это 'меховые высокие сапоги', тапочки — это 'легкие туфли без каблуков'. Следовательно, при толковании приведенных слов произошло нарушение семантического членения, дефиниции оказались избыточными. Так, при толковании слова джинджире'и нет необходимости указывать сему 'меховая обувь', а при

толковании слова **чу'ни** — сему 'легкая обувь', т. к. они содержатся в родовых наименованиях — соответственно **унты** и **тапочки**.

Поэтому при описании любого вида обуви нет необходимости указывать, что данные предметы надеваются на ноги, т. к. понятие *обувь* содержит в себе этот признак.

Данный принцип соблюден при описании ряда слов, где авторы вполне обоснованно опустили существенные признаки, т. к. включать в дефиниции диалектного слова особенности этих предметов было бы избыточно. Например, в слове бахи'лы 'рабочие сапоги большого размера' опущен признак 'с высокими голенищами', ши'танки 'самодельные стеганые женские теплые ботинки' - признак 'закрывают ногу по щиколотку'; восьмерики' 'лапти, сплетенные особым способом' - признак 'сплетены из лыка и охватывают ступню ног'; гу'ни 'тряпичные домашние тапочки', опо'рки 'кожаные тапочки кустарного изготовления', карпе'тки 'тапочки, связанные из суровых ниток' - признак 'легкие туфли без каблуков'; ка'танки 'валенки' – признак 'зимние теплые сапоги, свалянные из шерсти'; лунты' 'унты' - признак 'высокие меховые сапоги'.

В таблице в первой графе приводится лексическая единица, во второй - толкование по АС-1, в третьей — контекст употребления, в четвертой — дифференциальные признаки, выраженные в семе; их в соответствии с социально-историческими особенностями данной группы отмечено пять: 1) — материал, 2) внешний вид, особенности формы, 3) принадлежность (мужская/женская), 4) способ изготовления, 5) назначение (функция).

Создание подобных рабочих материалов позволяет видеть материал в целом, что способствует более глубокому анализу значения слова.

При толковании значений слов названной тематической группы нет необходимости указывать все пять дифференциальных признаков (причем примеров, где бы отмечались все пять дифференциальных признаков, не было обнаружено). Не всегда конкретизируется, мужская это обувь или женская, праздничная или будничная, т. к. на селе порой не было подобного разделения. Не всегда указывается назначение, т. к. этот дифференциальный признак содержится в значении родового слова обувь - 'для защиты от холода, удобства движения'. Он указан только в нескольких значениях слов.

Лексико-семантическая группа «тапочки» (тапочки - 'легкие туфли без каблуков')

ЛЕКСИЧЕСКАЯ ЕДИНИЦА	ТОЛКОВАНИЕ ПО AC-1	ИЛЛЮСТРАТИВНЫЙ МАТЕРИАЛ	ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНЫЕ ПРИЗНАКИ, ВЫРАЖЕННЫЕ В СЛОВАХ	
Гу'ни	Тряпичные домашние тапочки	Гуни - это из тряпок тапочки самодельные (Джл. Скв.)	1) 'тряпичные' 2) 3) 4) 5) 'домашние'	
Опо'рки	Кожаные тапочки кустарного изготовления	Купила себе новые опорки, да вот беда - жмут (Сол. Джел.). Месяцу нет, а опорка уж худая (Сол. Джел.)	1) 'кожаные' 2) 3) 4) 'кустарного изготовления' 5)	
Карпе'тки	Устар. Тапочки, связанные из суровых ниток (рис.)	Карпетки свяжем, подошьём холстом, смолой подсмолят, чтоб крепче были, и ходишь везде (Джл. Скв.)	1) 2) 3) 4) 'связанные из суровых ниток' 5)	
Чи'брики	Устар. Легкая домашняя обувь до щиколоток, отороченная мехом (рис.)	Тапочка-чибрик, обуток такой (Взм. Вяз.)	1) 2) 'до щиколоток', 'отороченная мехом' 3) 4) 'домашняя' 5)	

Рекомендуем при подготовке словаря создавать рабочие материалы на примере ниже приведенной таблицы, частично отражающей состав лексико-семантической группы «тапочки».

Например, **бахи'лы** 'рабочие сапоги большого размера', **хабалы'** 'самодельная рабочая обувь, которую носили старожилы Приамурья', **гу'ни** 'тряпичные домашние тапочки'. Считаем необ-

ходимым отметить данный дифференциальный признак в слове **ши'танки** 'самодельные стеганые женские теплые ботинки'. Их носили по праздникам, что подтверждает контекст употребления. Или, например, **бахи'лы** делались из кожаного материала.

Подобные сведения нужно извлекать или из иллюстративного материала или из дополнительных источников историко-культурного плана, среди которых в первую очередь назовем «Словарную картотеку Г. С. Новикова-Даурского», опубликованную в 2003 г. по материалам картотеки, хранившейся в Амурском государственном областном архиве около 40 лет [8].

Однако, как уже отмечалось, диалектную систему невозможно заключить в определенные рамки. Часть наименований не укладывается в привычные характеристики. Так, в лексико-семантических группах «легкая обувь», «рабочая обувь», «самодельная обувь», «обувь на деревянной подошве», «стеганая обувь», «разношенная обувь», «меховая обувь», «кожаная обувь» (см. схему) нет общего родового наименования (или гиперонима). Это вторичные наименования, в которых один из признаков берется за основу. Для данных подгрупп определяющими признаками могут быть: принадлежность — рабочая обувь (хорохо'рки 'рабочая поношенная обувь'), внешний вид - разношенная обувь (лабу'ты 'разношенная обувь больших размеров'), материал — меховая обувь (анчуре'и - 'меховая обувь без голенищ, сшитая из отдельных шкурок, снятых со звериных лап', чека'ны 'женская меховая обувь из шкурок, снятых с ног дикой козы') и кожаная обувь (полови'нки 'обувь, сшитая из выделанной с двух сторон кожи дикого зверя - половинки', у'лы 'род обуви из оленьей кожи (обычно с загнутыми кверху носами)') др.

Таким образом, для того чтобы наиболее полно представить жизнь крестьян на Амуре (XIX—XX вв.), увеличить информативную емкость Словаря, устранить имеющиеся неточности, лексикографам при составлении словарных статей важно провести тематическое членение лексики, отражающей материальную культуру крестьян. Для каждой группы с учетом социально-исторических особенностей на основе наибольшего количества противопоставлений определяется свой набор дифференциальных признаков. Нужно также помнить, что для предметной лексики не всегда достаточен определенный набор признаков. Своеобразие предметов и особенности номинации диктуют отступление от них.

ЛИТЕРАТУРА

- 1. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка / Ю. Д. Апресян // Избранные труды: В 2 т. М.: Языки русской культуры: Восточная литература, 1995. Т. 1. 472 с.
- 2. Бережан Г. С. Отражение семантических системных связей лексических единиц в одноязычном (толковом) словаре / Г. С. Бережан // Словарные категории. М., 1988. С. 5-15.
- 3. Блинова О. И. Русская диалектология. Лексика / О. И. Блинова. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1984. 133 с.
- 4. Журавлев В. В. Наблюдения над нынешним состоянием русской диалектной лексикографии / В. В. Журавлев // Актуальные проблемы русской диалектологии. М., 2006. С. 60-61.
- 5. Морковкин В. В. Об объеме содержания понятия "теоретическая лексикография" / В. В. Морковкин // Вопросы языкознания. 1987. № 6. С. 33-42.
- 6. Нефедова Е. А. Об описании значений слов конкретной лексики / Е. А. Нефедова // Вестн. Моск. ун-та. Филология. 1977. № 3. С. 55-62.
- 7. Ростова А. Н. Стратегия толкования слов говорящими: обусловленность языковыми факторами и когнитивными способностями / А. Н. Ростова // Актуальные проблемы русистики. Томск, 2000. С. 187-194.
- 8. Словарная картотека Г. С. Новикова-Даурского / Подготовка к печати: Л. В. Кирпикова, В. В. Пирко, И. А. Стринадко; Вступ. ст. и ред. Л. В. Кирпикова. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2003. 199 с.
- 9. Словарь русских говоров Приамурья / сост. Ф. П. Иванова, Л. В. Кирпикова, Л. Ф. Путятина, Н. П. Шенкевец; отв. ред. Ф. П. Филин. М.: Наука, 1983. 373 с.
- 10. Сороколетов Ф. П. Диалектный словарь в системе словарей национального языка / Ф. П. Сороколетов // Теория и практика русской исторической лексикографии. М., 1984. С. 65-77.
- 11. Сороколетов Ф. П. Заметки по семантической характеристике слов в диалектных словарях / Ф. П. Сороколетов // Диалектное слово в лексикографическом аспекте. Л., 1986. С. 18-25.
- 12. Филин Ф. П. Проект «Словаря русских народных говоров» / Ф. П. Филин. М.-Л.: Издво АН СССР, 1961. 197 с.
- 13. Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики / Д. Н. Шмелев. М.: Наука, 1973.-280 с.

КОНЦЕПТ РУССКИЙ ЯЗЫК

В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ СТУДЕНТА-ИНОСТРАНЦА

© 2008 Т.А. Симанова

Воронежский государственный университет

Мы провели психолингвистический эксперимент, основной задачей которого было выявление когнитивных признаков концептов русский язык и родной язык в сознании студента-иностранца.

В качестве экспериментальной методики был использован направленный ассоциативный эксперимент русский язык — какой и ваш родной язык — какой?

Были опрошены 312 студентов-иностранцев, обучающихся в Белгородском государственном технологическом университете им. В. Г. Шухова и в Белгородском государственном университете.

Эксперимент осуществлялся в групповой и индивидуальной форме, причем в групповой форме он проводился в основном со студентами из бывших союзных республик (Казахстан, Кыргызстан, Туркменистан, Таджикистан, Узбекистан). В такой группе было 3-4 студента, которые опрашивались одновременно. С большинством студентов эксперимент осуществлялся в индивидуальной форме, т. к. общение с некоторыми испытуемыми было затруднено недостаточным знанием ими русского языка. В этих случаях иногда приходилось прибегать к помощи переводчика (студента со старшего курса).

Испытуемым предлагались анкета (в которой участник эксперимента указывал свои данные, в т. ч. и сколько времени он изучает русский язык) и инструкция: «Мы просим вас принять участие в психолингвистическом эксперименте. Нас интересует, как иностранные студенты воспринимают русский язык. Ответьте, пожалуйста, на вопрос: русский язык — какой? Напишите как можно больше определений, которые приходят вам в голову». Когда была выполнена эта часть задания, предлагалось по такой же инструкции ответить на вопрос ваш родной язык — какой? Время проведения эксперимента не ограничивалось.

От испытуемых было получено 1607 реакций. При этом 1 человек дал 12 реакций, 1-11 реакций, 4 человека дали по 10 реакций, 18 человек - по 9 реакций, 26- по 8 реакций, 37- по 7 реак-

ций, 46 человек — по 6 реакций, 49 — по 5 реакций, 60 — по 4 реакции, 39 человек — по 3 реакции, 28 — по 2 реакции, 5 — по 1 реакции. Отказавшихся участвовать в эксперименте не было.

Некоторые испытуемые не придерживались строго инструкции и в отдельных случаях давали ассоциаты, выраженные не только определениями, как того требовало наше задание. Эти ассоциаты тоже были обработаны методом когнитивной интерпретации [1].

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

В результате эксперимента студентами выделены следующие характеристики русского языка (всего 1607 реакций-объективаций выделенных когнитивных признаков; у каждого признака указано число объективаций и индекс яркости признака как доля в процентах данного признака в общем массиве полученных в эксперименте объективаций когнитивного содержания концепта):

```
трудный 420 - 26 \%;
красивый 170 - 10,6 %;
хороший 137 - 8,5 \%;
интересный 128 - 8\%;
богатый 107 - 6,7 \%;
влиятельный 75 - 4,7 %;
звучный 70 - 4,4 \%;
легкий 52 - 3,2 \%;
важный 52 - 3,2 \%;
древний 48 - 3\%;
нужный 43 - 2,7 \%;
полезный 42 - 2.6 \%;
не такой, как родной 39 - 2,4 \%.
приятный 37 - 2,3 \%;
иностранный 35 - 2.2 \%;
не нравится 29 - 1,8 %;
любимый 28 - 1,7 \%;
твердый 25 - 1,6 \%;
язык дружеского общения 23 - 1,4 %;
громкий 20 - 1,3 %;
быстрый 20 - 1,3 \%;
```

```
понятный 20 - 1,3 \%;
великий 19 - 1,2 \%;
известный 16 - 1\%;
грубый 15 - 0.9 \%;
не интернациональный 13 - 0.8 \%;
необычный 13 - 0,8 %;
непонятный 13 - 0.8 \%;
язык великой литературы 9 - 0.6 \%;
второй родной язык 8 - 0.5 \%;
хочу изучать 8 - 0.5 \%;
неудобный 7 - 0.4 \%;
удобный 4 - 0.3 \%;
не хороший и не плохой 3 - 0.2 \%;
медленный 3 - 0,2 %;
многофункциональный 2-0.1\%;
быстро меняющийся 2-0.1\%;
язык великих людей 2 - 0.1 \%;
нераспространенный 2 - 0,1 %;
выразительный 1 - 0.06 \%;
независимый 1 - 0,06 %.
```

Полученные результаты были обработаны раздельно для трех категорий испытуемых — иностранных студентов, находящихся в России и изучающих русский язык до 1 года, от 1 года до 5 лет, 5 лет и более (выпускники). Это позволяет проследить динамику развития содержания концепта в процессе обучения — от начального к продвинутому уровню владения языком.

Для наглядности полученные данные представлены в виде таблицы "Русский язык. Динамика развития концепта". (см. след. страницу)

Результаты эксперимента показали, что *русский язык* в сознании студента-иностранца объемен и динамичен.

Языковое сознание студента-иностранца на первое место ставит трудность усвоения русского языка (mрудный - 26% от общего количества реакций, непонятный - 13%), но для некоторых русский язык — язык легкий (3,2%) и понятный (1,3%) - 43,5%.

Затем идут признаки, дающие ту или иную оценку русскому языку:

- общую: хороший (8,5%), любимый (1,7%), приятный (2,3%), не нравится (1,8%), нормальный (0,5%), не хороший и не плохой (0,2%), необычный (0,8%),
- эстетическую: звучный (4,4 %), грубый (0,9 %), красивый (10,6 %),
- по физическим характеристикам: *тверовій* (1,6 %), *громкий* (1,3 %), *быстрый* (1,3 %), *медленный* (0,2 %),
- по выразительным возможностям: выразительный (0,06~%), богатый (6,7~%), бедный (0,2~%)-36,2~%.

О необходимости и пользе изучения русского языка говорят прагматические признаки: важный (3,2%), нужный (2,7%), полезный (2,6%), удобный

(0,3%), язык дружеского общения (1,4%), язык великой литературы (0,6%), язык великих людей (0,1%)-10.9%;

Степень влиятельности и распространенности русского языка отражена в таких признаках, как влиятельный (5%), не интернациональный (0,8%), известный (1%) -6.8%.

Можно заметить, что студенты довольно часто обращают внимание на особенности родного языка, его сходство не только с русским, но и с другими языками: не такой, как родной (2,4%), сходство (2,2%), особенности (1%), смешанный (0,4%) - 6%.

Как великий русский язык охарактеризовали по следующим признакам: великий (1,2%), язык великой литературы (0,6%), язык великих людей (0,1%) - 1,9%.

Интересные данные дает эксперимент об образовательно-возрастной динамике развития комперта

Практически не изменилась яркость признаков - *язык дружеского общения*, *понятный*.

В образовательно-возрастной динамике (от 1 курса к выпуску) яркость когнитивного признака *трудный* уменьшается в два раза, при этом снижается яркость и таких признаков, как красивый, *хороший, интересный, богатый, влиятельный*, но возрастает яркость признаков *легкий, нужный, второй родной, нормальный, известный*.

Уменьшилась яркость признаков неинтернациональный, известный, необычный, непонятный, древний, иностранный.

Снизилась яркость как признака *не нравится*, так и признака *любимый*.

Появились признаки удобный, язык великой литературы, быстро меняющийся.

Русский язык перестает быть *твердым, гром-ким, быстрым, нераспространенным, бедным*, но также и *выразительным, независимым*.

Вдруг после возрастания резко упала яркость признаков *полезный, грубый*, но после падения возросла яркость признака *нужный*.

Снижение яркости некоторых "позитивных", важных когнитивных признаков в структуре концепта отчасти объясняется эффектом привыкания, отчасти — улучшением знания русского языка испытуемыми, что ведет к тому, что в концептуальной структуре в их языковом сознании на передний план выдвигаются более важные для иностранца в конце обучения признаки, которые и выявляются в эксперименте, — нужный, интернациональный, второй родной, удобный, быстро меняющийся.

Хочется обратить внимание и на то, что по мере освоения русский язык становится все более *удобным* для студентов-иностранцев. Если студенты, изучающие русский язык до 1 года, удобным

Т.А. Симанова

ГРУППА	До 1 года	2-4 года	5 лет и больше
КОГНИТИВНЫЙ ПРИЗНАК	Индекс яркости	Индекс яркости	Индекс яркости
трудный	0,33	0,3	0,11
красивый	0,14	0,09	0,07
хороший	0,18	0,036	0,02
интересный	0,12	0,065	0,04
богатый	0,047	0,1	0,05
влиятельный	0,052	0,05	0,037
звучный	0,09	0,02	0,007
легкий	0,015	0,037	0,052
важный	0,047	0,026	0,02
древний	0,055	0,022	0,003
нужный	0,031	0,014	0,04
полезный	0,026	0,05	0,007
не похож на родной язык	0,02	0,02	0,034
приятный	0,024	0,03	0,01
иностранный	0,028	0,026	0,007
не нравится	0,02	0,026	0,003
любимый	0,023	0,016	0,012
твердый	0,011	0,0014	-
язык дружеского общения	0,013	0,016	0,015
громкий	0,019	0,02	-
понятный	0,011	0,012	0,015
быстрый	0,028	0,003	-
великий	0,011	0,02	0,01
известный	0,019	0,003	0,003
грубый	0,01	0,02	0,003
не интернациональный	0,011	0,009	0,003
необычный	0,015	0,003	0,005
непонятный	0,007	0,02	0,003
язык великой литературы	-	0,01	0,02
второй родной язык	-	0,003	0,015
нормальный	0,005	0,007	0,003
хочу изучать	-	0,02	-
неудобный	0,003	0,007	0,003
удобный	-	0,003	0,005
не хороший и не плохой	0,005	-	-
медленный	0,005	-	-
бедный	0,005	-	-
многофункциональный	-	0,003	-
быстро меняющийся	-	0,002	0,003
язык великих людей	-	0,003	-
нераспространенный	0,003	-	-
независимый	0,002	-	-
выразительный	0,002	-	-

КОНЦЕПТ РУССКИЙ ЯЗЫК В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ СТУДЕНТА-ИНОСТРАНЦА

его не считают (0,3%), то от года до 5 лет -3%, а после пяти лет изучения - уже 5% студентов называют его удобным.

Необходимо подчеркнуть, что наиболее достоверные результаты даст лонгитюдный эксперимент, который сейчас проводится нами — будут последовательно опрашиваться одни и те же студенты по мере их образовательно-возрастного продвижения. Данный эксперимент окончится в 2010 году, и тогда можно будет сопоставить дина-

мику развития концепта в сознании одних и тех же людей и динамику развития концепта в сознании групп разных студентов, различающихся только возрастом и курсом обучения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Попова 3. Д. Контрастивная лингвистика / 3. Д. Попова, И. А. Стернин. — М.: Восток-Запад, 2007.

ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ

© 2008 Е.С.Федюнина

Астраханский государственный университет

В переломные периоды истории, когда изменяется устройство жизни людей, подвергаются переосмыслению идеалы, ценности и установки. В современных социально-политических условиях в России сформирована основа для расширения влияния националистических партий, движений и организаций. Большое количество нелегальных иммигрантов, высокий уровень преступности, демографическая ситуация в стране обусловливают спрос на предложения националистов. Сейчас цель подобных партий и движений не просто погромы и насилие против людей "не той национальности", привлечение неокрепших умов подростков, создание не думающих роботов для борьбы за власть, а воздействие на массовую аудиторию, укоренение националистической идеологии в массовом сознании.

На наш взгляд, выделение националистических текстов в отдельную группу политических текстов обусловлено существенной разницей в презентации и позиционировании данных текстов по сравнению с текстами других политических сил.

Мы рассматриваем националистический текст как политический текст с установкой на националистическую идеологию, основной функцией которого является внушение и воздействие на эмоции адресатов с целью изменения их картины мира и мобилизации к принятию политических решений, необходимых носителям националистической идеологии.

Националистические тексты обладают характерными лексическими, стилистическими, графическими и синтаксическими признаками. Как и любой другой политический текст, националистический текст представляет языковую картину мира, принадлежащую их автору/авторам. Через приемы, используемые в текстах, "мы улавливаем общую картину мира, авторские симпатии, ценности" [1, 51].

Прежде всего, любой националистический текст нацелен воздействовать на эмоции реципиента. "Воспринимая текст, адресат использует набор правил, присущих только его языку и

культуре" [11, 242], что, естественно, отражается на специфике националистических текстов. Авторы последних искусно используют культурные фоновые знания адресата/адресатов для своих целей. Понятно, ведь политический текст является средством информационной борьбы за власть, где коммуникатор выступает в роли "миссионера", заменяющего у своей целевой аудитории одну картину мира на другую [7, 289].

Отметим, что, с одной стороны, националистические тексты апеллируют к потребности адресата быть частью общности, к чувству национальной гордости, любви к родине, а с другой — провоцируют, побуждают к действию.

Побудительный характер националистического текста проявляется в ориентации на диалогическое общение, где адресант зачастую прямо обращается к адресату, доказывая необходимость вступить в движение/партию и, в то же время, внося оттенок неофициальности, интимности во взаимоотношения коммуникантов. Именно установление контакта обеспечивает успех воздействия националистического текста в достижении его конкретной цели - побудить адресата к действию – вступлению в движение/партию или изменению системы оценок. По замыслу адресантов националистических текстов адресаты приходят в такое эмоциональное состояние, когда борьба за власть для националистов становится легкой, они отбрасывают логику и аргументы и действуют на волне эмоций. Правомерно предположить, что отправитель информации таким образом заранее планирует ожидаемый эффект воздействия националистического текста.

Эффективность воздействия националистического текста детерминирована рядом факторов, объединенных общими функциями: а) коммуникативной, призванной обеспечить адекватное восприятие темы и идеи сообщения; б) прагматической, социально регулирующей процесс восприятия националистического текста в запланированном адресантом направлении; в)

психологической, корректирующей релевантность восприятия информации адресатом через его эмоциональную сферу и обеспечивающей формирование потребности и указывающей на способ ее удовлетворения.

Являясь звеном в цепи социально значимого общения, националистический текст находится под влиянием факторов, характеризующих реальный (хотя и опосредованный) коммуникативный акт. Несмотря на пространственное и временное разделение коммуникантов, это - особая форма общения с ориентацией на обратную связь. В нашем случае обратная связь может осуществляться в процессе голосования на выборах, во вступлении в партию/движение.

Оптимальной социально-психологической дистанцией между адресатом и адресантом является близкая дистанция.

Такая ориентировка способствует формированию у адресата необходимой психологической установки, которая понимается нами вслед за Узнадзе Д. Н. как специфическое состояние, готовность человека к совершению определенной деятельности, направленной на удовлетворение его актуальной потребности.

Адресант проецирует воздействие на психические процессы, происходящие на трех уровнях: рациональном, эмоциональном и подсознательном. Прежде всего, адресант пытается вызвать и удержать непроизвольное внимание. В роли раздражителей могут выступать следующие факторы: интенсивность, контрастность, новизна, необычность, динамичность, находящие свою реализацию посредством соответствующей лингвистической и графической презентации текста [9, 101-108].

Каждый националистический текст находится под влиянием целого ряда экстралингвистических и прагматических факторов, обусловливающих специфику его функционирования. Представляется целесообразным выделить на их основе следующие релевантные параметры националистического текста, которые существенны для анализа русскоязычных текстов националистического текста: адресат националистического текста (социопсихологические и профессиональные характеристики); адресант националистического текста (коллективный автор/автор-политик/автор-журналист); тип контакта "адресант - адресат" (прямой/опосредованный); способ воздействия; прогнозируемый эффект воздействия; проявление национальнокультурной специфики.

К националистическим текстам мы относим тексты РНЕ, НДПР, ДПНИ, Славянского Союза и Русского Порядка. По типологии политических текстов, предложенной Репиной Е. А., их следует отнести к "агрессивным" текстам [8, 15-16]. Извес-

тно, что агрессия может выражаться как физически, так и вербально, что доказывают знаки вербальной агрессии в националистических текстах.

К знакам вербальной агрессии Остроушко Н. А. относит бранную лексику, ярлыки, иронические номинации, маркеры чуждости, специальные пейоративы, политические термины (отрицательно-оценочные амбивалентные термины, политические пейоративы, дисфемизмы), антропонимы, этнонимы [6, 19-21].

Уничижительное описание правящей власти, приклеивание ярлыков распространено в националистических текстах деспотический коллективизм, партийно-концлагерное рабство, юркие партийные выдвиженцы, пресмыкающиеся перед деньгами и толпой, демо-коммунистическая грязь, игрушки демонических сил, пухлые бесы, меньшие братья о людях из бывших советских республик, оккупанты о них же, чужаки, банды чужаков, мракобесы о коммунистах, зло.

Широко используются средства словообразования - плутократия, биороботы, переустройщики, демороссы, шатания-шарахания. Повышенная образность и экспрессивность обусловливает эмоциональную насыщенность и воздействующую силу националистических текстов: «Позорное раболепие "соратников", окружающих "непогрешимого фюрера", напоминает не мужественность подвига, но слабовольное женское желание отдаться», "Если тоталитаризм женственен, то либерализм скорее напоминает жирного гермафродита, лишенного хоть какой-то экстремальности и яркости", "Настало время возродить героическую вольность арийского рыцарства, воссоздать цельный и целеустремленный человеческий тип - Господина, Воина, Хозяина", "Ельцин стал мощным молотком в руках Михаила Сергеевича, с помощью которого тот стучал по партсистеме", "Почему Россия с ее талантливым и образованным народом, с ее богатыми ресурсами, с ее еще не утраченным ядерным щитом должна, задрав штаны, бежать туда, куда указывают денежные мешки из-за бугра?". Спекуляция понятиями "отец", "воин", "хозяин", "свобода", "традиция", "героизм", "родина", "нация", "патриотизм" также является сильнодействующим воздействующим средством, которое способствует достижению цели адресанта.

Дисфемизмы также являются проявлением прямой вербальной агрессии. Известно, что "агрессивность, как и многие другие личностные характеристики человека, может проявляться как в его действиях и поступках, так и в языковых средствах, которые он использует при изложении своих мыслей" [2, 118].

Адресант националистического текста создает свой положительный образ с помощью различных

выразительных средств в текстах и активно навязывает его адресанту. Образ воина-борца импонирует, вызывает доверие у аудитории, что способствует достижению адресантом своих целей.

Из-за нередкого использования националистически маркированными становятся слова русский, Россия, порядок, земля, наши, честь, а также некоторые прецедентные тексты: Победа будет за нами, слава России, теперь уже раньше, чем вы думаете, процесс пошел, двум господам служить нельзя.

Частое употребление лексики, задаваемой такими семантическими категориями, как "смерть" (умереть, умирают, повышенная смертность, смертельная опасность, "Россия или смерть!", число умерших, похороны и др.), "тоска" (горький, безысходный, крик о помощи, обиды и оскорбления, слезы льются потоком и др.), придают текстам ту эмоциональную насыщенность, которая также создает прочную основу для скрытой манипуляции.

В исследуемых текстах ярко выражена идеология национализма. Поскольку "агрессия в тексте всегда направлена против чужих" [6, 21], то оппозиция "мы – они" является, на наш взгляд, основой националистической картины мира. "Мы" - представители определенной национальности, нации, и "они" - все остальные. "Мы" - герои, православные воины, справедливые и праведные богатыри, сражающиеся за свободу России от врагов, борцы с мировым злом. "Они" - чужаки, предатели нации, враги, коммунисты, демократы, оккупанты, темные силы. Данная оппозиция и является основой для националистической пропаганды. Кстати, Илюхина Н. А. определяет пропаганду как "промывание мозгов", т. е. моделирование тенденциозной картины мира, навязываемой адресату текстами, носителями определенной идеологии [4, 19].

Изучаемые тексты насыщены различными лексическими средствами и стилистическими приемами. Среди наиболее часто встречающихся приемов следует отметить эпитеты, имеющие, как правило, негативную окраску либо отрицательную контекстуальную коннотацию, сравнения, гиперболы. Иногда встречаются метафоры, а также ирония и сарказм. Указанными стилистическими средствами создается образ "врага", против которого и направлена борьба словом.

Как политические, так и националистические тексты делятся на жанры. Думается, справедливо было бы добавить Интернет-статью к основным жанрам политических текстов, названных Алтуняном А. Г. [1, 21], поскольку Интернет является одним из самых влиятельных средств массовой информации в современном мире и играет значительную роль в политической коммуникации.

Структура Интернет-статьи выглядит следующим образом: вербальные и невербальные компоненты включены в три структурно-семантических блока - заголовочный комплекс (заголовок/слоган); основная часть, носящая, как правило, информативный и эмоционально-оценочный характер; заключительный лозунг либо заключительный абзац-призыв.

Для достижения целостности восприятия допускаются параграфематические и иллюстративные средства оформления текста (шрифтовое выделение, рубрикация, иллюстрации, эмблема и т. д.)

Важность Интернет-статьи обусловлена ее функциями: побудительной, информативной, оценочной, фатической. Побудительная функция реализуется, как правило, комплексом лингвистических и графических средств, фатическая функция - лингвистическими средствами, она ориентирована на установление доверительного, дружеского контакта с адресатом.

Таким образом, Интернет-статья - это целостный психосоциолингвистический комплекс, концентрирующий в себе идеологию, привлекающую и захватывающую внимание адресата. Специфика ее заключается в доступности адресату в отличии от печатной продукции того же толка. Важность заголовочного комплекса обусловливает его повышенную функциональную нагрузку, эмоционально-оценочная, побудительная и фатическая функция подчиняют себе информативную. Эти функции взаимодействуют, объединенные одной целью — воздействия на адресата.

Так как эмоциональность текста зависит напрямую от тех средств, которые используются в националистическом тексте, то необходимо рассмотреть некоторые параграфематические средства подробнее.

Графические средства участвуют в организации семантической структуры текста, обеспечивают его экспрессивность, связывают форму и содержание.

Под абзацем понимается графический прием дробления информации (с учетом объема памяти, фактора утомляемости), обеспечивающий преемственное последовательное развитие темы и описывающий какой-либо один признак денотата [5, 11]. Абзац является относительно автономным образованием. Организованное в сверхфразовое единство (или несколько сверхфразовых единств) предметное содержание выражается посредством определенного способа изложения (в другой терминологии типа речи/модуса речи) [3, 43].

Деление националистического текста на абзацы зависит от его протяженности. Абзац выступает в качестве некой семантической константы и является средством максимального свертывания информации при сохранении ее смыслового восприятия. Кроме того, этот прием убыстряет чтение, дает возможности предугадать последующее, служит средством оптимизации восприятия.

Основной текст имеет горизонтальное или вертикальное расположение. В националистическом тексте типичный признак абзаца - красная строка - обычно присутствует, и абзацы начинаются с новой строки с характерного отступа с прописной буквы, но располагаясь друг от друга на большем расстоянии, чем это принято. Это создает впечатление «прозрачности», структурной легкости текста, придает ему резкость и отрывистость, облегчает восприятие информации, что способствует выполнению всех функций текста. Иногда начальные слова выделяются контрастным шрифтом, служащим средством знаковой спецификации.

Как отмечают исследователи, "шрифт - понятие не только типографское, но и лингвистическое" [5, 14]. В националистических текстах наблюдается широкое шрифтовое разнообразие. Разность шрифта (кегля) позволяет авторам выделить нужные слова и предложения в тексте, тем самым обратив внимание адресата на самое важное.

Синтаксис националистических текстов трудно назвать разнообразным. Предложения по преимуществу простые или сложносочиненные, реже сложноподчиненные с одним или несколькими придаточными предложениями. Характерной чертой является выразительная пунктуация: встречаются восклицательные и вопросительные (в том числе и риторические) знаки, тире, двоеточия.

Путем предъявления информации о партии/ движении реализуется установка на психологическое воздействие: обратить внимание на их название, запомнить их образ через образ логотипа, создать благоприятное впечатление.

Для усиления эмоционального воздействия могут также быть введены в Интернет-статью иллюстрации. Это могут быть фотографии, фотомонтаж или рисунки. Они обычно дополняются пояснительными подписями.

В заключение отметим, что националистические тексты существенно отличаются от других политических текстов. Отличительными чертами исследуемых текстов следует признать простоту изложения, приближенность к разговорной речи, использование псевдонаучного стиля, снижение

стиля, употребление бранной лексики, упрощенность синтаксиса, выразительную пунктуацию, наличие скрытой манипулятивности.

ЛИТЕРАТУРА

- 1. Алтунян А. Г. Анализ политических текстов: Учеб. пособие / А. Г.Алтунян. М.: Университетская книга; Логос, 2006. С. 51.
- 2. Белянин В. П. Психолингвистические аспекты художественного текста / В. П. Белянин. М.: Изд-во Московского ун-та, 1988. 248 с.
- 3. Ванников Ю. В. Типы научных и технических текстов и их лингвистические особенности / Ю. В. Ванников. М.: Наука, 1984. 96 с.
- 4. Илюхина Н. А. Русский язык и советское общество: роль речевого воздействия на формирование массового сознания / Н. А. Илюхина // Северо-Кавказские чтения: Проблемы речевого воздействия (Лиманчик-96): Мат-лы Всерос. науч. конф. Вып.1. Р.-н/Д., 1996. С. 19.
- 5. Месхишвили Н. В. Экспрессивные средства письменной коммуникации: Автореф. дис. канд. филол. наук / Месхишвили Наталия Викторовна. М., 1990. 17 с.
- 6. Остроушко Н. А. Проблема речевого воздействия в рекламных текстах: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Остроушко Наталия Алексеевна. М., 2003. 24 с.
- 7. Почепцов Г. Г. Информационно-политические технологии / Г. Г. Почепцов. М.: Центр, 2003.-C.289.
- 8. Репина Е. А. Психолингвистические параметры политического текста: на материале программных и агитационных текстов различных политических партий конца 90-х гг. XX в.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Репина Екатерина Анатольевна. М., 2001. 24 с.
- 9. Узнадзе Д. Н. Общее учение об установке / Д. Н. Узнадзе // Хрестоматия по психологии. М., 1987. С.101-108.
- 10. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса / Е. И. Шейгал. Волгоград: Перемена, 2000. С. 196-197.
- 11. Язык и массовая коммуникация: социолингвистическое исследование / Отв. ред. Туманян А.Т. М.: Наука, 1984. 242 с.

СПЕЦИФИКА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ХРОНОТОПА В РОМАНЕ А. Ф. ПИСЕМСКОГО «ТЫСЯЧА ДУШ»

© 2008 Ю.Ю. Фролова

Воронежский государственный педагогический университет

В романе "Тысяча душ" А. Ф. Писемский по-своему трансформирует поэтиче-ские закономерности сентиментализма. В сентиментальной традиции выдержан и хронотоп произведения.

Опираясь на теорию хронотопа, выдвинутую М. М. Бахтиным, ученые пола-гают, что оформившийся в XVIII в. сентиментальный хронотоп, приобретая характе-ристики новой культурно-временной реальности, включает ярко выраженные архе-типические черты идиллического хронотопа.

Сюжет «Тысячи душ» разворачивается в провинциальном Энске (1, 2, 4 час-ти), лишь в третьей части действие происходит в Петербурге. Локус уездного город-ка является исходной составляющей в жизни Настеньки, Петра Михайлыча и капи-тана. В начале повествования пространство сужено до размеров дома Годневых (принцип приращенности жизни и ее событий к месту в теории Бахтина). Собствен-ное жилище для всех его обитателей - семантически значимо. Оно осознается «чувствительными» героями как «свое», где все друг друга понимают и принимают, где дорог и необходим каждый. В замкнутом мирке (принцип пространственной огра-ниченности) царит особая атмосфера уюта, тепла, взаимопонимания. На психологи-ческом уровне «малый» мир Годневых, их домашняя жизнь пронизаны, пропитаны объединяющими, конъюнктивными чувствами [2, 75-76].

Во второй части романа автор несколько расширяет художественное простран-ство. События происходят в другой социальной среде — в доме генеральши Шевало-вой и имении князя Раменского. Семейной идилличности дома Годневых с атмосфе-рой радушия и взаимной любви противопоставляются взаимоотношения в доме генеральши, основанные на взаимном недоверии, отчуждении, лжи. Локус энской провинциальной элиты оказывается несовместим с «домашним» локусом сентимен-тальных героев.

Пространственно-семантическая оппозиция «свое» — «чужое» в романе реали-зуется и на идеологическом [2, 100-101] уровне, соответствуя философии просвети-тельства. Представители общественного «верха» в романе имеют статус приземлен-ных, заинтересованных только в материальных ценностях, в «тысяче душ». Они противопоставлены незнатным, но нравственным героям, составляющим «духовную элиту» современного автору общества.

Идея сословной и духовной «элитарности», степень приверженности героев к благам цивилизации обусловливает антитезу «естественное» (природное) – «искус-ственное» (городское) [3, 385-386]. Способность ценить прекрасное, наслаждаться природой и ощущать себя ее частью отличает непритязательную, но в то же время духовно тонкую личность, которой в полной мере соответствуют «чувствительные» герои сентиментализма. Для «чувствительного» героя природа — часть его внутрен-него мира. В связи с этим отмечается следующая тенденция: если материальное, внешнее пространство «малого» мира сентиментальных персонажей тяготеет к максимальному сужению, то «духовное пространство» мира внутреннего значитель-но обогащается за счет слитности с бытием природы. В то же время представители знати, склонные к роскоши, к поискам материальной выгоды, живущие ложными ценностями, находятся вне «пространства духа».

Не случайно в романе Писемского «сентиментальные» герои появляются вда-ли от шума и суеты больших городов (принцип сочетания человеческой жизни с жизнью природы). Сад для Годневых не менее важное и эмоционально значимое пространство, чем дом. На лоне природы, в естественном пространстве («свой» мир) Настенька открывает душу Калиновичу, занимающему особое место среди персона-жей произведения.

До самых последних страниц романа он лишен «своего» пространства. Герой из разряда «перекати-

поле», оторванный от конкретного пространственного локуса, внешне легко приживается на новом месте, потому что на старом его ничего не держит: у него нет семьи. Лишенность собственного Дома не только как физическо-го, но и семантического пространства (места, где тебя ждут и понимают) имеет психологические последствия — замкнутость и недоверчивость Калиновича.

Несмотря на его достаточно заметный социальный статус смотрителя учили-ща, местная элита не торопится вводить молодого чужака в свой круг. Чтобы стать с представителями здешнего привилегированного круга на одну ступень, надо обла-дать «тысячей душ». «Чтобы успевать в жизни, видно, надобно не кандидатство, а искательство и подличанье, на которое, к несчастью, я не способен» [4, 74], — сознает герой.

Единственный дом, где Калиновича встречают тепло, – дом Годневых. Их «ма-лый» мир на какой-то момент становится для героя «своим». Но вторгнувшийся в идиллическое пространство Годневых Калинович оказывается не способен поддер-живать психологическую атмосферу уюта, сочувствия, любви, дарить те же эмоции, которые адресуются ему. Герой, зараженный тленным духом «большого» мира, вносит дисгармонию в «малый» мир Годневых. Он индивидуалист по природе, поэтому самость берет верх над конъюнктивными чувствами «малой» группы. Ка-линович как воплощение идеи «раздробленности» оказывается в оппозиции к «чув-ствительным» персонажам, руководствующимся принципом «цельности», «единст-ва» [2, 102].

Локус первоначально обозначенного пространства (дом Годневых – Энск) ста-новится все «теснее» по мере роста амбициозных претензий героя – добиться славы и богатства. Отказавшись от любви и семейного счастья, Калинович отправляется в Петербург, где, как ему кажется, могут реализоваться далеко идущие честолюбивые планы. Устав от бесплодной борьбы на честном поприще, Калинович решается на сделку - женитьбу на генеральской дочке Полине, за которой числится богатое приданое. Этот шаг дает герою возможность устроиться комфортнее, но не способ-ствует душевной гармонии. На психологическом уровне отношения в новой семье характеризуются разъединяющими чувствами: ничто не держит молодого новобрач-ного там, где нет тепла и любви. Отчетливо прослеживается здесь и идеологическая составляющая художественного пространства, которая реализуется в противопос-тавлении мира предметного и мира духовного (пьянящая роскошь, с одной стороны, и душевная пустота, черствость, с другой).

Только сполна погрузившись в «чужую» стихию, Калинович прозревает. Он рад отдать «всю

эту ветошь маскарада» за то, чтобы оказаться в кругу любящих и доверяющих ему людей. И опять Писемский трансформирует художественное про-странство, вновь сужая его до уездного Энска, куда герой назначен вице-губернатором, а потом до «малого» мира Годневых. Символична концовка романа, когда измученный жизненными перипетиями Калинович встречается с Настенькой. Только вторично войдя в семью Годневых, он обретает там Дом. Невоплощенная в первой половине романа сентиментальная модель бытия становится возможной, когда Калинович, отказавшись от своего тщеславия, хочет и может довольствоваться ценностями «малого» мира. М. М. Бахтин, исследуя особенности хронотопа сенти-ментального романа, замечает, что часто «движение романа ведет главного героя из большого, но чуждого мира случайностей к малому, но обеспеченному и прочному родному мирку семьи, где нет ничего чужого, случайного, непонятного, где восста-навливаются подлинно человеческие отношения» [1, 381].

Цикл жизни главной героини тоже вполне вписывается в рамки сентимен-тального хронотопа, когда, отрываясь от «малого» мирка, Настенька отправляется в чуждый ей «большой» мир вслед за Калиновичем и проходит там серьезную школу «воспитания чувств». Обретя новый опыт жизни в «большом» мире, обогащенная им героиня в поисках тепла, понимания, сочувствия возвращается в «свой» уголок, свою семью. В «жизненном путешествии» Настенька совершает полный круг, но этот круг разомкнут. Героиня выходит на новый виток своего развития, совершаю-щегося по спирали. Однако, по законам сентиментализма, временный разрыв героя с «малым» миром не проходит бесследно. Тяжкая расплата за уход из Дома – смерть отца, не пережившего разлуку с дочерью. Трагичность этого события для Настеньки все-таки смягчается полнотой переживаемых чувств, сберегаемых в сердце навсегда. Для «чувствительного» персонажа богатство переживаний, способность на глубокие чувства и есть условие, помогающее избыть утрату, сохранив любовь и память. Способность возвращаться к воспоминаниям о счастливых моментах прошлого дает Настеньке силы перенести и любовный крах.

На последних страницах романа отношения Настеньки и Калиновича соответ-ствуют сентиментальной концепции любви, предполагающей взаимодействие с тем, с кем существует нравственная связь. Настенька больше не мечется между Калино-вичем и родными. Остепенившийся Калинович более симпатичен Флегонту Михай-лычу, который, искренне желая счастья племяннице, готов простить и принять Якова Васильевича в семью.

Хотя финал и выдержан в соответствии с сентиментальной традицией, но идиллическим его не назовешь. «Сломанный нравственно, больной физически, Калинович решается на новый брак единственно потому только, что ни на что более не надеялся и ничего более не ожидал от жизни...» [4, 468]. В финале Калинович уже не тот прагматик, как в первых частях романа, но и к безмятежному идилличе-скому счастью он не готов. Причина тому — метаморфозы, произошедшие в нравст-венном мире героя. «Сломленный нравственно», герой уже не может вполне про-никнуться гармоническим состоянием мира.

Пережив разочарование в сентиментально-романтических взглядах, Настенька тоже не вернется к идиллической радости и спокойствию сентиментального бытия. Именно поэтому ни Калинович, ни Настенька, по словам повествователя, «не при-стали в мирную пристань тихого семейного счастья» [4, 468].

Только капитан Флегонт Михайлыч, личность гордая и рыцарски благородная, сохраняет цельность натуры и верность своим убеждениям и принципам. В его внутреннем мире нет никаких потрясений. И именно он, в полной мере способный оценить богатство «малого» мира, «наслаждается жизнью» [4, 469], находя утешение в домашней повседневности.

Итак, основные составляющие хронотопа романа «Тысяча душ» — прикреп-ленность/неприкрепленность к определенному

локусу, пространственная оппозиция «свое» - «чужое», нарушение локальной замкнутости «малого» мира посредством вторжения в него «инородной силы» (Калинович) и ухода «чувствительного» героя (Настенька) из Дома в «большой» мир, спиралевидная концепция духовного роста и возмужания героя с последующим возвращением в «малое» пространство - выдер-жаны в традициях сентиментализма и во многом обусловливают характеры действующих лиц. Такой «симбиоз» предромантизма (сентиментализма) и критического реализма у Писемского - отражение действительной сложности бытия, к постиже-нию которой автор приступает, вооруженный опытом предшественников.

ЛИТЕРАТУРА

- 1. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет / М. М. Бахтин. М.: Худож. лит., 1975. 502 с.
- 2. Иванов М. В. Судьба русского сентиментализма / М. В. Иванов. СПб.: ФКИЦ «Эйдос», 1996. 336 с.
- 3. Лотман Ю. М. Руссо и русская культура XVIII века / Ю. М. Лотман // История и типология русской культуры. СПб.: Искусство-СПб., 2002. С. 383-445.
- 4. Писемский А. Ф. Тысяча душ / А. Ф. Писемский // Собр. соч.: В 9 т. М.: Правда, 1959. Т. 3. 474 с.

ХАРАКТЕРИСТИКА ЧЕЛОВЕКА В УСТОЙЧИВЫХ СТЕРЕОТИПНЫХ СРАВНЕНИЯХ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ (ПО ДАННЫМ ЭКСПЕРИМЕНТА)

© 2008 Хади Али Х

Воронежский государственный университет

Цель данной статьи — показать, что устойчивость стереотипов не так стабильна, как принято считать. Для этой цели из Словаря сравнений русского языка В. М. Мокиенко были выделены прилагательные, являющиеся компонентами устойчивых сравнений.

Прилагательные, характеризующие человека, представляют собой открытое множество. Мы ограничили выборку следующим небольшим кругом лексем: белый, большой, быстрый, горячий, голодный, глупый, грациозный, гостеприимный, длинный, жирный, злой, красивый, красный, мягкий, неуклюжий, пугливый, пунктуальный, румяный, сильный, смелый, смешной, стройный, твердый, трудолюбивый, трусливый, тупой, упрямый, холодный, храбрый, худой, чистый, элегантный — 32 лексемы.

Все эти прилагательные имеют оценочную семантику и с разных сторон характеризуют человека. Являясь компонентами устойчивых сравнений, они актуализируют признаковые семы, часто передающие метафорический смысл.

Указанные прилагательные — частнооценочные слова, их денотативная отнесенность различна. В нашем случае субъектом сравнения является человек. Сложность дифференциации абсолютной и сравнительной оценок неоднократно отмечалась в лингвистике. Это "одна из основных проблем аксиологии" [1,15]. При семантическом анализе обнаруживается, что оценка и сравнение тесно связаны.

Среди выбранных нами частнооценочных прилагательных выделяются четыре группы: прилагательные со значением интеллектуальной, эстетической, этической и физической оценок.

Ядром устойчивого стереотипного сравнения являются прототипы — эталоны. В триаде компаративного сочетания они представляют собой объекты сравнения. Напомним, что субъектом рассматриваемых сравнений является человек.

Проведенный направленный ассоциативный эксперимент позволил увидеть некоторые изменения, касающиеся выбора носителями русского языка образа-эталона в компаративном сочетании.

По данным словаря был сделан вывод о том, что образной основой устойчивых стереотипных сравнений в русском языке становятся лексемы разных семантических классов: флора, фауна, персоналии, материал, предметы быта, природа и многое другое. Эти лексемы являются объектами сравнений, передающими сумму разных чувственных впечатлений (слуховых, зрительных), дающих оценку человеку, актуализируя оценочный компонент в своей семантической структуре. Выявленный по каждому признаку круг слов рассматривается как совокупность единиц, в значениях которых какие-либо признаки являются наиболее яркими, а само слово выступает как эталон данного признака в языке.

Таким образом, в составе модели компаративное имя представляет собой эталон качества, названного прилагательным. Это качество приписывается субъекту сравнения, усиливая его оценочные значение. "Голодный как волк" - это очень голодный человек, поскольку состояние голода — это атрибут волка.

Как показал анализ словаря, наиболее широкой является система сравнений по цвету, из которой полнее других развита подсистема "белый". Основным компаративом этой подсистемы является "снег", который появляется наиболее часто при субъекте "человек", хотя это слово может появиться при любом субъекте, обладающем белым цветом. За этим образом-эталоном занимают позицию объекта сравнения следующие образы: мел, полотно, бумага, простыня, скатерть, стена. Есть некоторые слова, которые устойчиво употребляются только с определенными субъектами: белый как лунь — о волосах (седых); как сахар — о зубах; сметана, молоко — о коже человека.

Наибольшее распространение в качестве объектов сравнения, образов-эталонов по другим признакам получают названия животных и растений. Зоонимы и фитонимы являются стержневыми компонентами, с помощью которых фразеологизмы объединяются в единое

фразеогнездо, реализуя различные компоненты значения в семантической структуре этих названий. В русском языке характеристика человека, выраженная с помощью устойчивого сравнения, определенным образом предопределена характером того стержневого компонента, который соотносится с конкретной особенностью того или иного животного или растения.

Для проверки воспроизводимости говорящими носителями русского языка образов-прототипов и выявления числа совпадений со словарными данными был проведен направленный ассоциативный эксперимент, в котором круг слов-ответов был ограничен самим экспериментальным заданием. Специализированность задания, позволяющая практически исключить из ответов стандартные и частотные, но не входящие в данный класс ассоциации, резко сужает зону направлений поиска ассоциаций испытуемыми и дает возможность проникнуть в структуру ассоциативных связей на довольно большую "глубину". Таким образом, метод направленного ассоциативного эксперимента ограничивает поток ассоциаций рамками определенного грамматического класса.

Информантам предлагалось заполнить компаративную конструкцию, последовательно подбирая слова, которые могут служить основанием для сравнения по предложенному в эксперименте признаку. Информантами были студенты филологического и химического факультетов Воронежского государственного университета — 100 человек. Получены следующие ассоциаты.

Большой как: Титан, небо 2, слон 30, памятник, шар 10, мир 13, город 1, айсберг 1, медведь 3, земля, скала 5, пеликан 3, мозг 1, шкаф 1, елка 1, глыба 1, гора 4, дом 3.

Глупый как: дурак 7, коробка 1, кот 1, осел 7, баран 13, пенек 2, пень 5, пробка 8, олень 3, козел, ребенок 2, дуб, дубина, обезьяна 5, дерево 2, свинья, мужик, Емеля, овца, индюк 2, курица 4, утка 4, гусь, валенок, башмак, кролик, головешка, мартышка.

Горячий как: чай 18, утюг 11, кофе 16, вулкан 1, огонь 20, парень, пламя 2, солнце 2, пирожок 1, кровь 1, испанец 1, сердце 1.

Гостеприимный как: хозяин 13, баба 1, товарищ 1, русский 11, кролик 1, китаец 1, мама 7, американец 1, грузин 4, кавказцы 2, природа 1, самовар 1, бабушка 1, японец 1, горец 1.

Трациозный как: пантера 12, лань 20, кот 1, олень 4, фламинго 5, лебедь 6, тигр 1, нимфа 1, пава 1, павлин 2, Алина Кабаева 1, балерина 8, береза 1, кипарис 2, кошка 6, кинозвезда 1, газель 3, девушка 2, журавль 3, статуя 1.

Жирный как: масло 7, боров 5, свинья 48, поросенок 2, кабан 10.

Красивый как: цветок 8, павлин 5, роза 5, Бог 8, парень 2, лебедь 3, ласточка 1, фотомодель 2, Афродита 2, красавица 1, кошка, картинка, закат, ночь, мама, котенок, Бред Питт, Мисс Вселенная 1, платье 1, юноша, монах, женщина 3, небо 2, верблюд, пантера, мир, рыба, Мальвина, скульптура, природа 2, аполлон 2, петух 1, херувим 1.

Красный как: Матрена 3, Дед Мороз 4, блин 1, красна девка 1, солнышко 3, пончик, помидор 2, закат 1, заря 2, матрешка 4.

Мягкий как: подушка 16, диван 2, пустота 1, облако 1, кожа 1, перина 3, пух 20, вата 9, «Зева» (туалетная бумага) 3, варежка 1, ластик 1, бархат 1, пластилин 1, шелк 2, воск 7, крем-брюле 1.

Пугливый как: волк, заяц 8, кролик 3, кот 2, мышь 9, собака, пингвин, лань 2, муха, сумрак, страус 3, ишак, тень 2, страх, таракан, паук.

Пунктуальный как: часы 33, немец 23, хоббит 2, англичанин 3, стрелка часов 1, король 6, швейцарец 1, начальник 1.

Румяный как: щечки, пирожок 8, пирог 8, яблоко 10, заря 3.

Сильный как: мужчина 2, зверь 2, Геракл 13, слон 2, лев 8, тяжелоатлет 1, штангист 1, бык 6, медведь 13, дух 1, дуб 1, Кин-Конг 2, филин 1, тигр 5, гигант 1, великан 3, спортсмен 2, Тарзан 1, муравей 2, воин 1.

Слабый как: человек 2, ребенок 13, волк 1, стебелек 1, былинка 1, тростинка 2, комар 3, обезьяна, таракан, птенец, хиляк, старик 3, женщина 7, березка 1, мышь 2, девушка 1.

Смелый как: лев 10, орел 2, воин 4, медведь, герой 3, мальчик, петух 2, тигр 6, Викинг, Робин Гуд 2, Геракл, рыцарь.

Смешной как: юморист 2, шутка 1, жизнь 1, поступок 1, клоун 50, Галкин 12, Петросян 17, анекдот 7, обезьяна 8.

Твердый как: камень 54, дерево 2, лоб 3, сталь 14, дуб 2, стена 1, бетон 2, скала 4, кашель, железо 5, лед, металл 2, гранит 2.

Терпеливый как: мама 12, крокодил 2, учитель 2, слон 3, жираф 1, воин 2, мужчина 1, танк 1, родитель, сова, матрос, верблюд, дуб, бык 2, сапер, удав 8, русский 1, мул 1, святой 1, монах 1, ишак 1, муравей 3, бог 1.

Трусливый как: заяц 100, мышь 6, человек 1, вор 3, шакал 2, пескарь 1, кот 8.

Умный как: Путин 2, папа 2, Сократ 2, человек 5, энциклопедия 1, черт, Ньютон 5, черепаха, лис 5, сова 6, собака 3, Эйнштейн 5, молодчик, профессор 3, кот 1, Ломоносов 1, лев, филин 4, коршун, пес, педагог, утка 10, индюк 3, ученый 4, бог 2, учитель 2.

Упрямый как: осел 68, баран 27, бык 11, ишак 2, эстонец 1, палка 1, козел 1, странник 1.

Хитрый как: лиса 111, волк 1, Одиссей 1, змея 2, шпион 1.

Холодный как: мороженое 2, снег 2, лед 78, айсберг 9, вода, Снежная королева 1.

Храбрый как: лев 34, герой 28, волк 7, сокол 1, воин 18, заяц 3, тигр 3, Геракл 24, мужчина, рыцарь 15, Робин Гуд 1, Питер Пен 1, солдат 5, пират 3, орел, петух, зверь 6.

Чистый как: лист 3, лицо, стекло 3, небо 7, кошка 2, белье, стеклышко, слеза 6, снег 10, вода 6, врач, монах, совесть, родник 2, лебедь.

Элегантный как: женщина 1, модель 6, красотка 4, цапля 1, Леди Ди 1, рояль 2, аристократ 1, денди 3, князь 1, джентльмен 3, президент 1, посол 1.

При сравнении полученных данных в результате опроса информантов с данными Словаря сравнений русского языка В. М. Мокиенко обнаружилось, что во многих случаях информанты показали более широкое разнообразие в использовании образов-эталонов как компонентов устойчивых сравнений. Так, к прилагательному большой Словарь дает только два образа-эталона:

Большой как Голиаф, как слон.

По результатам нашего направленного ассоциативного эксперимента оказалось, что молодые люди, носители русского языка к этому прилагательному дают 18 вариантов образов-эталонов.

Результаты направленного ассоциативного эксперимента показали, что новое время рождает новые стереотипы устойчивых сравнений, разрушая, предавая забвению старые. На наш взгляд, эти процессы обусловлены влиянием СМИ, телевидения, кинематографа и рекламы. Появились новые известные лица, ставшие новыми эталонами красоты, грациозности. Родились новые литературные герои, рекламируются новые предметы

быта. Так, к некоторым прилагательным информантами даются следующие образы-эталоны, не зафиксированные данным словарем:

Грациозная как Алина Кабаева, фотомодель, кинозвезда.

Трусливый как Вицин (видимо, под влиянием роли Труса в фильме).

Красивый как Бред Питт, Мисс Вселенная. Мягкий как «Зева плюс» (туалетная бумага, широко рекламируемая).

Сильный как Кинг Конг.

Умный как Путин.

Храбрый как Питер Пен.

Интересно отметить, что в Словаре сравнений русского языка вообще отсутствует пример устойчивого компаративного сочетания с прилагательным смешной. Мы дали его специально и получили следующие образы-эталоны этого качества человека:

Смешной как юморист, Галкин, Петросян.

Таким образом, можно констатировать некоторое разрушение устойчивости и стереотипности в области компаративных сочетаний, которое обусловлено иным информационным полем, соответствующим новому времени, влиянием нового культурного пространства.

ЛИТЕРАТУРА

- 1. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф. изд. 2-е, доп. М.: Едиториал ЧРСС, 2002. 280 с.
- 2. Мокиенко В. М. Словарь сравнений русского языка / В. М. Мокиенко. СПб.: Норинт, 2003.-608 с.

О *ПРИЕМАХ* ПРОПАГАНДЫ КАК СРЕДСТВЕ *РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ*В СУДЕБНОМ ПРОЦЕССЕ

© 2008 Е.В. Хлопкова

Астраханский государственный университет

В конце 30-х годов XX в. в США в Институте анализа пропаганды были сформулированы семь основных *приемов манипулирования* сознанием. Это:

- "Приклеивание или навешивание ярлыков" – (name calling);
- "Сияющие обобщения" или "блистательная неопределенность" (glittering generality);
  - "Перенос" или "трансфер" (transfer);
- "Ссылка на авторитеты", "по рекомендации", "свидетельства" или "свидетельствование" (testimonial);
- "Свои ребята" или "игра в простонародность" - (plain folks);
- "Перетасовка" или "подтасовка карт" (card stacking);
- "Общий вагон", "общая платформа" или "фургон с оркестром" (band wagon) [2].

Нам представляется, что эти приемы находят широкое применение не только в рекламно-пропагандистских акциях, но и активно используются адвокатами и прокурорами в судебном процессе в рамках методов психологического принуждения, внушения, убеждения и т. д.

Цель данной статьи - рассмотреть вышеперечисленные *приемы речевого воздействия* с точки зрения их применения в суде, выявить лингвистические средства, с помощью которых реализуются данные приемы. Материалом для анализа послужили стенограммы свидетельских показаний, а именно речи адвокатов и прокуроров в этих стенограммах. Метод исследования - прагмалингвистический анализ.

"Приклеивание или навешивание ярлыков" - (name calling). Данный *прием* заключается в выборе оскорбительных эпитетов, метафор, названий, имен, так называемых "ярлыков", для обозначения, именования человека, организации, идеи, любого социального явления. Эти "ярлыки" вызывают эмоционально негативное отношение окружающих, ассоциируются у них с низкими (бесчестными и социально неодобряемыми) поступками (поведением) и, таким образом, ис-

пользуются для того, чтобы опорочить личность, высказываемые идеи и предложения, организацию, социальную группу или предмет обсуждения в глазах аудитории. Приведем несколько примеров из речи прокурора по делу Станислава Дмитриевского, обвинявшегося в возбуждении ненависти по признакам расы, национальности (февраль 2006 г.):

«60-летие своей депортации многие чеченцы отметили в тяжелейших условиях массовых, немотивированных убийств, внесудебных казней, беспричинных задержаний, жестких "зачисток", пыток, похищений, исчезновений, "адресных" проверок со стороны российских оккупантов и их приспешников, вот уже пятый год бесчинствующих на территории ЧРИ»;

"Сегодня, как и 60 лет назад, нашей национальной трагедией стал новый тотальный российский террор, в неумолимых жерновах которого перемалывается генофонд уникального и самобытного чеченского народа…";

"Вы стали свидетелями одного из многочисленных террористических методов, применяемых российской стороной с захватом заложников из мирного населения";

"…хочется верить, что чеченский народ вправе надеяться на признание вами геноцидом войну, навязанную Чечне путинским режимом" [5].

Автор данных высказываний навязывает аудитории мнение о том, что именно Россия виновата в событиях, происходящих на Кавказе. Умелое использование прилагательных в превосходной степени, неоднократного повтора слова *террор* в различных комбинациях направлено на навешивание ярлыка 'Россия - причина бед в Чечне'.

"Сияющие обобщения" или "блистательная неопределенность" - (glittering generality). Этот прием речевого воздействия заключается в замене названия, обозначения определенного социального явления, идеи, организации, социальной группы или конкретного человека более общим родовым

именем, которое имеет положительную эмоциональную окраску и вызывает доброжелательное отношение окружающих. Он основан на эксплуатации положительных чувств и эмоций людей к определенным понятиям и словам, например, таким как "свобода", "демократия", "патриотизм", "содружество", "мир", "счастье", "любовь", "успех", "победа", "здоровье" и т. п. Такого рода слова, несущие позитивное психоэмоциональное воздействие, применяются для формирования решений и взглядов, оценок и действий, выгодных для конкретного лица, группы или организации: "Я могу охарактеризовать его как человека очень доброго. Даже внешне – смотришь на него, какой он добрый. Все время, что я его знаю, — он муху не обидит, очень-очень добрый человек. А как коллега... Унас очень редко были какие-то разногласия, очень редко... у нас не было никаких конфликтов... Все его действия, все его помыслы были направлены на то, чтобы способствовать, во-первых, окончанию войны в Чечне, и способствовать тому, чтобы между русским народом и чеченским народом была дружба..."[5].

"Перенос" или "трансфер" - (transfer) - используется для формирования ассоциативных связей преподносимого объекта с кем-либо или чем-либо, имеющим ценность и значимость у окружающих.

"Причины событий бывают крошечно ничтожны, как семя, как маленькое зерно; но если это семя или зерно упадет на плодородную почву, увлажнится дождем и согреется солнцем, то и вырастет в рослый колос или дуб" [5].

В данном примере автор сравнивает процесс совершения преступления с процессом роста дерева, он переносит события в другую область. Сочетание ситуативных антонимов семя - дуб, зерно - колос показывает процесс превращения ничтожных причин в последствия, которые в результате могут привести на скамью подсудимых. Привлечение доступных аудитории образов почвы, колосьев и деревьев делает речь защитника яркой и эмоциональной.

Может использоваться и негативный "трансфер" посредством побуждения к ассоциациям с явно отрицательными понятиями и социально неодобряемыми явлениями, событиями, действиями, фактами, людьми и т. д. Он используется для дискредитации конкретных лиц, идей, ситуаций, социальных групп и организаций.

"Ссылка на авторитеты", "свидетельства" или "свидетельствование" - (testimonial). Содержание этого *приема* заключается в приведении высказываний личностей, обладающих высоким авторитетом, или же, наоборот, таких, которые вызывают отрицательную реакцию у категории людей, на которых направляется манипулятивное

воздействие. Используемые высказывания обычно содержат оценочные суждения в отношении людей, идей, событий, программ, организаций и выражают их осуждение или одобрение:

«Прокурор Кондратьева Т. И.: В заключение я хочу отметить следующий момент: что все, что здесь происходит, к сожалению, до боли напоминает то, что написано в Библии.

Адвокат Леонтьев А. Е.: Но ведь все, что Вы услышали, это было их мнение о том, что кто-то написал, написал кто-то другой. То есть, мы что, собираемся запретить целую религиозную общину на основании того, что является мнением некоторых... нескольких экспертов? Ну, нам уже цитировали из Евангелия от Матфея, когда сам Иисус Христос, так сказать, критиковал иудеев... (Если сам Иисус Христос критиковал новую религию, почему мы не можем последовать его примеру, ведь он же пример для подражания? — Е. Х.)

Адвокат Джон Бернс: Позвольте мне поделиться с вами комментариями практического характера, которые принадлежат судье, жившему в первом веке нашей эры. Он говорил со своими коллегами, судьями... Речь шла о нетрадиционной религии, которая для них представляла собой проблему. Эта религия называлась тогда христианством. Судьи, его коллеги, хотели судить христиан... и вот, в книге Деяния апостолов говорится об этом. Я опущу остальное и прочту только тот совет, который он дал своим коллегам... Звали его Гамалиил. 33,34: "И ныне говорю вам: отстаньте от людей сих и оставьте их, ибо если это предприятие и это дело от человеков, то оно разрушится. А если от Бога, то вы не можете разрушить его. Берегитесь, чтобы вам не оказаться и богопротивниками". Что дальше случилось с христианством, мы знаем. Другими словами, попытки тогда запретить христианство не увенчались успехом. Попытки остановить протестантство также не увенчались успехом. Попытки навязать народу атеизм и искоренить религиозные чувства из душ людей в России также не увенчались успехом. Даже в советское время попытки запретить и уничтожить Свидетелей Иеговы... в советское время... не увенчались успехом. Поэтому мы призываем Вас последовать этому совету судьи и отклонить требование прокурора» [6].

Таким образом, у человека как объекта манипулятивного воздействия инициируется формирование соответствующего отношения - эмоционально позитивного или отрицательного.

"Свои ребята" или "игра в простонародность" - (plain folks). Иногда также используются такие названия, как "рубаха-парень", "простонародность", "простой" или "свой парень" [2].

Цель данного *приема манипулятивного воздействия* состоит в попытках установления доверительных отношений с допрашиваемым, как с близким по духу человеком на основании того, что коммуникатор, его идеи, предложения, высказывания хороши, т. к. принадлежат простому народу.

Автор разделяет интересы и заботы аудитории, выступает "на равных". Он устанавливает с помощью горизонтальности отношений атмосферу непринужденного общения с адресатом, располагает его вниманием, обращаясь к нему лично, беседуя с ним "на равных".

Пример 1:

"Гринспан: ...Иногда мы проводим такие проверки, иногда — нет. Меня удовлетворили доказательства того, что подряды существуют в природе, и эти доказательства я нашел в шести разных источниках, включая заполненные платежные ведомости по результатам выполненных работ. Этого было достаточно.

Конгрессмен Лент: Иными словами, вы утверждаете, что вы — честный и ответственный аудитор.

Гринспан: Да, сэр.

Конгрессмен Лент: Вы просто стали жертвой этой компании наряду с остальными ее инвесторами?

Гринспан: Вот именно, я был жертвой... Я возмущен так же, как и все остальные. Каждую ночь я просыпаюсь в холодном поту: как только я не заметил этого проклятого обмана!" [7].

Пример 2:

"Ребенчук: Вы купили завод, который довел до банкротства зять ныне действующего акима области. Эти убытки - 3 млн долларов - это в бытность его, когда он руководил этим заводом?

Свидетель: Да.

Ребенчук: Вы говорили, что практически во всех городах Казахстана представлен ваш бизнес. В Павлодаре, с какого года?

Свидетель: С октября 1994 года.

Ребенчук: То есть бизнес присутствовал в Павлодаре с 1994 года?

Свидетель: А с 1995 года во всех областях Казахстана и в России.

Ребенчук: То есть задолго до того, как сюда пришел аким Павлодарской области Жакиянов?

Свидетель: Да.

Ребенчук: С какого времени вы знакомы с Рюмкиным, первым заместителем акима области?

Свидетель: Трудно сказать. Дело в том, что мы с ним коллеги как строители, одно время работали заместителями акимов областей - он в Павлодаре, а я в Семипалатинске. Это было в 1995 году. Близких контактов не было "[1].

Перед нами пример непринужденного общения между адвокатом и свидетелем.

Достаточно часто этот *прием* используется для создания позитивного отношения к конкретному человеку и, таким образом, формирования к нему доверия и позитивного отношения.

"Перетасовка" или "подтасовка карт" - (card stacking). Содержание данного *приема* заключается в отборе и преподнесении только положительных или только отрицательных фактов и доводов при одновременном замалчивании противоположных. Его основная цель - используя односторонний подбор и подачу фактов, свидетельств, доводов, показать привлекательность или, наоборот, неприемлемость какой-либо точки зрения, программы, идеи и т. п.

Все в том же деле, которое упоминалось, когда речь шла о приеме "навешивания ярлыков", в речи прокурора содержатся реплики, направленные на представление России в негативном свете:

"Самая первая депортация была осуществлена Россией еще в 1792 году…";

"Во все еще продолжающейся русско-чеченской войне уже погибло более четверти миллиона мирного населения ЧРИ";

"Мировое сообщество... не имеет даже малейшего желания каким-либо образом отреагировать на это преступление безумного кремлевского кровавого режима";

"...Хочется верить, что чеченский народ вправе надеяться на признание вами геноцидом войну, навязанную Чечне путинским режимом".

"Мы приглашаем независимых экспертов ООН и ЕС для визуального мониторинга ситуации, чтобы безосновательные, клеветнические нападки на чеченцев со стороны российских пропагандистов... не могли исказить реальную картину в Чеченской Республике Ичкерия" [5].

В речи этого же прокурора имеются высказывания, направленные на пропаганду исключительности, превосходства чеченских граждан по признаку их национальной принадлежности. В подтверждение приведем две цитаты: "...генофонд уникального и самобытного чеченского народа, являющегося одним из аборигенов древнего Кавказа..." и "святая чеченская земля" [5].

Автор искусно манипулирует мнением аудитории, используя здесь несколько эпитетов, которые позволяют формировать положительное отношение к данному народу. Ведь прилагательное уникальный имеет значение 'редкий, единственный в своем роде, неповторимый' [4, 724], слово самобытный означает 'своеобразный; не зависящий от каких-либо влияний в своем развитии; оригинальный' [4, 602], прилагательное святая имеет значение 'глубоко чтимая; исключительная по своей важности; возвышенная, идеальная' [4, 612].

Автор этих слов намеренно "забывает" о том, что есть ситуации, в которых Чечня выступает не как *святая* и *уникальная* земля, он не говорит о бесчинствах, которые творит этот народ, потому что ему это не выгодно.

В последнее время этот прием чаще используется в измененном виде под названием "акцентирование".

"Общий вагон", "общая платформа" или "фургон с оркестром" (band wagon). При использовании данного *приема* осуществляется подбор суждений, высказываний, фраз, требующих единообразия в поведении, создающих впечатление, будто так делают все. Сообщение может начинаться словами: "Все нормальные люди понимают, что..." или "ни один здравомыслящий человек не станет возражать, что..." и т. п.

Посредством "общей платформы" у человека вызывается чувство уверенности в том, что большинство членов группы, определенной социальной общности и, в частности, с которой он себя идентифицирует или мнение которой значимо для него, принимают конкретные ценности, идеи, программы, разделяют предлагаемую точку зрения.

"Адвокат Леонтьев А.Е.: Вы сказали, что вы ругались с матерью. Разве это не нарушение мира в доме?" [6].

В результате проведенного анализа стенограмм судебных процессов выявлено использование *приемов* пропаганды в рамках психологических методов с целью *речевого воздействия* на аудиторию, в частности на свидетелей. Каждый из указанных

приемов манипулятивного воздействия имеет психолингвистическую основу, для их реализации используются различные стилистические приемы.

ЛИТЕРАТУРА

- 1. Время клопов. 2002. (http://www.zhakiyanov.info/article.php?id=442).
- 2. Грачик Г. Манипулирование личностью: организация, способы и технологии информационно-психологического воздействия / Г. Грачик, И. Мельник // (http://www.dere.ru/library/grachov/soder.html)
- 3. Лазаревский районный суд г. Сочи 2004. (http://www.kuban-justice.ru/info/sud.htm)
- 4. Ожегов С. И. Словарь русского языка: Ок. 57000 слов / С. И. Ожегов. 16-е изд., испр. М.: Рус. яз., 1984. 797 с.
- 5. Санникова Е. Хроника суда / Е. Санникова. 2006. (http://www.hro.org/ngo/about/2006/02/02-5.php)
- 6. Свидетели Иеговы: московский процесс 2001. (http://www.jw-media.org/region/europe/russia/russian/moscow/u_courttranscripts.htm)
- 7. Столяров Ю. Н. Теория относительности документа / Ю. Н. Столяров. (http://ellib.gpntb.ru/?journal=ntb&year=2006&num=7&art=8)

РУССКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С НАЗВАНИЯМИ ОБУВИ

© 2008 Люй Цзиньянь

Воронежский государственный университет

Фразеологизмами (фразеологическими единицами, фразеологическими оборотами) называют семантически связанные сочетания слов, которые создаются не в соответствии с общими закономерностями выбора и комбинирования слов при организации высказывания, а воспроизводятся в речи в фиксированном соотношении семантической структуры и определенного лексико-грамматического состава.

Фразеологизмы — наиболее специфическая для языка часть лексико-фразеологической системы языка. Постоянно пополняясь новыми единицами, лексико-фразеологический состав языка отражает культурно-исторический опыт народа, а также особенности развития данного языка. Сопоставление фразеологизмов различных языков (в нашем случае русского и китайского) при учете образности (внутренней формы), компонентного состава и экспрессивно-стилистической окраски фразеологизмов дает возможность выявить национально-культурное своеобразие их семантики.

В настоящей статье обращается внимание на русские фразеологизмы, в которых содержатся наименования обуви, частей (деталей) обуви и устанавливается соотнесенность указанных лексических единиц с китайскими языковыми единицами.

Источником языкового материала послужил ряд фразеологических словарей русского и китайского языков и живая русская и китайская речь.

Китайская одежда, в том числе обувь, во многом отличается от традиционной русской, так что русские фразеологизмы, содержащие названия обуви, в китайской аудитории могут дать материал для пополнения словарного запаса китайских учащихся и интересные сведения о русской культуре.

В составе русских фразеологизмов отмечены названия следующих видов обуви и их частей, деталей: сапог (сапоги), башмак, каблук, валенок, лапоть, галоши, штиблеты, тапочки, портянки (портянка), подметка (подметки), стелька (стельки), сандалии, чулки (чулок), шпильки.

Некоторые из них в настоящее время являются историзмами, т. к. обозначают обувь, которую уже не носят, но многие названия входят в активный состав современного русского языка.

В составе русских фразеологизмов широко используются многие названия обуви.

Сапог, -а, род. мн. сапог, м. Высокая обувь, охватывающая голени. Кожаные сапоги. Валяные сапоги (валенки). Резиновые сапоги. "Два сапога пара" (разг.) — о двух людях, вполне сходных по недостаткам. "Под сапогом" у кого-н. — то же, что под пятой у кого-н. "Сапоги всмятку" (разг. шутл.) — бессмыслица, чепуха. "Стлаться (стелиться) под сапог (ноги)" кому (устар., презрит.) — угодничать, унижаться.

Башмак, -а, м. Ботинок или полуботинок. "**Под башмаком**" у кого-н. (о том, кто подчиняется во всем другому, преимущ. жене; разг.). "**Держать под башмаком**" — подчинять своей власти.

Каблук, -а, м. Твердая набойка на подошве обуви под пяткой. Туфли на высоких каблуках. "**Под каблуком**" у кого-н. (разг.) — в полном подчинении у кого-нибудь.

Валенки, -нок, ед. -нок, -нка, м. Зимняя обувь, сапоги, свалянные из шерсти. "Тупой как валенок" (шутл.) — глупый человек.

Лапоть, -птя, мн. -и, -ей, м. Плетеная обувь из лыка, охватывающая только ступню ноги. Липовые лапти. "**Лаптем щи хлебает**" (разг. шутл.) — совершенно необразован, некультурен. **Лапотная** деревня ушла в далекое прошлое (перен.) — нищая и некультурная.

Галоши (калоши), -ош, ед. -оша, -и, ж. Низкая резиновая обувь, надеваемая поверх сапог, ботинок для предохранения их от сырости. "Садиться в галошу" — потерпеть поражение, оказаться в неловком, неприятном положении. "Посадить в галошу" — поставить кого-то в неприятное, неловкое положение.

Штиблеты, -ет, ед. -ета, -ы, ж. Мужские полуботинки со шнурками или резинками по бокам. "**Отбросить штиблеты**" (шутл.) — умереть.

Тапочки, -ек, ед. -чка, -и, ж. Легкие туфли без каблуков. **В белых тапочках** я видел (шутл.) – желание видеть кого-л. в гробу

Портянка, -и, ж. Кусок ткани для обмотки ног под сапог вместо или поверх чулок. "Закрой рот портянкой" (грубо) — замолчи.

Стелька, -и, ж. Тонкая подстилка на внутренней части подошвы в обуви. "**В стельку**" — сильно напиться, быть пьяным.

Подметка, -и, ж. Подошва, нижняя наружная часть обуви под ступней. "На ходу подметки рвет" (прост.) — о чрезвычайно ловком, находчивом, энергичном человеке.

Сандалии, -ий. Легкие летние кожаные туфли без каблуков. Первонач. — подошва с ремешками для прикрепления к ноге. "**Отбросить сандалии**" (шутл.) — умереть.

Шпилька (шпильки), -и, ж. Узкий и длинный каблук на дамской туфле. "**Ходить на шпильках**" — ходить в обуви на тонком высоком каблуке.

Чулок, -лка, род. мн. чулок; м. Вязаное трикотажное изделие, облегающее ногу. "Синий чулок" (пренебр. презрит.) — женщина, лишенная женственности, обаяния и всецело поглощенная книжными, учеными интересами.

Интересен вопрос происхождения данной лексики.

Сапог, происхождение неясно. Предполагают суф. -ог (ср. пирог, творог) от той же основы, что и сопеть, диал. соп — "печная труба", сопля, "штанина" и т. д. Развитие значения шло, вероятно, таким образом: дудка>труба>штаны в виде трубки из кожи>сапоги [4, 295].

Башмак, заимствовано из татарск. яз. В памятниках фиксируется с XVII в. Татарск. башмак — "вид обуви" — производное с помощью суф. -мак от баш — "голова" [4, 31].

Каблук, древнерусское заимствование из тюркск. яз. В памятниках отмечается с XVI в. Тюркск. каблук — "каблук у обуви является суффиксальным образованием на базе арабск. к'аb" — пятка, пята [4, 136].

Валенок (валенки), образовано от общесл. "валять" с суффиксом -енок.

Лапоть, -птя. Общеслав. Образовано с помощью суф. —ъть (> -оть) от лапа. Ср. аналогичное по морфологической структуре ноготь [4, 178].

Галоша, заимств, из нем. или франц. яз. в XVIII в. Нем. Galoseche — "галоша", франц. galoche — тж. восходит к лат. Calopedia, соответствующему греч. Kalopodion — "деревянный башмак" (от kalon — "дерево"). См. калоша [4, 138].

Штиблеты, заимств. в начале XVIII в. из нем. яз., в котором Stiefelette восходит в итал. Stivaletto — "полуботинки", суффиксальному производному от stivale — "ботинки" [4, 384].

Тапочки, образовано, очевидно, от общеславянского "топтать", образованного от тъпътъ – "топот" [4, 336].

Портянка, собств.-русск. Суффиксальное производное от порт — "полотно". См. портной [4, 262].

Стелька, собств.-русск. Образовано с помощью суф. -ка от стель – тж. производного, подобно резь, мазь и т. д., от "стлать" [4, 319].

Сандалии, др.-русск. заимств. из греч. яз. через латинский, где sandalion является переоформлением перс. Sandal — "башмак, туфля" [2, 556].

Чулок, заимств. из тюркск. яз. В памятниках XIV в. отмечается в значении "мягкая обувь". Ср. татарск. чолгау — "онучи, портянки" [4, 375].

Шпилька, укр. шпилька — то же. блр. шпілька. через польск. Szpilka "шпилька" из поздне-сред.-верх.-нем., ранне-нов.-верх.-нем. spille "шпилька, иголка" или ср.-ниж.-нем. Spile "копье, острая палка" [3, 473].

Разное происхождение и время вхождения названий обуви в русский язык во многом определили и разную частоту их употребления в русском языке и в составе русских фразеологизмов. Так, сапог в значении "высокая обувь, охватывающая голень", каблук в значении "твердая часть обувной подошвы, набиваемая под пяткой", башмак — "ботинок или полуботинок" входят в активный состав лексики, а лексема лапоть — "крестьянская обувь, сплетенная из лыка, охватывающая только стопу", сейчас не употребляется, это историзм.

Европейская обувь во многом сходна с русской обувью. Особенность китайского лексикона, обозначающего наименования обуви, заключается в том, что почти все названия обуви в китайском языке исконно китайские; с конца XIX в. стали проникать в китайский язык некоторые названия обуви с Запада, в современном языке появились такие названия, как ботинки, туфли и др.

К безэквивалентным словам с национальнокультурной спецификой значения (относительно западноевропейских языков) принадлежат только русские *лапоть* и *валенки*.

Некоторые русские фразеологизмы с названиями обуви синонимичны: быть под каблуком, быть под башмаком, быть под сапогом; отбросить штиблеты, отбросить сандалии; тупой как валенок, серый как сибирской валенок; в стельку, пьян как стелька.

Отдельные фразеологизмы с названиями обуви и ее деталей входят в лексико-фразеологическую систему русского языка, т. е. выступают в качестве синонимов к русским фразеологизмам, не включающим в свой состав названий обуви. Так, фразеологизм "в стельку

Люй Цзиньянь

(напиться)" имеет синонимы "пьян в доску", "пьян в дрезину", "мертвецкий пьян", "пьян до упора" (прост.) и др.

Фразеологизм "держать под башмаком" синонимичен фразеологизму "держать под колпаком", а фразеологизмы "тупой как валенок", "серый как солдатская шинель" синонимичны фразеологизму "лаптем щи хлебает".

Большая часть русских фразеологизмов, рассмотренных выше, характерны преимущественно для устной речи, многие — для просторечия.

ЛИТЕРАТУРА

- 1. Молотков А. И. Фразеологический словарь русского языка / А. И. Молотков. М.: Советская энциклопедия, 1967. 543 с.
- $2. \Phi$ асмер М. Этимологический словарь русского языка / М. Φ асмер. М.: Прогресс, 1986. 576 с.
- 3. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / М. Фасмер. М.: Прогресс, 1987. 864 с.
- 4. Шанский Н. М. Краткий этимологический словарь русского языка / Н. М. Шанский. М.: Просвещение, 1971. 542 с.

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ КАРТИНА МИРА В РАННЕМ ТВОРЧЕСТВЕ М. ГОРЬКОГО (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)

© 2008 А.А. Шапошников

Российский государственный социальный университет

Понятия художественного пространства и времени устойчиво и по-своему традиционно выступают для научной мысли как важнейшие категории, конституирующие авторскую картину мира в художественном «космосе» писателя. Творчество М. Горького в этом плане не составляет исключения и неоднократно привлекало внимание в указанном аспекте, продуктивность которого представляется по-своему неисчерпаемой. При этом опыт, накопленный горьковедением и литературоведческой наукой в целом, нуждается ныне в определенной систематизации, - с тем, чтобы наметить исходные понятийнотерминологические предпосылки современного исследования в контексте обширнейшей истории и теории вопроса.

Категориальная соотнесенность художественного пространства и художественного времени получила известное определение «хронотоп» в трудах М. М. Бахтина [4, 502]. В данном случае двуплановость такого определения закладывала неизбежное противоречие в понимании доминантного - пространственного, либо временного начал при их неразрывности. Показательно, что сам М. М. Бахтин, отмечавший «ведущее значение» временного начала [4, 235], сосредоточивался на анализе доминант художественного пространства - «встреча-расставание (разлука)», «дорога», «быт», «странствование», «дом», «провинциальный городок», «картина мира». Эти пространственные ориентиры, в отличие от абстрактного восприятия временной перспективы, конкретизируют модель аналитической трактовки литературных произведений. Знаменательна в этом плане оценка пространства и времени в «Закате Европы» О. Шпенглера: «... Пространство - это понятие. Время есть слово, намекающее на что-то непонятное, звуковой символ, который ложно толкуют, если силятся трактовать его, по типу понятия, на научный лад. < ... > Пространство "есть", оно существует в мире и с миром наших ощущений. < ... > "Время", напротив, есть открытие, совершаемое нами лишь в мыслительном акте; мы создаем его как представление или понятие, и только гораздо позднее нам брезжит, что и сами мы, поскольку мы живем, являемся временем» [39, 278].

В работе «Формы времени и хронотопа в романе» М. М. Бахтин также определяет хронотоп «как преимущественную материализацию времени в пространстве» [4, 399], тем самым признавая, по сути, приоритет пространства по отношению к времени. В дальнейшем денотатами бахтинского хронотопа, его своеобразными «проводниками» стали термины известных научных школ ХХ столетия: «семантическое поле», «модель мира», «пространственная структура» [20, 237, 267, 289], «функциональный локус», «пространственный континуум» [29, 18, 31], «промежуточное пространство», «локус эпического пространства» [21,100-101], «единый универсум» [30, 33], «минипространство», «парадоксальное пространство» [33, 476, 498, 520] и др. [13, 147-150].

Наиболее развернуто, с научной точки зрения, функциональность употребления понятия «художественное пространство» применительно к анализу прозы раскрывается, на наш взгляд, в работах Ю. М. Лотмана. Говоря о значении пространственной категории в структуре художественного текста, ученый отмечал: «Язык пространственных отношений... важен, так как принадлежит к первичным и основным. Даже временное моделирование часто представляет собой вторичную надстройку над пространственным языком» [19, 658]. Приводимое Ю. М. Лотманом бахтинское положение о временном преимуществе в хронотопе [18, 442] еще раз подчеркивает противоречивость введенного М. М. Бахтиным термина, который по-разному интерпретируется исследователями по причине заложенной в нем двуплановости восприятия.

Например, в исследовании Л. С. Левитана и Л. М. Цилевич утверждение о том, что «ведущим началом в хронотопе является время», вызывает

вопросы: «В чем смысл понятия "ведущее начало"? Время ведет за собой пространство - но как, куда, а главное - зачем оно его ведет?» [16, 128]. Рассмотрев эту проблему, ученые приходят к дифференциации значения термина М. М. Бахтина, считая, что «пространство хронотопа образует фабульный план, а время - сюжетный» [16, 129]. По-своему показательна позиция Д. С. Лихачева, где отражается особое видение спорной ситуации вокруг понятий времени и пространства в литературе: «...Пространство в словесном искусстве непосредственно связано с художественным временем. Оно динамично. Оно создает среду для движения, и оно меняется, движется. Это движение (в движении соединяется пространство и время) может быть легким или трудным, быстрым или медленным, оно может быть связано с известным сопротивлением среды и с причинно-следственными отношениями...» [17, 335]. Знаменательно в этой связи, что, например, Ю. М. Лотман разграничивает два направления литературоведческого анализа, исходя из видения преимущественной позиции одного из понятий времени или пространства: «...В первом случае примарно время, во втором - пространство; в первом случае художественное пространство означает натуральное, во втором оно может означать самые различные сущности, становясь языком моделирования» [18, 443]. В русле последнего подхода, где художественное пространство выступает приоритетом анализа хронотопа произведения, можно отметить фундаментальные труды Е. А. Мельниковой [21], Б. Н. Путилова [29], В. Н. Топорова [33].

Указанное направление исследований представляется продуктивной предпосылкой при обращении к творчеству М. Горького, где художественное пространство горьковских текстов может быть рассмотрено как важнейшее слагаемое хронотопа, не «исчерпывающее» полностью его образно-смыслового наполнения, но по-своему маркирующего динамику общего и особенного в построении авторской картины мира.

При обращении к вопросу о мировоззренческих основах творчества писателя, отметим, что здесь существует своя давняя и обширная история вопроса, ведущая свое начало от первых откликов на произведения Горького рубежа XIX—XX веков. Разноречивость этих оценок сменялась в советскую эпоху однозначными утверждениями о приоритетном влиянии на молодого писателя идей марксизма; в последние же годы вновь акцентируется наличие множественности факторов такого влияния [36, 136-162].

Философско-мировоззренческое начало проявляется у Горького в художественном осмыслении проблемы «самостоянья» человека

определенной «среды», жизненные интенции которого отражают его необычное мироощущение. При этом средством концептуализации авторского видения мира и человека становится использование художественной пространственной оппозиции как структурообразующего фактора текста. В данном случае Горький соблюдает преемственность отечественной традиции, где наиболее значительным на организацию художественного пространства в произведениях писателя видится творчество Гоголя, Тургенева, Чехова. Но особенностью противопоставленных художественных топосов у Горького выступает именно их философско-эстетический аспект, дающий возможность художнику раскрыть мироотношение героя, связанного с конкретной пространственной структурой [36, 100-135], [28, 76-113]. В этом смысле художническая позиция Горького близка к утверждению П. А. Флоренского о «значении пространственности» в литературе: «Проблема пространства залегает в средоточии миропонимания во всех возникавших системах и предопределяет сложение всей системы... И чем плотнее сработана та или иная система мысли, тем определеннее ставится в качестве ее ядра своеобразное истолкование пространства. Повторяем: миропонимание пространствопонимание... В художественном произведении ни сюжет, ни манера, ни технические средства и ни фактура характеризуют его наиболее существенно, а именно строение его пространства. Все остальное может быть названо до известной степени вторичным и акцидентальным, хотя и выводится в порядке целеосуществления из первичной характеристики - <u>пространственной»</u> [37, 272-273].

Таким образом, «пространствопонимание» горьковской картины мира как особый аспект исследования приближает к раскрытию концептуальной основы его ранних произведений. Такой аналитический подход способствует определению текстовых внутриструктурных связей, интерпретация которых актуализирует изначальное эстетическое целеполагание художника.

Во всей необъятной множественности локусов, топосов, «миров», образующих горьковский художественный «космос» раннего периода, возможно предварительное вычленение его главных слагаемых. Давняя традиция деления произведений писателя на «романтически-аллегорические» и «реалистические» подразумевает и соответствующую оппозицию различным образом организованных пространственных рядов, где существование человека в мире актуализирует еще одну, достаточно традиционную (в том числе для мировоззрения и творчества писателя) оппозицию: естественно-природного и социокультурного (цивилизационного) начал. Как представляется, именно в таких координатах анализ пространственных моделей горьковской картины мира может способствовать ее дальнейшему прояснению. Важно при этом то, что такая задача должна решаться прежде всего на материале раннего творчества писателя, что позволяет наметить перспективы более масштабных исследований в указанном аспекте.

Проблема художественного пространства в раннем творчестве М. Горького, как правило, не рассматривалась в качестве специального предмета исследования, но, тем не менее, уже в первых критических откликах современников наблюдались фрагменты пространственной аналитики (Н. К. Михайловский [22, 500-520], А. М. Скабичевский [31, 261-278], В. В. Боровский [9, 49-68], М. Гельрот [10, 381-492]), которые носили частный характер или символически интерпретировали авторскую идею. Впоследствии как в советском горьковедении (А. Волков [8], И. А. Груздев [11], Э. Бабаян [2], С. В. Заика [14], Н. Е. Крутикова [15], Г. Богач [6], Н. А. Гуляев [12]), так и в исследованиях зарубежных славистов (А. Труайя [34], И. Уайл [35], Г. Хьетсо [38]) указанная тема, так или иначе, затрагивалась на уровне отдельных наблюдений и в различных аспектах изучения творчества художника. В некоторых работах пространственный анализ носил более развернутый характер. Так, например, в процессе формирования темы исследований «Горький и фольклор» обращение к ранним сказочно-аллегорическим произведениям подразумевало и «пространственный» анализ «сказочной поэтики» как «основополагающего компонента стиля раннего Горького» [40, 115-122]. В обращении же к реалистическим произведениям художника 1890-х годов символика пространства чаще всего рассматривалась как своеобразный проводник «идеологем» «пролетарского писателя» [25].

Вместе с тем ближе к исходу XX столетия в горьковедении стали намечаться попытки обобщенного осмысления специфики художественного пространства в горьковской картине мира - на уровне «пространственных эстетических представлений» писателя, отражающих «национальный художественный вкус» [26, 20]. Одновременно актуализировались проблемы рассмотрения динамики общественного сознания современной Горькому эпохи, где на рубеже XIX—XX веков происходили кардинальные «изменения... представлений о времени и пространстве» [23, 134], что не могло не находить отражение в творчестве художника.

Для нас важно здесь отметить, что в контексте подобного направления исследований во

многом по-новому рассматривалась проблема соотношения природно-естественного и социокультурного начал в творчестве Горького; актуализировалась сложная динамика ценностных приоритетов писателя применительно к понятиям «человек природы» и «человек культуры», «мира природного» и «мира социального» [24, 165], воплощенным в образной конкретике. В целом же необходимо отметить, что для «постсоветского» периода рубежа XX—XXI столетий в горьковедении показательны элементы культурологического подхода, где генезис творчества художника рассматривался в различных, во многом новых направлениях научных изысканий.

При обращении к теме художественного пространства произведений Горького актуализировались философско-эстетические трактовки его творческого феномена (П. В. Басинский [3], Л. М. Спиридонова [32], Т. Д. Белова [5], А. Б. Удодов [36], Т. А. Никонова [24], Н. Н. Примочкина [27], А. В. Прошунин [28]).

Здесь одним из важнейших, на наш взгляд, направлений исследований становится рассмотрение горьковского феномена в свете проблем национальной идентичности, где личностно-творческая самореализация художника предстает как самоидентификация в горизонте отечественной культуры [36, 106-112]. Такой подход выводит на новый уровень осмысления пространственных форм картины мира в художественной практике писателя, когда, например, топос «степи», устойчиво присутствующий в горьковских текстах, соотносится с понятием «русской равнины» и поэтому играет ключевую роль в историческом формировании ментальных черт национального характера [36, 106-112].

Все это свидетельствует об актуализации исследования художественной топологии творчества писателя в культурологической парадигме, где традиционная тема соотношения естественно-природного и социокультурного начал представляется одной из ключевых. Вместе с тем следует констатировать, что монографических исследований художественного пространства применительно к указанной теме в творчестве Горького на сегодняшний день не существует. Необходимость же обобщения накопленного опыта и его концептуального осмысления в намеченном аспекте, думается, объективно назрела. Все это определяет, по нашему мнению, наличие определенной научной проблемы, требующей концептуального осмысления, - с тем, чтобы на новом углубленном уровне прояснить конституирующие основы горьковской картины мира в контексте отечественной культурной и литературной традиции.

ЛИТЕРАТУРА

- 1. Агурский М. Великий еретик (Горький как религиозный мыслитель) / М. Агурский // Вопросы философии. 1991. № 8. С. 5475.
- 2. Бабаян Э. Ранний Горький (У истоков творчества) / Э. Бабаян. М.:Худож. лит., 1973. 232 с.
- 3. Басинский П. В. Русская литература конца XIX—XX века и первой эмиграции / П. В. Басинский, С. Р. Федякин. М.: Академия, 2000. 525 с.
- 4. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет / М. М. Бахтин. М.: Худож. лит., 1975. 502 с.
- 5. Белова Т. Д. Эволюция эстетических взглядов М. Горького (1890—1910е годы) в контексте культурологических исканий эпохи: Автореф. дис. ... докт. филол. наук / Белова Т. Д. М., 2001. 49 с.
- 6. Богач Г. Ф. Горький и молдавский фольклор / Г. Ф. Богач. Кишинев: Картя молдавянскэ, 1966. 234 с.
- 7. Бялик Б. А. Судьба Максима Горького / Б. А. Бялик. 3е изд. М., Худож. лит., 1986. 478 с.
- 8. Волков А. М. Горький и литературное движение конца XIX и начала XX веков / А. Волков. М.: Сов. писатель, 1954. 495 с.
- 9. Боровский В. В. Литературнокритические статьи / В. В. Боровский. М.: Гослитиздат, 1956. 479 с.
- 10. Гельрот М. Ницше и Горький (Элементы ницшеанства в творчестве Горького) / М. Гельрот // Максим Горький: Pro et contra: Личность и творчество Максима Горького в оценке русских мыслителей и исследователей: 1890е—1900е годы: Антология / сост. Ю. В. Зобнин. СПб.: РХГИ, 1997. С. 381492.
- 11. Груздев И. Горький и его время / И. Груздев. Зе изд. М.: Госполитиздат, 1962. 700 с.
- 12. Гуляев Н. А. Романтизм в раннем творчестве Горького / Н. А. Гуляев // Из истории русского романтизма. Кемерово: КГПИ, 1971. С. 160171.
- 13. Гуревич А. Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства / А. Я. Гуревич. М.: Искусство, 1990. 396 с.
- 14. Заика С. В. Горький и русская классическая литература конца XIX—начала XX века / С. В. Заика. М.: Наука, 1982. 144 с.
- 15. Крутикова Н. Е. В начале века. Горький и символисты / Н. Е. Крутикова. Киев: Наук. думка, 1978. 307 с.
- 16. Левитан Л. С. Сюжет и идея / Л. С. Левитан, Л. М. Цилевич. Рига: Звайгзне. 275 с.
- 17. Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы / Д. С. Лихачев. М.: Наука, 1979. 352 с.
- 18. Лотман Ю. М. Об искусстве / Ю.М. Лотман. СПб.: ИскусствоСПб, 1998. 704 с.
- 19. Лотман Ю. М. О русской литературе / Ю.М. Лотман. СПб.: Искусство СПб, 1997. 848 с.

- 20. Лотман Ю. М. Структура художественного текста / Ю.М. Лотман. СПб.: Искусство, 1970. 317 с.
- 21. Мельникова Е. А. Меч и лира: англосаксонское общество в истории и эпосе / Е. А. Мельникова. М.: Мысль, 1987. 203 с.
- 22. Михайловский Н. К. Литературнокритические статьи / Н. К. Михайловский. М.: Гослитиздат, 1957. 664 с.
- 23. Мущенко Е. Г. Путь к новому роману на рубеже XIX—XX веков / Е. Г. Мущенко. Воронеж, 1986. 185 с.
- 24. Никонова Т. А. «Новый человек» в русской литературе 1900—1930х годов: проективная модель и художественная практика / Т. А. Никонова. Воронеж: ВГУ, 2003. 232 с.
- 25. Певцова Р. Т. Проблема своеобразия мировоззренческой позиции и художественного метода молодого М. Горького: Дис. ... докт. филол. наук / Певцова Р. Т. М., 1996. 484 с.
- 26. Пискунов В. Тема о России. Россия и революция в литературе начала XX в. / В. Пискунов. М.: Сов. писатель, 1983. 376 с.
- 27. Примочкина Н. Н. Писатель и власть. Горький и литературное движение 20х гг. / Н. Н. Примочкина. М.: Росспэн, 1996. 254 с.
- 28. Прошунин А. В. Образконцепт «Странника» в раннем творчестве М. Горького (генезис и типология): Дис. ... канд. филол. наук / Прошунин А. В. Воронеж, 2005. 238 с.
- 29. Путилов Б. Н. Героический эпос и действительность / Б. Н. Путилов. Л.: Наука, 1988. 223 с.
- 30. Рымарь Н. Т. Хронотоп и диалог / Н. Т. Рымарь // Хронотоп: Межвуз. науч.тематич. сб. Махачкала, 1990. С. 3136.
- 31. Скабичевский А. М. Горький. Очерки и статьи / А. М. Скабичевский // Максим Горький: Рго et contra: Личность и творчество Максима Горького в оценке русских мыслителей и исследователей: 1890е—1900е годы: Антология / сост. Ю. В. Зобнин. СПб.: РХГИ, 1997. С. 261278.
- 32. Спиридонова Л. А. Горький: новый взгляд / Л. А. Спиридонова. М.: ИМЛИ РАН, 2004. 264 с.
- 33. Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное / В. Н. Топоров. М.: Прогресс. Культура, 1994. 621 с.
- 34. Труайя А. Максим Горький / А. Труайя. М.: Эксмо, 2004. 320 с.
- 35. Уайл И. Максим Горький. Взгляд из Америки. Книга о жизни и творчестве А. М. Горького / И. Уайл. М., 1993. 124 с.
- 36. Удодов А. Б. Феномен М. Горького как эстетическая реальность: генезис и функционирование (1880е начало 1900х годов) / А. Б. Удодов. Воронеж: Воронежский гос. пед. унт. 1999. 268 с.

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ КАРТИНА МИРА В РАННЕМ ТВОРЧЕСТВЕ М. ГОРЬКОГО

- 37. Флоренский П. А. Статьи и исследования по истории и философии искусства и археологии / П. А. Флоренский. М.: Мысль, 2000. 446 с.
- 38. Хьетсо Г. Максим Горький. Судьба писателя / Г. Хьетсо. М.: Наследство, 1997. 344 с.
  - 39. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки мор-
- фологии мировой истории: В 2x т. / О. Шпенглер. М.: Мысль, 1998. Т.1.
- 40. Шустов М. П. К проблеме сказочности стиля М. Горького («Макар Чудра») / М. П. Шустов // М. Горький и вопросы литературных жанров. Горький, 1978. С. 115122.

БАЛАГАН КАК «ТЕКСТ О СИМВОЛИЗМЕ» (ПО ПЬЕСЕ Ф. СОЛОГУБА «НОЧНЫЕ ПЛЯСКИ»)

© 2008 Е.С. Шевченко

Самарский государственный университет

Русскому символизму на всех этапах его развития было свойственно внимание к «чужому» тексту: мифу, сказке, легенде, фольклорному театру, мировой литературе. Причины подобной заинтересованности символизма в «тексте культуры» коренятся в «панэстетизме» символистов, т. е. «восприятии и художественном воссоздании мира как, в основе своей, "эстетического феномена", и в свете тех или иных эстетических представлений» [2, 178]. Символизму, в связи со свойственным ему «панэстетическим» отношением к миру, на ранней и особенно на завершающей стадии его развития было присуще понимание искусства и культуры в целом как высшей ценности. В начале пути представление символистов о «самоценности» искусства и культуры было обусловлено поисками собственной идентичности и, в связи с этим, желанием и необходимостью противопоставить собственное творчество и собственное искусство «утилитарному» искусству прошлого. Еще острее испытал потребность в авторефлексии поздний символизм (1907–1910), что нашло отражение в статьях и художественных произведениях, представляющих собой автометаописания и связанных с попытками самоидентификации в кризисную эпоху.

Балаган был выбран символистами как структура для метаописаний преимущественно позднего символизма, что было обусловлено изменением символистского мироощущения и символистской картины мира после трагических событий первой русской революции (1905—1907). В эти и последующие кризисные годы в установке модернистского искусства на культуру как таковую, античность и миф акцент переместился на народную культуру города, культуру городских «низов» [1, 185-186], что отражало «сдвинутость» картины мира и традиционной системы ценностей.

Шутовские драмы Ф. Сологуба «Ванька Ключник и паж Жеан» (1908) и «Ночные пляски» (1908) несут в себе все основные черты позднего, или, как определяет его О. А. Ханзен-Лёве [4], «гротескно-карнавализующего», символизма и

представляют собой метаописание сологубовского творчества и символизма в целом. Обе пьесы Ф. Сологуба представляют собой модернистскую стилизацию, где мир изначально явлен как «эстетический феномен», как условность, как символ. Источником заимствования в «Ночных плясках» послужила одноименная сказка из сборника А. Н. Афанасьева, о чем автор сообщает в предисловии пьесы. И хотя композиция «Ночных плясок» не столь изощренна и причудлива, как «Ваньки Ключника», и в основном повторяет сказочную, «романтическое» двоемирие в ней сохраняется и принимает типично сологубовские очертания. В основе ее конфликта – антиномия Красоты и безобразия, Единой Сущности и видимостей, Лика и масок и амбивалентность изображаемого. Действие разворачивается в двух условных сказочных пространствах: во дворце короля Политовского и в подземном царстве заклятого царя, противопоставленных друг другу как мир действительности и мир мечты, идеала.

Король Политовский созывает гостей на пир, чтобы те дали совет, как ему быть с двенадцатью дочерьми, которые замуж не идут и женихов гонят, а сами каждую ночь исчезают из дворца, или же помогли делом в «великом горе» и выяснили, куда уходят юные королевны. Традиционный сказочный мотив соперничества женихов представлен в виде балаганного состязания персонажей. Заморские короли и королевичи и другие гости дают советы - один нелепее другого: Басурманский король советует запереть королевских дочек и приставить к ним евнухов, Эфиопский королевич – бить плетью, пока не признаются, Татарский хан – приставить к ним шпионов, Зельтерский король видит причину в глистах и советует дать им слабительного, архиерей - «окропить опочивальни святою водою», генерал - найти и наказать сообщников («злодеев военным судом повесить»). Абсурдность «рекомендаций» накапливается от одного гостя к другому; шут довершает полноту картины, в своем ироническом отклике

как бы совмещая последние предложения - священнослужителя и военного: «...генералы наши умны, годятся во игумны» [3, 241]. Диалог короля Политовского и лекаря также разворачивается в духе балагана и напоминает аналогичную сцену с лекарем в театре Петрушки.

Свойственные балагану отсутствие единого взгляда на мир, «расфокусировка» и, как следствие, обилие точек зрения и тематический «разброс» (от «глистов» и «евнухов» до «шпионов» и государственных преступников), без какой-либо градации «тем», - все это создает мозаичную фрагментарную картину мира. Помимо прочих, советы королю Политовскому дают богатый купец, хулиган и ласковая старушка, но ни один не устраивает его, пока, наконец, в разговор не вмешивается Юный Поэт. Как и другие персонажи, он является частью балаганного мира, но в то же время и возвышается над ним.

В образе Поэта ощутимо лирическое начало: его реплики резонируют с известными авторскими сентенциями о Красоте как внутреннем преображении мира и о Поэте как истинном творце Красоты, многократно повторенными в прозе, поэзии, драматургии и статьях Сологуба. «Мы, мудрецы и поэты, хранители и провозвестники древнего обетования о преображении святой плоти, мы не даем пустых обещаний. Я сказал, - я сделаю», - восклицает Поэт [3, 243]. Он выполняет в пьесе ту же функцию, что и сказочный герой, который должен разгадать загадку - и дочерей короля Политовского, и заклятого царя.

Жанр сказки используется Сологубом как прямая форма декларации эстетических принципов, балаган - как непрямая, «околичная», при помощи иронии и смеха все остраняющая, в том числе и возвышенное поэтическое слово. Тайна предстает и в явно сниженном, почти что фарсовом, балаганном обличье, и в облике возвышенном, поэтическом: Поэт должен узнать, где королевские дочери каждую ночь изнашивают свои покрывала, из-за чего королевская казна терпит убытки, а также должен приоткрыть покровы подземного мира заклятого царя и приобщиться к его Тайне. Один из излюбленных сологубовских мотивов - мотив покрова, покрывала, завесы, скрывающих Единую сущность мира, - звучит здесь и иронически, пародийно, и серьезно, возвышенно поэтически.

Как и «Ванька Ключник», «Ночные пляски» стилизованы Сологубом в духе лубочной литературы. В этой пьесе драматург обращается к традициям лубочной сказки — жанра не менее популярного, чем рыцарские и любовные повести и романы. Сологуб поступает так же, как до него поступали переводчики и создатели произведений лубочной словесности: как бы «адаптирует» материал сказки

к запросам массового читателя, снабжая реплики персонажей пояснениями и ссылками «книжного» характера. Так, например, в третьем действии, когда королевские дочери насмехаются над Поэтом, тот говорит им: «Фряжская пословица в русском переводе говорит: смеется хорошо, кто смеется последний» [3, 257]. Далее лубочная стилизация включается в еще один игровой ряд: вслед за словами Поэта выстраивается ряд «мудрых» народных изречений, где всячески подчеркивается национально-фольклорное («Пословица не мимо молвится», «Пословица до веку не сломится» [3, 257]). Реплика шута («Глупая речь не пословица» [3, 257]) присоединяется к предшествующим механически: только по видимости она подключается к этому ряду, по смыслу же противоречит ему, осмеивая и опровергая, тем самым, высказывание Поэта. Национально-фольклорное начало обнаруживает в пьесе свое искусственное, игровое, «лубочное» происхождение.

Изображаемый в «Ночных плясках» мир предстает как «квазиреальный». Так, Поэт, сочинивший шесть стихотворных строк о своем незавидном положении (его ждет виселица, если он не выполнит данного королю обещания), размышляет: «Кажется, это не плагиат? Впрочем, ведь я живу в доисторические времена, сказочные, когда, по меткому выражению Некрасова,

Свободно рыскал зверь,

А человек бродил пугливо.

Все поэты, которым я мог бы подражать, будут жить после меня» [3, 244-245]. Эта реплика обращена к зрителю и имеет характер авторского «метапояснения». Драматург превращает анахронизмы в прием, отдаляя текст от читателя на неопределенное время и представляя «чужую» эпоху как «свою» и «свою» как «чужую». Обнаруживается столь свойственная модернистскому тексту игра эпохами, текстами, стилями, а вместе с тем - и металитературный характер пьесы: все в ней - текст и все — искусство.

С точки зрения Сологуба, только искусство может спасти мир, открыть его Тайну. Поэтому даже сказочный «волшебный помощник» - Намалеванный старик — появляется из мира искусства: он вылезает из картинной рамы, чтобы утешить поэта и помочь ему. Помимо волшебного предмета — шапки-невидимки, Намалеванный старик дает Поэту дельный совет, как обмануть королевен:

Намалеванный старик. А ты посмотри на потолок, да и зачитай им грустным голосом стихи:

Выхожу один я на дорогу.

Сквозь туман кремнистый путь блестит.

Ночь тиха. Пустыня внемлет Богу,

И звезда с звездою говорит.

В небесах торжественно и чудно.

Спит земля в сияньи голубом.

Девки — дуры, тоже засмотрятся, на потолке звезды увидят.

Юный Поэт. Да увидят ли?

Намалеванный старик. Верь в магию слов, и они поверят словам [3, 246].

Цитата из Лермонтова открыто включается в текст пьесы и насыщается «символистскими» смыслами. В приведенном эпизоде иронически обыгрывается не лермонтовский текст, а «текст» младосимволизма и свой «текст». Юный Поэт обманывает королевских дочерей при помощи «лермонтовского» сюжета, - авторская ирония же направлена при этом на увлечение младосимволистами мистикой, на их любовь к «далекому», «Иному» и на свою мечту о прекрасной звезде Ойле, о которой он с такой нежностью писал в ранних стихах. Демифологизация, или ироническое остранение важнейших младосимволистских мифов и собственного мифа о звезде Ойле, осуществляется Сологубом путем помещения «магических слов» о звездах в контекст балагана и лубочной сказки, их буквального понимания и буквально же реализации в балаганном, по сути, действии.

Свойственная балагану стратегия буквализации метафоры прослеживается на всем протяжении пьесы и в целом характеризуют ее поэтику. Так, в заключительном третьем акте пьесы, когда Юный Поэт открывает королю Политовскому тайну его дочерей и заклятого царства, королевны по очереди восклицают:

- Он вас обманул!
- И поэты лгут, как все!
- Тьмы низких истин им дороже их возвышающий обман [3, 257].

Последняя из приведенных реплик представляет собой цитату из пушкинского стихотворения «Герой» (1830) («Тьмы низких истин мне дороже // Нас возвышающий обман...»). Балаганная стратегия буквализации метафоры ведет к «передергиванию» смысла источника и его формы (о поэтах говорится отстраненно, в третьем лице). Очевидный для читателя или зрителя «зазор» между прежними метафорическими смыслами строк пушкинского стихотворения и новым значением этих строк, помещенных в другой контекст и истолкованных буквально, способствует созданию комического эффекта: «возвышающий обман» трактуется в прямом смысле как «ложь», как «обман», потому что «поэты лгут, как все». Дочери короля Политовского открывают для себя «тьмы низких истин», причем «низких» в буквальном смысле: по ночам они спускаются в подземное царство заклятого царя, то есть в царство Смерти. Звезды их отвлекают и обманывают. Мистика превращается в хитрую уловку Юного Поэта, до которой, однако, он додумался не сам, - на мысль о ней натолкнул его Намалеванный старик.

Очевидно, в пародийной форме здесь воспроизводятся установленные в младосимволистской среде отношения между Владимиром Соловьевым-учителем и А. Блоком, С. Соловьевым и другими его учениками. В комическом сюжете пьесы, в травестийном обыгрывании в нем символистских ценностей и символистской образности, Ф. Сологуб выражает скептическое отношение к идее мистического преображения мира, надежду на которое в прежние годы питали младосимволисты, и утверждает собственную веру – веру в «низкие истины», в то, что только они и могут возвысить человека. По Сологубу, только «тьмы низких истин» приближают человека к Единому, то есть к Смерти. Низкое способно возвысить - в этом парадокс его «истин», настойчиво провозглашаемых им во всем творчестве (шутовские драмы здесь не исключение). Как бы «изымая» из пушкинской цитаты историософский - «наполеоновский» и «библейский» - подтекст, Сологуб насыщает ее «подтекстами» собственного творчества и модернистского искусства в целом. Это относится ко всем цитатам, вплетенным в текст «Ночных плясок»: в символистском контексте сологубовской пьесы они обретают иные, прежде им не свойственные, смыслы, наполняются новыми значениями. При этом и цитирование «чужого», и автоцитирование имеют ярко выраженную пародирующую, снижающее-травестийную направленность. Сологуб развенчивает не только «чужие» и «чуждые», но и собственные мифы; и это карнавальное отрицание-утверждение.

Так, авторская мысль об избранности Поэта, его миссии творить Красоту реализуется в насквозь пародийной фабуле: вечную Тайну Поэту открывает фарсовое разоблачение королевских дочек. Он приобщается к ней в час мистерии — во время ночного танца королевен в царстве заклятого царя, напоминающего ему «танцы в стиле знаменитой Айседоры Дункан под музыку великих композиторов разных времен и народов» [3, 254]. Слова Поэта, обращенные к королю Политовскому, который в этот момент, как следует из ремарки, королевен «ждет, пьет мед и поэта потчует» [3, 254], имеют характер шуточного «метапояснения», рассчитанного на современного Сологубу зрителя, и продолжают тему некоторых его статей, прежде всего статьи «Мечта Дон-Кихота (Айседора Дункан)». В этом «металитературном» эпизоде Сологуб в шутливо-иронической форме обыгрывает как собственное «пленение» танцем Айседоры Дункан, имя которой казалось ему созвучным имени Дульцинея и в живой пластике которой он видел «творимую красоту», «дульцинирование жизни», так и всеобщее модернистское «пленение» сулящими мистерию стихиями ритма, музыки, танца. Мистерия же остраняется балаганом: ночные пляски дочерей короля Политовского у заклятого царя во втором действии ассоциируются не только с изящным танцем, но и с балаганным весельем, тем более что их предваряет комическая пантомима придворного шута и одной из королевен в первом действии. Иронически-пародийная аура окружает излюбленные символистские образы Розы и Кубка: и Золотая Роза и Кубок с начертанием-напутствием лишь предметы, добытые Поэтом в царстве заклятого царя. «Вечное» превращается в «вещное», воспеваемая Сологубом творимая красота - в уже созданное, реализованное, «обработанное», а потому не оставляющее свободы для творца.

Включение Сологубом как множества «чужих» текстов, так и устойчивых образов и лейтмотивов собственного творчества, то есть «своего» текста, позволяет говорить о сложной интертекстуальной структуре «Ночных плясок». В интертекстуальных связях «чужих» текстов со «своим» происходит становление символа; в них проходят проверку, выдерживая или не выдерживая ее, разные пласты его значений: социально-политические, национально-фольклорные, религиозно-мистические, философские («шопенгауэровские», «ницшеанские», «вагнеровские» и т. д.) и, наконец, панэстетические. Как и в другой шутовской драме «Ванька Ключник и паж Жеан», иерархия смыслов здесь остраняется (и разрушается) присущей балагану иронией.

Рефлексия символистской системы ценностей и символистской эстетики, авторефлексия обретают в буффонаде Ф. Сологуба «Ночные пляски» игровой, «балаганный» характер, что обусловлено кризисом символизма второй половины и конца 1900-х годов. В «Ночных плясках», как и в «Ваньке Ключнике», балаган участвует в сложном синтезе фольклорных и литературных традиций, занимая среди них приоритетное положение, благодаря свойственному ему принципу релятивизма, или всеобщей относительности. Таким образом, балаган может быть понят как своего рода «метатекст» позднего символизма.

ЛИТЕРАТУРА

- 1. Лотман Ю. М. Блок и народная культура города / Ю. М. Лотман // Избранные статьи: В 3-х т. Таллинн: Александра, 1993. Т.3. С. 185-200.
- 2. Минц 3. Г. Блок и русский символизм: В 3-х т. / 3. Г. Минц. СПб.: Искусство, 2004. Т.3. 480 с.
- 3. Сологуб Ф. Ночные пляски / Ф. Сологуб // Собр. соч.: в 12-ти т. СПб.: Шиповник, 1909-1912. Т.8. С. 223-263.
- 4. Ханзен-Лёве Оге А. Русский символизм: Система поэтических мотивов. Ранний символизм / О. А. Ханзен-Лёве. СПб., 1999.

МЕТАКОНСТРУКЦИИ С СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫМИ *СООТВЕТСТВИЕ* И *НЕСООТВЕТСТВИЕ* КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ ОТНОШЕНИЙ СООТВЕТСТВИЯ/НЕСООТВЕТСТВИЯ

© 2008 Е.Е. Шеншина

Елецкий государственный университет им. И.А.Бунина

В лингвистической литературе не раз подчеркивалось, что процесс образования средств связи предикативных частей в составе сложного предложения, а также предложений в тексте, очень часто происходит при тесном взаимодействии лексики и синтаксиса, нередко данная проблематика становилась предметом дискуссии о степени «вмешательства» лексики в область синтаксиса [2; 3; 5; 7; 9; 13]. На сегодняшний день тезис о тесном взаимодействии лексики и синтаксиса не вызывает сомнений.

Отношениями соответствия мы, вслед за Г. Д. Фигуровской [15], называем такие отношения, при которых говорящий устанавливает соответствие предмета, явления, события какомулибо модусному отражению его (в соответствии с задуманным / как задумал / по задуманному) или констатирует соответствие друг другу двух сторон явления, из которых одна может быть представлена как детерминирующая другую: «А соответствует Б / А соответственно Б / А в соответствии с Б» [15, гл. 3].

При выражении отношений соответствия/ несоответствия большую роль играет лексика (ЛСГ) со значением соответствия, входящая в лексико-семантическое поле лексики со значением отношения, или релятивной лексики.

Существительное *соответствие* образовано от глагола *соответствовать*, относится к абстрактной лексике с чрезвычайно широким значением, благодаря чему оно участвует в выражении синтаксических отношений [15; 16; 17].

СООТВЕТСТВИЕ, -я, ср. Соотношение между чем-н., выражающее согласованность, равенство в каком-н. отношении, гармонию.

Это значение дано практически во всех больших словарях [4; 10; 11; 12]; в словаре под редакцией Д. И. Ушакова при толковании значения данного слова, помимо указания на значение согласованности и равенства, есть указание на гармонию соотношения [14].

<u>В целом слово соответствие</u> (несоответствие) функционирует как обычное абстрактное

существительное, т. е. выполняет в предложении функции подлежащего, дополнения, сказуемого, именной части сказуемого и т. д., входит в состав глагольно-именных оборотов типа иметь соответствие, прийти в соответствие, приводить/ привести в соответствие. Приведем примеры: Именно несоответствие нового облика, который мы ему внушаем, и старых инстинктов толкает его на это (А. Валентинов); ...Естественно, не следует буквально понимать слово «увидел», этим действием был произведен резонансный анализ соответствия выделенного для света диапазона волн в «земном» тем потенциалам зрения, которые были заложены в «небесном» как исходный пункт творения живых организмов, обладающих зрением. Естественно, что <u>соответствие было полным</u>, свет был хорош (М. Абрамович); Справедливость - это соответствие с нравственным правом прежде, чем с юридическим (А. Солженицын); И наконец, все описанное в первом эпизоде должно иметь символическое соответствие акту творения земли и всего сущего Богом (И. Гарин); Он толком не знает, как упорядочить, привести в соответствие с запросами времени систему воспитания, об-<u>разования, чем заделать опасные трещины в</u> <u>традиционных устоях семейного очага, как и</u> чем накормить миллиарды растущего как на дрожжах населения, он трудно и сложно ищет пути к всеобщему разоружению (С. Павлов).

Глагольно-именные сочетания (приводить в соответствие, быть в соответствии и т. д.) включают в свой состав неполнозначные глаголы и метаслово соответствие и функционируют в предложении в качестве сказуемого: Он толком не знает, как упорядочить, привести в соответствие с запросами времени систему воспитания, образования, чем заделать опасные трещины в традиционных устоях семейного очага, как и чем накормить миллиарды растущего как на дрожжах населения, он трудно и сложно ищет пути к всеобщему разоружению (С. Павлов).

В составных предикатах именной компонент

является содержательным центром, глагольный же компонент выступает как оформитель грамматической предикативности. В качестве глагольного компонента в подобных составных предикатах используются особые глагольные лексемы, которые называют вербализаторами [6, 211; 8], предикаторами [1, 42]. Вербализатор быть, находиться, иметь указывает на наличие, бытие: И наконец, все описанное в первом эпизоде должно иметь символическое соответствие акту творения земли и всего сущего Богом (И. Гарин.)

Глагольно-именные сочетания с вербализаторами, которые помимо категориального значения глагольности имеют самостоятельные значения, осложняющие предикатное имя существительное, такие как значение каузации, становления, начинательности (приходить в соответствие, устанавливать/установить соответствие, приводить/привести в соответствие), восполняют отсутствие каузативной пары у глагола соответствовать, а также отсутствие лексической пары, обозначающей становление отношений соответствия: Так может быть, за это время имперские инженеры привели все в соответствие с макетом принца (Е. Малинин); Природа будет действовать на нас со всей своей силой только тогда, когда мы внесем в ощущение ее свое человеческое начало, когда наше душевное состояние, наша любовь, наша радость или <u>печаль придут в полное</u> соответствие с ней и нельзя уже будет отделить свежесть утра от света любимых глаз и мерный шум леса от размышлений о прожитой жизни (К. Паустовский); И - по противоположности ставим в соответствие сказанное Леонтьевым о тенью сквозящем отвлеченном содержании жизни с письмом Толстого о "Повестях Белкина", которое учит нас усмотрению этого наивысшей степени отвлечения от вещественности явлений отвлеченного содержания за простыми пушкинскими сюжетами (С. Бочаров); Никто ничего не вершит, а все само согласно с дао, никто ничего не говорит, а все само проникнуто благом, в спокойной радости, не зная гордыни, все достигает гармонии, а тьма многоразличий находит соответствие в природе вещей (История восточной философии).

Но, будучи словом чрезвычайно широкого, абстрактного значения, слово соответствие (несоответствие) может участвовать в формировании связей между предикативными единицами (ПЕ) в СП и предложениями в тексте. Это позволяет отнести данные слова к метасловам [15; 16]. О синтаксической значимости данных слов свидетельствует и наличие предлога в соответствии с и союза в соответствии с тем, что, которые служат специализированным средством выражения синтаксических отношений соответствия.

Анализ контекстов употребления данных

слов показывает, что определенные типы простых предложений, в составе которых функционируют рассматриваемые существительные, могут выполнять связующую функцию и выражать синтаксические отношения соответствия в тексте. Рассмотрим следующие примеры:

1) Вот тут мы сталкиваемся с проблемой. Земные растения прекрасно прижились в лунном грунте. Они дают кислород и лесную свежесть, совсем как на Земле. Но трава и особенно деревья под влиянием слабого лунного притяжения все более начинают отличаться от своих земных сородичей. А голографические «деревья» в окрестностях остаются прежними. Возникает некоторое несоответствие, и сейчас идет острая дискуссия, как быть (П. Базаров).

В данном контексте слово *несоответствие* — подлежащее в двусоставном предложении бытийного типа, т. к. указывает на начало, возникновение. На уровне текста это предложение выступает средством квалификации того, о чем сообщалось ранее, а именно: это предложение квалифицирует отношения между разными характеристиками деревьев как несоответствие, следовательно, оно служит средством выражения данных отношений.

2) Он снова подключил восприятие и изменил фокус. Каждому фрагменту жизни дома находилось грубое соответствие на корабле. Были подвижные бегуны разной формы, подвижные пловцы и подвижные летуны. Среди летунов попадались крупные существа с четкими мыслями, но были и маленькие с прозрачными крылышками. Последние передавали только обрывки чувственных восприятий, причем даже их умудрялись исказить. Собственного интеллекта у них практически не было.

Местные неподвижные походили на домашних неподвижных, были такими же зелеными и существовали за счет воздуха, воды и почвы. Здесь наблюдался умственный пробел. Они могли лишь смутно, смутно ощущать свет, влажность и притяжение. При этом каждый фрагмент, как подвижный, так и неподвижный, жил своей потешной жизнью (А. Азимов).

В данном контексте слово соответствие также выступает подлежащим бытийного предложения, но это предложение находится в позиции конкретизируемого компонента, и слово соответствие квалифицирует то, о чем говорится в послетексте. Таким образом, в форме отношений квалификации (1-й пример) и конкретизации (2-й пример) устанавливаются отношения соответствия в тексте. Поэтому данные конструкции можно квалифицировать как метаконструкции.

По определению Г. Д. Фигуровской, метаконструкции - это предикативные единицы, фрагмент сложного предложения с центром подчинения или сложное предложение целиком, выполняющие следующие функции: быть средством эксплицирования составляющих синтаксические отношения сем, включения осложняющих значений, интерпретации семантико-синтаксических отношений, средством связи компонентов многочлена или фрагментов текста [15, 22]: Кедр отсюда был виден весь, от комля до макушки, и лесник будто уменьшился под ним. Не дерево - песня! Было в этом кедре какое-то особое соответствие размера, формы и цвета: ствол греческой колонной и плавно закругленная вершина, грузные корневища и разлапистые сучья, фиолетовые шишки в густой хвое, а темно-зеленая плотная хвоя на голубом небе даже отдавала в своей глубине синим цветом; короче, я не могу передать словами, чем был так хорош этот кедр. Люблю я все же родной Алтай, какая там Арктика! (В. Чивилихин); - Нет, нет, я тебе не похоронку привез, - поспешно сказал Васнецов. - Тут вот какое дело... Удалось обнаружить следы одной девушки, которая предположительно должна бы быть той самой Верой Королевой. Возраст схожий. Есть и профессиональное соответствие: судя по лохмотьям белого халата, эта девушка тоже медработник (А. Чаковский).

Метаслово-существительное функционирует в бытийных предложениях, предложениях характеризации и тождества: Справедливость -- это соответствие с нравственным правом прежде, чем с юридическим (А. Солженицын); Я чувствовала, чувствовала странное несоответствие - при его способностях и амбициях он никак не должен был довольствоваться скромной ролью педагога, хоть бы даже и с очень приличным жалованьем (Б. Акунин); Сами же правила могут и не напоминать того «большого действия», соответствие с которым они обслуживают (Б. Эльконин).

В предложении слова соответствие/несоответствие образуют двухместную конструкцию «соответствие чего чему или чего с чем», а также одноместную «соответствие между + тв. п.» или «соответствие род. п. и род. п.»: Схема беседы была точной, отмечена печатью достоинства - этого Рузвельт требовал от всех своих сотрудников: «Прежде всего - достоинство, которое включает в себя такие понятия, как соответствие поступков нашей идее, юмор, доброта и устремленность» (Ю. Семенов); Сергея поражало противоречие, это несоответствие запущенности мукомоловской мастерской с полнозвучной жизнью картин, будто здесь, в комнате, жили лишь начерно, а на стенах - набело, ярко, счастливо (Ю. Бондарев); *<u>Несоот-</u>* ветствие между словами Полякова и поведением вора объясняется просто: в двенадцать часов свет на левой стороне Садовой горит на каждом втором столбе, а на том, что против окон Полякова, как раз гасится (бр. Вайнеры); Новейшие исследования творчества Гончарова отмечают многосложные и

разнообразные связи писателя с Пушкиным и Гоголем. В Гончарове, справедливо замечает А. Г. Цейтмлин, «пленяют такие отличительные черты Пушкина, как величайшая гармония частей, глубокое соответствие формы и содержания (С. Петров); В случае необходимости манипулятор ремонтировал неисправность. Когда все работало, он заботливо контролировал кабельное хозяйство на соответствие требованиям (А. Газаров); Слушая спокойный голос первого секретаря, Крымов понимал, что в разящем несоответствии его мыслей и чувств со словами о сельском хозяйстве и промышленности области, выполнивших свои обязательства перед государством, выражена не бессмысленность, а смысл жизни (В. Гроссман).

Если позиции падежных форм при данных существительных замещены предикативными единицами, то возникает сложное предложение, которое является по структуре предложением изъяснительным (модусно-пропозициональным), но, с точки зрения семантики, выражающее отношения соответствия (при отрицании – несоответствия): И не выдержал разум чудовищного несоответствия между тем, что знали, и тем, что видели теперь (Н. Васильева); Да, за семьдесят лет выпадения России из единого мирового проекта она сумела накопить массу несоответствий между тем, что ей предназначено в рамках Нового Мирового Порядка, и тем, что пока есть у нее в наличии. Это армия с ядерными ракетами, океанский флот, ВПК, космос, наука, образование (И. Алмазов); Слишком велико несоответствие того, что видишь, угадываемым, предполагаемым <u>потенциям</u> (В. Н. Гвоздей).

Предложения соответствия с глагольными предикатами, предикатными именами и глагольно-именными сочетаниями в речи функционируют параллельно.

Между глаголами и предикатными именами существительными, а также между последними и глагольно-именными сочетаниями устанавливаются функциональные отношения: предикатные имена существительные заменяют глаголы в актантной позиции, глагольно-именные сочетания переводят предикатные имена существительные в предикативную позицию.

ЛИТЕРАТУРА

- 1. Арутюнова Н. Д. О номинативной и коммуникативной моделях предложения / Н. Д. Арутюнова // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. 1972. № 1.
- 2. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл / Н. Д. Арутюнова. М., 1976.
- 3. Бабайцева В. В. Система членов предложения в современном русском языке / В. В. Бабайцева. М.: Просвещение, 1988.

- 4. Большой толковый словарь русского языка / РАН. Ин-т лингв. исслед.; Авт. и руководитель проекта, сост. и ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. 1535 с.
- 5. Будагов Р. А. К теории синтаксических отношений / Р. А. Будагов // ВЯ. 1973. № 1. С. 3.
- 6. Вейнрейх У. О семантической структуре языка / У. Вейнрейх // Новое в лингвистике. $M_{\odot}$, 1970.
- 7. Всеволодова М. В. Теория функциональнокоммуникативного синтаксиса: Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка: Учебник / М. В. Всеволодова. — М.: Изд-во МГУ, 2000.
- 8. Гайсина Р. М. Лексико-семантическое поле глаголов отношения в современном русском языке / Р. М. Гайсина. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1981.
- 9. **Курилович** Е. **Очерки по лингвистике** / Е. **Курилович**. М., 1962. С. 60-61.
- 10. Словарь русского языка / С. И. Ожегов // Под ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Русский язык, 1983.

- 11. Словарь современного русского литературного языка: в 17 тт. M.-Л., 1951.
- 12. Современный толковый словарь русского языка / Под ред. С. А. Кузнецова. М.: Ридерз Дайджест, 2004. 960 с.
- 13. Степанов Ю. С. Имена. Предикаты. Предложения / Ю. С. Степанов. М., 1981.
- 14. Толковый словарь русского языка: В 3-х т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 2001. 2064 с.
- 15. Фигуровская Г. Д. Системные связи сложных предложений в современном русском языке (на материале модусно-пропозициональных предложений) / Г. Д. Фигуровская. М.: Прометей, 1996.
- 16. Фигуровская Г. Д. Системные связи сложных предложений в современном русском языке: Дис. ... д-ра филол. наук / Г. Д. Фигуровская. М., 1997.
- 17. Шатуновский И. Б. Семантика предложения и нереферентные слова (значение, коммуникативная перспектива, прагматика) / И. Б. Шатуновский. М.: Школа "Языки русской культуры", 1996.

ЖУРНАЛИСТИКА

АГРЕССИЯ И ФОРМЫ ЕЕ ВОПЛОЩЕНИЯ В ПОЛЕМИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИЗДАНИЙ

© 2008 С.В. Аносова

Воронежский государственный университет

Сегодня все чаще употребляется термин «агрессия» в самом широком контексте применительно к самым разным сферам человеческой деятельности и областям научного знания, в том числе и к сфере журналистики. Важность изучения этого феномена кажется бесспорной, но подходы к его интерпретации могут быть различными.

Как правило, в сферу интересов исследователей попадают материалы, содержащие открыто агрессивные компоненты (будь то агрессия самоцель или агрессия инструментальная). При этом нередко игнорируется тот факт, что непрямая агрессия может оказывать не меньшее, а подчас и большее воздействие на аудиторию за счет скрытого, неочевидного ее характера. Подобную ситуацию мы наблюдаем в полемических текстах прессы, где агрессивное начало порой выражается в весьма нейтральных формах и на уровне общей высокой эмоциональности текста остается фактически незаметным для читателя. Общий же агрессивный фон, несомненно, значительно изменяется. Особенно наглядно это проявляется в региональных СМИ: там уровень открыто агрессивных материалов в целом ниже в силу самых разных причин (консервативности традиций, сдержанной информационной политики изданий, давления властей, не желающих выносить сор из избы, и т. д.).

В контексте вышесказанного *цель нашего исследования* можно сформулировать так — выявить особенности реализации агрессивного начала в полемических публикациях современного регионального издания. Материалом исследования станут полемические публикации печатных СМИ Тамбовской области.

В нашем исследовании мы постараемся скорректировать понятие *«агрессия»* относительно полемического материала и выявить формы и методы реализации агрессии в полемике; в общих чертах отметить особенности полемического материала в аспекте агрессивности его формального и содержательного поля: выявить жанровые особенности проявления агрессивного начала в полемическом тексте, определить признаки агрессии в заголовочном комплексе, установить способы проявления авторской позиции в материалах, где очевиден агрессивный компонент. Сверхзадачей исследования станет далеко не очевидный вопрос, нуждающийся в детальном уточнении: действительно ли агрессивная составляющая — один из обязательных компонентов полемического материала на страницах анализируемых изданий? Именно это утверждение, сформированное предварительным изучением регионального информационного поля, выбирается нами в качестве гипотезы исследования.

Прежде всего, определим сущность понятия «агрессия». В настоящее время термин «агрессия» получил широкую трактовку. Этимология данного термина указывает на его происхождение от латинского корня aggredi – ad gredi, где grades означает «шаг», а ad – «к». Таким образом, первичное значение слова «агрессия» — двигаться вперед, к определенной цели, причем без колебаний, сомнений и страха. И уже в этом определении ощутима соотнесенность агрессивного и полемического начала: полемика ведь тоже по сути представляет собой движение к определенной цели. И поскольку движение это осуществляется на фоне убежденности в собственной правоте (в противовес дискуссии, например), в текстах прессы оно, как правило, реализуется «без колебаний, сомнений и страха».

Ряд современных исследователей сходятся в определении агрессии как специальной формы поведения человека и животных, направленной на другие объекты и имеющей цель причинить им вред [1]. В этом отношении взаимосвязь полемического и агрессивного начала в прессе уже более завуалированна. С одной стороны, целью полемиста всегда является уничтожение в сознании аудитории позиции противника, ее замещение собственной точкой зрения. Но с другой, для

реализации этой цели могут выбираться мягкие и нейтральные тактики, которые далеко не всеми осознаются как агрессивные. Так, использование в споре «дамского аргумента» (термин Г.С. Поварнина) вроде бы не направлено напрямую на уничтожение противника, но в конечном итоге служит целевой установке полемиста и в русле этого целеполагания является не менее агрессивным и эффективным, чем прямые выпады, обвинения, угрозы.

Американский исследователь в области социальной психологии Э. Аронсон предлагает понимать под агрессией «преднамеренное действие, направленное на причинение вреда или боли. Это действие может быть физическим или вербальным. Независимо от того, достигло оно своей цели или нет, это все равно агрессия» [2]. Так и в полемическом тексте — независимо от его эффективности, — вербальная агрессия присутствует неизменно.

Доктор психологических наук профессор Н.И. Леонов отмечает, что различные авторы в своих исследованиях по-разному определяют агрессию и агрессивность: как врожденную реакцию человека для защиты занимаемой территории (Лоренц, Ардри); как стремление к господству (Моррисон); как реакцию личности на враждебную человеку окружающую действительность (Хорни, Фромм). Сам Н.И. Леонов предлагает понимать под агрессией «индивидуальное или коллективное поведение, направленное на нанесение физического или психологического вреда, ущерба, либо на уничтожение другого человека или группы людей» [3]. Так или иначе, определения агрессии, которые дают исследователи агрессии и форм ее проявления, базируются на определении, сформулированном Э. Аронсоном и развивают нашу мысль о значительном агрессивном потенциале печатной полемики.

По мнению Н.И. Леонова, деструктивный компонент человеческой активности вообще является необходимым в созидательной деятельности, т. к. потребности индивидуального развития с неизбежностью формируют в людях способность к устранению и разрушению препятствий, преодолению того, что противодействует этому процессу [4], то есть активизирует социальную активность общества. И здесь надо признать, что полемическая форма творчества воплощает в себе все те же особенности. Более того, многими исследователями именно полемика (как одна из форм спора) определяется как один из эффективнейших методов формирования общественного мнения.

Тот же исследователь называет виды реакций, которые выделили А. Басс и А. Дарки, создавшие опросник, дифференцирующий проявление агрессии враждебности:

- физическая агрессия (использование физической силы против другого лица);
- косвенная агрессия (окольным путем направленная на другое лицо или ни на кого не направленная);
- раздражение (готовность к проявлению негативных чувств при малейшем возбуждении (вспыльчивость, грубость);
- негативизм (оппозиционная манера в поведении от пассивного сопротивления до активной борьбы против установившихся обычаев и законов);
- обида (зависть и ненависть к окружающим за действительные или вымышленные действия);
- подозрительность (в диапазоне от недоверия и неосторожности по отношению к людям до убеждения в том, что другие люди планируют и приносят вред);
- вербальная агрессия (выражение негативных чувств как через форму (крик, визг), так и через содержание словесных ответов (проклятия, угрозы);
- чувство вины (выражает возможное убеждение субъекта в том, что он является плохим человеком, что поступает зло, а также ощущаемые им угрызения совести) [5].

Становится понятно, что формы проявления агрессии различны, и в сфере журналистики агрессия проявляется во всех обозначенных формах. По нашему наблюдению, косвенная агрессия, раздражение, негативизм, обида, подозрительность, чувство вины находят свое воплощение в речевой (вербальной) агрессии как журналиста, так и героев его публикации. Особняком стоит физическая агрессия, которая, как правило, реализуется в электронных массмедиа. Однако и в печатных СМИ этот вид агрессии имеет место — в иллюстративном материале, который визуально передает агрессивный настрой.

В нашем же случае – в печатных средствах массовой информации, - будет уместно говорить о речевой агрессии, так как в данном случае передача информации от ее отправителя (журналиста) к адресату (читателям) осуществляется при помощи печатного слова. Надо полагать, что эта форма агрессии берет начало с момента возникновения языка и речи. В «Стилистическом энциклопедическом словаре русского языка» рассматривается речевая агрессия, которая определяется как «использование языковых средств для выражения неприязни, враждебности; манера речи, оскорбляющая чье-либо самолюбие, достоинство» [6]. Вербальную агрессию А. Налчаджян определяет как «агрессию, выраженную средствами языка» [7].

При этом, по нашему мнению, формы знакового воплощения текстовых сообщений в материалах СМИ можно классифицировать по нескольким группам:

- буквенные обозначения, посредством которых информация передается на родном, в нашем случае русском, языке;
- буквенные обозначения иных языков, посредством которых более четко передаются особенности иностранных языков, где это необходимо (например, точные названия памятников иностранной литературы);
- знаки и символы, передающие особенности других областей научного знания (например, математические знаки, знаки, обозначающие химические элементы, физические величины и т. д.).

Однако предлагаемая нами классификация знакового воплощения агрессии в печатном СМИ была бы неполной, если бы мы ограничились исследованием исключительно текстового материала. Существенный объем информации также несут иллюстративные материалы печатных изданий, «иконические тексты», которые могут служить в качестве дополнения к текстовому журналистскому материалу или выступать в роли самостоятельных сообщений. Их, по мнению А.А. Бергера, можно разделить на такие группы, как фотоиллюстрации (в этом русле выделилась фотожурналистика), комиксы, карикатуры, графические изображения [8]. Все они несут определенную смысловую нагрузку, служат для воплощения авторского замысла и авторской позиции, где возможно проявление агрессии или ее элементов.

Возвращаясь к определениям агрессии, примем за основу исследования утверждение о том, что проявление агрессии в принципе характерно для полемических материалов. Поясним, что обычно «полемика» понимается как процесс обмена мнениями, позициями, словесное состязание, борьба с целью доказать истинность собственной точки зрения и несостоятельность позиции противника. По сути дела, если обращаться к интерпретации форм поведения человека, в полемике можно усмотреть сублимированное воплощение состязательного начала, направленного на реализацию инстинкта самосохранения, продления рода в аспекте отстаивания «своей территории» - статусной, интеллектуальной и т. п., - но в одобряемых, «узаконенных» социумом формах. Возможно даже в таком контексте интерпретировать полемику как одну из форм реализации борьбы, где один противник желает нейтрализовать другого. Не случайно изначально слово «полемика» принадлежало к греческому языку (polemikos) и использовалось в значении воинственный, враждебный. В Большом толковом словаре русского языка слово «полемика» трактуется как спор при обсуждении какихлибо вопросов [9], что совершенно не отменяет его агрессивного содержания.

Наше исследование нацелено на выявление агрессивных компонентов в полемических материалах прессы и проиллюстрировано конкретными примерами из региональных изданий Тамбовской области за январь 2006 — июнь 2007 года. В основе анализа — тексты областной общественнополитической газеты «Тамбовская жизнь», региональных выпусков газеты «Аргументы и факты—Тамбов» и «Тамбовский мериди—ан», представляющих тип качественной, массовой и желтой прессы соответственно.

Газета «Тамбовская жизнь» основана в 1917 году (первоначально носила название «Тамбовская правда»), является ежедневным изданием (выходит по вторникам, средам, пятницам и субботам). Тираж издания в первом полугодии 2007 года составил около десяти тысяч экземпляров. Учредители газеты — администрация Тамбовской области, Тамбовская областная Дума и редакция газеты, что накладывает определенный отпечаток на характер публикаций, в том числе на формы выражения авторской точки зрения.

Стандартный выпуск «Тамбовской жизни» – газета на четырех полосах формата A2. Кроме того, читатели получают приложение «Деловой вторник» — материалы из других регионов — и «Специальный выпуск. Официальный раздел», где публикуются законы и постановления, принятые администрацией Тамбовской области и Тамбовской областной Думой, а также другая информация рекламного характера. Выпуск газеты по средам, так называемая «толстушка» (16 полос формата A3), отличается преобладанием аналитических материалов.

Исторически закрепились постоянные рубрики издания «В администрации области», «В областной Думе», «Новости Тамбовщины», «Местное самоуправление», «Технология успеха», «Событие», «Гражданское общество: этапы становления», «Образование: проблемы и перспективы», «Критический ракурс», «Звезда», «Почта редакции», «Мозаика культурной жизни», «Творчество», «Портрет земляка», «Криминал», «Спорт» и другие.

Издание претендует на принадлежность к типу качественной прессы, на что указывают следующие признаки:

- высокая информационная культура;
- строго выдержанное направление;
- постоянная читательская аудитория;
- стилистически и композиционно сложные публикации;
- проверенная, полученная из первых рук информация;

- комментарии специалистов и компетентных лиц;
- жанровое разнообразие материалов, их тематики

и проблематики;

- высокая этическая культура журналистов;
- сдержанность в оформлении.

Другого плана бесплатное еженедельное региональное приложение к газете «Аргументы и факты» — газета «Аргументы и факты» — Тамбов» (учредитель ЗАО «Аргументы и факты»), которая претендует на ее отнесение к типу массовой прессы. На это, по нашему мнению, указывают следующие признаки:

- нечеткое направление издания, преимущественно обличительный характер материалов;
- использование стилистически простых конструкций при изложении материала, доступность языка публикаций для массового читателя;
- невысокая степень аналитичности публикаций, подача информации в ненавязчивой форме (блицопросы, интервью, вопросы—ответы);
- нередко поводом для создания материала являются слухи;
- субъективация письма (точка зрения журналиста не всегда подкреплена мнением компетентного лица);
- широкое иллюстрирование, большое количество коллажей.

Большей степенью раскрепощенности обладает еженедельная газета «Тамбовский меридиан», принадлежащая к типу «желтой» прессы. По нашим наблюдениям, основным инструментарием работы журналистов данного издания является инструментарий «желтой» прессы: слухи, искажающая интерпретация, отбор фактов, эпатажность, акцентуация вытесненного, — эти и многие другие приметы «желтизны» мы находим в публикациях газеты «Тамбовский меридиан». И в этом аспекте, придерживаясь рассуждений А.А. Тертычного о том, что «пожелтеть» временами может и массовое, и качественное издание, мы относим «Тамбовский меридиан» к группе «желтых» изданий.

Таким образом, выбор трех изданий в качестве материала исследования позволяет, с нашей точки зрения, охватить три наиболее масштабных группы отечественных универсальных СМИ. И выбор именно такой классификации (в ущерб, скажем, тематике, аудиторной ориентации) в исследовании не случаен. По утверждению А.М. Шестериной, полемическое начало по-разному реализуется в СМИ этих типологических групп [10]. Рискнем предположить, что и агрессия будет представлена в материалах качественной, массовой и желтой прессы по-разному.

Анализ публикаций в газете «*Тамбовская* жизнь» за январь 2006 — июнь 2007 года позво-

лил определить соотношение общего количества публикаций в издании, полемических текстов и журналистских материалов, где очевидно проявление агрессии. Так, на страницах газеты в среднем публикуется 296 материалов в месяц. Количество полемических публикаций составляет 5,27 %, публикаций с проявлением черт агрессии — 3,8 % от общего числа.

Проследим, для каких жанров журналистского произведения наиболее характерно проявление полемических черт, а также признаков агрессии. А.М. Шестерина предлагает жанры полемических текстов разделить на две группы - монологические и диалогические. К первой группе относятся полемическая статья, корреспонденция, рецензия, письмо. К группе диалогических текстов принадлежат полемическое интервью и спор. В «Стилистическом энциклопедическом словаре русского языка» отмечается, что «одним из самых популярных жанров в последнее время стало интервью. Проявляющаяся в нем назойливость журналистов воспринимается как речевая агрессия по отношению как к интервьюируемым, так и к читателям» [11].

И действительно, для полемических материалов газеты «Тамбовская жизнь» характерно их исполнение в жанре интервью. Но кроме того, широко представлены публикации в таких жанрах, как статья, корреспонденция. Жанр спора вытесняют материалы, которые по форме их подачи и способу сбора информации представляют собой так называемый «круглый стол» — обсуждение конкретной проблемы компетентными лицами. Но независимо от жанровых особенностей полемического текста уровень агрессивного начала в них определенно высокий.

Отметим, что заголовок – первое, на что обращает внимание читатель. Если его заинтересует заголовок, велика доля вероятности, что журналистский материал, которому он соответствует, будет прочитан. Нередко внимание читателей обращают заголовки, содержащие эпатажную, а подчас и шокирующую информацию, информацию устрашающего характера, нередко - с использованием эмоционально окрашенной лексики. Так что ощутимо воздействие на аудиторию читателей не только самих материалов определенного содержания, но и их «имен». Как показывает практика, журналисты все чаще обращаются к подобным заголовочным конструкциям, что наиболее характерно для массовой и желтой прессы. Отметим те виды заголовков, которые встречаются на страницах «Тамбовской жизни», где выражены моменты спорности, противостояния, полемические черты, элементы агрессии:

1. Использование слов, указывающих на неизбежность проявления борьбы, противосто-

яния, в том числе физического: «Рейдеры. Как с ними бороться?» [12], «Боремся вместе — жур-налисты и читатели» [13]. Подобные структуры в сочетании с содержанием публикации дают первичное представление о взаимодействии полемического и агрессивного начала. В текстах авторы пытаются изменить отношение читателя к существующим феноменам, «присоединит» его к собственной точке зрения. Причем, для реализации подобной целевой установки используется указание на значимость агрессивного поведения (необходимость в нем в первой заголовочной конструкции не ставится под сомнение. Сомнение вызывает лишь выбор формы агрессии) или прямой призыв к нему;

- 2. Проявление агрессии констатируется как состоявшийся факт: «Требования ужесточились» [14], «Страшное зло атакует село» [15]. Элемент «жестокости» не только констатируется в описании характера произошедших перемен, но и естественным образом формирует ответную защитно-оборонительную реакцию, которая опирается на механизм агрессии. Полемический характер выступления в первом случае заключается в попытке оспорить принятый документ, а во втором случае в попытке оспорить позицию принятия негативных перемен;
- 3. Указание на ограничение свободы: «Как выбраться из демографической западни» [16]. Заголовок содержит намек на агрессию по отношению к читателю, проявившуюся в том, что аудитория, по мнению журналиста, оказалась в неприемлемых условиях. И, кроме того, оспаривается позиция игнорирования существующих демографических проблем. Позитивная оценка ситуации трактуется как «западня»;
- 4. Использование слов и словосочетаний, указывающих на существование опасности или на возможность проявления физической агрессии: «Собачья напасть» [17], «В ноги кланяется, а за пятки кусает» [18], «Испытание холодами» [19], «Жертвы огненной стихии» [20], «Перелетная смерть» [21], «Опасные крылатые» [22]. Агрессивный компонент здесь очевиден и проявляется, прежде всего, в дестабилизирующей информации, а структура второго заголовка содержит прямой сигнал полемичности;
- 5. Использование слов типа «война», «конфликт», «борьба» и близких им по семантике, включение в заголовочную конструкцию лексики, указывающей на существование противостояния, противопоставление: «Заслон терроризму» [23], «Барьер для вируса» [24], «Подлинный или фальшивый?» [25], «Против смертельного зелья» [26]. В психологии хорошо изучен эффект моделирования агрессии, поддерживаемый такими стимулами.

Кроме того, агрессивный компонент может быть выражен в названии рубрики, к примеру, «Наркотикам — нет!». Но использование указанных особенностей в заголовочных конструкциях отнюдь не означает, что в текстовом материале наличие полемики или явного проявления агрессии будет обязательным. Содержание материала, форма его подачи могут быть и вполне нейтральными.

Проследим, как выражается авторская позиция в материалах газеты «Тамбовская жизнь», где очевидно проявление агрессии. Так, в публикации «Как факт – купил контрафакт» [27], опубликованном под рубрикой «В прокуратуре области», журналист обсуждает проблему защиты интеллектуальной собственности в России с начальником отдела по надзору за соблюдением федерального законодательства прокуратуры Тамбовской области О.С. Обыденновой. Журналист Т. Гусева старается придать проблеме более серьезное звучание, апеллируя в лиде к материалу к одной из цитат Послания Федеральному Собранию Президента России В.В. Путина, так как он, по словам журналиста, «особо остановился на защите объектов интеллектуальной собственности». В постановке вопросов видно нетерпимое отношение автора публикации к проблеме: «Если в контексте основных направлений внутренней и внешней политики страны Президент говорит о защите интеллектуальной собственности, значит, очень неладно тут дела обстоят?», «И в результате мы покупаем, как сейчас говорят, контрафакт?» и другие, а также слова и сочетания типа «рискует», «может наказать», «меры пресечения», «приходится защищать от недобросовестных производителей», «положить конец беспределу». Чаще всего журналист стремиться к объективации собственных высказываний, когда материал подается в жанре полемического интервью. Однако в данном случае он преследует другую цель - сконцентрировать на проблеме большее внимание. А поскольку респондент более сдержан, апеллирует языком сугубой статистики и называнием законов, журналист сам «расставляет точки над і» и делает выводы, которые должны, по мысли автора, произвести на читателя впечатление и создать нетерпимое отношение к нарушителям законодательства. Таким образом, в данной публикации наличие агрессивной составляющей в высказываниях журналиста необходимо - как для получения наиболее полной информации, так и для создания определенного, в данном случае нетерпимого, отношения к существующей проблеме, для оспаривания официальной точки зрения.

Публикация Валерия Маркова «Рейдеры. Как с ними бороться?» [28] также окрашена экспрессивной лексикой (слова и сочетания типа «нападение», «противостояние», «практика захвата», «уничтожение» и другие). В данном случае журналист ставит перед собой непростую задачу: не только разъяснить новое для русского языка слово «рейдерство», создать нетерпимое отношение к определенной социальной группе - рейдерам, изменить ситуацию пассивного принятия явления, но и, по возможности, выработать механизм борьбы с ними. Публикация актуальная, злободневная, ощутима ее полемическая окраска. Рубрика, в которой опубликован материал, имеет постоянное полемическое звучание - «Свет и тени рынка». Однако с самого начала статья носит рекомендательнообразовательный характер, и в этом плане проявление агрессивного компонента кажется особенно показательным: оно изменяет представление о том, что агрессивный тон публикаций в целом нехарактерен для просветительской журналистики. На современном этапе развития медиасектора это, очевидно, не так... Журналист отталкивается от обращения в редакцию читателя газеты, который просит разъяснить слово «рейдеры», что автор успешно делает. Далее даются возможные варианты появления рейдеров на том или ином предприятии, статистическая информация, связанная с захватами и поглощениями предприятий, а также меры борьбы с рейдерами на законодательном уровне. Тем не менее, проблема остается открытой, а борьба с рейдерами, по мнению автора, должна стать общей задачей. В данном случае наличие агрессивной составляющей очевидно, что ощутимо в заголовке, постановке проблемы, негативной эмоциональной окрашенности лексики.

Агрессивный компонент очевиден и в иллюстративных материалах, которые делают выступление полемиста ярче, апеллируют к визуальному восприятию контента. Во многом содержание иллюстративного материала зависит от типа издания. Так, «Тамбовская жизнь» отличается сдержанностью в оформлении, что позволяет определить тип дизайна издания как текстовый. Тем не менее, иллюстрации с явным проявлением агрессии имеют место на страницах анализируемого газеты. К примеру, анализируемая выше публикация «Рейдеры. Как с ними бороться?» сопровождается коллажем: злобное лицо старика рейдера, у которого один глаз скрывает линза с пиратской свастикой, обращено к читателю. Цель героя иллюстрации — вымогательство — очевидна: одна рука рейдера – крючок (для потенциальных жертв), другая выделяется на первом плане и выдает его желание завладеть чужим имуществом. Агрессивные стратегии вообще нередко составляют основу разработки коллажа. Причем агрессию здесь можно усмотреть и на уровне идеи коллажа, и на уровне метода работы с исходным материалом (разрушить существующее и из «осколков» создать новое). В последнем случае речь идет, безусловно, об инструментальной агрессии, которая признается многими исследователями обязательным компонентом творчества. То же можно сказать и о полемическом начале — в контексте творческого процесса они нередко идут рука об руку. В приведенном же примере агрессия транслируется на аудиторию и на героя коллажа одновременно.

Другая публикация «Свободные от... детей» [29], где речь идет о демографической ситуации в России и о детской беспризорности в частности, сопровождается фотокорреспонденцией. На переднем плане – ребенок, смотрящий вслед удаляющемуся человеку. Виден лишь силуэт взрослого субъекта, что отражает его отстраненность от социальных проблем, обнажает духовную и нравственную пустоту, неспособность прийти на помощь подрастающему поколению. Подобный прием схематизации, уплощения, искажения персонажа фотоиллюстрации нередко служит демонстрацией стремления к уничтожению позиции через аннулирование ее носителя. И в этой стратегии полемический компонент реализуется в агрессивной форме.

Свои особенности в выражении агрессивного компонента в полемике у массового еженедельника «Аргументы и факты—Тамбов». Газета выходит на 12 полосах формата АЗ. Основные рубрики— «Мнение», «Цена успеха», «Будьте здоровы», «Дословно», «Разговор с профессионалом», «Событие», «Дело вкуса» и другие, где имеют место полемические публикации, в том числе с проявлением агрессии. Так, за анализируемый период (январь 2006— июнь 2007 года) опубликовано 1446 материалов, из которых 33 % публикаций несут явную полемическую окраску. В 29,5 % материалов от общего количества имеет место проявление агрессии.

Отметим, что публикации газеты «Аргументы и факты—Тамбов», в том числе и полемические, не отличаются жанровым разнообразием. Как правило, они исполнены в жанре полемической корреспонденции или статьи, реже — интервью. Проследим, как воплощается агрессивное начало на страницах еженедельника. Корреспонденция «Автобуса бояться — пешком ходить» [30] опубликована в рубрике «Качество жизни». На плашку вынесена основная мысль публикации: «При перевозке пассажиров без жертв не обходится», что предполагает существование потенциальной опасности для читателей из категории «пассажиры автобусов». Лексика апеллирует к

эмоциям читателей («лихие "водилы" нещадно подрезают друг друга», «кто не рискует, тот не ездит в общественном транспорте» и другие). Открытый финал публикации, что характерно для полемических текстов, побуждает читателей к социальной активности — противостоять «водителям без правил». При этом журналист заручается комментариями специалистов, статистическим материалом. Однако чрезмерная эмоциональная окрашенность лексики в значительной степени отличает публикацию от аналогичных материалов в качественном издании «Тамбовская жизнь». Тем не менее, доступность языка публикации, стилистически простые конструкции предложений, нехарактерные для качественного издания, делают материал понятным рядовому читателю, апеллируя прежде всего к его эмоциям.

Заголовочные конструкции газеты «Аргументы и факты—Тамбов» отличаются особым построением: как правило, материалы сопровождаются подзаголовком, а на плашку выносится основная мысль автора публикации. Кроме того, для материалов данного издания, по аналогии с основным выпуском газеты «Аргументы и факты», который распространяется по всей территории Российской Федерации, характерно наличие ряда подзаголовков, разбивающих публикацию на несколько частей (как по смыслу, так и визуально). Отметим те виды заголовочных конструкций «АиФ—Тамбов», в которых очевидно проявление черт агрессии:

- 1. Использование слов, указывающих на неизбежность проявления борьбы, противостояния, в том числе физического: «Ударная оборона» [31] (с подзаголовком «Что делать, если на вас напали»), «Поощрение и наказание рука об руку в воспитании» [32];
- 2. Проявление агрессии констатируется как состоявшийся факт: «Товарищество, которое лопнуло» [33], «Сначала цветы, потом побои» [34];
- 3. Указание на существование потенциальной опасности: *«Дом с огнем»* [35];
- 4. Указание на возможную неоднозначность трактовки авторского тезиса: «Пьете, дети, моло-ко... Будете ль здоровы?» [36];
- 5. Использование слов «полемика», «конфликт», «агрессия» и близких им слов и словосочетаний: «Конфликт интересов» [37], «Война, невидимая глазу» [38], «Народ выбирает, что дешевле» [39] (с подзаголовком «Борьба с видеопиратами в области не прекращается»);
- 6. Указание на ограничение свободы, запрет: «Дерзай, пока молодой» [40] (с подзаголовками «Нет границ, есть только препятствия», «Жить в движении мужское занятие», «Укрощение огня сродни театру»), «Нонстоп на газоне» [41], «Позвольте вашу ручку» [42] (с подзаголовком «ЕС подарит тамбовским заключенным наручники»);

- 7. Противопоставление, в том числе крайних позиций, явлений, оценок; противостояние: *«Главный противник ты сам»* [43];
- 8. Экспрессивно окрашенная лексика: «Машина не волк, сама не убежит» [44] (с подзаголовком «За кражу машины грозит до 10 лет лишения свободы»), «Колдуй, бабка! Колдуй, дед!» [45] (с подзаголовком «Тамбовские маги обманут кого угодно»).

Широкое иллюстрирование газеты «Аргументы и факты», в том числе его регионального приложения, позволяет определить тип дизайна данного издания как имиджевый. Востребованы не только публицистические жанры фотожурналистики – фотокорреспонденция, фоторепортаж и другие, но и коллажи и карикатуры. Материал «Грязнулю могут повесить... на щите» [46] сопровождается фотокорреспонденцией: заснят рекламный щит, в центре которого - черный силуэт для портретного фото с подписью «Место для фотографии». Также указано, что это «Главный Грязнуля Города», и предостережение: «Твое лицо может появиться на этом щите!». Целью социальной рекламы городской администрации является борьба с теми, кто загрязняет Тамбов. Фотопубликация в совокупности с журналистским материалом как раз против них и направлена: это должно стать действенным инструментом в борьбе с нарушителями экологической ситуации в городе.

Публикацию «Машина не волк, сама не убежит» [47] иллюстрирует карикатура (на ней женщинаводитель совершила наезд на котенка, при этом упрекает сидящего рядом мужчину: «Почему ты не сказал мне, что установил на нашу машину сигнализацию?»). Здесь налицо и речевая агрессия героя иллюстративного материала, и демонстрация физической агрессии при помощи визуальной подачи информации.

Еженедельник «Тамбовский меридиан» отличается сравнительно большим объемом: выходит на 24, реже - 32 полосах, что способствует многообразию постоянных рубрик: «Неделя», «Об этом говорят», «Общество», «Жизнь», «Справочная», Антошка», «Семейный доктор», «Криминал», «Репортер», «Звезды», «Хотитеверьте», «Интим», «Кураж» и другие. В данном случае издатель, которым является ООО «Провинция-Тамбов», преследует коммерческий интерес. Не случайно у «Тамбовского меридиана» сравнительно больший тираж (38) 200 экземпляров в первом полугодии 2007 года), нежели у «Тамбовской жизни», представляющей тип качественной региональной прессы. Кроме того, при анализе издания стало очевидно, что именно «желтая» пресса является привлекательной для рекламодателей.

Анализ публикаций газеты «Тамбовский меридиан» позволяет сделать вывод о том, что полемические материалы составляют значительную часть публикаций. В январе 2006 — июне 2007 года опубликовано 2418 материалов, из которых 990 имеют полемический характер. Из них 882 (а это 36,5 % от общего количества публикаций) несут в себе агрессивную составляющую.

Полемические публикации с агрессивным компонентом на страницах «Тамбовского меридиана» чаще исполнены в жанре корреспонденции, спора. Так, одна из постоянных рубрик «Криминал» отличается полной раскрепощенностью журналистов в подаче материала: смакование подробностей судебных дел, семейных драм, специально подобранная лексика, создающая общий агрессивный фон публикаций. Последний включает яркую эмоциональную защитную реакцию читателя. К примеру, статью «Надоел до смерти» [48] предваряет лид: «Анастасия Аллилуй наняла киллеров, чтобы убить мужа. За его смерть она «не пожалела» 20 тысяч рублей и двух поросят». «Решила свести счеты», «ударить», «застрелить», «заказчица убийства» и т. п. слова и выражения типичная лексика для подобных публикаций в «Тамбовском меридиане».

Заголовочные конструкции еженедельника предельно просты. Они сразу, что называется, «берут быка за рога» — привлекают внимание читателя сенсационностью сообщаемой информации, эпатажностью, их нередко отличает наличие эмоционально маркированных слов и словосочетаний. Подзаголовки крайне редки, однако наличие лида — чуть ли не обязательное условие для всех публикаций газеты. Отметим те виды заголовочных конструкций, в которых ощутимо проявление агрессии:

- 1. Указание на проявление физической агрессии: «По трассе с топором» [49], «Где твой черный пистолет» [50], «Ларьки "бомбили" дети» [51];
- 2. Использование эмоционально маркированных слов и словосочетаний: «Надоел до смерти!» [52], «Страшнее вепря зверя нет» [53], «Осквернители» [54], «Ад отменяется?» [55];
- 3. Указание на ограничение свободы: «Убийственная жалоба» [56] (с подзаголовками «В тюрьме ему самое место», «Планы мести», «Отомстил молотком»);
- 4. Призыв к проявлению физической агрессии: «Резать к чертовой матери!» [57];
- 5. Указание на существование потенциальной опасности: «Без шансов на спасение» [58].

В газете «Тамбовский меридиан» наблюдается полная раскрепощенность в иллюстрировании (имиджевый тип дизайна). Это и демонстрация оружия, и изображение неземных существ, и репортажная съемка аномалий, катаклизмов и

чрезвычайных происшествий, и отражение самых различных эмоций людей, чаще всего негативных (гнев, ярость), и борьба героев в кадре. Подобного рода фотоиллюстрациями пестрят страницы еженедельника. Вполне очевидно, что такие иллюстрации привлекают внимание, так как отражают потенциальную опасность для человека, пробуждают инстинкт самосохранения.

Итак, агрессивный компонент в печатном издании может быть реализован в двух знаковых системах: с помощью вербальных средств (речевая агрессия) и визуального ряда (иллюстрации). Диапазон публицистических средств, которые использует журналист для проявления агрессивного начала в публикации, весьма разнообразен и часто сочетается с ее полемической направленностью.

Во-первых, агрессивное начало имеет место в том случае, когда сюжет публикации подробно описывает ситуацию явного проявления агрессии против конкретной личности, группы лиц или человечества в целом в стремлении опровергнуть позицию, оценку.

Во-вторых, журналист сам, заручившись определенными фактами, на их основе выстраивает материал, где накаляет обстановку, побуждая читателей к агрессивным действиям (неприятию кого-либо, проявлению физической агрессии) по отношению к носителю опровергаемой позиции.

В-третьих, агрессивное начало могут нести заголовочные конструкции и иллюстративные компоненты полемических публикаций. К основным способам проявления агрессии в иллюстрациях (расположены в порядке убывания их востребованности в исследованных изданиях) относятся:

- жест героя фотопубликации, который читатель может понять не однозначно;
  - враждебное выражение лица героя в кадре;
  - борьба героев;
- противопоставление в кадре героев, которые враждуют в жизни;
- отражение чрезвычайных ситуаций, аномалий, катаклизмов и их последствий;
- противопоставление человека и животного, человека и неодушевленного («иноземного») существа;
- жест героя, обращенный к читателю (может расцениваться как вызов);
  - демонстрация острых предметов, оружия;
- демонстрируемое ограничение свободы человека или животного.

Довольно часто журналист апеллирует к магическому типу мышления аудитории, конструирует мифологические иконические тексты и обращается к символическому звучанию предметов, проявлениям анимизма, тотемизма и т. п..

В-четвертых, способы воплощения агрессивного начала в значительной степени зависят от типа издания — качественного, массового или «желтого». Так, в качественном издании журналист подробно изучает ситуацию, сам предлагает пути решения проблемы, прибегает к мнению компетентных лиц (объективация письма). Для массового регионального издания также характерно обращение за комментариями ситуации к специалистам, но журналист делает ставку на сенсационность сообщаемой информации. Его цель — увлечь читателя. В «желтом» издании цель не менее очевидна: апеллируя к интересам самой неподготовленной аудитории, читатель завоевывает ее симпатию.

Отсюда и тематические предпочтения журналистов анализируемых типов изданий. Для качественных СМИ характерен широкий охват жизни социума, акцентуация внимания на проблемах, которые актуальны не только в региональном, но и в федеральном масштабе. Массовое издание проявляет интерес к интимным подробностям жизни отдельных личностей. Однако постановка общественно важных на сегодняшний день проблем также является характерной чертой массового регионального еженедельника. «Желтая» пресса, как столичная, так и местная, проявляет интерес к чисто бытовым проблемам, в данном случае регионального масштаба (пожары, автокатастрофы, семейные драмы, убийства и т. д.).

Таким образом, анализ региональных изданий позволяет сделать вывод о том, что полемические публикации, где находит воплощение агрессивный компонент, наиболее распространены в массовом и «желтом» издании. В качественном издании, в котором относительно невысокий процент полемических публикаций, агрессивное начало имеет меньшее распространение. Кроме того, следует отметить, что наличие агрессивного компонента в публикациях региональных периодических изданий делает их ярче, побуждает читателей к социальной активности. Однако при этом журналист должен досконально разбираться в поставленной проблеме, заручиться мнением компетентного лица, высказывать свою точку зрения грамотно, компетентно и претендовать на однозначность ее понимания.

ЛИТЕРАТУРА

- 1. Налчаджян А. Агрессивность человека / А. Налчаджян. СПб.: Питер, 2007. С. 16.
- 2. Аронсон Э. Общественное животное. Введение в социальную психологию / Э. Аронсон. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2006. С. 245.
- 3. Леонов Н.И. Конфликты и конфликтное поведение. Методы изучения / Н.И. Леонов. СПб.: Питер, 2005. С. 211.

- 4. Леонов Н.И. Конфликты и конфликтное поведение. Методы изучения / Н.И. Леонов. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2006. С. 149.
- 5. Леонов Н. И. Конфликты и конфликтное поведение. Методы изучения. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2006. — С. 150.
- 6. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М. Н. Кожиной. Члены редколлегии: Е. А. Баженова, М. П. Котюрова, А. И. Сковородников. М.: Флинта: Наука, 2003. С. 340.
- 7. Налчаджян А. Агрессивность человека / А. Налчаджян. СПб.: Питер, 2007. С. 101.
- 8. Бергер А.А. Видеть значит верить. Введение в зрительную коммуникацию / А.А. Бергер. 2-е издание: пер. с англ. М.: Издательский дом «Вильямс», 2005. С. 288.
- 9. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и ред. С. А. Кузнецов. СПб.: «Норинт», 2000.
- 10. Шестерина А.М. Полемический текст в современном медиапро-странстве (функциональные, жанровые и структурные особенности печатной полемики): Монография / А. М. Шестерина. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2003. 302 с.
- 11. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М.Н. Кожиной. Члены редколлегии: Е.А. Баженова, М.П. Котюрова, А.И. Сковородников. М.: Флинта: Наука, 2003. С. 341.
- 12. Марков В. Рейдеры. Как с ними бороться? / В. Марков // Там-бовская жизнь. 2006. 19 апреля. С. 4.
- 13. Боремся вместе журналисты и читатели // Тамбовская жизнь. 2006. 30 мая. С. 3.
- 14. Казанок П. Требования ужесточились / П. Казанок // Тамбовская жизнь. 2006. 2 июня. С. 1.
- 15. Сокрушаева Л. Страшное зло атакует село / Л. Сокрушаева // Тамбовская жизнь. 2006.-12 января. С. 2.
- 16. Сантылов В. Как выбраться из демографической западни / В. Сантылов // Тамбовская жизнь. 2006. 20 июня. С. 1.
- 17. Алешин А. Собачья напасть / А. Алешин // Тамбовская жизнь. 2006. 12 мая. С. 10.
- 18. Фурсов А. В ноги кланяется, а за пятки кусает / А. Фурсов // Тамбовская жизнь. 2006. 25 января. С. 3.
- 19. Сантылов В. Испытание холодами / В. Сантылов // Тамбовская жизнь. -2006.-21 января. -C.1.
- 20. Сычева О. Жертвы огненной стихии / О. Сычева // Тамбовская жизнь. -2006.-21 января. -C.3.
- $21. \, \Phi$ урсов А. Перелетная смерть / А. $\, \Phi$ урсов // Тамбовская жизнь. $2006. 21 \,$ января. С. 2.

- 22. Фурсов А. Опасные крылатые / А. Фурсов // Тамбовская жизнь. 2006. 22 марта. С. 2.
- 23. Мордовин С. Заслон терроризму / С. Мордовин // Тамбовская жизнь. -2006.-29 марта. -C.2.
- 24. Казанок П. Барьер для вируса / П. Казанок // Тамбовская жизнь. -2006.-21 марта. -C.2.
- 25. Лисков А. Подлинный или фальшивый? / А. Лисков // Тамбовская жизнь. 2006.-21 марта. С. 5.
- 26. Сокрушаева Л. Против смертельного зелья $/ \Pi$. Сокрушаева //Тамбовская жизнь. -2006.-17 марта. C. 2.
- 27. Гусева Т. Как факт купил контрафакт / Т. Гусева // Тамбовская жизнь. 2006. 6 июня. С. 5.
- 28. Марков В. Рейдеры. Как с ними бороться? / В. Марков // Тамбовская жизнь. 2006. 19 апреля. С. 4.
- 29. Федорова Л. Свободные от... детей / Л. Федорова // Тамбовская жизнь. -2006.-17 мая. -C.5.
- 30. Яцевич Н. Автобуса бояться пешком ходить/Н Яцевич//Аргументы и факты—Тамбов. 2007. № 6. С. 7.
- 31. Родионова А. Ударная оборона / А. Родионова // Аргументы и факты—Тамбов. 2007. № 1 2. С. 8.
- 32. Родионова А. Поощрение и наказание рука об руку в воспитании / А. Родионова // Аргументы и факты—Тамбов. 2007. № 21. С. 10.
- 33. Родионова А. Товарищество, которое лопнуло / А. Родионова // Аргументы и факты—Тамбов. -2007. -№ 5. C. 10.
- 34. Родионова А. Сначала цветы, потом побои / А. Родионова // Аргументы и факты—Тамбов. 2007. № 7. С. 7.
- 35. Яцевич Н. Дом с огнем / Н. Яцевич // Аргументы и факты—Тамбов. 2007. № 19. С. 2.
- 36. Яцевич Н. Пьете дети молоко... Будете ль здоровы? / Н. Яцевич // Аргументы и факты—Тамбов. -2007. -№ 26. C. 2.
- 37. Михайлова А. Конфликт интересов / А. Михайлова // Аргументы и факты—Тамбов. 2007. № 15. С. 10.
- 39. Яцевич Н. Народ выбирает, что дешевле / Н. Яцевич // Аргументы и факты—Тамбов. 2007. № 5. С. 10.
- 40. Щекочихина Е. Дерзай, пока молодой / Е. Щекочихина // Аргу-менты и факты—Тамбов. 2007. № 26. С. 10.

- 41. Яцевич Н. Нон-стоп на газоне / Н. Яцевич // Аргументы и факты—Тамбов. 2007. № 19. С. 1.
- 42. Яцевич Н. Позвольте вашу ручку / Н. Яцевич // Аргументы и факты—Тамбов. 2007. № 5. С. 1.
- 43. Савельева В. Главный противник ты сам / В. Савельева // Аргументы и факты—Тамбов. 2007. № 16. С. 12.
- 44. Родионова А. Машина не волк, сама не убежит / А. Родионова // Аргументы и факты—Тамбов. 2007. N 12. С. 7.
- 45. Титова Н. Колдуй, бабка! Колдуй, дед! / Н. Титова // Аргументы и факты—Тамбов. 2007. № 11. С. 11.
- 46. Поповцева М. Грязнулю могут повесить... на щите / М. Попов-цева // Аргументы и факты—Тамбов. 2007. № 17. С. 3.
- 47. Родионова А. Машина не волк, сама не убежит / А. Родионова // Аргументы и факты— Тамбов. 2007. N 12. С. 7.
- 48. Бледнова Е. Надоел до смерти! / Е. Бледнова // Тамбовский меридиан. 2007. 2 января. С. 10.
- 49. Бледнова Е. По трассе с топором / Е. Бледнова // Тамбовский меридиан. 2007. 9 января. С. 3.
- 50. Бледнова Е. Где твой черный пистолет / Е. Бледнова // Тамбовский меридиан. 2007. 27 февраля. С. 3.
- 51. Бледнова Е. Ларьки «бомбили» дети / Е. Бледнова // Тамбовский меридиан. 2007.-13 февраля. С. 2.
- 52. Бледнова Е. Надоел до смерти! / Е. Бледнова // Тамбовский меридиан. 2007. 2 января. С. 10.
- 53. Матвеев А. Страшнее вепря зверя нет / А. Матвеев // Тамбовский меридиан. 9 января. С. 21.
- 54. Кузовлев В. Осквернители / В. Кузовлев // Тамбовский меридиан. 23 января. С. 4.
- 55. Шеметова О. Ад отменяется? / О. Шеметова // Тамбовский меридиан. 30 января. С. 29.
- 56. Бледнова Е. Убийственная жалоба / Е. Бледнова // Тамбовский меридиан. 30 января. С. 13.
- 57. Павлова А. Резать к чертовой матери! / А. Павлова // Тамбовский меридиан. 13 февраля. С. 10.
- 58. Бледнова Е. Без шансов на спасение / Е. Бледнова // Тамбовский меридиан. 30 января. С. 3.

НОВЕЙШИЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НОВОСТНОГО ТЕЛЕВЕЩАНИЯ В ГТРК «БЕЛГОРОД»

© 2008 О.В. Быкова

Белгородский государственный университет

В отечественной литературе по истории и теории телевидения пока недостаточно комплексных исследований о трансформации вещательных моделей, которая происходит на государственных региональных каналах. Региональная тележурналистика постсоветского периода продолжительное время оставалась вне пристального внимания отечественных исследователей. Научные изыскания в области региональной телевизионной журналистики появились лишь в последние годы. Пока что не существует научных монографий, системно характеризующих специфическую проблематику функционирования постсоветского регионального телевидения в России. Осмысление этих проблем ведётся на уровне разрозненных научных статей и учебных пособий. Так, в 2004 г. вышло учебное пособие В.Л. Цвика «Телевизионная журналистика: История, теория, практика». Это первый опыт осмысления современного состояния и практических проблем телевещания постсоветской России в новых социально-политических и экономических условиях. В этой книге имеется лишь очерковая глава, посвящённая региональному телевидению [1]. Специфику деятельности регионального тележурналиста отражает учебное пособие «Школа регионального тележурналиста» Н.В. Зверевой. Автор, рассматривая специфику регионального ТВ, основное внимание уделила формулированию практических советов тележурналистам российских регионов [2]. В данном учебном пособии затронуты проблемы программирования и структурирования регионального телевизионного вещания. Пособие Л. Агаповой посвящено региональной специфике телевизионных выпусков новостей, изученной на материале телеканалов Оренбургской области, но не отражает некоторые существенные аспекты, свойственные деятельности телекомпаний в других регионах, включая белгородский [3]. В учебном пособии «Региональная тележур-

налистика», подготовленном председателем Кировской ГТРК «Вятка» В.Г. Семёновым, рассматривается опыт преимущественно этой региональной телерадиокомпании [4]. В учебно-теоретическом издании Н.И. Дворецкой «Телевидение. Время местное», посвящённое 10-летию ГТРК «Белгород», оценивается роль местного телевидения в духовно-нравственном возрождении России, а также роль телевидения в профилактике наркомании. Отдельная глава посвящена телевизионным новостям — важному средству консолидации общества [5].

Все вышеназванные работы не содержат системного анализа новейших перемен в новостном телевещании, произошедших на уровне региональных филиалов ВГТРК — как в концептуальном аспекте, так и в практике вещания.

Цель данной статьи – выявить новейшие тенденции развития государственного информационного телевизионного вещания, изучить концепцию новостной политики регионального государственного ТВ и её реализацию на примерах из деятельности ГТРК «Белгород». При этом решаются следующие исследовательские задачи: проследить трансформацию информационного телевещания в этой региональной компании в момент решительного слома прежних стереотипов («точки бифуркации»); проанализировать способы программирования и структурирования новостных передач под влиянием произошедших изменений, а также рассмотреть результаты, к которым привела работа в соответствии с новыми технологиями.

Государственная телерадиокомпания «Белгород» начала вещание телевизионных программ 29 декабря 1992 года [6]. Если учесть, что большинство региональных ГТРК России освоило телеэфир ещё в 1950 — 60 е гг., то прошедшие 14 лет работы Белгородского телевидения являются сравнительно коротким историческим сроком. Редакция телевизионного вещания ГТРК «Белгород», пожалуй, одна

из самых «молодых» в составе медиахолдинга Всероссийской государственной телерадиовещательной компании.

Вещание Белгородского телевидения (именовавшегося тогда БТВ) началось с выделенных ему 30 минут эфирного времени, причём вечером и только в будние дни. Программирование телеэфира сопровождалось на БТВ поиском собственного «лица» вещания. Отдельные выпуски телепередач состояли из единственного материала либо имели монотематический характер. Например, 31 декабря 1992 г. в эфир вышла программа с участием главы администрации области В. Берестового и председателя областного Совета М. Бесхмельницина «Итоги и перспективы социально-экономического развития Белгородской области». Программа, тоже посвящённая одной теме, вышла в эфир 16 марта 1993 г. В ней шла речь о приватизации Лебединского горно-обогатительного комбината. Если первые передачи выходили в эфир лишь раз в неделю, то через некоторое время зрители смогли видеть их по вторникам и четвергам, а затем и ежедневно по будням.

На Белгородском телевидении информационное вещание оформилось к августу 1993 г. С этого времени в эфир стала выходить десятиминутная информационная программа «Отражение». Она начиналась с блока новостей, которые заимствовались у службы информации областного радио. Радиожурналист читал в телевизионной студии информационные сообщения, которые уже ранее звучали в эфире областного радио. Эти устные информационные выпуски на телевидении обычно не сопровождались видеокадрами. Со временем к таким подборкам новостей стали подвёрстываться телесюжеты с актуальным информационным поводом. Так, например, 28 октября 1993 г. информационный выпуск программы «Отражение» состоял из восьми устных радиоинформаций и одного телерепортажа.

Таким образом, в то время на БТВ ещё не существовало полноценного собственного выпуска телевизионного новостей, концепция информационного вещания отсутствовала. Это объясняется тем, что на БТВ не было собственной информационной службы. Она была организована только через два года, в феврале 1995 г., когда в штатном расписании появилась должность заведующего отделом информации.

С этого времени информационная программа «Отражение» стала выходить ежедневно по будням в прайм-тайм. Продолжительность выпусков колебалась от 12 до 15 минут. Информационная программа по-прежнему состояла в основном из репортажей корреспондентов и устных информаций без видеоряда. Тематика

репортажей отражала по преимуществу официальную жизнь региональной исполнительной власти. Журналисты рассказывали о бесконечных совещаниях, заседаниях, награждениях, презентациях. А. Золотарёва, автор статьи в белгородской городской газете «Вечер», назвала такой информационный эфир «шоколадно-карамельным». Она проанализировала выпуски информационной программы «Отражение» за январь 1999 г. Журналистка пришла к выводу, что об актуальных проблемах того времени: долгах из-за задержек выплат заработной платы, росте цен, демографическом спаде, критической ситуации в главных отраслях белгородской индустрии в эфире не было сказано ни слова. «Жанровый диапазон скуп. Острых материалов нет вообще... – подводит итог автор статьи. - К тому же структура выпусков не продумана, однотипные материалы без информационных поводов составляли большую часть выпусков информационных программ» [7].

Автор вышеназванной статьи не был далёк от истины в своих резких оценках. Тематический анализ выпусков информационной программы «Отражение» с 11 по 15 января 1999 г. показал, что 31 процент публикаций был посвящён праздникам и поздравлениям, различным знаменательным датам и тому, как они отмечались. 17 процентов составляли сообщения о всевозможных совещаниях местных органов власти и лишь три процента материалов информационной программы «Отражение» были отведены социальной тематике. Таким образом, почти половина новостного эфира (48 %) отводилось «официозу».

Этому есть объяснение. Белгородское телевидение, входя в систему ВГТРК, подчинялось также и областной администрации. И так продолжалось до сентября 2000 г. — когда начала осуществляться новая федеральная политика в отношении государственных электронных СМИ, которая строилась на принципах усиления влияния центра в регионах. В результате реорганизации ВГТРК региональные компании стали подчиняться только ей одной [8]. И все полномочия определения генеральной информационной политики теперь принадлежали ВГТРК. Назначение руководителя региональной ГТРК стало происходить без согласования его кандидатуры с областной администрацией. У ВГТРК появилась возможность без помех выстраивать новую информационную политику в региональных телерадиокомпаниях.

С сентября 2000 г. в телевизионном эфире ГТРК «Белгород» появилась новая информационная программа «Вести. Белгород». Однако первоначально это означало не более чем смену названия старой информационной программы «Отражение». Силы инерции и скромные техни-

ческие возможности компании не позволяли за короткий срок улучшить качество информационного вещания. Социологические исследования, проведённые управлением информационного планирования (УИП) департамента информации и внешних связей ВГТРК в 2001 году, показали недостатки передачи «Вести. Белгород». На взгляд социологов, эта программа отставала по оперативности реагирования на текущие события в регионе. Все два ежедневных выпуска «Вести. Белгород» выходили в эфир в записи. В то время уже многие региональные государственные телекомпании давно освоили прямой эфир, а ГТРК «Белгород» не имела информационного вещания в прямом эфире. Кроме того, новости в праймтайм (в 20.35) в точности повторяли программу, вышедшую в эфир ранее, в 18.00. Эти факты наглядно свидетельствовали о недостаточной мобильности информационной службы.

Всероссийская государственная телерадиокомпания порекомендовала белгородским вещателям перейти на новую технологию подготовки новостей, которая позволяла бы включать в программу больше свежей оперативной информации, сообщать о самых последних событиях текущего дня. От творческого коллектива программы «Вести. Белгород» потребовалось переосмысление, а в чём-то — и кардинальная смена парадигмы. Социологами были предложены следующие рекомендации в целях повышения конкурентоспособности информационного вещания ГТРК «Белгород»:

- Создать полноценный выпуск новостей в вечерний прайм-тайм;
- Расширить тематическое поле программы «Вести. Белгород» за счёт увеличения количества репортажей и информационных сообщений, затрагивающих разные стороны жизни населения Белгородской области от бытовых до социально-политических. Сделать правилом ознакомление аудитории с разными мнениями относительно актуальных вопросов жизни области;
- Повысить уровень оперативности информации, в первую очередь за счёт ведения прямого эфира. Включать в программу преимущественно «свежие» сообщения о событиях текущего дня;
- Анонсы передач подавать в стилистически яркой, рекламной упаковке. Они должны иметь в себе «изюминку», интригу сюжета;
- Улучшить качество содержания подводок и устных сообщений;
- Шире использовать в новостной передаче стилистические и текстовые «мосты», логически связывающие предшествующие и последующие репортажи, различные по тематике сюжеты;
- Обратить внимание на соотношение текста и видеоряда в репортажах и видеосообщениях,

особенно в официальных сюжетах, добиваться точного комментирования происходящего на экране. Чаще использовать в репортажах жизненный материал: житейские зарисовки, «бытовые» интервью горожан;

• Шире использовать такую эффективную форму подачи новостей с места события, как стендап [9, 26-28].

Содержание, структура и оформление программы «Вести. Белгород» стали кардинально меняться с сентября 2003 г. Информационная программа начала выходить в эфир семь раз в день. На государственное региональное телевидение перешли журналисты и операторы, работавшие ранее на других каналах – в основном, из частной Белгородской городской телекомпании «Магнит». На экране появилось много новых молодых лиц. Если раньше один сюжет в информационной программе мог длиться до пяти минут, то теперь появилось жесткое требование: максимальная продолжительность репортажа в программе «Вести. Белгород» должна составлять не более двух минут. Всё это сделало выпуски новостей динамичными, более содержательными.

В итоге ежедневно стало производиться в среднем до 20 оригинальных информационных эфирных материалов. Улучшилось качество съёмок. Операторы теперь проводили съёмки только с использованием штатива — за исключением случаев, когда это невозможно из-за активного перемещения оператора, а также в чрезвычайных ситуациях. И последняя очень важная новация: информационные выпуски «Вести. Белгород» начали выходить в режиме прямого эфира.

Сегодня программа «Вести. Белгород» выходит девять раз в день: в 6.15, 6.45, 7.15, 7.45, 11.30, 13.40, 17.20, 19.40 и в 23.55. Передачи новостей осуществляются в режиме прямого эфира, ведущие утренних, дневных и вечерних выпусков меняются.

Региональная информационная программа идёт вслед за федеральной программой «Вести». Такое программирование даёт телезрителям полную информационную картину дня. Аудитория имеет возможность получать информацию о том, что происходит в стране, за рубежом и на Белгородчине. Жители удалённого от Москвы региона в итоге не ощущают себя оторванным от столицы и имеют возможность почувствовать, что их родной город, посёлок, село – часть большой страны. Кроме того, когда в очередной программе «Вести» в прайм-тайм происходят разовые включения какого-либо региона с анонсом главных местных новостей, телезрители по всей стране получают дополнительную информацию о жизни этой территории.

Вместе с тем заместитель директора ГТРК «Белгород» С. Запорожченко отмечает, что региональным телекомпаниям очень трудно попасть в федеральный эфир с анонсом своей вечерней программы. Существуют чёткие требования, которые предъявляет второй канал для включения в свой эфир телесюжетов региональной студии. Необходима интересная новость социального порядка, должна быть не менее интересной политическая новость и плюс к этому надо предложить так называемый «информационный бантик» (какую-либо особо занимательную новость). Если соблюдены все эти требования, у регионального филиала ВГТРК появляется шанс быть проанонсированным в федеральном эфире. ГТРК «Белгород» включалась в федеральные «Вести» с анонсом своих главных новостей неоднократно.

Дополнительно к дневным и вечерним выпускам новостей, в полночь на втором канале появился синдицированный выпуск программы «Вести плюс», который завершает информационную картину дня. ГТРК «Белгород» готовит его совместно с редакцией информационных программ Всероссийской государственной телерадиокомпании. «Вести плюс» содержат не только региональную, но и федеральную информацию и состоят из двух блоков. В первом блоке освещаются важные события страны, во втором — региона.

Во время работы над информационной программой стало больше внимания уделяться её вёрстке. В ежедневных выпусках программы «Вести. Белгород» используется метод обновления важной информации. Каждый информационный выпуск программы «Вести. Белгород» содержит новые сюжеты, которые должны составлять не менее тридцати процентов. И здесь важно, какую информацию оставить на повтор – и на какое время, а какую необходимо заменить. При вёрстке программы новостей применяется и метод дополнения, когда информация подается в развитии. Вначале она может появиться только как устная информация, затем на видеоряде, в следующем выпуске к видеоряду добавляется синхрон, и затем выходит в эфир подробный сюжет. Так, например, 21 марта 2006 г. в редакцию позвонил телезритель и рассказал о стихийном митинге жителей микрорайона «Южный» г. Белгорода, которые выступали против передачи своего РЭУ-15 новым собственникам. Съёмочная группа оперативно выехала на место события и успела снять кадры стихийного митинга жильцов. Корреспондент по телефону в 11.30 сообщил в прямом эфире, в чём суть конфликта и что происходило в тот момент. Оказалось, ночью неизвестные заварили двери в расчётно кассовый центр этого РЭУ и остановили его работу. Ситуацию под контроль взяли бойцы ОМОНа. Конфликт в развитии был представлен

в двух дневных информационных выпусках, и уже в вечернем — телезрители смогли увидеть репортаж, в котором присутствовали мнения жителей микрорайона, милиции и руководителей конфликтующих организаций. Репортаж сопровождался комментарием представителя администрации Белгорода.

Использование принципа дополнения уже известной информации новыми деталями и новыми данными позволяет привлекать внимание зрителей к нестандартной ситуации и удерживать их интерес к происходящему в течение дня. По принципу дополнения информации строятся и другие общезначимые сюжеты в программе «Вести. Белгород».

Информационная программа ГТРК «Белгород» имеет свою чёткую структуру. В выпусках «Вести. Белгород» присутствие шпигеля стало обязательным. Как правило, он содержит не менее трёх анонсов с видеорядом. Анонсируются наиболее заметные события официальной, социальной и культурной жизни региона. Все заявленные в шпигеле темы выпуска в обязательном порядке подаются в развёрнутом виде. Каждому материалу предшествует подводка. При повторном показе сюжета он обновляется, и подводка к такому материалу пишется заново.

Большое внимание в новостных выпусках уделяется внешнему оформлению. Произошла унификация информационной программы с точки зрения подачи титров, отбивок, шапок. В кадре, в правом верхнем углу, расположен логотип ГТРК «Белгород», который выполнен в том же шрифтовом решении, что и логотип телеканала «Россия». Графическое оформление титров выполнено в едином ключе.

Кроме того, сочетаются разнообразные формы подачи материалов в выпусках, чередуются сюжеты с видеорядом, видеорядом с синхроном. Каждый сюжет не должен превышать двух минут. Исключение из этого правила распространяется только на особо важные события. В этом случае допускается сюжет хронометражем до трёх минут. Информационные материалы в коротком временном режиме придают динамику выпуску «Вести. Белгород». Заданный ритм удерживает внимание телезрителей и не даёт им скучать у экрана. Меняются сюжеты, голоса репортеров, звучит оптимальный темп речи ведущего — всё это создаёт у телезрителей ощущение быстротекущей жизни.

Новая политика в области программирования, структурирования и вёрстки информационной программы «Вести. Белгород» позволила поднять рейтинг регионального государственного телеканала. Социологические исследования, проведённые в 2005 г. PR-студией «Рекламист»,

показали, что изменения в подаче информации на местном государственном телеканале не остались незамеченными телезрителями Белгородской области. Опрашивалась социально адаптированная группа зрителей в возрасте от 18 до 45 лет и старше. 30 процентов опрошенных (самое большое количество респондентов) указали, что предпочитают смотреть информационные программы ГТРК «Белгород». 12 процентов опрошенных пользуются информацией областной телерадиокомпании «Мир Белогорья», 9 процентов – городской телерадиокомпании «Белый город» [10, 10]. Таким образом, опрос 2005 г. выявил, что респонденты отдают предпочтение государственному региональному телеканалу как источнику оперативной информации. Более того, итоги исследования белгородского медиарынка в 2007 г., проведённые консалтинговым агентством «Рекламист», показали, что уже 36 % опрошенных предпочитают смотреть информационные программы ГТРК «Белгород» [11].

Высокий рейтинг ГТРК «Белгород» в регионе стал возможен благодаря новейшим технологиям новостного телевещания, изменениям в программной политике и в сфере структурирования вещательного дня, появлению новых моделей вещания. Политика ГТРК «Белгород» теперь строится на

постоянном присутствии информационной программы в телеэфире. В течение дня зрители могут видеть девять обновляющихся информационных выпусков, каждый из которых представляет собой сложное структурное образование из различных информационных потоков, составляющих определённую целостность содержания.

Выпуски информационных программ «Вести. Белгород» стали более разнообразными по тематике и приблизились к ожиданиям телевизионной аудитории. Анализ тематики информационных программ ГТРК «Белгород» в течение трёх месяцев (за период с 9 января по 6 апреля 2007 г.) показал, что больше всего сюжетов отводилось спортивной жизни. На втором месте оказались информации и репортажи на темы культуры. На третье место по количеству сюжетов вышли социальные темы: трудоустройство, борьба с бедностью, социальная защита населения, пенсионное обеспечение, социальные льготы, субсидии. Затем – следуют материалы о работе местных властей, деятельности силовых структур, общественно-политических организаций (см. табл. 1).

Табл.1 Содержание программы «Вести. Белгород» (с 9.01. по 6.04. 2007 г.)

РЕГИОНАЛЬНАЯ	количество	%
ТЕМАТИКА	СЮЖЕТОВ	
Деятельность местных властей	82	10,4
Работа предприятий	43	5,5
Агропромышленный комплекс	25	3,2
Реформа ЖКХ	5	0,6
Статистика	2	0,2
Общественно политическая	34	4,3
Силовые структуры	62	7,9
Таможня	16	2,0
Реформирование Армии	5	0,6
Социальная	100	12,7
Здравоохранение	29	3,7
Экология	9	1,2
Образование	26	3,3
Наука	7	0,9
Право	7	0,9
Культура	112	14,3
Молодёжная	24	3,1
Православная церковь	23	3,0
Происшествия	36	4,6
Спорт	138	17,6
ВСЕГО	785	100

Таким образом, с 2000 г. была произведена решительная трансформация телевещательной политики ГТРК «Белгород». Главным информационным продуктом регионального государственного канала стала информационная программа «Вести. Белгород». Новая концепция вещания, ориентированная на рядового телезрителя, его интересы и запросы, отодвинула на второй план освещение деятельности местной политической элиты. Из эфира ушла значительная часть новостей о совещаниях, презентациях, юбилеях, исчезли помпезность и комплименты в адрес региональной и местной власти. Акцент сделан на широкое освещение жизни региона. Для смены концепции телевизионного вещания были использованы такие инструменты, как программирование, структурирование и современная вёрстка информационных выпусков телепрограмм, а также возможности прямого эфира. Тематический анализ новостных выпусков свидетельствует, что телевизионный канал ГТРК «Белгород» достаточно полно отражает жизнь региона и ориентирован на освещение тем, которые близки и интересны большинству населения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Цвик В.Л. Телевизионная журналистика: История, теория, практика. Учебное пособие / В.Л. Цвик. — М., «Аспект — Пресс», 2004.

- 2. Зверева Н.В. Школа регионального журналиста. Учебное пособие / Н.В. Зверева. М.: Аспект-Пресс, 2004.
- 3. Агапова Л. Телевизионные выпуски новостей. Региональная специфика (на примере телеканалов Оренбургской области) / Л. Агапова. М.: ИПК работников телевидения и радиовещания, 2004.
- 4. Семенов В.Г. Региональная тележурналистика / В.Г. Семенов. М.: ИПК работников телевидения и радиовещания, 2004.
- 5. Дворецкая Н.И. Телевидение. Время местное / Н.И. Дворецкая. Белгород, 2003.
- 6. Трещалин А.С. ГТРК «Белгород» движение по нарастающей / А.С. Трещалин // Вестник ГТРК. 2001. № 2.
- 7. Золотарёва А. БТВ: шоколадно-карамельный эфир. Газета «Вечер» (Белгород). 1999 № 3 (67). 26 января.
- 8. Указ президента РФ № 1671 от 19 сентября 2000 г. «О внесении изменения в Указ Президента Российской Федерации от 8 мая 1998 г. № 511 «О совершенствовании работы государственных электронных средств массовой информации».
- 9. Вопросы регионального информационного вещания. М.: ВГТРК, 2002. Выпуск VI. Ч. I. С. 26-28.
- 10. Отчёт по исследовательскому проекту «Изучение медиа-предпочтений белгородцев и их отношение к рекламе в СМИ»; РR студия «Рекламист». Белгород, 2005. С.10.
- 11. Рейтинг белгородских СМИ. Консалтинговое агентство «Рекламист». (www.reklamist.su).

БИЗНЕС-РЕГИОН КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ИМИДЖА КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ

© 2008 Г.Д. Золина

Кубанский государственный университет

Имидж региона создаётся в значительной мере усилиями СМИ: правительственными, оппозиционными, независимыми, местными, федеральными, зарубежными. Главная роль в этом процессе принадлежит региональной прессе. Близость к жизни региона, его проблемам, аудитории позволяет местным СМИ быть более доходчивыми в донесении информации. Благодаря этому факту СМИ как одни из творцов сознательного конструирования облика региона становятся средством организации постоянного социального и политического диалога между властью и населением.

Главный инструментарий, используемый региональными СМИ по формированию имиджа Кубани, - позиционирование. Позиционирование – это выгодное представление об объекте, с указанием на те характеристики, в которых заинтересован потенциальный потребитель информации (Г.Г. Почепцов). Например, «Мостовской район находится в юго-восточной зоне Краснодарского края... Здесь разведаны обширные запасы нефти и газа, стекольных песков, соли, гипса, песчано-гравийной смеси, мрамора, марганца. Валовой районный продукт в 2006 году составил свыше 6 миллиардов 200 миллионов рублей» [1]. Мостовской район позиционируется как богатый полезными ископаемыми район края, приносящий в казну немалую прибыль.

Или: «Шестнадцать молодых семей Ейского района в соответствии с краевой и муниципальной программой "Молодой семье —доступное жилье" в 2006 году получили субсидии и обрели собственную жилую площадь» [2]. Власть позиционируются как заботящаяся о достойной жизни молодых семей, следовательно, о новом поколении.

Другой пример: «В период гражданской войны в Армавире проживала семья художника Нестерова. Кто помнит картину "Девушка у пруда", так это дочку Наташу изобразил художник. И сына Алешу увековечил на полотне "Душа мира", и это тоже добрый след—в местном музее хранятся три этюда

великого мастера» [3]. Город Армавир позиционируется как место, вдохновившее художника на создание знаменитых произведений искусства.

Имидж региона в СМИ выстраивается на нескольких уровнях:

- 1. Позиционирование имиджа политического лидера.
  - 2. Позиционирование региона как товар.
  - 3. Позиционирование образов-символов.

Рассмотрим данные уровни формирования имиджа на примере Краснодарского края.

ПОЗИЦИОНИРОВАНИЕ ИМИДЖА ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРА

Имидж региона, как правило, воспринимается через призму личностных характеристик лидера края. Наличие сильного политического лидера привлекает внимание ко всему региону, гарантирует успех у потенциальных инвесторов и обеспечивает поддержку представителей центральной власти. Именно личность руководителя, имидж первого лица края является тем брендом, эмоциональным образом, который цементирует идеологию, определяет направления развития края. Имидж первого лица является основой доверия, гарантом стабильности, защищенности и уверенности в успешном будущем региона. Таким образом, имидж лидера — это нечто большее, чем просто образ руководителя, это положительный, эмоционально окрашенный устойчивый образ личности, сложившийся в сознании людей и формируемый для достижения определенных целей.

В Краснодарском крае роль сильного лидера принадлежит губернатору края Александру Николаевичу Ткачеву, несущему образ человека, благодаря которому край превратился в динамично развивающийся регион России.

Газеты пишут о том, что Александр Ткачев имеет уникальный опыт руководителя. Он из бизнеса ушел в политику, прошел серьезную школу парламентаризма: был избран депутатом

Законодательного Собрания, Государственной Думы. Он пользуется авторитетом и поддержкой кубанцев. Благодаря проводимой им социально направленной политике растут жизненный уровень и благосостояние жителей края.

Журналисты дают губернатору такие определения: «прогрессивный политик», «талантливый руководитель», «компетентный, целеустремленный, приверженный основополагающим принципам демократии и справедливости», «сильный лидер», «патриот Краснодарского края», «один из выдающихся общественных и политических деятелей Российской Федерации». Вот, например, как позиционирует губернатора газета «Кубанские новости»: «Сегодня губернатор Кубани — известный политик, ставший заметной фигурой на российском политическом Олимпе. С его мнением считаются в федеральном центре... Александр Ткачев был и остается патриотом Краснодарского края, много сил и энергии он отдает тому, чтобы курорты Кубани стали популярным местом отдыха россиян и иностранных туристов... Благодаря его качествам сильного лидера и безусловной поддержке кубанцев наш край превратился в самый динамично развивающийся регион России...» [4]

В том же номере газеты отмечены такие качества губернатора Кубани, как организаторский талант, требовательность к себе и к другим, высокий профессионализм и неравнодушие к проблемам земляков, которые стали «основными принципами работы Ткачева»: «Сегодня благодаря стараниям губернатора общественно-политическая жизнь Кубани объединяет людей с разными убеждениями и жизненным опытом вокруг основной задачи — работать на благо кубанцев. А. Ткачев активно проводит курс на укрепление экономического потенциала Краснодарского края, создает необходимые условия для обеспечения достойной жизни граждан, упрочения стабильности и порядка в общественной жизни. Многое сделано для укрепления агропромышленного потенциала Кубани, для создания нормальных условий жизни ветеранов и пенсионеров. А. Ткачева хорошо знают и в России, и далеко за ее пределами как яркого и перспективного регионального руководителя».

Существуют различные способы формирования имиджа политического лидера, укрепляющего его позиции в массовом сознании. Наиболее распространенные из них — это:

- 1. Позиционирование лидера как активной личности, как человека, который принимает серьезные решения и которого следует оценивать по его действиям, а не словам.
- 2. Позиционирование лидера как человека с перспективным видением. Все его достижения должны позиционироваться как часть плана, который лидер осуществляет для общественного блага.

- 3. Позиционирование лидера как человека, который получил в управление беспорядок.
- 4. Позиционирование лидера смелым, решительным и самоотверженным. Личные качества должны подчеркиваться через его дела.

В сущности, все эти черты имиджа руководителя можно сочетать в одном имидже. Выбор того, как лучше представить лидера, зависит от социально-экономической и политической ситуации в регионе, от общего настроя аудитории и от ее ожиданий.

На уровне Краснодарского края создается образ лидера, который отвечает представлениям различный частей населения:

- выходец из народа;
- уроженец Кубани;
- хранитель казачьих традиций;
- хозяйственник, чья деятельность направлена на улучшение благосостояния народа и процветание края;
- грамотный руководитель, знающий современные формы хозяйствования;
- не чиновник, доступный всем, так как часто бывает в народе;
- обычный человек, переживающий за социально и физически обездоленных людей;
  - современный политик;
  - православный христианин;
  - патриот.

ПОЗИЦИОНИРОВАНИЕ ТЕРРИТОРИИ (РЕГИОНА) КАК ТОВАРА

Краснодарский край — это прежде всего земли, предприятия, курорты. К ним можно привлечь инвесторов для дальнейшего развития края. При этом учитываются ценности, запросы целевой аудитории, чтобы можно было откорректировать отдельные стороны имиджа. Краснодарский край позиционирует себя как динамично развивающийся регион России; как край, занимающий ведущее место в рациональном использовании собственных капиталовложений, в привлечении к сотрудничеству зарубежных партнеров в инвестиционных программах; край, который достиг успехов в наращивании мощностей в аграрном, промышленном, транспортном секторах, в строительстве.

Рассмотрим, как позиционируется с этих позиций Краснодарский край в прессе.

Образ 1. «Край привлекательный для инвесторов»

Это наиболее актуальный и продуктивный образ Кубани на современном этапе. В связи с изменением экономических отношений в стране Краснодарский край активно позиционируется как территория, выгодная для вложения инвес-

тиций и новых проектов. С целью получения инвестиций в СМИ широко освещается информация о крае, его специфике, промышленном, курортном, аграрном потенциале. Помимо статей ознакомительного характера публикуются материалы, в которых потенциальные инвесторы, размышляющие о целесообразности вложений в развитие края, могут найти компетентные ответы на такие вопросы, как:

- лидируют ли компании края в своей отрасли?
- сохранится ли спрос на товары и услуги, предоставляемые краем в течение следующих нескольких лет?
- кто главные конкуренты края и насколько он способен соперничать с ними?
- каковы сильные и слабые стороны руководителей края? Каковы их реальные достижения? Какие долгосрочные и краткосрочные задачи они преследуют? Осознают ли свою ответственность перед инвесторами?

Акцент в публикациях делается на аргументы в пользу безопасности ведения бизнеса на кубанской земле. «Инвесторам не грозит опасность», «Власть обслуживает бизнес» и др. — звучат заголовки публикаций в местных газетах. Кубань представлена как край, где присутствует понимание, что власть не должна довлеть над бизнесом и ее обязанностью является создание равных условий для добросовестной конкуренции в экономике. В качестве примеров приводятся очерки об успешном развертывании на кубанской земле предприятий крупнейших международных компаний, таких как «КЛААС», «Кнауф», «Бондюэль», «Нестле»).

Имидж края рассчитан и на иностранных инвесторов, и на российских. Например, в газете «Кубань сегодня» (3.06.06) в материале о форуме «Кубань-2006» «Опыт региональных администраций в привлечении инвестиций» сказано: «Краснодарский край стал одним из первых российских регионов, который решился так громко заявить о себе российским и иностранным инвесторам... Опыт Краснодарского края говорит о том, что ключ к решению социальных и экономических проблем один - *привлечение инвестиций*». В этом же номере в материале «Успех форума – успех Кубани» сообщается о высоком экономическом потенциале Юга России и о том, что бизнес выбрал Кубань как регион со стабильной политической ситуацией, гарантиями безопасности и неприкосновенностью собственности.

«Кубанские новости» (27.12.06) опубликовали материал пресс-службы администрации Краснодарского края «Турецкий караван инвестиций идет в край»: «... Турецкие бизнесмены проявили огромный интерес к экономическому потенциалу

Кубани. Об этом свидетельствуют количество подписанных соглашений и данные опроса: 83% иностранных участников заинтересовали инвестиционные проекты, предоставленные на презентации в Стамбуле».

Еще одним примером привлекательности Кубани для инвесторов служит публикация «Уверенные шаги в завтрашний день» в газете «Кубань сегодня». Газета считает, что «Кубань в деловом мире имеет репутацию динамично развивающегося региона с большими перспективами». Такого же мнения придерживаются газеты «Краснодарские известия» (н-р, «Инвесторы приняли низкий старт), «Вольная Кубань» (н-р, «Расширяется география сотрудничества с немецким бинесом»), «АиФ-Юг» (н-р, «Инвестиции из Поднебесной. Кубань — Китай».

Часто журналистами используется сравнение Краснодарского края с другими регионами России, естественно, в пользу Кубани: «В этом году по всем федеральным целевым программам в край поступило 10,8 млрд. рублей — 99 процентов от запланированного. Это своего рода рекорд, поскольку в большинстве российских регионов госинвестиции используются на 20-30 процентов...»

Там же — «Экономика Кубани — на подъеме»: «2006 год ознаменовался подъемом экономики Краснодарского края. Он стал, по сути, первым полномасштабным годом реализации приоритетных национальных проектов в сфере образования, здравоохранения, жилищного строительства, в агропромышленном комплексе».

Образ 2. «Кубань — кормилица».

Образ создан на основе стереотипа «Кубань - житница России». Образ поддерживается другими имиджевыми характеристиками: «Кубань — территория качества», «Кубань — главная усадьба России». Таким образом, Краснодарский край позиционирует себя как один из важнейших сельскохозяйственных регионов страны, плодотворные почвы и благоприятные климатические условия которого создают возможности для развития всех отраслей сельскохозяйственного производства. В журналистских материалах подчеркивается, что Кубань – исторически аграрный край; крупнейший регион России по производству зерна, сахарной свеклы, маслосемян подсолнечника, картофеля и овощей, край, где развито виноградарство, рисосеяние и животноводство, где выращивают хлеб. Так вырисовывается облик территории стабильного производства и высокого качества.

Традиционно в публикациях Кубань также именуется «житницей России». Широко освещается в прессе краевая программа «Качество», под лозунгом «Кубань — территория качества» проходят выставки вина, молочной, мясной продукции и других сельскохозяйственных продуктов края.

Утверждающе звучит рекламный дискурс краевой целевой программы «Качество»: «С каждым годом растет популярность кубанской продукции. Наша марка уже стала маяком для потребителей при выборе товара. «Качество» — лучшая реклама! Выбирай товары со знаком «Качество Кубань». К тому же такой дискурс — хороший РR-прием популяризации продукции кубанских производителей.

Часто в газетах появляются сводки достижений края, в которых сообщается о рекордных сборах урожая. При этом цифры наполняются экспрессией за счет оценочности используемых лексем. Например, сельскохозяйственный обзор в газете «Кубань сегодня» (3. 10. 06) под заголовком «Подарки золотой осени» повествует: «Кубанцы собрали хороший урожай качественного зерна (а во многих регионах HOO урожай сгубила засуха). Краснодарский край вот уже несколько лет получает устойчивый урожай хлеба, выше прошлогоднего ожидается урожай сахарной свеклы и подсолнечника. Добавит веса нашему караваю рис: его валовый сбор уже превысил 300 тысяч тонн, так что «белого золота» будет в достатке. Хороший урожай убирают наши виноградари. Вино этого года обещает быть отменного качества...». Дополняют образ детали-символы: зерно, хлеб, сахарная свекла, подсолнечник, белое золото, виноград, вино.

Другой пример из этой же газеты (26.12.06): «В нынешнем году Краснодарский край произвел около 650 миллионов тонн риса и более 11 миллионов декалитров виноградного вина».

«АиФ-Юг» в заметке «Год рекордов» (ноябрь 2006) пишет: «Кубань подтвердила в этом году звание житницы России. Собрано 8,4 миллиона тонн зерновых и зернобобовых культур. Это на 102 тысячи больше, чем в прошлом году! Нынешний год стал рекордным для хлеборобов. Успехов добились и другие отрасли сельского хозяйства: на 200 тысяч увеличилось в крае свинопоголовье, урожай сахарной свеклы составил 5,3 миллиона тонн, кукурузы — полтора миллиона тонн, риса — 635 тысяч тонн».

Образ 3. «Если есть на земле рай, то это Краснодарский край».

Этот образ создан на основе стереотипа «Кубань — жемчужина России». В отличие от своего предшественника, делавшего ставку на аграрно-промышленный комплекс региона, новый глава зоной особых интересов объявил порты, нефтегазовый комплекс, лесное хозяйство, виноградарство. Но прежде всего — курорты. Сегодня курорты в плане имиджевой политики многими воспринимаются как традиционный конек Кубани. На самом деле в позиционировании курортов появилась новая черта, обусловленная инвестиционной политикой развития края. Курорты позиционируются

не только как благодатные территории и здравницы, а прежде всего как бизнес, приносящий большие доходы. Например, в статье «В Кубань «вольются» 26 миллиардов рублей?» («Комсомольская правда») речь идет в первую очередь о немалых инвестициях в развитие курортной инфраструктуры края благодаря созданию на Кубани особой экономической зоны. Журналист прогнозирует: «Особые экономические условия позволили бы построить достаточное количество здравниц, гостиниц, туристических комплексов. Это создаст условия для конкуренции, которая, будем надеяться, сдержит рост цен». Таким образом, помимо курортного региона, Кубань позиционируется как благодатная зона для рентабельных вложений.

ПОЗИЦИОНИРОВАНИЕ КРАЯ КАК СОВОКУПНОСТИ СИМВОЛОВ

Позиционирование края как определенного символа основывается на «узнаваемости», стереотипности, эмоциональном и психологическом восприятии образа.

Позиционирование края на данном уровне, т. е. его символьная ценность, в значительной мере формируется за счет атрибутики региона или атрибутивных знаков, к которым относятся на-именование региона, карта края, флаг, герб, девиз, гимн. Но наиболее функционально значимы в управлении имиджем стереотипы и ассоциации.

Информационный портал «ЮГА.ру» провел в рамках программы «Гордость Кубани» онлайнголосование, призванное определить настоящие символы Краснодарского края. Из предлагаемых вариантов ответов журналистами были исключены политические лидеры и представители бизнеса. Мнения пользователей сайта распределились следующим образом.

В категории «Житница России»: поля (86% ответов), хлеб (46% ответов), виноградники (43% ответов), подсолнухи (32% ответов);

«Природа Кубани»: Черное море (74% ответов), горы (50% ответов); река Кубань, источники минеральных вод (по 31% ответов в каждом случае);

«Курорты»: Сочи (80% ответов), поселок Красная Поляна (47% ответов), Анапа, Геленджик (по 45% ответов), Горячий Ключ (27% ответов);

«События»: ежегодный экономический форум в Сочи (48% ответов); фестиваль Кинотавр в г. Сочи и фестиваль КВН в Сочи (по 32% ответов в обоих случаях);

«Искусство»: Кубанский казачий хор (65% ответов), Юрий Григорович (32% ответов), Григорий Пономаренко (30% ответов), Виктор Захарченко (29% ответов);

«Историческое наследие»: Екатерина Вторая (48% ответов), дольмены (47% ответов), казачьи традиции (35% ответов), Екатерининский собор (33% ответов).

Некоторые посетители сайта также предложили свои варианты ответов:

В категории «Житница России» — овощи и фрукты, кукуруза, раки, сельское хозяйство в целом, кукуруза, яблоки; «Природа Кубани» — Черноморское побережье, Утриш, Лагонаки, Гуамское ущелье, Азишская пещера, Кизилташский лиман, Должанская коса; «Курорты» — Голубицкая; «События» — ежегодный байк-фестиваль в Тамани, фестиваль вина, праздник труда; «Искусство» — Анна Нетребко, Миша Галустьян, художники Паршков, Блохины, Воржев и др.; «Историческое наследие» — Свято-Троицкий храм, летчик Вячеслав Ткачев, супруги Кирлиан, братья Аведовы, Ф.А. Коваленко, М.Ю. Лермонтов.

Анализ ответов позволяет сделать вывод, что Кубань в представлении населения — это образ края двух морей, удивительных по красоте гор, бескрайних хлебных полей, строптивых горных рек, уникальных археологических и природных памятников; края лучших российских курортов; казачьей земли-кормилицы.

Средства массовой информации данные символы используют, чтобы подчеркнуть превосходство Краснодарского края перед другими реги-

онами: Кубань производит лучшие продукты, выращивает лучшие овощи и фрукты, имеет лучшие курорты, места отдыха, проводит лучшие форумы, готовит лучшие кадры и т. д. Причем такая оценка звучит из уст первых руководителей страны и края: «Рад приветствовать вас на лучшем туристическом форуме» (Александр Починок) [6], «Вы — лучшие» (Александр Ткачев о журналистах).

Надо отметить, что имиджевая политика создателей облика края нацелена и на жителей края, и на федеральную власть, и на инвесторов (отечественных и иностранных). Имидж края постоянно дополняется и широко тиражируется как местными, так и федеральными СМИ.

ЛИТЕРАТУРА

- 1. Власть обязана заботиться о людях // Вольная Кубань. 2007. № 4.
- Субсидии на жилье // Вольная Кубань.
   2007. № 4.
- 3. Город юный, город вечный // Кубань сегодня. 2006. № 187.
- 4. Кубанский лидер российского масштаба // Кубанские новости. -2006.-23 дек.
- 5. Федеральные средства дошли до адресатов // Кубанские новости. 2006. 27 дек.
- 6. Качество отдыха выходит на первый план // Кубанские новости. -2006. -№ 188.

МОНИТОРИНГ СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПРЕССЫ БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ

© 2008 М.Ю. Казак

Белгородский государственный университет

Региональная пресса успешно развивается в настоящее время как в типологическом отношении, так и в плане все усиливающегося влияния на своей территории. В небольших городах и селах местная газета — по разным причинам — потеснила общероссийские издания. Согласно результатам независимых исследований, «точки роста» на современном информационном пространстве находятся именно в провинции (А.Н. Алексеев, О.А. Воронова, Л.Л. Реснянская, И.Д. Фомичева, М.В. Шкондин и др.).

Целью нашего проекта является мониторинг районных газет, занимающих прочные позиции на медийном рынке Белгородской области. Районные газеты Белгородской области – общественнополитические издания широкого тематического содержания, как правило, единственные в рамках своего территориального образования. Можно сказать, что локальная печатная пресса области однотипна по многим параметрам. Это издания родом из советского прошлого (многие начинают свой отсчет с 30-х гг. ХХ столетия), с совпадающими формальными признаками: периодичность (2-3 выпуска в неделю), формат (А3), объем номера (обычно 1 п. л.), количество полос, тираж (средний 5 тыс.), ареал распространения (в рамках конкретного района), учредитель (Управление печати и информации Белгородской области, местные власти, редакция газеты). Информационные потоки в изданиях в значительной степени курируются властными структурами. Тот факт, что районные издания хорошо знает не одно поколение местных жителей, безусловно, способствует стабильному существованию локальных СМИ: к ним привыкли как к своеобразному символу своего района. По-видимому, поэтому традиционные издания дорожат своим названием («брендом»), что, впрочем, характерно для российского медийного пространства в целом.

Наше исследование носит *двувекторный* характер: с одной стороны, изучается аудитория конкретного издания, с другой стороны, ана-

лизируются жанрово-тематический репертуар и стилистические особенности газеты. Исследователи средств массовой коммуникации отмечают, что еще 50 лет назад понятие целевой аудитории у нас даже не обсуждалось, хотя оно всегда было важным "как вектор деятельности" [8, 83]. Вместе с тем «целевая аудитория» как усредненный образ адресата является исключительно важным понятием в деятельности как вновь создаваемых изданий, так и давно функционирующих на медиарынке газет и журналов, позволяя последним уточнить и скорректировать редакционную политику и модель издания и в конечном счете увеличить объем и тираж издания.

В настоящей публикации мы предлагаем результаты социологического опроса жителей пяти районов - Ивнянского, Алексеевского, Борисовского, Грайворонского, Валуйского. Цель исследования: выявить информационные потребности и ожидания аудитории, их соответствие деятельности издания; определить, как настроены читатели по отношению к своей газете. Анкета включала следующие вопросы: Насколько регулярно Вы читаете районную газету? Каким образом Вы приобретаете районную газету? Какие темы в газете привлекают Ваше внимание? В какой информации Вы испытываете потребность? Оцените по пятибалльной шкале содержание и формы подачи материалов; Какой информации, по Вашему мнению, недостаточно в газете? Что бы Вы пожелали редакции? Репрезентативное число реципиентов - около 4700 (приблизительно поровну в каждом из районов) — позволяет делать достаточно обоснованные выводы в отношении информационных запросов среднего читателя.

Весомым фактором в оценках и пристрастиях читательской аудитории выступают социальнодемографические характеристики респондентов (пол, образование, шесть возрастных групп: моложе 20 лет, от 20 до 29 лет, от 30 до 39 лет, от 40 до 49 лет, от 50 до 59 лет, старше 60 лет). По результатам опроса представим портрет

среднего читателя районной газеты. Это мужчина или женщина в возрасте от 20 до 60 лет и старше (что, однако, не исключает читателя моложе указанных возрастных категорий), чаще с высшим и средним профессиональным (¾ читателей) или средним образованием.

Ответы на два первых вопроса: *Насколько регулярно Вы читаете районную газету? Каким образом Вы приобретаете районную газету?* — позволили установить, что ядро читательской аудитории образует *регулярный читатель*, предпочитающий традиционные формы общения со своим изданием — *по подписке* (см. таблицу 1).

табл. 1

	Аудитория		
Газета	регулярный читатель	приобретает газету по подписке	
«Заря»	62,8%	44,5%	
«Родина»	81,1%	78,8%	
«Родной край»	66,6%	70,3%	
«Валуйская звезда»	65,5%	54,0%	
«Призыв»	63,7%	64,8%	

демонстрирует значительно меньший интерес к своему изданию (лишь каждый третий входит в группу регулярных потребителей), в то время как в возрастной группе старше 60 лет регулярные читатели составляют более 80% и даже 90% («Родной край»). В кругу наиболее активных потребителей информации оказываются также женщины и лица с высшим образованием.

Отвечая на третий вопрос, какие темы в газете привлекают внимание читателей, — респонденты могли выбрать несколько вариантов ответов из предложенных 10 тем (политика и экономика; сельское хозяйство; строительство; история; культура и искусство; криминальная информация; образование; спорт; развлекательная информация; реклама). Ответы дали следующее ранжирование ведущих тем, вызывающих интерес у аудитории (см. таблицу 2).

Белгородская аудитория, обозначившая в числе лидирующих интересов развлекательную и криминальную тематику, нисколько не выпадает из общей тенденции в российском обществе, отражающей резкое охлаждение в отношениях читателей и традиционной журналистики. В условиях политизированности газет и журналов

табл. 2

«Заря»	«Родина»	«Родной край»	«Валуйская звезда»	«Призыв»	
	Суммарные ответы аудитории (в %)				
Сельское хозяйство — 32,7	Криминальная информация — 40,7	Криминальная информация — 32,5	Развлекательная информация — 44,9	Развлекательная информация — 41,2	
Политика и экономика — 31,0	Сельское хозяйство — 39,5	Реклама — 30,5	Культура и искусство — 36,1	Криминальная информация — 35,8	
Культура и искусство — 24,9	Реклама — 34,9	Политика и экономика — 30,2	Политика и экономика — 35,7	Образование — 34,6	
Криминальная информация— 24,8	Развлекательная информация — 33,2	Развлекательная информация — 30,1	Криминальная информация — 35,6	Культура и искусство — 32,9	

Эти результаты в некоторой степени были предсказуемы. Газета поступает в розничную продажу ограниченно. Но это не главное. По данным различных опросов, наш современник, особенно молодой или из категории максимально обеспеченных граждан, скорее покупает газеты, чем выписывает. В больших городах уже сформировался новый тип читателя — непостоянного, случайного и даже разового [7, 36]. В отличие от мегаполисов, в небольших городах и районах читатели сохраняют традиционные формы общения с газетой, отдавая преимущество своим местным изданиям. Именно эту общую тенденцию отражают результаты нашего опроса.

Отмечаются некоторые различия в ответах тех или иных социально-демографических групп. На фоне общих показателей группа моложе 20 лет

наблюдается отток интересов аудитории "от солидной прессы в сторону развлекательной, если не «желтой» журналистики" [5, 150]. По данным петербургских ученых, в центре информационных предпочтений массовой аудитории оказываются необычные события, выходящие за пределы обыденных представлений, полезная информация бытового характера, проблемы частной жизни. Эти человеческие пристрастия сами по себе не нарушают цивилизованной информационной нормы, и современные СМИ вынуждены их учитывать. Существующая в настоящее время «информационная специализация» изданий (качественные / массовые / бульварные) — положительное явление, поскольку "позволяет разным группам читателей выбрать то издание, которое в наибольшей степени отвечает их информационным потребностям и уровню культуры" [2, 296]. Другие востребованные темы белгородской аудитории — политика и экономика («Заря», «Родной край», «Валуйская звезда»), культура и искусство («Заря», «Призыв», «Валуйская звезда»), сельское хозяйство («Заря», «Родина»), реклама («Родина», «Родной край»).

Для сопоставления можно привести, как наиболее показательные, ответы шести социально-демографических групп (мужчины, женщины; возрастные группы до 20 лет, от 30 до 39 лет, старше 60 лет; лица с высшим образованием). Так, мужчины предпочитают политику и экономику, спорт; женщины — культуру и искусство, развлекательную информацию. В аудитории моложе 20 лет на первом месте находятся развлекательная, криминальная тематика и спорт. В сфере интересов возрастной группы от 30 до 39 лет: политика и экономика, образование, в группе старше 60 лет — политика и экономика, сельское хозяйство. У лиц с высшим образованием лидируют политика и экономика, образование, культура и искусство, история.

Четвертый вопрос: *В какой информации Вы испытываете потребность?* — характеризует информационную избирательность именно читателей, сферу их интересов (таблица 3).

В следующем задании респондентам предлагалось по пятибалльной шкале оценить содержание и форму подачи материалов по семи параметрам: своевременность, объективность, полезность, эффективность, оригинальность, сенсационность, дизайн. Чтобы результаты опроса сделать сопоставимыми, мы пользуемся интегральной величиной, полученной на основе так называемой формулы «свертки»:

$$K_{unm} = 1 \cdot K_{omn} + 0.75 \cdot K_{xop} + 0.5 \cdot K_{ydoen} + 0 \cdot K_{nnoxo}$$

В графике, приведенном на следующей странице, фиксируются оценки читателей пяти газет с опорой на интегральные показатели.

Прокомментируем график. В сравнении с другими изданиями более высокие показатели — у газет «Заря» и «Призыв», более низкие — у газеты «Родной край».

Два критерия — своевременность и полезность — оцениваются читателями всех изданий высоко. Первый из них, являясь общепризнанным досто-инством новостей, отражает оперативную работу журналистов. Полезность материалов зависит от того, насколько качественно журналистика выполняет свои социальные обязательства перед обществом. Быть полезным читателю — это и

табл. 3

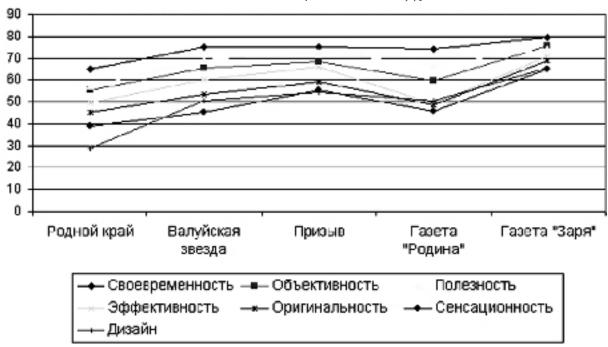
«Заря»	«Родина»	«Родной край»	«Валуйская звезда»	«Призыв»	
	Суммарные ответы аудитории (в %)				
Развлекательная информация — 25,4	Сельское хозяйство — 28,3	Развлекательная информация — 27,8	Развлекательная информация — 40,9	Развлекательная информация — 35,9	
Политика и экономика — 23,1	Образование — 27,7	Образование — 26,4	Политика и экономика — 28,7	Образование — 30,4	
Сельское хозяйство — 21,5	Развлекательная информация — 27,7	Криминальная информация — 25,5	Культура и искусство — 28,6	Культура и искусство — 27,4	
Спорт — 19,0	История — 25,9	История — 23,8	История - 25,9	Криминальная информация — 24,7	

Приведенные данные демонстрируют совпадающие по многим позициям ответы на третий и четвертый вопросы, характеризующие информационные приоритеты читателей того или иного конкретного издания. Ср.: политика и экономика («Заря», «Валуйская звезда»), культура и искусство («Валуйская звезда», «Призыв»), сельское хозяйство («Заря», «Родина»). Подобное наложение ответов отражает, по-видимому, содержательные константы читателей, на которые вполне может ориентироваться газета в своей редакционной политике. Это предположение подтверждает полное или частичное наложение ответов на последние два вопроса представителей одних и тех же социально-демографических групп.

умение предложить ему добрый совет, справочную и рекламную информацию, организовать консультацию специалистов. По этому показателю ³/₄ читателей «Зари» и «Призыва», приблизительно такая же часть аудитории «Валуйской звезды» и «Родины» и половина читателей газеты «Родной край» оценивают свои газеты на «5» и «4».

Объективность как чрезвычайно важная оценка деятельности журналистов включает в себя достоверность и полноту представленных фактов и мнений, позволяющих аудитории самой делать выводы [Муратов 2003: 160-169]. Высоко оценивают данный параметр ¾ читателей «Зари», ⅔ читателей «Призыва» и «Валуйской звезды», около 60% аудитории «Родина» и половина аудитории «Родной край».

Районные издания в оценках читателей, %

Эффективность журналистики в самом общем виде отражает положительные практические сдвиги, конкретный резонанс человека или социальной группы по материалам выступлений прессы [Корконосенко 2004: 197]. Приблизительно ¾ читателей «Зари» и «Призыва», чуть более половины аудитории «Валуйской звезды» и менее половины аудитории «Родины» и «Родного края» считают деятельность своих изданий эффективной.

тивную коннотацию (не фиксируемую словарями), поскольку оно активно эксплуатируется бульварной прессой. Вместе с тем анализ отраженных событий, имеющих сенсационное значение, выявляет ключевые объекты внимания того или иного издания. Дизайн как визуальная коммуникация газеты оказывается весьма востребованным современной аудиторией. Положительное отношение к названному аспекту формулируют 65% респондентов «Зари», половина аудитории «Родины», «Призыва»,

табл. 4

«Заря»	«Родина»	«Родной край»	«Валуйская звезда»	«Призыв»	
	Суммарные ответы аудитории (в %)				
Местные произво- дители 28,5	Проблемы района – 43,1	Проблемы района — 45,5	Проблемы района — 53,2	Проблемы района — 50,3	
Проблемы района — 27,6	Личная жизнь чи- новников — 36,5	Бытовая тема — 27,9	Бытовая тема — 34,0	Бытовая тема — 27,9	
Личная жизнь чи- новников — 27,0	Местные произво- дители — 29,7	Личная жизнь чи- новников — 27,8	Культура и искусство — 28,6	Личная жизнь чинов- ников — 27,8	

Оценка аудиторией других параметров — *ори- гинальность*, *сенсационность*, *дизайн* — значительно ниже предыдущих. *Оригинальность* — это способность журналистов предложить самобытный информационный продукт, найти нетривиальное решение в освещении темы. Понятие *сенсационности* связывают с неожиданностью, масштабом события (ср. *сенсация* — Событие, сообщение, производящее сильное, ошеломляющее впечатление,. MAC). В настоящее время слово «сенсация» приобрело пейора-

«Валуйской звезды» и ½ «Родного края», в то время как большая часть реципиентов оценивает эту сферу деятельности газет негативно. В открытых ответах участники опроса рекомендуют изданиям «помолодеть», улучшить качество снимков, сделать крупнее шрифт, увеличить объем, количество полос, регулярность и т. д.

При ответе на вопрос: *Какой информации*, *по Вашему мнению*, *недостаточно в газете?* — респонденты могли выбрать несколько вариантов

табл. 5

«Заря»	«Родина»	«Родной край»	«Валуйская звезда»	«Призыв»	
	Суммарные ответы аудитории (в %)				
давать критический материал о жизни района — 36,9	освещать в большем объеме информацию о событиях своего района — 35,4	предлагать в большем объеме практические советы — 34,0	давать критический материал о жизни района — 40,8	увеличить информацию развлекательного характера — 38,4	
увеличить информацию развлекательного характера — 28,3	улучшить дизайн газеты — 31,4	давать критический материал о жизни района — 33,1	освещать в большем объеме информацию о событиях своего района — 38,5	улучшить дизайн газеты — 37,6	
предлагать в большем объеме практические советы — 25,5	предлагать в большем объеме практические советы — 30,7	улучшить дизайн газеты — 32,5	увеличить информа- цию развлекательно- го характера — 36,4	давать критический материал о событиях своего района — 33,4	

из предложенного перечня (политическая жизнь района; проблемы района; местные производители; личная жизнь чиновников; бытовая тема) или предложить свой вариант. Примечательно, что полученные данные, характеризующие разные газеты, полностью или частично совпали (см. таблицу 4).

В общих показателях лидирует ответ, демонстрирующий недовольство аудитории качеством освещения местных проблем. Отвечая на вопрос анкеты, каждый третий респондент газеты «Заря» и каждый второй респондент остальных изданий выделил в качестве содержательной лакуны вариант – «в газете недостаточно информации о проблемах района». Каждый третий из опрашиваемых считает, что газета должна предлагать больше информации на бытовую тему и рассказывать о личной жизни чиновников. Выявленные информационные предпочтения отражают желание белгородской аудитории вписаться в цивилизованные информационные нормы, связанные с открытостью прессы, с возможностью не только критически освещать деятельность политического истеблишмента, но и с возможностью сообщать факты из частной жизни политических руководителей (привычки, семья, квартиры, дачи и др.). Политическая жизнь района (области) интересует аудиторию в меньшей степени, поскольку интерес современного читателя в сравнении с советским читателем сместился с политики на экономику. Вписаться в контекст новых общественно-экономических отношений наш современник может благодаря своей инициативности, предприимчивости. Поэтому кто-то ищет информацию об условиях займа или кредитования, об успешности среднего и малого бизнеса в своем районе или нуждается в советах специалистов по принятию правильных финансовых решений в быту (каждый третий респондент «Зари» и «Родины»).

Отвечая на заключительный вопрос: **Что бы Вы пожелали редакции?**— респонденты выбирали варианты из круга закрытых ответов и предлагали свои ответы (см. таблица 5).

Каждый третий из участников опроса хотел бы иметь возможность знакомиться с *критическими* материалами о событиях своего района; треть читателей предлагает улучшить дизайн газеты («Родной край», «Призыв», «Родина»), расширить развлекательную тематику («Валуйская звезда», «Призыв», «Заря»), в большем объеме предлагать практические советы («Заря», «Родина», «Родной край»).

К каким проблемным ситуациям обращаются журналисты газет? Приоритетными выступают проблемы выживания на селе в новых общественно-экономических условиях и проблемы в области социальной сферы. Что касается деятельности социальных институтов области и района, то она представлена, как правило, по материалам пресс-служб, официальных встреч и заседаний, источниками информации выступают должностные лица. Недостаточная осведомленность аудитории по таким актуальным для нее вопросам, как деятельность властных и коммерческих структур, свидетельствует о неудовлетворенности читателей в данной сфере, что отразилось в ранжировании ответов на последние два вопроса анкеты.

Другая тематическая лакуна, по мнению читателей, это проблемы района, его настоящее и прошлое. Действительно, материалы газет чаще освещают «парадные» события своего региона — различного уровня праздники, приезды делегаций, торжественные встречи и под. Редакционному коллективу стоит обратить внимание на имеющиеся возможности расширить содержание тех или иных тематических блоков, заполнить тематические пустоты.

Ценные данные дает анализ открытых ответов респондентов. Попытка обобщить многочисленные высказывания и предложения участников опроса позволила сгруппировать их в несколько блоков: «молодежная аудитория», «тематика издания», «конструктивные предложения», «негативный резонанс». Безусловно, подобная разбивка весьма условна и носит рабочий характер. Один из болевых, с нашей точки зрения, моментов в деятельности районных газет является взаимодействие с молодежной аудиторией. В ответах молодых (обычно до 20 лет) мы встретили реплики разного рода – резкие («никогда не читаю»), эмоциональные («ненавижу»), категоричные («там пишут неправду»), «прикольные» («читаю круглосуточно»), симптоматичные («если интересно — читаю»). Помимо пожеланий увеличить развлекательную тематику, молодежная аудитория вполне конструктивно предлагает писать интересно для молодых и о молодых. Что же интересно молодежной аудитории? Мода, дискотеки, музыкальные течения, панк-движение и под. Но не только эти темы привлекают молодых, они хотят знать oкультурной жизни подростков, о возможности досуга и отдыха, куда пойти учиться и где работать, о службе в армии; предлагают сделать «детскую страничку». «Мало освещается тема образования, почти не затронуты проблемы молодежи», — такую мысль в разных вариантах высказывают читатели всех пяти газет. Таким образом, в ответах молодых участников опроса намечаются реальные пути для установления контакта редакционного коллектива с потенциальной аудиторией.

Другие социально-демографические группы советуют журналистским коллективам расширять информационное пространство: объяснять принимаемые в области и районе законы и решения; писать о прошлом и настоящем района, о перспективах его развития, рассказывать о сельских поселениях, о простых людях, постоянно извещать о возможностях трудоустройства, обсуждать сексуальные проблемы, печатать проблемные письма читателей и мн. др. В читательских анкетах звучат вполне конкретные предложения: давать информацию «о работе магазинов», «о ценах на рынке», анонсы и мини-рецензии о фильмах в кинотеатрах, вводить новые рубрики, ввести службу знакомств (чтобы «помочь людям устроить личную жизнь») и др. Понятно, что районная газета не в состоянии (да и не должна) радикально менять свои целевые установки и, соответственно, модель. Однако в потоке предложений, порой наивных и немудреных, есть много существенного, полезного для реальной работы журналистов, для укрепления взаимосвязи газеты со своей аудиторией. Таким образом, исследование аудитории отразило далеко не полное соответствие запросов читателей и практической

деятельности газет, высветив болевые моменты в работе изданий (архаический графический образ, фокус на положительных событиях и, соответственно, ограничение информационного пространства газеты, взаимодействие редакционного коллектива с молодежной аудиторией и др.).

Общим в деятельности районных изданий выступает их сосредоточенность на событиях и проблемах своего ареала распространения. Содержательную основу рабочих будней анализируемых изданий составляет конкретно-фактологическая информация, в основе которой лежат локальные события. Главным героем публикаций является простой человек – труженик, селянин, работник с его каждодневными заботами и проблемами. И этот аспект деятельности делает газету «своей», узнаваемой и понятной массовой аудитории. Обязательный момент в работе локальной прессы – это пристальное внимание редакционных коллективов не только к настоящему своего края, но и к прошлому, к истории становления района, к именитым предшественникам. Например, успешно разрабатывает краеведческую тематику газета «Заря». В рубрике «По следам миновавших времен» читателям предлагаются документальные и портретные очерки, фрагменты из мемуаров и книг, воспоминания читателей, связанные с историей своего края. Начиная с июня 2006 г. редакционный коллектив ведет собственное исследование, результаты которого публикуются в субботних номерах в рубрике «Памятные имена. Алексеевский биографический словарь». Вдохновитель этой работы – главный редактор А.Н. Кряженков, публицист, писатель, краевед.

Различные формы общения со своим читателем, или обратная связь, от которой отказывались в 90-е годы весьма респектабельные общероссийские издания, составляют обязательную и в ряде наших изданий сильную сторону их деятельности. Так, «Валуйская звезда» использует в своей работе специальные рубрики для писем читателей, в том числе проблемных (Нам пишут; Прошу слова!; Теплым словом; Резонанс), публикует обзоры писем, организует блиц-опросы, горячую линию, розыгрыши призов среди читателей с последующей публикацией о результатах, практикует прямое обращение к читателям (Колонка редактора). Эти формы способствуют сближению участников коммуникации (журналисты – читатели). Редакционный коллектив проявляет особое внимание к своим внештатным корреспондентам, без которых районной газете просто не быть.

В районных изданиях прослеживается достаточно жесткая жанрово-тематическая детерминированность. Официальные заседания, встречи, мероприятия с участием первых лиц освещаются преимущественно в такой форме, как стандарт-

ный протокольный отчет о событии. Другие темы — социальная сфера, культура, жизнь простых людей, история края и др. — подобной жанровой привязки не имеют.

Культурная рамка общения, в пределах которой функционируют издания, отражает приверженность белгородской прессы ценностям и стереотипам национальной культуры, этическим нормам, принятым в русской культуре. Через ключевые слова (малая родина, гордость за свой край, высокое чувство патриотизма, национальная гордость, русские традиции, святыни православия) в центр общественного внимания выдвигаются опорные идеи традиционного национального мировоззрения, публикации приобретают патриотическое звучание. События белгородского региона подаются в позитивном ракурсе, что в целом соответствует положительной динамике развития нашей области.

Отметим общие признаки анализируемых изданий в использовании текстовых форм, отражающие жанровую динамику современной журналистики в целом: 1) исчезла передовая статья и вместе с ней директивность, дидактизм в отношении адресата; 2) преобладание информационной функции выдвинуло на первый план группу новостных жанров; 3) активизировались жанры, в основе которых лежит диалог (беседы, эксклюзивные интервью, блиц-опросы, прессконференции, брифинги); 4) используются новые жанры; 5) прослеживается эволюция жанров, связанная с комбинацией признаков разных жанров в одном произведении; 6) ушли на периферию «сильно действующие» формы сатирической журналистики; 7) в стилистике жанров лежит ориентация на письменную речь и официальное общение с читателем; 8) усиление личностной тенденции, ярко проявляющейся в общероссийской печати, для наших региональных изданий не столь характерно.

При совпадающих типологических признаках районных изданий и общей тенденции к превалированию информационной функции (и, соответственно, информационных жанров), при достаточно жесткой зависимости жанровых форм от тематики и предмета отображения и предпочтении традиционных форм и приемов в освещении новостного дискурса, каждая из газет имеет свою стратегию в использовании жанровых форм. Так, успешную текстовую деятельность демонстрирует «Заря», используя разноплановые репродуктивные формы: критические заметки, яркие репортажи, аналитические отчеты, корреспонденции, аналитические интервью, очерковые формы. Отметим журналистское расследование («Почему не выплачивают «чернобыльские». 23.03.06). Используются качественные первополосные фоторепортажи, фотозарисовки, фотопортреты. Продуктивно работает газета «Призыв», предлагая своим читателям широкий диапазон жанровых форм, в том числе сатирический комментарий и фельетон.

Оценивая жанровую деятельность изданий с позиции оптимального речевого взаимодействия участников коммуникации (адресант — адресат) на шкале коммуникативной удачи / неудачи, мы выделили те моменты в практике районных изданий, которые отнесены к неуспешным:

- 1) жанровая бедность: наиболее частотные жанры *заметка*, *отчет*, *зарисовка*;
- 2) обилие мелких материалов, не соотнесенных с общими проблемами района и области (от «мелкотемья» нужно переходить к созданию объемных проблемных публикаций);
- 3) некачественное выполнение жанра: содержательную часть некоторых заметок и отчетов составляет простое перечисление фамилий, должностей и вопросов, рассмотренных на заседаниях; заметки с упрятанным оперативным поводом; интервью, воспроизводящее язык документа;
- 4) материалы официальных лиц, специалистов или журналистов на официальную тему, не адаптированные к языку газеты;
- 5) материалы внештатных корреспондентов, не получившие полноценной редакторской правки;
- 6) более частные замечания касаются несоответствия рубрик, заголовков и текста, неудачных вводок, заголовков и др.

Системное описание стилистических особенностей языка газеты связано со сложностью самого объекта описания: это многоплановость текстов, функционирующих в информационных потоках, широчайший тематических и жанровый диапазон, индивидуально-коллективный субъект, рассредоточенная массовая аудитория. Попытки ученых выявить и систематизировать специфику газетно-публицистического стиля приводят их к выделению в пределах одной функциональной разновидности более десятка подсистем, или подстилей (А.Н. Васильева). Вопрос о статусе и целостности газетно-публицистического стиля активно обсуждается современными лингвистами, поскольку речевая практика печатных изданий дает объемный, неоднозначный материал для размышления (Г.Я. Солганик, Т.Г. Добросклонская, В.Г. Костомаров, С.И. Сметанина). Вместе с тем, справедливо отмечает В.И. Коньков, речевая практика размежевала газеты, ориентированные на письменную речь, и газеты, основой которых выступает устная речь, разговорный стиль. Центр речевой практики СМИ по-прежнему образуют массовые общественно-политические издания [4, 69], в основе которых лежит письменная форма

языка, серьезное осмысление факта, традиционная стилистика общения с читателем. К таким изданиям можно отнести районные газеты Белгородской области.

Районные газеты, являясь государственными изданиями, обязаны размещать на своих страницах документы, постановления местной власти, освещать официальные события, что изначально предопределяет официозность публикуемых материалов. Объективное описание событий диктует использование официально-информативного и информативно-делового подстилей языка газеты, которые характеризуются стилистической однородностью - "это книжная речь в ее безэмоциональном, безобразном, безэкспрессивном, семантически одноплановом аспекте" [1, 42]. Автор, детально воспроизводя событие в соответствии с его ходом во времени, предпочитает роль беспристрастного регистратора-ретранслятора. Вместе с тем в подобной стилевой манере отображаются не только официальные мероприятия, но и многие яркие события района. Ср.: открыл мероприятие первый заместитель главы местного самоуправления...; на митинге выступил...; он поздравил всех присутствующих...; в заключение поблагодарил...; затем было предоставлено слово...; от имени юного поколения выступили...; возложили цветы... (описание торжества, посвященного освобождению города от немецко-фашистских захватчиков. «Валуйская звезда». 23.01.07); праздничное мероприятие открыла директор; от имени всех учителей она поздравила..., напутствовала ребят на новый учебный год; почетное право поднять Государственный флаг предоставлено...; также ребят поздравили...; в своем выступлении... отметил; в завершение выступления глава вручил; далее вручил памятные подарки; в завершение линейки прозвенел звонок (описание начала учебного года. «Родина». 6.09.06). Отметим, что некоторая компенсация наглядности осуществляется за счет использования фотоиллюстраций. Вместе с тем выполнение разнотемных материалов в одном стилевом регистре, с преобладанием речевого стандарта и стереотипных фраз, оставляет за пределами текста существенную информацию и делает публикации монотонными, скучными для восприятия. Отображение праздников, торжеств, конкурсов, особенно с молодыми участниками, требует привлечения других подстилей языка газеты, например, репортажного, сочетающего фактологическую достоверность с образностью, активным автором, раскрепощенным языком.

Основу локальной прессы образует множество фактов, не имеющих ни яркой необычности, ни глобальной значимости (например, открытие музыкальной студии, ремонт сельскохозяйственной техники, проведение газопровода в селе, ре-

монт школ, спортивные успехи местных команд, появление новой книги местного автора и т. д. и т. п.). Однако в своей совокупности локальные факты существенны для обрисовки обобщенной картины жизни того или иного района. Для массового читателя эта конкретно-фактологическая информация, в силу ее повторяемости и сходности, обладает ослабленной актуальностью и поэтому "требует стилистических средств привлечения внимания и интереса читателя" [Васильева 1982: 125]. Даже при написании заметки можно и нужно пользоваться средствами речевой выразительности: предлагать экспрессивные заголовки и зачины, вводить конкретно-образные детали, обыгрывать цифры, включать цитацию, вкрапления иностилевых элементов, в том числе разговорной речи, активно использовать авторскую и прямую речь, диалоги и монологи. Одним словом, нужно создавать текст интересный, отличающийся по стилю от соседствующих официальных отчетов. Стилистическое многообразие – это норма в языке газеты, в то время как стилистическая однотипность, монотонность газеты унифицирует весь материал газеты, делая различные по форме тексты в определенной степени похожими на одну модель. Журналисты скудно используют в своих материалах диалоговые формы, прямую речь.

Как коммуникативная неудача рассматриваются нами тексты официально-делового и научного стиля, недостаточно адаптированные к языку газеты. Попадая на страницы газет, эти материалы должны проходить через своеобразную стилистическую переориентацию языковых средств, поворачиваясь к читателю информативно-фактологической или популяризаторской стороной. Неуместные в языке газеты специфические выражения регулярно присутствуют в оперативных сводках ОВД и в материалах из суда: неизвестные путем подбора ключа проникли в домовладение; путем разбития оконного стекла проник в квартиру; в ходе распития алкогольных напитков; в результате возникшей за распитием алкоголя ссоры; убийство произошло вследствие осуществления обороны; гражданка в целях извлечения выгоды занималась продажей суррогатного алкоголя («Валуйская звезда»).

Влияние официально-делового стиля особенно чувствуется в материалах, где авторами или героями выступают специалисты в той или иной области. В этих публикациях поднимаются актуальные проблемы, однако насыщенность узкой терминологией и специфическими оборотами делают текст трудно воспринимаемым и неэффективным. Ср.: Повседневно надзираем за оперативно-розыскной деятельностью, за производством следствия и дознания, обеспечиваем государственное обвинение по всем делам; Прошед-

ший год указал на отсутствие тенденции спада преступных проявлений; Остро стоит вопрос эффективности пресечения незаконного оборота наркотических средств и т. д. («Валуйская звезда». 13.01.07); Хотелось бы напомнить, что в каждом случае игнорирования вносимых представлений о принятии мер по устранению обстоятельств, способствовавших совершению преступлений, руководителями организаций и должностными лицами, виновные будут привлекаться к административной ответственности («Родина». 20.09.06). Это фрагменты из материалов официальных лиц. Однако можно привести выдержки из текстов, созданных журналистами: Нарушение технологий внесения в почву жидкого навоза методом разбрызгивания, а также несоблюдение предприятием ряда санитарно-эпидемиологических требований повлекли за собой появление неприятных запахов и, как следствие, жалобы населения на ухудшение экологического микроклимата («Родина». 30.09.06). К сожалению, речевая практика районных изданий дает немало примеров, связанных с нарушением нормативных аспектов: несоответствие нормам языка, нарушение логики изложения материала, неудачное речевое воплощение авторской идеи и др. Если учесть малый объем районных изданий (1 п. л.), низкую периодичность (2-3 в неделю) и тот факт, что собственно журналистским материалам отводится три, а порой две полосы (третья – телепрограмма, четвертая - реклама), то с большой вероятностью можно предположить, что читатель без труда просмотрит и оценит всю журналистскую продукцию. Автор давно пытается ответить себе на вопрос, можно ли к районной газете предъявлять элитарные требования? В свете сказанного выше получается, что весомость любой публикации в скромном издании значительнее, нежели в объемном и многополосном.

Итак, районные издания Белгородской области имеют умеренно-консервативное содержание, стиль, дизайн. Как показал двувекторный анализ, ключевые темы газет (общественно-политическая и культурная жизнь, сельское хозяйство, социальная сфера) востребованы в первую очередь читателями среднего и старшего возраста.

В деятельности локальных изданий немало назревших проблем, которые необходимо решать сегодня, сейчас. В ученых кругах говорят об информационной регионизации России, об информационной фрагментации страны, считая, что «на смену региональному изданию, посвященному прежде всего местным проблемам, должны прийти такие типы изданий, которые, делая основной акцент на проблемах края, области, республики, могли бы вместе с тем активно освещать участие своего территориального образования в решении

общероссийских проблем, способствовать приобщению региональной аудитории к событиям и процессам -общероссийского и международного характера» [7, 14]. Не пытаясь поддержать или оспорить авторитетное мнение, тем не менее обратим внимание на то, что наши районные издания, несмотря на приграничный статус области, непосредственное соседство с Украиной, практически не освещают жизни сопредельного государства, где у многих местных жителей есть родственники и близкие. В то же время любая информация о соседях (экономическая, культурная и др.) будет восприниматься читателями с большим интересом.

Ведущими функциями общественно-политической газеты признаются информационная и обзорно-комментирующая. Между тем практическая деятельность многих районных изданий отражает перераспределение в сторону усиления информационной функции за счет свертывания аналитической функции. Вряд ли можно считать это целенаправленной политикой редакционного коллектива. Газетам явно недостает панорамных, обобщающих материалов, проблемных публикаций, волнующих население района (именно этот аспект вызывает недовольство участников опроса). Другой болевой момент в деятельности районных изданий – их внешний облик. Современный читатель начинает чтение газет с просматривания анонсов, рубрик, заголовков, иллюстраций, он избалован яркими приемами и способами визуальной коммуникации. Вместе с тем некоторые из наших газет не имеют единого стилевого облика, набора и названий постоянных полос и рубрик, оптимального заголовочного комплекса. Редакционным коллективам надо учиться у других успешных изданий, заимствовать апробированные приемы, обновлять форму, искать новые решения в использовании графики.

Оценивая деятельность районных изданий с позиции оптимального речевого взаимодействия с аудиторией и обобщая коммуникативные неудачи, мы ни в коей мере не забывали о сильных сторонах газеты. Местные издания имеют свои «плюсы» и «минусы». В самой скромной газете можно встретить журналиста, интересного как языкотворческая личность, с индивидуальным почерком. Фокусируя внимание на положении дел в своем регионе, газеты содержательно близки и понятны аудитории. И здесь уместно вспомнить слова О.А. Вороновой, исследователя региональной прессы: "Возможно, районные газеты не всегда устраивают читателя по качеству исполнения. Но ни одна центральная газета с высот своего взгляда на мир «спускаться» к читателю не будет. Поэтому им обеспечена долгая жизнь" [3, 62]. В настоящее время белгородским

районным изданиям альтернативы нет, ситуация для локальной прессы складывается вполне благоприятная: благожелательное отношение постоянных читателей, активная поддержка местной политической элиты, отсутствие конкурирующих изданий, собственный творческий потенциал, — все это позволяет укрепить свои позиции и расширить аудиторию.

ЛИТЕРАТУРА

- 1. Васильева А.Н. Газетно-публицистический стиль / А.Н. Васильева. М., 1982. 198 с.
- 2. Виноградов С.И. Язык газеты в аспекте культуры речи / С.И. Виноградов // Культура русской речи и эффективность общения. М., 1996. С. 281 317.

- 3. Воронова О.А. Местная газета. Модели и типажи / О.А. Воронова // Типология периодической печати. М., 2007. С. 60 78.
- 4. Коньков В.И. Язык СМИ: современное состояние и тенденции развития / В.И. Коньков, А.Н. Потсар, С.И. Сметанина // Современная русская речь: состояние и функционирование. СПб., 2004. С. 67 81.
- 5. Корконосенко С.Г. Основы журналистики / С.Г. Корконосенко. –М., 2004. 287 с.
- 6. Муратов С.А. Телевизионное общение в кадре и за кадром / С.А. Муратов. М., 2003. 201 с.
- 7. Система средств массовой информации России / Под ред. Я.Н. Засурского. М., 2003. 259 с.
- 8. Черникова Е.В. Основы творческой деятельности журналиста / Е.В. Черникова. М., 2005. 287 с.

РОССИЯ НА ПУТИ ПОСТРОЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА (ФЕДЕРАЛЬНЫЙ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ)

© 2008 В.В. Колобов

Воронежский государственный университет

Глобализация и новые коммуникационные технологии стали неотъемлемыми атрибутами современного мира. Происшедшие в последней четверти XX века в США, Японии, ряде развитых стран Европы глубокие структурные преобразования в сфере экономики, прежде всего в наукоёмких отраслях, вызвали бурное развитие индустрии знаний и связанных с ней технологий передачи и обработки информации, всеобщую компьютеризацию и появление разветвлённых информационных систем.

По сути, информация в XXI веке становится таким же стратегическим фактором развития, как и материальные и энергетические ресурсы. Производство и потребление массовой информации приобретает глобальный характер и приводит к становлению единого социокультурного пространства, к разрушению национальных границ, к появлению транснациональных связей. Этот процесс нельзя охарактеризовать однозначно, он многомерен, имеет как положительные, так и отрицательные стороны, и нуждается в теоретико-методологическом и философско-социологическом исследовании.

По мнению М.Н. Грачёва, с созданием Всемирной компьютерной сети человечество практически вступило в фазу формирования и поддержания в актуальном состоянии единой общемировой информационно-коммуникационной среды, и «киберпространство, ещё совсем недавно доступное лишь высококвалифицированным программистам, на наших глазах трансформируется в информационное поле социально-экономического, политического и культурного развития всего сообщества, позволяющее обеспечить необходимыми сведениями отдельных граждан, их различные объединения, предприятия, органы власти и управления» [1,1].

Россия ставит перед собой амбициозные цели — в ближайшие годы войти в пятёрку ведущих экономик мира, в четыре раза поднять производительность труда, обеспечить качественно

новый уровень жизни граждан. При этом ставка делается не на пресловутую торговлю нефтью, а на инновационный путь развития.

Решение важнейших экономических и социальных задач невозможно без построения в России подлинно демократического, правового и информационного общества.

Как показывает мировой опыт, информационное общество в своём развитии проходит четыре основных этапа: базовый, цифровой, сетевой и социального партнерства.

На первом этапе происходит формирование системы коммуникационных связей между государством и обществом, основу которой составляют прежде всего радио, телевидение, печатные СМИ. На втором – наблюдается насыщение этой системы цифровыми и сотовыми видами техники, осуществляется переход к производству и предоставлению информационных услуг на базе прежде всего цифровых технологий. На третьем — обеспечивается повсеместный доступ к знаниям, а также возможность реального контроля за деятельностью государства со стороны гражданского общества. На четвертом - создаются возможности для конструктивного и равноправного сотрудничества между населением и властью, формируется рынок высококачественных информационных услуг, в полной мере отвечающим потребностям общества.

Несмотря на накопленный опыт во второй половине XX века в научной и технической сферах, Россия явно задержалась в разработке современных программ, учитывающих проблематику информационного общества.

По мнению Я.Н. Засурского, в нашей стране развитие информационного общества было ограничено тремя факторами. Первый из них — доступ к средствам связи. Любыми видами связи население страны пока обеспечено плохо, вдобавок эти услуги стоят очень дорого. Второй фактор — доступ к компьютерам, которые по-прежнему стоят слишком дорого для обычного жителя. Третий фактор — доступ к Интернету. Он также очень

ограничен. Развивать формы общественного универсального доступа к Интернету чрезвычайно полезно с точки зрения социальных интересов, так как это дает возможность малоимущим слоям населения овладеть информационно-коммуникационными технологиями (ИКТ), получать необходимую информацию [2].

В последние годы ситуация стала меняться к лучшему. В стране сейчас созданы необходимые правовые и технические предпосылки для решения указанных задач.

Первым шагом стало подписание в 1998 году совместного заявления Правительства РФ и Комиссии Европейских Сообществ о сотрудничестве в сфере создания в России информационного общества и его интеграции в общеевропейское информационное пространство.

В том же году Комитетом по информационной политике и связи Государственной Думы РФ была разработана Концепция государственной информационной политики. Эта концепция была одобрена Постоянной палатой по государственной информационной политике Политического консультативного совета при Президенте РФ и опубликована в прессе для широкого обсуждения.

В 1999 году Концепция государственной информационной политики была рассмотрена и одобрена на заседании Межведомственной государственной комиссии по информатизации при Госкомсвязи РФ.

9 сентября 2000 года Президентом РФ была утверждена Доктрина информационной безопасности Российской Федерации, которая представляет собой совокупность официальных взглядов на основные цели, задачи, принципы и направления деятельности государства в информационной сфере.

25 июля 2007 года Совет Безопасности Российской Федерации утвердил Стратегию развития информационного общества в России.

Этот документ был разработана по поручению Президента России В.В. Путина межведомственной рабочей группой с участием представителей аппарата Совета Безопасности Российской Федерации, Мининформсвязи России, Росинформтехнологии и других заинтересованных федеральных органов исполнительной власти, при поддержке Центра развития информационного общества и Института развития информационного общества. Он был подготовлен с учётом международных обязательств России, Доктрины информационной безопасности РФ, федеральных законов, а также нормативно-правовых актов Правительства РФ, определяющих направления социально-экономического развития, повышения эффективности государственного управления и взаимодействия органов государственной власти и гражданского общества в Российской Федерации.

В нём учтены основные положения Окинавской хартии глобального информационного общества, Декларации принципов построения информационного общества, Плана действий Тунисского обязательства и других международных документов, принятых на Всемирной встрече на высшем уровне по вопросам развития информационного общества.

Главными целями Стратегии являются улучшение качества жизни граждан, повышение конкурентоспособности страны, обеспечение её информационной безопасности, расширение взаимовыгодного международного сотрудничества.

Финансирование мероприятий, заложенных в программу, предусматривается за счёт средств бюджетов всех уровней Российской Федерации, а также внебюджетных источников.

В результате реализации Стратегии в России к 2015 году должны быть достигнуты следующие показатели:

- место Российской Федерации в международных рейтингах в области развития информационного общества — в числе 20 ведущих стран мира;
- уровень доступности населения к базовым услугам в сфере информационных и коммуникационных технологий 100%;
- уровень использования линий широкополосного доступа на 100 человек населения за счёт всех технологий: к 2010 году — 15 линий и к 2015 году — 35 линий;
- наличие персональных компьютеров, в том числе подключённых к сети Интернет, не менее чем в 75% домашних хозяйств;

Становлению и развитию информационного общества призвана способствовать федеральная целевая программа «Электронная Россия (2002—2010 годы)». На реализацию её основных положений планируется выделить в общей сложности 77 млрд 179 млн рублей.

Аналогичные документы приняты в субъектах Российской Федерации, в частности, в Воронежской области.

Воронежская областная Дума в ноябре 2005 года утвердила представленную администрацией области региональную целевую программу «Информатизация Воронежской области на 2006—2010 годы». Основными её целями определены повышение эффективности региональной экономики, государственного управления и местного самоуправления за счёт внедрения и массового распространения ИКТ; создание интегрированного телекоммуникационного пространства; обеспечение прав на свободный поиск, получение, передачу, производство и распространение информации.

Всего на реализацию данной программы предполагается направить 449 млн 231 тыс. руб-

лей, в том числе: средства федерального бюджета -16 млн 920 тыс. рублей, средства областного бюджета -431 млн 311 тыс. рублей, собственные средства организаций -1 млн рублей.

Правовую основу программы составляют Конституция Российской Федерации, федеральные законы и другие нормативные правовые акты Российской Федерации и Воронежской области, регламентирующие вопросы использования информационных технологий в деятельности органов государственной власти, органов местного самоуправления, хозяйствующих субъектов и населения, в том числе: Федеральный закон от 7 июля 2003 года № 126-ФЗ «О связи»; Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 149-Ф3 «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»; Федеральный закон от 10 января 2002 года № 1-ФЗ «Об электронной цифровой подписи»; Постановление Правительства Российской Федерации от 12 февраля 2003 года № 98 «Об обеспечении доступа к информации о деятельности Правительства Российской Федерации и федеральных органов исполнительной власти».

В определении роли процессов информатизации в совершенствовании существующей системы государственного управления программа опирается на основные положения Федерального закона от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»; Федеральной целевой программы «Электронная Россия (2002—2010 годы)» в редакции Постановления Правительства Российской Федерации от 15 августа 2006 года № 502; Концепции региональной информатизации до 2010 года, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 июля 2006 года № 13].

Важнейшую роль в построении информационного общества в России играют средства массовой информации (СМИ), которые претерпевают в последние десятилетия серьёзнейшие изменения в связи с процессами глобализации и интеграции.

По словам руководителя Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям М.В. Сеславинского, в настоящее время российский рынок прессы по темпам роста продолжает оставаться одним из мировых лидеров. Это признали и участники 59-го Всемирного конгресса и 13-го Форума главных редакторов Всемирной газетной ассоциации (WAN), состоявшихся в Москве 4—7 июня 2006 года. Московский конгресс и Форум WAN собрали рекордное количество руководителей мировой газетной отрасли — более 1700 издателей, редакторов, лидеров международных и национальных ассоциаций прессы, руководи-

телей ведущих мировых агентств из более чем 100 стран мира, известные политики, деятели экономики и культуры [5].

В центре внимания Конгресса газетных издателей были инновационные стратегии и подходы, повышающие коммерческую эффективность газет в условиях растущей конкуренции со стороны альтернативных каналов распространения информации.

Форум редакторов, в свою очередь, сосредоточился на наиболее успешных приёмах привлечения к чтению газет молодых людей, представляющих так называемое «новое поколение бесплатной информации», для которых газета в её традиционном, «бумажном» виде — лишь один из множества информационных каналов.

Для российских участников Конгресс и Форум стали прежде всего открытой площадкой, давшей возможность получить из первых рук информацию о ситуации в мировой газетной индустрии, обсудить с зарубежными коллегами пути и стратегию развития современных газет как бизнеса.

По данным Росохранкультуры, в 2007 году в Российской Федерации были зарегистрированы 71 954 средства массовой информации, из них 59 184 печатных. В сравнении с 2005 годом количество зарегистрированных печатных СМИ выросло на 10,7 процента. При этом количество реально выходящих в стране газет и журналов остаётся неизвестным. По мнению экспертов, таких изданий не более 50% от числа занесённых в федеральный каталог. Зарегистрировав сразу несколько изданий со схожими наименованиями, учредители СМИ зачастую так и не приступают к их выпуску либо выпускают одно из них. Это делается с целью оградить своё издание в будущем от конкуренции.

Общий тираж российских газет (всего около 400 наименований) в 2005 году составлял 8 млрд 312 млн экземпляров. В 2006 году этот показатель едва превысил 8 млрд экземпляров.

Постепенное сокращение газетных тиражей связано в первую очередь с демографическими факторами и со снижением общего интереса жителей страны, особенно молодежи, к печатным СМИ как источнику оперативной информации.

Как считает В.В. Тулупов, существенное влияние на этот процесс оказывают имеющиеся в нашей стране объективные проблемы с распространением печатной периодики, высокие расценки на почтовые и типографские услуги, перераспределение рекламы среди основных операторов, удорожание аренды, люмпенизация читательской аудитории и другие причины [6, 6].

Кардинальные изменения во всей системе массовой коммуникации в нашей стране вызвало бурное развитие в начале 90-х годов прошлого столетия Интернета. Основными этапами его

становления можно назвать создание в 1994 году сети российских университетов RUNNet, реализацию с 1995 года Государственной программы построения Национальной сети компьютерных телекоммуникаций для науки и высшей школы (RBNet), формирование региональных научнообразовательных компьютерных сетей, появление в начале XXI века качественно нового Web-2,0.

В докладе Всемирной газетной ассоциации (WAN) «Новые редакционные концепции» отмечена общемировая тенденция развития медиапространства: экономически сильные редакции газет и издательства стремятся овладеть современными формами и методами сбора, обработки и распространения разнообразного контента, превращаясь таким образом в своеобразные информационные агентства, использующие в своей деятельности все доступные каналы коммуникации — бумажные носители, Интернет, сотовую связь, ТВ, радио и другие [4].

Новые вызовы времени и имеющиеся проблемы заставляют редакции газет и журналов активно переходить на современные бизнес-модели, технологии и форматы, радикально модернизировать свою работу, в корне пересматривать маркетинговую политику, выстраивать эффективные отношения с читателями и рекламными клиентами, правильно позиционировать себя на фоне ТВ, радио, Интернета и стремительно растущих сетевых СМИ.

Эти тенденции наглядно видны на примере Воронежской области, которая по праву является одним из авторитетных журналистских центров Российской Федерации. В начале 90-х годов прошлого века в регионе резко снизились тиражи периодических изданий. Наибольшие потери понесли общероссийские, общенациональные издания («Аргументы и факты», «Труд, «Комсомольская правда», «Известия» и др.), их тиражи снизились в 11,5-42 раза. Существенно — в 3-5 раз — сократилось число подписчиков у ведущих областных изданий («Коммуна», «Воронежский курьер», «Молодой коммунар»).

На этом фоне относительно стабильно выглядит положение районных газет: их суммарный тираж уменьшился не столь существенно — с 270 тыс. экземпляров до 160 тыс. экземпляров.

Одновременно в Воронежской области растёт число новых СМИ. За последние пять лет этот рост составил почти 25 процентов. В настоящее время в области зарегистрировано 415 наименований СМИ. Современную воронежскую журналистику представляют 292 печатных издания, около 100 телевизионных и радиовещательных программ, 23 информационных агентства [7, 46].

Реализуя **государственную информационную политику**, Федеральное агентство по печати и

массовым коммуникациям (Роспечать) определило главные ориентиры на ближайшие годы. В сфере развития теле- и радиовещания такими приоритетными направлениями являются:

- достижение максимального охвата населения страны социально значимым пакетом телерадиопрограмм федерального и регионального уровней;
- обеспечение перехода на новый технический уровень вещания, включая замену аналогового телерадиовещания цифровым; распространение цифровой приемной аппаратуры, доступной рядовому потребителю;
- развитие вещания на страны ближнего и дальнего зарубежья и международного телерадиообмена с целью достойного представления России за рубежом и её интеграции в мировое информационное пространство.

По сравнению с предыдущими годами гораздо больше внимания Агентство уделяет российским информационным агентствам. Основной акцент делается на развитие их конкурентоспособности, а также на осуществление государственной поддержки их деятельности по продвижению информационной продукции на зарубежные рынки.

Важнейшим направлением государственной информационной политики в России является совершенствование федерального и регионального законодательства в сфере функционирования СМИ. К положительным тенденциям можно отнести разработку механизма правового регулирования деятельности СМИ, ограничение попыток произвола со стороны властей, действие на территории России норм международного права и другие.

Негативные тенденции связаны прежде всего с несовершенством правовых отношений между редакциями и различными субъектами информационной деятельности, в том числе органами государственной власти, бизнеса, политических институтов. До сих пор не отрегулированы вопросы защиты журналистов и членов их семей в конфликтных ситуациях, связанных со сбором и публикацией информации (шантаж, заведение уголовных дел, угрозы, давление и т. д.). Отсутствуют эффективные механизмы антимонопольного законодательства, ограничивающие процессы концентрации, монополизации, коммерциализации печати, телевидения и радиовещания, с одной стороны, и препятствующие возрождению экономического и политического диктата со стороны государства, с другой.

Настало время разработать и принять законы о праве на информацию, об охране персональных данных, о телевидении, внести изменения в действующее законодательство об охране авторских и смежных прав, о средствах массовой информации, об участии в международном информационном обмене.

РОССИЯ НА ПУТИ ПОСТРОЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Россия вступила в новую эру огромных возможностей — эру информационного общества и расширения сферы человеческого общения. И очень важно, чтобы принимаемые на этом пути меры вели к расширению всех прав и свобод человека, информационного поля личности, различных социальных групп и организаций, способствовали более активному использованию современных коммуникационных технологий.

Представители народов мира, собравшиеся в Женеве 10-12 декабря 2003 года для проведения первого этапа Всемирной встречи на высшем уровне по вопросам информационного общества, сформулировали главные принципы и цели деятельности в этом направлении, исходя из общечеловеческих ценностей. Они заявили об общем стремлении и решимости построить ориентированное на интересы людей, открытое для всех и направленное на развитие информационное общество, в котором каждый мог бы создавать информацию и знания, иметь к ним доступ, пользоваться и обмениваться ими, с тем, чтобы дать отдельным лицам, общинам и народам возможность в полной мере реализовать свой потенциал, содействуя своему устойчивому развитию и повышая качество своей жизни на основе Устава Организации Объединенных Наций и соблюдая в полном объёме и поддерживая Всеобщую декларацию прав человека.

Происходящие политические и экономические перемены убедительно показывают, что Россия — это страна не только газовых и нефтяных труб, природных месторождений и сырьевых ресурсов, но и передовых информационных и ком-

муникационных технологий. Страна, уверенно идущая по пути построения информационного, правового и демократического общества.

ЛИТЕРАТУРА

- 1. Грачёв М.Н. Политическая коммуникация: теоретические концепции, модели, векторы развития / М.Н. Грачёв. М.: Прометей, 2004. 328 с.
- 2. Засурский Я.Н. Информационное общество и СМИ / Я.Н. Засурский. http://www.mediascope.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=85&Itemid=45.
- 3. Официальный Интернет-портал администрации Воронежской области. http://www.govvrn.ru/wps/wcm/connect/Voronezh/AVO/Main.
- 4. Российский рынок периодической печати. 2007 год. Состояние, тенденции и перспективы развития. Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям. http://www.fapmc.ru/Reports/item71.html.
- 5. Сеславинский М.В. Доклад о результатах деятельности Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям в 2005-2007 годах и основных направлениях деятельности на 2008 год и на период до 2010 года / М.В. Сеславинский. http://fapmc.ru/Reports/item71.html./item70.html.
- 6. Тулупов В.В. Газета: маркетинг, дизайн, реклама: Новые тенденции в издании газет / В.В. Тулупов. Воронеж: Кварта, 2001. 320 с.
- 7. Щёлоков И.А. Становление и развитие государственных СМИ Воронежской области // И.А. Щёлоков. Акценты. Новое в массовой коммуникации. 2007. № 1-2. С. 46-48.

СПЕЦИФИКА ВЗАИМООТНОШЕНИЙ СМИ С АУДИТОРИЕЙ

© 2008 Л.В. Кудинова

Воронежский государственный университет

Диалог как способ коммуникации возник на Земле в результате формирования человека. В процессе своего развития homo sapiens быстро осознал, что постижение им окружающего мира продуктивно тогда, когда рядом есть единомышленники.

Постепенно стала складываться диалогическая культурная традиция.

В Античности диалог стали использовать как форму поиска истины, в качестве интеллектуального общения равноправных сторон [18]. В эпоху Возрождения диалог стал способом философствования [6], а в XVIII—XIX вв. — одной из форм общения [23]. В XX в. появились работы, в которых стали активно изучаться проблема диалога и роль участников диалога. Так, Ж. Деррида писал про «другого» [11]; Г. Гегель — о «своем ином» [8]; М. Хайдеггер — о «бытии-с» [24]; Ж.П. Сартр — о «событии-с-Другим» [19], Х.-Г. Гадамер — о реализации «Я в опыте Ты» [5]; В.С. Библер — о диалоге культур [2].

В России наиболее глубокое изучение специфики диалога можно найти в работах М.М. Бахтина [1], Ю.М. Лотмана [16]. Изучением диалога в качестве формы существования языка занимались Л.П. Якубинский [28], Л.В. Щерба [26], В.В. Виноградов [4].

Исследования диалога многими учеными лежат в различных областях науки — от философии до лингвистики, однако можно выделить базовые черты, присущие изучаемому явлению.

Диалог — форма поиска единомыслия. Способ перевода своих мыслей и своего опыта на язык, доступный живущему в другом, «своем» коммуникативном пространстве адресата. Принципиально важным становится различие в убеждениях и оценках людей, принимающих участие в общении (общность интересов при этом не является главной предпосылкой возникновения диалога, как утверждают некоторые исследователи применительно к рекламной коммуникации [27]). Диалог может возникнуть именно благодаря отсутствию единого мнения

по обсуждаемому вопросу при равноправии отношений между адресантом и адресатом сообщения. Причем данная формула распространяется не только на межличностный тип диалога, но также и на диалог между культурами, и диалог между цивилизациями. Эта точка зрения отражена в работах ряда ученых [12, 14, 17, 20].

Диалог воспринимается как эффективное средство воздействия на аудиторию.

Как известно, диалог — это механизм массовой коммуникации, целью которого является максимально адекватное восприятие аудиторией действительности и ориентирование аудитории на размышление над закономерностями социальных явлений.

Сегодня монологические тексты все очевиднее приобретают черты диалогичности.

Во-первых, это происходит за счет открытости авторской позиции, приглашающей аудиторию к со-размышлению. Монологический текст в принципе провокативен, так как побуждает аудиторию к самостоятельному осмыслению затронутых в тексте проблем.

Во-вторых, за счет актуализации сообщения, содержащегося в тексте, его перевода на уровень социального бытования. (Однако необходимо учитывать, что здесь таится опасность как для аудитории, так и для журналиста — вероятность квазиактуализации значительно увеличивается.)

В-третьих, за счет релевантности текста, то есть его соответствия интересам аудитории. В условиях очевидной сегментации аудитории это может привести к лучшему пониманию её интересов и, следовательно, большей релевантности текстов. Ситуация извращается, когда стандартизированный контент упаковывается для различных сегментов аудитории.

В-четвертых, за счет активизации изобразительно-выразительных средств повествования, вовлекающих аудиторию в эмоциональное со-чувствие авторской точке зрения. (Термин «со-чувствие» не обязательно предполагает «векторное» совпадение переживаний — в его основе лежит готовность аудитории к эмоциональному восприятию полученной информации).

Сказанное позволяет выявить принципиальную особенность продуктивности диалога в публицистическом тексте: он эффективен только тогда, когда возникает равноправие сторон, участвующих в общении.

Именно такое равноправие реализует существенный признак диалога — рождение дополнительных смыслов текста, возникающих в процессе коммуникащии. Согласно И.Р. Гальперину, такие смыслы (значения) выходят за рамки структуры текста, и они не равны по сумме количеству предложений. В практической журналистике его мысль подкрепляется множеством возникающих подтекстов, которыми умело пользуются недобросовестные журналисты [7].

Формы диалога различны — от внутреннего диалога (самопознание и преодоление внутренних противоречий) до диалога с миром (выявление сущностных закономерностей бытия). Ю.М. Лотман резонно заметил, что в диалоге существуют две формы: « $\mathbf{S} - \mathbf{OH}$ » и « $\mathbf{S} - \mathbf{S}$ », что любой текст всегда кому-то предназначен — либо внешнему адресату, либо адресату внутреннему [16]. М.М. Бахтин обратил внимание на то, что диалог возникает как естественная потребность человека упорядочить свои взаимоотношения с миром и с самим собой, подчеркнув, что диалогические отношения пронизывают все виды текстов, какими бы монологическими внешне эти тексты ни казались [1].

Эти размышления ученых верны и в отношении публицистических текстов.

Каковы сегодня характер и стратегия взаимодействия СМИ и аудитории?

Т.И. Стексова называет одной из ведущих тенденций современной прессы ориентацию журналиста на паритет взаимоотношений с читателем и его установку на диалогичность [21]. Подобного мнения придерживается и Л.Е. Кройчик [14].

По мнению ученых, эта тенденция проявляется не только в увеличении количества интервью в прессе, но и в диалогизации монологических текстов, под которой понимается «намеренное использование средств и приемов, направленных на достижение диалогичности» [21].

К таким приемам Т.И. Стексова относит:

- выдвижение фигуры адресата на первый план (учет его возрастных и половых особенностей; социальных, экономических и политических пристрастий);
- разговор на языке адресата информации. Второй прием, на наш взгляд, достаточно спорен, так как намеренное подстраивание под интонацию собеседника может быть, в конечном итоге, ошибочным.

Выбор способов общения с аудиторией осуществляется при помощи различных средств:

- прямое обращение к читателю и прямая апелляция к читателю, побуждающая его к самостоятельной деятельности;
- точная номинация адресата, использование притяжательного местоимения *ваш*, которое чаще всего «работает» в комплексе с другими средствами, смещение акцентов с коммуникации «я вы» на коммуникацию «я они», причем, такой, как вы, и не такой, как они (о чем говорил еще Т.А. Ван Дейк [3]);
- вопросы читателю и использование риторических вопросов;
  - прием согласия с аудиторией.

«Таким образом, — подводит итог автор, — используя приемы диалогизации монологических текстов, журналист «руководит» процессом восприятия читателем предложенного материала, направляет интерпретацию текста в заданное им русло. Косвенное, завуалированное воздействие не наносит коммуникативного ущерба читателю и оказывается более результативным, более успешным и оправданным, чем прямое, императивное воздействие, характерное для прессы советского периода» [21].

- Л.Е. Кройчик к функциональным стратегиям публицистического текста относит решение следующих задач:
- 1) нарративную стратегию авторского высказывания в конкретных публицистических жанрах;
- 2) стратегию пространственно-временной актуализации публицистического текста как жанра;
- 3) стратегию конвенциональных взаимоотношений с аудиторией в пределах конкретных жанровых границ публицистического текста;
- 4) стратегию индивидуально-стилевой организации повествования в публицистическом тексте как жанре;
  - 5) манипулятивную стратегию [14].

Данные размышления, на наш взгляд, наиболее полно характеризуют суть стратегий, применяемых СМИ.

Л.Р. Дускаева под диалогичностью письменной публицистической речи понимает «выраженность в тексте многосторонности речевого общения (как проявление социальности речи и мышления), реализующуюся в собственно диалогических текстах; в диалоге между текстами, в макротексте; в монологических текстах, насыщенных средствами как устного диалога, так и письменной речи» [12].

По ее мнению, дискуссионность событий и явлений действительности порождает диалогичность газетных текстов. При этом журналисты

к диалогу могут привлекать комментаторов, общественных деятелей, интересных собеседников. Сами журналисты в данном случае получают возможность выполнять разные роли: «ретранслятора, озвучивающего высказывания других лиц, рассказчика, конферансье, интервьюера, комментатора или псевдокомментатора» [12].

Можно добавить: существенную коммуникативную роль играет автор как непосредственный исследователь событий. Именно эта роль, как нам кажется, имеет наибольший потенциал для взаимодействия, так как предполагает установление доверительных отношений. Аудитории легче поверить тому, что видел собственными глазами журналист, благодаря чему создается особая атмосфера, в которой каждый читатель идентифицирует себя с публицистом.

Т.Н. Каминская [13], рассуждая о стратегиях реализации диалога в СМИ, на первый план выводит стратегию солидарности автора с читателем, которая осуществляется при помощи определенных приемов:

- наличия импликатур;
- нарушения постулата информативности правил общения Г.П. Грайса (сообщение адресату сведений о нем самом);
  - наличия оппозиции «свой-чужой»;
  - использования 2-го лица «Вы».

Рассуждая о повышении эффективности взаимоотношений публициста с аудиторией, исследовательница говорит о «некотором намеренном нарушении» универсальных правил общения, не устанавливая при этом границ «дозволенного нарушения», после чего может возникнуть разрыв коммуникативной цепочки.

Существенным кажется утверждение о том, что «использование в речи импликатур повышает статус адресата в собственных глазах: адресат понимает, что говорящий доверяет его догадливости...» [13]. Но, к сожалению, это порождает двойственность восприятия. С одной стороны, такой прием может быть использован в качестве возможного варианта сближения автора с аудиторией, с другой, — для дезориентации читателя. Происходит разрыв коммуникативной цепочки «действительность — журналист — текст — аудитория», потому что читатель может не до конца понять, о чем идет речь.

За счет каких ресурсов монологическая форма повествования все же обретает признаки диалогичности, и какие стратегии сегодня используют журналисты?

Анализируя публикации современных СМИ, можно сделать вывод о том, что характер взаимодействия СМИ и аудитории в последнее время носит ярко выраженный манипулятивный характер. При этом журналисты реже всего при-

держиваются стратегии подлинной солидарности с аудиторией.

Это не могло не отразиться на качестве сообщений и на аудитории средств массовой информации.

Сегодня появляется новый способ общения с аудиторией: «легкая» подача материала, которая привела к появлению феномена особого типа читателя, который, ввиду постоянной нехватки времени, не склонен в течение нескольких часов читать газету; всю информация он схватывает буквально на лету, прочитывая лишь заголовки [14].

Из общемирового публицистического пространства выхватываются отдельные факты и предлагаются аудитории в качестве новостей. Человеческий мозг, по своей природе склонный к обобщениям, суммирует поступающую информацию, помогая людям на основе полученных сведений построить свою картину мира. Однако из-за недостатка информации (при заполненности мирового информационного поля, вот парадокс) она оказывается ложной. Это происходит из-за поверхностного освещения новостей, связанного с высокими темпами жизни.

Осознавая это, СМИ нашли новый способ привлечения аудитории: решили проблему с помощью демассификации [22].

Речь в данном случае идет о сегментации аудитории в СМИ. Для анализа мы выделили типичных представителей качественной общественно-политической и массовой прессы на общероссийском и региональном уровнях.

Опубликованная в «Известиях» корреспонденция Андрея Реута и Александра Латышева «В росте цен виноваты китайцы» [15] вполне вписывается в круг тем, поднимаемых газетой, - речь идет о всплеске цен осенью 2007 года. Проблема эта волнует всю страну (ядро читательской аудитории — люди самого активного возраста — от 35 до 54 лет, находящиеся на пике продвижения по карьерной лестнице и принимающие ответственные решения, имеющие высшее образование [30]), то есть тех, кого традиционно называют средним классом. Позиция авторов очевидна - объяснения, которые дает правительство в сложившейся ситуации, не выдерживают серьезной критики. Отсюда — плохо скрываемая ирония авторского комментария. Эта ирония сквозит уже в заголовке («В росте цен виноваты китайцы. Так министры объяснили Путину, почему подорожали хлеб и молоко») и в остроумно выполненной иллюстрации к тексту - «В сентябре инфляция «съела» ощутимую часть самых популярных продуктов». Над этой подписью изображены: наполненная на две трети бутылка молока с крупной подписью *+15%», отрезанный кусок сыра – с *+40%» и кусочек масла $-c \ll +15\%$ ».

Андрей Реут и Александр Латышев не скупятся на критические оценки объяснений министра («во всем виноват скачок цен на мировых рынках на сельхозпродукцию... Идет устойчивое повышение спроса со стороны растущих экономик, в том числе Китая, Индии, на сельхозсырье для использования в качестве альтернативных видов топлива», — пояснила она. К сожалению, Набиуллина ничего не сказала о том, что в России в этом году рекордный урожай, избыток зерна и что цены производители подняли не из-за прожорливых китайцев, а исключительно для своей выгоды»).

Авторы прибегают к разговорной лексике и риторическим вопросам («У нас «Балаковский» сыр летом стоил 110 рублей. Ну, от силы 114. А сейчас он подорожал до 190. И это наш, местный, с чего ему дорожать?»), используют метонимию («Местные чиновники кивают на Москву, а Москве до нас и дела нет»), сравнения («Цены на продукты растут как снежный ком»), квантитативность («инфляция в сентябре превысила ожидаемый показатель и составила 0,8%... В целом за январь—сентябрь инфляция составила 7,5%, что выше уровня прошлого года — 7,2%, и это, к сожалению, означает, что по итогам года мы выйдем за показатель 8%»).

Характерна и структура повествования. Материал состоит из трех частей. Первая вводит в суть проблемы и рассказывает, как чиновники переживают из-за повышения цен. Вторая часть повествует о ситуации в стране и построена в форме диалога с аудиторией. («Зачем вы неправду пишете? — позвонил нам вчера постоянный читатель «Известий» из Балакова Юрий Каргин» и т. д.) В третьей части приведена статистика и предлагаются пути решения проблемы.

Степень иронии авторов очевидна: их не устраивают объяснения правительственных чиновников, которые затушевывают суть проблемы – ясно, что цены растут не из-за козней китайцев, а из-за складывающихся цен на рынке. Виноваты в их росте не только перекупщики, но и наметившийся спад производства отечественной продукции. Откуда быть дешевому молоку и молочной продукции, если животноводство России в кризисе? Уменьшается поголовье крупного рогатого скота, падают надои и т. д. Но правительство предпочитает об этом не говорить. Газета об этом прямо не пишет, но догадливый читатель научился выискивать истину между строк. Именно на этом приеме строится процесс сближения позиций газеты и аудитории. Если в массовых СМИ это сближение достигается воздействием на чувственную сферу читателя, то в качественном издании все решает умело построенная система аргументов и использование различных стилистических приемов.

Газета «"Московский комсомолец" в Воронеже» работает с аудиторией несколько иначе, обсуждая эту проблему. 10—17 октября 2007 года материалу на эту тему отведена полоса [10].

Газета начинает с яркого броского рифмованного заголовка — «Дорожают хлеб и яйца. Виноваты кто? Китайцы!»

Текст в корреспонденции содержит больше иронии (порой напоминающей сарказм), чем аналогичный текст «Известий» («Глава Минэкономразвития Эльвира Набиуллина пришла на кремлевское совещание самой первой. И долго в одиночку сидела за столом «в компании» толстой папки с документами. Видимо, ей требовалось какое-то время, чтобы собраться с духом: Набиуллиной выпало докладывать Путину, что инфляцию в рамках запланированных 8% не удержать и цены на продукты питания будут расти»). И далее: «Небезынтересно в связи со всплеском цен вспомнить недавний вояж нового премьера в Пензенскую область, где он распорядился заменить металлические зубы механизатора на что-нибудь более эстетичное. Как нам кажется, несколько преждевременное указание. Поскольку если цены и дальше будут расти такими темпами, то половина населения вскоре пойдет глодать кору. А это стальной челюстью делать гораздо более удобно, чем какой-нибудь керамикой. Впрочем, можно будет и просто положить зубы на полку».

Похожей на предыдущий текст является опубликованная в этой же газете 28 ноября — 5 декабря 2007 на девятой полосе корреспонденция «Недорогие россияне» [9]. В материале речь идет об инфляции и о повышении цен на продукты питания.

Текст состоит из 2-х частей (вместе с фотографиями и диаграммами он занимает целую полосу), которые озаглавлены автором Александром Гришиным как «Оказывается, мы совсем зажрались» и «Правительство «не догоняет» цены».

Отличительными чертами корреспонденции являются квантитативность («Подсолнечное масло в октябре выросло в розничной продаже в цене на 26,3% (сентябрь -13,5%), яйца подорожали на 20.9% (6,1%), молоко — на 11.2-13.1%(9,4%), сыры сычужные — на 23,9% (13,5%), кисломолочные продукты и творог – на 9,6 10,7% (7,4-7,9%), сливочное масло — на 12,7%(9,4%)»); вкрапления разговорной («...а как выскажет кто-нибудь из чиновников очередной мессидж в порыве душевной откровенности, так хоть стой, хоть падай») и просторечной лексики («Одним словом, жрать россияне стали больше»); риторичности («Интересно, что об этом думают, например, в Костромской области, на Урале или в Восточной Сибири?»); прямое обращение к читателям («Так что, граждане, готовьтесь потуже затягивать пояса»); ироничность («Наверное, так оно и есть. Ведь главное — не памперсы и не коляски. И вообще — не старики и не люди. Главное — Родину любить!»).

Примечательно, что при подчеркнутой фактологичности в материале практически отсутствует анализ и не предлагается вариантов решения проблемы.

А вот как видит диалог с аудиторией газета «Воронежский курьер».

В корреспонденции «Основа для демонтажа» [25] речь идет о несоблюдении распоряжения, предписывающего убрать все игровые автоматы с улиц города.

Одной из отличительных черт издания является стремление к доверительным отношениям автора с аудиторией: текст персонифицирован, что играет ключевую роль при установлении контакта; публицист уважительно относится к аудитории, предлагая ей самой размышлять над указанной проблемой и принять самостоятельное решение (насколько оно будет самостоятельным, вопрос сложный, учитывая бурное развитие манипулятивных технологий). Не менее важным способом установления контакта с аудиторией является и принятие автором ее стороны при обсуждении данного вопроса, пусть даже это, на первый взгляд, идет вразрез с интересами учредителя газеты. Разумная оппозиция является лучшим средством для создания благоприятного фона в преддверии предвыборной кампании.

В газете «Моё» (еженедельное издание с самым большим тиражом в г. Воронеж (по оценкам Gallup Media, это 107012 экземпляров, усредненное количество читателей одного номера издания — 329.4 тыс. человек) [31], материал опубликован в нижней части второй полосы и называется «В школе № 60 обвалился потолок» [29].

Корреспонденция соответствует тематическому наполнению номера: социальные проблемы, пунктиром — политика, повседневные проблемы жителей города.

Татьяна Пелипенко и Анна Ясырева в стилистических пристрастиях близки коллегам из «Московского комсомольца» – экспрессивный заголовочный комплекс (подзаголовок «Ремонт в рамках нацпроекта едва не привел к человечески жертвам»), монологи действующих лиц (практически весь материал состоит из заявлений директора школы № 60, начальника Управления по делам ГО и ЧС, начальника городского управления образования. К сожалению, эти монологи-комментарии не приглашают к глубокому размышлению над причинами трагедии, а лишь подтверждают факт. Создается впечатление, что авторы не хотят вникать в проблему, предлагая другим давать оценки случившемуся. Вряд ли такой прием создает условия для диалога с аудиторией.

Подводя итог всему сказанному выше, нельзя не отметить, что тип издания становится крайне важным критерием при подаче информации и выборе формы воздействия на аудиторию, и, как следствие — в достижении эффекта от коммуникативного акта. Персонификация и яркий авторский стиль играют одну из ключевых ролей при установлении контакта с аудиторией.

В качестве еще одной важной стратегии СМИ при общении с аудиторией можно выделить интермедийность, т. е. диалог между разными медиа, который, однако, не помогает аудитории разобраться в происходящих событиях, а лишь вводит ее в заблуждение. При этом создается видимость мнимого диалога между различными сегментами СМИ, в котором, однако, не присутствует наличие разных точек зрения, что является необходимым условием для возникновения диалога, а более того, происходит взаимное рекламирование, усиливающее манипулятивный эффект. В результате происходит симуляция семантики.

К сожалению, современная российская пресса не отличается высокоэффективным уровнем коммуникации — тем, что наталкивает аудиторию на размышления о явлениях действительности и адекватном ее восприятии. У потребителей медиаинформации возникает «когнитивный кризис», порожденный большими объемами новостей и отсутствием времени для их осмысления, аудитории требуется помощь компетентных лиц для выработки четкой позиции по тому или иному вопросу. Часто таким лицом становятся представители СМИ. Во многих случаях для СМИ главной стратегией при диалоге с аудиторией становится манипулятивная.

ЛИТЕРАТУРА

- 1. Бахтин М.М. Проблема текста. (Заметки 1959-1961 гг.) // М.М. Бахтин Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. С. 297-325, 421-423 (прим.).
- 2. Библер В.С. От наукоучения к логике культуры (Два философских введения в двадцать первый век) / В.С. Библер. М.: Издательство политической литературы, 1991. (http://www.koob.ru/bibler/).
- 3. Ван Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация / Т.А. Ван Дейк. М.: Прогресс, 1989. С.161.
- 4. Виноградов В.В. О языке художественной литературы / В.В. Виноградов. М.: Гослитиздат, 1959.-656 с.
- 5. Гадамер X.-Г. Истина и метод: Основы филос. герменевтики: Пер. с нем. / X.-Г. Гадамер / Общ. ред. и вступ. ст. Б.Н. Бессонова. М.: Прогресс, 1988. 704 с.

- 6. Галилей Г. Избранные труды / Г. Галилей. Соч.: в 2 т. М., 1964. Т. 1.
- 7. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования / И.Р. Гальперин. М., 2006. C. 9.
- 8. Гегель Г. Феноменология духа / Г. Гегель. (http://www.koob.ru/georg_wilhelm_friedrich_hegel/phenomenology_of_spirit).
- 9. Гришин А. Недорогие россияне/ А. Гришин //Московский комсомолец в Воронеже. -2007. -28 нояб. -5 дек. С. 9.
- 10. Гришин А. Дорожают хлеб и яйца. Виноваты кто? Китайцы!/ А. Гришин, Ю. Шестоперова, К. Новиков, В. Приходько // Московский комсомолец в Воронеже. -2007.-10-17 окт. -C.4.
- 11. Деррида Ж. Письмо и различие / Ж. Деррида. http://www.koob.ru/derrida/pismo i razlichie).
- 12. Дускаева Л.Р. Диалогичность современных газетных текстов в аспекте речевых жанров / Л.Р. Дускаева. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2004. 112 с. (http://www.lenizdat.ru/cgi-bin/redir?l=ru&b=1&i=1022453).
- 13. Каминская Т.Н. Стратегия солидарности автора с читателем в журналистских текстах / Т.Н. Каминская // Современные проблемы журналистской науки. Воронеж, 2007.
- 14. Кройчик Л.Е. Актуальные проблемы теории публицистики (российский извод) / Л.Е. Кройчик // Современные проблемы журналистской науки. Воронеж, 2007.
- 15. Латышев А. В росте цен виноваты китайцы / А. Латышев, А. Реут // Известия. 2007. 10 октяб. С. 2.
- 16. Лотман Ю.М. Семиосфера. Автокоммуникация: «Я» и «Другой» как адресаты (О двух моделях коммуникации в системе культуры) / Ю.М. Лотман. С.-Петербург: Искусство СПБ, 2004. С. 163-177.
- 17. Певзнер А.С. Диалог в региональном коммерческом радиоэфире: коммуникативно-культурные характеристики, типология, структура (на материале белгородских интерактивных передач радиостанций «Европа плюс», «Русское радио», «Love радио») / А.С. Певзнер. Дис. канд. филол. н. Белгород, 2007.
- 18. Платон. Диалоги / Платон. (<u>http://psylib.org.ua/books/plato01/</u>).

- 19. Сартр Ж.П. Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии. Пер. В.И. Колядко / Ж.П. Сартр. М.: Республика, 2000. (http://psylib.org.ua/books/sartr03/).
- 20. Следзевский И.В. Стенограмма доклада круглого стола «Диалог культур и цивилизаций: понятие, реалии, перспективы» / И.В. Следзевский. 2003. (http://www.gorby.ru/rubrs.asp?rubr id=120&art id=13101).
- 21. Стексова Т.И. Тенденция к даилогизации монологического текста на страницах современной прессы. Русский язык в СМИ / Т.И. Стексова. (http://www.philol.msu.ru/ $\sim$ rlc2004/ru/participants/psearch.php?=17642).
- 22. Тоффлер Э. Третья волна / Э. Тоффлер. М.: ООО «Фирма "Издательство АСТ"», 1999. С. 6-261.
- 23. Фейербах Л. Избранные философские произведения/Л. Фейербах. Избранные философские произведения в 2 т.— М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. Т.1. С. 134-205.
- 24. Хайдеггер М. Путь к языку. Время и бытие / М. Хайдеггер. М., 1993. 447 с.
- 25. Цветков А. Основа для демонтажа/ А. Цветков // Воронежский курьер. 2007. 9 окт.
- 26. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность / Л.В. Щерба. М.: КомКнига, 2007.-432 с.
- 27. Щукина Л.С. Диалогичность как главная предпосылка эффективной рекламной коммуникации /Л.С. Щукина //Вестник ВГУ. Серия «Филология. Журналистика». 2004. № 2. С. 179-186.
- 28. Якубинский Л.П. О диалогической речи / Л.П. Якубинский // Избранные работы: Язык и его функционирование. М., 1986. С. 17-58.
- 29. Ясырева А. В школе № 60 обвалился потолок/ А. Ясырева, Т. Пелипенко // Моё!. 2007.— 9—15 окт. С. 2.
- 30. По данным сайта (http://www.brand-pressa.ru/serv_idP_53_idP1_721_idP2_2070_idP3_2071.html.)
- 31. По данным сайта <a href="http://www.tns-global.ru/rus/data/ratings/press/index.wbp?press.action=search&press.regionId=65F54714-0A64-0002-006E-3E5E32E82649&press.periodId=65F2CBE1-0A64-0002-006E-3E5E1F3256A7&press.smild=65F53FA1-0A64-0002-006E-3E5E98A9EA4A

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ ИНФОРМАЦИОННЫХ АГЕНТСТВ В ИНТЕРНЕТЕ

© 2008 Э.В. Могилевская

Тольяттинский государственный университет

Типологические признаки печатных периодических изданий на примере специальных журналов были исследованы А.И. Акоповым еще в 1970—80-х годах [1]. Впоследствии, с развитием СМИ в Интернете, эти признаки в значительной степени были адаптированы им же к интернет-изданиям в статьях «Типологическая характеристика сетевых периодических изданий Интернета» и «Типологические признаки сетевых изданий» [2]. В этих работах впервые было уделено внимание проблеме определения типа периодического сетевого издания, осуществлена попытка детализировать типологические признаки сетевых изданий российского сегмента Интернет на основе разработанной ранее методики.

Эти положения были в значительной степени были уточнены и проанализированы в диссертации М.М. Колесниковой «Периодические издания электронных сетей как вид СМИ (типологический аспект)» в 2002 году [3]. В работе, в частности, проводится комплексное исследование сетевых периодических изданий российского Интернета в типологическом аспекте, разрабатывается историко-типологическая и организационная структура периодических онлайн-изданий, рассматриваются направления развития сетевой периодики.

Типологические признаки радиовещания в Интернете были исследованы и подробно разработаны В.А. Колодкиным. В статье «Радио в Интернете», а позднее в диссертационном исследовании «Радиовещание в Интернете: принципы функционирования, типология и структура сайтов» автор выявляет особенности радиовещания в Интернете как вида СМИ, проводит структурное исследование сетевого радиовещания в типологическом аспекте, путем классификации исследует систему и типы радиосайтов, определяет их типологическую сущность и специфику типологических признаков [4].

Отметим, что информационные агентства неоднократно становились объектом исследова-

тельских работ в контексте журналистики и были рассмотрены в историческом, социологическом, типологическом, экономическом аспектах. Стоит выделить труды В.И. Сапунова, Ю.А. Погорелого, Н.В. Саляховой, К.А. Войцеховича и других [5].

С начала 1990-х годов информационные агентства активно используют Интернет не только для сбора и распространения информации, а как основную площадку для деятельности, медиасреду. Появляются собственно интернет-агентства, которые минуют посредников для распространения информации и сами превращаются в полноценные СМИ с набором индивидуальных типологических признаков.

Изучение публикаций по данной теме не выявило наличия работ, посвященных исследованию сетевых информационных агентств. Как правило, авторы дают характеристику традиционным информационным агентствам, отмечая при этом, что «возникновение Интернета вызвало к жизни такой феномен, как интернет-агентства» [6].

На наш взгляд, исследование типологических признаков сетевых информационных агентств чрезвычайно актуально и представляет собой логическое продолжение работы по научному анализу типологических признаков средств массовой информации в сети Интернет. В данной работе мы остановимся на особенностях функционирования в Сети как традиционных информационных агентств, так и собственно интернет-агентств. Отметим, что для традиционных информационных агентств Интернет давно стал привычным и основным средством распространения информации, поэтому мы считаем обоснованным анализировать общие типологические признаки как традиционных, так и сетевых информационных агентств.

Напомним, что при разработке типологии сетевых информационных агентств диссертант опирался на методику, разработанную и внедренную в методологию исследования журналистики для анализа печатных периодических изданий [1].

Типоформирующие признаки, оказывающие первоочередное влияние на появление информационных агентств, — те же, что и для любого СМИ — это издатель, целевое назначение, читатель.

Признак **издатель (учредитель)** требует детального рассмотрения с помощью историко-типологического метода.

Исторически сложилось, что первыми инициаторами создания информационных агентств как за рубежом, так и в России выступали частные лица. Так, учредителем первого российского информационного агентства печати выступил публицист и издатель Константин Трубников. 19 декабря 1866 года газета «Биржевые ведомости» опубликовала извещение о создании в Петербурге Русского телеграфного агентства. К тому времени при «Биржевых ведомостях» уже четыре года действовало небольшое телеграфное бюро. Агентство получило разрешение иметь свои бюро в разных городах, издавать свои «Телеграфные бюллетени» и продавать их. Первоначально РТА распространяло иностранную политическую информацию и коммерческие новости на территории страны организациям, редакциям газет и частным лицам. Вскоре оно стало собирать и распространять за границей через бюро Вольфа внутрироссийскую информацию. Это значительно облегчило получение сведений, особенно провинциальными газетами.

Спустя шесть лет, в 1872 г., к первому телеграфному агентству России, которое существовало (с перерывами) до 1878 г., прибавилось Международное телеграфное агентство, а в 1882 г. возникло Северное телеграфное агентство. Первое общероссийское телеграфное агентство было создано в 1894 году.

Все российские агентства конца XIX века были частными предприятиями по типу собственности и принадлежали крупным издателям —

А.А. Краевскому, А.Л. Суворину, О.К. Нотовичу, М.П. Федорову и уже упоминавшемуся К.В. Трубникову. Однако вскоре положение меняется, и в 1902 г. по предложению министра С.Ю. Витте в России появляется первое государственное телеграфное агентство — Торгово-телеграфное агентство (ТТА). В его задачи входило «обеспечить отвечающую видам правительства» осведомленность за границей о событиях в России и своевременную информацию русских промышленников и торговцев о событиях за рубежом.

В 1904 г. по инициативе Министерства финансов, Министерства внутренних дел и Министерства иностранных дел Российской Империи Торгово-телеграфное агентство было преобразовано в Санкт-Петербургское агентство (СПА). Император Николай II собственноручно утвердил все необходимые документы об организации и принципах деятельности СПА.

От СПТА ведет свою профессиональную родословную старейшее российское информационное агентство ТАСС (ныне ИТАР-ТАСС), собственником которого также являлось государство. ТАСС было создано постановлением Президиума ЦИК СССР как общесоюзный «центральный информационный орган страны». Государственным является и российское агентство международной информации «РИА Новости». Его история началась с образования в первые дни Великой Отечественной войны Советского информационного бюро (Совинформбюро) при СНК СССР и ЦК ВКП (б) на основе постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О создании и задачах Советского информационного бюро».

В 1961 году на базе Совинформбюро было создано агентство печати массовых общественных организаций под названием «Новости». Высшим руководящим органом являлся Совет учредителей агентства: Союз журналистов СССР, Союз писателей СССР, Союз советских обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами и общество «Знание». Таким образом, агентство АПН формально не являлось государственным. Однако первым истинно негосударственным информационным агентством в Советском Союзе стало агентство «Интерфакс», созданное как совместное предприятие с привлечением иностранного капитала французско-советской компании «Интерквадро» в июле 1989 года. Другим партнером выступило Радио Москвы. Первым продуктом агентства стал бюллетень новостей на русском и английском языках, который одним из первых начал предоставлять объективную информацию о событиях в СССР. Уже в сентябре-ноябре того же года на бюллетень «Новости Интерфакса» были подписаны крупнейшие мировые информационные агентства, теле- и радиокомпании. Создание негосударственного информационного агентства в СССР стало возможным благодаря радикальной реформе управления экономикой и преобразованию хозяйственного механизма. Курс к эффективной экономике, начатый в конце 1986 года, позволил предприятиям и организациям перейти на полный хозяйственный расчет, самоокупаемость, самофинансирование и самоуправление.

Как правило, учредителями частных (коммерческих) агентств являются компании (информационное агентство «РосБизнесКонсалтинг» было создано на базе одноименной компании), учреждения («Агентство политических новостей» (АПН) является дочерним изданием Института национальной стратегии), частные лица.

Небольшая группа информационных агентств принадлежит **некоммерческим и общественным**

организациям (различным конфессиям, экологам, университетам, национальным общинам). К примеру, информационно-аналитическое агентство МиК (Маркетинг и Консалтинг) независимая, некоммерческая организация. Ее учредитель и президент — доктор психологических наук, действительный член Международной академии информатизации и Академии проблем безопасности, обороны и правопорядка Михаил Креймер [7].

Следующим типообразующим признаком является целевое назначение. Для информационных агентств - это сбор, обработка и распространение информации с целью публикации и дальнейшей передачи СМИ и другим институтам. Естественно, чем масштабней агентство, тем больше объем переданной информации. К примеру, основной задачей глобальных информационных агентств является «оптовый сбор и продажа новостей другим «розничным» СМИ, которые работают с аудиторией напрямую, а также «не-медийным» потребителям» [8]. (Заметим, что это определение не учитывает возможность глобальных информационных агентств непосредственно работать с аудиторией с помощью своих представительств в Сети.)

Говоря о целевом назначении информационных агентств, стоит отметить, что они не ограничиваются работой с новостной информацией. В разделе «Услуги» большинства крупных информагентств, как правило, значатся стратегический консалтинг, комплексное информационное и PRобслуживание, организация пресс-конференций, брифингов, «круглых столов», создание и поддержка интернет-проектов, реклама в Сети, мониторинги СМИ, индивидуальные аналитические исследования широкого тематического спектра.

По нашему мнению, к целевому назначению информационных агентств следует относить и энциклопедическое. Представляя ежедневную картину дня, агентства накапливают знания о современной действительности, формируют библиотеки новостей. Архив международного или национального информационного агентства это своего рода исторический отчет о событиях, происходящих в мире или стране за определенный период. Учитывая то, что информационные агентства четко разграничивают факты и комментарии, данная информация претендует на объективность. Кроме того, агентства предоставляют справочную информацию (биографии, статистика и т. п.) которая дополняет новостную. Приведем пример информационного агентства «Интегрум», архив которого содержит абсолютно все интервью российских политиков. Сервис «Интегрума» «Национальная электронная библиотека» — это крупнейший в мире электронный архив русскоязычных документов по любым общественно значимым темам. В каталоге представлены полнотекстовые версии центральных и региональных СМИ, аналитические исследования и обзоры, адресно-справочные и правовые базы данных и т. д. — более 5 000 источников, свыше 316 миллионов документов. Глубина архива — более 10 лет.

Третим типологическим признаком, влияющим на формирование типа информационного агентства, является читательская аудитория. Мы считаем, что она складывается из четырех категорий пользователей:

- 1. **СМИ** журналисты, аналитики, редакторы российских и зарубежных средств массовой информации.
- 2. Государственные структуры представители государственных и правительственных структур, органов власти.
- 3. Финансовый и корпоративный сектор руководители предприятий, эксперты, специалисты инвестиционных и консалтинговых компаний, научных организаций, образовательных учреждений.
- 4. Частные потребители информации индивидуальные пользователи, владеющие компьютером с доступом в Интернет.

В зависимости от специализации деятельности агентств процентное соотношение этих категорий в общей доле аудитории меняется.

Об аудитории информационных интернетагентств можно судить на основе результатов исследования аудитории российского Интернета «Онлайн Монитор» компании МАСМИ-Россия. Онлайн Монитор — это широкомасштабное онлайн-исследование русскоговорящих пользователей интернета. Этот проект осуществляется два раза в год с 2001 года. Исследование позволяет создать демографический и поведенческий портрет пользователя Сети, дает картину проникновения интернета в России и тенденций развития, показывает отношение к электронной коммерции, рекламе онлайн и другим вопросам [9]. Важное место в проекте отведено средствам массовой информации в Интернете.

В ноябре—декабре 2006 года «Онлайн Монитор» проводился в одиннадцатый раз. В сетевом опросе приняли участие 60 тысяч человек, среди них более 5 000 посетителей информационного агентства REGNUM. По данным исследования, большинство читателей агентства — журналисты, представители органов власти, сотрудники промышленных предприятий, строительных и телекоммуникационных компаний, транспортники, банкиры, юристы и т.д. Основной аудиторией информационного агентства являются жители России (85,8%) старше 24 лет, мужчины (52%), имеющие высшее образование (53,3 %) [10].

Информационное агентство «РосБизнес Консалтинг» тоже упоминает об исследовании собственной аудитории с помощью проекта "ОнЛайн Монитор", однако приводит данные ноябрядекабря 2005 года [11]. Согласно результатам, основой аудитории сетевого информационного агентства РБК являются россияне. В основном это жители Москвы — 62% (Санк-Петербург — 8%, другие города — 30%.) Аудитория старше, чем посетители российского интернета в целом — 60% аудитории РБК старше 25 лет (в среднем по Рунету — 47,6%).

Большую часть аудитории (82%) составляют мужчины. Достаточно высок образовательный уровень посетителей: в 63% случаев — это люди с высшим образованием, а в 5% — с ученой степенью. Более трети (38%) — руководители разных рангов. Наиболее активно ресурсы РБК посещают представители ІТ-отрасли, сотрудники финансовых учреждений и страховых компаний. РБК имеет самую большую бизнес-аудиторию среди российских СМИ (более 2 миллионов человек). Аудитория всех ресурсов РБК превышает 4 миллиона человек.

Следует рассмотреть также и другие типологические признаки, хотя и не влияющие на формирование типа агентства, но характеризующие его с различных сторон, выявляя особенности и составляя в совокупности типологическую модель информационного агентства.

Внутренняя структура сайта информационного агентства как типологический признак является единой характеристикой, как для собственно сетевых, так и для представительств традиционных информационных агентств, так как деление материалов происходит по одним и тем же принципам.

По тематическому признаку сообщения попадают в рубрики, к примеру: «Политика», «Экономика», «Общество». В свою очередь сохраняется деление внутри рубрик. «Общество»: Социальная сфера, Образование, Наука, Здравоохранение, Экология, Происшествия, Национальности, Религия, Культура, Спорт, Туризм, Досуг, Наркомания и СПИД, Курьезы. (Regions. ru «Новости Федерации») [12].

Одним из главных критериев оценки информационного агентства является оперативность предоставления информации, поэтому временной признак очень важен. Материалы группируются как «Главные события часа», «Хроника дня», «Лента новостей» и др.

Территориальный принцип делит информационные сообщения по принадлежности к странам, федеральным округам, областям и районам, городам. В частности: «Москва», «Центр», «Северо-Запад», «Урал», «Поволжье», «Юг»,

«Сибирь» (Интерфакс) [13]; «Новости двух столиц: Москва, Санкт-Петербург» (Росбалт) [14]; Новости из-за рубежа (Абхазия, Азербайджан, Армения...), Северо-Запад России (Архангельская обл., Вологодская обл., Калининградская обл...), Санкт-Петербург, Москва, Центр России, Северный Кавказ, Волга, Урал, Сибирь, Дальний Восток, Общефедеральные (REGNUM) [15].

По жанровому критерию деления разделов выделим репортаж, сообщение, интервью, отчет, обозрение, портрет.

Интернет-среда позволяет легко масштабировать приложения к основному информационному наполнению. Информация в Интернете, как правило, каталогизируется и архивируется, отдельные материалы могут представлять интерес для составления обзоров, справочных, энциклопедических и биографических материалов. Для их оперативного поиска требуется разработка сложной структуры инструментов — аппарата информационного агентства [16].

Рассмотрим жанры продукции информационных агентств - один из важных типологических признаков средств массовой информации. В системе используемых жанров информационных агентств информационные сообщения занимают несравненно более значительное место. Далее среди используемых жанров назовем интервью, репортажи, отчеты, анонсы, аналитические обозрения, обзоры СМИ, фоторепортажи. Несомненно, специфика информационных агентств позволяет выделить жанры, присущие исключительно данному виду журналистской деятельности. Бывший главный редактор французской газеты «Монд» Ив Анье предлагает следующую классификацию жанров информационных агентств: [17]

- «Молния»
- «Бюллетень»
- Новости с пометкой «срочно»
- «Обозрение»
- «Синтез»

Более расширенную классификацию жанров информационных агентств предлагает Ю.А. Погорелый в работе «Информационное агентство: стиль оперативных сообщений» [18].

Информационные жанры: сообщения («единичные сообщения», «расширенные сообщения» и «сводные сообщения»), молния, «экспресс», обобщение.

Аналитические жанры: «дополнительные» новости, анализ происходящего, «портрет», документация, справочные сведения, индекс новостей.

Жанры второго типа: статистическая информация, «новости компаний», обзор ситуации на биржах.

Отдельно автор выделяет фичер (жанр новостей, напоминающий газетный — это «главная статья номера в газете»), интервью и обзоры прессы.

Следующим типологическим признаком является оформление. Главное в дизайне сайта информационного агентства, как и любого информационного ресурса, — это быстрая ориентация читателя в информационном потоке. Разработчик сайта должен все время думать о том, что представители целевой аудитории должны удобно ориентироваться в большом объеме информации. Чтобы добиться этого, необходима правильная подача материалов, лаконичность их анонсирования, простая навигация по различным характеристикам материалов (тематика, география, жанры), оптимальная система поиска.

Таким образом, оформление интернет-ресурса информационного агентства должно учитывать следующие критерии работы посетителя:

- 1. Пользователь ресурса должен быстро находить нужную информацию.
- 2. Пользователь ресурса должен ориентироваться, какую информацию он уже видел, а какую еще нет.
- 3. Пользователь ресурса должен иметь возможность выбирать информацию по необходимой тематике.

По словам директора интернет-агентства «ВебСтрой» Максима Лященко, разрабатывавшего дизайн информационного портала «Седьмая столица» (www.7c.ru), сайта радиостанции «Эхо Ростова» (www.echorostova.ru) и один из вариантов сайта информационного агентства Росбалт-Юг (www.rosbaltsouth.ru), главное при разработке сайта информационного агентства — это создание главной страницы и интерфейса администратора.

Остановимся на разработке главной страницы. Это основная точка входа на сайт и основная нагрузка на сервер. Соответственно скорость ее загрузки - это основной из показателей работоспособности сайта, который должен выдерживать относительно высокий уровень посещаемости. Для регионального информационного агентства таким показателем может стать 5 тысяч посетителей в день. На ранней стадии создания сайта осуществляется правильное построение генерации первой страницы – определяются пропорции статического и динамического способа подачи информации. Если главная страница разработана в виде статического html, информация на ней обновляется пакетами, к примеру, раз в 5 минут (это так называемая частота дискретизации), в то время как новости могут добавляться раз в минуту. Так возникает ситуация, когда новость уже добавлена в базу данных, она появляется на внутренней странице, но на главной она еще не отображается. Другой вариант — разработка главной страницы динамическим способом. Тогда новости отображаются в момент добавления администратором сайта, однако время загрузки главной страницы увеличивается. Следовательно, необходимо идти на компромисс между оперативностью и скоростью загрузки сайта.

Теперь вернемся к интерфейсу администратора сайта. Администрированием, то есть добавлением информации, занимается редактор сайта или самостоятельно авторы материалов. Сайт информационного агентства должен быть снабжен интерфейсом, который позволит журналистам гибко управлять информационным наполнением (редактировать новостную ленту, аналитические материалы, прогнозы погоды и валют и т. д.), просматривать статистические отчеты и т. д. Управление содержимым сайта не требует специальных навыков веб-программирования и по сложности не отличается от подготовки документов в MS Office.

Разработчики сайтов делят их на две части — контент и бэкент, или back office (система администрирования). Основная задача back office, чтобы его технологии и интерфейс максимально соответствовали внутренним процессам, происходящим в редакции. Предположим, главный редактор не пользуется компьютером, значит, нужно создать возможность печати главной страницы back office в компактном виде, чтобы редактор мог показать правки на странице. Если материалы журналистов до публикации проходят корректорскую и (или) редакторскую обработку, соответственно система администрирования должна иметь интерфейс корректора и редактора.

В интерфейсе редактора может быть раздел статистики, в котором отображается, сколько новостей предоставил тот или иной журналист, какой материал читали и т. д. Интрернет-агентство «ВебСтрой» разработало коэффициент привлекательности автора с точки зрения формирования аудитории ресурса в целом. Это формула из нескольких слагаемых, где каждое дает свое значение. Например, как автор читается, как автор запоминается (степень возврата к его материалам теми, кто его уже читал, степень перечитывания), как автор обсуждается, сколько из тех людей, которые его читали, оставили комментарии и сколько раз. Такой коэффициент позволяет увидеть степень популярности автора среди читателей, а также дает объективную оценку его работы.

В программировании сайтов информационных агентств используются те же языки программирования и верстка, что и для обычного сайта. Как правило, сайты информационных

агентств разработаны на базе технологий html. Оформление тематических и развлекательных ресурсов в последние годы смещается в сторону все большего использования flash-технологи. Однако для информационного сегмента Интернет она непригодна, так как требует дополнительного программного обеспечения компьютера, а также замедляет время загрузки страниц, что для новостных сайтов неприемлемо.

Сайт может быть выполнен с учетом масштабирования относительно окна браузера или фиксированным по горизонтали. HTML-верстка должна предусматривать корректную работу сайта во всех популярных браузерах с разрешением экрана посетителя 800х600 точек и выше. Среднее время загрузки страниц не должно превышать 15-20 секунд при скорости соединения ~28,8 Кбит/сек. Навигационная схема сайта должна быть реализована таким образом, чтобы дополнение структуры новыми разделами не требовало вмешательства в общую концепцию дизайна. В то же время необходимо помнить о том, что некоторые сервисы (например, трансляцию видео) нельзя заложить в стадию роста проекта.

Один из важных признаков информационных агентств — периодичность. Все интернет-ресурсы агентств работают в режиме реального времени. Однако этот режим также может быть дифференцирован. По нашему мнению, оптимальным критерием оценки оперативности работы информационного агентства является количество выпущенных новостей в единицу времени (час, день, неделя, месяц).

К примеру, ИА «Интерфакс» выпускает информационное сообщение каждые три минуты в закрытом доступе для подписчиков и 7-10 новостей в час для всех посетителей ресурса www.inter-fax.ru. Объем всех новостей агентства в открытом доступе колеблется от 100 до 200 сообщений в день. Российское агентство международной информации «РИА Новости» выдает около 20 новостей в час в свободном доступе, а агентство «РБК» всего 3-5 новостей.

Вместо типологического признака «тираж» применительно к ресурсам сетевых информационных агентств, следует использовать признак объема посещаемости сайтов. Данный критерий является не только показателем определенного «статуса» в сетевом сообществе информационных ресурсов, признанием аудитории, но и индикатором коммерческой успешности проекта. Традиционным способом подсчета аудитории для информационного агентства является подписка на его услуги. Однако основной способ подсчета количества посетителей сетевого ресурса — это установка счетчика, который предоставляют различные службы: «Яндекс», «Рамблер», система

Интернет-статистики Hotlog, SpyLOG, [SIM]Log, Liveinternet и др.

Как правило, измеряют популярность ресурса у пользователей (среди «читателей») счетчики посещений. Одна из проблем счетчиков — положительная обратная связь. Чем выше ресурс в счетчике, тем больше у него посетителей, и, соответственно, тем выше он в счетчике поднимается. Портал «Яндекс» использует другую методологию определения рейтинга Интернет-ресурсов, которая называется «тематический индекс цитирования (ТИЦ)». Данный индекс учитывает количество ссылок на ресурс с других сайтов, придавая этим ссылкам разный «вес» в зависимости от авторитетности ссылающегося сайта. тИЦ появляется у ресурса с момента его возникновения в сети и пересчитывается каждую неделю.

Проанализировав характеристики статистических систем российского Интернета (Hotlog, SpyLOG, Liveinternet, [SIM]Log, ZurStat, Faza и др.), мы пришли к выводу, что данные по наибольшему количеству критериев предоставляет Liveinternet. Эта бесплатная система интернетстатистики последнее время очень популярна среди владельцев сетевых ресурсов. Она позволяет собирать и анализировать статистику посещаемости сайта на основании данных, собираемых счетчиком. Для более подробного анализа системой был разработан и запущен дополнительный сервис «Срезы», который позволяет посмотреть статистику, ограниченную по одному из заданных критериев: по географии посетителей (страна или регион России), по тому, с каких сайтов переходят посетители (с поисковых систем, рейтингов) и по другим критериям. Одним из последних новшеств системы стал запуск PDA-версии интерфейса статистики. Теперь пользователь счетчика LiveInternet может изучать статистику своих сайтов с КПК или смартфона. Стоит отметить, что ни одна из статистических систем Рунета не предоставляет статистику в формате для PDA.

Характеризуя посещаемость, а следовательно, и популярность интернет-агентств среди аудитории, можно использовать и сопоставлять данные, предоставляемые различными статистическими системами и счетчиками. Проанализируем информационное агентство REGNUM: ежемесячная аудитория, по данным LiveInternet, составляет более 1 миллиона 800 тысяч человек, в категории «Новости и СМИ» данной статистической системы ресурс занимает 8 место. В рейтинге Rambler's Top100 REGNUM стоит на одиннадцатой строчке, в рейтинге Mail.ru занимает шестую позицию категории «Новости, Информационные агентства». Каталог Яндекса ставит агентство на четвертое место по цитируемости с ТИЦ 13 000.

В данной работе рассмотрены лишь основные типологические признаки информационных агентств. Однако уже сейчас можно сделать вывод о том, что типология, принятая для печатной прессы и периодических онлайн изданий, может быть использована и для анализа информационных интернет-агентств. Существуют характеристики, не вошедшие в данное исследование, некоторые признаки требуют дополнения и детализации и должны стать предметом дальнейших исследований автора.

ЛИТЕРАТУРА

- 1. См.: Акопов А.И. Типология советских научно-технических журналов: Дисс... канд. филол. наук / Акопов Александр Иванович. — М., — 1979; Искусство быть собой / Журналист. — 1981. — № 9; Типологический анализ советских научно-технических журналов / Журналистика развитого социализма. — Свердловск, 1983; Методика типологического исследования периодических изданий. — Изд-во Иркутского ун-та. — Иркутск, 1985.
- 2. Акопов А.И. Типологическая характеристика сетевых периодических изданий Интернета / А.И. Акопов // Акценты. 1999. № 1-2. С. 22-27; Типологические признаки сетевых изданий // Филологический вестник Ростовского университета. 2000. № 1 c. 42—44.
- 3. Колесникова М.М. Периодические издания электронных сетей как вид СМИ (типологический аспект): Дисс. ... канд. филол. наук / М.М. Колесникова. Ростов-н/Д., 2002. 183 с.
- 4. Колодкин В.А. Радио в Интернете / В.А. Колодкин // Вестник ВГУ. 2004. Сер. Филология. Журналистика. №1. С. 103-110; Радиовещание в Интернете: принципы функционирования, типология и структура сайтов: Дисс. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2005. 171 с.
- 5. Сапунов В.И. Зарубежные информационные агентства / В.И. Сапунов. Спб., 2006.; Погорелый Ю.А. Международные экономические информационные агентства: стратегия развития

- и творческие аспекты деятельности: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук / Ю.А. Погорелый. М., 2001.; Саляхова Н.В. Роль и место агентства «Франс-Пресс» в мировых информационных процессах: Автореф. ....канд. филол. наук / Н.В. Саляхова. М., 2005.; Войцехович К.А. Информационное агентство Ассошиэйтед Пресс в условиях современного информационного рынка: Дисс. ... канд. филол. наук / К.А. Войцехович. М., 2005.
- 6. Сапунов В.И. . Зарубежные информационные агентства / В.И. Сапунов. Спб., 2006. С. 153.
- 7. Информационно-аналитическое агентство «МиК Маркетинг и Консалтинг». URL:[http://www.iamik.ru]
- 8. Войцехович К.А.. Информационное агентство Ассошиэйтед Пресс в условиях современного информационного рынка: Дисс. ... канд. филол. наук / К.А. Войцехович. М., 2005. С.76.
- 9. The Online monitor [http://www.onlinemonitor.ru/].
- 10. REGNUM [http://common.regnum.ru/documents/onlinemonitor-11.pdf].
- 11. PБК.Aудитория.[http://www.rbc.ru/advert/company_advert_audience.shtm].
- 12. Regions.ru «Новости Федерации» [http://www.regions.ru/].
  - 13. Интерфакс [http://www.interfax.ru/].
  - 14. Росбалт [http://www.rosbalt.ru/].
  - 15. REGNUM [http://www.regnum.ru/].
- 16. См. Колесникова М.М.. Некоторые особенности аппарата сетевого издания / М.М. Колесникова // Филологический вестник. Ростовна-Дону, 2001. N = 3.
- 17. Agnks Y., Croissandeau J-M. Lire le Journal. Paris., 1979. р. 14. Цит. по: Сапунов В.И.. Зарубежные информационные агентства. Спб., 2006. С. 146.
- 18. Погорелый Ю.А. . Информационное агентство: стиль оперативных сообщений / Ю.А. Погорелый / Под ред. Г.Ф. Вороненковой. М., 2000.
- 19. Могилевская Эльвира Владимировна, редактор Интернет-агентства «Вебстрой», Рстовна-Дону.

ЖАНРОВАЯ СПЕЦИФИКА СЕТЕВОЙ ПОЛЕМИКИ

© 2008 Т.В. Синенко

Воронежский государственный университет

Полемика как способ воздействия на целевую аудиторию и как метод подачи текстового материала представляет собой универсальный инструмент, позволяющий контролировать и направлять информационные потоки максимально эффективно, генерируя и пропагандируя определенный подход к отображаемым событиям и явлениям. Зачастую именно этот, весьма субъективный, но, в то же время, основанный на четко очерченных задачах и целях, подход определяет направление массового сознания и формирует общественное мнение. Не удивительно, что полемика, применяемая в том числе и в художественной литературе, свое основное развитие получила именно в системе масс медиа, в частности - в интернет-изданиях.

Сегодня можно говорить о развитии сетевой полемики как одной из самых востребованных жанровых систем в Интернете. На страницах сетевых СМИ и в версиях оффлайн-изданий представлены практически все полемические жанры. Более того, авторские статьи, несущие в себе оттенок конфронтации, находят живой отклик среди пользователей Интернета – именно они активно обсуждаются посредством интерактивных сервисов изданий и на независимых коммуникативных площадках. Рассмотрим представленные в современном сетевом пространстве основные элементы полемической системы жанров. В своей работе «Полемический текст в современном медиапространстве» А.М. Шестерина, рассматривая печатную полемику как систему жанров, выделяет следующие жанровые разновидности полемических текстов:

Диалогическая группа

- 1. Интервью-конфронтация
- 2. Спор

Монологическая группа

- 1. Полемическая статья
- 2. Полемическая корреспонденция
- 3. Полемическая рецензия
- 4. Письмо-протест

- 5. Полемический портрет
- 6. Полемическое обозрение
- 7. Полемическая исповедь
- 8. Полемическая версия
- 9. Полемический комментарий

Говоря о проявлениях полемики в сетевом пространстве Интернета, мы будем придерживаться именно этой классификации полемических жанров с добавлением в список их специфической сетевой модификации и устранением из списка не задействованных в сетевом пространстве жанровых видов.

Интервью-конфронтация. Жанр интервью как таковой очень популярен в современном Интернете – практически любой сайт, позиционирующий себя как СМИ, содержит рубрику «Интервью». Сетевые технологии заметно упрощают процесс подготовки и публикации интервью, не говоря уже о том, что интерактивность интернетвещания позволяет вовлечь в процесс подготовки материала аудиторию издания. В Сети ярко выражены два подхода к созданию публикаций в жанре интервью. Примером интервью-конфронтации может послужить публикация сетевого агентства ИА REGNUM «Большинства объектов Владивостокской крепости официально не существует». В публикации обсуждается состояние памятников культурного и исторического наследия во Владивостоке, в частности тех объектов, которые официально находятся под защитой государства. Позиция журналиста определена в названии публикации и в дальнейшем развивается в вопросах: «Во Владивостоке находится большое количество уникальных зданий, которые нуждаются в охране со стороны государства. Почему же в списке федеральных объектов их всего пять?», «Если эти здания находятся под федеральной охраной, должно быть, они находятся в отличном состоянии?» [1].

В то же время в Интернете активно развивается еще один подход к подготовке интервью, который применяется СМИ, вещающими в сети, наравне с классическим подходом: автор исполь-

зует коммуникативные возможности Интернета с целью получения информации для написания текста. Он основан на идее интеграции аудитории сайта в процесс работы редакции и реализуется посредством интерактивных сервисов Интернета. Самый простой вариант организации интерактивного интервью - создание площадки типа форума или гостевой книги на сайте, выбор «гостя студии» (получение его согласия на участие в проекте) и объявление о мероприятии на сайте. Наиболее наглядным может стать пример проекта портала Rambler «В гостях у Рамблера» (http://vision. rambler.ru/guests/). Вопросы пользователей портала публикуются без редакторского отбора и не всегда получают ответ. Такую «публикацию» сложно назвать связанным текстом и интервью в классическом понимании этого слова.

Тем не менее, интерактивность позволяет создавать и профессиональные, с точки зрения журналистики, публикации, которые могут носить, в том числе, и полемический характер. Примером такого интерактивного интервью может послужить специальный проект информационного агентства «РИА новости» «online-конференции». Редакция приглашает специалиста в определенной сфере, определяет тему интервью и тщательно отбирает присылаемые читателями вопросы. В результате получается интересный, логически связанный и аргументированный текст, раскрывающий различные грани обсуждаемой проблемы. Так, в публикации, озаглавленной «Как не ошибиться при выборе профессии?», на вопросы посетителей сайта отвечает кандидат психологических наук, генеральный директор Центра тестирования и развития «Гуманитарные технологии» Виктория Кононова. Несмотря на «просветительский» характер интервью, в нем наблюдаются и элементы полемики, например, когда Виктория Кононова опровергает сложившиеся в обществе стереотипы: «Расхожий стереотип о невозможности смены профессии, начиная с определенного возраста, сильно преувеличен» [4]. Раздел «online-конференции» встречается на страницах многих интернет-изданий, как чисто сетевых, так и сайтов печатных СМИ – такой формат работы с аудиторией и подачи материала характерен для изданий широкого профиля, ориентированных на освещение актуальных общественных и социальных проблем. Своеобразный синтез классического и интерактивного подхода предлагает интернет-издание Газета.ру в рамках специальной рубрики «online-интервью». В качестве примера можно привести интервью с Михаилом Касьяновым, в котором принимали участие как журналисты Газеты.ру, так и ее читатели. На каждый проект присылаются сотни вопросов (например, на интервью с Михаилом Касьяновым было при-

слано 408 вопросов) — оставшиеся без ответов вопросы выделены в отдельный сектор. Уже в первом вопросе проявляется конфронтационный настрой некоторых участников проекта: «*Почему* вы считаете нормальным, что из-за ваших поездок на дачу (!!!!) в бытность премьером перекрывали дороги, и огромное количество москвичей не могло попасть вовремя на работу? Источник: http://www. gazeta.ru/2003/09/12/probkanamkad.shtml Евгений (Москва)» [7]. Автор вопроса демонстрирует конкретную позицию по отношению к интервьюируемому, апеллируя к определенному тексту. Следует отметить, что приведенный отрывок может послужить великолепным примером гиппертекстуальности сетевой полемики. Редакция Газеты.ру проявила более мягкий подход к беседе, однако и в вопросах профессиональных журналистов явно прослеживается полемический настрой: «С президентской кампанией разобрались. К сожалению, непонятна форма участия вас лично и НДС в выборах 2007 года. Вы — узнаваемое лицо, и эти пункты программы, которые вы назвали, могут сыграть на руку и могут — наоборот» [7]. Следует подчеркнуть, что «online-интервью» является постоянной рубрикой Газеты.ру – в период с января по сентябрь 2007 года было проведено 11 интервью с различными общественными, политическими и культурными деятелями. Высокая активность участников подобных интервью свидетельствует о востребованности и популярности данного формата.

Еще одна форма полемического выступления, применяемая в сетевых публикациях, которая выражается через общение с интервьюируемым - спор. На этот раз в качестве примера приведем текст уже оффлайн-издания, опубликованный на сайте издательского дома «Комерсанть», под названием «Нельзя допустить отгораживания от России колючей проволокой». Здесь полемическая направляющая представлена еще более остро – в своих вопросах журналист использует такие приемы, как цитирование высказываний оппонента: «Вы говорите, что ваша цель сохранить коалицию, но своим партнерам не доверяете, так как подозреваете Партию регионов в тайных переговорах с "Нашей Украиной"», апелляцию к слухам: «Злые языки говорят, что коммунисты согласились войти в коалицию, не попросив, в отличие от социалистов, ни одного министерского портфеля, потому что им заплатили», метафорические сравнения: «Но теперь-то наркотическое воздействие Майдана должно уже закончиться. Значит, сейчас они ничего не получат?» [5], и другие классические полемические приемы. Такая форма подачи материала действительно больше характерна для печатных оффлайновых СМИ: интернет-издания больше ориентированы на схему «вопрос-ответ»,

хотя формат онлайн-интервью нередко предполагает постановку вопросов в форме комментария или высказывания определенной позиции.

Полемическая статья. Полемическая статья один из самых распространенных полемических жанров в Интернете, особенно среди общественных изданий с широкой аудиторией. Практически любое социально значимое и вызывающее определенный резонанс в обществе явление находит свое отражение именно в полемических статьях, причем в Интернете особо подчеркивается субъективность подобных публикаций. Большинство изданий, как сугубо сетевых, так и оффлайновых, не считают нужным указывать авторов новостных сообщений или (что гораздо реже) корреспонденций, некоторые издания не указывают авторов обычных статей, однако полемическая статья всегда публикуется с указанием ее автора и, зачастую, ссылкой на его реквизиты. Объяснить данный эффект очень просто – в Интернете, информационной системе с беспрецедентным уровнем интерактивности, ответственность за публикацию повышается многократно, и несет эту ответственность прежде всего автор. Более того, реакция читателей на опубликованный текст выражается именно в обращении к автору – как правило, сетевые издания обеспечивают наличие интерактивного сервиса (форума или опции «оставить комментарий») на той же странице, что и статья. Полемические статьи обычно публикуются в отдельной рубрике — эта особенность характерна как для сетевых версий оффлайнизданий, так и для сетевых проектов. Название, да и характер такой рубрики стандартны — это авторские колонки. Примером могут послужить разделы «Мнения» на сайте «Комерсантъ», «Авторы» в «Газета.ру», «От Автора» на сайте «РИА новости», «Колумнисты» в «Комсомольской Правде» и т. д. Авторы на сегодняшний день являются главным козырем любого издания, и это особенно видно на страницах вебсайтов СМИ. Так, Газета.ру не просто открыла одноименный раздел, но и позаботилась о том, чтобы читатели имели максимально полное представление о людях, открыто выражающих свою точку зрения на страницах данного издания (http://www.gazeta. ru/column/). Показательным примером полемической статьи может послужить публикация под названием «У них рука не дрогнет». Автор статьи Наталия Геворкян выражает свое мнение по поводу состояния современного Интернета в целом и в частности - по поводу содержания его российского сегмента. Информационным поводом для данной публикации послужило появление в Интернете кадров с казнью таджика и дагестанца. Свою позицию автор выражает через прямые цитаты Дмитрия Медведева и помощника прокурора республики Коми, высказанные ранее, но прямо относящиеся к теме. Аргументируя свою позицию, автор сравнивает эти высказывания, при этом используя такие полемические приемы, как прямое обращение к читателю «Я не знаю, обратили ли вы внимание на одну фразу Дмитрия Медведева в интервью "Штерну"», риторические вопросы «Ну почему не вздрогнули-то тогда? Картинки нет?» [12] и т. д. Однако помимо техники написания текста, характеризуемого высоким уровнем экспрессии и убедительностью, данная публикация позволяет обратить внимание на очень показательный именно в плане сетевой полемики момент. Разработчики сайта «Газета. ру» снабдили раздел «Авторы» функцией «обратной связи». В конце публикации расположена гиперссылка «ну и как вам?» предполагающая, что, пройдя по ссылке, читатель сможет оставить отзыв на статью. Ссылка ведет на гостевую книгу «Ваш вопрос». Текст статьи при этом не сохраняется, более того, от читателя требуется указать ссылку на текст при заполнении формы публикации отзыва. Отзывы читателей не публикуются под текстом статьи. Казалось бы, такой текст, да и сама тема должны вызвать резонанс среди читателей, и это так — читательская полемика в виде реплик и даже целостных комментариев действительно развернулась на сайте Газеты.ру, но почему-то в разделе «Письма читателей» (http://www. gazeta.ru/social/kseno/letters/index.shtml#2042397), попасть на который можно только со страницы подборки новостных сообщений по данной теме. Ошибочное понимание сотрудниками Газеты.ру предмета «письма в редакцию» спровоцировало неправильное название обычной гостевой книги, и как следствие - невыразительность очень интересной читательской полемики, которая могла бы эффектно дополнить публикацию Н. Геворкян. Тем не менее, судя по активности читателей, сама возможность высказаться по теме, опираясь на публикации в профессиональном издании, очень актуальна для пользователей Рунета.

Статьи с большей или меньшей полемической окраской встречаются и в остальных разделах вебсайтов СМИ. Следует отметить, что размещение публикаций по тематическим разделам характерно для всех изданий, представленных в Интернете, как сетевых, так и оффлайновых. Анализ ряда ресурсов показал, что концентрация текстов полемической направленности характерна для разделов с высоким уровнем актуальности для широкой аудитории. Это разделы типа «Общество», где освещаются социальные проблемы, «Происшествия», реже — «Политика». Такое соотношение сохраняется как для сетевых, так и для оффлайновых СМИ. Например, в рубрике «Общество» на сайте газеты «Комсомольская

правда» (www.kp.ru) за 07.08.07 было опубликовано 10 статей, из которых 6 носили выраженный полемический характер. Следует отметить серию публикаций «Как я была служанкой миллионеров» [17], вызвавшую целую лавину отзывов читателей издания, на которые с готовностью отвечала автор текста. Налицо консолидация автора и его аудитории в процессе создания журналистского текста, ставшая возможной благодаря интерактивности Интернета. Это особенно показательно для «Комсомолки» как традиционного оффлайн-издания.

Активность интернет-издания «Страна.ру» http://www.strana.ru немного ниже — в среднем до пяти публикаций в день в одноименном разделе, причем превалируют корреспонденции. Однако и здесь нередко публикуются статьи полемической направленности. Примером может послужить публикация «Богатые тоже...» Ирины Бурмистровой [9], в которой оспаривается распространенное заблуждение, что люди, располагающие большой суммой денег, могут делать покупки, не утруждая себя длительным выбором. Для подтверждения своей позиции автор использовала данные социологических опросов - один из приемов, относительно недавно вошедший в арсенал полемических средств. В отличие от Газеты.ру здесь ссылка на гостевую книгу расположена прямо под статьей.

Таким образом, следует отметить, что если интернет-издания и не уступают оффлайновым СМИ в плане мастерства журналистского текста, то потенциал полемической активности читателей у них гораздо ниже, чем у традиционных изданий. Мы склонны связывать это с более организованной работой редакции в печатных СМИ и широким кругом постоянных читателей, сложившимся за годы существования печатных изданий.

Полемическая корреспонденция – жанр, характерный для ресурсов, специализирующихся на новостной информации. В Интернете наиболее часто полемическую корреспонденцию можно встретить на сайтах информационных агентств. Примером могут послужить публикации агентства Lenta.ru (http://lenta.ru) - практически все тексты данного сайта, за исключением новостной ленты, представлены именно в жанре корреспонденции, причем полемический характер носит почти половина публикаций. Конфронтационную направленность, как правило, определяет тема корреспонденции. Освещение происшествий, актуальных политических и социальных проблем ведется на Lenta.ru в полемическом ключе. Так, в публикации «Истина где-то рядом», посвященной попаданию «неопознанной» ракеты на территорию Грузии, негативное отношение автора к описываемой ситуации выражается в таких фразах, как: «Появилась версия, согласно которой неопознанный самолет вылетел с грузинской территории и, пролетая над деревней, случайно выронил бомбу», «Москва от налета открестилась», «Между тем нечто над грузинской деревней все-таки пролетело» [19]. В данном случае автор не пытается анализировать ситуацию, излагая лишь основные моменты развития событий и пересказывая официальные заявления. Тем не менее, приведенные выше фразы придают тексту определенную окраску, формируя конкретное восприятие ситуации читателями.

Полемическая корреспонденция часто применяется и в газетах (журналах), как чисто сетевых, так и оффлайновых. Подобные публикации распределяются по рубрикам («Политика», «Экономика», «Общество» и т. д.). Так, «Комерсантъ» (www.kommersant.ru) представил ту же ситуацию с неопознанной ракетой в виде корреспонденции, опубликовав материал в рубрике «В мире». Здесь автор проявляет свое отношение как к ситуации в целом, так и к конкретным заявлениям: «В российском МИДе к заявлению ОБСЕ отнеслись подчеркнуто спокойно», «Господин Кривцов также пожурил миссию ОБСЕ в Грузии за то, что она поспешила с выводами о принадлежности самолетов и ракеты», «...господин Иванов, возглавлявший в ту пору Минобороны $P\Phi$, заявил, что это "ахинея и бред сивой кобылы"» [16].

Полемическая рецензия. На сегодняшний день полемическая рецензия встречается на многих интернет-ресурсах, тематически связанных с кинематографом, литературой, живописью или другими видами искусства. Например, интернет-журнал «Кинокадр» (www.kinokadr.ru) регулярно публикует рецензии, в том числе и полемического характера.

В качестве примера полемической рецензии можно привести публикацию М. Гавриловой «"Глянец" Гламура и дискурса». Автор не только «в пух и прах» разносит кинокартину Андрона Кончаловского «Глянец», но и подчеркивает несостоятельность отечественного кинематографа в целом: «Так в чем же дело, чёрт подери?! Боюсь, что ответ до предела прост — никто нынче не собирается серьёзно работать в кино, особенно это касается авторов, уже заработавших себе имя» [11].

Впрочем, жанр полемической рецензии сегодня популярен и среди широкопрофильных изданий. Практически все газеты и журналы, представленные в Интернете, как чисто сетевые, так и оффлайновые, имеют рубрику «Культура», в которой публикуются рецензии различного характера, в том числе и несущие в себе явный конфронтационный оттенок. Так, «Газета.ру» (www.gazeta.ru) опубликовала рецензию на мультипликационный фильм «Симпсоны» под названием «Старое пальто с перламутровыми пуговицами». Автор текста И. Куликов не согласен с небывалым ажиотажем по

поводу премьеры, который был «раздут» прочими СМИ: «И опять у нас громкая иностранная премьера, рукоплескать на которой (или топать ногами) пристало больше "там", чем "здесь"» [14].

Письмо-протест — пожалуй, самый интересный полемический жанр с точки зрения его трансформации в условиях интернет-вещания. Специфика эпистолярного жанра традиционно рассматривалась как метод эффективного взаимодействия журналиста и аудитории: «Письмо вызывает доверие аудитории, поскольку журналист как бы ставит себя в один лагерь с читателями» [22, 135]. Такой подход характерен для авторских публикаций и нередко используется сетевыми и оффлайновыми СМИ для более фактурной презентации той или иной проблемы, события, явления. В качестве примера можно привести публикацию сайта Полит.ру «О вере. Сколько политтехнологов уместятся на острие иглы?». Полемизируя с отношением современной политики к РПЦ и общества к религии в целом, автор пишет текст от первого лица, напрямую обращаясь к своим читателям: «...Я стал свидетелем явления, которое Андрей Левкин, оказывается, уже глубоко прочувствовал, осмыслил и интерпретировал», «Но каковы все же наши политтехнологи! – я просто восхищаюсь, — которые работают в дискурсе из прагматических соображений», «Чувствуете, куда дело клонится?» [15]. Подобный «формат» текста встречается во многих сетевых изданиях, однако следует отметить, что он более характерен для традиционных оффлайновых СМИ, которые, несмотря на активное применение гипертекста, мультимедиа и интерактивных возможностей сети, все же сохраняют структуру классических жанров журналистики.

В то же время, многие интернет-СМИ, ориентированные на динамичный и открытый диалог с аудиторией, публикуют материалы, которые тоже можно отнести к жанру письма-протеста, но с оговоркой, что авторами этих публикаций являются не профессиональные журналисты, а читатели. Так, Газета.ру открыла отдельную рубрику «Письма читателей», на страницах которой порой разгорается довольно острая полемика. Несмотря на то, что техническая организация этого интерактивного сервиса, представляющего собой нечто среднее между форумом и гостевой книгой, оставляет желать лучшего, высокая активность читателей свидетельствует об актуальности данной рубрики. Примером может послужить лента отзывов на серию сообщений о националистических актах (лента ведется с момента событий в Кондопоге). Фактически темой полемики является ксенофобия как таковая, причем, отстаивая свою точку зрения, авторы писем нередко апеллируют и к журналистским публикациям Газеты.ру и к высказываниям других СМИ, и к общественному мнению в целом: «К сожалению, так называемые «деятели от искусств», журналисты, писатели, политики — это псевдопатриоты зачастую, не соблюдают политкорректность в высказываниях, в темах, и с каким пренебрежением один из этих представителей в довольно известной передаче обронил фразу, цитирую: "Нашу страну заполнили так называемые гастарбайтеры"*, «...Bмоей семье есть горький опыт общения с чеченцами и, если судить по тем людям, которых я знаю — это националисты и бездельники» (http://www.gazeta. ru/social/kseno/letters/index.shtml?page). Тем не менее, несмотря на название рубрики, данные тексты вряд ли можно представить как показательный пример письма-протеста, скорее, это лишь попытка редакции организовать площадку так называемой гражданской журналистики в рамках профессионального издания. И следует отметить, что эта попытка была блестяще реализована в другой рубрике Газеты.py - «Личный опыт». Здесь действительно публикуются письма читателей, которые представляют собой аргументированный, логически взаимосвязанный текст. Работа редакции заключается в отборе писем, и, судя по качеству текстов, можно говорить о тщательности этой работы. Для примера приведем серию публикаций, посвященных проблемам среднего образования. Каждое письмо апеллирует к предыдущему тексту, редакция Газеты. ру в обязательном порядке указывает оппонента автора. Вот лишь три звена подобной цепи: «В элитной школе сыну сломали ногу» (24.07.07 http://www.gazeta. ru/education/2007/07/12 e 1907631.shtml), «Сепарация в школе: чем раньше, тем лучше» (03.08.07 http://www.gazeta.ru/education/2007/07/30 e 1967890.shtml) и «Я ходила по врачам, чтобы сын попал в спецшколу» (16.08.07 http://www.gazeta. ru/education/2007/08/03 e 1993645.shtml). Abторы писем в качестве опорного доказательства своей позиции приводят случаи из жизни, при этом активно применяя классические приемы полемической борьбы: прямое обращение к оппоненту «Кстати, вам кажется нормальным, что ребенку в пять лет надо нанимать репетитора для подготовки к поступлению в школу???», апелляцию к авторитету «Ну а про шаблонные примеры известных, талантливых и даже гениальных людей, которые в школе были двоечниками (Дарвин, Менделеев, Эйнштейн, Лобачевский и пр.) даже как-то говорить неудобно» [8], апелляция к очевидным явлениям «Не знаю, есть ли в педагогике термин "не тянет". А в жизни он есть» [6], апелляция к законодательным нормам «Отмечу, что какиелибо экзамены либо другой отбор при поступлении в первый класс общеобразовательной школы в России запрещен», прямые цитаты «Более всего меня поразил вопрос учителя: "Я не могу с ним справиться! Посоветуйте, что мне делать?"» [2]. Следует отметить, что наибольшая активность читателей в рубрике «Личный опыт» Газеты.ру наблюдается при обсуждении социальных и актуальных тем. Так, в июне-августе 2007 года особой популярностью пользовались темы среднего образования, отдыха, ипотечного кредитования и т. д.

Данный подход к работе с аудиторией принимают и оффлайн-издания, представленные в Интернете. Здесь следует отметить специальный проект газеты Известия (www.izvestia.ru) – раздел под названием «Мнения». Редакция объясняет наличие «гражданской» рубрики следующим образом: «Многие темы можно и нужно широко обсуждать. Сил профессиональных журналистов для этого бывает недостаточно. Поэтому современное общество и интернет породили новую форму СМИ – "народную журналистику"» (<u>http://www.</u> <u>izvestia.ru/readers/article3070446/</u>). Необходимо подчеркнуть организованность работы редакции с читательскими материалами и четкую формулировку правил для участников проекта. Несмотря на то, что авторы данной рубрики не являются профессиональными журналистами, качество текстов, уровень владения словом, логичность и аргументированность текстов просто поражает. Примером может послужить письмо в редакцию автора книги «Книга для учителя. Отечественная история 1945—2006 гг.» А. Филиппова под названием «Я Пастернака не читал, но хочу сказать...», в котором он описывает реакцию критиков и журналистов на данную книгу. Автор указывает на необоснованность суждений оппонентов «В дальнейшем, где-то после пятого интервью и десятка звонков журналистов, я, прежде всего, стал спрашивать их: читали ли они книгу? Ответ, как правило, был отрицательным», и четко аргументирует свою позицию «Надо понять, что штампы "Сталин – злодей" и "Сталин – герой" одинаково вредны и одинаково ненаучны» [20]. Данная публикация вызвала ряд отзывов, сделавших полемику по этой теме еще более острой: «Книгу я читал. Это позорное издание, оправдывающее с "рациональной" точки зрения геноцид русского народа диктаторским режимом антирусского маньяка Джугашвили, написано исключительно под режим другого антирусского диктатора Путина, и не переживёт 2008 год, как и сам этот позорный режим» (http://www.izvestia.ru/forum/?id_publ=3106826). Тем не менее, авторская активность в данной рубрике не очень высока - примерно одна-две публикации в месяц. Кроме «Мнений» Известия ведут отдельную рубрику под названием «Письма читателей», которая тоже характеризуется высокой полемической активностью. Примерами могут послужить публикации «Военным морякам нужны добрые слова» (http://www.izvestia.ru/letters/article3107028/), «Сначала зарплата, потом — качество» (http://www.izvestia.ru/letters/article3106361/), «Хамство правит бал» (http://www.izvestia.ru/letters/article3106352/) и др.

Жанр письма в рамках читательской полемики проявляется и в других СМИ, вещающих в Интернете – целый ряд изданий и сетевых проектов (таких как «РИА новости», «Известия», «Комерсантъ») решили применить для решения задачи эффективной работы с аудиторией интерактивную площадку Живого Журнала (российский сектор популярного сервиса LiveJournal.com). Результативность идеи можно наблюдать, например, на сайте издательского дома «Комерсантъ» – обсуждение публикаций сайта полностью переведено в сервис LiveJournal, даны коды публикации статей в персональных журналах, производится автоматическая идентификация пользователей LiveJournal. В качестве примера полемического письма можно привести несколько отзывов на публикацию «Пустое вместо» (всего было опубликовано 109 комментариев), посвященную открытию Большого дворца в Царицынском музее-заповеднике (Комерсанть 01.09.07 http:// www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=800426). Так, пользователь sevencats в своем обращении к редакции и читателям пишет: «...Но нельзя осуждать "простой народ" за то, что большое и блестящее милее его сердцу, чем старое и непонятное. Я уверена, что в обществе всегда остаются носители культуры», а oranta приводит рассказы очевидцев «дореволюционного» парка: «Как-то раз я увидела красивого породистого старика, который рассказывал собравшейся вокруг него толпе - KAK это было до 1917».

Полемическое обозрение — жанр, одной из основных задач которого является корректировка общественного мнения по актуальной проблеме, представлен в Интернете обзорами СМИ и характерен для информационных порталов и сайтов новостных агентств. Регулярный обзор прессы предлагает своим читателям ИА REGNUM, причем общественно важные и значимые проблемы освещаются именно в полемическом ключе. Примером может послужить обзор прессы Новосибирской области под названием «Крестьяне не наживаются: их загнали в такой угол, из которого очень трудно выбраться» (http://www.regnum. ru/news/obzor/866401.html). Уже в названии материала автор обзора опровергает конкретную позицию властей и в дальнейшем посредством прямых цитат из печатных изданий доказывает заявленный в заголовке тезис и расставляет акценты в рейтинге политических событий региона: «Со ссылкой на информационное управление "ЕР", "Континент Сибирь" поясняет, что при составлении списков, опубликованных на сайте партии, произошли технические накладки, так как информация готовилась в спешке», «"В Новосибирске увидели контуры третьего моста", — с таким заголовком вышел 2 августа "Коммерсант-Сибирь"» и т. д. Следует отметить, что авторов обзоров ИА REG-NUM не указывает, демонстрируя стремление к объективности публикаций.

Информационное агентство Lenta.ru также предлагает обзорные материалы полемического характера, однако ориентируется оно больше на аналитическую интерпретацию событий автором, чем на подбор ряда публикаций СМИ, поддерживающих конкретную позицию. Так, материал, озаглавленный «За четыре дозы спирта Белорусская ПВО пережила атаку польских шпионов», содержит ссылки на источники информации: «Для конспирации они, по данным КГБ, использовали тайник, оборудованный внутри автомобильного огнетушителя», «Как отмечает ИА REGNUM, благодаря этому и были задержаны его белорусские коллеги», однако автор ставит под сомнение данную информацию: «Работа предполагаемых шпионов заключалась в том, чтобы делать копии секретных документов и возить их в Польшу». Корректировка общественного мнения наглядно проявляется в последнем абзаце публикации «Возможно, этот жест ускорит подписание договора о единой системе ПВО, которое откладывается уже несколько лет. А власти обеих стран смогут с чуть большей долей искренности рассуждать о вечной дружбе. По крайней мере, до очередного подорожания российского газа» [18]. Подобный формат полемических обзоров использует и информагентство РИА Новости. В обзоре «Слово как С-400: вылетит – не поймаешь...» (http://www.rian.ru/analytics/20070808/70588208. <u>html</u>) автор рассматривает два «главных» события лета 2007 года — получение права на проведение олимпийских игр и разработку ракетной системы нового поколения С-400. Здесь проводится сопоставление этих двух событий — автор пытается проанализировать адекватность решения властей об охране олимпиады ракетным комплексом: «*To* есть, у главкома существует опасение насчет безопасности воздушного пространства над городом Сочи. Особенно, по части его нарушения со стороны современных средств нападения». При этом автор широко использует как логические аргументы, так и эмоциональные средства, например, специфическую лексику: «Это мессидж тем отморозкам, изуверам, нелюдям — террористам, одним словом, - которые надумали бы обрушить огненный смерч на людей, собравшихся на этот всемирный спортивный праздник» [10].

В плане оппозиционного характера публикаций следует выделить два крупных интернет-

проекта – inoСМИ.py (http://www.inosmi.ru/) и СМИ.py (http://www.smi.ru/). Эти издания специализируются на обзорах прессы и электронных СМИ, а также публикуют наиболее яркие материалы различных массмедиа, в том числе и зарубежных. Тем не менее, основная площадка для полемических выступлений здесь опять же предоставлена читателям. Разработчики проектов проявляют свою позицию в отборе наиболее спорных, острых, захватывающих материалов. И надо отметить, что это им удается - достаточно посмотреть на счетчик сообщений, который фиксирует обращения к каждой статье, чтобы оценить активность пользователей данных порталов. Так, статья «Владимир Великий?» ("The Washington Post", США) просматривалась 26551 раз, а читательских отзывов на данную публикацию было получено 255. Читатели не просто выражают свое мнение по поводу статьи, они открыто полемизируют с автором, приводя в качестве аргументов исторические факты («...Ленин отправил из СССР пароход болтунов и смутьянов, которые мутили воду в и так неспокойной стране. Это были лучшие? Или нет? Думаю, вы скажете — да, я же скажу – нет») и цитаты («Вот ещё одно многообещающее заявление: "Среди предков президента США Джорджа Буша были кровавые завоеватели и циничные предатели"», «Антисфен говорил: "свобода есть ограничение собственных желаний". Более точного определения я не встречал») [3].

Полемическая версия — довольно популярный жанр как для массовых, так и для специализированных интернет-изданий. Публикации данного типа нередко встречаются в типовых рубриках «Наука», «Культура», «Расследования», «Происшествия», «Сенсация». Как правило, в жанре полемической версии освещаются сомнительные факты, которым нашлось новое подтверждение или опровержение. Примером полемической версии может послужить публикация интернет-издания Ytro.ru «Павлик Морозов пал жертвой жестоких взрослых». Автор текста, Т. Калинина, приводит новую версию истории «предателя»: «В новой интерпретации этой истории огромную роль сыграл тот факт, что маленькие братья были убиты, когда возвращались домой от местного священника». Тем не менее, автор не берется назвать эту версию единственно верной: «Увы, найти фактические подтверждения той или иной версии событий не суждено никогда...» [13]. Не менее показательными примерами могут стать публикации РИА Новости из раздела «Хорошо забытое» «Тайна Шекспира разгадана» (http:// www.rian.ru/zabytoe/20070629/68006706.html) или из раздела «Наука» «Комсомольской правды» «В сибирских озерах до сих пор водятся... мамонты» (http://www.kp.ru/daily/23944.4/70965/).

Полемический комментарий — жанр, ставший весьма популярным среди сетевых изданий именно благодаря интерактивности Интернета. Сетевые технологии позволяют в кратчайшие сроки получить практически неограниченное количество комментариев как от экспертов, так и от рядовых читателей. В результате заявленная тема освещается с нескольких точек зрения и рассматривается максимально полно. Полемические комментарии публикуются в типовых рубриках «Мнения», «Комментарии» или «Точка зрения». Анализ интернет-изданий показал, что в сети применяется два «формата» полемического комментария:

- 1. Когда публикуются две противоположные точки зрения. Такой формат принят, например, газетой «Известия». В рубрике «Дебаты» на заявленную журналистом тему публикуются два комментария, обозначенные как «PRO» и «CONTRA» — именно так построен материал под названием «Россия — Восточная Европа: прагматизм или дружба?» (http://www.izvestia.ru/debate/ article3106700/). В данной публикации перспективы отношений различных государств обсуждают Денис Драгунский и Константин Затулин. Каждый комментарий построен на системе фактов, подтверждающих ту или иную точку зрения, на анализе этих фактов, используются цитаты, обращения, риторические вопросы. Следует отметить, что авторы комментариев полемизируют не друг с другом, а с общественным мнением, сформулированным в вопросе (комментарии) журналиста.
- 2. Когда в пределах одного материала публикуется несколько комментариев по заданной теме. Примером этого формата могут послужить публикации рубрики «С точки зрения» агентства РИА Новости. Так, в публикации под названием «Поддерживаете ли вы инициативу Лужкова о введении принудительного освидетельствования студентов на предмет употребления наркотиков?» (http://www.rian.ru/opinions/20070731/70041198. html) представлено три комментария, а «оппонентом» в данном случае опять же выступает определенная позиция, с которой соглашаются или не соглашаются авторы.

Из приведенного выше списка полемических жанров нерассмотренными остались полемический портрет и полемическая исповедь — эти жанры встречаются на страницах сетевых изданий редко и преимущественно на сайтах оффлайн СМИ.

Подытоживая вышесказанное, следует отметить, что в Интернете представлены практически все виды полемических жанров, причем некоторые из них претерпели определенную трансформацию за счет интеграции с такими сетевыми технологиями, как гипертекстуальность, интерактивность и мультимедийность. Тем не менее, оффлайн издания, вещающие в Интернете, в отличие от сетевых

СМИ, проявляют более высокий уровень, как профессиональных полемических публикаций, так и организации интерактивной работы с аудиторией. Осмелимся предположить, что это связано с более централизованной работой редакций, сотрудничеством с профессиональными журналистами и удачным применением опыта обработки обычных (бумажных) писем в редакцию. Еще один немаловажный аспект высокой активности пользователей сайтов оффлайн-изданий — авторитет этих СИМ и широчайший круг постоянных читателей, сформировавшийся задолго до появления сетевых версий.

ЛИТЕРАТУРА

- 1. «Большинства объектов Владивостокской крепости официально не существует» / ИА REGNUM — 23.07.2007 — (http://www.regnum. ru/news/interviews/859892.html)
- 2. «В элитной школе сыну сломали ногу» / Газета.ру, 24.07.07 (http://www.gazeta.ru/education/2007/07/12 e 1907631.shtml)
- 3. «Владимир Великий?» / пер. А. Беспалов // inoCMИ.py, 02.09.07 (http://www.inosmi.ru/translation/236367.html)
- 4. «Как не ошибиться при выборе профессии?» / РИА Новости, 12.07.07 (http://www.rian.ru/online/20070712/68845254.html)
- 5. «Нельзя допустить отгораживания от России колючей проволокой» / Комерсанть, 13.08.07 (http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=794498)
- 6. «Сепарация в школе: чем раньше, тем лучше» / Газета.ру, — 03.08.07 — (<u>http://www.gazeta.ru/education/2007/07/30_e_1967890.shtml</u>)
- 7.«Спросите Касьянова» / Газета.ру, 12.04.06 (http://www.gazeta.ru/kasyanov.shtml)
- 8. «Я ходила по врачам, чтобы сын попал в спецшколу» / Газета.ру, 16.08.07 (http://www.gazeta.ru/education/2007/08/03 e 1993645.shtml)
- 9. Бурмистрова И. «Богатые тоже...» / И. Бурмистрова // Страна.ру, 17.08.07 (http://www.strana.ru/doc.html?id=71758&cid=7)
- 10. Вавра А. «Слово как С-400: вылетит не поймаешь...» / А. Вавра // РИА Новости, 08.08.07 (http://www.rian.ru/analytics/200708 08/70588208.html)
- 11. Гаврилова М. «"Глянец" Гломура и дискурса» / М. Гаврилова // Кинокадр, —26.08.07 (http://www.kinokadr.ru/articles/2007/08/26/gloss.shtml)
- 12. Геворкян Н. «У них рука не дрогнет» / Н. Геворкян // Газета.ру, 15.08.07 (http://www.gazeta.ru/column/gevorkyan/2044419.shtml)
- 13. Калинина Т. «Павлик Морозов пал жертвой жестоких взрослых» / Т. Калинина // Утро. ру, 04.09.07 (http://www.utro.ru/articles/2007/09/04/677158.shtml)

- 14. Куликов И. «Старое пальто с перламутровыми пуговицами» / И. Куликов // Газета.ру, -16.08.07 (http://www.gazeta.ru/culture/2007/08/16/a 2045084.shtml)
- 15. Митрофанов С. «О вере. Сколько политтехнологов уместятся на острие иглы?» / С. Митрофанов // Полит.ру, -29.07.07 (http://www.polit.ru/author/2007/07/29/mitrvera.html)
- 16. Соловьев В. «Россия и Грузия перенацеливают ракету» / В. Соловьев // Комерсанть, 15.08.07 (http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=795342&NodesID=5)
- 17. Танькова Я. «Как я была служанкой миллионеров. 7-я часть» / Я. Танькова // Комсомольская правда, 07.08.2007 (http://www.kp.ru/daily/23946/71180/)
- 18. Тищенко М. «За четыре дозы спирта Белорусская ПВО пережила атаку польских шпионов»

- / М. Тищенко // Lenta.ru, 16.07.2007, (http://lenta.ru/articles/2007/07/16/spies/)
- 19. Тищенко М. «Истина где-то рядом» / М. Тищенко // Lenta.ru, 07.08.2007 (http://lenta.ru/articles/2007/08/07/bomb/)
- 20. Филиппов А. «Я Пастернака не читал, но хочу сказать...» / А. Филиппов // Известия, -02.08.07 (http://www.izvestia.ru/opinions/article3106826/)
- 21. Шестерина А.М. Полемика в сетевых СМИ: современное состояние и перспективы / А.М. Шестерина // Вестник Тамбовского университета. Вып.4(28). 2002. С. 92-96.
- 22. Шестерина А.М. «Полемический текст в современном медиапространстве (Функциональные, жанровые и структурные особенности печатной полемики)»/ А.М. Шестерина // Тамбов, 2003.

НИЖЕГОРОДСКИЕ ДЕЛОВЫЕ ИЗДАНИЯ УНИВЕРСАЛЬНОГО ТИПА

© 2008 М.А. Толстунова

Нижегородский государственный университет

Анализ современного состояния российской деловой прессы нашёл отражение в работах Я. Засурского, А. Грабельникова, В. Тулупова, Д. Мурзина, В. Кулёва, А. Кажикина, Е. Мордовской, Л. Тепловой, В. Сергачёва, Е. Письменной, Б. Головко, А. Еременко [1]. В Москве и Санкт-Петербурге регулярно проводятся научно-практические конференции, на которых редакторы и журналисты деловых изданий обсуждают проблемы этого сегмента СМИ [2]. Исследователи сделали первые шаги и в изучении деловой прессы Нижнего Новгорода [3]. Опубликован ряд материалов о функционировании нижегородского медиахолдинга «Биржа плюс», подготовленных руководством «биржевых» изданий [4]. Однако серьёзное исследование нижегородской деловой прессы на современном этапе находится лишь в стадии становления.

Нижегородские деловые издания универсального типа издаются как в газетной (Биржа», «Курс Н», «Нижегородская деловая газета», «Ведомости. Нижегородский выпуск», «Коммерсанть — Нижний Новгород», «Капиталист — Нижний Новгород»), так и в журнальной форме («Деловая неделя», «Нижегородский предприниматель», «Город Бизнеса», «Businessmania», «Деловой квартал. Нижний Новгород», «Тhe Chief (Шеф) — Нижний Новгород», «Нижегородский бизнесжурнал», «Наши деньги. Нижний Новгород»).

Проблематика и жанры. Новостные рубрики (и, соответственно, лаконичные информационные заметки) более характерны для газет. Некоторые журналы жанр заметки вообще не используют («Шеф», «Вusinessmania», «Нижегородский предприниматель») или предпочитают расширенные, комментированные заметки («Город Бизнеса» – рубрика «Хроники»; «Деловая неделя» — рубрика «Новости компаний»). Содержанием новостных материалов становятся события в различных сферах бизнеса, политики, культуры (в первую очередь, в Нижнем Новгороде, а также в Нижегородской области, ПФО, в стране и мире).

Несмотря на то, что перечисленные деловые издания относятся к одному и тому же типу — универсальному, у каждого из них своя тематическая ниша. «Биржа» уделяет значительное внимание политике. Взаимоотношения бизнеса и власти - ключевая тема газеты. «Капиталист», «Наши деньги» ориентированы на сферу банковского бизнеса и фондового рынка. «Шеф», «Businessmania» занимаются, в основном, вопросами маркетинга, менеджмента, кадров, рекламы и PR. «Город Бизнеса» публикует аналитические материалы, охватывающие различные аспекты российского законодательства (рубрики «Справочник предпринимателя», «Реальный масштаб»). «Нижегородский предприниматель», «Нижегородская деловая газета» отдают значительную (если не большую) часть своей площади под имиджевые материалы (интервью или «рассказ о компании»), посвящённые конкретным предприятиям и фирмам Нижегородской области; в этих изданиях также регулярно публикуются интервью с представителями местной власти. Ведущая тема «Нижегородской деловой газеты» - привлечение в регион инвестиций, российских и иностранных. Портретные интервью и очерки о нижегородских руководителях предприятий и бизнесменах, успешных в профессиональном и личном плане, публикуют журналы «Шеф» (рубрика «Гость номера»), «Деловая неделя», «Деловой квартал», газета «Биржа» (рубрики «Бизнес-имя», «Бизнес-подход»).

Региональная вкладка газеты «Ведомости» отведена под новости нижегородских компаний и обзоры местных рынков. На «региональных» страницах «Коммерсанта» также публикуются материалы, посвящённые событиям местной политики, бытовым и криминальным происшествиям, анонсы кинофильмов, театральных постановок, выставок. Многие деловые издания Нижнего Новгорода размещают на своих страницах анонсы и аналитические отчёты о профессиональных выставках, тренингах, форумах, пресс-конференциях. Результаты блиц-опросов

бизнесменов, руководителей фирм регулярно публикуются в журналах «Шеф» (рубрика «Вопрос номера»), «Деловой квартал» (рубрика «Блицопрос»). Достаточно популярен жанр отчёта, который в современной деловой прессе часто подаётся в форме «круглого стола». «Биржа», «Шеф» организуют в своих редакциях встречи, на которых нижегородские бизнесмены, учёные, представители местной власти обсуждают актуальные проблемы регионального бизнеса, отчёты об итогах «круглых столов» публикуются в этих же изданиях.

Большое место в нижегородских деловых изданиях занимают аналитические и рекомендательные статьи, обзоры рынков. Как правило, все деловые издания универсального типа уделяют внимание финансам, строительству и недвижимости, автомобилям (покупка и эксплуатация), интернет-технологиям и связи. «Нижегородская деловая газета» использует практику издания тематических номеров, большая часть материалов в которых посвящается определённой сфере экономики: «Инновации. Архитектура. Строительство», «Энергетика. Экология. Инвестиции», «Горьковской железной дороге 145 лет» и т.д.

Нередко в соответствующих рубриках нижегородских деловых изданий освещаются и темы, не имеющие непосредственного отношения к сфере бизнеса и экономики: вопросы культуры, здоровья, экологии, спорта, туризма. В журналах «Шеф» (рубрика «Библиотека»), в «Нижегородском предпринимателе» (рубрика «Советуем прочесть»), в газете «Биржа» (рубрика «Бизнесинструмент») публикуются рецензии на книги, представляющие интерес для деловой аудитории (учебная литература по менеджменту, маркетингу, рекламе; биографии и мемуары известных в мире бизнеса людей). Некоторые деловые издания уделяют внимание истории (прежде всего, нижегородского края). В журнале «Шеф» есть рубрика «Story», посвящённая известным российским и зарубежным предпринимателям XIX-XX вв; в «Нижегородском предпринимателе» - рубрика «Взгляд в прошлое»; в «Деловой неделе» – рубрика «Возвращение к истокам», в «Бирже» – рубрика «Бизнес-история». В деловых изданиях Нижнего Новгорода также уделяется внимание деловому этикету в общении с иностранными партнёрами («Шеф», «Деловая неделя», «Businessmania»).

Газета «Курс Н» имеет постоянный раздел «Официально», в котором на шести полосах размещается официальная информация органов местной власти о тендерах и аукционах (продажа или аренда земельных участков, объектов недвижимости, продажа акций государственных предприятий, конкурсы на замещение вакантных должностей в госструктурах). Такого рода материалы время от

времени публикуются и в «Бирже». В газете «Капиталист» есть рубрика «Готовый бизнес» (объявления о покупке и продаже «готового» бизнеса).

Некоторые издания размещают на своих страницах справочную информацию: «Полезные телефоны» («Город Бизнеса»), вакансии на должности руководителей и ведущих специалистов фирм, предприятий («Биржа» — рубрика «Требуются начальники»). Некоторые деловые издания публикуют материалы, в целом не характерные для деловой прессы: гороскопы, кроссворды, телепрограммы («Биржа», «Курс Н»). В «Бирже» еженедельно появляются обзоры развлечений, видео-, аудио- и киноновинок (рубрика «Уик-энд»), ресторанные обзоры (рубрика «Бизнес-пауза»).

Аудитория. Названия изданий, как правило, чётко указывают на их целевую аудиторию и тематику. Ключевые слова в них: «бизнес», «дело», «деньги». Название, как правило, имеет подзаголовок, функция которого — обозначение особой ниши издания в системе деловой прессы («Биржа: еженедельник нижегородских предпринимателей», «Нижегородский предприниматель сегодня: информационно-аналитический журнал», «Курс Н: экономический еженедельник», «Шеф: опыт профессионального управления»). Название может сопровождаться слоганом: «Строим бизнес вместе!» («Город Бизнеса»), «А potentia ad actum» («Курс Н»).

Многие издания на собственных Интернетсайтах дают характеристику своей аудитории с целью привлечения рекламодателей. Так, на сайте журнала «Наши деньги. Нижний Новгород» читаем: «Целевая группа: Нижегородцы 20-55 лет, мужчины и женщины в равных долях; представители «среднего класса» в самом широком понимании этого термина, экономически активной части населения» [5]. «Нижегородская деловая газета» представлена как «издание для предпринимателей и широкого круга читателей, разделяющих предпринимательские ценности» [6]. Журнал «Деловая неделя» разместил на своём сайте результаты социологического исследования, касающиеся аудитории этого издания. «Город Бизнеса» выпускается с суперобложкой формата А-5, где, наряду с прайс-листом на рекламу, даны сведения о целевой аудитории: «Активная часть населения, работающая в малом и среднем бизнесе, в возрасте от 25 до 50 лет, целеустремлённые и преуспевающие: руководители и менеджеры компаний, предприниматели, государственные служащие и политики, молодые и высококвалифицированные специалисты» (эти же данные приведены на сайте журнала). «Деловой квартал» регулярно публикует рубрику «Мнения» (отзывы руководителей компаний, менеджеров, ведущих специалистов фирм о данном журнале) и сведения (редакция подаёт их в виде диаграмм) о структуре

своей читательской аудитории по должностному признаку и сферам бизнеса, а так же о распределении тиража журнала.

Учредители изданий. По типу учредителя большинство нижегородских деловых изданий являются частными. Исключение составляют журнал «Нижегородский предприниматель», в выходных данных которого содержится обтекаемая формулировка «при участии губернатора и правительства Нижегородской области» (фактически издание государственное) и газета «Курс Н» (учредители — Министерство государственного имущества и земельных ресурсов Нижегородской области и Комитет по управлению городским имуществом и земельными ресурсами администрации города Нижнего Новгорода, то есть госструктуры).

Первым (по времени появления – в 1992 г.) и крупнейшим нижегородским медиахолдингом, специализирующимся на издании деловой прессы, остаётся информационно-рекламное агентство «Биржа плюс» (еженедельники «Биржа», «Биржа плюс финансы», «Биржа плюс авто», «Биржа плюс свой дом», «Биржа плюс карьера»; тематические справочники и альманахи). Другое значительное медиапредприятие делового профиля — издательский дом «Экстра Н», выпускающий журнал «Деловая неделя» и бесплатный рекламный еженедельник «Экстра Н». Нижегородский рекламно-издательский центр «Курьер-Медиа» также заявил о себе на рынке деловой прессы, начав в 2002 г. выпуск «Нижегородской деловой газеты». Журнал «Город Бизнеса» (учредитель и директор проекта – Е. Шаммедова) издаётся «Нижегородским рекламным агентством».

Одной из тенденций развития нижегородского рынка деловой прессы в последние несколько лет является проникновение в регион федеральных СМИ. В Нижнем Новгороде открыты региональные представительства таких столичных изданий, как «Ведомости», «Коммерсанть», «Нижегородский бизнес-журнал» (главное издание – «Бизнес-журнал», Москва). Ещё одна тенденция, как справедливо отметил в своей статье Н. Гришин [7], – появление в нижегородском медиапространстве сетевых СМИ из других регионов: «Наши деньги», «Шеф» (С.-Петербург), «Деловой квартал» (Екатеринбург). Доля местной информации, подготовленной силами нижегородских журналистов, различна в этих изданиях. «Ведомости» и «Коммерсанть» включают лишь региональную вкладку объёмом одна-две полосы; «Нижегородский бизнес-журнал», «Наши деньги», «Шеф» содержат несколько (не больше четверти) местных материалов в каждом номере. «Деловой квартал» в этом смысле является самым «родным» - почти все материалы готовятся нижегородскими журналистами и посвящаются

нижегородским рынкам и персонам (в соответствии, однако, с моделью главного издания сети, находящегося в Екатеринбурге).

Намечается и обратная тенденция: некоторые местные издания, в свою очередь, предпринимают попытки выйти за пределы Нижегородской области. Так, «Нижегородская деловая газета» распространяется в двадцати семи крупнейших городах нашей страны. Содержание же газеты в основном касается Нижегородской области, экономическое положение в других регионах ПФО освещается в разделе «Россия: регионы».

Периодичность. Нижегородские газеты имеют, как правило, еженедельную периодичность, а журналы издаются раз в месяц (исключения: «Деловая неделя», «Нижегородский бизнес-журнал», выходящие раз в две недели, «Шеф. Нижний Новгород» — 10 номеров в год). Ежедневных деловых газет в Нижнем Новгороде нет (не считая федеральных «Ведомостей» и «Коммерсанта»; нижегородская вкладка составляет в «Ведомостях» одну полосу, а в «Коммерсанте» — 1-3 полосы в каждом номере федерального выпуска).

Форма выпуска и дизайн. Деловые газеты Нижнего Новгорода используют преимущественно формат А-3 («Ведомости», «Коммерсанть» – А-2), журналы – А-4. Газеты, в основном, чёрно-белые, «Биржа» и «Капиталист» в особенно важных случаях (например, к Международному промышленно-экономическому форуму «Россия единая») выходят с полноцветной глянцевой обложкой, а «Нижегородская деловая газета» печатается на глянцевой бумаге и в цвете, позиционирует себя как единственную глянцевую газету в нашем городе [8]. Журналы, как правило, характеризуются высоким уровнем полиграфического исполнения и дизайна: глянцевые, красочные, иллюстрированные качественными цветными фотографиями, коллажами и рисунками-карикатурами. Во многих деловых изданиях (особенно в журналах) активно используется нетекстовая информация - графики, диаграммы, таблицы, схемы («Шеф», «Деловая неделя», «Деловой квартал»). В журнале «Город Бизнеса» две полосы отведены под визитные карты нижегородских фирм, гостиниц, ресторанов (рубрика «Улица предложений»); «визитки», дающие читателю право на скидку в той или иной фирме, развлекательном заведении, печатаются в журнале «Деловой квартал».

Способ распространения. Деловые издания активно осваивают новые способы распространения прессы, значительно уменьшая объёмы или даже отказываясь от традиционной почтовой подписки и продажи в розницу в газетных киосках. Практикуются: корпоративная подписка, бесплатная адресная (целевая) доставка деловых изданий руководителям фирм и предприятий, распростра-

нение на форумах, профессиональных выставках, семинарах, информационными партнёрами которых выступают эти издания. Оформить подписку можно не только через почту, но и в редакции, что почти всегда значительно дешевле для читателя. Возможна курьерская доставка на место работы или жительства заказчика (иногда не только по Нижнему Новгороду, но и в наиболее крупные города Нижегородской области – Кстово, Бор, Дзержинск, Заволжье, Балахна, Лысково). Газета «Курс Н» распространяется по подписке, в розничной продаже, курьерской доставкой в офисы, а также среди участников и клиентов Нижегородской ярмарки. «Наши деньги. Нижний Новгород»: продажа в розницу; подписка через почту, подписка через редакцию с доставкой в офис, на домашний адрес, на а/я, до востребования или подписка через альтернативную почте организацию (ООО «Пресс-Центр», Агентство «Бизнеспресс Курьер»). «Коммерсанть» – подписка через «Почту России»; редакционная подписка; оформление подписки через сайт. «Биржу» можно получать и по электронной подписке в день выхода бумажной версии.

Некоторые издания отказываются от розничной продажи: например, «Нижегородская деловая газета» распространяется по подписке и целевой (почтовой и курьерской) доставке; её получают руководители и топ-менеджеры крупнейших предприятий Нижнего Новгорода и области, а также торгово-промышленные палаты, промышленные выставки и градообразующие предприятия двадцати семи городов страны (Москва, Санкт-Петербург, Екатеринбург, Новосибирск, Самара, Пермь и др.).

Нередко с деловым изданием доставляется рекламная продукция. Например, в «Деловой квартал» часто вкладываются рекламные листовки, а сам журнал распространяется в целлофановой упаковке.

Разнообразие форм распространения свидетельствует о том, что деловые издания стремятся максимально охватить свою целевую аудиторию, снизив до минимума финансовые затраты и время читателя на приобретение газеты или журнала.

Реклама. По своей целевой аудитории, а соответственно, характеру и содержанию, это, в основном, В2В-реклама (то есть «business-to-business», по западной терминологии). В газете «Курс Н» её очень мало; регулярно размещается только модульная реклама программ ТК «Кремль» (в некоторых номерах это единственное рекламное объявление в шестнадцатиполосной газете формата А-3), иногда встречается реклама банков, профессиональных выставок и тренингов, в газете могут публиковаться купоны, дающие право на скидку при размещении рекламных материалов или доставке рекламной продукции. Заказные

материалы (статьи или интервью) публикуются достаточно редко (они отмечаются соответствующим значком). В других деловых изданиях реклама, как правило, занимает максимальную (для нерекламной прессы) площадь и весьма разнообразна: кредитование для бизнеса – ипотека, автокредитование, страхование, компьютерные, консалтинговые, рекламные, лизинговые, образовательные услуги; загородные отели, санатории; профессиональные выставки, семинары; офисная мебель, компьютеры и другая оргтехника, мобильная связь, программное обеспечение, автомобили; услуги агентств по недвижимости и дизайн-студий. В «Бирже» (рубрика «Бизнес-пауза») публикуется на рекламной основе таблица, дающая информацию о том, где деловой человек может пообедать или отметить корпоративные или семейные праздники (в таблице указываются адрес и режим работы кафе и ресторанов, меню, цены и дополнительные услуги). В «Нижегородской деловой газете» часть рекламы рассчитана на владельцев крупных промышленных предприятий (оборудование для нефтяной и газовой, пищевой и химической промышленности).

Рекламные материалы (стандартное интервью с руководителем, «рассказ о компании» или что-то более «живое», например фотоотчёт об открытии нового ресторана) в том или ином количестве размещают все деловые издания. В «Нижегородской деловой газете» и «Нижегородском предпринимателе» таких материалов очень много, однако они не обозначаются специальными пометами (®, «на правах рекламы»), хотя в конце этих материалов указаны контактные сведения о данных предприятиях. В электронной версии «Нижегородской деловой газеты», например, эти материалы опубликованы в разделе «Реклама». В целом, проблема разграничения журналистских и рекламных, журналистских и PR-материалов стоит в современной деловой прессе достаточно остро.

Каждое деловое издание рекламирует (систематически или время от времени) собственную подписку («Биржа»: фото респектабельного молодого человека в деловом костюме, сосредоточенно читающего за чашечкой чая «Биржу», в сочетании с рекламным слоганом «Деловая газета для деловых людей»; «Курс Н»: фото — газета, лежащая около компьютера на рабочем столе и слоган «Держите правильный КУРС в море проблем!»).

Интернет. Все указанные деловые издания имеют сегодня сайт в Интернете [9]. Сайты могут ограничиваться электронной версией издания («Курс Н», «Нижегородский предприниматель») или включать дополнительную информацию и сервисы, трансформируясь в информационный портал (информационно-рекламное агентство «Биржа плюс», издательский дом «Экстра Н»).

Одни издания предоставляют пользователям бесплатный полнотекстовый доступ ко всем номерам («Биржа» – у неё самый обширный архив – с 1997 г., «Курс Н», «Нижегородский предприниматель», «Деловая неделя», «Ведомости. Нижегородский выпуск», «Город Бизнеса», «Деловой квартал», «Нижегородский бизнес-журнал»), другие издания размещают в он-лайне часть материалов номера, призывая пользователей приобретать в розницу или по подписке полную бумажную версию («Капиталист», «Нижегородская деловая газета», «Наши деньги»), третьи - только содержание очередного номера («Шеф»). «Нижегородский бизнес-журнал» размещает архив с полнотекстовым доступом ко всем материалам журнала на двух сайтах – федеральном и региональном, причём на федеральном сайте «Бизнес-журнала» пользователям предлагаются также форум и КПКверсия издания [10]. Форум и механизм поиска по ключевым словам или названию материала имеют также «Биржа» и «Деловая неделя». Стандартные разделы сайта делового издания: информация об издании, архив, контакты, форум (или рубрики типа «Вопрос-ответ/Задать вопрос»).

Все издания размещают на сайте в соответствующих разделах прайс-лист на рекламу в печатной (а иногда и электронной) версии и сведения о подписке. Иногда список торговых точек, где можно приобрести данное издание в розницу («Шеф», «Наши деньги»). «Биржа», «Наши деньги», «Businessmania», «Капиталист» публикуют на сайте объявления о вакансиях в своих изданиях. «Деловая неделя» и «Капиталист» информируют пользователей о проектах, в организации которых участвуют. Технологию RSS-лент используют «Биржа», «Деловая неделя», «Коммерсанть – Нижний Новгород». Как правило, медиахолдинги, издательские дома («Биржа плюс», «Экстра Н», «Курьер-Медиа», а также «Город Бизнеса»), кроме выпуска деловых изданий, занимаются и другими видами деятельности: разработкой и распространением рекламной продукции (каталоги, буклеты, наружная реклама), созданием сайтов, корпоративных изданий для других организаций. Информация об этих услугах также размещается на сайтах изданий.

Авторский состав. В авторский состав нижегородских деловых изданий, помимо штатных журналистов, входят политологи, социологи, экономисты, банкиры, историки, юристы, бизнесконсультанты, руководители компаний, предприниматели, то есть представители аудитории, для которой, в конечном счёте, и предназначена деловая пресса. Многие нижегородские издания (речь идёт не только о «сетевых») не ограничиваются местными специалистами, а привлекают к сотрудничеству экспертов из Москвы, Санкт-Петербурга

и других крупных российских городов («Business-mania», «Нижегородская деловая газета»).

«Биржевые» издания, выпускаемые информационно-рекламным агентством «Биржа плюс» (директор агентства и главный редактор «биржевых» изданий – Владимир Лапырин), являются своего рода флагманом нижегородской деловой прессы, и, даже с приходом в регион федеральных, сетевых изданий, продолжают занимать значительное место на нижегородском медиарынке. За 15 лет работы «биржевые» издания в целом, а также отдельные журналисты неоднократно удостаивались наград всероссийских и региональных профессиональных конкурсов и фестивалей («Золотой гонг», «Стратегия успеха», «Лучшие идеи газетного бизнеса», «Социальное партнёрство», Всероссийский фестиваль СМИ «Вся Россия», Всероссийский конкурс деловой журналистики «Россия финансовая», «Экономическое возрождение России» и многие другие), агентство «Биржа плюс» четырежды отмечено почётным знаком «Элита нижегородского бизнеса» (1999, 2000, 2002, 2006 гг.). Нижегородские «биржевые» издания зарабатывают на продаже своих газет и рекламных площадей в них. Это обеспечивает медиахолдингу «Биржа плюс» финансовую независимость от политических партий и госструктур.

ЛИТЕРАТУРА

1. Засурский Я. Н. БИНФО-2003: Деловая пресса России – ресурс поддержки предпринимательства [Электронный ресурс] //http://www.nisse. ги; Засурский Я.Н. РБК: бизнес на информации// Вестник Московского ун-та. Сер. 10. Журналистика.-2007.-№ 1.-С.3-6; Грабельников А.А. Русская журналистика на рубеже тысячелетий: Итоги и перспективы. – М.: РИП –Холдинг, 2001; Тулупов В.В. Выпуск периодического издания: Современные подходы/Тулупов В.В.- Воронеж, 2002; Тулупов В.В. Газета: маркетинг, дизайн, реклама: Новые тенденции в издании газет/Тулупов В.В.-Воронеж: Кварта, 2001; Тулупов В.В. Региональная пресса: характер трансформации в переходный период// Вестник Московского ун-та. Сер.10. Журналистика.-2003.-№ 2.-С.32-43; Андреева А. А., Худякова Э.А. Деловая пресса Черноземья / Тулупов В.В. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1998; Мурзин Д.А. Деловая пресса // Типология периодической печати: Учеб. пособие для студентов вузов / М.Е. Аникина, В.В. Баранов, О.А. Воронова и др. / Под ред. М.В. Шкондина, Л.Л. Реснянской. – М.: Аспект Пресс, 2007. - С.104-120; Кулёв В.С. Деловая пресса России // Вестник Московского университета. Сер.10. Журналистика.-1994.-№ 5. — С. 3-8; Кажикин А. А. Типология отечественной региональной прессы

рубежа XX-XXI веков: На примере печатной периодики Воронежской области: дис. ... канд.филол. наук: 10.01.10 / Кажикин Александр Александрович. — Воронеж, 2004; Мордовская Е.И. Деловое издание в системе периодической печати: Типообразующие факторы, характер становления и развития: дис. ... канд.филол.наук: 10.01.10 / Мордовская Екатерина Иннокентьевна. – М., 1998; Теплова Л. А. Типология информационно-аналитических еженедельных журналов: На примере журналов "Коммерсантъ-Weekly", "Деньги", "Эксперт", "Итоги", "Профиль", "Коммерсанть-Власть" и "Компания": дис. ... канд.филол.наук: 10.01.10 / Теплова Людмила Анатольевна. – М., 2002; Сергачёв В.Я. Деловая пресса региона: состояние и перспективы развития: дис. ... канд.филол.наук: 10.01.10 / Сергачёв Владимир Яковлевич. — СПб., 2000; Письменная Е.В. Этические коллизии в деловой журналистике: источники и пути разрешения: дис. ... канд.филол.наук: 10.01.10 / Письменная Евгения Владимировна. – М., 2002; Головко Б.Н. Деловые издания: информационный менеджмент массовой коммуникации. – СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 2005; Еременко, А.В. Деловая пресса в России: история, типология, моделирование изданий: дис. ... канд.филол.наук: 10.01.10 / Еременко Артём Владимирович. — М., 2006.

- 2. МФИ-96: проблемы деловой прессы: Материалы форума, Москва-Санкт-Петербург, 26-27 нояб. 1996 г. и конф., Москва, 15 нояб. 1996 г. М.: Акад. средств массовой информ., 1997; Деловая пресса России: настоящее и будущее / Сост. В. Давыдов, М. Дзялошинская. М., 1999.
- 3. Гришин Н.А. Развитие региональной деловой прессы в России (на примере изданий Нижнего Новгорода) // Журналистика в 2004 году. СМИ в многополярном мире: Материалы научно-практической конференции, Москва, 2-5 февраля 2005 г. Часть 1. М.: 2005. С.154 155; Вассерман А. Средства массовой информации в поддержку малого бизнеса // Факторы становления социального облика молодого российского предпринимателя.- Нижний Новгород, 1995. С.144-149; Лысов В. Печать для предпринимателей [Электронный ресурс] // http://www.innov.ru (Нижегородский предприниматель. 1998. № 2).

- 4. Лапырин В. Мы знали, что выиграем // Журналист. – 2002. – № 2. – С.67-68; Лапырин В. Притяжение прописей// Журналист. — 2007. — № 11. — С.43 — 45; Панченко И. Джентльменский набор карьериста// Журналист. — 2000. — № 10. - С.50; Панченко И. Мы ищем нижегородских Ломоносовых! // Журналист. — 2000. — № 12. С.71; Панченко И. «Биржа плюс» в гостях у «Буффало ньюс» // Журналист. — 2002. — № 12. - С.71; Панченко И. Нешаблонная работа по шаблону // Журналист. — № 11. — 2006. — С.27 - 29; Панченко И. Читатель: как его привлечь и удержать // Журналист. — № 7. — 2007. — С.29; Шеронов А. Парад побед // Журналист. — 2002. — № 2. − С.70 – 71; Животовская Л. Социальный проект становится коммерческим// Журналист. – 2004. - №7. - С.37; Бондаренко И. Нижегородский архитектурный рейтинг // Журналист. - 2002.-№ 2. — С.69; Шагиева Г. «Открытый дом» удвоил доходы рекламодателей // Журналист. – 2000. № 10. – С.71; Терехова Е. Наш опыт проверен практикой // Журналист. — 2002. — № 2. — С.72.
  - 5. http://www.nashidengi.ru.
  - 6. http://www.kuriermedia.ru.
  - 7. Гришин Н.А. Цит. изд. С. 155.
  - 8. http://www.kuriermedia.ru.
- 9. «Биржа» http://www.birzhaplus.ru/birzha; «Курс Н» – www.kurs-n.nnov.ru, «Капиталист Нижний Новгород» − http://kapitalist.nn.ru, «Нижегородская деловая газета» — http://www. kuriermedia.ru, «Ведомости. Нижегородский выпуск» - http://www.vedomosti.ru, «Коммерсантъ - Нижний Новгород» - http://www.kommersant. ru/region/nnov, «Деловая неделя» – http://www. extra-n.ru, «Нижегородский предприниматель» - http://www.innov.ru/np, «The Chief/ Шеф – Нижний Новгород» – http://www.thechief. nnov.ru, «Город Бизнеса» – http://www.citybiz.ru, «Деловой квартал» — http://www.dkvartal-nnov.ru, «Нижегородский бизнес-журнал» — http://www. business-magazine.ru/nnovgorod и http://www. business-mag.nn.ru, «Наши деньги. Нижний Новгород» - http://www.nashidengi.ru, «Businessmania» - http://www.b-mania.ru.
- 10. http://www.business-magazine.ru/ nnovgorod.

РОМАНТИЧЕСКАЯ И НЕОРОМАНТИЧЕСКАЯ МОДЕЛИ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ТЕКСТА

(НА ПРИМЕРЕ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ XIX В.)

© 2008 В.В. Хорольский

Воронежский государственный университет

Изучение публицистического текста (ПТ) и публицистического дискурса (ПД), как и анализ художественных произведений, созданных в эпоху романтических исканий начала X1X в., а с оговорками – и вообще всего позапрошлого века, нельзя представить без культурологического анализа самой модели текстопорождения, основанной на противоречии мечты и реальности, на романтических антиномиях "прекрасное - уродливое", "возвышенное – низменное", "культура природа", "история – современность" и т. д. Принципиальная непроясненность параметров, наличие "неоформившихся" течений, разнородных элементов и эклектических принципов в творчестве публицистов XIX века затрудняют вычленение какого-то единого типа романтической публицистики, хотя отграничить ее от реализма или символизма необходимо и достаточно просто. Разграничивать типы публицистики целесообразно не столько с помощью сопоставления сюжетов, тем, проблем и идей, сколько на основании разных экспрессивно-стилевых моделей (ЭСМ), преобладающих в том или ином идейно-художественном направлении. Важна и интонационная структура ПТ, отражающая авторскую позицию. А потом уже надо смотреть на исторические обстоятельства, биографию творца, его творческий метод, традиции и т. д. со всеми остановками. А экспрессивно-стилевая модель абсолютно любого ПТ/ ЖТ в лингвокультурологической системе координат – это системообразующее ядро и то "семя", из которого произрастает смысловой "цветок", то "целое" речевого акта, которое воспринимается рядовым потребителем во многом интуитивно, порой иррационально. ЭСМ – соединение ожидаемого и неожиданного, своего и чужого, плана выражения и плана содержания. Анализ данного целого невозможен без анализа лексического стиля, ибо слово несет в себе начала смысла, того "содержательного" зерна и авторского "посыла" (message), который разворачивается в сочетаниях слов и фраз, в ав-

торских интонациях, в богатстве пресуппозиции воспринимающего сознания.

ЭСМ совпадает во многом с композиционно-стилевой моделью, которая "отвечает" за эстетическое завершение целого. Как известно, журналист чаще имеет дело с чужим словом и сознанием, нежели со своим мнением о событиях. А из этой аксиомы вытекает следствие: самобытно-индивидуальные и излишне стилистически маркированные тексты, а тем более тексты, где идеалом является экстравагантный стиль изложения, в газете по определению (в отличие от текстов искусства) не могут преобладать количественно, в этом случае исследователи ЭСМ имеют дело гораздо чаще с функциональными языковыми стилями, с клишированными образцами речевых актов, хотя и авторское начало, конечно же, никогда не выпадает из поля зрения медиакритики. Все дело в количественных показателях. Исключением из правила в газетах являются художественно-публицистические тексты, где роль идиостилей и идиолектов резко возрастает. Анализируя эстетическую публицистику, мы обязаны использовать инструментарий искусствознания и литературоведения. Суть культуролого-информационного подхода к ПТ и ЭСМ как раз и определяется необходимостью вычленить те аспекты анализа, которые отличают деятельность медиакритиков от деятельности социологов, психологов, историков и т. д.

Проблема дифференциации направлений в искусстве и в науке, как известно, осложняется неустойчивостью терминологии во всей гуманитарной сфере. «Такие термины, как "реализм", "романтизм" относятся к терминам исключительной сложности, они связаны с целым комплексом методологических и теоретических вопросов» [13, 144], — замечал по этому вопросу профессор Б. Мейлах, убеждая в необходимости оговаривать смысл, казалось бы, общепринятых терминов. Романтизм, подобно буре, пронесшийся по лесам художественной словесности, не мог не затронуть

и других областей культуры, в частности — публицистики. Он не мог не влиять на эволюцию публицистики как вида литературно-общественной деятельности, базирующейся на анализе документальных и достоверных сведений о современной жизни. Если попытаться сформулировать самые общие положения романтической публицистики, то начинать необходимо с известной "революционной" триады — "свобода, равенство и братство". Именно свобода стала сакральным символом века, особенно в США, где писатели воспели идеал республиканской демократии, считая свою страну новым Израилем.

Продолжая линию просветителей, романтики мощно и прямо, а порой слишком прямолинейно, декларировали неприятие как социального, так и мирового зла, бичевали монархию, самодовольство обывателей, пустоту аристократической идеологии, трусость либералов, имперские амбиции и т. д. Разрушая сословные предрассудки, отвергая апологию рабовладения, патетически низвергая кумиров прошлого и настоящего, романтики были слабоваты в выработке конкретных рецептов социального реформирования. В их позитивных программах едва заметен интерес к обыденной жизни, где и обретался защищаемый ими "маленький человек". Они, в отличие от реалистов, не любили жанр социально-бытового романа, предпочитая жанры лирического стихотворения, утопии и футурологического эссе.

Еще одной, явно парадоксальной приметой эпохи было прихотливое сочетание рационального и эмоционального в мировосприятии и творчестве ведущих авторов. С одной стороны, воспевая Красоту и Воображение, они нередко отрицали рассудочность, да и Разум в целом (У. Блейк, представители "озерной школы"). А с другой стороны, даже такие адепты интуитивнонепосредственного наблюдения и эмоциональной реакции на события, как Перси Биши Шелли, создавали гимны Интеллектуальной Красоте, писали научно-популярные произведения, боролись с религиозной догмой и мистическими откровениями Беме и Сведенборга. И считать их антирационалистами и врагами науки нет смысла. Другое дело, что их рационализм не был последовательным и уживался с верой в потустороннее, в откровение, в непостижимость Природы. Публицистический дискурс (ПД) эпохи "бури и натиска" не ушел из коммуникативного пространства западной культуры с уходом из жизни великих романтиков (Дж. Г. Н. Байрон, П. Б. Шелли, Э. По, Г. Гейне), дело классиков продолжили неоромантики и символисты конца века. И в этом продолжении мифотворческого порыва к идеалу сохранились многие черты романтико-универсалистского текстопорождения,

о котором с иронией отзывались многие авторы, критикующие собратьев по перу за то, что те воспевали "туманну даль и нечто". Романтический ПД был прежде всего эстетическим явлением, а потом уже политическим, философским и проч.

Каков был социокультурный фон становления романтического ПТ? Напомним еще раз, что романтизм как движение в культуре и публицистике возник (в основном!) в ходе пересмотра базовых постулатов Просвещения. Упование на неизбежность прогресса и вера в скорую победу научно-рационального мироустройства породили противодействие со стороны скептиков и иронических комментаторов, увидевших разрыв между материальным и духовным развитием человечества. В Европе, как и в США, романтизм породил надежду на преодоление крайностей века механистического Разума, в частности, крайностей научно-философской стратегии, упирающей на скорое достижение гармонии между человеком и Космосом. О гармонии между "маленьким человеком" и равнодушным к нему обществом публицисты начала XIX в. говорили меньше. Хотя эта гармония не должна отбрасываться с порога: иначе мы редуцируем рассмотрение проблемы к социологической схеме протеста против "свинцовых мерзостей бытия" (М. Горький).

Мечта о гармонии личности и общества была всегда, романтики также много писали о благородных порывах человеческого духа, преодолевающего препятствия внешние и внутренние. Но, конечно, в статьях большинства литераторов преобладал социальный критицизм. Слишком велики были противоречия и расстояния между идеалом и реальностью [14]. Хотели немедленного прозрения и откровения, ведущего к всечеловеческому братству, а получили одинокого героя-гордеца, страдающего от непонимания и общественного презрения. Мечтали о прозрении — получили презрение. Такова главнейшая антиномия романтизма как протестного движения в культуре той поры.

Публицисты первой половины XIX в. (Дж. Г. Байрон, П. Б. Шелли, Ч. Лэм, Ли Хант, Ф. Р. Шатобриан, Ж. де Сталь, Э. Т. А. Гофман, отчасти Ж. Санд, Г. Гейне, В. Гюго) сделали культурологическую критику эстетических основ неправедного и лицемерного общества своей основной работой. Их тексты характеризовались искренностью характеристик и нередко психологической глубиной, которая чаще считается уделом реализма. В то же время романтическая эмоциональность приводила нередко к излишней пафосности слога, расплывчатой образности, к потере интереса к бытовым деталям. Уходя в запредельные дали, устремляясь в космические просторы, романтики забывали о немытой посу-

де, а это и был путь к чистой красоте, лишенной ароматов жизни. Они жили в "башне из слоновой кости", а миллионы людей ютились в хижинах. Защищая их, романтики негодовали скорее против претензий власти на мудрость, легитимность и справедливость, но не против основополагающих экономических основ социума. Вернее, они и об экономике много говорили, да говорили абстрактно и некомпетентно. Их учителями были социалисты-утописты, а не К. Маркс. И это тоже естественное противоречие, не только социальное, но и сугубо когнитивное, противоречие, обусловившее многие и многие контрасты эпохи. Что касается политических выступлений, то их содержание в 1790-е – 1850-е гг. определялось прежде всего обсуждением революционных событий во Франции и в других странах [8], [15].

Особенно значимы были литературно-критические статьи "генерализирующего", обобщающего плана. Революцию во Франции осудили многие романтики [22, 178]. Спор между сторонниками переворотов и врагами насилия шел многие десятилетия. В Англии и США ситуация была несколько иной, нежели в России или Германии. Здесь тоже столкнулись разные мнения по поводу революционных событий во Франции. Даже консервативные "лейкисты", т. е. представители созерцательно- меланхолической "озерной школы" в литературе старались непредвзято судить о событиях в Париже. Это им удавалось не всегда.

Наряду с протестом против социальных мерзостей, которых везде хватало, громко звучал голос тех романтиков (С. Т. Кольридж, У. Вордсворт), которым важнее были культурологические аспекты идущих в те годы споров. Например, даже такой публицист-политолог, как П. Б. Шелли, много и часто писавший о ситуации в Ирландии, о борьбе против тирании и т. п., называвший себя "мстителем за многовековую несправедливость", останется в истории журналистики и изящной словесности прежде всего как автор "Защиты поэзии". Его "Обращение к ирландскому народу" (An Address to the Irish People, Dublin, 1812), образец ранней апологии национально-освободительной борьбы в Ирландии, конституирует ПТ, в основе которого лежит модель мильтоновской религиозно-керигматической традиции: "Я пишу не только с точки зрения эмансипации католиков, - говорит Шелли в "Обращении", - но во имя всеобщего освобождения человечества" (for universal emancipation)" [20, 145]. И далее он продолжает: "Нам недостает... великодушного побуждения перевести в действие то, что живет в нашем воображении" [20, 145], и в конце резюмирует: "Человек, поработив стихии, сам продолжает оставаться рабом". Своим "Обращением" Шелли надеется пробудить в народе

дух независимости, Не случайно Годвин и другие современники Шелли восприняли "Обращение" и всю пропагандистскую деятельность Шелли в Ирландии как прямой призыв к восстанию другого замечательного политического документа - "Декларации прав" (Declaration of Rights, 1812). "Права человека, – писал Шелли, – заключаются в свободе и в участии на равных началах с другими людьми в использовании благ природы". Шелли - автор острых политических памфлетов, пример которых – "Обращение к народу по поводу смерти принцессы Шарлотты" (An Address to the People on the Death of Princess Charlotte). OH отрицает политику правящих кругов, приведшую к непомерному росту налогов, обнищанию. "Сколько общего между смертью принцессы Шарлотты, – пишет Шелли, – и смертью многих тысяч других людей... Сколько умирает беднейших, нищету которых трудно передать словами. А разве они не имеют близких? Разве они не люди? Однако никто не оплакивает их... не задумается над их печальной участью" [20, 109]. "Скорби, английский народ... Плачьте, скорбите, рыдайте. Пусть шумное Сити и бескрайние поля огласятся эхом ваших стенаний. Прекрасная принцесса мертва... Мертва Свобода. Рабы самовластья, я спрашиваю вас, может ли случиться что-нибудь еще более ужасное, чем это горе? Смерть, подобная смерти принцессы, есть промысел божий, и это горе — горе ее близких. Но истинную Свободу умертвили люди, и при виде ее агонии каждым сердцем овладели гнев и отчаяние. Мы ощутили оковы, более тяжкие, чем железная цепь, ибо они сковали наше сердце и нашу душу. Мы оказались в заточении более ужасном и отвратительном, чем сырые стены каменной тюрьмы, ибо весь мир вдруг стал тесной темницей, а самое небо превратилось в крышу гигантской тюрьмы. Так проводим же труп британской Свободы к месту его последнего погребения со всеми подобающими ему почестями. А если славный и грозный дух внезапно возникнет на нашем пути и властно воздвигнет свой трон на обломках мечей, скипетров и корон, втоптанных в грязь, то знайте, - это дух Свободы вырвался из своей могилы, поправ все то грязное и низкое, что удерживало его там. Тогда мы склоним перед ним колена, чествуя его, как нашего истинного властелина" [20, 110]. Этот памфлет характеризует Шелли не только как выдающегося политического публициста, но и как замечательного стилиста. Его музыкальная, страстная речь порой звучит как ритмическая проза. От сдержанной иронии писатель переходит к сарказму, от сарказма - к задушевному лиризму, от лиризма - к глубокой гражданской скорби, в которой в то же время слышатся гнев и угроза. В памфлетах Шелли, как и во всем его творчестве, беспощадность критики действительности сочетается с могучим пафосом веры в грядущую победу народа. Английский поэт-романтик Джордж Гордон Ноэль Байрон стал одним из самых именитых популяризаторов литературного и социального бунта. Для истории СМИ его имя мало что значит, но если говорить о культурологическом воздействии, то здесь все обстоит иначе. Вот штрихи его творческой биографии: Байрон родился 22 января 1788 г. в Лондоне. Происходил из знатного, но обедневшего рода. В 1801г. он поступил в закрытую аристократическую школу в Харроу, близ Лондона. Здесь он начинает писать стихи. В 1805-1809-х гг. Байрон учился в Кембриджском университете, в 1807 году вышел в свет его первый сборник стихов "Часы досуга" (Hours of Idleness). В 1808 г. в журнале "Эдинбургское обозрение" появляется отрицательный отклик на "Часы досуга", Байрон в ответ пишет критическую отповедь "Английские барды и шотландские обозреватели" (English Bards and Scotch Reviewers). В 1809 г. он становится членом палаты лордов. В этом же году Байрон трижды выступает в палате лордов: он произносит речь против законопроекта тори о смертной казни для луддитов, ткачей, ломавших недавно машины; высказывается по поводу положения Ирландии, а затем следует выступление Байрона, посвящённое вопросу о неприкосновенности личности парламентского депутата. В этом же году Байрон, Шелли и Л. Хант начинают издавать недолго просуществовавший журнал "Либерал". Вскоре Шелли погибает, и на попечении Байрона оказываются Хант, его больная жена и шестеро детей. 25 апреля 1816 г. он покидает Англию, как оказалось, навсегда. Настроение, владеющее Байроном после отъезда из Англии, находит выражение в известных поэмах ("Стансы к Августе", "Послание к Августе", "Сон", "Тьма"). 19 апреля 1824 года Байрон скончался от лихорадки [14].

В статьях и литературных заметках автора "Дон Жуана" преобладал мотив несогласия с лицемерной моралью высшего сословия. Его ПТ построен на прямом споре с существующими предрассудками, причем обвинительные интонации чаще патетичны, чем ироничны, возвышенность слога преобладает, хотя обе тенденции смеховая и патетическая — не противоборствуют в тексте. В "Речи в палате лордов по поводу билля о станках февраля 27-го дня 1812 года" публицист саркастически восклицал: "Когда нам говорят, что эти люди (луддиты. - B. X.) стакнулись для того, чтобы своими руками уничтожить собственное благополучие...можем ли мы забыть о той жестокой политике... которая разрушила их благополучие...эта политика, начало коей положили "мужи великие, которых нет уж боле", пережила умерших и стала проклятием живых вплоть до третьего и четвертого колена!" [1, 691]. Насмехаясь над аристократами, цеплявшимися за свои привилегии, автор с помощью просторечий (крайне редкое явление в ЭСМ романтиков) подчеркивал свое отношение к конфликту власти и разрушителей станков. Он не вдавался в детали, ему важнее было опротестовать неправедное решение суда с позиций нравственного императива и высших гуманистических ценностей. Конфликт богатых и бедных дан в черно-белом освещении, и это конститутивный для ЭСМ контраст.

Став важным символом в духовном развитии европейского общества и литературы, имя Байрона породило самостоятельное явление "байронизма", т. е. бунтарства и несогласия с миропорядком. Русская культура живо откликнулась на европейскую романтическую мечту о независимости личности, о чем свидетельствует творчество Пушкина, Лермонтова, декабристов. Идеи Байрона-публициста были подчас неоригинальны до банальности, стиль - слишком категоричным, но личность автора, магнетически притягательная фигура бунтаря, стала отдельным культурологическим фактором, повлиявшим на атмосферу в Европе. Был в те годы культ личности Байрона, но была и сама личность. Ее мощное и в целом плодотворное влияние на культуру и заставляет упоминать имя великого поэта в разговоре об эволюции романтической модели ПТ XIX в. Соперник Байрона в области литературной критики, литератор Джеймс Генри Ли Хент (Гент, Хант – Hunt), видный английский публицист либерального направления, который родился в 1784 г., известен историкам СМИ как издатель еженедельника "Экзаминер" ("The Examiner", 1808—21). Он привлёк к сотрудничеству Дж. Китса, П. Б. Шелли, У. Хэзлитта. За заметку о принце-регенте он был заключён в тюрьму (1810–11). В 1810 г. Хент стал издавать журнал "Отражатель" ("The Reflector") и привлек к сотрудничеству публициста Чарльза Лэма. Чарльз Лэм (1775–1834) и Уильям Хэзлитт (1778—1830) блестяще представляли прозу английского романтизма. Подобно Вордсворту и Кольриджу, замечательным поэтам, с которыми они дружили и о которых не уставали писать, Хэзлитт и Лэм выразили, один в прямой, а другой в опосредованной форме, сомнения и тревоги, ужас перед катастрофичностью социальных потрясений, определивших развитие европейской поэзии на протяжении долгих десятилетий. В своих литературно-критических эссе они развивали повлиявшую на Стивенсона, а также на многочисленных эстетиков XIX в. романтическую концепцию искусства как высшую форму познания действительности, трансформирующую ее по законам поэтического воображения. В 1815 г. же

Хент задумал серию очерков под названием "Круглый стол"; авторами были он и Хэзлитт. После 1832 г. — книги пасквильных мемуаров "Лорд Байрон и некоторые из его современников" (т. 1-2, 1828). В тонах либерально-соглашательской идиллии выдержаны очерки быта и нравов Лондона в сборнике "Мужчины, женщины и книги" (1847).

Популярным эссеистом был литератор-наркоман Томас Де Квинси (1785—1859), описавший в "Исповеди" свою болезнь ярко и поучительно. Можно упомянуть его эссе "Фуга сновидений", в котором, так же как в "Исповеди", показаны "горести опиума". В историю публицистики вошло эссе английского романтика "Убийство как одно из изящных искусств" (1827). По форме это ученая лекция, по сути — смесь очерка с эссе, которая сочетает в своей структуре пародийное начало с эмоциональным рассказом о хладнокровном злодеянии и незаслуженной гибели. Этот очерк в последние десятилетия XIX века нашел горячих почитателей среди английских сторонников "искусства для искусства". Оскар Уайльд восхищался им, делая вид, что принимает всерьез своеобразное ироническое остранение, скрытое за описанным Де Квинси убийством. Очерк Уайльда "Перо, кисть и отрава" носит явные следы чтения очерка-эссе де Квинси. Интересны и "Автобиографические очерки" Де Квинси (1853), где речь шла в основном о детстве как лучшей поре человека. Его, как и редактора журнала "Рипабликэн" Ричарда Карлайля (1790–1843), историки по праву считают одним из самых категоричных приверженцев свободы печати [7].

Романтизм в культуре США возник позже, чем в Европе, что имело ряд последствий для американского искусства, отчасти это отставание проявилось и в публицистике. Хронологические рамки американского романтизма несколько отличаются от хронологии романтизма европейского. Романтическое направление в литературе США окончательно сложилось к рубежу между вторым и третьим десятилетиями XIX в. и сохраняло господствующее положение вплоть до окончания Гражданской войны (1861–1865). В этот период наблюдалось усиление процесса взаимодействия американского и европейского романтизма. Шел поиск национальных культурных традиций, поиск осмысления собственной истории, какой бы короткой она ни казалась. Кристаллизовались основные темы и проблематика текстов (политический строй Республики, война за независимость, хозяйственно-экономическое освоение континента, экологическая тема, жизнь индейцев, фольклор "фронтира", т. е. пограничной территории, и, конечно же, литература и искусство, образование, торговля и т. д.). Мировоззрение ведущих авторов этого периода оптимистично, в их эссе чувствуется связь с просветительской уверенностью в силах человека, с верой в Разум. Литературная критика набирала обороты, но говорить о явно выраженном романтическом направлении в критике и публицистике писателей затруднительно из-за хаотичности культурных веяний в первой половине XIX века. Спрос на культурософские статьи был, однако скорее на рецензии и рекламно-ознакомительные материалы, а не на трактаты в духе Руссо. Объемные философские трактаты и эссе были в ходу в толстых журналах, но не пользовались спросом в широких кругах читателей из среднего класса. В этом отношении Европа была более прогрессивна и "продвинута". Война за независимость определила характер большинства американских изданий первой половины прошлого века. Эволюция просветительских идей, обусловивших рациональный пафос политической публицистики, корреспондировала с дискуссионно-памфлетным стилем, сформированным в период "конституционной контраверзы", а позже – романтической полемикой с тем же Просвещением. Важнейшими вопросами, которые обсуждали журналисты тех лет, были: взаимосвязь личности и государства, отдельных людей и национальной истории, "нативизм" как выражение местного патриотизма, судьба негров в свободном обществе, культура и бизнес, свобода творчества и роль журналистики и т. д.

Огромную роль в становлении американской журналистики начала прошлого века сыграли литераторы Эдгар По, Вашингтон Ирвинг, Р. У. Эмерсон, Д. Г. Торо и другие. Все они хорошо знали ПД европейского романтизма, основой которого было воображение и культивирование индивидуальности творца. Вслед за Байроном, Гофманом, Гейне и другими европейцами, которых не случайно называли бунтарями и тираноборцами, американские авторы, сотрудничавшие в газетах и журналах, заклеймили социальное неравенство, обывательскую психологию массового общества. Идейно-эмоциональная оценка действительности, по мнению большинства историков культуры, осуществлялась романтической личностью с учетом идеологии, противостоящей обыденному миру. Они, как и большинство европейских романтиков, в возвышенных стихах и статьях воспевали долг, гражданственность, но не общепринятое служение власти, а служение идеалу. При этом они возвышали исключительную личность, не всегда заботясь о воспроизведении внутреннего мира "маленького человека". Они любили природу своей "малой родины", видя в ней оттиск Космоса, боготворили Красоту мира, выражая свой восторг с помощью символов. Они, как и их предшественники, уважали Разум, но больше думали о чувствах.

В то же время романтическая устремленность к идеалу и глобальным темам не способствовала усилению документального начала в публицистике. А без этого развитие газетно-журнального дела невозможно. Поэтому вполне закономерно, что романтических авторов на исторической сцене потеснили писатели-реалисты, больше анализировавшие социальные отношения и события каждодневной жизни. Романтика не отменяла социальности, но нередко ее адепты рассматривали социальные коллизии в несколько мифологизированном свете, презирали или игнорировали психологическую достоверность, высмеивали прозу бытия как "мещанство", "филистерство", "пошлость", "банальность", "заурядность" и т. п. Романтики фантазировали чаще, чем анализировали, поэтому в истории культуры остались их стихи, но не статьи.

Второй период начинается с усилением споров о рабовладении. Это время идейной поляризации американских публицистов. Их участие в общественно-политической жизни страны, усиливающее критические тенденции в их статьях и общий саркастический тон их творений, ведет к упрочению позиций реализма в культурной жизни тех лет.

Вплоть до 1880-х гг. все еще было велико влияние трансценденталистов, "мессидж" которых соединял романтику и трезвый анализ характерных сторон общественной жизни. Генри Дэвид Торо (1817—1862) и Ральф Уолдо Эмерсон (1803—1882), духовные вожди движения, синтезировали в своих эссе опыт не только европейских предшественников, но и укреплявшиеся идеи "американизма". Их деятельность можно рассматривать и толковать как создание национальной модели публицистики на почве "нативизма" и американского Просвещения. Уроки XVIII века они соединили с романтической парадигмой В. Ирвинга, Ф. Купера, Ф. Френо, Э. По.

Особое место в истории национальной романтизированной публицистики и журналистики, в частности и культурологической публицистики, занимает творчество Эдгара Аллана По (1809–1849), классика американской словесности, устремленного в транцендентальноидеалистический мир снов, фантазий и, как ни парадоксально, в мир ежедневных литературных забот. Но этот парадокс не был исключением в США, достаточно вспомнить имена Н. Готорна, Г. Мелвилла, У. Уитмена. Э. По – талантливый журналист и издатель, опытный литературный критик. Он прожил трудную жизнь, омраченную нищетой и болезнями. Эдгар По признавался, что его жизнь — это "порыв и страсть" [9, 47]. Он пришел в литературу, когда в Европе господствовали романтические представления об искусстве. В прессе США в те годы шла дискуссия о формировании национальной литературы, которую начал в конце XVIII века поэт и издатель "Национальной газеты" Ф. Френо. Другой поэт, романтик У. К. Брайент (1794—1878), редактор нью-йоркской "Ивнинг поуст", тоже призывал создать независимую литературу и печать, далекую от эталонов уже в то время зарождавшейся "желтой прессы".

Э. По видел, что в те годы в стране царил дух торгашества, который перерастал в "непристойность, поношение, продажность". Культурософские ПТ, особенно литературно-критические статьи и рецензии Э. По можно рассматривать как протест против наступления духа чистогана на искусство (Напр., статья «Как писать для "Журнала Блэквуда"»). В политике он был менее последователен, да и мало ее касался. Эдгар По не мог пройти мимо опыта Чарльза Брокдена Брауна, который в своих трактатах и эссе обобщил опыт республиканской печати США. Редактируя филадельфийский журнал "Literary magazine and American register", Браун защищал права негров и женщин, боролся за социальную справедливость. То же старался делать и его ученик, автор многих журнальных заметок о жизненных невзгодах бедняков, образы которых романтизировались и приукрашались в стиле христианского социализма.

Эдгар По, испытывая лишения и нужду, долгие годы был чернорабочим в журналистике и литературе. Как публицист он интересен сегодня прежде всего своей приверженностью высоким стандартам в искусстве, что было прямой полемикой с массовой газетно-журнальной беллетристикой. Свои взгляды он изложил в философских диалогах "Разговор Эйрос и Хармионы", "Сила слов" и др. Диалоги показывают его приверженность "чувству естественного", но в то же время – и фантазии, которая помогает мечтать. В "Силе слов" он вопрошал: "Ужели звездные миры, что ежечасно вырываются в небеса из бездны небытия, ужели все эти звезды... не сотворены самим царем?" [17,10]. Он задумывался о космосе, о происхождении человека, о Боге, о будущем всей планеты. Его биограф Герви Аллен писал: "Уже в 1836 году он смело вступил на литературную сцену как единственный достойный внимания американский критик. Взлет его был стремителен, и покорить эту вершину ему помог "Сазерн литерери мессенджер", менее чем за два года мало кому известный до того журнал завоевал всеобщее признание, поставившее его в один ряд с такими публикациями, как "Нью инглэндер" и "Никербокер", и даже стал временами тревожить погрязший в местническом самодовольстве ежемесячник "Норт Америкен ревю", который

дотоле решительно отказывался прислушиваться к голосам, доносившимся из местностей к югу от Делавера" [9, 94]. Романтически настроенный литератор требовал в своих рецензиях отказаться от отживших штампов классицизма, не копировать слепо европейские образцы.

Э. По сотрудничал во многих американских журналах. Как отметил Ю. Ковалев, были среди этих журналов "воистину авторитетные издания, и впрямь влиявшие на развитие национальной литературы, такие как "Северо-Американское обозрение", "Никербокер", "Демократическое обозрение", но были также и мотыльки-однодневки, возникавшие и умиравшие сотнями. В одном только Балтиморе за пятнадцать лет (1815—1830) появилось и исчезло более семидесяти журналов [9, 103]. Ю. В. Лучинский правильно отметил, что в "Поэтическом принципе" Эдгар По выступил бесстрашным новатором, ниспровергателем безвкусицы (которую он видел, например, в журнале "Блэквудс мэгэзин"). Ученый отмечает, что По, будучи романтиком, никогда не отвергал рациональность. Мысль о том, что стоит обращать больше внимания на недостатки, нежели на достоинства разбираемого текста, также важна для понимания критической позиции Эдгара По. С его точки зрения, критик, судящий литературный мир с позиции Вкуса, - самодержец, диктатор вкуса. Эту идею он почерпнул из английской традиции. Парадоксально, но Эдгар По, часто вступавший в полемику с английской критикой и неоднократно подвергавший сомнению состоятельность ее эстетических позиций, взял на вооружение методы британской критики, часто переходившей с анализа произведения на личность автора. Как редактор Эдгар По прекрасно понимал, что полноценного журнала без сильного критического отдела нет и быть не может. Эдгар По писал в апрельском номере "Мессенджера": "...Гордость, рожденная чересчур поспешно присвоенным правом на литературную свободу, все больше усиливает в нас склонность к громогласному самовосхвалению. С самонадеянной и бессмысленной заносчивостью мы отбрасываем всякое почтение к зарубежным образцам. Упоенные ребяческим тщеславием, мы забываем, что театром, на котором разыгрывается литературное действие, является весь мир, и сколько есть мочи кричим о необходимости поощрять отечественные таланты, - в слепоте своей воображая, что достигнем цели, без разбору превознося и хорошее, и посредственное, и просто плохое, - но не даем себе труда подумать о том, что так называемое "поощрение", при подобном его понимании, на деле превращается в свою противоположность. Одним словом, нимало не стыдясь многих позорных литературных провалов, причина которым — наши собственные непомерные претензии и ложный патриотизм, и нимало не сожалея о том, что все эти нелепости — нашей домашней выделки, мы упрямо цепляемся за изначально порочную идею и, таким образом, — как ни смешон сей парадокс, — часто восхищаемся глупой книгой лишь потому, что в глупости ее столько истинно американского".

Эта пространная цитата необходима нам для понимания противоречий эволюции американской публицистики и журналистики в эпоху романтизма. С одной стороны, формировалась независимая культура и печать, формировался дух нации, требующий восхваления "американизмов", а с другой — По справедливо критикует провинциализм штатов. Он с сарказмом пишет о глупости ложного патриотизма, выбирая едкие эпитеты для усиления собственной идеи.

Стиль По-публициста характеризуется экспрессивным словоупотреблением, склонностью к гиперболе и инверсии. В то же время романтическая экзальтированность не делает синтаксис рыхлым. По-стилист очень умело использует синтаксические фигуры, которые помогают упорядочить высказывание (повтор, параллелизм, градация). Его критические статьи стали учебным пособием для многих поколений литературных критиков. Романтический пафос, включающий в себя отстраняющую ироническую критику и самокритику, создавал у публицистических текстов Э. По и других его современников усмешливый скрытый подтекст. Подобного "ребяческого" тона были лишены ПТ трансценденталистов, отдавших солидную дань философии.

Публицистика американских трансценденталистов стала примером соединения романтической патетики и многословной риторики, с одной стороны, и реалистической непредвзятости с точностью детали, психологической глубиной изображения человека, нравов провинциальных городков и пейзажных красот необъятной страны, с другой. Трансцендентализм как литературно-философское и журналистское течение, соединившее в своей программе романтический порыв и реалистический анализ социальной действительности, появился в 1830-х гг., когда критика утилитаризма приобрела заметные черты. К трансценденталистам принадлежали Эймос Олкотт (1799–1888), теоретик "нового" гуманистического образования; Джордж Рипли (1802—1880), знаток немецкой культуры, последователь Фурье и один из основателей трансценденталистской утопической коммуны Брук-Фарм, а также создатель журнала трансценденталистов "Дайел"; Opectac Браунсон (1803–1876) — журналист, один из первых организаторов рабочего движения в США; Фредерик Хедж (1805–1890),

ученый-гуманитарий, основавший в 1836 году трансцендентальный клуб в Бостоне; Маргарет Фуллер (1810-1850), литературный критик, политическая активистка, феминистка, автор книги "Женщина девятнадцатого века" (1845) и первый редактор журнала "Дайел"; Теодор Паркер (1810-1860), унитарианский проповедник, аболиционист (Эмерсон называл Паркера Савонаролой трансцендентализма). Американские трансценденталисты представляли собой, по словам Н. Покровского, "...группу молодых писателей, литературных критиков, философов, теологов и социальных реформаторов, чья деятельность формировалась вокруг Эмерсона, жившего в те годы в Конкорде". Многие исследователи признают влияние на трансценденталистов романтического эстетизма, платонизма, нравственных доктрин унитарианства и классического немецкого идеализма (к Иммануилу Канту восходил и сам термин "трансцендентализм", использованный Эмерсоном и его последователями).

Началом серьезной философско-этической и культурологической публицистики, ориентированной на массы потребителей, стали эссе и лекции Эмерсона и Торо. Эти авторы принадлежали к числу реформаторов американской духовной жизни. Особенно важным для развития национальной печати стало творчество Ральфа Уолдо Эмерсона. "Симпатия к простому народу, вера в его творческие возможности и одновременно самозабвенная литературная деятельность, наполненная жаждой философских обобщений, "космизмом" мирочувствования, неизменные попытки проникнуть в потаенный мир природы ставят Эмерсона в один ряд с классиками американской литературы прошлого столетия – Г. Мелвиллом, Э. По, Г. Лонгфелло, У. Уитменом" [21, 9], – писал Н. Покровский.

С 1842 по 1844 год Эмерсон редактировал журнал "Дайел", группировавший вокруг себя лучшие интеллектуальные силы Новой Англии. Начиная с 1836 года Эмерсон постоянно выступал перед публикой с циклами лекций, многие из которых позднее были напечатаны в виде отдельных эссе: "Философия истории" (1836–1837), "Американский ученый" (1837), "Культура человечества" (1837–1838), "Речь перед выпускным классом школы богословия" (1838), "О литературной морали" (1838), "Жизнь человеческая" (1838–1839), "Наша эпоха" (1839-1840).

В 1841 году была издана первая часть знаменитых "Опытов" Эмерсона, включавшая двенадцать эссе ("История", "Доверие к себе", "Возмещение". "Законы духа", "Любовь", "Дружба", "Благоразумие", "Героизм", "Сверхдуша", "Круги", "Разум", "Искусство"). Вторая часть "Опытов", вышедшая в 1844 году, состояла

из девяти эссе: "Поэт", "Опыт", "Характер", "Обычаи", "Подарки", "Природа", "Политика", "Номиналист и реалист", "Реформаторы Новой Англии". Последнее эссе примечательно тем, что философ-публицист впервые сформулировал идею эволюционного развития самого духа реформаторства. Он проанализировал "дух непримиримого критицизма" в системе американского образования, указав на необходимость изменения этой системы, оболванивающей молодежь. "Она не предполагает обучение практически нужным вещам, - сетует автор, - ... десять-пятнадцать лет нас держат взаперти, пока за школой следуют колледж и университет, и наконец выпускают на волю, снабдив сведениями, которые никому не нужны, - мы запоминаем множество слов, но не умеем ровным счетом ничего" [21, 64]. Сардонический тон публициста не означает, что он выступает как приверженец революционных перемен. "Голоса протеста и отрицания" звучат настойчиво, но Эмерсон не хочет, чтобы общество погрузилось в хаос, вызванный излишним радикализмом реформаторов. Несколько велеречиво говоря о заботах нации и всего человечества, он зовет читателей к диалогу о путях улучшения условий жизни, к мужественному разговору о пороках не только системы образования, но и всей социальной системы. Зная о бездуховности и рутине, он не бунтует, подобно Э. По и другим романтикам, но призывает граждан "доверять себе". Он предлагает увидеть "чудесные силы" человеческой солидарности, подчеркивая: "Повинуйся голосу своего гения — это единственное средство достичь свободы" [21, 28]. В сороковые годы Эмерсон много ездил по стране с лекциями, которые позже превращались в статьи и эссе. Среди особенно существенных циклов лекций этого периода необходимо отметить "Наше время" (1841-1842) и "Избранники человечества" (1845—1846). В 1847—1848 годах Эмерсон совершает свое второе путешествие в Европу, где встречает восторженный прием в качестве полноправного и видного представителя молодой прогрессирующей американской культуры. Среди циклов лекций позднего Эмерсона выделяются "Путь жизни" (1851), "Черты английской жизни" (1856), большую популярность приобрел сборник эссе Эмерсона "Общество и одиночество".

Сторонником, но и оппонентом по целому ряду вопросов стал для Эмерсона его современник Генри Дэвид Торо. В своих эссе ("Неделя на реках Конкорд и Мерримак", 1848; "О долге гражданского неповиновения", 1848 и др.) он выступил против рабства, отметив опасность практицизма, которая грозила превратить общество в совокупность жестоких стяжателей. В 1845—1847 годах Торо осуществил эксперимент, уйдя жить

в лес. Он построил домик на берегу Уолденского озера, о чем поведал в серии очерков "Уолден, или Жизнь в лесу" (1854). В этом публицистическом произведении автор отстаивал идеалы пантеизма, видя в природе противовес грядущей урбанизации и экологической беззаботности американцев. Вслед за Купером он воспел дикие неисхоженные леса, прерии, великие реки. Природа для него была мерилом духовности: критика сограждан была основана на неприятии прагматизма янки. Характерно, что Л. Толстой, восхищаясь американским натурфилософом, способствовал появлению его книги на русском языке [15, 290]. Стиль Торо — это неторопливое размеренное повествование, напоминающее о М. Пришвине, В. Бианки, В. Пескове и других отечественных авторах. Торо писал без романтических метафор, опираясь на разговорные интонации, понятные массовому читателю. В отличие от Р. Эмерсона, прибегавшего к возвышенно-патетическим оборотам, автор "Уолдена" стоял ближе к провинциальному жителю, хотя его идеи и не тиражировались так активно, как в случае с лидером трансцендентализма. В 1960-е гг. ХХ в. эссеистика Торо оказалась нужна "детям цветов", начавшим эпоху "поколения разбитых", т. е. битников, хиппи и т. п. Молодежь увидела в Торо учителя-гуру, умевшего размышлять. Его ПТ обрел новую жизнь как модель тихого несогласия с законами цивилизации. Он писал о неповиновении чиновнику, о скрытой оппозиции лицемерным политикам, о бегстве на лоно природы. А это и было актуально в годы всеобщего потребительского бума.

Мировоззрение Торо глубоко оптимистично, и это делает его "Уол-ден" особенно привлекательным и близким современному читателю. "... Я не намерен сочинять Оду к Унынию, напротив, я буду горланить, как утренний петух на насесте, хотя бы для того, чтобы разбудить соседей" [21, 19], — писал Торо. Он, согласно романтической философии, бежал из города. Его строки о вреде урбанизма можно назвать прообразом экологической науки, прежде всего в ее нравственном преломлении.

Торо в сущности своей не был ни разуверившимся в жизни отшельником, ни нигилистически настроенным эскейпистом. Его уход в леса был продиктован в конечном счете стремлением найти точку нравственной опоры. Публицистика Эмерсона и Торо стала примером глубокого анализа текущей жизни с позиций философско-этического скептицизма, не отрицающего, впрочем, веры в прогресс, веры в человека. Они продолжили линию публицистов эпохи Просвещения, но были более трезвы в прогнозах и оценках современности.

Важна для понимания эволюции романтического идеала и недолговечная неоромантическая публицистика конца XIX в. Неоромантизм был заметным явлением в западной культуре рубежа XIX-XX веков, рубежа, который, в частности, отделяет традиционную журналистику от технологизированной. Переходным эпохам свойственно обнажение многих диахронических пластов, своеобразных "геологических пород" в духовной жизни общества. Неоромантизм обнажил несбыточность идеала гармонии в условиях конкуренции и рыночной экономики. В основе этого направления - концепция личности, отстаивающей идеал жизни-борьбы, идеал непрозаического существования. Как правило, герой неоромантической публицистики нормативно задан, в его образе "плакатность" преобладает над психологической объемностью и многогранностью [2, 58].

Роберт Льюис Стивенсон (1850—1894) — крупный английский писатель XIX века, неоромантик, завоевавший всемирную известность своими приключенческими романами, плодовитый критик и публицист. Антитетическая резкость образной системы в творчестве Стивенсона многим обязана возрождению в культуре конца прошлого века романтической эстетики, хотя связь с романтизмом не делает авторов 1880-x-1900-x годов "романтиками" по методу. Романтическая антитеза переосмысливалась в конце века в духе экзистенциальных вопросов, выдвигаемых Ф. Ницше и другими теоретиками "нового искусства". Более тесное сочленение (но не взаиморастворение) "верха" и "низа", мечты и прозы бытия, при их нередком взаимодействии и взаимозаместимости - вот основной конститутивный признак неоромантической эстетики. Но это парадоксальный признак, ибо это же нередко видим и в реализме. Очевидно, поэтому Н. Я. Дьяконова отказывается от термина "неоромантизм", считая его "неточным", хотя другие ученые (Л. Г. Андреев, А. А. Бельский, М. Г. Соколянский, Д. К. Царик) используют его в конкретном историко-литературном контексте, особенно когда речь идет об английской, французской, немецкой, польской, украинской литературе.

Еще Г. Джеймс отметил, что Стивенсон больше всех периодов в жизни любит юность с ее оптимизмом, романтическими стремлениями, движением и энергией. Биографы Стивенсона, в частности Р. Олдингтон, Б. Грэм, Г. К. Честертон, отметили казалось бы несовместимые устремления в его характере. С одной стороны, мечтатель и фантазер, с другой — апологет героического действия, друг У. Хенли и других сторонников "активизма" в литературе рубежа XIX—XX веков. С одной стороны, болезненный

человек, страдающий от болезни легких (предполагали и тяжелую форму болезни бронхов), а с другой — неутомимый путешественник, творивший "легенду", воспевающий бродяжничество и жизнь-приключение. Стивенсон — патриот Шотландии и оппонент шотландского кальвинизма и национализма, политические взгляды которого тоже неоднозначны.

В его критической прозе немало полемики с викторианской этикой. Это и понятно: при всей своей любви к доброй старой Англии, к горной Шотландии, он отстаивает уже иной идеал, у него речь идет о неортодоксальной жизненной стратегии, о новых нравственных принципах литературного творчества. Хотя он в юности, чтобы не расстраивать близких, пытался приобрести профессию (инженера, потом юриста), идеалы добропорядочного существования вызывали у будущего писателя в лучшем случае ироническую улыбку. В его первых эссе ощутимо желание прорваться через обыденность к высшей целесообразности, к яркой жизни-борьбе. Бунтарское начало в характере стивенсоновского героя уходит своими корнями в антивикторианскую этику автора "Пешеходных прогулок", "Эмигранталюбителя", "Посланного на юг", "Апологии лентяев". В "Апологии лентяев" Стивенсон с горькой иронией отзывается о "целеустремленной ограниченности" деловых людей, подменяющих суетой настоящее осмысление жизни. "Лентяйничать", бродить без дела, по логике обыденного разума – страшный грех. Для поэта же — это непростая работа [24, 336]. Еще в 1873 году был написан очерк "Дороги", и символ заголовка стал эмблемой неоромантических стихов, которые можно вслед за автором назвать "песней дороги". В 1876 г. вместе с другом Роберт на байдарках отправляется в путешествие по рекам и каналам Бельгии и Франции в Париж. Юноша прекрасно знал французский язык и литературу. По возвращении из Парижа в Эдинбург он издает "Путешествие внутрь страны" (1876) — путевые очерки, где много философско-лирических размышлений "обо всем".

Сегодня, читая статьи Стивенсона ("Заметка о реализме", 1883; "Досужий разговор о романах", 1887; "Болтовня о романтическом романе", 1882; "Скромное возражение", 1884 и т. п.) нельзя не увидеть, что при всем интересе к творчеству Дюма, Э. По, Китса, Готорна, Уитмена, Стивенсон возражал не против реализма как метода, а против плоского копирования обыденной жизни. ("Сейчас исключительно модна фотографическая точность диалога, но даже в самых умелых руках она говорит нам не больше — я думаю, что даже меньше — чем Мольер".) Как и в романтизме начала XIX в., в "неоромантизме" воплотилось

стремление противопоставить свой позитивный идеал будничности и серости повседневного бытия буржуазного класса. Кроме этических признаков (протест против рутины, призыв к действию, культ жизни-приключения и т. п.) у неоромантиков было нечто общее в эстетике и в структуре образа [4, 73].

В "Этюдах о людях и книгах" он рисует портреты известных людей XIX в. Стивенсон близок Рескину, Моррису, отчасти Арнольду. И в то же время мы видим влияние на него и эссеистов-романтиков, которые оказали влияние на всю эссеистику XIX века. Его неоромантизм - протест против ухода Приключения из жизни под давлением повседневной рутины [11, 8]. Это, кстати, и стало стимулом к появлению жанра "романтизированной фантастики". Как совершенно справедливо отмечает Ю. П. Котова, "romance" для Стивенсона не просто жанр и художественная тенденция, это еще и особое мироощущение, активное восприятие жизни... Неудовлетворенность, как оборотная сторона викторианской трезвости, заставляла его искать подлинную жизнь людей не в практической деятельности, а в мире воображения... Жизнь – это не только то, что нас окружает и происходит с нами ежедневно; жизнь — это еще и то, о чем мы смутно догадываемся... к чему стремимся и чего жаждем... все неслучившееся – тоже жизнь... "Romance" должен "переносить читателя в мир красоты и героизма, фантазии и воображения, показать торжество человеческой мечты" [10, 5]. С точки зрения Стивенсона, рабская покорность фактам есть капитуляция художника, сдача им своих позиций, его растворение в безысходности бытия - и тем самым побуждение читателя к такой же капитуляции перед лицом жизни, к примирению с низкой оценкой человека и его возможностей. Формальное сходство между очерками Стивенсона и его романтических предшественников, как отметила Н. Дьяконова, бесспорно. "Он также описывает и исповедуется больше, чем повествует, больше говорит о себе и своем восприятии, чем о самом предмете. Лирическое авторское "я" занимает у него почти такое же место, как у Лэма и Хэзлитта. Темы очерков Стивенсона близки к их темам: авторы, книги, картины, друзья, беседы, воспоминания о путешествиях, о встречах, размышления о молодости и старости, о браке и любви, о жизни и смерти. Во всех очерках он, как и Лэм, и Хэзлитт, беседует с читателем с полной свободой и непринужденностью, не скрывая ни своих симпатий, ни антипатий" [4, 137]. В этом он похож на Р. Киплинга, автора путевых очерков об Индии. Неоромантизм Киплинга во много порожден и его интересом к Востоку. Жизнь "к востоку от Суэца" он знал хорошо, будучи уроженцем Бомбея, страстным путешественникомэтнографом, наблюдательным журналистом и неутомимым летописцем.

Его интерес к Востоку совпал с общим оживлением диалога "Восток – Запад", порожденным колониальной экспансией, активизацией культурологических и этнографических штудий, ростом туризма и прогрессом английской культуры в прошлом веке. Эдвард Фитцджеральд (1809— 1883) перевел Омара Хайяма, Уилфред Скоуэн Блант описал Египет, У. Б. Йейтс позже воспел Византию. Меккой Киплинга стала Индия, его интересовали также Бирма, Гималаи, Ближний Восток. Сакраментальная формула "О, Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с мест они не сойдут" (перевод Е. Полонской) должна пониматься не как констатация непреодолимости различий, но как утверждение автономности цивилизаций и культур. Восточная цивилизация в репортажах и очерках Киплинга предстает в своем духовном величии и одновременно - в идиотизме, косности и дешевой экзотичности. Не идеализируя "туземцев", он в очерках из Индии конца XIX века с гуманистических позиций изобразил их жизнь и обычаи, причем, как и Г. Мелвилл, он противопоставил цельность восточного человека суете и неорганичности западной цивилизации.

Спор между возвышенным и обыденным во многом способствовал появлению эстетско-декадентского ПД. В Европе появились "проклятые поэты", бросившие вызов устоявшимся взглядам, появилась богема, не знающая бремени общественного мнения и условностей. Джон Лейн (издатель "Желтой книги"), Чарльз Хольм (издатель журнала "Студия"), Луиз Хайнд (издатель "Пол Мол Баджит"), Леонард Смизерс (издатель "Савоя"), например, охотно прибегали к помощи такого экстравагантного графика, как Обри Бердслей.

Таким образом, в статьях и эссе американских и английских романтиков выражен, с одной стороны, идеал гармоничных отношений творческой личности и обычных людей, а с другой - недостижимость этого идеала. Художник, по идее большинства романтиков, имеет право на непохожесть и самобытную манеру мышления. Автономия искусства в мире обыденных забот была наиболее основательно защищена Э. По. Его современники и последователи обратились к жанру эссе, чтобы дать философическое толкование самым общим вопросам общественного бытия. Культурософская публицистика Торо и Эмерсона завершила формирование национальной модели ПД подобного рода. Их ПТ можно считать образцом романтической полемики с господствующими предрассудками. Структурной основой такого ПТ, как правило, выступала антитеза "реальность-мечта", подкрепляемая эмоционально-интонационным напором и декоративно-возвышенной метафорикой. Аналогичные явления можно наблюдать, читая европейскую публицистику того периода.

Неоромантизм конца XIX века продолжил линию романтиков, но после Ч. Диккенса и Г. Флобера недостаточно было петь гимны Воображению. Реалисты знали, что мало восторгаться заоблачной красотой космоса, надо внимательнее присмотреться к социальным конфликтам. Многообразие эстетических явлений может служить признаком почти любой литературной "переходной поры". Наличие романтического и неоромантического направлений в публицистике XIX в. показывает, что преемственность преобладала над экспериментом, а мечта о недостижимом была выражена четче, нежели в публицистике XX века. Разграничение направлений в западной публицистике позволяет уточнить эволюцию "нехудожественной" (околохудожественной) словесности в предмодернистскую эпоху. Эмоциональная риторика упоминаемых выше авторов позволяет утверждать, что экспрессивно-стилевая модель романтизированного ПТ отрицала наукообразие просвещенческого ПД, не отрицая при этом рационализм как способ "тематизации" мира. ЭСМ романтического направления антитетична по своей сути, диалектична по природе, но далека от методологической системности реалистов и эзотеричности символистов. Этот вывод легко подтвердить наблюдениями над публицистикой У. Б. Йейтса или Т. С. Элиота. Но это уже будет другая тема.

ЛИТЕРАТУРА

- 1. Байрон Дж. Избранные произведения : В 2 т. М., 1987. Т. 1. 766 с.
- 2. Бельский А. Неоромантизм и его место в английской литературе конца XIX века / А. Бельский // Из истории реализма в литературе Англии. Пермь, 1980. 139 с.
- 3. Гейне Г. Полное собр. соч.: В 12 т. М.: Academia, 1936. Т. IX. 410 с.
- 4. Дьяконова Н. Я. Р. Л. Стивенсон и английская литература XIX века / Н. Я. Дьяконова. Л., 1974. 201 с.
- 5. История американской литературы : В 2 т. /Под ред. Н. Самохвалова. М., 1972. Т. 1. 203 с.
- 6. История английской литературы. М.: Наука, 1958. T. III. 397 с.
- 7. История всемирной литературы. М.: Наука, 1991. T. 6. 503 с.
- 8. История французской литературы / Андреев Л. Г. и др. М.: Высш. школа, 1987. 317 с.

- 9. Ковалев Ю. Эдгар Алан По / Ю. Ковалев. Л., 1984. 295 с.
- 10. Котова Ю. Творчество Р. Л. Стивенсона на рубеже веков: Автореф. дис. ... канд. фил. наук / Ю. Котова М., 1976. 19 с.
- 11. Крутов Ю. Исторический роман Р. Л. Стивенсона: Автореф. дис... канд. фил. наук / Ю. Крутов. М., 1971.
- 12. Лучинский Ю. Краткий курс истории зарубежной журналистики / Ю. Лучинский. Краснодар, 1995. 41 с.
- 13. Мейлах Б. Терминология в изучении художественной литературы: новая ситуация и исконные проблемы / Б. Мейлах // Вопросы литературы. 1981. N = 7. C. 69-81.
- 14. Михальская Н. П. История английской литературы. М.: Изд. Центр.1999. 327 с.
- 15. Писатели США. Краткие творческие биографии /Под ред. Я. Засурского. М., 1990. 623 с.
- 16. Современная западная философия. Словарь. М., 1991. 711 с.

- 17. "Сделать прекрасным наш день...": Публицистика американского романтизма: Пер. с англ. М.: Прогресс, 1990. 352 с.
- 18. Урнов М. Роберт Луис Стивенсон / М. Урнов // Стивенсон Р. Л. Избранное (на англ. яз.). М., 1968. 339 с.
- 19. Хорольский В. Постмодернистский текст в постиндустриальном обществе: культурологические перспективы / В. Хорольский // Вестник ВГПУ. Вып. 1. Воронеж, 2000. С. 7-19.
- 20. Шелли П. Б. Избранное / П. Б. Шелли. М., 1987. 384 с.
- 21. Эмерсон Р. Эссе. Торо Г. Уолден, или Жизнь в лесу / Р. Эмерсон. М., 1986. 639 с.
- 22. Chateaubriand. Memoires d'outre-tombe / Chateaubriand. P., 1973. 402 p.
- 23. Longman Dictionary and Handbook of Poetry / J. Myers, M. Simms. N.-Y.; L., 1985. 611 p.
- 24. Stevenson R. L. Familiar Studies of men and books. Criticisms / R. L. Stevenson New York, 1925. 247 p.

ПОПУЛЯРИЗАТОРСКАЯ КРИТИКА КАК СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ЧАСТЬ «ТОЛСТОГО» ЖУРНАЛА

© 2008 О.Г. Шильникова

Волгоградский государственный университет

Типологическая идентификация популяризаторских критических материалов — одна из мало освещенных в литературоведении проблем. Зачастую работы подобного плана вообще не относят к собственно критическому творчеству либо считают не вполне полноценным суррогатным его вариантом. И потому они редко становятся объектом научного наблюдения и недостаточно учитываются в процессе изучения индивидуальных критических систем. В истории и теории критики подобный подход обусловлен и отчасти оправдан теми исследовательскими целями, которые являются приоритетными для данных научных дисциплин.

Однако нельзя забывать, что становление русской критики как уникального социокультурного феномена и обретение ею статуса отдельного вида профессиональных занятий было тесно связано с формированием в России массовой прессы и развитием СМИ как влиятельной информационно-коммуникативной силы общества. На это не раз обращали внимание историки литературы и журналистики – Г.Н. Поспелов, С.В. Брюховецкий, В.Н. Коновалов, Б.Ф. Егоров, Б.Г. Березина, А.И. Станько. Наша критика никогда не была каким-то обособленным и специфическим компонентом периодического издания. Она изначально представляла собою необходимую и органическую часть «толстого» журнала, потому что наравне с другими публикациями – беллетристикой, поэзией, публицистикой – участвовала в реализации его политики.

Функционирование в журнальном контексте вынуждало критику вырабатывать такие формы, которые, позволяя ей оставаться в собственных «родовых» границах, одновременно отвечали бы потребностям периодического издания как суверенного печатного органа, имеющего свое лицо и стремящегося воздействовать на публику в заданном направлении. Одной из журнальных модификаций литературной критики XIX в. является ее популяризаторский вариант.

По своему предмету (литературное произведение и его автор), целям (регулирование художественных информационных потоков и установление коммуникативных отношений «писатель — произведение — читатель — общество»), аудиторной составляющей (широкие читательские массы, а не узкий круг специалистов), основным приемам и направлениям деятельности (различные формы разбора, интерпретации и оценки художественных явлений), по типу мышления (логико-интеллектуальное постижение текста с опорой на эмоционально-чувственное интуитивное его восприятие) популяризаторская критика идентична литературной критике в общепринятом смысле данного термина.

Различия между этими явлениями наблюдаются на процессуальном уровне. Собственно критика формирует свой дискурс за счет творческого продуцирования оригинальной концепции художественности, вырабатывает новаторские идеи и подходы, предлагает новые трактовки произведений и литературного процесса.

Главный способ деятельности популяризатора — репродуктивный. Он не создает абсолютно нового знания, а занимается обобщением, систематизацией, адаптацией к запросам аудитории уже имеющихся сведений, в том числе переложением и анализом художественных текстов. Однако опирается при этом на уже сложившуюся систему аксиологических представлений об искусстве и оперирует готовой оценочной шкалой.

В то же время у популяризаторской модели есть особое назначение в архитектонике журнала, свой конкретный адресат и дополнительные задачи: распространять, делать достоянием широкой публики творчество того или иного автора, излагая свои суждения и оценки в доступной, ясной даже для неподготовленной аудитории форме, и, наконец, популяризировать, тиражировать художественные принципы своего печатного органа. В соответствии с этим происходит и ее функциональная перестройка.

Доминирующими становятся просветительская, рекламно-справочная и рекреативная функции. Традиционно важные для критики аналитико-оценочные обязанности отодвигаются на второй план, хотя и не исчезают вовсе.

Типологические черты популяризаторской критики отчетливо просматриваются в некрасовских «Отечественных записках», которые начиная с первых лет издания и до закрытия журнала регулярно печатали эти материалы. В роли авторов выступали как профессиональные литературные аналитики – М.К. Цебрикова, А.М. Скабичевский, так и журналисты, специализировавшиеся в других областях, – беллетристы П.Д. Боборыкин, А.М. Маркович, поэты, переводчики и публицисты П.И. Вейнберг, Н.С. Курочкин, А.Н. Плещеев. Несколько таких публикаций принадлежат М.Е.Салтыкову и Н.К.Михайловскому. Последний иногда и в своих оригинальных работах использовал популяризаторские приемы, к примеру подробный пересказ, чаще всего иронический или пародийный.

Устойчивый интерес «Отечественных записок» к популяризаторским критическим материалам был далеко не случаен. Они отвечали общей просветительской устремлённости этого издания, тем образовательно-дидактическим и пропагандистским целям, которые на протяжении почти четверти века были приоритетами для этого демократического журнала и которые векторно совпадали с общим ходом цивилизационного процесса в России последней трети XIX века.

М.Е Салтыков, чье мнение в определении политики издания было весьма авторитетным, в ряде своих критических работ 60-70-х годов (Несколько слов о состоянии русской литературы вообще и беллетристики в особенности // Современник. 1863 № 12; Напрасные опасения // Отечественные записки. 1868. № 10; Уличная философия // Отечественные записки. 1869. № 6) сумел выявить объективные тенденции общекультурного развития России во второй половине XIX в. С одной стороны, он отмечал несомненно позитивный процесс расширения и демократизации читательской публики за счёт кардинальных изменений социально-экономического и общекультурного плана, вызванных реформой 1861 года и её последствиями. А с другой — не упускал случая указать на усиливавшуюся дифференциацию читательской массы. По его мнению, радикальные перемены, произошедшие прежде всего в материальной сфере, повлекли за собой резкие социальные сдвиги, более чёткое разграничение различных общественных групп, каждая из которых осознавала себя как достаточно обособленную, в том числе и духовном отношении, часть социума. Критик

констатировал, что значительная часть аудитории была представлена заурядной публикой — «простодушной» до наивности, нетребовательной и не слишком образованной. Однако и этих читателей редакция хотела бы иметь своими подписчиками и союзниками.

По аудиторной направленности популяризаторская критика была в первую очередь формой приобщения массовой публики к европейской литературе и культуре. Она предоставляла возможность подробно, а не в кратком рецензионном варианте знакомиться с произведениями и авторами, которые вследствие невысокого образовательного уровня читателей, в связи с отсутствием на книжном рынке или за неимением в России полных переводов собраний сочинений, были недоступны. Критерии, которыми руководствовалась редакция при отборе материалов, были четко сформулированы автором работы о Вольтере: «Несмотря на всю громадную славу имени Вольтера, несмотря на его всемирно историческое значение в деле развития мысли, несмотря на первостепенное влияние его необычного таланта на всю литературу прошедшего столетия... произведения Вольтера почти неизвестны в России. <...>. Весь Вольтер никогда не мог быть у нас переведен...» [5, 235]

Формируя читательские интересы массовой аудитории, редакция старалась не снижать заявленных в программных статьях высоких требований к литературе. Она не предлагала «приятное и образовательное чтение», которое «имеет свойство успокаивать читателя, или приводить его в сладостно-мягкое или бесконечно-весёлое настроение [3, 81]. Прежде всего «Отечественные записки» привлекали произведения, отличавшиеся «жизненною правдою и глубиной мысли» [1, 126], писатели с цельным ясным демократически ориентированным мировоззрением, энергично и смело восстававшие против всех проявлений рабства, угнетения личности и общественного зла. М.А. Маркович, разбирая и пересказывая книги Джоржа Саля, Августа Мегью, Джеймса Гридвуда, замечает, что они будут интересны тем читателям, «которые не боятся взглянуть прямо в лицо существующему злу, не бегут прочь при виде общественных язв» [3, 81].

Особое место на страницах журнала отводилось деятелям французского Просвещения и тем, кто в своем художественном творчестве развивал их традиции. В наследии просветителей редакция находила близкие для неё идеи: «XVIII век боролся за свободу мысли и против рутины, предания и фанатизма. Ничто не должно ускользнуть от критики, от свободного исследования, ничто не должно отзываться недоступностью разуму, ничто не должно быть принято на веру, — таков общий девиз

просветителей. <....> Дружная, горячая борьба на этом общем поле составляла великую заслугу XVIII века вообще и в частности Вольтера», — с пафосом писал Н.К. Михайловский, отзываясь в 1870 г. на выход в России романов и повестей «знаменитого философа» в переводе Н.Н. Дмитриева [4, 9]. И это была общая позиция редакции. К примеру, М.А. Цебрикова, переводя и комментируя историко-литературные лекции Г. Брандеса, ставит в заслугу датскому критику то, что он привнес в свою культуру, застывшую в протестантских идеях XVI века, «революционное движение французской мысли XVIII века [10, 176].

Журналу оказались интересны и такие на первый взгляд далекие от современной российской жизни и мало известные фигуры, как английские романистки конца XVIII – начала XIX столетия. В их произведениях, которые оценивались прежде всего с точки зрения содержания, верности действительности и типичности художественных образов, критика «Отечественных записок» искала созвучные семидесятым годам обличительные мотивы и протестные настроения. Так, М.К. Цебрикова находила у Афры Бен «много энергии и смелости мысли», восстание «против бесчеловечного торга людьми» [8, 410]. Леди Морган представлялась как «красноречивая проповедница политической свободы,...заклятый враг насилия и произвола». Все, что писалось ею, по мнению критика, было «проникнуто негодованием против реакции и глубоким сочувствием к народу», потому у нее «народные типы очерчены с замечательной силой и правдой» [8; 437, 435, 432]. Романы Ш. Бронте «Джейн Эйр» и «Шерли», хотя и не указывали выхода из тесных рамок традиционной морали, вызывали глубокое сочувствие, так как «в первый раз раздался в английской литературе голос за права женщины», в первый раз в лицо общества был брошен упрек за его равнодушие и эгоизм в отношении ее. Тайну громадного успеха писательницы М.К. Цебрикова видела в том, что «она была представительницей идей и стремлений массы общества» и «в ее романах общество почуяло живую правду» [9; 132, 136, 140, 142].

Однако следует заметить, что при отборе материалов принципы «полезности» и соответствия направлению журнала всё-таки сочетались с критерием художественности. В целом публике рекомендовались такие далеко не второстепенные авторы, как Э. Роттердамский, Ж. Санд, В. Гюго, Ф. Фрейлиграт, Э. Золя, У. Диксон, Д. Элиот, Ш. Бронте, А. Мегью, Д. Гринвуд, Ф. Шпильгаген, А. Бейль, Б. Ауэрбах, Ф. Вольтер, П. Шелли, Ж. Ренан, Д. Байрон.

Второе направление популяризаторской деятельности «Отечественных записок» состояло в том, чтобы информировать публику о новостях

культурной жизни современной России, таких, как Пушкинский праздник 1880 г. или годичные выставки в Академии художеств. Своим долгом журнал считал и отклик на уход из жизни известных русских литераторов — Д.И. Писарева, А.И. Левитова, В.А. Слепцова, Н.А. Некрасова, И.С. Тургенева О.А. Новодворского.

Популяризаторская критика — это типично журнальный вид материалов. Ее функционирование имело практический смысл только в системе СМИ. Она не требовала от автора слишком больших затрат времени и оттого могла быть мобильной и многословной, что помогало в случае необходимости оперативно заполнять журнальные площади. Яркий пример — серия из 9 обширных статей А.М. Скабичевского «Французские романтики», печатавшаяся в течение почти двух лет (1880—1881).

Критика помогала решать и организационные вопросы редакционной политики, в частности, по привлечению подписчиков. Журнал часто предварял публикацию художественных произведений того или другого автора биографическим либо историко-критическим очерком о нем, что воспринималось как своеобразная презентация писателя или его очередного романа. Так, в первом номере за 1874 год была напечатана статья А.Н. Плещеева о Стендале и его романе «Красное и черное» [6, 28-54]. В ней критик давал подробную характеристику взглядов и эстетических позиций Стендаля, излагал историю его жизни. Затем разбирались брошюры, которые открыли во французской академии кампанию против классицизма — «Расин» и «Шекспир» (1823—1825 гг.). Много места в очерке отводилось рассказу о личности писателя. В соответствии с уже сложившейся к семидесятым годам структурой популяризаторских материалов, А.Н. Плещеев вводил в текст значительное количество документальных источников — «Воспоминания о лорде Байроне», письма Стендаля к другу. Обзорно рассматривались и романы, но от общего объема статьи аналитический разбор занимал всего несколько страниц. Ведь уже в третьем номере за тот же год журнал начинает печатать «Красное и черное» в переводе самого А.Н. Плешеева.

Подобная тактика использовалась и в отношении известного в народнической среде немецкого романиста Ф. Шпильгагена, который привлекал редакцию демократической направленностью творчества. По мнению М.Е. Салтыкова, писатель являл собою образец «человека цельного, определившего свои отношения ко всем разнообразным стихиям, из которых в данную минуту слагается общественная и индивидуальная жизнь». Поэтому критик называл его «талантливейшим из современных беллетристов»,

сумевшим в романе «Один в поле не воин» создать положительный образ героя, представителя новых общественных и политических веяний в Германии второй половины XIX века.

Популяризаторская критика «Отечественных записок» играла свою роль в реализации концепции художественности, которую эксплицировал журнал. Как правило, популяризаторы не решали значительных эстетических и теоретико-литературных проблем, почти не вели открытой полемики с идейными оппонентами. Они не ставили перед собой задачи создать оригинальную и сколько-нибудь целостную собственную критическую программу. Их главная цель состояла в том, чтобы тиражировать художественные принципы издания, закреплять их в сознании читателей, утверждать в глазах общественного мнения те критерии оценки искусства, которые вырабатывались в программных статьях ведущих аналитиков, прежде всего М.Е. Салтыкова. Важно, что принципы анализа и оценочная шкала у журнальной критики разного функционального уровня были сходными. Это делало критический дискурс журнала более наглядным, весомым, доступным для восприятия.

Однако при таком подходе неизбежным становилось и некоторое спрямление исходных позиций, в результате чего яснее вырисовывались как сильные, так и слабые стороны базовой художественной доктрины издания. Так происходило, когда популяризаторы брали за основу своих оценок не целостную интегральную концепцию художественности М.Е. Салтыкова, а лишь отдельные ее элементы и абсолютизировали, к примеру, дидактические или просветительские функции искусства.

К примеру, в статье «Литературные профили XIX века» М.К. Цебрикова полностью разделяет мысли Г. Брандеса о том, что «цель литературы — не упоение эстетическими восторгами, но провозглашение идеалов» свободы, человечности, прогресса, помогающих обновить общество. Если же «литература не возбуждает никаких вопросов, то это — доказательство того, что она утрачивает всякое влияние [10; 179, 176].

П.И. Вейнберг, разбирая в 1882 году новую трагедию В. Гюго «Торквемада», явно опирается на салтыковский философско-эстетический и оценочно-прагматический дискурсы. М.Е. Салтыков, разъясняя в «Уличной философии» идею тенденциозности искусства, настаивал, что «писатель-беллетрист не может уклониться от необходимости относиться к действительности под определенным углом зрения», так как это непререкаемый объективный закон творчества. Однако критик не приемлет стремления во что бы то ни стало «поставить читателя на известную

точку зрения». Это ведет к несправедливому разделению героев на сочувствующих и не сочувствующих авторскому образу мыслей. «Отсюда — целые тирады, в которых авторы прямо от своего лица выражают известный взгляд на вещи, не стесняясь тем, что подобная догматика ... может серьезно повредить художественной стороне их произведений» [7, 131].

П.И. Вейнберг в своей работе выделяет тенденциозность в широком и узком значении слова. Тенденциозность в «обширном» - салтыковском – смысле он признает и считает, что в прежних трагедиях Гюго именно она помогала автору «держаться на высоте художественного творчества самым блистательным образом». Под вторым критик подразумевает создание .произведений со специальной заранее заданной идеей. Крупные недостатки драмы Гюго как раз и порождены тем, что автор «имел в виду столько художественную, сколько — и, пожалуй, гораздо больше — чисто тенденциозную цель». Поэтому главный герой «только в одной-двух сценах представляется живым лицом; во всех же остальных - это ходячая идея, рифмованная диссертация, чему много помогает невероятное многословие» действующих лиц.

Критик называет множество просчетов знаменитого писателя. Это неудачная фабула, фальшь в изображении характеров и ситуаций, резонерство персонажей и самого автора, отсутствие «психологического элемента» и композиционной логики, словом, преобладание «публициста Гюго, а не Гюго-художника» [2; 186, 184, 185]. Тем не менее, П.И. Вейнберг делает весьма показательную оговорку. Он готов простить «ущерб чисто художественному достоинству произведения», если бы писатель защищал какие-то важные и своевременные идеи. Тогда как позиция М.Е. Салтыкова всегда была более взвешенной. В работах разных лет он последовательно настаивал на специфике художественного отображения и «особом роде» воздействия искусства на читателей. Салтыковский тезис «литература и пропаганда – одно то же» в контексте «Уличной философии» означал лишь акцент на ответственности писателя перед обществом.

Популяризаторские материалы были представлены на страницах журнала в собственных жанровых формах. Назовем главные из них.

Чтобы познакомить публику с произведениями зарубежной литературы, чаще всего использовались статья-пересказ с большими цитатными фрагментами (Боборыкин П.Д. Девяносто третий год. Роман Виктора Гюго // 1874. № 3) и сокращенный перевод художественного произведения, где пересказ играет роль связки между отдельными частями текста (Плещеев А. Сокращенный

перевод романа Э. Золя «Завоевание Плассана» // 1874. №№ 7,8; «Брюхо Парижа» (La vantre de Paris) роман Эмиля Золя.1873. <Предисловие и извлечение А.Н.Плещеева> // 1873. №№ 7,8).

Излюбленным жанром «Отечественных записок был критико-биографический очерк и его варианты: «историко-литературный очерк» М.А. Скабичевского «Французские романтики» (1880—1881), «очерк деятельности» «Вольтер-человек и Вольтер—мыслитель», написанный Н.К. Михайловским (1870. № 9,10), плещеевский «очерк жизни и сочинений» Стендаля (1874. № 1).

Встречается на страницах журнала и адаптированная для массового читателя статья-перевод искусствоведческих и общеэстетических работ зарубежных исследователей с комментариями и оценками переводчика, который может соглашаться или дискутировать с первоисточником (Цебрикова М.К. Литературные профили XIX века // 1877. № № 10,12; < Вейнберг П.И.>. Миль и Ренан в характеристике Брандеса // Отечественные записки. 1882. № 2, 3; < Вейнберг П.И.>. Новости иностранной литературы. Прометей в поэзии // 1881. № 6).

Для освещения российских художественных событий избирались жанры, более близкие к собственно журналистским. Биографическая статья и некролог о писателе (< Курочкин Н.С.>. Некролог. Дмитрий Иванович Писарев // 1868. № 8; Скабичевский А.М. К биографии Некрасова // 1879. № 7; <Ясинский И.Н.>. Андрей Осипович Новодворский (Некролог) // 1882. № 4). Репортажные сообщения и заметки, письма о художественных событиях. К примеру, Пушкинский праздник 1880 года в «Письме из Москвы» Г.И. Успенского (1880. № 6), «Литературные заметки» Н.К. Михайловского о Пушкинской речи Достоевского (1880. № 9), сообщение о первой русской передвижной художественной выставке, составленное М.Е. Салтыковым (1871. № 12), отчеты П.М. Ковалевского о годичных выставках в Академии художеств (1868. № 10; 1869. № 10).

В работах популяризаторов преобладающими были репродуктивные способы знакомства аудитории с произведениями и писателями. Прежде всего разного вида пересказы — краткий, выборочный, подробный; цитация текста, достигающая порою нескольких страниц и перемежающаяся пересказом; извлечения из художественного текста, подобранные и скомпонованные по желанию самого критика; компиляция историко-литературных трудов. Анализ же либо сильно редуцировался, либо трансформировался в комментарии и пояснения, которые давались

героям, событиям, ситуациям. Характерным признаком популяризаторских текстов было наличие в них значительного количества исторических сведений, историко-литературных фактов, документальных и мемуарных источников, вводимых преимущественно в форме цитат.

Таким образом, у популяризаторских публикаций при наличии общих с критикой родовых свойств имелись также специфические задачи и направления деятельности, методы рассмотрения художественных явлений, свои жанровые формы и структурно-композиционные особенности, порожденные условиями именно журнального функционирования. Значит, правомерно выделить популяризаторские работы и как форму собственно критики, и как тип журнальных литературно-критических материалов.

ЛИТЕРАТУРА

- 1. Вейнберг П.И. Новости французской беллетристики. (Два новые рассказа Эртмана-Шатриана) / П.И. Вейнберг // Отечественные записки. 1869. N 3.
- 2. <Вейнберг П.И.>. «Торквемада». Новая трагедия Виктора Гюго / <П.И. Вейнберг> // Отечественные записки. 1882. № 8. Отд. II.
- 3. <Маркович М.А.>. Мрачные картины. Гл. I-III / < М.А. Маркович > // Отечественные записки. -1868. -№ 11. Отд. II.
- 4. <Михайловский Н.К.>. Вольтер-человек, Вольтер-мыслитель. Романы и повести Ф. М. Вольтера. Перевод Н.Н. Дмитриева / < Н.К. Михайловский>. СПб., 1870. Статья первая // Отечественные записки. 1870. № 9. Отд. II.
- 5. <Михайловский Н.К.?>. Романы и повести Фр. М. Вольтера // Отечественные записки. $-1870.- N\!\!\!_{\odot} 6.- Oтд.$ II.
- 6. Плещеев А.Н. Стендаль (Анри Бейль) и роман его «Красное и черное» / А.Н. Плещеев // Отечественные записки. 1874. № 1. Отд. II.
- 7. <Салтыков-Щедрин М.Е.>. Указ. соч. С. 131. Уличная философия / < М.Е. Салтыков-Щедрин > // Отечественные записки. № 6. Отд. II. С.
- 8. Цебрикова М.К. Англичанки романистки. Гл. I-III / М.К. Цебрикова // Отечественные записки. -1871. -№ 8.
- 9. Цебрикова М.К. Англичанки романистки. Гл. IV-V / М.К. Цебрикова // Отечественные записки. -1871. -№ 9. Отд. I. С.
- 10. Цебрикова М.К. Литературные профили XIX века / М.К. Цебрикова // Отечественные записки. 1877. № 10.

ИНТЕРВЬЮ В СИСТЕМЕ МЕТОДОВ ОПРОСА

© 2008 Е.В. Щвец

Воронежский государственный архитектурно-строительный университет

Методы опроса в структуре эмпирических методов научного исследования занимают одно из главенствующих мест. В числе методов опроса представляется целесообразным определить базовое понятие интервью, рассмотреть его специфику как научного метода, выделить основные достоинства и недостатки.

Интервью — разновидность метода опроса, специальный вид целенаправленного общения с человеком или группой людей. В основе интервью лежит обычная беседа. Однако, в отличие от нее, роли собеседников закреплены, нормированы, а цели определяются замыслом и задачами проводимого исследования.

Техники наблюдения и эксперимента обычно дают много информации. Тем не менее, применение в исследованиях *интервью* или *опросника* (анкет) представляет собой наиболее гибкую методику; она является приоритетным инструментом исследования.

Специфика интервью состоит в том, что исследователь определяет заблаговременно лишь тему предстоящей беседы и основные вопросы, на которые он хотел бы получить ответы. Все необходимые сведения, как правило, черпаются из информации, полученной в процессе общения лица, берущего интервью (интервьюера), с лицом, дающим его. От характера этого общения, от тесноты контакта и степени взаимопонимания сторон во многом зависит успех интервью, полнота и качество полученной информации.

Интервью имеет свои достоинства и недостатки по сравнению с анкетированием. Главное различие между ними — в форме контакта. При анкетировании общение исследователя и опрашиваемого опосредуется анкетой. В исследованиях при помощи анкетного опроса всегда присутствует важная подготовительная работа, которую необходимо выполнить перед составлением анкет. При этом вопросы являются лишь инструментом. Их функция — сбор информации, анализ, который позволит решить поставленные

задачи. Вопросы, содержащиеся в анкете, их смысл респондент интерпретирует самостоятельно в пределах имеющихся у него знаний. Он формирует ответ и фиксирует его в анкете тем способом, который указан в тексте анкеты либо объявлен лицом, проводящим опрос.

С каждой проблематикой связаны особые цели исследования. «Можно выделить различные приоритеты: исследования нового пространства (выделение основных аспектов некоторого феномена и определение элементов, которые могут помочь его пониманию), описание (детальное определение всех вариантов феномена в сочетании с различными изучаемыми параметрами) или объяснение (проверка, осуществляет ли тот или иной фактор ожидаемое влияние на изучаемый феномен)» [3, 56]. Когда объект и цели исследования ясно определены, следует их проанализировать, чтобы уточнить вопросы исследования.

При проведении интервью контакт между исследователем и человеком — источником информации осуществляется при помощи специалиста (интервьюера), который задает вопросы, предусмотренные программой исследований, организует и направляет беседу с респондентами, а также фиксирует полученные ответы согласно инструкции.

В этом случае четко выявляются следующие преимущества интервью: во-первых, в ходе работы с опрашиваемыми удается учесть уровень их подготовки, определить отношение к теме опроса, отдельным проблемам, зафиксировать интонацию и мимику. Во-вторых, появляется возможность гибко менять формулировки вопроса с учетом личности опрашиваемого и содержания предшествующих ответов. В-третьих, можно поставить дополнительные (уточняющие, контрольные, наводящие, поясняющие и т. п.) вопросы. В-четвертых, приближенность интервью к обыденному разговору способствует возникновению непринужденной обстановки и искренности ответов. В-пятых, интервьюер может вести наблюдение за

психологическими реакциями собеседника и при необходимости корректировать беседу.

В качестве основного недостатка этого метода следует выделить большую трудоемкость работы при незначительном количестве респондентов.

Классическая форма интервью — это так называемая индивидуальная техника, когда интервьюер обращается к небольшому числу людей, при этом к каждому по отдельности. Различные типы индивидуальных интервью разделяются, прежде всего, в зависимости от поведения интервьюера и степени стандартизированности его работы. Традиционно различают интервью ненаправленные, полунаправленные и направленные. Каждой из этих техник соответствует особый контекст исследования.

В ненаправленных интервью интервьюер кратко представляет тему, просит интервьюируемого ее проанализировать и предоставляет ему возможность свободно говорить. Интервьюер достаточно пассивен, его вмешательство ограничивается ободрением интервьюируемого и помощью в развитии мысли. В свободном интервью интервьюер не расспрашивает человека, он довольствуется тем, что слушает его, попросив высказаться по определенной теме. Его основная цель — помочь интервьюируемому высказаться и стараться не направлять его речь.

У этой техники есть важные преимущества. Она может быть использована для изучения явлений, которые никогда не были объектом углубленного изучения (нет необходимости обладать широкими знаниями для употребления этой техники, поскольку интервьюер не использует заранее подготовленные вопросы). "Ненаправленное интервью позволяет делать открытия, выявляя схемы мышления или поведения, которые до тех пор никогда не привлекали внимание исследователей" [3, 15]. Основное ограничение этого метода связано с тем фактом, что высказывания интервьюируемых сложно сравнить (поскольку интервью не направлялось, каждый развивает собственную мысль).

"Ненаправленное интервью представляет собой инструмент изучения, хорошо приспособленный для вопросов с поисковой направленностью — это основная область их применения. В этом типе опросов цель заключается не в получении точной информации, а в сборе богатого материала, на основе которого можно выделить основные аспекты изучаемого предмета" [3, 15]. Ненаправленное интервью позволяют увидеть суммарную оценку разнообразия форм поведения или разнообразия мнений и выделить факторы, которые могут объяснить наблюдаемое различие.

В полунаправленных интервью интервьюер имеет список тем, которые должны обсуждаться

в ходе опроса. В рамках отдельной темы интервьюируемый высказывается свободно. Как и в случае ненаправленного интервью, интервьюер помогает интервьюируемому, если тот затрудняется с выражением своей мысли. Метод полунаправленного интервью подходит для углубленных исследований. В подобном типе исследований руководитель опирается на предшествующие работы, связанные с данной или родственной темой, однако он должен дополнить или углубить существующую информацию. Оставляя интервьюируемому большую свободу слова в рамках каждой темы, интервьюер получает возможность доступа к новой неординарной информации. Техника полунаправленных интервью может быть использована в маркетинговых исследованиях, а также при подготовке анкетного опроса. Анализ данных, собранных в ходе интервью, позволяет выделить существенные вопросы, которые могут быть использованы для изучения различных граней явления.

При использовании метода направленного интервью интервьюер направляет беседу при помощи вопросов. Интервьюируемые отвечают в свободной форме; им не предлагаются варианты ответов. Каждый вопрос дает им возможность высказаться настолько, насколько они считают необходимым. В данном типе интервью интервьюер вмешивается, чтобы задать другой вопрос или попросить уточнений, или помочь интервьюируемому вернуться к заданной теме, если тот отвлекся от нее.

Направленное интервью позволяют осуществить исследования по проверке и контролю. Они представляют собой эффективный инструмент исследования, если мы пытаемся актуализировать некоторые знания или оценить валидность результатов, полученных при помощи других методов. Направленное интервью часто используется в качественных исследованиях. Их результаты позволяют получить детальную информацию, а также практические рекомендации. Поскольку этот тип исследования основан на стандартном списке вопросов, можно сравнивать результаты нескольких схожих исследований, осуществленных в разное время.

Направленное интервью — это техника сбора информации, в которой взаимодействие между интервьюером и интервьюируемым играет важную роль, оно представляет данные качественного характера.

Различные техники сбора информации, при которых предполагается обращение к интервьюерам, обладают общими характеристиками. Основным вариантом этой формулы является опрос при непосредственном общении. Можно выделить следующие достоинства этих техник:

ИНТЕРВЬЮ В СИСТЕМЕ МЕТОДОВ ОПРОСА

- интервьюируемые побуждаются к ответу, поскольку вопрос задан устно человеком, который ждет ответа;
- если респонденты испытывают затруднения, интервьюер может помочь им;
- интервьюер в необходимой степени контролирует беседу: он может отказаться регистрировать ошибочные ответы и попросить, чтобы они были исправлены.

Следует так же отметить имеющиеся недостатки:

- это трудоемкая и дорогостоящая процедура;
- интервьюер может повлиять на ответы, если он продемонстрирует свои реакции. В подобном случае собранная информация может содержать искажения.

Полезность исследования зависит, прежде всего, от актуальности проблематики. Для осуществления такого типа исследований необходимо обладать широкой компетенцией, владеть

методологией исследования и знать статистику (выборки, обработка данных и т. д.).

Мы акцентировали внимание на используемых в качественных исследованиях техниках интервью, основная цель которых — наиболее полное описание явлений и предоставление различных вариантов для интерпретации поведения.

ЛИТЕРАТУРА

- 1. Кузьмина Н.В. Профессиональная деятельность преподавателя и мастера производственного обучения / Н.В. Кузьмина. М.: Просвещение, 1990.
- 2. Ghiglione R. Les Enquetes sociologiques. Theories et practique / R. Ghiglione, B. Matalon. Paris: Armand Colin, 1998. 225 p.
- 3. Феннето Эрве. Интервью и опросник: формы, процедуры, результаты / Эрве Феннето. СПб.: Питер, 2004. 160 c.

ЭВОЛЮЦИЯ ЕСТЕСТВЕННО НАУЧНОЙ ТЕМАТИКИ В СМИ

© 2008 B.H. IIImena

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

О химическом комплексе России — базовом сегменте российской экономики, закладывающем основы ее долгосрочного и стабильного развития, все чаще говорит власть. Однако пресса не спешит освещать и пропагандировать эту тематику. Очевидно, потому, что пресса, посвященная химическим проблемам, представляет собой специфическую систему, рассчитанную в большинстве своем на профильную аудиторию. Соответственно, она включает в себя в основном научные, научно-популярные и специализированные издания. Имея такую узкую тематическую направленность, она, тем не менее, доказала свою устойчивость на протяжении долгого периода.

Поэтому было бы правомерно использовать имеющийся опыт, чтобы выстроить современные стратегии освещения деятельности химической отрасли, так как потребителями ее продукции являются практически все отрасли промышленности, в том числе оборонная, сельское хозяйство, сфера услуг, торговля, наука, образование, культура. От ее состояния и развития зависит уровень национальной конкурентоспособности и темпы роста экономики России в целом.

К сожалению, анализ современной прессы показывает, что она еще этого не осознала, и химическая тематика как составная часть естественнонаучной находится в полном забвении. Если она и присутствует на полосе того или иного издания, то чаще в негативной интерпретации, что явно не способствует имиджу отрасли и значимости тематики. К одному из путей возрождения научной и научно-популярной журналистики, которая прежде и разрабатывала эту тематику, следует отнести изучение опыта прошлых лет и использование его сегодня с определенной корректировкой, заданной временем.

Достаточно вспомнить, что она начиналась с разрозненных публикаций в отдельных изданиях. Материалы и сообщения на химические темы печатались уже в самых первых журналах в мире, начиная с «La Journal des Savants» в Пари-

же, издаваемом Парижской Академией наук с 5 января 1665 г., и журнале Королевского общества -^Philosophical Transactions of the Royal Society», выходящей в Лондоне с июня 1665 г. Позднее все другие издания создаваюх Цихся в Европе Академий самых первых журналах в мире, начиная с «La journal des Savants» в Париже, издаваемого Парижской Академией наук с 5 января 1665 г., и журнала Королевского общества «Philosophical Transactions of the Royal Society», выходившего в Лондоне с июня 1665 г. Позднее все другие издания создававшихся в Европе академий, будучи многопрофильными по тематике, также публиковали материалы по химии.

Это относится и к России, где созданная по Указу Петра I Академия наук стала издавать с 1726 года общенаучный журнал «Commentarii Academiae scientiarum imperialis Petropolitanae» латинском языке, а с 1728 г. выходило «Краткое описание комментариев Академии наук» на русском языке. Издание выходило до 1751 г. включительно как продолжающийся сборник научных статей и содержало статьи по химической тематике. То же можно сказать и о журналах «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие» (1755—1764) и «Труды Вольного экономического общества» (1765—1915) [1].

Однако наряду с публикацией отдельных материалов по химии, с 1788 г. в Москве, при Московском университете, в качестве приложения к газете «Московские ведомости» начал выходить и выходил 4 раза в год первый естественно-научный журнал «Магазин натуральной истории, физики и химии...», в котором химическая тематика занимала один их трех крупных отделов, получивший прямое название — «Химия». В этом отделе помещались переводы с французского языка «Химического словаря» Миккера («Dictionnaire de Chimie par M. Macquer»). Текст состоял из расширенного толкования самых различных слов и понятий, среди которых как крупные, масштабные (например, ««Химия», «Натура», «Природа» и т.

п.), так и более частные термины, обозначающие свойства тел и характеристику материалов [2].

Наряду с публикациями в научных журналах большой интерес представляют протоколы заседаний Академии наук с начала ее деятельности в 1725 г. Представляет интерес, например, протокол от 17 мая 1759 г.: «Советник Ломоносов предложил следующее: 1) Должен быть устроен экзамен студентов в университете и учеников в Гимназии, чтобы было ясно, которые из них к каким занятиям в будущем способны. 2) Должен быть составлен и напечатан каталог лекций в Университете на ближайший семестр. 3) Напомнил, чтобы те из профессоров, которые не представили согласно протоколу от 5 марта сего года конспект наиболее примечательного содержания из предмета, поспешили его представить...» [3].

Но не только об организации учебного процесса в них шла речь. Так, Н. Меншуткин рассказывает о том, что в химической лаборатории под наблюдением Ломоносова его ученик В. Клементьев выполнил свою первую научную работу, посвященную одному из главных вопросов физической химии того времени — изучению природы металлов. Далее исследователь пишет: «Четко описанные опыты, точные и правильные наблюдения происходящих явлений, логические выводы из найденных фактов показывают, что Клементьев несомненно за два года достаточно основательно прошел химию под руководством МВ. Ломоносова» [4].

Результатом занятий Клементьева у Ломоносова была также выполненная студентом работа по физической химии «Об увеличении веса, приобретенном некоторыми металлами после осаждения [5]. Этот научный труд был представлен 26 апреля 1764 г. в конференцию Академии наук и получил одобрение академиков.

Следовательно, мы имеем примеры того, как научные материалы в фиксированной форме были представлены научной общественности. Именно на этом основании исследователь Е.С. Кулебяко делает вывод, что деятельность Клементьева, оставившего заметный след в истории отечественной химии XVIII в., является ценным свидетельством плодотворной педагогической деятельности Ломоносова [6].

Статьи по химии публиковали многие специализированные журналы различных напрвлений техники и естествознания конца XVIII — начала XIX вв., но к середине XIX века начинают создаваться уже специальные химические журналы.

Первым русским химическим журналом стал «Химический журнал» Н.Н. Соколова и А.Н. Энгельгардта, 24 выпуска которого вышли в 1859/60 гг. «Журнал этот, — отмечает Н.М. Лисовский, — представляет собою не что иное, как отдельные

оттиски из каждой книжки «Горного Журнала», в котором он составляет особый отдел [7]. Особенно усилились тенденции создания журналов, целиком посвященных химической отрасли, после создания российских научных обществ - химического и физического. В 1869-1872 гг. в Санкт-Петербурге начал издаваться «Журнал Русского Химического Общества» периодичностью 9 номеров в год. Редактором этого издания является Н.А. Меншуткин. Позже, через год, он возобновляет свое издание, но оно выходит уже под названием «Журнал Русского Химического и» Физического Общества при Императорском Санкт-Петербургском университете». Сохраняется его периодичность – 9 выпусков в год. Прежним остается и редактор химического отдела – Н.А. Меншуткин. Физический отдел редактирует И.И. Боргман. Позднее, в 1931 г., преемником этого издания стал академический «Журнал общей химии» [8].

Тем самым четкая приверженность тому или иному знанию не всегда выдерживается. Чаще под одной обложкой объединяются сопредельные научные дисциплины, как, например, химия и физика. Что и подтверждает «Журнал Русского Химического и Физического Общества при Императорском Санкт-Петербургском университете».

Объявляя подписку на 1876 г. – восьмой год издания, журнал обращается к читателям, декларируя свои основные положения концепции издания.

«Программа журнала:

- I. Протоколы заседаний и мемуары, читанные в заседаниях Химического Общества.
- II. Извлечения из периодических изданий по химии, касающихся всех частей по химии: неорганической и органической химии, физической химии, аналитической и технической химии.
- III. Протоколы заседаний и статьи, читанные в заседаниях Физического Общества (под редакцией И.И. Боргмана).

IV. Краткое изложение статей по физике, чистой и прикладной, появляющихся в периодических изданиях (под редакцией О.О. Петрушевского).

Редакция, при постоянном участии А. Крупского, П. Лачинова, В. Лугинина, Н. Любавина, М. Львова и А. Потылицына, своевременно дает возможно полный отчет об успехах всех отраслей химии в России и заграницей. В составлении извлечений по физике участвуют О. Петрушевский, Д. Бобылев, И. Боргман и Н. Егоров» [9].

Содержание издания, которое предлагается читателю, полностью соответствует декларированному в первых номерах. Вот пример одного из выпусков журнала за 1875 г.

Журнал предлагает: «Отчет о деятельности Химического Общества в 1874 году. Список членов Русскаго Химического Общества Протоколы заседаний с декабря 1874 по ноябрь 1875 гг.». Далее следуют статьи. Интересно организована подача материалов. В современных дефинициях можно сказать, что избран репортажный стиль, своеобразные вести из лабораторий и отделов. Так, в оглавлении значится: «Из лаборатории СПБ. Технологического института» (с.10), «Из лаборатории С. Петербургского университета» (с. 37), «Из химической медицинской лаборатории Московского университета» (с. 47) и т. д.

Причем достаточно полно представлены научные центры страны того периода. Это Университет Св. Владимира, Казанский университет, Варшавский университет и др. Также полно дается и представление о научных исследованиях, выполняемых в этих центрах. Например, подборка материалов под рубрикой «Из химической лаборатории Московского Университета» включает в себя статьи Вл. Марковникова «Продукты окисления а оксибутириновой кислоты (с. 75), Н. Золоманова «Новый метод определения поглотительной силы почв» (с. 93) и Н. Бекетова «Заметка о влиянии весовых масс элементов на реакции замещения и двойного обмена» (с. 93).

В среднем каждый номер предлагал порядка 45-50 статей, что позволяет говорить о том, что научное знание на страницах целевых изданий было представлено весьма полно и в большом объеме. Это во многом способствовало тому, что со 2-й половины XIX в. появляются чисто химические или химико-физические журналы, посвященные либо только одной области химии, либо смежным проблемам химии и физики. Все это позволяет утверждать, что в 70-80 гг. XIX в. в стране сложилась система изданий химической отрасли. Она являлась системным компонентом средств массовой информации, представляющим научную журналистику, точнее, естественнонаучную печать. Однако наряду с научной в таких изданиях помещалась информация и о химическом промышленном производстве, о внедрении продуктов химического производства в быт людей, об образовании. Очевидно, поэтому будет гораздо точнее говорить о химической отраслевой прессе, вбирающей в себя и естественнонаучные издания, и те, которые адресованы массовому читателю.

Тем более, что формирование ее системы в том нынешнем состоянии, в котором она находится в настоящее время, пришлось на период всеобщего интереса к химии уже в 50-е — 60-е годы, когда начала осуществляться широко объявленная государственная программа химизации народного хозяйства.

Наверное, потому, что журналистам приходилось рассказывать о сложных вещах доступным языком, а гражданам понимать, что им предлагает промышленность в широком ассортименте, стали появляться специализированные газеты и журналы, рассчитанные на определенную аудиторию профессионалов, но не потерявшие при этом качеств массовой прессы — доступности, популярности. В 1975 г. во всем мире выходило около 700 химических журналов, в том числе более 100 в СССР. Из них свыше 30 наиболее важных издавались за рубежом в переводе на английский язык.

Издавались также реферативные и библиографические химические журналы.

Иногда журналистика и опережает потребности аудитории в массовом их проявлении. Это позволяет говорить о системном подходе к химической информации, а затем и к формированию системы печати химической отрасли.

Но научные знания интересуют не только узкопрофессиональную, в основном — научную, профессорскую и студенческую аудиторию, но и более широкие круги просвещенных людей. Причем потребность в этой информации проявилась уже в середине XVIII в., когда в России стали создаваться университеты, функционировала Академия наук. Уже в те годы интересоваться наукой становится в некоторой степени обязательной составляющей чертой человека, причисляющего себя к образованным людям. Именно на эту аудиторию и стали ориентироваться издания, которые позже получили название научно-популярной журналистики.

Научно-популярные журналы в России начинают появляться во второй половине XIX века. Одним из наиболее значительных из них стал журнал «Наука и жизнь», издающийся по настоящее время. Первый его номер вышел в 1890 м году. В обращении к читателям редакция писала: «Мы предпочитаем стоять на почве фактов, а потому, воздерживаясь от громких обещаний, скажем лишь немного слов: смотрите и прочтите. Каждый таким образом лучше всего определит, пригоден ли и интересен ли для него наш журнал. Добавим, что такого издания в России еще не было, а потому дело сопряжено с огромными затруднениями» [10].

Создатель журнала и, соответственно, автор первого обращения к своему читателю — Матвей Никанорович Глубоковский (1857—1903) — пояснял, что будет представлять собой новое издание. Он писал: «Так как главные затруднения уже преодолены, то естественно, что следующие номера журнала, с развитием дела, не могут быть хуже первого, а редакция приложит все старания к дальнейшему улучшению его во всех отношениях. Стоя на почве точных фактов, редакция может указать лишь на статьи, вполне приготовленные к печати; вот наиболее обширные из них: Как искать драгоценные металлы и камни (готово 209 глав); Очерки из жизни и нравов животных, водя-

щихся в России, Н.Ф. Лугского (четыре большие очерка); О лучах солнца, проф. Колли; Карлики и великаны, Эдуарда Гарнье (для 20 №№, с гравюрами, исполненными в Париже; клише уже получены в Москве); Алюминиевый век; Тибетская медицина; Религия и естествознание, Н.Н.Г. и т. д. [10]. Затем редактор сообщает, что «кроме того, заготовлено множество более мелких статей: по физике и астрономии, механике, теоретической и прикладной химии, фотографии, ботанике, зоологии, минералогии, медицине, сельскому хозяйству и т. д. [10].

Очевидно, что химическая тематика в этом издании не выделяется отдельным блоком, о чем было заявлено в первом номере журнала два века назад. Собственно, по этому пути идут практически все научно-популярные издания и сегодня, предлагая научные знания в едином контексте. Это «В мире науки», «Знание — сила» и т. д.

Но в связи с этим важно, как подается научное знание, как оно воспринимается читателем, насколько издание учитывает интересы своей аудитории. Опыт журнала «Наука и жизнь» в этом плане весьма поучителен. Так, обращаясь к читателям уже в первом номере, редактор пишет; «Ввиду значительного числа сельских подписчиков по возможности в каждом номере журнала одна страница будет посвящена садоводству и огородничеству. В № 2 будет статья о томатах; затем заготовлено много статей о всевозможных овощах, разводимых в России; гравюры ко всем, статьям уже готовы и находятся в распоряжении редакции.

Мы были бы весьма благодарны тем из читателей, которые нашли бы возможность указать нам на сделанные промахи и дать добрые советы для улучшения дела. Еще до выхода № 1 мы получили немало советов и указаний от многих весьма компетентных лиц и приносим им за то искреннюю благодарность... [10].

Судьба этих изданий типична для страны, так же как и их издателей. Из-за тяжелой болезни редактора М.Н. Глубоковского выход «Науки и жизни» прекратился в 1900 году. Позже (1904—1906 гг.) журнал под таким названием выходил в Петербурге под редакцией агронома Ф.С. Груздева, но это было скорее общественно-политическое и художественное издание. Популяризации науки оно уделяло гораздо меньше внимания, чем предыдущее издание.

Затем оно было возобновлено только в 1934 году. Редактором был назначен Н.Л. Мещеряков (1865—1942), старый большевик, публицист, впоследствии член-корреспондент АН СССР. Журнал сумел во многом сохранить программу старой версии издания. Но, разумеется, вместо «отречения от тенденциозности и политиканства» в программной статье, которая открывала первый

номер, подчеркивалось: «Все вопросы в статьях нашего журнала будут освещаться с точки зрения марксизма-ленинизма» [11].

В 1938 году «Наука и жизнь» стала органом АН СССР, а в 1948 году, после создания Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний, издание перешло в систему этого общества. Эти реорганизации заметно изменили лицо журнала. Сильно сказывалась на содержании журнала и общая атмосфера, сложившаяся в стране к тому времени. Практически обо всех открытиях и разработках советских ученых нельзя было писать по причинам сугубой секретности. О достижениях зарубежной науки и техники нельзя было писать ведь это пропаганда капиталистического образа жизни. Не могли появиться в журнале толковые статьи о многих новых отраслях науки и техники, например о буржуазных науках генетике и кибернетике. Нельзя было сообщать даже о некоторых природных явлениях, например о землетрясениях на территории СССР, чтобы враждебная v пропаганда не подхватила эту тему.

Затем с 1943 по 1961 год журнал возглавлял Александр Сергеевич Федоров, инженер-металлург. В 1961 году главным редактором стал Виктор Николаевич Болховитинов (1912—1980). Он был физик по образованию, журналист по профессии, поэт по призванию. Окончил физический факультет МГУ. Но, прежде чем прийти в журналистику, работал инженером-физиком, преподавал в средней школе и в вузе. Затем более десяти лет работал в журнале «Техника – молодежи». Он писал о Менделееве, Циолковском, Ньютоне, Лобачевском, Горьком, Леонове, Его книга «Столетов» о выдающемся русском физике не раз выходила в серии «ЖЗЛ». Был членом редколлегии «Литгазеты». А еще Болховитинов писал стихи, но никогда не публиковал их в своем журнале. Некоторые из них были напечатаны в «Науке и жизни» только после его кончины.

На его взгляды о том, каким должен быть научно-популярный журнал, должное влияние оказал А.М. Горький. Болховитинов был в той группе молодых литераторов, с которой встретился писатель в 1931 году. В журнале «Наука и жизнь» он сумел реализовать свое представление о том, каким должен быть научно-популярный журнал. Во многом этому способствовал его опыт создания в 1956 году общедоступного журнала о науке и технике для юношества «Юный техник». Пришедшие вместе с ним журналисты во многом этому способствовали, доказав, что научно-популярная журналистика — это весьма специфический вид деятельности и имеет право на отдельную специализацию.

Тираж за несколько лет вырос более чем в 20 раз, так что пришлось лимитировать подписку. Концепция издания, заложенная в 1961 году, оказалась

настолько перспективной, что она и сегодня отвечает требованиям времени. В издании по сей день сохранились основные рубрики, придуманные в те годы.

С декабря 1980 года журнал возглавил Игорь Константинович Лаговский, автор многочисленных научно-популярных статей и заметок, неоднократно переиздававшейся книги «Твое свободное время».

На примере данного издания видно, какую роль в изложении научных знаний играет личность редактора, журналиста, которые доносят их до своей аудитории. Причем не только научное, но и научнопопулярное издание тогда становится востребованным аудиторией, когда их делают профессионалы, объединив в своем лице ученого и журналиста. Очевидно, только поэтому, несмотря на все события последних десятилетий, когда пресса страны перестраивалась и многое теряла, журнал «Наука и жизнь» сохранил свои позиции пропагандиста научного взгляда на мир и своего читателя. Он и сегодня позиционирует себя как научно-популярный журнал широкого профиля, самообразования и пропаганды всего нового и передового.

Более того, для начинающих исследователей именно это издание пробуждает интерес к науке. Затем избравший научную деятельность, и в частности, химию как основную для себя, такой читатель становится активным автором научно-популярного издания и читателем, а потом и автором специализированного химического журнала. Тем самым образуется профессиональная преемственность, без которой естественно научная тематика не может состояться. Опираясь на опыт предшественников, нынешняя отраслевая журналистика имеет основания сделать новый виток в своем развитии, тем более, что с каждым днем она становится всё более востребованной обществом.

ЛИТЕРАТУРА

- 1. Акопов А.И. Периодические издания. Уч.метод, пос. для студентов-журналистов / А.И. Акопов. — Ростов-на-Дону, 1999. — С. 15-17.
- 2. Акопов А.И. Отечественные специальные журналы 1765-1917 / А.И. Акопов. Ростов-на-Дону, 1986. С.12-13.
- 3. Протоколы заседаний Конференции императорской Академии наук с 1725
- по 1803 год: в 4 т. / Под ред. К.С. Веселовского. СПб., 1899. Т.П.С. 540.
- 4. Меншуткин Б.Н. Труды М.В. Ломоносова по физике и химии / Б.Н. Меншуткин. М.; Л., 1936. С. 448.
- 5. Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. / М.В. Ломоносов. Т. 10. С. 524.
- 6. Кулебяко Е.С. Замечательные питомцы Академического университета / Е.С. Кулебяко . Л., 1977. С. 87.
- 7. Лисовский Н.М. Библиография русской периодической печати 1703—1900 (Материалы для истории русской журналистики): В 2 т. Репринт / Н.М. Лисовский. М.: Литературное обозрение, 1995. Т.1. С. 156.
- 8. См.: Лисовский Н.М. Библиография русской периодической печати 1703—1900 (Материалы для истории русской журналистики): В 2 т. Репринт / Н.М. Лисовский. М.: Литературное обозрение, 1995. Т.1. С. 243.
- 9. Журнал Русского Химического Общества и Физического Общества при Императорском С.-Петербургском университете. Т. VII. Отдел первый. Петербург, 1875. С. 3.
  - 10. Наука и жизнь. 1890. № 1. С.16.
  - 11. Наука и жизнь. 1934. № 1. С. 3.

НАШИ АВТОРЫ

Азиз Тахсин Раззак, аспирант кафедры общего языкознания и стилистики Воронежского государственного университета.

Аносова С.В., соискатель кафедры телевизионной и радиожурналистики факультета журналистики Воронежского государственного университета, корреспондент газеты «Ровесник -Тамбов».

Аниськина Н.В., старший преподаватель кафедры теории и практики перевода Тольяттинского государственного университета.

Балдина Е.М., аспирант кафедры русской литературы XX века филологического факультета Воронежского государственного университета.

Быкова О.В., соискатель кафедры теории и истории журналистики БелГУ, ведущая программ филиала ВГТРК ГТРК «Белгорол».

Васильева М.А., ученый секретарь Библиотеки-фонда «Русское Зарубежье» (Москва), ответственный секретарь издательства «Русский путь» (Москва).

Воскресенская М.А. канд. истор. наук, докторант кафедры истории России и зарубежных стран Санкт-Петербургского государственного университета.

Гуреев В.Н., старший преподаватель кафедры гуманитарных наук и искусств Воронежского государственного университета.

Дробышева Т.В. соискатель кафедры общего языкознания и стилистики филологического факультета, преподаватель Воронежского государственного университета кафедры английского языка естественнонаучных факультетов $P\Gamma\Phi$.

Журчева О.В., доцент кафедры русской и зарубежной литературы и методики преподавания литературы Самарского государственного педагогического университета.

Золина Г.Д., аспирант кафедры печати и рекламы факультета журналистики ГОУ ВПО «Кубанский государственный университет», заместитель губернатора Краснодарского края по вопросам социального развития.

Казак М.Ю., доктор филол. наук, профессор кафедры языка и стиля массовых коммуникаций Белгородского государственного университета.

Калеел Ахмед К., аспирант кафедры общего языкознания и стилистики Воронежского государственного университета.

Калинина Е.Л., аспирантка кафедры русского языка и методики его преподавания Благовещенского государственного педагогического университета им. М.И. Калинина.

Карякина Л.А., аспирант кафедры русской литературы XX века филологического факультета Воронежского государственного университета.

Ковальчук Г.Л., аспирант 3 года обучения кафедры теории и практики электронных СМИ Казанского государственного университета.

Колобов В.В., канд. филол. наук, преподаватель кафедры рекламы и дизайна Воронежского государственного университета.

Колтакова С.В., аспирантка факультета РГФ Воронежского государственного университета.

Кудинова Л.В., аспирант кафедры истории журналистики факультета журналистики Воронежского государственного университета.

Мерекина Е.В., аспирант кафедры русского языка Благовещенского государственного педагогического университета, старший преподаватель кафедры культуры Дальневосточного государственного аграрного университета.

Млечко А.В., канд. филол.наук, доцент, заведующий кафедрой журналистики Волгоградского государственного университета.

Могилевская Э.В., редактор Интернет-агентства «Вебстрой», Рстов-на-Дону.

Шао Наньси, аспирантка кафедры общего языкознания и стилистики филологического факультета Воронежского государственного университета.

Паничкина О.В. старший преподаватель кафедры английского языка факультета иностранных языков Липецкого Государственного Педагогического Университета.

Пенталь Д.В., аспирант кафедры романской филологии факультета РГФ Воронежского государственного университета.

Полянская Т.М., аспирантка кафедры Отечественной истории Московского городского педагогического университета.

Прасолов М.А., канд. философ. наук, доцент кафедры философии Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (г. Санкт-Петербург).

Романова Р.М., канд.филол. наук (Москва).

Савельева И.П., аспирант кафедры немецкой филологии Кубанского Государственного Университета. МОУ сош №31, учитель немецкого и английского языков.

Сергеева И.А., аспирант кафедры русского языка и методики его преподавания Благовещенского государственного педагогического университета.

Симанова Т.А., преподаватель кафедры «русский язык как иностранный» Белгородского государственного технологического университета им. В.Г. Шухова, соискатель кафедры общего языкознания и стилистики ВГУ.

Синенко Т.В., аспирант факультета журналистики кафедры телевидения и радиовещания Воронежского государственного университета.

Толстунова М.А., аспирант 2-ого года обучения кафедры журналистики Нижегородского государственного университета.

Федонина Е.С., аспирант кафедры английской филологии и СТО, ассистент кафедры английского языка для ФСК и ЮФ Астраханского государственного университета.

Фролова Ю.Ю., аспирант кафедры русской литературы XIXвека, теории и методики преподавания литературы Воронежского государственного педагогического университета.

Хорольский В.В., доктор филол. наук, профессор кафедры истории журналистики Воронежского госуниверситета.

Хади Али Х., аспирант филологического факультета кафедра общего языкознания и стилистики Воронежского государственного университета.

Хлопкова Е.В., ассистент кафедры английского языка для факультета социальных коммуникаций и юридического факультета Астраханского государственного университета.

Люй Цзиньянь, аспирант филологического факультета Воронежского государственного университета.

Шапошников А.А., преподаватель Российского государственного социального университета.

Швец Е.В., ст. преподаватель кафедры «Связи с общественностью» Воронежского государственного Архитектурно-строительного университета

Шевченко Е.С., канд. филол. наук, докторант кафедры русской и зарубежной литературы Самарского госуниверситета

Шильникова О.Г., канд. педагогических наук, доцент кафедры журналистики Волгоградского госуниверситета.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

1. Общие положения

- 1.1. Журнал «Вестник Воронежского государственного университета» принимает к публикации материалы, содержащие результаты оригинальных исследований, оформленных в виде полных статей, кратких сообщений, а также обзоры (по согласованию с редакцией). Опубликованные материалы, а также материалы, представленные для публикации в других журналах, к рассмотрению не принимаются.
- 1.2. Полные статьи принимаются до 20 страниц рукописи и содержат до 6 рисунков, краткие статьи до 5 страниц и до 4 рисунков.
- 1.3. Статья должна быть написана сжато, аккуратно оформлена и тщательно отредактирована. Не допускается искусственное разбиение материала одной статьи на несколько меньших по объему публикаций, а также дублирование одних и тех же данных в таблицах, на схемах и рисунках.
- 1.4. Для публикации статьи авторам необходимо представить в редакцию следующие материалы и документы:
- 1) направление от организации (для граждан России) (в 1 экз.); подписанный всеми авторами текст статьи, УДК, таблицы, рисунки и подписи к ним (все в 2 экз.);
- 2) аннотацию и название статьи, инициалы и фамилию автора на русском и английском языках (в 2 экз);
- 3) файлы всех представляемых материалов на дискете;
- 4) сведения об авторах: их должности, ученые степени и научные звания, служебные адреса и телефоны, телефаксы и адреса электронной почты с указанием автора, ответственного за переписку с редакцией.
- 1.5. В течение недели со дня поступления рукописи в редакцию авторам направляется уведомление о ее получении с указанием даты поступления и регистрационного номера статьи.
- 1.6. Статьи, направляемые в редакцию, подвергаются рецензированию и в случае положительной рецензии научному и контрольному редактированию.
- 1.7. Статья, направленная автору на доработку, должна быть возвращена в исправленном виде (в 2 экз.) вместе с ее первоначальным вариантом в максимально короткие сроки. К переработан-

ной рукописи необходимо приложить письмо от авторов, содержащее ответы на все замечания и поясняющее все изменения, сделанные в статье. Статья, задержанная на срок более трех месяцев или требующая повторной переработки, рассматривается как вновь поступившая.

В публикуемой статье приводятся первоначальная дата поступления рукописи в редакцию и дата принятия рукописи к печати после переработки.

2. Структура публикаций

- 2.1. Публикация полных статей, кратких сообщений и обзоров начинается с индекса УДК, затем следует заглавие статьи, инициалы и фамилии авторов, развернутые названия научных учреждений. Далее приводится дата поступления материала в редакцию, а затем краткие аннотации на русском и английском языках.
- 2.2. Редколлегия рекомендует авторам структурировать представляемый материал, используя подзаголовки: ВВЕДЕНИЕ, МЕТОДИКА ЭКС-ПЕРИМЕНТА, ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ, ЗАКЛЮЧЕНИЕ, СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.

3. Требования к оформлению рукописи

- 3.1. Текст статьи должен быть напечатан через полтора интервала на белой бумаге формата A4, с полями 2,5 см с левой стороны, размер шрифта 14 (Times New Roman Cyr).
- 3.2. Все страницы рукописи, включая список литературы, таблицы, подписи к рисункам, рисунки следует пронумеровать.
- 3.3. Каждая таблица должна иметь тематический заголовок.
- 3.4. Уравнения, рисунки, таблицы и ссылки на литературу нумеруются в порядке их упоминания в тексте.
- 3.5. Рисунки прилагаются отдельно (в 2 экз.). Формат рисунка должен обеспечивать ясность передачи всех деталей. Надписи на рисунках даются на русском языке; размерность величин на осях координат обычно указывается через запятую (например, U, B; t, c). Подрисуночная подпись должна быть самодостаточной, без апелляции к тексту. На обратной стороне рисунка следует указать его номер, фамилию первого автора, пометить, если требуется, "верх" и "низ".

- 3.6. Полутоновые фотографии (используются только при крайней необходимости) представляются на белой глянцевой бумаге (в 2 экз.), ксерокопии не принимаются.
- 3.7. Ссылка на использованную литературу дается в тексте цифрой в квадратных скобках. Если ссылка на литературу есть в таблице или подписи к рисунку, ей дается порядковый номер, соответствующий расположению данного материала в тексте статьи. Ссылки на неопубликованные работы не допускаются. Список литературы оформляется в соответствии с ГОСТ 7.1- 2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание, ссылки располагаются в порядке цитирования.
- 3.8. Греческие буквы в тексте следует подчеркнуть красным карандашом, буквы латинского рукописного шрифта отмечать на полях. В рукописи следует четко различать написание букв латинского, русского и греческого алфавитов, имеющие сходные начертания (C, c; K, к; P, p; O, o; S, s; U, и; V, v; n, h, u; g и q; а, α , и d, ξ и ζ ; е и ℓ ; I и J; v и ν ; х и χ . и т.д). Необходимо четко различать в индексах написание запятой (,), штриха ('), единицы (1) и т.д. Прописные буквы подчеркиваются карандашом двумя черточками снизу, а строчные сверху.
- 3.9. Химические и математические формулы и символы в тексте должны быть написаны четко и ясно. Необходимо избегать громоздких обозначений, применяя, например, дробные показатели степени вместо корней, а также ехр для экспоненциальной зависимости. Химические соединения следует нумеровать римскими цифрами, математические уравнения арабскими.

Химические формулы и номенклатура должны быть лишены двусмысленности.

4. Требования к оформлению электронной версии

- 4.1. В состав электронной версии должны входить: файл, содержащий текст статьи и иллюстрации, и файлы, содержащие иллюстрации. Текст статьи должен быть набран шрифтом Times New Roman Cyr, 14-й кегль, через 1,5 интервала.
- 4.2. К комплекту файлов должна быть приложена опись (возможно в виде файла) с указанием названия и версии текстового редактора, имен файлов, названия статьи, фамилий и инициалов авторов.
- 4.3. Файлы должны передаваться на 3,5-дюй-мовой дискете.
- 4.4. Основной текст статьи должен быть представлен в формате Microsoft Word (для серии Физика, математика можно использовать редакторы Тех, LaTex) с точным указанием версии редактора.
- 4.5. При подготовке графических объектов желательно использовать форматы TIFF, JPEG, BMP, WMF. При подготовке файлов в растровом формате желательно придерживаться следующих требований:
- для сканирования штриховых рисунков -300 dpi (точек на дюйм);
- для сканирования полутоновых рисунков и фотографий не менее 200 dpi (точек на дюйм).
- 4.7. Графические файлы должны быть поиме—нованы таким образом, чтобы было понятно, к какой статье они принадлежат и каким по порядку рисунком статьи они являются. Каждый файл должен содержать один рисунок.
- 4.8. Таблицы являются частью текста и не должны создаваться как графические объекты.